

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук

Власть и элиты Power and elites

Том 5

Санкт-Петербург
2018

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg
EXECUTIVE BOARD
A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof. St. Petersburg
D.Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Власть и элиты / Гл. ред. А.В.Дука. Т.5. СПб.: Интерсоцис, 2018. — 624 с.

Power and Elites / Ed. by A. Duka. Vol.5. St. Petersburg: Intersotsis, 2018. — 624 p.

Альманах посвящен теоретическим и методологическим проблемам изучения власти и элит, вопросам эволюции и функционирования властных групп в России и других странах, трансформации российского общества, структур власти и практик групп доминирования. Особое внимание уделено сравнительным исследованиям элит, а также взаимовлиянию элитных групп и гражданского общества.

Издание представляет интерес для широкого круга обществоведов, исследующих проблемы власти и властных групп, преподавателей социологии, политологии и истории, а также политических практиков – экспертов, консультантов и действующих политиков.

Утверждено к печати Ученым советом
Социологического института РАН ФНИСЦ РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, грант № 18-011-20088\18 от 31.08.2018.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дука А.В.</i> Власть и общество в потоке перемен. Вместо предисловия	7
Формирование общенациональной элиты	
<i>Лапина Н.Ю.</i> Время Макрона: кто пришел к власти во Франции?	25
<i>Тев Д.Б.</i> Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России	54
Элиты за пределами формального	
<i>Соловьев А.И.</i> Правящее меньшинство современной России: камо грядеши?	87
<i>Дука А.В.</i> Властные элиты в пространстве скандала (случай генерала Золотова)	110
<i>Римский В.Л.</i> Архаизация политических элит и государственного управления России	150
Власть в этнополитическом контексте	
<i>Ачкасов В.А.</i> Власть и русский национализм в современной России.....	180
<i>Карбаинов Н.И.</i> Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления	211
Региональные и местные элиты	
<i>Чирикова А.Е.</i> Предвыборные коалиции в условиях прямых выборов в малом российском городе (районе): взгляд в недавнее прошлое.....	238
<i>Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.</i> Муниципальная власть: мотивация актеров и практики взаимодействия с регионалами	263
<i>Пустовойт Ю.А.</i> Земля и воля: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах	295
<i>Быстрова А.С.</i> Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей	331

Бахтин Г.О. Российские региональные элиты: специфические черты мышления (на примере депутата И.В. Высоцкого).....360

Региональные элиты и спорт

Колесник Н.В. «О спорт, ты мир»: о взаимодействии власти и спорта в российских регионах 387

Белюсов Г.Ф. Влияние профессиональных борцов на политические процессы в республике Северная Осетия — Алания: к постановке проблемы 418

Элиты в социокультурном измерении

Завершинский К.Ф. Символические измерения социокультурной динамики современных политических элит 438

Гуторов В.А. Элиты и образование: опыт политико-теоретического анализа 461

Демократия и гражданское участие

Фомичев И.А. К вопросу об идейных истоках современной демократической традиции 484

Мищенко А.С. Изучение низовых экологических движений за рубежом: история, теоретические подходы, методология 526

Невский А.В. Добровольные спасатели в системе ликвидации ЧС в России: к вопросу о взаимодействии гражданских организаций и государства 562

Флягин А.М. Актуальные проблемы функционирования институтов власти (по материалам XVII Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»).....589

Витковская Т.Б., Мохов В.П. Олег Борисович Подвинцев.....612

Сведения об авторах 618

Contributors.....621

CONTENTS

A. <i>Duka</i> . Power and society in the flow of change. Instead of the Preface	7
Shaping of the National Elite	
N. <i>Lapina</i> . The time of Macron: who came to power in France?	25
D. <i>Tev</i> . Business as a source of recruitment of the federal administrative and political elite of Russia	54
Elites beyond the Formal	
A. <i>Solovyov</i> . The ruling minority of modern Russia: quo vadis ?.....	87
A. <i>Duka</i> . Power elites in the space of scandal (case of General Zolotov).....	110
V. <i>Rimskiy</i> . Archaization of political elite and public administration of Russia	150
Power in the Ethno-Political Context	
V. <i>Achkasov</i> . Power and Russian nationalism in contemporary Russia.....	180
N. <i>Karbainov</i> . Ideology of 1552 in post-Soviet Tatarstan: elitist versions and mass representations	211
Regional and Local Elites	
A. <i>Chirikova</i> . Pre-election coalitions in the context of direct elections in a small Russian town (district): a look into a recent past.....	238
A. <i>Chirikova</i> , V. <i>Ledyayev</i> . Municipal power: motivation of actors and practices of interaction with regional authorities	263
Yu. <i>Pustovoyt</i> . Land and freedom: urban regimes and protest communities in Siberian cities	295
A. <i>Bystrova</i> . Resignation and election of 2018: update governors, pool recruiting and career of new characters	331

<i>G. Bakhtin.</i> Russian regional elites: specific patterns of thinking (on the example of the deputy I.V. Vysotsky).....	360
--	-----

Regional Elites and Sport

<i>N. Kolesnik.</i> “Oh sport, you are the world”: on the interaction of power and sport in the Russian regions.....	387
<i>G. Belousov.</i> The influence of professional wrestlers on political processes in the Republic of North Ossetia — Alania: outlining the problem.....	418

Elites in the Socio-Cultural Dimension

<i>K. Zavershinskiy.</i> Symbolic dimensions of socio-cultural dynamics of contemporary political elites	438
<i>V. Gutorov.</i> Elites and education: an experience of political and theoretical analysis	461

Democracy and Civil Participation

<i>I. Fomichev.</i> On intellectual foundations of the modern democratic tradition	484
<i>A. Mishchenko.</i> The study of grassroots environmental movements: the history, theoretical approaches, methodology.....	526
<i>A. Nevskiy.</i> Voluntary rescuers in the emergency response system in Russia: on the problem of interaction between civic organizations and the state	562
<i>A. Flyagin.</i> Actual problems of functioning of power (based on materials of the XVII all-Russian scientific seminar “Social problems of institutes of power in the conditions of the Russian transformation”).....	589
<i>V. Mohov, T. Vitkovskaya.</i> In Memoriam Oleg Podvintsev	612
Contributors.....	621

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПОТОКЕ ПЕРЕМЕН. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

А.В. Дука

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.1>

Аннотация. В тексте излагается краткое содержание и анализ статей в Альманахе. Параллельно рассматриваются некоторые тенденции эволюции политического процесса – как общие, так и специфические для России. Особо выделяется деполитизация публичного пространства и государственного управления. Это проявляется в возрастании роли бюрократии и умалении роли избираемых политиков и представительных органов власти. Наблюдается усиление роли неформальных сетевых структур властных групп. Можно утверждать, что происходит крушение традиционного публичного пространства. Уменьшается его роль как места, где происходят значимые дискуссии по принятию решений, касающихся принципиальных вопросов развития общества. Публика перестает быть значимой в политическом процессе. Частично это связано с глобализационными процессами, а частично с изменением принципов управления обществом и возвышением менеджеров. Помимо этого, наблюдается усиливающаяся дисфункциональность властных групп и их отчуждение от основной массы населения.

Ключевые слова: элиты, власть, властные группы, сетевые структуры, рекрутирование, выборы, деполитизация, национализм, политический процесс, архаизация, институционализация, спорт, образование, общественные движения, добровольческие организации.

Пятый том альманаха составили в основном статьи, написанные на основе докладов, прозвучавших на XVII всероссийском семинаре «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». Семинар прошел в Санкт-Петербурге в октябре 2018 г. Но статьи в некоторых случаях отличаются от докладов или по крайней мере их интерпретаций. В обзоре А.М. Флягина, помещенном в заключительной части кни-

ги, дана версия услышанного. Надо подчеркнуть, что она авторская — в компоновке материала, и в его изложении и интерпретации. В статьях, во-первых, письменный текст, во-вторых, часть докладчиков после обсуждений и дискуссий внесла коррективы в свои опусы. Собственно, семинар и предполагает взаимное воздействие участников друг на друга, приводящее к некоторому изменению представлений о рассматриваемом предмете. Профессиональное сообщество при всем своем методологическом и методическом разнообразии задает некие общие научные рамки, в которых действуют определенные конвенции. Поэтому научный семинар полилогичен, способствует развитию наших исследований, а сказанное может отличаться от написанного позже.

Помимо «семинарских» текстов, в книге присутствуют статьи коллег, опосредованно занимающихся властными отношениями. Раздел «Демократия и гражданское участие» как раз объединяет таких исследователей. Однако затрагиваемые в нем общие и частные проблемы структурирования властных отношений и социальных иерархий важны для понимания контекста функционирования нашего главного объекта изучения — властных элит.

Первые статьи посвящены формированию общенациональных элит. Франция и Россия. Страны разные, и принципиально разные процессы. Можно даже сказать, разнонаправленные. Во Франции элиты обновляются — в России стабилизируются. Во Франции партийная система трансформируется — в России при анализе властных групп партийная принадлежность может быть и не столь важна.

Открывает раздел статья *Н.Ю. Лапиной* «Время Макрона: кто пришел к власти во Франции?» Автор обстоятельно рассказывает о предыстории прихода к власти восьмого президента Республики. Кризис власти и кризис системных партий с избранием Э. Макрона не разрешился, что видно по бурной осени 2018 г. Более важно, что в статье показывается фактическая деполитизация политической власти, отдаление властных групп от народа, снижение демократии. Не только статистические данные и опросы фиксируют эту эволюцию политической жизни страны. Изменение в правительстве Макрона фиксируют, что представители гражданского обще-

ства постепенно проигрывают конкуренцию с технократами. Собственно, сам президент в меньшей степени политик. Технократ, прагматик и ставленник финансовых кругов, ориентированных прежде всего на глобальные институты и процессы, Макрон обновил французскую политику. Автор показывает, что за обновлением национальной элиты пока не последовало обновления на региональном и локальном уровнях. Но уже видно, что произошли достаточно серьезные изменения. Пока не совсем ясно, насколько они связаны со сменой поколений и приходом новых лиц, или происходит изменение политики и трансформация политического пространства. И не всегда эти процессы совпадают. Причем, серьезные перемены могут быть связаны не с новым поколением, как это происходило в Италии в начале 1990-х, где активную роль играл Сильвио Берлускони. Из истории мы знаем, что реакция различных социальных сил на обновление может быть сильной, особенно когда затрагиваются материальные интересы. И возможно, движение «желтых жилетов» во Франции только начало.

Д.Б. Тев в своем тексте «Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России» подтверждает давно замеченную исследователями тенденцию плутократизации российской политико-административной элиты. Ценность статьи не только в подтверждении этого тезиса на основе анализа более тысячи ста биографий депутатов Госдумы шестого созыва и высших административных персон, но и во включении этого процесса в институциональный контекст. Конечно, в той или иной степени влияние экономических боссов и институтов в буржуазном обществе естественно. Более того, это неотъемлемая часть капитализма. Но в российских условиях непосредственная связь бизнеса и политической элиты связана со спецификой «кумовского» характера капитализма. Слабость гражданского общества и давление административных структур создают благоприятные условия не только для авторитарных тенденций, но и для власти-для-своих и привилегий-для-своих. Проводником такой политики в значительной степени являются агенты экономических структур в институтах политико-административной власти.

Раздел «Элиты за пределами формального» состоит из трех статей. В первой описывается ситуация серьезной трансформации российских властных групп. В последней — стремление элит назад в управленческое и иерархическое прошлое. «Средняя» статья говорит о незаконченности длительного пути к становлению «обычности» власти, государства и общества в нашей стране. Во всех текстах присутствует разрыв между прописанным, предписанным и ожидаемым, с одной стороны, и разнонаправленной реальностью — с другой. Хотя нужно сказать, что и предыдущие сюжеты касались этой стороны политического процесса.

А.И. Соловьев в статье «Правящее меньшинство современной России: камо грядеши?» задается не столько футурологическим вопросом, напрашивающимся из заглавия, сколько предлагает, пока еще не вполне четкий ответ на вопрос: «Куда мы пришли?» Нечеткость связана с происходящими на наших глазах принципиальными изменениями политики. Мы в начале пути, и очертания будущего политического порядка не вполне ясны. Но некоторые характеристики этой трансформации мы можем дать. Во-первых, историческое развитие политической сферы привело к подрыву оснований существования элиты как формы правящего меньшинства. Элиты исчезают, как постепенно на «нет» сходит представительная демократия. Причем это мировое явление. Во-вторых, умирает общественное благо как целеполагание основных политических акторов. Вместе с ним деградирует и публичная сфера. Прагматизм государственного управления исключает не только публику, но и тех властных персон, которые не укладываются в равновесную систему акторов, ориентированных в основном на распределение и потребление ресурсов, которые они контролируют. В-третьих, возрастает роль неформальных институтов, которые становятся доминирующими. Отсюда падение публичных институтов. В-четвертых, выстраивается система сетевых интересов и сетевой структуры «неформальных коалиций правящего класса». Автор указывает на гибкость властных групп и их чувствительность к переменам. Они реагируют и перестраиваются раньше общества. Вместе с тем Александр Иванович не исключает и другие сценарии развития. В частности, связанные с эволюцией традиционных форм репрезентации власти и осуществления управления.

В статье «Властные элиты в пространстве скандала (случай генерала Золотова)» *А.В. Дука* разбирает скандал, связанный с вызовом генералом В. Золотовым блогера А. Навального на дуэль. Но статья не о дуэли. Она о том, как в политическом скандале проявляется состояние российского государства, политического процесса и властных элит. Скандал нарушает границы приемлемого для общества. И в этом отношении он демонстрирует, насколько далеко заходят в своих действиях участники скандала. Но одновременно он показывает пределы общественной терпимости и терпения. Когда же в скандале замешаны элитные персоны, реакция государственных инстанций становится весьма существенной и для самого государства, и для общественного мнения. Автор фиксирует недостаточность институционализации современного российского государства. Оно не вполне автономно от властных элит, рассматривающих его как свое владение. Но и элиты не до конца институционализировались. Интериоризация социальных ролей, связанных с занимаемыми высокими позициями, членами элитного сообщества не завершилась. Высокая степень контроля над СМИ не может компенсировать легитимность. Кроме того, можно утверждать, что процесс институционализации гражданского общества застыл. Его структурирование находится в начале пути.

Статья *В.Л. Римского* «Архаизация политических элит и государственного управления России» повествует о весьма непростом предмете. Автор выдвигает гипотезу о влиянии процессов архаизации на процесс отечественной модернизации. Причем предполагается, что эти процессы более существенны, чем индустриальные и постиндустриальные. Центральной категорией в анализе автора выступает «социокод», содержание которого заимствовано у *М.К. Петрова*. Особенность российской элиты и задаваемого ею вектора общественного развития связаны с архаичностью доминирующего социокода. И что очень существенно для автора — элиты в большей степени подвержены архаизации, чем основная масса населения. Но автор рассматривает архаику не как нечто негативное. В российском обществе (как и в некоторых азиатских) ее функции связаны с социетальной стабилизацией, общественной устойчивостью. Специфичность российской модернизации, безусловно,

социокультурна. Однако особость социокультурного комплекса, несмотря на его очевидность, достаточно сложно научно эксплицировать. Возникновение различных версий его описания и объяснения с XIX в. по сей день вполне правомерно и естественно. Владимир Львович пишет о трудности эмпирической проверки выдвигаемой гипотезы. Но есть еще проблемы конструкции. Так, автор пишет о российской клановости как о следствии архаизации. Но клановость существует и в западном мире (особенно это заметно в США) с его иным социокodem. Кроме того, необходимо различать клановость на Северном Кавказе и клановость в Москве. Внешне, может быть, и схоже. Но по существу очень разные явления. И это не единственная проблема, требующая дальнейшего размышления и уточнения заявленной интерпретации нашей эволюции. Ведь, действительно, постоянная рецессия в российской истории видна. Связана ли она с глубинными основаниями или с персональными предпочтениями властных групп? В.О. Ключевский отметил: «Из всех философских влияний, навевавшихся на Петра, он воспринимал только политику, цели и средства, а не право, не принципы» [Ключевский 1990: 348]. Видно, другие принципы как раз и не давали принять новые. Историк приводит весьма примечательные слова Петра I, сохранившиеся в предании: «Европа нужна нам еще на несколько десятков лет, а там мы можем повернуться к ней спиной» [Ключевский 1983: 16]. Такой инструментальный подход свойственен не только XVIII в. И важно объяснить такое направление мысли и действия.

Проблемы этнических отношений и их регулирования для России имеют чрезвычайное значение. В разделе «Власть в этнополитическом контексте» рассматриваются проблемы этнической идентичности в их теоретическом и практическом воплощении. Статья В.А. Ачкасова «Власть и русский национализм в современной России» заканчивается пророческим суждением о наличии политического будущего у русского национализма. Вывод ученого строится на нескольких основаниях. Представляется, что наиболее важное — отсутствие, как пишет автор, у российского посткоммунистического государства ориентации на создание демократических или гражданских идентичностей. Валерий Алексеевич очень

подробно показывает метания государства и властных элит в поисках ответа на вопрос: как же себя назвать, чтобы от этого нам было хорошо и чтобы все поверили, что это так? В условиях крушения империи сразу (а прошедшие четверть века для истории очень маленький срок) не ответишь. Тем более, что внутренняя и внешняя политическая и идеологическая борьба дает много новых «вводных». Отсюда преобладающая инструментальность у властных групп при попытках разъяснить нам, кто мы такие.

Но помимо русского национализма в нашей стране присутствуют национализмы других этносов. Текст *Н.И. Карбаинова* «Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления» как раз об этом явлении в связи с историческим событием и конструируемой исторической памятью. 1552 год — знаменательный в истории России и Татарстана. Однако оценки тех событий прямо противоположные. Митрополит Иоанн (Сычев) писал по этому поводу: «В 1552 году успешно закончился “крестовый” поход против казанских татар. Были освобождены многие тысячи христианских пленников, взята Казань, обеспечена безопасность восточных рубежей» [Иоанн 1995: 143]. А на сайте «Тукай авылы» можно прочитать: «Одним из самых трагических и зловещих событий в истории татарского народа, повлекшим его длительный упадок и едва не приведшим к полному исчезновению с карты мира, является взятие столицы Казанского ханства русскими войсками под предводительством Ивана Грозного 15 октября 1552 года» [Сегодня... 2008]. Очевидно эмоционально-политическое напряжение. Максимально оно проявилось в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Татарская элита активно участвовала в отмечании «Дня памяти», в подогревании националистических антироссийских настроений.

Всплески национализма наблюдаются и в последнее время. Борьба региональной национальной элиты за большую автономию от федерального центра и за контроль над ресурсами продолжается. Но настроение внутри республиканского общества сейчас отличаются от тех, что были четверть века назад. Однако проблема конструирования прошлого и борьба за это прошлое остаются. Николай Иванович исследует дискурс элит и массовые представле-

ния в рамках продолжающихся войн памяти. В рамках исследовательского проекта были взяты интервью и проведен массовый опрос. Результаты исследования оказались неожиданными. В массовом сознании события XVI в. малозначимы. Более важной оказалась Великая отечественная война. Элитная националистическая идеология, как пишет автор, не выдерживает конкуренции с официальной общенациональной. Тем не менее в умеренной форме татарский национализм играет существенную роль в деятельности региональных элит.

Раздел «Региональные и местные элиты» — самый объемный в книге. Открывается он статьей *А.Е. Чириковой* «Предвыборные коалиции в условиях прямых выборов в малом российском городе (районе): взгляд в недавнее прошлое». Автор традиционно для себя строит рассуждения на основе анализа серии глубинных интервью с лидерами местной власти в малых городах в нескольких российских регионах. В центре анализа — предвыборные коалиции. Алла Евгеньевна показывает, что успех зависит от того, обладают ли претенденты ресурсами — репутационными, информационными, административными, финансовыми, силовыми, и смогут ли они ими эффективно распорядиться. Понятно, что в реальной жизни существует диверсификация этих ресурсов. Отсюда возникает задача по созданию коалиций их обладателей. Не все могут добровольно согласиться. На это есть, в том числе, разнообразные способы принуждения, на основе чего возникают вынужденные коалиции. Исследователь показывает, как складываются и работают коалиции, какие акторы и как действуют в процессе выборов. Существенно, что автор изучает прежде всего неформальные договоренности и действия — то, что в большинстве случаев скрыто для стороннего наблюдателя. В своих выводах Чирикова достаточно скептически относится к практике прямых выборов и реальному свободному влиянию избирателей на электоральный процесс.

Вторая статья под авторством *А.Е. Чириковой* и *В.Г. Ледаева* «Муниципальная власть: мотивация акторов и практики взаимодействия с регионалами» также основывается на глубинных интервью в трех регионах. Исследователи обнаружили низкую способность муниципальных лидеров самостоятельно принимать

решения и совершенствовать управление на локальном уровне. Это связано со слабой мотивацией властных персон. Причиной этому является эмоциональное выгорание и нежелание рисковать. Жесткий контроль сверху не способствует выработке навыков самостоятельности и энергичной активности. Выстроенная вертикаль, которую усиленно взращивали в последние полтора десятилетия, дала результат. Как пишут авторы, ссылаясь на материалы интервью, даже если сейчас дать вертикальное послабление, ситуация не изменится. Вместе с тем патронаж со стороны региона оказывается асимметричным. Региональный центр мало волнует проблемы подведомственной территории. Наряду с сильным авторитарным давлением губернской администрации действуют также персональные, локальные факторы, особенности социально-экономической ситуации, приводящие к разнообразию форм взаимодействия двух уровней властей.

В тексте Ю.А. Пустовойта «Земля и воля: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах» рассматривается взаимодействие городских властей и протестного сообщества. Теоретическая рамка, используемая в исследовании — концепция городских режимов. Автор выделяет два измерения для характеристики городского режима: «монополия — полиархия» и «персонализм — безличность». В результате получилось четыре режима: режим координации, режим «войны всех против всех», честный авторитаризм и режим контроля. Они оказались соотносимыми с эмпирически наблюдаемыми случаями.

Тексты, посвященные муниципальной власти и локальным элитам, по прочтении могут вызвать у читателя некоторый пессимизм. Авторы вскрывают механизмы и практики власти, которые не вполне ассоциируются с демократией. Более того, Ю.А. Пустовойт делает важное наблюдение, касающееся оппонентов нынешних элит — большинство протестов по своим методам недемократические. Происходит использование тех же способов и методов политической борьбы, которые применяют и власти. В этом ничего удивительного нет. Контекст и исторический опыт задают формы активности в публичной сфере.

Следующий сюжет связан с обновлением состава глав регионов. Формирование губернаторского корпуса в 2018 г. перестало

быть рутинной процедурой. Неожиданный неуспех нескольких кандидатур, поддерживаемых федеральным центром, показал слабую поддержку правящей партии и частичную делигитимацию политической конструкции, в которой она играет важную символическую и административную роль. Следствием этого явились заявления ряда губернаторов, что они пойдут на выборы не от «Единой России», а как независимые кандидаты [Губернаторы... 2018]. Стремление дистанцироваться от непопулярной «партии» выражается и в фактическом признании неполитического характера выборов. Так, временно исполняющий обязанности губернатора Сахалинской области Валерий Лимаренко заявил: «Я буду самовыдвиженцем. Мне бы хотелось, чтобы здесь были не политические выборы, а выборы, связанные с региональными интересами» [Там же]. Такая деполитизация, сведение вопроса власти к административным и хозяйственным проблемам свидетельствуют о фактическом выведении общества за пределы возможной дискуссии более общего характера — как и куда развиваться, какие конкурирующие интересы и стоящие за ними группы поддерживать. То есть какова стратегия и куда надо двигаться. Конечно, эти вопросы все равно будут обсуждаться и решаться, но кулуарно, непублично, без обращения к гражданскому обществу, без признания существования альтернативных программ и мнений. Обычные возражения, что в регионах надо решать конкретные проблемы, игнорируют политический статус региональной власти.

Статья А.С. Быстровой «Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей» посвящена важным процессам. Тем более что время неумолимо снимает с дистанции старшее поколение. Поэтому приход новых персон может серьезно сказаться на нашем будущем. Основная тенденция — омоложение. Но еще важно, как отмечает автор, наличие родственных и деловых связей, патрон-клиентских отношений. Существенно, что новые молодые главы регионов укоренены в правящих элитах. В этом отношении властные элиты в значительной степени институционализировались. Хотя необходимо иметь в виду, что это только один из параметров.

Текст Г.О. Бахтина «Российские региональные элиты: специфические черты мышления (на примере депутата И.В. Высоцкого)» исследует частный случай регионального депутата. В процессе анализа текстов политика с применением метода когнитивного картирования автором выявлены определенные особенности риторики, позволяющие сделать некоторые выводы. Конечно, материал, да и сам объект изучения не позволяют делать обобщения. Однако предложенный анализ дает возможность взглянуть на микроуровень взаимодействия депутата и его избирателей, увидеть специфику политической коммуникации.

Раздел «Региональные элиты и спорт» посвящен важному сюжету. Особое значение спорта на Кавказе, связанное с агонистическими традициями, архаичностью многих представлений и обычаев, силовой экономикой, проявляется в социо-политическом пространстве.

Н.В. Колесник в статье «“О спорт, ты мир”: о взаимодействии власти и спорта в российских регионах» показывает встроенность спорта в северокавказскую модель меритократии. Спортивные достижения во многом помогают в продвижении вверх. Скорее всего, в других регионах спорт не выступает таким масштабным социальным лифтом. Автор анализирует спортивный мегапроект «Кавказские игры». Будучи длящимся спортивным мероприятием, этот проект имеет отчетливую политическую составляющую. Спорт в России в значительной мере централизован и монополизирован властными органами. Тем более это касается рассматриваемого проекта. Соответственно, государственные инстанции и элиты, помимо чисто спортивных задач, реализуют политические, связанные с управлением территорий, распределением ресурсов, консолидации местных элит вокруг общенациональных идей. Естественно, что политические сделки, неформальные соглашения сопутствуют подготовке и проведению мероприятий. Автор достаточно хорошо это демонстрирует, показывая сращивание спорта и политики, анализируя властную риторику и активность элит. Помимо взаимодействия формальных институтов, исследователь обращает внимание на неформальную сторону бытования спорта в политическом пространстве, связанную с клановыми сетями, их конкуренцией за ресурсы.

Задача, поставленная Г.Ф. Белоусовым в тексте «Влияние профессиональных борцов на политические процессы в республике Северная Осетия — Алания: к постановке проблемы», более скромная. Автор взял только один спортивный сегмент — борьбу — и рассмотрел, насколько спортсмены-борцы играют важную роль в политике республики. Автор в своих выводах достаточно самокритичен (он пишет, что не удалось показать влияние борцов на политический процесс, и это результат некорректной постановки проблемы и нерелевантных методов), что свидетельствует о серьезности подхода к анализу проблемы. Можно сказать, что результат не только негативный, но и позитивный. Показано, что предложенный способ анализа не вполне работает. И это важный результат не только для Григория Федоровича, но и для других исследователей.

Раздел «Элиты в социокультурном измерении» включает тексты, на первый взгляд, относящиеся к различающимся сюжетам. Их объединяет намерение прояснить теоретические вопросы, связанные с культурными проблемами. Если у К.Ф. Завершинского социокультурная динамика подразумевает культуру как одно из центральных понятий анализа, то у В.А. Гуторова культура «скрывается» в образовании. Здесь достаточно вспомнить, что в дискурсе XVIII и XIX вв. культура и образование, так же как и воспитание, находились в одном семантическом пространстве. Более того, часто эти термины смешивали. И это связано с предполагаемым изменением, культивированием, окультуриванием индивидов, социальных групп и населения в целом. Элитное образование является производным определенного культурного контекста. Оно же предполагает результат, который можно назвать персонифицированным образом культуры властвования. Причем не только в политико-административной сфере.

К.Ф. Завершинский в статье «Символические измерения социокультурной динамики современных политических элит» предлагает отойти от сложившегося в элитологии методологического мейнстрима. Автор полагает, что более перспективными при исследовании властных групп будут социологический неоинституционализм и культурсоциология. Надо заметить, что и в мировой, и

в отечественной элитологии существуют ученые, работающие в рамках этих подходов. Исследование элит очень разнообразно методологически. Но не всегда исследователи находят общий язык, да и читают редко тех, кто из другого «клана». Это видно по ссылкам в текстах. Научная коммуникация не всегда получается. Возвращаясь к тексту статьи, следует отметить важные проблемы, о которых пишет автор. Это неоднозначность политико-культурной идентификации элит и их действий, неопределенность политической коммуникации, многослойность конструирования социальной реальности, ее репрезентаций и представлений о ней, проблема пространственно-временной символизации эволюции властных групп. Конечно, далеко не всегда можно исследовать и объяснять эти феномены традиционно сложившимися подходами и традиционным научным языком. Но нужно. Однако развитие исследовательских подходов и расширение методологических границ зависит как от эволюции науки, так и от задач, которые ставят перед собой ученые и которые ставят им (посредством грантов, государственного субсидирования, нематериальных поощрений и наказаний и т.п.).

В статье В.А. Гуторова «Элиты и образование: опыт политико-теоретического анализа» исследуется важный вопрос о социальном неравенстве в образовании с точки зрения создания преимуществ господствующими группами для себя в этой сфере. Текст посвящен не эмпирическому изучению этого явления, а теоретическим дискуссиям. И это чрезвычайно важно, поскольку дискуссии являются существенным основанием легитимации того или иного пути в выстраивании образовательных стратегий. Образование не менее насильственный институт, чем другие. Воспроизводство социальной дистанции, властных иерархий, политико-социальной сегрегации населения и придание им «естественности» происходит в первую очередь посредством образовательных практик различного уровня в образовательных учреждениях. Поэтому любому образованию присущ элемент элитизма и элитаризма. Здесь же возникает проблема демократии, участия граждан в политике и другие сюжеты, о чем автор очень квалифицированно пишет.

Раздел «Демократия и гражданское участие» не элитный, о чем я уже упоминал. Но он важный с точки зрения изучения принци-

пов и практик властвования, а также взаимоотношений властных институтов с обществом. Теоретическая статья *И.А. Фомичева* «К вопросу об идейных истоках современной демократической традиции» имеет своей целью прояснение вопроса о том, что и почему мы называем демократией. Имеем ли мы в виду то же, что и античные греки, рассуждавшие о демократии? Вопрос несправедлив, ведь часто в научных текстах даются ссылки на древних авторов, делая их своими «единомышленниками» и тем самым легитимируя свои представления. Автор проводит теоретическую реконструкцию и делает вывод, что современные представления о демократии имеют мало общего с взглядами и практиками далекого прошлого. Для современного российского гражданина последнее предложение статьи, наверное, будет очень важным не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Это заключение сводится к простому суждению: наши ожидания от демократии больше, чем она может дать. Тем не менее «демократические» желания не столь бессмысленные, как показывает история. Кроме того, поскольку наш язык достаточно «традиционен» и отстает от общественной эволюции, мы вынуждены искать в «демократии» оптимистическую перспективу, прибавляя к ней различные предикаты.

Текст *А.С. Мищенко* «Изучение низовых экологических движений за рубежом: история, теоретические подходы, методология» вводит нас в мир теоретических дискуссий, касающихся, по мнению многих исследователей, публицистов и рядовых граждан, демократических усилий и возможностей изменить если не мир, то существенную его часть, ту, в которой мы живем. Исследование низовых экологических движений имеет уже большую традицию (как и сами движения) и литературу в зарубежной (европейско-американской) социологии и политологии. Понятно, что все охватить невозможно, но автору удалось показать многообразие теоретических поисков, направлений исследования этого феномена.

А.В. Невский в статье «Добровольные спасатели в системе ликвидации ЧС в России: к вопросу о взаимодействии гражданских организаций и государства» рассматривает важный элемент гражданского общества — волонтерство — в его отношениях и взаимодействии с государством. Помимо естественной необходимости

контактировать с государственными структурами, выполнять их законные требования, действовать в рамках, очерченных государством, волонтерские организации в сфере чрезвычайных ситуаций волей-неволей воздействуют на само государство. Более того, они покушаются на его прерогативы. Автор пишет об этом не прямо, но в пассаже, касающемся «притязаний на объявление чрезвычайности», можно увидеть этот сюжет. Андрей Владимирович в своем тексте вводит нас в проблему и показывает на примере Общества добровольных спасателей различные аспекты деятельности добровольцев. Существенно, что автор сам непосредственно участвует в работе добровольческой организации. Исследование методом участвующего наблюдения не так часто. Но оно очень эффективно при изучении такого рода объектов.

В 2018 г. мы потеряли своего коллегу, участника наших семинаров и автора нашего альманаха Олега Борисовича Подвинцева. Некролог, написанный *Т.Б. Витковской* и *В.П. Моховым* завершает содержательную часть книги. Надо сказать, что Олег Борисович был значимой фигурой не только в Пермском крае, на своей родине. Его научные публикации оказывали и еще будут оказывать влияние на многих отечественных коллег в осмыслении российского политического процесса. Жизнь настоящего ученого больше, чем его физическое существование.

Несколько слов в целом о книге. Этот том содержит очень разные тексты. Удивительным образом мы можем увидеть совпадающие тенденции, о которых пишут (не всегда явно) наши авторы. Прежде всего, это деполитизация. Лики ее различны. Во Франции мы видим приход во власть технократов. Кстати, в России заметен схожий процесс, но у нас в большей степени он связан с административным назначением и продвижением. Даже на выборные позиции вроде глав регионов. Во всех политиях возрастает роль бюрократии и умалется роль избираемых политиков и представительных органов власти. В западных демократиях это замечено было давно [Aberbach, Putnam, Rockman 1981], а у нас только на короткое время в 1990-х политика более или менее успешно

соперничала с административным началом. Очевидно возрастает роль неформальных сетевых структур властных групп. За всем этим стоит крушение традиционного публичного пространства. Оно не просто переформатируется. Уменьшается его роль как места, где происходят значимые дискуссии по принятию решений, касающихся принципиальных вопросов развития общества. Публика перестает быть значимой в политическом процессе. Частично это связано с глобализационными процессами, а частично с изменением принципов управления обществом и возвышением менеджеров.

Большая часть статей Альманаха посвящена анализу положения в России. И для всех авторов это не просто отстраненное бесстрастное наблюдение над объектом своего исследования. Присутствует сопереживание. Картина, вырисовывающаяся при прочтении статей, не способствует оптимизму. Усиливается дисфункциональность властных групп и их отчуждение от основной массы населения. Однако надежда остается.

Литература

Губернаторы идут на выборы самовыдвиженцами // Ведомости. 2018. 12 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/12/12/789045-gubernatori-idut-na-vibori-samovidvizhentsami?utm_campaign=newspaper_15_12_2018&utm_content=140737489020917&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (дата обращения: 12.12.2018).

Иоанн. Самодержавие Духа: Очерки русского самосознания / Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. СПб.: Царское дело, 1995.

Ключевский В.О. Дневник 1901–1910 гг. // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9: Материалы разных лет. С. 319–348.

Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 11–112.

Сегодня — День памяти и скорби татарского народа // Сайт «Тукай авылы» [Сайт села Токаево]. 15.10.2008. URL: <http://tokaevo.ucoz.ru/news/2008-10-15-21> (дата обращения: 30.10.2010).

Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1981.

POWER AND SOCIETY IN THE FLOW OF CHANGE. INSTEAD OF THE PREFACE

A. DUKA

Abstract. *The text presents a summary and analysis of the articles in the Almanac. In parallel, some trends in the evolution of the political process, both General and specific to Russia, are considered. The depoliticization of public space and public administration is highlighted. This is reflected in the increasing role of bureaucracy and the diminishing role of elected politicians and representative authorities. There is a growing role of informal network structures of power groups. It can be argued that there is a collapse of the traditional public space. Its role as a place where there are significant discussions on decision-making related to the fundamental issues of development of society is decreasing. The public is no longer important in the political process. This is partly due to globalization processes, and partly to changes in the principles of social governance and the rise of managers. In addition, there is a growing dysfunctionality of power groups and structures and their alienation from the main part of the population.*

Keywords: *elites, power, power groups, network structures, recruitment, elections, depoliticization, nationalism, political process, archaization, institutionalization, sports, education, social movements, volunteer organizations.*

References

Aberbach J.D.; Putnam R.D.; Rockman B.A. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1981.

Gubernatory idut na vybory samovydvizhentsami [Governors go to the elections as independent candidates], *Vedomosti*, 2018, December 12, URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/12/12/789045-gubernatori-idut-na-vibori-samovidvizhentsami?utm_campaign=newspaper_15_12_2018&utm_content=140737489020917&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (available: 12.12.2018). (In Russian)

Ioann. Samoderzhaviye Duha: Ocherki russkogo samosoznaniya / Vysokopreosvyashchenneyshiy Ioann, mitropolit Sankt-Peterburgskiy i Ladozhskiy [Ioann / John. *The autocracy of the spirit: Essays on Russian identity*

/ his Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga]. St. Petersburg: Tsarskoye delo, 1995. (In Russian)

Klyuchevskiy V.O. Dnevnik 1901–1910 gg. [Diary of 1901–1910], In: Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya*. V 9 t. T. 9. Materialyi raznyih let. [Klyuchevskiy V.O. *Collected Works in 9 vols*. Vol. 9]. Moscow: Mysl, 1990, pp. 363–446. (In Russian)

Klyuchevskiy V.O. Zapadnoye vliyaniye v Rossii posle Petra. [Western influence in Russia after Peter I]. In: Klyuchevskiy V.O. *Neopublikovannyye proizvedeniya* [*Unpublished works*]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 11–112. (In Russian)

Segodnya — den' pamyati i skorbi tatarskogo naroda [Today is the day of memory and sorrow of the Tatar people], *The website of the village of Tokaevo*, 15.10.2008. URL: <http://tokaevo.ucoz.ru/news/2008-10-15-21> (available: 30.10.2010). (In Russian)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

ВРЕМЯ МАКРОНА: КТО ПРИШЕЛ К ВЛАСТИ ВО ФРАНЦИИ?

Н.Ю. Лапина

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.2>

Аннотация. В институционально-политической истории Франции в годы Пятой республики можно выделить два больших периода: первый связан с формированием институтов нового политического режима и попытками их модернизации (1958–1981), второй — с совершенствованием политических институтов и становлением двухпартийного механизма, в рамках которого две системообразующие партии — Французская социалистическая партия (ФСП) и правоцентристская партия «Республиканцы» — чередовались у власти. Каждому из этих периодов соответствовал определенный тип политической элиты, которая решала конкретные исторические задачи и действовала с учетом имеющихся в ее распоряжении ресурсов. Новый, третий, период открылся с избранием президентом Франции Э. Макрона. В ходе президентской кампании 2017 г. разрушился двухпартийный политический механизм. Глава государства пришел к власти с идеей обновления политической элиты. Эта задача отчасти выполнена: в ходе парламентских выборов поколение политиков 1980–1990-х годов было буквально сметено с политической арены. Столь масштабной смены элиты национального уровня не происходило с момента основания Пятой республики в 1958 г. Многие знаковые политические фигуры покинули политическую арену. На смену элите, сформированной партиями, пришли новые люди — представители гражданского общества. Они принадле-

жат к высокоинтеллектуальным профессиям, среди них немало предпринимателей. Они не имеют опыта политической деятельности. Пока рано говорить, что они смогут дать политике и захотят ли в ней остаться.

Ключевые слова. *Пятая республика, Франция, президентский режим, политическая элита, Ш. де Голль, Э. Макрон.*

В 2018 г. Пятая республика отметила свое шестидесятилетие. За это время во Франции утвердился политический режим с сильной президентской властью, сформировались эффективные и пластичные политические институты (см. подробнее: [Лапина 2016]). В истории Пятой республики можно выделить два больших периода. Первый (1958-1981) связан с формированием институтов нового политического режима и попытками их модернизации. В эти годы во Франции был создан новый институт президентской власти; изменился баланс сил между представительной и исполнительной ветвями власти в пользу исполнительной власти. Второй период (1981-2017) отмечен совершенствованием политических институтов. В 1980-е годы во Франции была проведена децентрализация. Отношения между государством и местным самоуправлением были изменены; территориально-административным единицам – коммуна, департаментам, регионам приданы реальные полномочия. Эти годы связаны со становлением двухпартийного механизма, в рамках которого две системообразующие партии — Французская социалистическая партия (ФСП) и правоцентристская партия «Республиканцы» — чередовались у власти. Каждому из этих периодов соответствовал определенный тип политической элиты, которая решала конкретные исторические задачи и действовала с учетом имеющихся в ее распоряжении ресурсов.

Новый, третий, период открылся с избранием президентом Франции Э. Макрона. Глава государства обещал «очистить политику от пыли» и привести во власть новых людей. Эта задача отчасти выполнена: в ходе парламентских выборов поколение политиков 1980–1990-х годов было буквально сметено с политической арены. Столь масштабной смены элиты национального уровня не происходило с момента основания Пятой республики в 1958 г. Многие знаковые политические фигуры покинули политическую арену,

среди них бывшие президенты Н. Саркози, Ф. Олланд и бывшие премьер-министры Ф. Фийон, Ж.-М. Эйро, Ж.-П. Раффарен. На смену элите, сформированной партиями, пришли новые люди, большая часть из них никогда прежде политикой не занималась.

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ГОДЫ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Пятая республика создавалась в экстремальных условиях: страна была на грани гражданской войны, государство предельно ослаблено. Для преодоления глубокого политического кризиса и восстановления общественного порядка главой правительства Ш. де Голлем была предложена новая концепция власти, основы которой были заложены в тексте Конституции, принятой на референдуме 28 сентября 1958 г. Главные преобразования сводились к следующему: создавался новый институт президентской власти, изменялся баланс сил между представительной и исполнительной ветвями власти в пользу исполнительной, менялась роль правительства, определение политического курса становилось прерогативой главы государства. В 1958 г. институционально-политическая трансформация происходила «сверху», а ее инициатива принадлежала политическому лидеру. Французское общество в целом приняло эту модель преобразований и поддержало ее.

С 1965 г. во Франции проводятся всеобщие президентские выборы. Они способствовали повышению легитимности главы государства, усилили связи первого лица с французским обществом. Политической опорой президентской власти в первые десятилетия существования Пятой республики стала голлистская партия¹. Мажоритарная система голосования в два тура на парламентских выборах способствовала созданию устойчивого парламентского большинства².

---

¹ Голлистская партия «Объединение французского народа» неоднократно меняла свое название: «Объединение в поддержку республики», «Союз за народную демократию». С мая 2015 г. называется «Республиканцы».

² Впервые этот механизм дал сбой в 1986 г., когда на парламентских выборах победу одержала оппозиционная президенту партия, в результа-

Ш. де Голлю удалось вывести страну из кризиса, создать сильное государство, но выстроенная им вертикаль власти была излишне жесткой и не учитывала изменений, происходивших в обществе [Франция в поисках... 2007: 282]. В 1969 г., после того как французы не поддержали предложенные им реформы, основатель Пятой республики ушел в отставку. Ш. де Голля сменил Ж. Помпиду, которого принято называть «президентом переходного времени». В 1974 г. президентом Франции был избран В. Жискара д'Эстен. В политике глава государства провозгласил начало «эры преобразований». Своей целью он ставил обновление политических институтов, общества, экономики. Однако экономический кризис 1974 г. и противодействие бывших союзников президента — голлистов — в парламенте не позволили главе государства в полной мере осуществить задуманные преобразования.

В первые два десятилетия существования Пятой республики в политику пришли новые люди. В ходе выборов нижняя палата парламента — Национальное собрание — обновилась на 65 % [Voe-laert, Michon, Ollion 2018: 777]. Поменялся социально-профессиональный профиль парламентариев. Влиятельными политическими акторами стали высшие государственные служащие, а также участники Соппротивления, люди, вместе с генералом де Голлем сражавшиеся за освобождение Франции. В Третьей и Четвертой республиках политическая элита рекрутировалась из числа «нотаблей», сделавших карьеру на местах и укорененных в своих коммунах и департаментах. Политический капитал, как и связи в политическом мире, накапливались в течение десятилетий. В конце 1950-х годов на смену Республике депутатов (IV республика), писал в этой связи политолог П. Бирнбом в классической работе «Высший эшелон государственной власти. Очерк властной элиты во Франции», пришла Республика «государственных служащих» [Birnbbaum 1994]. Укрепление позиций высшего чиновничества в политической жизни страны происходило на фоне ослабления традиционной политической элиты. В эти годы сформировался новый тип

те чего возник феномен «сосуществования» президента и премьер-министра, принадлежащих к разным партиям.

политической карьеры: высшие государственные служащие получали назначения на высокие посты в исполнительной власти, а позже партии предлагали им принять участие в выборах. В отличие от «нотаблей», представители нового поколения элиты не были знакомы с миром большой политики. Зато в активе новых депутатов и министров были навыки и опыт государственного управления. В условиях строительства сильного государства этот профессиональный капитал оказался особенно востребованным.

Французские элиты, как считал П. Бирнбом, были созданы сильным государством и объединились вокруг него. Этот тезис оспаривался другим известным политологом — Р. Ароном, не признававшим гомогенности французской элиты [Aron 1954]. Но в одном П. Бирнбом несомненно был прав: французское государство сыграло и продолжает играть важную роль в формировании элиты через систему привилегированных учебных заведений — «больших школ». Центральное место среди них принадлежит созданной в 1945 г. Национальной административной школе (Ecole nationale d'administration), которая на протяжении последующих десятилетий превратилась в инкубатор для французской политико-административной элиты.

На первом этапе в деятельности политической элиты преобладали охранительные тенденции: новые политические институты предстояло создать, придать им легитимность, упрочить. Консервативная голлистская политическая элита имела в своем распоряжении широкий набор инструментов, позволивших ей на протяжении длительного времени контролировать общество. Власть осуществляла надзор в области печатных СМИ, контролировала радиовещание, в ее руках было мощное и эффективное средство — государственное телевидение.

В. Жискара д'Эстен представлял новое поколение французских политиков, у которых не было исторического прошлого Ш. де Голля и его соратников. Он стремился создать новый тип легитимности [Моисеев 2016], который опирался на модернизированный образ президентской власти, в основе которой лежит связь между президентом и избравшим его народом. Реформы 1970-х годов носили демократический характер и принимались под давлением

общества. Глава государства отказался от цензуры и контроля за средствами массовой информации. С приходом к власти В. Жискард д'Эстена кардинальных перемен в составе политической элиты не произошло. Роль высших государственных служащих в системе политической власти в целом сохранилась, в политику пришли представители деловых кругов [Birnbbaum 1994: 160].

В 1970-е годы наметились серьезные изменения внутри политических партий, связанные с реструктуризацией политического пространства. В Пятой республике вся политическая жизнь концентрируется вокруг президентских выборов. Унаследованные от Четвертой республики политические партии не были адаптированы к новому политическому режиму. Система власти, пишет политолог Д. Бурмо, заставила политические партии приспособиться к ситуации, при которой главная задача состоит в том, чтобы стать победителем главного политического соревнования [Bourmaud 2008: 594]. Партиям предстояло реструктурировать деятельность и модернизировать свои организационные структуры. Одними из первых на путь обновления вступили социалисты. В 1971 г. на съезде в Эпинэ была создана Французская социалистическая партия, объединившая партии и группировки социалистического толка. Партию возглавил Ф. Миттеран, решительный противник режима личной власти. В ходе первых всеобщих президентских выборов 1965 г. он вышел во второй тур, тем самым закрепив за собой статус лидера оппозиции. Победить на президентских выборах можно, лишь имея союзников, поэтому в 1972 г. ФСП заключила союз с коммунистами и левыми радикалами.

В 1976 г. на правом фланге была создана новая голлистская партия — «Объединение в поддержку республики» (ОПР). В 1980-е годы голлисты вслед за М. Тэтчер и Р. Рейганом осуществили свою «консервативную революцию» и признали принципы экономического либерализма. Лидер партии Ж. Ширак был избран мэром Парижа и начал подготовку к президентским выборам. Партия превратилась в электоральную машину, проводила эффективные и яркие избирательные кампании. В 2002 г. на месте ОПР возник «Союз за народное движение» (СНД) — еще более широкое объединение политических сил правого и центристского толка, своего рода «всеох-

ватная партия», по терминологии О. Киркхаймера [Kirchheimer 1966].

Второй период в жизни Пятой республики открылся избранием президентом страны Ф. Миттерана (1981). Президент-социалист пришел к власти с обещанием «изменить жизнь» и реформировать политические институты. Однако, став главой государства, он в полном объеме сохранил prerogatives первого лица и способствовал укреплению института президентской власти. Приход лидера социалистов в Елисейский дворец ознаменовал собой «второе рождение» Пятой республики [Duhamel 2014: 89]. В годы правления Ф. Миттерана французское общество стало более демократичным. Была отменена смертная казнь, информационное пространство открылось для множества конкурирующих акторов, во французских средствах массовой информации окончательно утвердилась политическая свобода. Были приняты законы, улучшавшие положение трудящихся и расширявшие их социальные права. Политика децентрализации способствовала перераспределению полномочий между государством и местным самоуправлением, расширению компетенции коммун, департаментов, регионов и приданию функций исполнительной власти органам местного самоуправления департаментов и регионов.

В процессе адаптации партий к политическому режиму Пятой республики фрагментированность политического пространства была преодолена. Противостояние между левыми и правыми политическими силами стало более структурированным, сформировался политический механизм, при котором две основные политические партии сменяли друг друга у власти. В большой политике происходила естественная смена поколений. Политическую сцену покинули политики времен Четвертой республики, «бароны голлизма». Парламент помолодел: в 1981 г. 38 % депутатов Национального собрания были моложе 45 лет. Средний возраст партийных и профсоюзных лидеров снизился до 45 лет [Chauvel 2008].

В ряды ведущих политических партий влились новые молодые силы. ФСП привела в большую политику служащих, учителей средней школы, преподавателей университетов, в 1981–1988 гг. они составили треть депутатского корпуса. В юности многие из этих

людей принимали участие в «студенческой революции» 1968 г., в 1970-е годы участвовали в деятельности левых партий и социальных движениях протеста. Демократизировался социальный профиль неоголлистов: среди депутатов ОПР представители высших классов составляли в 1973 г. 53 %, в 2007 г. — 38 % [Rouban 2017]. На рубеже веков законы о равном доступе женщин и мужчин к выборным постам привели к росту числа женщин-политиков. Доля депутатов-женщин в Национальном собрании выросла: в 1958 г. они составляли лишь 1,2 % депутатского корпуса, в 1981 г. — 6,2 %, в 2007 г. — 17,6 % [Rouban 2017]. Политика децентрализации расширила ряды политической элиты, укрепила политические позиции местных элит.

Изменились карьерные траектории представителей политической элиты. Политические партии окрепли, получили новые ресурсы. Государственное финансирование позволило партиям укрепить партийный аппарат, привлечь работающие на постоянной основе кадры, создать экспертные группы. Для политического лидера опора на партийный аппарат — важнейшее условие продвижения на высокие позиции во власти. Если такой поддержки нет, практически невозможно победить на президентских выборах. Об этом отчасти свидетельствует неудача кандидата от ФСП на президентских выборах 2007 г. С. Руаяль, которую поддержали рядовые социалисты, но не поддерживало партийное руководство. Президенты Франции — Ф. Миттеран, Ж. Ширак, Н. Саркози, Ф. Олланд — в разное время руководили своими партиями и контролировали партийный аппарат.

Традиционная политическая карьера была основана на территориальной укорененности политика. Она предполагала постепенное продвижение и была рассчитана на долгие годы: член муниципального совета со временем избирался мэром своего города, становился членом департаментского, а позже регионального совета, возможно, его председателем. Нередко проходили полтора-два десятилетия, прежде чем политик с местного уровня поднимался на уровень национальный. Карьерное продвижение ускорялось, если начинающий политик имел политического покровителя. Именно так сложилась судьба президента Ж. Ширика

(1995–2007). Он вступил в политическую жизнь, будучи студентом Парижской школы политических наук. В возрасте 33 лет был избран муниципальным советником Сен-Фереоль в департаменте Коррез, спустя два года стал депутатом Национального собрания. В политической карьере Ж. Ширака решающую роль сыграла поддержка премьер-министра Ж. Помпиду, ставшего «крестным отцом» молодого политика. С конца 1970-х Ж. Ширак накапливал ресурсы, которые позволили ему стать хозяином Елисейского дворца: занимал министерские посты, был премьер-министром, в течение 18 лет руководил Парижем.

По мере укрепления партийных аппаратов во Франции получил распространение новый — аппаратный тип карьеры, свидетельствующий об укорененности политика в партийных структурах. Включение в политическую жизнь во Франции начинается в раннем возрасте. Молодой человек вступал в ряды партии, затем, получив образование, начинал работать на постоянной основе в партийном аппарате или в окружении известных политиков в качестве консультанта, специалиста по связям с общественностью, помощника депутата или сенатора. Со временем он обрастал нужными связями и при благоприятном стечении обстоятельств получал предложение партийного руководства принять участие в выборах. Если у кандидата были хорошие связи с руководителями, ему могли предложить избирательный округ, победа в котором была обеспечена. Многие политики прежде должны были на местном уровне доказать своей партии, что они достойны баллотироваться на общенациональных выборах. Типичной в этом отношении была карьера Н. Саркози. Он начал заниматься политикой в студенческие годы, затем возглавил организацию голлистской партии в городе Нейи-сюр-Сен, в 28 лет был избран мэром Нейи. Лидер ОНР Ж. Ширак помог ему стать депутатом Национального собрания. В начале 2000-х годов Н. Саркози занял сначала пост министра внутренних дел, а позже министра экономики. Но главным событием, приблизившим его к Елисейскому дворцу, стал контроль над партией «Союз за народное движение», которую он возглавил в 2004 г.

В начале XXI вв. значительная часть представителей политической элиты по-прежнему начинала свою политическую карьеру на

местах, такова была судьба половины депутатов Национального собрания. Доля депутатов — выходцев из партийных аппаратов, а также входящих в «ближний круг» видных политиков, выросла с 14 % в 1978 г. до 33 % в 2012 г. [Boelaert, Michon, Ollion 2018: 781]. Партийно-аппаратную карьеру сделал президент Франции Ф. Олланд (2012–2017). В 25 лет он вступил в ряды ФСП. После окончания Национальной административной школы работал в аппарате президента, при поддержке первого секретаря ФСП Л. Жоспена был избран депутатом Национального собрания. Наиболее значимые события его политической карьеры связаны с партией: в 1994 г. Ф. Олланд был избран национальным секретарем ФСП, год спустя стал ее официальным представителем, а в 1997 г. избран первым секретарем ФСП и в течение 11 лет оставался на этом посту. На момент избрания президентом Ф. Олландом был накоплен большой политический капитал, но у него не было опыта управления государством, и в годы президентства это остро ощущалось.

За последние четыре десятилетия во Франции сформировалось поколение профессиональных политиков. Эту страту политической элиты отличают жизнь за счет политики, если использовать классическое определение М. Вебера [Вебер 1990], и продолжительность политической карьеры. Длительность политических карьер привела к старению депутатского корпуса. Средний возраст депутатов Национального собрания на момент избрания в 1978–1981 гг. составлял 51,2 год, в 2007–2012 гг. — 54,9 года, в 2012–2017 — 54,5 года [Boelaert, Michon, Ollion 2018: 781]. Состарились и члены ведущих политических партий: в 2010-е годы лица старше 60 лет составляли 38 % членов ФСП и треть (33 %) членов правоцентристской СНД [Cautrès, Lazar, Pech, Vitiello 2018: 38]. На высших государственных постах чередовались одни и те же люди. Многие депутаты и сенаторы заседали в парламенте в течение десятилетий. На рубеже веков социальные лифты во французском обществе работать практически перестали. Политические карьеры стали пожизненными, и этим Франция разительно отличалась от других западноевропейских стран (см. подробнее: [Политические элиты... 2017]). Кандидату, чтобы получить согласие партийного руководства баллотироваться на общенациональных выборах,

приходилось долго ждать своей очереди, перспектива продвижения вверх становилась все более неопределенной.

Тем временем подросло молодое поколение. Его представители, амбициозные молодые люди, чаще всего выпускники престижного Института политических наук «Сьянс По», вступали в партийные ряды, становились сотрудниками партийного аппарата, помощниками депутатов или мэров, но не были готовы ждать удачного случая в течение десятилетий. Эти политики, отмечал известный французский социалист М. Рокар, размышляя о судьбах молодого поколения, «не знали основ социализма», были «вне истории», той коллективной истории, носителями которой были их предшественники [Rocard 2016: 30].

На рубеже XX–XXI вв. для системообразующих политических партий наступили сложные времена, связанные с кризисом партийной политики, размыванием базовых идеологических установок. В стремлении расширить свою электоральную базу правоцентристы и социалисты все больше сдвигались в сторону политического центра. На этом фоне усилились течения внутри партий, внутрипартийная дисциплина ослабла, росли амбиции отдельных политиков, ярких лидеров, способных поддерживать внутрипартийное единство, не стало. Изменилась и жизнь политических руководителей. В прошлом, замечает М. Рокар, политики много читали, размышляли, у них было время анализировать происходящие события. В новых условиях жизненный темп ускорился, информационные потоки обрушиваются на политических деятелей, и у них нет времени серьезно осмысливать происходящее, размышлять о стратегии [Rocard 2016: 30–31].

Политическое лидерство во Франции вступило в полосу кризиса. Два президентских срока Ж. Ширака (1995–2002, 2002–2007) были омрачены судебными разбирательствами, связанными с незаконным финансированием его партии. Сменивший его Н. Саркози спешил, стремился делать все сам, за что и получил прозвище «гиперпрезидент». На имидже президента сказались политические скандалы, его излишне фамильярный тон в общении с журналистами, слишком тесные контакты с деловым миром.

Ф. Олланд, придя к власти, заявил, что намерен быть «нормальным» президентом. Он на треть сократил зарплату президента

и министров, на 10 % урезал бюджет Елисейского дворца. Не разделявший концепцию монархического характера институтов Пятой республики президент отказался от «излишней концентрации властных полномочий и нарциссистской персонификации власти» [Hollande 2018]. Он был прост и доступен, хотел вести жизнь обычного гражданина. Однако институциональная система во Франции такова, что воли главы государства недостаточно, чтобы изменить существующий порядок. Ф. Олланду так и не удалось порвать со «сверхпрезидентством» [Матье 2014]. Не смог он выполнить и своих предвыборных обещаний — снизить уровень безработицы и улучшить социально-экономическое положение рядовых граждан.

В годы его правления Франция столкнулась с новыми вызовами: невиданным ростом правого популизма, подъемом исламского фундаментализма и международного терроризма. Идея «нормального» президентства не отвечала сложившейся ситуации и была неуместна в стране, охваченной страхом. Флегматичному и нерешительному Ф. Олланду в этой ситуации не хватило внутренних сил, чтобы объединить страну перед лицом новых испытаний, сплотить собственную партию, раздираемую внутренними противоречиями. Массмедиа заняли в отношении главы государства критическую позицию, они открыто называли его «слабым», «мягкотелым», «бездарным», «неэффективным». Престиж президентской власти таял на глазах. В результате «антисаркозисм», на волне которого президентом Франции был избран социалист, перерос в атаку на президента (Hollande-bashign). Президентство Ф. Олланда, пишет бывший руководитель ФСП Ж.-К. Камбаделис, завершило политический цикл, начавшийся всенародным избранием президента в 1965 г. [Cambadelis 2018: 52, 39].

Во французском обществе уже не первый год накапливались раздражение и усталость. Они выразились в отношении французских граждан к политическим институтам и элитам. В 2017 г. лишь 28 % французских граждан доверяли правительству, 43 % — Национальному собранию, 45 % — избранному в их округе депутату. И даже институт президентства перестал вызывать в обществе прежнее уважение: в начале 2017 г. подавляющее большинство французов (66 %) не доверяли президентской власти. Традицион-

ные политические партии перестали отвечать общественным запросам, в 2017 г. к ним не испытывали доверия 89 % французских граждан [Baromètre... 2017].

На фоне кризиса системных партий усилились позиции несистемных партий и движений. Праворадикальный «Национальный фронт» одержал победу на муниципальных и региональных выборах 2014–2015 гг. Традиционный конфликт между левыми и правыми, казалось, изжил себя. Когда традиционное политическое лидерство вступает в полосу кризиса, неизбежно появление нового политического лидера. Таким неожиданным лидером стал восьмой президент Франции Э. Макрон.

ПРЕЗИДЕНТ-МЕТЕОР: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ Э. МАКРОНА

Избрание Э. Макрона президентом Франции совершилось в нарушение политических традиций: за ним не стояла влиятельная политическая партия, кандидат на президентский пост не имел опыта работы на выборных должностях, не участвовал в политической жизни страны.

Э. Макрон родился в провинциальном Амьене. Позже переехал в Париж, где закончил среднюю школу и Институт политических наук («Сьянс-По»). В 2002 г. поступил в престижную Национальную административную школу (ЭНА), по ее окончании — на службу в Генеральную инспекцию финансов, которую оставил, чтобы перейти на работу в частный банк Ротшильдов. Политическое будущее Э. Макрона определилось в 2010 г., когда состоялось его знакомство с Ф. Олландом. Участие в работе над избирательной программой кандидата-социалиста было вознаграждено: после избрания Ф. Олланда президентом Франции (2012) Э. Макрон был приглашен на должность заместителя генерального секретаря Елисейского дворца³, а в 2014 г. был назначен на пост министра экономики, финансов и цифровых технологий. Однако честолюбивого

---

³ Должность, соответствующая заместителю главы президентской администрации. — *Н.Л.*

политика этот пост удовлетворить не мог. Еще в возрасте 27 лет Э. Макрон на вопрос «Чем вы будете заниматься через 30 лет?» дал четкий ответ: «Я буду президентом Франции» [Revenaz, Trottin 2018].

За год до президентских выборов в апреле 2016 г. Э. Макрон принял политическое решение. В Амьене было объявлено о создании нового движения «Вперед!»⁴. В августе он ушел с поста министра экономики, а в ноябре заявил о выдвижении своей кандидатуры для участия в президентских выборах. Центральная идея предвыборной кампании Э. Макрона — обновление французского общества. В политической сфере он обещал «очистить политику от пыли», открыть ее для новых людей, представителей гражданского общества. Кандидат провел яркую избирательную кампанию. Она впервые велась в социальных сетях, кандидат обращался к своим потенциальным избирателям через Twitter и Facebook. Имидж Э. Макрона создавался при массовой поддержке СМИ, случайно его называли «кандидатом СМИ».

В начале президентской кампании мало кто верил в успех Э. Макрона. Он явно уступал фаворитам президентской гонки — лидеру республиканцев Ф. Фийону и лидеру правопопулистского «Национального фронта» М. Ле Пен. В ходе избирательной кампании политический пейзаж преобразился. Изменения начались на этапе проведения первичных выборов, когда, вместо того чтобы сделать ставку на умеренных политиков, рядовые члены ФСП в качестве своего кандидата избрали представителя крайне левого течения Б. Амона, а правоцентристы — представителя правого крыла партии «Республиканцы» Ф. Фийона. В результате сделанного выбора политическое пространство в центре оказалось незанятым, и это использовал Э. Макрон, позиционировавший себя как политик, не принадлежащий, «ни к правым, ни к левым». В марте-апреле рейтинг Э. Макрона повысился до 23–26 % [Liste de sondages 2018]. Рост поддержки происходил на фоне скандала с кандидатом правоцентристов и кризисом внутри ФСП. В первом туре за Э. Макрона проголосовали 24 % избирателей, за Ле Пен — 21,3 % избира-

---

⁴ В 2017 г. переименовано во «Вперед, Республика!».

телей. Впервые в истории Пятой республики два кандидата, представлявшие системообразующие партии, республиканец Ф. Фийон и социалист Б. Амон во второй тур не прошли. На выборах Э. Макрон одержал победу, за него проголосовали 66,1 % избирателей. Многие французы голосовали за него, чтобы не допустить к власти М. Ле Пен.

Э. Макрон позиционирует себя как «несистемный» политик. Он подчеркивает, что родился в провинции, в семье скромных врачей, что ни к экономической, ни к политической элите отношения не имеет. Это утверждение требует уточнений. Обучение в престижном институте «Сьянс-По», а позже в Национальной административной школе, работа в Государственной инспекции финансов, а затем в частном банке Ротшильдов ввели талантливого и амбициозного молодого человека в элитную среду, в которой он нашел поддержку. Продвижению Э. Макрона на властный Олимп, как пишет его биограф А. Фульда, способствовала влиятельная «французская номенклатура» — представители интеллектуальной, политической и экономической элиты [Fulda 2017: 116].

Политическая карьера Э. Макрона имеет мало общего с карьерными траекториями его предшественников. Во-первых, он продвигался на политический Олимп с невероятной скоростью. В прошлом, пишет политический аналитик А. Дюамель, чтобы стать президентом, политик должен был в течение двух десятков лет заниматься политикой и только политикой, отдавая ей все свое свободное время, забывая о личной жизни, семье, друзьях [Duhamel 2014: 159]. Этот традиционный путь времени высоких скоростей и темпераменту Э. Макрона явно не соответствовал. СМИ называют французского президента «метеором». Он, действительно, подобно метеору, ворвался на французскую политическую сцену. Его карьера стремительна и не имеет аналогов в истории Пятой республики: в 34 года он стал заместителем главы президентской администрации, в 36 лет был назначен на один из ключевых постов в кабинете министров. В момент избрания Э. Макрону 39 лет, он самый молодой после Наполеона глава французского государства. Из предшественников Э. Макрона на президентском посту лишь В. Жискара д'Эстенау удалось в 36 лет стать министром финансов, а

в 48 лет — президентом Франции, что по тем временам было рекордом.

Во-вторых, Э. Макрон не связывал свою политическую карьеру с традиционными политическими институтами. С 2006 г. в течение нескольких лет он был членом ФСП и даже попытался в 2007 г. получить добро партийного руководства на участие в парламентских выборах, но сделать это ему не удалось. Возможно, именно тогда он отказался от классической партийной карьеры, требующей укорененности в партийных структурах.

В-третьих, карьера Э. Макрона не строилась по единожды заданной схеме. Его биография свидетельствует о том, что в переломные моменты будущий президент рассматривал сразу несколько возможных сценариев: уйдя из Елисейского дворца с поста заместителя руководителя администрации президента в 2014 г., он начал искать работу в лучших университетах мира и одновременно приступил к созданию собственного бизнеса во Франции. Французский президент, как и многие его предшественники, увлекается литературой. В его рабочем столе два неоконченных романа. А это значит, что в будущем, возможно, его ждет карьера писателя.

НОВЫЙ СОСТАВ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ

С приходом к власти Э. Макрона во Франции начался очередной цикл смены элит. На парламентских выборах (июнь 2017 г.) пропрезидентское движение «Вперед, Республика!» одержало мало кем предсказанную победу. За него отдали свои голоса 43,6 % избирателей, а его представители получили 321 депутатское кресло из 577. В известной степени эта победа была логичной. Во французской институциональной системе парламентские выборы проводятся через месяц после президентских, они «привязаны» к главному политическому событию, во многом определяются его исходом. Избиратели, поддержавшие Э. Макрона в мае, отдали свои голоса за его партию в июне с тем, чтобы президент мог реализовать анонсированную им программу.

Такого еще в истории Пятой республики не бывало. В 2017 г. Национальное собрание обновилось на 72 % [Boelaert, Michon 2018:

778]. Большинство депутатов-новобранцев принадлежат пропрезидентскому движению «Вперед, Республика!». При отборе кандидатов ВР ставка была сделана на омоложение депутатского корпуса, соблюдение гендерного равенства и вовлечение в политику новых людей. В нынешнем составе парламента средний возраст депутатов составляет 49 лет (54,8 года в 2012–2017), самыми молодыми являются представители фракции ВР (средний возраст 46,2 лет). Выполнено и другое предвыборное обещание Э. Макрона: в парламенте возросло представительство женщин (39 % по сравнению с 27 % в 2012 г.). Наиболее последовательно принцип гендерного равенства соблюдался движением «Вперед, Республика!», 48 % депутатов ВР — женщины [Boelaert, Michon, Ollion, 2018: 785–786].

В ходе предвыборной кампании Э. Макрон обещал покончить с профессией политика. В составе Национального собрания лишь 9,6 % депутатов имеют опыт пребывания в министерских должностях, 23,8 % в прошлом на постоянной основе работали в партийном аппарате или входили в ближайшее окружение известных политиков [Boelaert, Michon, Ollion 2018: 782]. Движение «Вперед, Республика!», выдвигая кандидатов для участия в парламентских выборах, сделало ставку на новых людей — представителей гражданского общества.

Радикальное обновление парламента в годы Пятой республики происходит не впервые, так было в 1958 и 1981 гг. Однако у нынешней волны есть свои особенности. Во-первых, «в прошлом в Национальное собрание приходили пусть и новички, но люди, сформированные политическими партиями, подчинявшиеся партийной дисциплине. Они разделяли общие идеологические установки, поддерживали политическую программу своей партии, которую отстаивали в ходе избирательной кампании у себя в округах», — вспоминает социалист Кл. Бартелон, впервые избранный в нижнюю палату парламента в 1981 г. (цит. по: [Daoulas, Karlin 2017: 36]). В 2017 г. в парламента пришли люди, вообще не имеющие опыта политической деятельности.

Во-вторых, персональное обновление депутатского корпуса не привело к демократизации его социального профиля. В 2017 г. в нижней палате парламента представительство высших социально-

профессиональных категорий по сравнению с 2012 г. возросло с 61 до 66 %, из них 55 % — управленцы и лица свободных профессий, преимущественно врачи, адвокаты, журналисты, 11 % — хозяева мелких и средних предприятий. В структуре экономически активного населения эти группы составляют 17,7 и 6,4 % соответственно (данные 2015 г.) В нынешнем составе парламента рабочие и служащие, как и в прошлом, практически не представлены (1 %), хотя они составляют половину (48,5 %) экономически активного населения страны. Кроме этого, депутаты в основном являются обладателями дипломов о высшем образовании (68 %, для депутатов от пропрезидентского движения ВР этот процент еще выше — 72 %), в то время как лишь четвертая часть французских граждан имеют законченное высшее образование [Boelaert, Michon, Ollion 2018: 785, 788–789]. Из вышесказанного очевидно, что несмотря на приход новых людей в нижнюю палату парламента, ее состав не стал лучше отражать социально-профессиональный профиль населения.

Масштабные изменения политической элиты национального уровня не затронули местную элиту. В сентябре 2017 г. в ходе выборов в Сенат⁵ пропрезидентской партии не удалось повторить июньский успех. Сенат, верхняя палата парламента, представляет интересы территорий. В нем заседают «нотабли» французской политики, хорошо знающие проблемы своих территорий. Тогда как новая партия «Вперед, Республика!» — это социальная сеть, слабо укорененная на местах, в ее рядах немного знаковых фигур. Тем не менее некоторые тенденции, проявившиеся в ходе июньских выборов, были характерны и для этого голосования: из избранных 169 сенаторов 58 % пришли в Сенат впервые. Масштаб обновления связан с тем, что чуть меньше половины сенаторов, чей срок пребывания в верхней палате завершился, от участия в новых выборах отказались. Сенаторское кресло они предпочли реальной власти в своем городе или департаменте.

---

⁵ Высшая палата парламента каждые три года обновляется наполовину.

ПРАВИТЕЛЬСТВО: МЕЖДУ ПОЛИТИКАМИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Президент в соответствии с Конституцией Пятой республики назначает премьер-министра и участвует в формировании правительства. В случае, когда парламентское и пропрезидентское большинство совпадают, глава кабинета — это правая рука президента, на которого тот может положиться и которому всецело доверяет. С приходом Э. Макрона выбор премьера и членов кабинета осуществлялся в соответствии с новой логикой. Главой кабинета был назначен Э. Филипп, политик, в молодости близкий социалисту М. Рокару, а позже сделавший политическую карьеру в рядах неоголлистской партии. Впервые в истории Пятой республики, если не считать периодов сосуществования президента с оппозиционным парламентом, премьер-министром назначался политик, который не участвовал в избирательной кампании президента.

До назначения президент лично с мэром Гавра знаком не был. Тем не менее этих двух политиков многое сближает. Премьер, как и глава государства, обучался сначала в «Сьянс-По», а затем Национальной административной школе. После ее окончания работал в Государственном совете, позже перешел в частный бизнес и несколько лет проработал в крупнейшей французской компании «Арева». В 1990-е годы он был членом ФСП, затем сблизился с правоцентристами, а в 2002 г. принял участие в создании «Союза за народное движение». С 2004 г. занимал различные выборные должности, в 2010 г. был избран мэром Гавра. Политический опыт, знание политики, несомненно, сыграли роль в назначении Э. Филиппа на пост главы кабинета.

Первое правительство Э. Филиппа было создано в мае 2017 г., сразу после президентских выборов, второе — в июне 2017 г., сразу после парламентских выборов. Обычно правительство Франции формируется по политическому принципу, а для работы в кабинет министров приглашаются известные политики, представляющие парламентское большинство. Будучи кандидатом на пост главы государства, Э. Макрон обещал, что его правительство не будет по своему составу политическим. Для президента, который известен своим прагматизмом и не придерживается ни правых, ни левых

взглядов, такая позиция была вполне оправданной. В составе второго правительства (21 июня 2017 — 16 октября 2018 г.) профессиональные политики действительно занимали скромное место. Зато в нем широко были представлены выходцы из гражданского общества. Министром экологического развития стал известный защитник природы Н. Юло, министром культуры — издатель, министром здравоохранения — врач, министром просвещения — руководитель академии, министром высшего образования и научных исследований — президент университета. Присутствие в правительстве профессионалов имело свои преимущества: в отличие от министров-политиков, министры, компетентные каждый в своей сфере, не конкурировали между собой и были заняты исключительно делами своих министерств.

Но были у этого выбора и свои ограничения. Работа второго правительства показала, что представителям гражданского общества далеко не всегда удается работать в рамках жестких ограничений. Сильные своими связями с обществом, они бывают недостаточно эффективны в аппаратной борьбе. Не выдержав жесткости административной системы и давления мощного лобби, которое не готово идти на уступки экологам, самый популярный министр правительства Н. Юло в августе 2018 г. подал в отставку. За ним последовала министр спорта Л. Флессель, которой не удалось отстоять свое видение спортивной политики. В октябре подал в отставку ближайший сподвижник президента Ж. Колон, решивший вернуться в родной Лион и начать подготовку к муниципальным выборам, которые пройдут в 2020 г. После ухода трех министров был сформирован новый кабинет министров.

В новом правительстве Э. Филиппа большая часть министров сохранила свои посты. В его составе выделяются четыре группы: технократы, представители гражданского общества, лица, входящие в «ближний круг» президента, политики. В группу «технократов» вошли профессиональные управленцы. Они сделали карьеру в больших государственных корпусах и территориальной администрации, руководили предприятиями с государственным участием. В этом ряду министр труда М. Пеннико, министр юстиции Н. Беллубер. Группа «ближнего круга» включает лиц, которые уча-

ствовали в создании движения, а затем и партии «Вперед, Республика!», работали в избирательном штабе Макрона. Пригласив работать в правительство, президент отблагодарил их за поддержку. В эту группу входят К. Кастанер, доверенное лицо президента, в прошлом руководитель пропрезидентского движения «Вперед, Республика!» (ВР), в настоящее время занявший пост министра внутренних дел, М. Шьяппа, писательница, журналистка, государственный секретарь по вопросам равенства между мужчинами и женщинами.

При формировании третьего правительства большую роль стал играть политический опыт. В правительство вошли политики — депутаты от ВР (К. Дюбо, Ф. Агталь) и той части правого центра, которая сотрудничает с властью (Ф. Ристер), а также М. Фено, руководитель фракции центристской партии «Демократическое движение», входящей в парламентское большинство в Национальном собрании. Внутри правительства значимо повысился статус профессионального политика Ж. Гуро, представляющей партию «Демократическое движение». В качестве министра единства территории и взаимодействия с территориальными коллективами ей предстоит сложная задача ведения переговоров с представителями местной власти, которые выступают против политики президента и критикуют «якобинскую культуру» Э. Макрона.

В новом составе правительства, не считая главы кабинета, 34 министра. Половину министерских постов занимают женщины (50 %). По этому показателю кабинет Э. Филиппа один из самых феминизированных в истории Пятой республики. Женщины в правительстве занимают ключевые посты министров обороны, юстиции, единства территории. Тем не менее профиль и карьерные траектории мужчин и женщин-министров различаются. Средний возраст министров — 48,5 лет. Женщинам потребовалось в среднем на 7,3 года больше, чем мужчинам, чтобы получить назначение на высокий пост. Средний возраст вступления в министерскую должность для женщин составил 52,1 года, для мужчин — 44,8 год. Карьерные траектории мужчин и женщин также различаются. Некоторые женщины пришли в кабинет министров, имея большой опыт профессиональной или административной деятельности,

тогда как мужчины сделали достаточно быструю карьеру в аппарате партии либо в ближайшем окружении видных политиков.

Э. Макрон обещал обновить политическую элиту, и он реализовал свое обещание. При этом новая власть не могла обойтись без представителей «старой гвардии». Ей потребовались люди, имеющие опыт государственного управления, знающие, как функционирует политика. Особое место в правительстве принадлежит Ж.-И. Ле Дриану, бывшему министру обороны, занявшему в правительстве Э. Филиппа пост министра иностранных дел. Этот самый старший по возрасту член кабинета — ему 71 год — имеет обширные связи и пользуется поддержкой французского истеблишмента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для Франции 2017 оказался годом великих политических потрясений. Поддержав на президентских выборах Э. Макрона, французы фактически проголосовали за смену политической элиты. Голосование 2017 г. показало, что граждане Франции больше не намерены терпеть на политическом Олимпе «политических зубров», которые оккупировали властные кабинеты на протяжении последних десятилетий.

В 2017 г. во Франции столкнулись два политических мира — новый и старый. Старый политический мир был создан традиционными партиями, а его основными акторами были выходцы из партийных структур. Карьеры в нем делались исключительно внутри партий, а механизм рекрутирования политических элит предполагал либо локальную, либо аппаратную укорененность. Решения о выдвижении кандидатов на общенациональных выборах принимались руководящими инстанциями партии. Механизм рекрутирования функционировал в соответствии с четкими правилами и позволял лицам со скромным социальным происхождением подниматься на политический Олимп. Со временем система начала давать сбои: политическая деятельность профессионализировалась, политики, взошедшие на самый верх властной иерархии не были готовы уступить высокие посты представителям молодого

поколения, конкуренция внутри партий возросла. Рост индивидуалистических настроений приводил политиков к мысли о том, что они достойнее других, чтобы занимать высокие кресла. Внутрипартийная дисциплина ослабла, отношения между претендентами на высокие посты накалялись. Теперь однопартийцы даже не пытались скрывать своего отношения к более удачливым соратникам. Достаточно вспомнить, как вел себя премьер-министр М. Вальс (2014–2016), постоянно подчеркивавший, что он более достоин быть главой государства, чем Ф. Олланд. Политические партии мельчали, политики перестали быть носителем социального проекта. В 2017 г. этот старый политический мир был отчасти разрушен. Политическую сцену покинули известные французские политики. Среди проигравших парламентские выборы немало политических деятелей, избравшихся в нижнюю палату парламента с 1980-х годов. В списке проигравших — ключевые фигуры «эпохи Олланда» — бывшие министры здравоохранения М. Турен, труда М. Эль Хомри, образования Н. Валло-Белькасем, первый секретарь ФСП Ж.-К. Камбаделис.

Избрание президентом страны человека, который не имеет опыта партийно-политической деятельности, и победа на парламентских выборах движения ВР, которое подчеркивает, что не имеет ничего общего с традиционными партиями, открыли начало нового политического цикла. В политику пришли люди, значительная часть которых не имеет политического опыта (27,7 % от общего числа депутатов, 44 % депутатов от пропрезидентского движения ВР) [Boelaert, Michon, Ollion 2018: 782–783]. Социализация многих из них проходила внутри бизнес-структур.

В большую политику пришли представители гражданского общества. В отличие от партий, в прошлом становившихся социальными лифтами для рядовых граждан, гражданское общество выдвинуло во власть представителей высших социально-профессиональных категорий: управленцев, преимущественно имеющих опыт работы в частном секторе, представителей либеральных профессий, предпринимателей. Французские социологи, изучавшие этот феномен, отмечают, что сегодня в политику возвращаются представители высших классов, которые не были готовы десятиле-

тиями работать в партийных организациях и терпеливо ждать, когда руководство и однопартийцы примут решение о выдвижении их кандидатуры на очередных выборах [Boelaert, Michon, Ollion 2018: 785]. Кризис традиционных партий, создание нового движения «Вперед, Республика!» и победа Э. Макрона на президентских выборах стали для состоявшихся профессионалов, начинающих специалистов или «уставших» от ожидания политиков (к ним, кстати, относится нынешний министр внутренних дел, в прошлом социалист К. Кастанер) уникальным шансом, позволившим в очень короткое время сделать общенациональную карьеру.

В политику новые люди, представители бизнеса, принесли новый стиль, новые коды, новый язык. Многие в политической работе оказались для них неожиданным: ночные сессии парламента, работа над законами, нагрузки. Они жалуются на растущую напряженность между работой парламентария и семейной жизнью, не готовы работать с избирателями в своем округе, а ведь именно эта деятельность составляет важнейшую часть работы парламентария. Открытым остается вопрос: насколько политическая деятельность окажется привлекательной для людей, сделавших карьеру в частном секторе и имеющих собственные предприятия, и захотят ли они посвятить ей дальнейшую жизнь? Ведь для многих из них депутатство означало не повышение, а понижение социального статуса и сопровождалось ухудшением материального положения.

Сдвиги, произошедшие в составе французской элиты, пока что затронули национальный уровень и не коснулись уровня местной власти. Противоречия между новым и старым политическими мирами, надо полагать, будут возрастать. Новый политический мир, ориентированный на «поддержку открытого глобального мира», представлен людьми, которые вписались в глобальное пространство, нашли в нем свое место. Новый политический мир только начинает формироваться, он пока слабо структурирован, и сложно говорить, каким будут его контуры. Ему противостоит старый политический мир, в котором продолжают действовать традиционные политические партии. Кроме этого, на политической арене в странах Запада усиливаются позиции несистемных партий и движений праворадикального и леворадикального толка. Политиче-

ское пространство в странах Запада становится все более неоднородным, внутри него сохраняются старые и возникают новые противоречия. Противостояние, с одной стороны, двух политических миров — старого и нового, а с другой стороны, системных и несистемных сил будет порождать новые напряжения и конфликты.

Литература

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

Лапина Н.Ю. Элиты и политические институты Пятой республики // Франция на пороге перемен: Экономика и политика в начале XXI века / отв. ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 96–108.

Матъе Б. Место президента республики во французской институциональной системе: от текста к практике // Политические институты России и Франции: традиции и современность: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко, Н.Ю. Лапина. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 113–127.

Моисеев Г.Ч. Жискардизм как модель политического лидерства // Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века / отв. ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 118–128.

Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. Политические элиты европейских стран.

Франция в поисках новых путей / под ред. Ю.И. Рубинского. М.: Весь мир, 2007. 621 с.

Aron R. Note sur la stratification du pouvoir // Revue française de science politique. 1954. Vol. 4, № 3. P. 469–483.

Baromètre de la confiance politique / CEVIPOF. 2017. Vague 8, Janvier. URL: <http://www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague8/> (дата обращения: 19.11.2017).

Birnbaum P. Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France. Paris: Seuil, 1994.

Boelaert J., Michon S., Ollion E. Des élites: Ouverture politique et fermeture sociale à l'Assemblée nationale en 2017 // Revue française de science politiques. 2018. Vol. 68, № 5. P. 777–802.

Bourmaud D. La Constitution de 1958 et les partis politiques: la cage de fer du présidentialisme // 1958–2008 Cinquantième anniversaire de la Constitution française. Paris: Dalloz, 2008. P. 591–597.

Cautrès B., Lazar M., Pech Th., Vitiello Th. La République en Marche: Anatomie d'un mouvement. Paris: Fondation Jean Jaurès, 2018.

Chauvel L. Enfants de baby-boomers: génération sacrifiée ? // Le Monde. 16.10.2006. URL: https://www.lemonde.fr/societe/chat/2006/10/16/enfants-de-baby-boomers-generation-sacrifiee_823785_3224.html (дата обращения: 5.12.2008).

Daoulas J.-B., Karlin E. Une drôle d'Assemblée // Express. 2017. 21 juin. № 3442. P. 36–38.

Darmon M. Macron ou la démocratie de fer. Paris: Archipel, 2018.

Duhamel A. Une histoire personnelle de la V-e République. Paris: Plon, 2014.

Fourquet J. Où en est la droite après le big bang politique macroniste? // Le Figaro. 13.10.2017.

François B. Le régime politique de la V-e République. 5-e éd. Paris: La Découverte, 2011.

Fulda A. Emmanuel Macron: Un jeune homme si parfait. Paris: Plon, 2017.

Hollande F. Un président travaille toujours pour son successeur. Propos recueillis par Amar C., Barjon C., Daniel S., Nora D. // L'Obs. Paris, 2018. 12 avril. № 2788. P. 20–25.

Kirchheimer O. The transformation of the Western European Party system // Political Parties and Political Development / Ed. by J. La Palombara, M. Weiner. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 177–200.

Liste de sondages sur l'élection présidentielle française de 2017 // Wikipedia. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_de_sondages_sur_l_election_presidentielle_francaise_de_2017 (дата обращения: 2.05.2017)

Revenaz P., Trottin J. Macron à l'Élysée, le casse du siècle [Film documentaire] / P. Revenaz, J. Trottin // BFM TV. 29.04.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JYRLXtMDAAY> (дата обращения: 15.10.2018).

Rocard M. “Notre gauche est la plus rétrograde” / Propos recueillis par E. Berretta, C. Galactéros, O. Recasens // Le Point. 2016. № 2285. P. 28–42.

Rouban L. Le macronisme est une extension de l'idéologie managériale à la politique // Le Figaro. 12.07.2017.

Tabart G. Quelle est la physionomie du Sénat renouvelé? // Le Figaro. 27.09.2017.

THE TIME OF MACRON: WHO CAME TO POWER IN FRANCE?

N. Lapina

Abstract. *Within the institutional-political history of the Fifth Republic in France two large periods can be distinguished: during the first period (1958–1981) the institutions of the new political regime were formed and modernized; during the second period, the political institutions were improved and a two-party mechanism took hold, in which two system-defining parties — the French Socialist Party and the center-right Party “Republicans” — alternated in power. Each of these periods produced a certain type of political elite, which accomplished a specific historical task, taking into account the resources at its disposal. The third period opened with the election of E. Macron as president of France. During the 2017 presidential campaign, the two-party political mechanism collapsed. The new head of state came to power with the idea of renewing the political elite. This task was partially accomplished: during the parliamentary elections, the generation of politicians of the 1980s — 1990s was literally swept away from the political arena. Such a large-scale change in the elite at the national level has not occurred since the founding of the Fifth Republic in 1958.*

Many influential political figures left the political arena. In place of the elite formed by the old parties, new people came into politics — representatives of the civil society. The new political elite is represented by highly qualified professionals as well as quite a few entrepreneurs. They have no political experience. It is too early to say what they will be able to bring to politics and whether they will want to stay in it.

Keywords. *Fifth Republic, France, presidential regime, political elite, Ch. de Gaulle, E. Macron.*

References

Veber M. Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a vocation and profession]. In: Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, 1990, pp. 644–706. (In Russian)

Lapina N.Yu. Elity i politicheskie instituty Pyatoi respubliki [The elites and political institutions of the Fifth Republic]. In: *Frantsiya na poroge peremen*.

Ekonomika i politika v nachale XXI veka [France on the threshold of change: Economics and politics at the beginning of the XXI century]. Ed. by A.V. Kuznetsov, M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, P.P. Timofeev. Moscow: IMEMO RAN, 2016, pp. 96–108. (In Russian)

Matè B. Mesto prezidenta Respubliki vo frantsuzskoi institutsional'noi sisteme: Ot teksta k praktike [The Place of the President of the Republic in the French Institutional System: From Text to Practice]. In: *Politicheskie instituty Rossii i Frantsii: Traditsii i sovremennost'* [Political Institutions of Russia and France: Traditions and contemporaneity]. Ed. by D.V. Efremenko, N.Yu. Lapina. Moscow: INION RAN, 2014, pp.113–127. (In Russian)

Moiseyev G.Ch. Zhiskardizm kak model' politicheskogo liderstva [Giscardism as a model of political leadership]. In: *Frantsiya na poroge peremen. Ekonomika i politika v nachale XXI veka* [France on the threshold of change. Economy and politics at the beginning of the XXI century]. Ed. by A.V. Kuznetsov, M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, P.P. Timofeyev. Moscow: IMEMO RAN, 2016, pp. 118–128. (In Russian)

Aktual'nyye problemy Yevropy [Actuals problems of Europe], 2017, 2: *Politicheskiye elity yevropeyskikh stran* [Political elites of European countries], pp. 1–213. (In Russian)

Frantsiya v poiskakh novykh putey [France in search of new ways]. Ed. by Yu.I. Rubinskiy. Moscow: Ves' mir, 2007. 621 p. (In Russian)

Aron R. Note sur la stratification du pouvoir, *Revue française de science politique*, 1954, 4 (3), pp. 469–483.

Baromètre de la confiance politique, *CEVIPOF*, 2017, Vague 8, Janvier. URL: <http://www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague8/> (available: 19.11.2017).

Birnbaum P. *Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France*. Paris: Seuil, 1994.

Boelaert J., Michon S., Ollion E. Des élites : Ouverture politique et fermeture sociale à l'Assemblée nationale en 2017, *Revue française de science politiques*, 2018, 68 (5), pp. 777–802.

Bourmaud D. La Constitution de 1958 et les partis politiques: la cage de fer du présidentielisme. In: *1958–2008 Cinquantième anniversaire de la Constitution française*. Paris: Dalloz, 2008. pp. 591–597.

Cautrès B., Lazar M., Pech Th., Vitiello Th. *La République en Marche: Anatomie d'un mouvement*. Paris: Fondation Fean Jaurès, 2018.

Chauvel L. Enfants de baby-boomers: génération sacrifiée ? *Le Monde*, 16.10.2016. URL: https://www.lemonde.fr/societe/chat/2006/10/16/enfants-de-baby-boomers-generation-sacrifiee_823785_3224.html (available: 5.12. 2008).

Daoulas J.-B., Karlin E., Une drôle d'Assemblée, *Express*, 2017. 21 juin, pp. 36–38.

Darmon M. *Macron ou la démocratie de fer*. Paris: Archipel, 2018.

Duhamel A. *Une histoire personnelle de la V-e République*. Paris: Plon, 2014.

Fourquet J. Où en est la droite après le big bang politique macroniste? *Le Figaro*, 13.10.2017.

François B. *Le régime politique de la V-e République*. 5-e éd. Paris: La Découverte, 2011.

Fulda A. *Emmanuel Macron: Un jeune homme si parfait*. Paris: Plon, 2017.

Hollande F. Un président travaille toujours pour son successeur. Propos recueillis par Amar C., Barjon C., Daniel S., Nora D., *L'Obs*, 2018, 12 avril, pp. 20–25.

Kirchheimer O. The transformation of the Western European Party system. In: *Political Parties and Political Development*. Ed. by J. La Palombara, M. Weiner. Princeton: Princeton University Press, 1966. pp. 177–200.

Liste de sondages sur l'élection présidentielle française de 2017. *Wikipedia*. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_de_sondages_sur_l_election_presidentielle_francaise_de_2017 (available: 2.05.2017).

Revenaz P., Trottin J. Macron à l'Élysée, le casse du siècle [Film documentaire] / P. Revenaz, J. Trottin. *BFM TV*, 29.04.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JYRLXtMDAAY> (available: 15.10.2018).

Rocard M. “Notre gauche est la plus rétrograde”. Propos recueillis par E. Berretta, C. Galactéros, O. Recasens, *Le Point*, 2016, 2285, pp. 28–42.

Rouban L. Le macronisme est une extension de l'idéologie managériale à la politique, *Le Figaro*, 12.07.2017.

Tabart G. Quelle est la physionomie du Sénat renouvelé? *Le Figaro*, 27.09.2017.

БИЗНЕС КАК ИСТОЧНИК РЕКРУТИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Д.Б. Тев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.3>

Аннотация. *Анализируется роль бизнеса как источника рекрутирования федеральных административной и политической элит России. Эмпирической основой исследования служат база данных федеральной административной элиты, включающая 575 персон (президента, ключевых деятелей его администрации, федеральных органов исполнительной власти и аппарата правительства), и база данных депутатов Государственной Думы РФ шестого созыва (всего 532 персоны). Выходцы из бизнеса (лица, имевшие постсоветский опыт работы на ключевых позициях в коммерческих структурах) существенно представлены среди федеральных политиков и администраторов. Плутократическое рекрутирование наиболее характерно для политической элиты, которая теснее интегрирована с экономически господствующим классом, чем законодательные элиты большинства европейских стран. В свою очередь, административная элита является более профессионализированной, более обособленной и автономной от бизнеса в плане источников рекрутирования, ее плутократизация носит более низкий уровень и более косвенный характер. В общем выходцы из бизнеса имеют гораздо более широкий и прямой доступ во второстепенную и слабо влияющую на государственную политику парламентскую элиту, чем в административную элиту, которая сосредоточивает в своих руках основную власть. При этом заметны различия между внутриэлитными сегментами: уровень плутократизации фракций «Единой России», «Справедливой России» и ЛДПР выше, чем КПРФ, а правительства — выше, чем администрации президента. Исследование показало, что лишь небольшое меньшинство федеральных политиков и администраторов вышли из среды топ-менеджеров крупнейших компаний и богатейших бизнесменов страны, то есть экономической элиты общероссийского уровня. Значительное присутствие в*

составе политико-административной элиты, прежде всего депутатского корпуса, персон с опытом работы на ключевых постах в бизнесе может быть отчасти связано с «кумовским» характером российского капитализма, при котором политические связи являются важнейшим условием успешного накопления капитала. В свою очередь, плутократизация властных групп может существенно сказываться на характере проводимой ими политики, обуславливая преимущественный учет интересов бизнеса в ущерб интересам других социально-экономических групп, слабо представленных в элите.

Ключевые слова: федеральная административная элита, федеральная политическая элита, бизнес, рекрутирование, Государственная Дума, правительство, администрация президента, плутократизация.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-профессиональные источники рекрутирования властных групп и, в частности, роль бизнеса как поставщика политико-административной элиты являются важным предметом исследования в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, как отмечал Р. Патнэм, «поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» [Putnam 1976: 43]. Анализ социально-профессионального бассейна рекрутирования и состава политико-административной элиты и, в частности, роли бизнеса как источника ее пополнения позволяет лучше понять особенности общественной системы, в рамках которой происходит рекрутирование элитных персон (включая характерные для нее взаимоотношения государства и экономики, власти и бизнеса).

Во-вторых, социально-профессиональное происхождение государственных деятелей (чиновников и депутатов) может в некоторой степени влиять на их политические аттитюды и поведение, а следовательно, его знание может быть важным для объяснения и прогнозирования политики. Хотя многие исследователи ставят под сомнение такую зависимость [Matthews 1984: 555; Norris, Lovenduski

1995: 210], некоторые зарубежные авторы на примере законодательной элиты все же показывают значимую связь между профессиональным происхождением и политическим поведением. Так, Н. Карнс установил, что американские конгрессмены, вышедшие из профессий, ориентированных на прибыль (владельцы ферм, бизнесмены и специалисты частного сектора) голосуют наиболее консервативно по экономическим вопросам, тогда как законодатели — выходцы из рабочего класса выражают наиболее либеральные экономические предпочтения [Carnes 2012]. К. Витко и С. Фридман показали, что члены Палаты представителей США, пришедшие из бизнеса, голосуют в большей степени в его интересах, причем те, кто вышел непосредственно из этой сферы, вносят больше ориентированных на бизнес законопроектов. Хотя влияние происхождения из бизнеса на политическое поведение законодателей небольшое, оно сохраняется при контроле партийности и идеологии [Witko, Friedman 2008]. Также на примере Госдумы РФ П. Чейсти установил, что связь депутатов с определенными экономическими секторами (происхождение из бизнеса) является сильным предиктором некоторых аспектов их законодательного поведения [Chaisty 2013: 729–732].

Наконец, обмен руководящими кадрами между различными институциональными секторами (например, экономическим и политико-административным) служит важным показателем интеграции соответствующих властных групп и элит, создавая их динамические переплетения (сращивание, личную унию). Как отмечает У. Хоффман-Ланге, одним из показателей элитной интеграции служат «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций» [Hoffmann-Lange 2018: 63]. В частности, наличие у политиков и чиновников опыта работы в бизнесе, а у бизнесменов — политического и административного опыта (и соответствующей профессиональной социализации) может при прочих равных условиях облегчать взаимопонимание и взаимодействие этих групп. В общем анализ роли бизнеса как бассейна рекрутирования чиновников и депутатов позволяет отчасти оценить степень интеграции политико-административной элиты и

экономически господствующего класса, включая бизнес-элиту как его высший слой.

Эмпирической основой исследования служат две биографические базы данных. Во-первых, база данных федеральной административной элиты России по состоянию на ноябрь-декабрь 2013 г. В состав административной элиты были включены президент и основные должностные лица его администрации (руководитель и заместители руководителя администрации, начальники управлений, полномочные представители президента в органах власти и федеральных округах, секретарь совета безопасности и его заместители, помощники и советники президента, уполномоченные при президенте по правам ребенка и защите прав предпринимателей, руководитель протокола президента, начальник референтуры президента, руководитель канцелярии президента, руководитель секретариата руководителя администрации президента), члены правительства (председатель правительства, его заместители, федеральные министры), заместители министров, руководители федеральных служб и агентств и их заместители, а также руководство аппарата правительства (руководитель и его заместители, полномочные представители правительства в органах власти, директора департаментов, руководители секретариатов). Всего в базу данных вошло 575 персон (см. табл. 1).

Таблица 1

Состав федеральной административной элиты России, чел.

Административные органы	Число элитных персон
Президент	1
Администрация президента	66
Правительство	31
Аппарат правительства	44
Министерства	160
Федеральные службы и агентства	300
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	575

Во-вторых, база данных депутатов Государственной Думы РФ шестого созыва, включающая всех парламентариев, работавших в ней в период с 2011 по 2016 г. (в т.ч. и досрочно покинувших легислатуру и занявших их место законодателей). Всего в базу данных вошло 532 персоны (см. табл. 2).

Таблица 2

Состав Государственной Думы РФ шестого созыва, чел.

Группа депутатов	Численность
Фракция ЕР	289
Фракция КПрФ	104
Фракция СР	74
Фракция ЛДПР	65
Всего депутатов	532

На каждую из вошедших в базу данных властных персон была заведена биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию о дате и месте рождения, типе и месте получения высшего образования, карьерном пути (включая опыт работы в бизнесе), владении коммерческими структурами, родственных, дружеских и деловых связях. В качестве источников информации использовались сайты органов государственной власти, коммерческих организаций, бюджетных учреждений, политических партий и пр., отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (например, vipperson.ru, lobbying.ru).

ВЫХОДЦЫ ИЗ БИЗНЕСА В СОСТАВЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Роль бизнеса как источника рекрутирования административной элиты и вообще практика обмена кадрами между коммерческой и административной сферами варьируется в разных странах. Так, для США характерен феномен «вращающейся двери»: чиновники нередко приходят из бизнеса и переходят туда после отставки, назначение выходцев из корпораций на ключевые правитель-

ственные посты здесь довольно распространенное явление. Так, согласно данным П. Фрейтага, за период с 1897 по 1973 г. 63,4 % членов американского Кабинета занимали элитные позиции в бизнесе до вхождения в должность, причем многие — непосредственно перед назначением [Freitag 1975: 148–150]. Другие, в том числе и более поздние, исследования также свидетельствуют о том, что правительственная и административная элита США включает немало выходцев из бизнеса, хотя их доля существенно различалась при разных президентах [Dye, Pickering 1974: 910–912; Martin 1994: 176–178; Domhoff 2006: 165–171; Etzion, Davis 2008; см. также: Химшиашвили 2017]. Впрочем, в большинстве других развитых капиталистических стран рекрутирование бизнесменов в правительственную и административную элиту является скорее исключением [Bermeo 2003: 197; Schmidt 2005: 53]. В среднем, 9 % министров стран Западной Европы были выходцами из среды промышленников и других бизнесменов [Thiebault 1991: 22]. В то же время обратное движение высокопоставленных чиновников в бизнес после отставки распространено в ряде государств, таких как Франция (так называемый «пантуфляж») и Япония (так называемое «амакуда-ри») [Rouban 1999; Hartmann 2010: 294–295; Calder 1989; Kerbo, McKinstry 1995: 89–95].

В России обмен кадрами между бизнесом и федеральной администрацией тоже получил распространение. С одной стороны, довольно типична практика перехода чиновников в бизнес-структуры после отставки [Huskey 2010b], а с другой стороны, за пределами государственных институтов высшее руководство коммерческих структур является наиболее значимым источником рекрутирования администраторов. Причем ряд исследований административной элиты показывает, что в 2000-е годы плутократическое рекрутирование чиновников распространилось шире, чем во второй половине 1990-х годов, когда, по авторитетным оценкам [Зудин 2006], государство находилось в симбиотических отношениях с олигархическим капиталом (впрочем, о том, что такие отношения не ушли в прошлое, говорит хотя бы феномен так называемых «друзей Путина», к которым относят Ю. Ковальчука, А. Ротенберга, Б. Ротенберга, Г. Тимченко и ряд других «олигархов» (см., напр.: [Шлейнов 2009]).

В частности, как отмечает Г. Гилл, «с течением времени произошел существенный рост числа людей с опытом в бизнесе» в правительстве: так, если в 1996–2000 гг. 19,7 % министров имели некоторый опыт работы в связанных с экономикой профессиях, то 2000–2004 гг. их было уже 23,1 %, а в правительстве, образованном в марте 2004 г. — почти треть (31,6 %) [Gill 2008: 159–161].

На сходную тенденцию указывают и другие исследователи, отмечая, что при В. Путине «присутствие представителей деловых кругов в новом истеблишменте стало более заметным, чем в период правления Бориса Ельцина», что «удельный вес выходцев из бизнеса в составе всех групп политической элиты (включая административную) за первые два года правления Путина вырос в шесть раз» [Зудин 2006; Крыштановская 2002: 25]. Впрочем, по более поздним данным, в постсоветский период доля выходцев из бизнеса в правительстве колебалась, не показывая явной тенденции [Semenova 2011: 913]. Проведенное в 2007 г. исследование 100 видных российских государственных чиновников (ключевых фигур президентской администрации, министерств и ведомств) показало, что выходцы из бизнеса составляли примерно треть их числа [Ролдугин 2007].

Более скромные цифры приводит Ю. Хаски, согласно которому в марте 2008 г. среди 86 высокопоставленных правительственных чиновников (премьер-министр, вице-премьеры, министры и заместители министров) 20 % имели опыт в работе бизнесе [Huskey 2010a: 364]. По данным О.А. Воронковой и соавторов, 25 % новых членов правительства, сформированного в 2008 г. после избрания президентом Д. Медведева, бывшие руководители профессиональных и бизнес-структур, непосредственно связанных с отраслевой направленностью министерства или ведомства (однако среди новых сотрудников аппарата президента выходцев из бизнеса гораздо меньше — всего 5 %) [Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011: 78].

Нынешнее исследование показало, что хотя доминирующей тенденцией рекрутирования административной элиты России является профессионализация (83 % администраторов перед вхождением в нынешнюю должность уже работали в административных,

обычно федеральных, структурах, а 70 % трудились в этих структурах перед занятием позиции, предшествующей ныне занимаемой должности), но опыт работы на ключевых постах в бизнесе, как видно из таблицы 3, имеет существенная доля — чуть менее трети чиновников¹.

Таблица 3

Постсоветский опыт работы членов элиты на ключевых позициях в экономических структурах, в %

Элитная группа	Наличие опыта
Административная элита, N=575	31
в том числе:	
Правительство, N=31	52
Администрация президента, N=66	32

Следует отметить, что эти цифры не учитывают распространенные случаи членства чиновников как представителей государства в советах директоров компаний, в том числе и в качестве председателей. Речь идет о вовлеченности в руководство предприятий, непосредственно не связанной с осуществлением функций государственного управления, обычно на профессиональной основе.

Как свидетельствует таблица 3, показатель плутократизации федерального правительства выше, чем административной элиты в целом. По сравнению с высшим органом исполнительной власти эта тенденция в меньшей степени затронула администрацию пре-

---

¹ Следует отметить, что плутократизация власти не ограничивается такой формой, как рекрутирование прямых или косвенных выходцев из бизнеса на должности в государственном аппарате. Чиновники также могут быть связаны с бизнесом косвенно, через родственников. Эта практика получила существенное распространение: например, сыновья руководителей трех силовых структур — ФСБ, ФСО и СВР — и жена одного из руководителей ФСКН занимали ключевые позиции в компаниях, контролируемых государством.

зидента, где мало должностей, ответственных за руководство экономикой. Важно отметить, что для существенной части нынешней административной элиты экономические структуры были основным местом работы в постсоветское время: каждый шестой ее представитель провел в них на различных позициях половину и более своей карьеры с 1991 г. до вхождения в нынешнюю должность. Примерно столько же чиновников работало в них не менее десяти лет, а 14 % членов элиты в постсоветское время занимали ключевые посты на предприятиях в течение пяти и более лет.

Впрочем, доступ бизнесменов в административную элиту является в основном опосредованным: как показывает таблица 4, прямых выходцев из бизнеса среди высшего чиновничества немного.

Таблица 4

Опыт работы членов элиты в экономических структурах, в %

Позиция на предприятии	Работа до занятия нынешней должности, N=554	Работа, предшествующая работе до занятия нынешней должности, N=541	Работа до занятия первой элитной должности, N=555
Ключевая	6	8	8
Неключевая	1	4	2

В большинстве своем персоны, получившие в постсоветский период опыт руководящей работы в экономических структурах, перед назначением на элитную административную должность имели также более или менее существенный административный опыт. В некоторых случаях они занимали сначала более низкие административные позиции, как, например, должность главы департамента или управления министерства (агентства или службы), а затем уже перемещались на ключевые должности. В общем на вершину административной власти за редким исключением попадают персоны не с чисто экономической карьерой, но уже прошедшие определенную профессиональную социализацию в административной системе, на федеральном или региональном уровне. То, что, высо-

копоставленные чиновники, как уже отмечалось, непосредственно рекрутируются по преимуществу из административной сферы, а доступ руководителей коммерческих структур в административную элиту является в основном косвенным, может служить одним из показателей ее автономии по отношению к бизнесу. Причем, если судить по степени плутократизации, у федеральной бюрократии эта автономия выше, чем у региональных администраций, которые более открыты для выходцев из бизнеса. В частности, как показало исследование, проведенное сектором социологии власти и гражданского общества СИ РАН по восьми субъектам РФ (Москве, Санкт-Петербургу, Калининградской, Костромской, Ленинградской, Новосибирской, Ростовской областям и Хабаровскому краю), 16 % региональных администраторов занимали ключевые позиции на предприятиях различных форм собственности до вхождения в нынешнюю должность, а у 23,5 % чиновников с руководством компаниями связана работа, предпредшествующая нынешней должности (хотя вариация по регионам значительна).

Следует отметить, что степень плутократизации административных кадров существенно варьируется в зависимости от функциональной специализации министерств и ведомств. В частности, выходцы из бизнеса очень редко встречаются в силовых структурах, характеризующихся особенно выраженной профессионализацией и закрытостью рекрутирования, среди заметных исключений — один из заместителей министра внутренних дел, ранее занимавший должность вице-президента АФК «Система». В целом немного руководителей с опытом работы в бизнесе и в руководстве органов исполнительной власти, ответственных за социальную сферу. Правда, в Министерстве культуры целый ряд высших должностных лиц, включая министра, имеют такой опыт. Примечательно также, что Федеральную службу по труду и занятости возглавляет чиновник с длительным стажем на ключевых управленческих должностях в крупных компаниях. В экономических, отраслевых министерствах, таких, например, как министерства транспорта, связи, энергетики, промышленности и торговли, строительства, выходцы, правда, в основном, косвенные, из бизнеса, часто из подведомственных отраслей, представлены наиболее широко, состав-

для большинства руководителей. Сходную картину мы видим и в ряде федеральных служб и агентств, занимающихся экономическими вопросами.

Эта тенденция закономерна, ряд факторов особенно благоприятствует плутократизации именно этого сегмента исполнительной власти. Во-первых, непосредственная зависимость бизнеса от таких министерств и ведомств и, как следствие, прямая заинтересованность во влиянии на их политику могут стимулировать усилия его представителей, направленные на то, что самим входить или подвигать своих коллег и подчиненных в руководство этих органов власти. Во-вторых, выходцы из бизнеса, обладающие не только управленческим опытом, но и специфической компетентностью, связями и авторитетом внутри своих отраслей могут быть особенно востребованы на руководящих постах в экономических (отраслевых) министерствах, эффективность деятельности которых зависит от знания подведомственной сферы и доверия со стороны тех, кто играет в ней ключевую роль. В-третьих, знакомства и связи, складывающиеся между чиновниками и менеджерами бизнеса в ходе систематического взаимодействия экономических, отраслевых министерств с компаниями (представители которых, в частности, входят в состав различных консультативных советов при этих органах власти), также могут способствовать обмену кадрами (как назначению выходцев из бизнеса на административные посты, так и движению отставных чиновников в бизнес). Такие назначения, даже если они и не создают опасность контроля регулируемых фирм и отраслей над регулирующими их ведомствами, по крайней мере повышает вероятность того, что политика органов исполнительной власти будет носить дружественный по отношению к бизнесу характер.

Из каких сегментов бизнеса рекрутируется административная элита? Размер, форма собственности и отраслевая принадлежность предприятий, в руководстве которых работали нынешние высокопоставленные чиновники, сильно варьируются. Особый интерес представляет вопрос о том, насколько среди административной элиты представлены выходцы из высшего руководства крупнейших предприятий и слоя богатейших бизнесменов, то есть из эко-

номической элиты общероссийского уровня, другими словами, насколько распространена горизонтальная межфракционная элитная мобильность?

Стоит напомнить, что во второй половине 1990-х контроль олигархии над государством, кроме прочего, выражался, и в назначении крупнейших магнатов капитала на ключевые административные посты (так, В. Потанин стал вице-премьером российского правительства, Б. Березовский — заместителем секретаря Совета безопасности). В нынешней административной элите мы видим только одного из богатейших (входящих в рейтинг Forbes) бизнесменов — миллиардера М. Абызова, занимающего должность федерального министра.

Примерно 4 % высокопоставленных администраторов в прошлом занимали на профессиональной основе ключевые должности в компаниях, входивших на момент работы в них нынешних чиновников в число крупнейших, по версии журнала «Эксперт». В частности, среди административной элиты мы видим бывших руководителей таких компаний, как «Норильский никель», «Оборонпром», «Аэрофлот», «Автоваз». Если же понимать переплетения между крупным бизнесом и властью шире, учитывая всех чиновников, занимавших в прошлом должности, как высших, так и неключевых менеджеров в компаниях, то увидим, что некоторые ведущие бизнес-структуры значительно переплетены с административной элитой.

Неудивительно, что среди них особенно тесно связанные с федеральной властью компании, основным или единственным собственником которых является государство. Так, 10 членов административной элиты имели опыт работы в структурах «Газпрома», шесть — РЖД, пять — ВТБ. Кроме того, в компаниях, входящих в ГК «Ростехнологии» (ныне — ГК «Ростех»), работало восемь нынешних высокопоставленных чиновников. Однако есть и существенно переплетенные с административной властью частные бизнес-структуры, прежде всего «Норильский никель», из недр которого вышли семь представителей элиты, включая двух членов правительства, и в меньшей степени «Альфа-групп» и «Северсталь». Впрочем, трудно сказать, насколько выходцы из крупней-

ших бизнес-групп, часто прошедшие перед назначением на нынешнюю должность продолжительную социализацию внутри административной системы, являются их лоббистским ресурсом. По крайней мере, наличие таких людей в административной элите может облегчать взаимодействие соответствующих бизнес-структур с государственной властью.

БИЗНЕС КАК БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ (ДУМСКОЙ) ЭЛИТЫ РОССИИ²

Как показывают исследования, проведенные за рубежом, выходцы из бизнеса в разной степени представлены в парламентах различных стран. Бизнесменов довольно много в парламентах США и Великобритании [Norris, Lovenduski 1995: 185; Miller 1995: 58; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 73–74; Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Witko, Friedman 2008]. Их широкое присутствие характерно также для парламентов ряда постсоциалистических государств Европы, в частности стран Балтии [Semenova, Edinger, Best 2014: 291]. В то же время доля выходцев из бизнеса в высших органах законодательной власти большинства стран Западной Европы, например Германии [Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Best, Cromwell, Hausmann, Rush 2001: 73–74], сравнительно невелика (в среднем по странам Западной Европы она равнялась 12 % [Best 2006: 25]).

Что касается федерального депутатского корпуса России, то, как и случае с административной элитой страны, доминирующей тенденцией его рекрутирования является профессионализация: большинство (58 %) нынешних парламентариев на момент избрания в шестой созыв нижней палаты парламента, то есть с точки зрения своей предшествующей должности принадлежали к категории профессиональных политиков. Тем не менее бизнес в ГД систематически широко представлен, по уровню плутократизации она

---

² Этот раздел является переработанной и дополненной версией раздела статьи, опубликованной в 2017 г. в журнале «Экономическая социология» [Тев 2017].

существенно превосходит парламенты почти всех европейских стран. Так, по данным Е. Семеновой, выходцы из бизнеса составляли в среднем 35 % депутатов первых пяти созывов ГД [Seменова 2011: 913]. Согласно О.В. Гаман-Голутвиной, 36 % депутатов ГД шестого созыва были рекрутированы из бизнеса и менеджмента [Гаман-Голутвина 2012: 127, 130]. П. Чейсти выявил, что на долю бизнесменов приходится более трети членов фракции ЕР в Думе шестого созыва [Chaisty 2013a: 10].

Как показало нынешнее исследование (см. табл. 5), примерно половина депутатов имела опыт работы на ключевых должностях в экономических (коммерческих) структурах после 1991 г.

Таблица 5

Опыт работы депутатов на ключевых должностях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями в постсоветский период, в %

Группа депутатов	Наличие опыта после 1991 г.	Работа на момент первого избрания в Госдуму	Работа на момент избрания в шестой созыв
Фракция ЕР	47	31 (29)*	16 (16)**
Фракция КПрФ	42	25 (23)	10 (10)
Фракция СР	63	38 (35)	27 (24)
Фракция ЛДПР	65	31 (26)	17 (17)
Все депутаты	51	31 (28)	17 (16)***

При учете также депутатов, которые в постсоветское время были крупными совладельцами фирм, доля представителей бизнеса возрастет до 56 %. Немало в парламенте и прямых выходцев из бизнеса. Как видим, примерно каждый шестой депутат занимал

* В скобках указана доля депутатов, у которых на момент избрания бизнес был основным местом работы.

** N=290, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

*** N=533, поскольку один депутат избирался в шестой созыв дважды.

перед избранием в ГД шестого созыва ключевую должность в коммерческой структуре или был индивидуальным предпринимателем³. Причем с учетом крупных совладельцев фирм доля парламентариев, тесно связанных с бизнесом на момент первого избрания в ГД и вхождения в ее шестой созыв, достигнет 41 и 34 % соответственно. Таблица 5 также свидетельствует о наличии некоторых межфракционных различий: в составе фракции КПРФ выходцев из бизнеса меньше.

Кроме того, следует отметить, что по уровню присутствия бизнесменов федеральная политическая (думская) элита существенно превосходит рассмотренную выше административную элиту России (см. табл. 6).

Таблица 6

Опыт работы членов федеральных элитных групп на ключевых должностях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями в постсоветский период, в %

Элитная группа	Наличие опыта работы	Работа до занятия нынешней должности
Административная	31	6
Политическая (депутаты ГД)	51	17

Высокий уровень плутократизации нижней палаты российского парламента может быть связан с рядом обстоятельств. Представляется, что важнейшее основание заинтересованности бизнесменов в парламентском представительстве заключается

³ Для сравнения: лишь примерно 1 % депутатов были рабочими на момент, как своего первого избрания в нижнюю палату, так и избрания в ее шестой созыв ГД. Судя по основному месту работы, не более 3 % депутатов на момент избрания в шестой созыв занимали неключевую позицию в экономических структурах (рабочие, специалисты, консультанты, низшие и средние менеджеры), причем нужно учесть, что некоторые из них были одновременно крупными акционерами компаний.

в существенной зависимости процесса накопления капитала от государственной власти и политики. Подобная зависимость присуща всем странам, но, вероятно, особенно сильно проявляется в таких государствах, как Россия, где, по распространенному мнению, сложился «кумовской капитализм» («капитализм для своих»), при котором политические связи, связи с государственной властью имеют первостепенное значение для успешного ведения бизнеса [Our crony-capitalism ... 2014; Волкова 2016; см. также: Faccio 2006]. В этом отношении мандат депутата может быть полезен, поскольку облегчает доступ к чиновникам и другим влиятельным персонам и дает возможность участвовать в законодательном процессе в интересах компании, отрасли и бизнеса в целом.

Некоторые исследования, проведенные как в России, так и за рубежом, подтверждают, что выходцы из бизнеса склонны использовать мандат в своих деловых интересах [Chaisty 2013b; Witko, Friedman 2008]. Следует добавить, что не только связи с политиками и чиновниками, приобретенные в период исполнения депутатских полномочий, но и знание политического процесса, полученное в ходе работы в законодательном органе, может быть полезным для бизнеса в плане защиты и продвижения своих интересов в органах государственной власти. Впрочем, интерес бизнесменов к членству в законодательном органе не исчерпывается своей материальной, лоббистской составляющей. Для них может быть важна и неприкосновенность, которой пользуются депутаты ГД, особенно учитывая то, что накопление капитала в постсоветский период часто происходило с нарушением законов. Кроме того, для капиталистов могут быть значимы престиж, связанный с должностью депутата, и мотивы самореализации в политике. Наконец, неудачи в коммерческой деятельности могут побуждать бизнесменов к тому, чтобы переходить в профессиональную политику, избираться в парламент, тем более что зарплата депутатов довольно высока (см.: [Сколько платят... 2016]).

Тем не менее не следует переоценивать заинтересованность бизнесменов, особенно крупных предпринимателей и высших менеджеров ведущих фирм, избираться в ГД. Российский парламент в целом является слабым, маловлиятельным органом, занимаю-

щим второстепенное место в политической системе. И руководители крупных предприятий, нередко имеющие прямой доступ к представителям исполнительной власти, могут не проявлять интереса к депутатскому мандату. Кроме того, многие бизнесмены вообще избегают публичности, придерживаясь принципа «деньги любят тишину». Для того чтобы иметь представительство в законодательстве, бизнесменам необязательно самим избираться туда: они могут финансировать кампании других депутатов или просто подкупать их. Тем не менее всегда есть опасность измены таких ставленников, когда они отказываются по разным причинам от выполнения взятых на себя обязательств, так что личное присутствие в парламенте может быть более надежным выбором. Наконец, нужно принимать во внимание и институциональный дизайн федерального парламента: согласно законодательству, депутат ГД должен работать на постоянной профессиональной основе и его статус несовместим с членством в органах управления коммерческими структурами. Однако высшим менеджерам крупных компаний такая смена работы, такой переход из бизнеса в политику обычно невыгоден, так как может означать утрату как контроля над капиталом, так и весомой доли доходов. В этом, кстати, отличие ГД от большинства законодательств субъектов РФ, в которых значительная часть или даже большинство депутатов может работать на непрофессиональной основе, совмещая законодательную деятельность с руководством бизнесом (см.: [Парламенты субъектов... 2017]).

В той мере, в какой бизнесмены заинтересованы в избрании в ГД, они способны мобилизовать для этого различные ресурсы. Основным ресурсом, который они могут использовать для успешной избирательной кампании (как при пропорциональной, так и при мажоритарной системе выборов) являются, конечно, финансовые средства. От доступа к ним, несмотря на систему государственного финансирования, существенно зависят российские политические партии [Wilson 2007; Коргунюк 2010; Шлейнов 2010; Hutcheson 2012]. В частности, в 2011 г., когда была избрана ГД шестого созыва, пожертвования (прежде всего юридических лиц) составили основную массу денежных средств, поступивших на осуществление уставной деятельности у четырех партий, представленных в ниж-

ней палате парламента (см.: [Сводный финансовый отчет... «Единая Россия» 2011; Сводный финансовый отчет... КПРФ 2011; Сводный финансовый отчет... ЛДПР 2011; Сводный финансовый отчет... Справедливая Россия 2011]). Говоря о политических ресурсах бизнеса, нельзя не упомянуть и средства массовой информации, которыми нередко владеют предприниматели. Кроме того, что под властью бизнесменов находятся более или менее крупные трудовые коллективы, и зависимость на рабочем месте создает благоприятные возможности для оказания политического влияния со стороны работодателя (агитация в стенах предприятия, организованный подвоз работников на избирательные участки, их принуждение к фотографированию «правильно» заполненного бюллетеня и пр.) (см., напр.: [Golosov 2013: 477]). Наконец, главы крупнейших фирм, являющихся основными работодателями и налогоплательщиками в городах и регионах (а также иногда имеющих на своем балансе крупные учреждения социальной сферы), обладают структурной властью. Зависимость благосостояния избирателей и доходов бюджета от успешной работы таких фирм облегчает их руководству представление своих частных интересов как всеобщих, что способствует эффективной предвыборной агитации. В то же время многообразно зависимые от капитала региональные и местные власти могут оказывать административную поддержку кандидатам-бизнесменам.

Из каких сегментов бизнеса рекрутируются депутаты, каковы размер, форма собственности и отраслевая принадлежность бизнеса, представленного в ГД шестого созыва? Наиболее интересным представляется вопрос о степени присутствия крупного по общероссийским меркам капитала в ГД и в связи с этим о том, насколько распространены переплетения экономической и политической (думской) элит России. Связь депутата с крупным капиталом может определяться по-разному. В нашем исследовании под его представителями понимались, во-первых, парламентарии, которые на момент избрания в шестой созыв парламента занимали ключевые должности в компаниях, входивших в список крупнейших по версии журнала «Эксперт», или контролируемых этими компаниями фирмах, а также в коммерческих структурах, являвшихся крупны-

ми акционерами (участниками) указанных компаний. Во-вторых, к числу представителей крупного бизнеса были отнесены депутаты, которые на момент избрания или в период членства в ГД шестого созыва были крупными совладельцами компаний, входящих в рейтинг журнала «Эксперт». Наконец, учитывались также и законодатели, входившие в список богатейших бизнесменов России по версии Forbes в 2011–2016 гг., то есть перед избранием или во время работы в ГД шестого созыва.

Таким критериям соответствуют примерно 4 % депутатов. Почти все они состоят во фракции «партии власти», лишь один принадлежит к фракции «Справедливой России». Следует отметить, что переходы с ключевых должностей в крупнейших компаниях или контролирующих их холдингах в ГД шестого созыва очень редки (их всего два) и ограничиваются высшими менеджерами, которые принадлежат к семьям, владеющим соответствующими коммерческими структурами, и поэтому могут, по-видимому, легко вернуться на прежние позиции в случае прекращения депутатских полномочий. Чаще будущие депутаты работали на ключевых должностях не в самих крупнейших компаниях, а на предприятиях, в которых такие компании (например, «Газпром», холдинг «Россети», «КАМАЗ», «Татнефть», «Глобэкс-банк») являются контролирующими акционерами. В принципе список депутатов, тесно связанных с крупным капиталом, можно расширить за счет персон, которые на перед избранием в ГД шестого созыва были не высшими руководителями, а менеджерами среднего звена, советниками руководства и специалистами в указанных коммерческих организациях (примерно 1 % депутатов). Также можно включить в этот список и депутатов, которые не принадлежат к названным категориям, но имеют родственников, владеющих крупнейшими фирмами (по версии «Эксперт») и/или входят в рейтинг богатейших бизнесменов России по версии Forbes. При такой трактовке представителей крупного капитала к ним относятся примерно 6 % депутатов, часть из которых (около 3 % депутатов) на момент избрания или во время членства в ГД шестого созыва входила в экономическую элиту общероссийского уровня. Стоит напомнить, что, как показало исследование экономической элиты РФ 2014 г.,

3 % ее членов в разное время работали в ГД [Тев 2016б: 98]. Так что персональные переплетения экономической и политической элит России существуют, хотя и не велики.

Касаясь других характеристик бизнеса, представленного в ГД шестого созыва, следует сказать о форме собственности компаний, выходцы из которых заседают в парламенте. Среди законодателей немного прямых выходцев с ключевых должностей в фирмах, где государство или органы муниципальной власти (и подконтрольные им структуры) являются крупнейшим или единственным владельцем. В основном в ГД заседают выходцы из частных коммерческих структур.

Наконец, каковы отраслевые характеристики бизнеса, представленного в законодательном органе? Подробный анализ отраслевой структуры бизнеса, присутствующего в нижней палате парламента первых пяти созывов, а также во фракции ЕР в ГД шестого созыва, провел П. Чейсти [Chaisty 2013a; Chaisty 2013b]. Он показал, что наибольшую долю депутатов в ГД последних нескольких созывов составляла обрабатывающая промышленность, доля законодателей, связанных с сельским хозяйством, значительна, но сокращается, а выходцев из строительного и торгового секторов экономики, напротив, становится больше [Chaisty 2013a: 10; Chaisty 2013b: 724]. В нашем исследовании не ставилась задача такого же исчерпывающего анализа. Определить отраслевую принадлежность бизнеса, с которым связаны депутаты, не всегда просто: по многим компаниям нет достоверной информации, а кроме того, некоторые парламентарии перед избранием имели существенные деловые интересы сразу в нескольких отраслях (например, владея и управляя многопрофильными холдингами). Однако можно сделать некоторые замечания относительно отраслевой принадлежности тех фирм, в которых депутаты перед вхождением в шестой созыв работали на ключевых должностях или, по данным, опубликованным ЦИК накануне выборов 2011 г. (а также более поздней информации), были крупными совладельцами (акционерами, участниками). В частности, здесь проявляются различия между фракциями. Во фракции ЕР, по сравнению с другими фракциями, гораздо шире представлена промышленность: пищевая, машиностроительная, добываю-

щая, металлургическая. Однако немало ее членов связаны с таким сегментом бизнеса, как девелопмент, строительство, недвижимость. Этот сектор, активно присутствующий во многих местных и региональных легислатурах [Тев 2012: 69; Тев 2013: 86–87] и сильно зависимый от властей, является одним из наиболее широко представленных во фракциях ЛДПР, СР и КПрФ (правда, если в некоторых случаях соответствующие фирмы являются основой бизнеса депутатов, то в других — лишь одной из его составляющих, нередко второстепенной).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что профессионализация — важнейшая тенденция рекрутирования федеральной политической (думской) и особенно административной элит, выходцы из бизнеса существенно представлены в их составе. Плутократическое рекрутирование наиболее характерно для политической элиты, которая интегрирована с экономически господствующим классом в более высокой степени, чем законодательные элиты большинства европейских стран. Примерно половина депутатов имела опыт работы на ключевых позициях в экономических структурах в постсоветский период, причем почти треть парламентариев находилась на них на момент первого избрания в Госдуму и примерно каждый шестой — перед вхождением в ее шестой созыв. В свою очередь, административная элита является более профессионализированной, более обособленной и автономной от бизнеса в плане источников рекрутирования. В ее случае плутократизация имеет более низкий уровень и носит более косвенный характер: хотя без малого треть администраторов занимала ключевые позиции в экономических структурах после 1991 г., лишь небольшое меньшинство находилось на них на момент вхождения, как в первую элитную, так и в нынешнюю должность. Выходцы из бизнеса имеют более широкий и прямой доступ во второстепенную и оказывающую слабое влияние на государственную политику парламентскую элиту, чем в федеральную административную элиту, которая сосредоточивает в своих руках основную власть. Возможно, эти различия в плутократизации отчасти связаны с различиями в способе рекрутирова-

ния этих властных групп. В сравнении с почти целиком (кроме президента РФ) назначаемой административной элитой, думская элита рекрутируется посредством всеобщих выборов. Такой механизм рекрутирования (при всем административном контроле над выборами в России), вероятно, делает процесс формирования парламентской элиты менее автономным и более зависимым от «общества», наиболее влиятельным сегментом которого (особенно при слабо развитой политической сознательности и организованности экономически подчиненных классов) является бизнес.

Говоря о плутократизации федеральной политико-административной элиты, нельзя не упомянуть и о заметных различиях между внутриэлитными сегментами. Так, внутри политической элиты фракция ЕР, ЛДПР и СР по своему составу более плутократичны, чем фракция КПРФ. Среди административной элиты членам правительства в большей степени свойственна плутократизация, чем чиновникам администрации президента (в которой мало должностей, ответственных за экономику), а руководству экономических министерств больше, чем представителям социальных и силовых ведомств. Впрочем, неоднородность характерна не только для политико-административной элиты, разделенной по разным признакам (таким как партийность и принадлежность к тем или иным органам власти), но и для бизнес-сообщества. И в этой связи особенно интересен вопрос о том, в какой мере на ключевых политико-административных позициях присутствуют выходцы из крупного по общероссийским меркам бизнеса, из экономической элиты страны. Исследование показало, что хотя такого рода межфракционные элитные переходы и переплетения имеют место, лишь небольшое меньшинство федеральных политиков и администраторов являются выходцами из среды топ-менеджеров крупнейших компаний и богатейших бизнесменов.

Довольно значительное присутствие в составе политико-административной элиты, прежде всего федерального депутатского корпуса, персон с опытом работы на ключевых постах в бизнесе, с одной стороны, может быть связано с «кумовским» характером российского капитализма, при котором политические связи являются важнейшим условием успешного накопления капитала.

С другой стороны, плутократизация властных групп может существенно сказываться на характере проводимой ими политики. Прежде всего речь идет о привилегированном положении и преимущественном учете интересов бизнеса в ущерб интересам других социально-экономических групп, слабо представленных во властных группах, даже в избираемой населением политической элите. Такая политическая предвзятость тем более вероятна, что в России распространены и другие формы связи политико-административной элиты с миром бизнеса: в частности, многие чиновники и депутаты после окончания полномочий уходят в коммерческие структуры, у значительной их части бизнесом занимаются родственники, некоторые высокопоставленные администраторы заседают в советах директоров крупных компаний в качестве представителей государства. Учитывая многообразные формы, в которых политико-административная элита переплетена с бизнесом, с имущим, экономически господствующим классом (а также значительную структурную власть капитала), вряд ли стоит удивляться, например, тому, что государственная власть в России не прилагает серьезных усилий для смягчения громадного социального неравенства, в частности упорно сохраняя плоскую шкалу подоходного налогообложения.

Литература и источники

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 12.06.2016).

Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79.

Гаман-Голутвина О.В. Парламентский корпус современной России // Политический класс в современном обществе / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 113–142.

Зудин А. Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/zu18.html> (дата обращения: 06.03.2014).

Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в постсоветской России:

между бизнесом и властью // Полития. 2010. № 3–4 (58–59). С. 87–120.

Крыштановская О.В. Трансформация бизнес-элиты в России: 1998–2002 // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 17–49.

Парламенты субъектов Российской Федерации. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парламенты_субъектов_Российской_Федерации (дата обращения: 11.09.2017).

Ролдугин О. Как и за сколько можно стать министром // Собеседник. 10.05.2007. URL: http://www.compromat.ru/page_20692.htm (дата обращения: 09.12.2015).

Сводный финансовый отчет политической партии. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (Партия «Единая Россия») за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР) за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия Справедливая Россия за 2011 год. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (дата обращения: 05.05.2014).

Сколько платят депутатам в Европе и в России. URL: <http://ru.euronews.com/2016/04/12/who-are-the-best-paid-mps-in-the-eu> (дата обращения: 17.12.2016)

Тев Д.Б. Городские Думы крупнейших региональных столиц: основные характеристики и тенденции изменения бассейна рекрутирования депутатов // ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 3. С. 74–90.

Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 52–86. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/11/30/1161626205/ecsoc_t18_n5.pdf#page=52 (дата обращения: 09.01.2018).

Тев Д.Б. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы

институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 52–75.

Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016а. № 4. С. 115–130.

Тев Д.Б. Экономическая элита РФ: опыт работы в политико-административной сфере // Политика. 2016б. № 2 (81). С. 89–108.

Химшиашвили П. «Кабинет миллиардеров»: кого Трамп позвал работать в Белый дом // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/01/2017/586fa22a9a794779a5a5ec02> (дата обращения: 07.05.2018).

Шлейнов Р. 13. «Газпром» в окружении приятелей и родственников премьер-министра России // Новая газета. 23.12.2009 (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/12/23/39858-13> (дата обращения: 17.03.2018).

Шлейнов Р. Кто и почему пожертвовал «Единой России» 6 млрд. руб. // Ведомости. 20.12.2010. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (дата обращения: 20.12.2010).

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons // Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. L.: Frank Cass Publishers, 2003. P. 191–212.

Best H. New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka 9–13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (дата обращения: 17.12.2010).

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s // Journal of Legislative Studies. 2001. № 7 (3). P. 65–91.

Calder K. Elites in an Equalizing Role: Ex-Bureaucrats as Coordinators and Intermediaries in the Japanese Government-Business Relationship // Comparative Politics. 1989. № 21 (4). P. 379–403.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? // Legislative Studies Quarterly. 2012. № 37 (1). P. 5–34.

Chaisty P. The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia's Majority in the Sixth Duma // Russian analytical digest. 2013а. № 127. P. 8–12.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // Europe-Asia Studies. 2013б. № 65 (4). P. 717–736.

Domhoff W.G. Who Rules America? Power, Politics, and Social Change. Fifth edition. New York: McGraw-Hill, 2006.

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation // *The Journal of Politics*. 1974. № 36 (4). P. 900–925.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials // *Journal of Management Inquiry*. 2008. № 17 (3). P. 157–161.

Faccio M. Politically Connected Firms // *The American Economic Review*. 2006. № 96 (1). P. 369–386.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks // *Social Problems*. 1975. № 23 (2). P. 137–152.

Gill G. Bourgeoisie, State, and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2013. № 21 (4). P. 459–480.

Hartmann M. Elites and Power Structure // *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century* / ed. by S. Immerfall, G. Therborn. Berlin; New York: Springer, 2010. P. 291–323.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. № 43 (4). P. 363–372.

Huskey E. Pantouflage à la russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites // *Russian Politics from Lenin to Putin* / ed. by S.P. Fortescue. L.: Palgrave Macmillan. 2010. P. 185–204.

Hutcheson D.S. Party finance in Russia // *East European Politics*. 2012. № 28 (3). P. 267–282.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power. Westport, CT: Praeger, 1995.

Martin J.M. An Examination of Executive Branch Appointments in the Reagan Administration by Background and Gender // *The Western Political Quarterly*. 1994. № 44 (1). P. 173–184.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers // *Legislative Studies Quarterly*. 1984. № 9 (4). P. 547–585.

Miller M.C. The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions. Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

Norris P., Lovenduski J. Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat, *The Economist*, 13.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries->

where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet
(дата обращения: 15.05.2014).

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice-Hall, 1976.

Rouban L. The Senior Civil Service in France // Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials / ed. by E.C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 65–89.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009 // Comparative Sociology. 2011. № 10 (6). P. 908–927.

Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A comparative analysis // Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation / ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. L.; N.Y.: Routledge, 2014. P. 284–307.

Thiebault J.-L. The Social Background of Western European Ministers // The Profession of Government Minister in Western Europe / ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. N.Y.: St. Martin's Press, 1991. P. 19–30.

Tronconi F., Verzichelli L. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? // Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence / ed. by M. Cotta, H. Best. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 353–389.

Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 law 'on political parties' made a difference? // Europe-Asia Studies. 2007. № 59 (7). P. 1089–1113.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior // Congress & the Presidency. 2008. № 35 (1). P. 71–86.

BUSINESS AS A SOURCE OF RECRUITMENT OF THE FEDERAL ADMINISTRATIVE AND POLITICAL ELITE OF RUSSIA

D. Tev

Abstracts. *The article analyzes the role of business as a source of recruitment of the federal administrative and political elites of Russia. The empirical basis for the study is the database of the federal administrative elite, which includes 575 persons (the president, key figures in his administration, federal executive bodies and the government apparatus), and the database of the deputies of the State Duma of the sixth convocation (532 persons in total). People from business (persons who had post-Soviet experience in key positions in commercial structures) are significantly represented among federal politicians and administrators. Plutocratic recruitment is most characteristic of the political elite, which is more closely integrated with the economically dominant class than the legislative elites of most European countries. In turn, the administrative elite is more professionalized, more isolated and autonomous from business in terms of sources of recruitment; its plutocratization has a lower level and a more indirect character. In general, natives of business have much broader and direct access to a secondary and less influencing to state policy parliamentary elite than to the administrative elite, which concentrates the main power in its hands. At the same time, the differences between the intra-elite segments are significant: the level of plutocratization of the fractions of United Russia, Just Russia and the LDPR is higher than the CPRF, and the government is higher than the presidential administration. The study showed that only a small minority of federal politicians and administrators came out of the top-managers of the largest companies and the richest businessmen of the country, that is, the economic elite of the all-Russian level. A significant presence in the political-administrative elite, above all, the deputy corps, people with the working experience in key positions in business, on the one hand, may be, in part, due to the "crony" character of Russian capitalism, in which political ties are the most important condition for the successful accumulation of capital. On the other hand, plutocratization of power groups can have a significant impact on the nature of their policies, making*

it preferable to take into account the interests of business to the detriment of the interests of other socioeconomic groups that are poorly represented in the elite.

Keywords: *federal administrative elite, federal political elite, business, recruitment, State Duma, government, presidential administration, plutocratization.*

References

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons. In: *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. Ed. by Tavares de Almeida P., Pinto A.C., Bermeo N. London: Frank Cass Publishers, 2003, pp. 191–212.

Best H. *New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites*. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka 9–13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (available: 17.12.2010).

Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s, *Journal of Legislative Studies*, 2001, 7 (3), pp. 65–91.

Calder K. Elites in an Equalizing Role: Ex-Bureaucrats as Coordinators and Intermediaries in the Japanese Government-Business Relationship, *Comparative Politics*, 1989, 21 (4), pp. 379–403.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Chaisty P. The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia's Majority in the Sixth Duma, *Russian analytical digest*, 2013a, 127, pp. 8–12.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma, *Europe-Asia Studies*, 2013b, 65 (4), pp. 717–736.

Domhoff W.G. *Who Rules America? Power, Politics, and Social Change*. Fifth edition. New York: McGraw-Hill, 2006.

Dye T.R., Pickering J.W. Governmental and Corporate Elites: Convergence and Differentiation, *The Journal of Politics*, 1974, 36 (4), pp. 900–925.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials, *Journal of Management Inquiry*, 2008, 17 (3), pp. 157–161.

Faccio M. Politically Connected Firms, *The American Economic Review*, 2006, 96 (1), pp. 369–386.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks, *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Gaman-Golutvina O.V. Parlamentskii korpus sovremennoi Rossii [The parliamentary body of modern Russia], in: *Politicheskii klass v sovremennom obshchestve* [The political class in modern society]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: ROSSPEN, 2012, pp. 113–142. (In Russian).

Gill G. *Bourgeoisie, State, and Democracy: Russia, Britain, France, Germany, and the USA*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21 (4), pp. 459–480.

Hartmann M. Elites and Power Structure, *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century*, ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin, New York: Springer, 2010, pp. 291–323.

Himshiasvili P. «Kabinet milliarderov»: kogo Tramp pozval rabotat' v Belyj dom [“The Cabinet of Billionaires”: whom Trump called to work in the White House]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/01/2017/586fa22a9a794779a5a5ec02> (available: 07.05.2018). (In Russian)

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Huskey E. Pantouflage à la russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites. In: *Russian Politics from Lenin to Putin*. Ed. by Fortescue S.P. London: Palgrave Macmillan. 2010, pp. 185–204.

Hutcheson D.S. Party finance in Russia, *East European Politics*, 2012, 28 (3), pp. 267–282.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. *Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power*. Westport, CT: Praeger, 1995.

Korguniuk Iu.G. Finansirovanie partii v postsovetskoj Rossii: mezhdubiznesom i vlast'iu. [Financing of parties in post-Soviet Russia: between business and power]. *Politiia* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2010, 3–4 (58–59), pp. 87–120. (In Russian).

Kryshtanovskaja O.V. Transformacija biznes-jelity v Rossii: 1998–2002 [Transformation of business elite in Russia: 1998–2002], *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 2002, 8, pp. 17–49. (In Russian).

Martin J.M. An Examination of Executive Branch Appointments in the Reagan Administration by Background and Gender, *The Western Political Quarterly*, 1994, 44 (1), pp. 173–184.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers, *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585.

Miller M.C. *The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions*, Knoxville: University of Tennessee Press, 1995.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat, *The Economist*, 13.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (available: 15.05.2014).

Parlamenty subëktov Rossijskoj Federacii [Parliaments of subjects of the Russian Federation]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Парламенты_субъектов_Российской_Федерации (available: 11.09.2017). (In Russian).

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice-Hall, 1976.

Roldugin O. Kak i za skol'ko mozžno stat' ministrom [How and for how much you can become a minister], *Sobesednik*. URL: http://www.comprostat.ru/page_20692.htm (available: 09.12.2015). (In Russian).

Rouban L. The Senior Civil Service in France. In: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*. Ed. by E.C. Page, V. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 65–89.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009, *Comparative Sociology*, 2011, 10 (6), pp. 908–927.

Semenova E., Edinger M., Best H. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A comparative analysis. In: *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation*, ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. London; New York: Routledge, 2014, p. 284–307.

Shlejnov R. 13«Gazprom» v okruženii prijatelej i rodstvennikov prem'era ministra Rossii [Gazprom, surrounded by friends and relatives of the Prime Minister of Russia], *Novaja gazeta*. 23.12.2009 (URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/12/23/39858-13>) (available: 17.03.2018). (In Russian)

Shlejnov R. Kto i pochemu pozhertvoval «Edinoj Rossii» 6 mlrd. rub. [Who and why donate to “United Russia” 6 billion. Rub.], *Vedomosti*. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (available: 20.12.2010). (In Russian)

Skol'ko platjat deputatam v Evrope i v Rossii [How much do deputies pay in Europe and in Russia]. (2016) URL: <http://ru.euronews.com/2016/04/12/who-are-the-best-paid-mps-in-the-eu> (available: 17.12.2016).

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoj partii. Politicheskaia partiia «Kommunisticheskaia partiia Rossijskoj Federatsii» (KPRF) za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political party “Communist Party of the Russian Federation” (KPRF) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian)

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoj partii. Politicheskaia partiia «Liberal'no-demokraticeskaja partiia Rossii» (LDPR) za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political Party “Liberal Democratic Party of Russia” (LDPR) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian)

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoj partii. Politicheskaia partiia Spravedlivaia Rossiia za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. Political party A Just Russia in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian)

Svodnyi finansovyi otchet politicheskoj partii. Vserossijskaia politicheskaia partiia «Edinaia Rossiia» (Partiia «Edinaia Rossiia») za 2011 god [Consolidated financial report of a political party. All-Russian political party “United Russia” (The party “United Russia”) in 2011]. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (available: 05.05.2014). (In Russian)

Тев Д.В. Regional'nyj deputatskij korpus partij «vtorogo jeshelona»: sravnitel'nyj analiz bassejna rekrutirovanija parlamentariev KPRF, «Spravedlivoj Rossii» i LDPR [The regional deputy corps parties “second echelon”: A Comparative Analysis of the recruiting pool of parliamentarians of KPRF, A Just Russia and LDPR]. In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminara «Sociologičeskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii» [Power structures and groups of dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar “Sociological Problems of the power institutions in the conditions of Russia’s transformation]*. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 52–75. (In Russian)

Тев Д.В. Gorodskie Dumy krupnejshih regional'nyh stolic: osnovnye karakteristiki i tendencii izmenenija bassejna rekrutirovanija deputatov [City councils of the largest regional capitals: the main characteristics and trends in the recruitment pool of deputies], *POLITEX*, 2013, 9 (3), pp. 74–90. (In Russian)

Тев Д.В. Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovanija. [Federal administrative elite of Russia: career paths and channels of recruitment], *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]*, 2016a, 4, pp. 115–130. (In Russian)

Тев Д.В. Jekonomičeskaja jelita RF: opyt raboty v politiko-administrativnoj sfere [Economic elite of Russian Federation: work experience in the political-

administrative sphere], *Politija* [*The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*], 2016b, 2 (81), pp. 89–108. (In Russian)

Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoj Dumy RF VI sozyva: social'no-professional'nye istochniki rekrutirovanija [Deputies of the State Duma of the Russian Federation of the VI convocation: social and professional sources of recruitment]. *Jekonomicheskaja sociologija* [*Economic Sociology*], 2017, 18 (5), pp. 52–86. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/11/30/1161626205/ecsoc_t18_n5.pdf#page=52 (available: 09.01.2018). (In Russian)

Thiebault J.-L. The Social Background of Western European Ministers. In: *The Profession of Government Minister in Western Europe*. Ed. by Blondel J., Thiebault J.-L. New York: St. Martin's Press, 1991, pp. 19–30.

Tronconi F., Verzichelli L. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? In: *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Ed. by M. Cotta, H. Best. Oxford: Oxford University Press, 2007, p. 353–389.

Volkova O. *Uchenye nazvali politicheskie sviazi glavnyim istochnikom bogatstva v Rossii* [*Scientists qualify the political ties as main source of wealth in Russia*]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (available: 12.06.2016). (In Russian)

Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshtanovskaja O.V. Rossijskij isteblishment: puti i metody obnovlenija [The Russian establishment: ways and methods of renewal]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [*Polis. Political Studies*], 2011, 1, pp. 66–79. (In Russian)

Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 law 'on political parties' made a difference? *Europe-Asia Studies*, 2007, 59 (7), pp. 1089–1113.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior, *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

Zudin A. Gosudarstvo i biznes v Rossii: jevoljucija modeli vzaimootnoshenij [The state and business in Russia: the evolution of the relationship model], *Neprikosnovennyj zapas* [*Reserve stock*], 2006, 6 (50). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/zu18.html> (available: 06.03.2014). (In Russian)

ЭЛИТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ФОРМАЛЬНОГО

ПРАВЯЩЕЕ МЕНЬШИНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КАМО ГРЯДЕШИ?

А.И. Соловьев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.4>

Аннотация. Доказывается, что современная политическая динамика существенно подорвала те основания государственного устройства, которые являлись конституирующими условиями существования политической элиты, выступающей в качестве правящего меньшинства. Основной причиной такого положения стало разнообразие общественных акторов, участвовавших в формировании государственной политики, а главное — постоянное использование сетевыми коалициями правящего класса неформальных каналов давления на цели правительства. Как показала практика, такие процессы неуклонно снижали функционал публичных институтов. В результате постоянного использования латентных методов воздействия на официальные структуры власти и управления в государстве сформировалось пространство фактических центров («узлов») принятия политических решений. Такое положение не только расширило сферу политического влияния сетевых коалиций, но и положило начало вытеснению из процесса формирования государственной политики элитарных кругов, чье позиционирование во власти жестко связано с обслуживанием публичных институтов и представительством гражданских интересов. В силу этого в современной России сегодня сложились две противоборствующие тенденции, одна из которых отражает формирование корпуса управляющих на основе представительства гражданских интересов и обслуживания пу-

бличных институтов, а другая — на основе деятельности сетевых стейкхолдеров, формирующих новое правящее меньшинство в системе государственного управления.

Ключевые слова: *политическая элита, правящее меньшинство, правящий класс, принятие государственных решений, государственное управление, переплетенные институты, элитарные сети.*

Изучение правящего меньшинства всегда было излюбленной темой для политических аналитиков. При этом на протяжении последнего столетия при характеристике этого политического слоя уверенно лидировало понятие «правлящей элиты», демонстрировавшее свои эвристические преимущества перед «правлящим классом», «руководящим меньшинством», «руководством» [Сартори 1997: 713] или разнообразными новомодными определениями — «техноструктурой», «милитократией» и др. Понятно, что и претензии к правящему слою (и даже шире — к системе правления в целом) нередко также звучали в соответствующей — элитарной — лексике. Причем в российской науке особенно ярко освещалась тема морально-этического несовершенства правящей элиты.

Отметим, однако, что такие эпистемологические приоритеты нередко упускали из вида, что функционал правящей элиты связан со структурой политического господства, характерной для определенного исторического этапа, отличающегося соответствующими компонентами властного доминирования. Другими словами, элиты аттестуют правящее меньшинство только в связи с деятельностью публичных институтов, наличием каналов представительства интересов населения (предполагающих также способность представителей этого меньшинства к продуцированию массовых ценностей), а также с контролем правящего меньшинства над принятием политических решений. Иначе говоря, политические элиты — это всего лишь продукт определенной исторической эпохи, чье время существования в конечном счете обусловлено соответствующим институциональным дизайном. В самом широком историческом смысле — временем становления и упадка представительной демократии. Поэтому наличие тех или иных сегментов элитарного слоя, их соотношение и удельный вес ограничены рам-

ками республиканского строя, а в логическом пределе — демократической политике. Соответственно распад ролевых нагрузок публичных институтов и дисфункции механизмов политического представительства как минимум ставят под вопрос характеристику правящего меньшинства в рамках лексемы «политические элиты».

В этом смысле даже самые поверхностные констатации наблюдающих политический вес тенденций (усиление принципов гетерархии и деформация принципов централизованной организации власти под влиянием цифровых форм передачи информации, кризис институтов представительной демократии, падение влияния партийных структур, усиление зависимости парламентов от органов исполнительной власти, вытеснение гражданских структур из процесса принятия политических решений и т.д.) демонстрируют признаки вступления элиты в фазу своего критического развития — полураспада, распада и завершения своей исторической траектории. Но фазу, за которой с трудом просматриваются очертания будущей биографии правящего меньшинства.

Такого рода трансформации идут на фоне последовательного усиления диверсификации центров общественной власти, порождающей многочисленные источники политического влияния, в том числе и тех, которые действуют на государственные решения поверх институционального дизайна. Таким образом, публичные институты, ранее справедливо рассматривавшиеся как побочные следствия борьбы за власть [Панов 2006: 54], сегодня дополняются иными структурами, также претендующими на приоритетные позиции в этой сфере. Впрочем, сегодня можно с уверенностью констатировать, что наличие множественных конкурентов публичных институтов свидетельствует о формировании в государстве особой логики государственной политики, состоящей из разнообразных цепочек целеполагания с характерными для них «узлами» (центрами) политических решений.

Другими словами, совокупность присущих государству «узлов» принятия решения выстраивается по мере вовлечения в этот процесс всех акторов, способных в реальной деловой среде оказывать фактическое влияние на разрабатываемые государством политические цели. То есть тех, кто может оказывать влияние на ре-

шение соответствующей проблемы. Другими словами, за счет такой вовлеченности в государстве конструируется особая экосистема, ориентиры развития которой связаны не столько с поддержанием баланса сил, сколько с распределением акторов на бенефициариев и тех, за счет кого будут списаны издержки достижения целей. Иначе говоря, этот властный эквilibrium выстраивается на основе ценностей распределения и потребления ресурсов, порождая, таким образом, ту «картографию власти» (А. Неклесса), которая вырабатывает приоритеты своей организации с учетом позиций владельцев и контролеров разнообразных общественных ресурсов. Такая установка ведет к политической выбраковке всех лишних, в том числе статусных, имеющих от общества мандат на управление, лиц и фигур, не нужных для решения того или иного вопроса. Такая логика политического целеполагания резко снижает транзакционные издержки государственного управления, в то же время порождая коллаборацию альянсов ресурсно оснащенных групп и фигур, а также устрания для них ограничения на присвоение и потребление ресурсов.

Понятно, что в таких условиях общественное благо умирает как ориентир государственной политики. Точнее говоря, оно обретает исключительно символический характер, использующийся для распространения в общественном мнении ложных идей о приоритете интересов населения и роли граждан при принятии решений. При таком положении административная иерархия аппарата управления уже не играет решающей роли, а ее способность к экранированию внешнего воздействия на рычаги власти во многом перестает работать. Ослабление действия публичных норм и слабость формальных инструментов госрегулирования, совмещенные с ресурсным таргетированием общества, вне зависимости от мнения граждан, ведет как к снижению эффективности институционального дизайна, так и к последовательной энтропии и распаду публичности.

По сути, можно констатировать, что едва ли не самым важным инструментом адаптации государственных институтов к новым условиям управления (одновременно свидетельствующим о неповоротливости органов официальной, особенно представительной,

власти) стало использование неформальных механизмов, ориентированных на преодоление административных барьеров. Другими словами, современная диверсификация и усложнение властных отношений влекут за собой качественную трансформацию дизайна на основе возникновения гибридных управленческих конструкций с неформальными образованиями. Именно применение неформальных практик и соответствующих образцов коллективной работы управляющих стало основным инструментом снижения издержек публичного правления. При этом постоянство и устойчивость влияния неформальных паттернов превратило их в неписаные нормы функционирования публичных институтов, причем независимо от того, что они стали существенно расходиться с ожиданиями населения.

Как показал опыт, наиболее принципиальным источником формирования новой асимметрии в отношениях правящего меньшинства и большинства населения стало образование латентного ландшафта в пространстве принятия решений, взявшего под контроль механизмы принятия ключевых целей государственной политики. Коротко говоря, практика показала, что последовательное встраивание в процессы целеполагания неформальных механизмов кооперации и согласования действий участников решений стало основной причиной того, что принятие решений как особое пространство, ядро и сердцевина власти оказалось индифферентным к деятельности публичных институтов и давлению общества. И если для рядовых граждан административные границы публичных институтов оставались существенными барьерами для их коммуникаций с властью, то для неформальных контактов ресурсно обеспеченных группировок они стали легко проницаемыми. Такое вначале точечное, а затем и повсеместное возникновение неформальных властных топосов, самоподдерживающих связей внутри контролируемых ими «узлов» решений У. Бек называл «распадом политики». То есть тем процессом, который отражает дисфункциональность представительских механизмов гражданских интересов, бессмысленность конкуренции за власть и даже публичных форм взаимодействия государства и общества как таковых.

Как показывает современный опыт, последовательная инфильтрация неформальных механизмов в цепочки принятия решений создала для правящего класса, превратившего своих представителей в безальтернативных контролеров «узлов» принятия решений, более эффективные инструменты распределения и перераспределения общественных ресурсов. И хотя большинство ученых исходило из частичного поражения неформальными коммуникациями правящего меньшинства системы государственной власти, Дж. Скот указывал на их универсальный характер, порождающий так называемую «машину власти» (хотя и связывал ее лишь с определенным уровнем ее организации) [Скотт 2016].

Понятно, конечно, что инфильтрация неформальных структур в принятие решений во многом вызвана ригидностью публичных институтов, зачастую скованных нормами и правилами решения насущных общественных задач. Сыграли свою роль и дефицит компетенций управляющих, а также пассивность граждан в области контроля над их деятельностью. Однако как бы то ни было, но если еще недавно неформальные коммуникации, сопутствуя деятельности институтов, сохраняли свой эпифеноменальный статус, то в настоящее время их влияние качественно модифицировало весь процесс целеполагания.

Во многом это неслучайно и объяснимо, ибо несомненными плюсами и преимуществами позиционирования неформальных акторов в пространстве власти является высокая скорость конвертации различных типов общественных капиталов (в процессе целеполагания); скорость ответной реакции на вызовы времени; наличие высокой мотивации соответствующих акторов, значительно превосходящей интенсивность поведенческих установок госбюрократии. Это особенно ценно в условиях неопределенности. Другими словами, надо признать, что все параметры активности неформальных акторов существенно повышают гибкость структур управления, скорость принятия решений. Однако нерешенным остается вопрос относительно направленности действий таких игроков, которые практикуют непубличные, скрытые формы организации и применения власти. Игроков, которые, наряду с тем, что избегают рисков дестабилизации, вызванных публичным оглаше-

нием целей, имеют большие возможности ориентироваться на цели, никак не связанные с общественным благом.

Концентрированный характер влияния неформальных коммуникаций на принятие государственных решений аттестует деятельность сетевых коалиций правящего класса. Именно эти игроки перестраивают процесс принятия решений, снижая политические эффекты представительства элитой гражданских интересов и тяготя к оккупации официальных органов власти, захватыванию мандата на управление обществом. Как утверждают Е. Морозова и И. Мирошниченко, сети являются теми «инвесторами политического капитала», которые опережают всех своих, прежде всего институционализированных, конкурентов, оперативно перемещая и конвертируя различные формы капитала в политическое давление, активизируя деловые взаимодействия и обмен ресурсами, снижая негативные экстерналии принятия решений и т.д. [Морозова, Мирошниченко 2009]. Именно сети, способствуя привлечению или «отвлечению внимания» государства «от конкретных вопросов», в итоге определяют, какие вопросы должны попасть или не попасть «в верхние строчки политической повестки дня» [Gairney 2012:8]. Другими словами, эти ассоциации создают в принятии решений ту социальную ткань, которая проникает во все уголки данного процесса, втягивая в него только тех игроков, которые обладают необходимыми ресурсами и придерживаются неформальных договоренностей относительно решаемой задачи. Не исключено, кстати, что именно по этим причинам С. Маккларг и Д. Лезер считают, что «политика по своей сути является сетевым феноменом» [McClurg, Lazer 2014].

В то же время именно сетевая активность способствует выведению «узлов» решений из иерархической структуры управления государством. Возникающие институциональные пустоты, непрерывное распространение институциональных ловушек, нарастание «подрывных», «дефектных» и «институтов-пустышек» (Э. Гидденс) наглядно демонстрируют историческую усталость публичных структур, уже не справляющихся со своими былыми функциями под давлением сетевых стейкхолдеров, неформальных коалиций правящего класса¹.

---

¹ Рискну предположить, что во многом по причинам влияния неформальных сетей правящего класса в мире и появилось столько «несостояв-

К наиболее показательным признакам преобладания сетевых интересов и сетевого доминирования над публичными институтами можно отнести:

— нарастание «исключений» из предписанных действий, увеличивающееся количество прецедентов в толковании чиновниками законов и правил, широкое распространение отсылочных норм и, как следствие, избирательное применение законодательства, размывание норм административных регламентов в повседневной деятельности органов власти, а также расширение замещающих их неформальных стандартов, создающих своеобразные вето-пространства для конкурирующих группировок;

— расширение практики засекречивания расходов, снижение всех форм реального гражданского контроля за деятельностью институтов, изменение набора действий со стороны населения, способных оказывать на государственные решения фактическое воздействие;

— патронаж и попечительство «своих» кадров, кооптация в структуры власти «сетевых делегатов», служебные перестановки в аппарате управления в пользу представителей сетевых ассоциаций (как правило, ведущие к созданию разнообразных схем «честного отъема» денег у населения);

— изменение обработки служебной информации, ведущее к нарастанию дисфункций институтов и получению преференций для сетевых игроков;

— усиление межинституциональных трений в связи с фактическим перепозиционированием институтов, изменением их реального веса при принятии решений;

— вытеснение патрон-клиентскими принципами общегражданских приоритетов и норм морали из этического кодекса госчиновничества, нагнетание истерии против несогласных и оппозиции, формирование в обществе культуры негражданственности².

шихся» государств, возник феномен «зависших транзитов», началось массовое распространение всевозможных политических гибридов, порождающих новые рамки и фронтиры, которые официальные власти никак не могут встроить в свою систему правления.

² Как пишет В.В. Бочаров, морально-политические принципы сетевой активности аттестуют те неформальные договоренности, которые харак-

Эти показатели — не единичные случаи девиации и изъяны функционала публичных институтов, а проявление системного результата взаимодействия сетей правящего класса и институтов, обуславливающего создание латентной сферы коммуникаций, в которой отсутствует систематический гражданский контроль.

Получив доступ к неконтролируемым каналам получения ресурсов, представители правящего меньшинства существенно изменили свое отношение и к ответственности перед обществом, и к иным — административным, правовым, политическим, морально-этическим — ограничениям своего поведения. Неудивительно поэтому, что публичные дискуссии между контролируруемыми ими институтами все больше ведутся не вокруг их полномочий и реальной роли в воплощении государственной политики, а вокруг компенсаций, зарплат и пенсий, перевода деловые контакты и дискуссию о кадровых перемещениях в формат дележа ресурсов («добычи»). Правда, проникновение сетевых коалиций в публичные институты вызывает и обратные эффекты, в частности проникновение представителей госбюрократии в успешно функционирующие корпорации или образование чиновниками собственных бизнес-проектов.

В результате сетевой «атаки» на институциональный дизайн государственного управления практика правоприменения все дальше уходит от требований законов, в то время как политическая поддержка, обращение политического капитала институтов начинают работать на узкий круг бенефициариев. Кооптация и ротация нужных «кадров», всеобъемлющий патернализм на госслужбе скрадывают положительные эффекты представительных механизмов, которые уже не «достают» до «узлов» решений и вынуждены исполнять сопутствующие технические функции. То есть не могут выдвигать реальные требования, контролировать ре-

---

терны для «кодексов товарищества», законов делового «братства» конкретной «команды», интересы и действия которой направлены против конкурентов и чужаков [Бочаров 2011: 89]. Уместно вспомнить, что Р. Мертон относил такие объединения к закрытым, строящимся по принципу «свой — чужой» референтным группам, для которых нехарактерно расширение собственного состава [Мертон 2006: 442].

шения, выступать с инициативами, имеющими перспективу (если только они не работают на воспроизводство правящего режима).

«Переплетенные» с сетями институты становятся структурами организации нового порядка, той организации власти, которая демонстрирует, что в своем традиционном качестве институты уже не способны упорядочивать общественную активность, создавать для граждан возможности для контроля над принятием решений, согласования позиций власти и общества. Так что в этом институционально разряженном ландшафте ресурсно оснащенные группировки правящего класса (в том числе и находящиеся за пределами государства) самостоятельно формируют каналы продвижения своих интересов.

В силу наличия разнородных и многопрофильных сетей (решающих проблемы отраслей, территорий или локальных структур) государственная политика, опирающаяся на различные альянсы сетевых ассоциаций и институтов, по-разному аффилированных с национальными и инациональными группами, становится весьма и весьма разнородной (П. Данливи, Р. Родс). Другими словами, государственная политика национального правительства в целом становится результатом стихийного сочетания потоков активности, исходящих из различных «узлов» решений, случайного сочетания сил или побочным результатом столкновения сетей и институтов. Неслучайно, к примеру, ряд специалистов трактует государственную политику российского государства как совокупность бизнес-проектов крупных чиновников (В. Иноземцев).

Как полагает Д. Сигель [Siegel 2018: 824], создание системы сетевого криптоправления, по сути, утверждает новую форму господства правящего меньшинства, то есть ту «клиентелистскую систему» взаимосвязей, которая «порождает формирование эндогенной сети», формирующей «поток распределения <...> ресурсов <...> вне [официальной. — А.С.] системы управления». Такие изменения в институциональной структуре государственного управления переформируют межведомственную конкуренцию, формируя фактически «действующие правила» [Ostrom 1986], которые становятся уже не временными ориентирами, а устойчивыми нормами делового взаимодействия. Представляется, что имен-

но такая стилистика действий правящего класса неизбежно ведет к созданию «второго неофициального государства» (Йордан, Ричардсон), отражающего доминирование структур латентного сектора госуправления, скрывающих «машину» реальной власти и вытеснивших граждан и их представителей на глубокую периферию государственной политики.

Характерно, однако, что происхождение сетевых «новобранцев» не играет никакой особой роли. Латентный сектор принятия решений действует независимо от того, будут они выходцами из старых номенклатурных семей, «уполномоченными номенклатурно-олигархических кланов», молодыми «волчатами» с Уолл-стрита или космополитами. Иначе говоря, не имеет особого значения, кто конкретно вовлекается в эти «постэлитарные» потоки, ибо первоначальным основанием является их активность, наличие необходимых для решения задачи ресурсов и возможность фактического влияния на центры принятия решений. Партийные активисты, лоббисты, дети чиновников, представители бизнеса и региональных кланов, этносов и профессиональных сообществ, «силовики» и «питерцы», «москвичи» и криминальные «авторитеты» и другие — все эти фигуры смешались в новом пуле правящего меньшинства. Причем эти фигуры выполняют во власти не роль уже представителей населения, а разнообразных сетевых «феодалов», «контролеров», «кураторов», «решал», «распорядителей» и даже «собственников» ресурсов и институтов (в последнем случае — их властно-регулятивных возможностей)³.

Впрочем, логика сетевого рекрутинга, создавая возможности для бесконтрольного расширения дискреционных полномочий и ренто-ориентированного поведения госбюрократии, их коррупционных практик, неизбежно подразумевает «отрицательную» селекцию правящих кругов. Однако такие практики органично выписы-

---

³ Правда, ряд ученых полагает, что укрепление семейно-родственного компонента свидетельствует об архаизации элитарного рекрутинга [Гаман-Голутвина 2012: 36]. Однако в контексте формирования сетевого ландшафта власти это представляется вполне органическим компонентом эволюции правящего меньшинства.

ваются в складывающуюся систему власти, поскольку предоставляют «вершинам» сетей, прежде всего лидеру-«диктатору», дополнительные возможности для контроля за их поведением [De Mesquita, Smith 2011].

В то же время, поскольку между сетями (действующими по принципу «здесь и сейчас» и при этом не согласных на любые формы контроля, хоть на время пытающимися отодвинуть получение ими бенефита), как правило, не бывает компромиссов (за исключением противостояния оппозиции правящему режиму или в условиях резкого кризиса легитимации), то и процесс принятия решений становится перегруженным внутренними конфликтами и препятствиями для совместной деятельности государства и общества. Ну а гибридные и медиакратические режимы и вовсе показывают ограниченность принципов публичного взаимодействия меньшинства и большинства, которые уже нельзя интерпретировать в категориях элитарных и неэлитарных слоев. Вместо этих привычных форм и механизмов общество сталкивается с всемерным распространением диффузных сетей производителей решений, в результате чего даже деление на управляющих и управляемых становится недостаточным [Smith 1993: 56–65].

Коротко говоря, сегодня уже достаточно — пусть даже, по мнению скептиков — «ранних» симптомов изживания тех базовых условий, которые породили и воспроизводили элитарные группы. Сетевые коалиции, став фактическими операторами власти, по сути, уже перестроили управленческий дизайн государственной власти и управления. То есть, усилив партикуляризацию принимаемых в государстве решений, они добились и партикуляризации (корпоративизации) государственной власти как таковой. Совершаемая сетями приватизация политики превратила кодифицированные правила государственного управления и ценности общественного блага в основание точечного бенефита для отдельных агентов. В этом контексте трансформации системы управления прежде всего происходят за счет локализации матричных форм управления, обусловленных межсетевыми коммуникациями между лицами, принимающими решения, и выгодополучателями реализуемых целей.

Характерно, что об этих качественных трансформациях по своему свидетельствует даже распространение новых терминов. К примеру, «постдемократии», «постправды» и других стандартных явлений с префиксом «пост» (констатирующих качественное изменение референций объектов, но отражающих неопределенность их новых состояний) наглядно демонстрируют встраивание власти в новую для себя историческую форму. Так что если элитам во многом была неподвластна хаотизация социальных отношений, а нарастание нелинейных зависимостей вело не просто к ослаблению норм, но и к снижению их политического статуса, то для современного правящего класса сетевая реорганизация зоны принятия государственных решений позволяет уверенно справляться с этими проблемами.

Одним словом, нынешние реалии показывают, что правящий класс, первым почувствовав «запах перемен», стал оперативнее менять правила игры, перестраивая конструкции своего меньшинства, ответственного за принятие решений и перераспределение ресурсов. И в этом плане сетевые ассоциации правящего класса сполна проявили свое морфологическое преимущество (обусловленное превосходством исходной социальной консолидации партнеров, образующих свои «микроміры» в пространстве власти), опередив по своему функционалу как публичные институты (с изъятием их нормативного регулирования и «антропологическим обмелением» госчиновников (А. Неклесса), так и любых медиаторов (вторичные ассоциации с присущим им формализмом, дефицитом конвергенции управляющих и управляемых и т.д.).

В то же время для системы управления существует и своеобразная плата за построение такой системы госрегулирования. И прежде всего это возникновение так называемой «стратегической растерянности» (А. Неклесса) властей, утрачивающих (в силу ориентации сетей на парциальные формы получения ресурсов) долгосрочные и дальнесрочные ориентиры государственной политики. Фактом является и то, что от центров государственного управления в рамках сетевого управления уже не требуется проявления интеллектуального или морального превосходства. Существенным следствием наступления сетевого ландшафта стало и

принципиальное падение влияния политических партий, массмедиа и других авторитетных медиаторов, уступающих место иным формам коммуникации в системе выработки и реализации целей. Учитывая повсеместность сетевой переориентации власти, невольно напрашивается вывод, что утверждающиеся и расширяющиеся паттерны принятия решений и обновления правящего слоя являются маркерами эволюции и самого государства.

Конечно, фактическое доминирование сетевых коалиций правящего класса (кланов, клик, клиентел, парантел и пр.) еще не закреплено в правовых конструкциях⁴ и тем более вызывает отрицательную реакцию общественного мнения, ориентированного на представительство интересов населения, приоритет публичных институтов и общественные ценности, снижение дискриминации граждан как участников принятия решений и т.д. То есть на приоритет привычного институционального дизайна, предназначенного для балансирования интересов власти и общества и воспроизводства государства, в котором правительства зависят от позиций населения. В силу этого структуры сетевого правления неизбежно вынуждены активировать инструменты информационно-символического давления на массовое сознание. Давления, направленного на умиротворение общественного мнения и легализацию предлагаемых ими политических проектов. Но поскольку сети как носители патрон-клиентской этики не могут выступать в качестве источника морально-этического притяжения для общества, то манипулирование и дезинформация становятся для сетевого сообщества правящего класса основными инструментами организации политического дискурса.

Итак, сегодня уже недостаточно трактовать сетевой ландшафт принятия государственных решений и используемые правящим меньшинством неформальные методы властвования как неосознанный результат взаимодействия и незначительный по своему влиянию «тип коллективных действий» [Капелюшников 1998].

---

4 Однако, хотя неформальное «политическое господство» в основном имитирует традиционную структуру власти, в ряде переходных государств оно уже формирует свою законодательную оболочку.

Явно нерелевантным является и отношение к представителям сетевых структур, контролирующим институты власти, как к политическим элитам. Это уже не безобидные «микроинституты», а структуры, под влиянием которых современное национальное государство обретает вполне ритуальную и символическую форму.

Одним словом, за «дефектными» институтами и деформированным дизайном сегодня уже кроются новые структуры власти, лишь по форме напоминающие публичные структуры, но занимающиеся совсем иной основной деятельностью. Сетевые коалиции уже интегрировали институциональный дизайн методом «ползучего захвата». Сетевой ландшафт поглотил институциональный дизайн с его нормами и традициями, законами и фигурами (впрочем, не имевшими ничего против перепрофилирования своих усилий). В этом контексте даже коррупция стала встроенным механизмом не институтов, а процедурой поощрения нового правящего меньшинства, формой откупа решений и институтом кормления.

Налицо новая конфигурация организации власти, где трансформированные публичные институты с частично сохранившимся функционалом взаимодействуют с институциональными суррогатами, субститутами, «возникающими на месте ослабленных или демонтированных институтов» [Петров 2007], находящимися под контролем сетевых ассоциаций. Это формирование перестраивающейся иерархии в сетевой ландшафт, в так называемую «стратарию» (Дж. Сартори) означает не столько появление в государства новых центров власти, сколько перестраивание управленческого профиля «узлов» государственных решений в целях минимизации общегражданских интересов как источника политических решений. В этом контексте публичные цели превращаются в инструмент символического прикрытия подлинных замыслов меньшинства и легитимации целей правящего режима.

Современная элита в полной мере продемонстрировала свою способность менять правила игры во время самой игры, т.е. преодолевать ограничения, накладываемые на нее формальными институтами [Knight 1992]. Так что сегодняшняя активность сетевых коалиций в виде разнообразных «клик», «кланов», «семей» и прочих аналогичных акторов обретает системный характер, а их при-

вычные паттерны исполнения власти, по сути, свидетельствуют о внутренней перегруппировке правящих кругов, выводящих на первый план свои наиболее эффективно действующие фракции, перегруппировке, которая уже не позволяет оперировать термином «правлящие элиты» в прежнем теоретическом значении.

По сути, правящее меньшинство превращается в бенефициариев (получающих от своих методов управления социальные выплаты, привилегии, ресурсы), контролеров и проектировщиков решений, брокеров, «играющих» на общественные ресурсы. В России это хорошо заметно на фоне угасания политической воли руководства для борьбы с теневыми доходами и отмыванием средств или же усилий властей, стремящихся компенсировать убытки частным корпорациям, попавшим под западные санкции. Более того, подключение к сетевой системе привилегированного правления детей и родственников крупных чиновников возрождает в России аристократические традиции формирования правящего класса, в еще большей степени усугубляющие социальный раскол в обществе.

Одним словом, сегодня появляется все больше системных фактов, подтверждающих тот факт, что современное государство и общество сталкиваются не с разложением элиты, а с ее превращением в новый вид правящего меньшинства. Меньшинства, для которого открыты неформальные каналы перехода в стан не официальных, а ключевых лиц, принимающих решения. В этом смысле сетевики практически монопольно структурируют «под себя» социальное и политическое пространство государства [Дука 2003: 162–186].

При этом постепенный переход правящего меньшинства от использования административно-публичного ресурса к качественному изменению дизайна, уничтожающему партийные рынки и конкурентную политику, сопряжен не только с институциональным разложением публичности, но и с моральной деградацией элиты (воцарением принципов попечительства и господства «товарищества», не признающего гражданских ценностей). Это меньшинство, не руководствующееся гражданскими ценностями, в ряде стран уже превратилось в касту, распоряжающуюся даже не ресурсами, а жизнью рядовых граждан.

Представляется, что, получая свой бенефит, правящее меньшинство уже не вернется к элитарным формам и функциям правления. Оно уже перескочило через эту историческую ступеньку, освоив не только серые схемы управления государством, но и возможности информационного века, превратившись тем самым в некую «постэлиту».

Показательно, однако, что ряд ученых воспринимает происходящие процессы как вполне типичные для сегодняшнего времени, не нарушающие связь прошлого и настоящего, предшествующих и современных тенденций элитогенеза. Так, одни из них констатируют лишь утрату политической элитой ее стратегической субъектности (Е. Шестопад, А. Селезнева), другие вслед за К. Лэшом говорят всего лишь о бунте элит и их кратковременном выпадении из-под контроля общества (А. Неклесса), третьи сохраняют уверенность, что элита как «высшая страта политического класса» и поныне обладает своим универсальным характером [Крыштановская 2004: 26]. При этом отдельные теоретики убеждены в том, что возможно «восстановление истинного облика и смысла элит» за счет очищения от тех, кто «случайно попал в номенклатурную обойму» [Карабущенко 2010: 70]; другие видят перспективы такого обновления в смене мобилизационной на инновационную модель элитообразования (Д. Лукашевский), а третьи проявляют уверенность в том, что улучшение ситуации зависит от грядущих «элит развития» [Тимофеева 2013: 10].

Однако есть ученые, которые кладут в основание своего анализа иные представления, прежде всего рассматривая качественную трансформацию элит в зависимости от местоположения правящего слоя в структуре власти. К примеру, А. Чирикова констатирует «слияние» и даже «сращивание управленческих структур и финансово-промышленных групп» на основе неформальных договоренностей и торга [Чирикова 2010: 8], меняющих их местоположение в системе региональной власти. В более широком теоретическом контексте к сторонниками таких позиций можно причислить приверженцев теории «узлового управления» (К. Ширинг, Дж. Вуд), договорной демократии (В. Сергеев), постдемократии (К. Крауч), сетевого управления (Д. Ноук, Дж. Ричардсон) и даже неоэлити-

стов (Р. Гамильтона, Т. Дая, Х. Цайглера), которые ограничивали плюрализм исключительно рамками правящего слоя.

Впрочем, если все же сопоставить аргументы всех сторон и более строго подходить к складывающейся в верхах ситуации, то можно констатировать сосуществование двух логик формирования и функционирования правящего меньшинства. Одна связана с наследованием прежних принципов организации политической власти, сохранением ключевых институтов представительства, воспроизводством функционала публичных институтов. В этом смысле следует признать, что часть правящего меньшинства, избираемая населением, в той или иной мере (со)участвует в принятии решений и сохраняет политическую ответственность перед гражданами. Коротко говоря, здесь еще действуют политико-экономические конструкции, создающие возможность поддержания элитами традиционных коммуникаций с обществом и осуществления властно-управленческих функций. Однако вопросом является ее фактическая роль в разработке решений и проведении государственной политики.

Вторая тенденция демонстрирует, что под покровом официальных институтов уже сложилась иная властная конструкция, которая, хотя еще и не закреплена в праве, тем не менее оказывает решающее влияние и на ключевые государственные решения, и на потоки распределения общественных ресурсов. И здесь правит уже не элита, а сетевые ассоциации правящего меньшинства.

Лично для нас вопрос состоит не в том, какая из этих тенденций окажется более жизнеспособной. Представляется, что вопрос об историческом победителе административной иерархии в целом понятен уже сегодня. Проблема лишь в том, по прошествии какого времени упрочится и легализуется система правления нового — сетевого — меньшинства правящего класса. И насколько разрушительной для общества может оказаться переходная, гибридная, форма правления. В любом случае эти развилки развития правящего меньшинства для каждого государства будут иметь особую цену. Поскольку именно сетевое меньшинство, эксплуатирующее его возможности, выступает сегодня закоперщиками, проектировщиками власти, а на него население не может оказать решающего

влияния, сколько бы некоторые теоретики ни уверяли граждан в неизбежности победы демократии и грядущего устранения их дискриминации в области государственного управления.

Литература и источники

Бочаров В.В. Российская власть в политико-антропологической перспективе // Полис. 2011. № 6. С. 92–103.

Гаман-Голутвина О.В. Политический класс: сущностные и структурные характеристики // Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 39–54.

Дука А.В. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России / под ред. А.В.Дуки. СПб: Интерсоцис, 2003. С. 162–186.

Карабущенко П.Л. Элиты, неэлиты и псевдоэлиты современной демократии // Демократия. Власть. Элиты. Демократия versus элитократия / под ред. Я. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 69–79.

Капелюшников Р. Новая институциональная теория // Институт свободы «Московский либертариум». 1998. URL: <http://www.libertarium.ru/10625> (дата обращения: 10.10.2018).

Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. № 4. С. 3–39.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006.

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Инвесторы политического капитала. Социальные сети в политическом пространстве региона // Полис. 2009. № 2. С. 60–76.

Панов П.В. Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей // Институциональная политология / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С.43–92.

Петров Н. Субституты институтов // Отечественные записки. 2007. № 6/39. С. 42–54.

Сартори Дж. Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. / сост. Г. Семигин. М: Мысль, 1997. Т. 2. С. 713–729.

Скотт Дж. Коррупция, политические машины и политические изменения // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2016. С. 242–278.

Современные элита России: политико-психологический образ / под ред. Т.Б. Шестопап, А.В. Селезнева. М.: Аргамак-Медиа, 2015.

Тимофеева Л.Н. Отщепенцы или новые страды развития? На какие категории можно разделить нынешнюю контрэлиту и чего она добивается // Независимая газета. Приложение НГ-политика. 03.09.2013. № 186.

Чурикова А.Е. Российская элита и ее роль в общественном развитии: вызовы XXI века // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние: научные и публицистические заметки обществоведов / под ред. О.Т. Богомолова, Б.Н. Кузыка. М.: Институт экономических стратегий, 2010.

De Mesquita B.B., Smith A. The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics. N.Y.: Public Affairs, 2011.

Gairney P. Understanding Public Policy: Theories and Issues. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Ostrom E. An Agenda for the Study of Institutions // Public Choice. 1986. № 48. P. 3–25.

Scott D., McClurg S., Lazer D. Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36, № 1. P. 1–4.

Siegel D.A. Democratic Institutions and Political Networks // The Oxford Handbook of Political Networks / ed. by J.N. Victor, A. Montgomery, M. Lubell. Oxford; New York: Oxford University Press, 2018. P. 817–833.

Smith M.J. Pressure, Power and Policy: State Autonomy and Policy Networks in Britain and the United States. Harvester Wheatsheaf: Hertfordshire, 1993.

THE RULING MINORITY OF MODERN RUSSIA: QUO VADIS?

A. Solovyev

Abstract. *The article shows how the modern political dynamics significantly undermined exact foundations of the state structure, which were the constitutive conditions for the existence of the political elite acting as the ruling minority. The main reason for this situation was the existing diversity of social actors involved in the formation of public policy, and most importantly — the constant use of informal channels of pressure on the government by network coalitions of the ruling class. As practice has shown, such processes have steadily reduced the functionality of public institutions. As a result of the constant use of latent methods of influence on the official power and management structures in the state was formed the space of the actual centers (“nodes”) of political decision-making. This situation not only broadened the sphere of political influence of network coalitions, but also began to oust elite circles from the process of formation of state policy, whose positioning in power is rigidly connected with the service of public institutions and the representation of civil interests. Because of this, there are two opposing trends in modern Russia, one of which reflects the formation of the body of managers on the basis of representation of civil interests and service of public institutions, and the other on the basis of the activities of network stakeholders, forming a new ruling minority in the system of public administration.*

Keywords: *political elite, ruling minority, ruling class, public decision-making, public administration, intertwined institutions, elite networks.*

References

Bocharov V.V. Rossijskaya vlast' v politiko-antropologicheskoy perspective [Russian authorities in a politico-anthropological perspective], *Polis*, 2011, 6, pp. 92–103. (In Russian)

Chirikova A.E. Rossijskaya ehhlita i ee rol' v obshchestvennom razvitii: vyzovy HKHI veka [The Russian elite and its role in social development: the challenges of the twenty-first century]. In: *Neehkonomichekije grani ehkonomiki:*

nepoznannoe vzaimovliyanie: nauchnye i publicisticheskie zametki obshchestvovedov [Non-economic facets of the economy: an unknown mutual influence: scientific and journalistic notes by social scientists]. Ed. by O.T. Bogomolova, B.N. Kuzyka. Moscow: Institut ehkonomicheskikh strategij, 2010. (In Russian)

De Mesquita B. B., Smith A. *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics*. New York: Public Affairs, 2011.

Duka A.V. Problemy institucionalizacii rossijskoj politiko-administrativnoj ehliny: ehkonomicheskij i global'nyj aspekty [Problems of the institutionalization of the Russian political and administrative elite: the economic and global aspects]. In: *Vlast' i ehliny v sovremennoj Rossii* [Power and elites in modern Russia]. Ed. by A.V. Duki. St. Petersburg: SI RAN, 2003, pp. 162–186. (In Russian)

Gairney P. *Understanding Public Policy: Theories and Issues*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

Gaman-Golutvina O.V. Politicheskij klass: sushchnostnye i strukturnye karakteristiki [Political class: essential and structural characteristics: Political class in modern society]. In: *Politicheskij klass v sovremennom obshchestve* [Political class in modern society]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvinoj. Moscow: ROSSPEHN, 2012, pp. 39–54. (In Russian)

Kapelyushnikov R. Novaya institucional'naya teoriya [New institutional theory], *Institut svobody «Moskovskij libertarium»*, 1998. URL: <http://www.libertarium.ru/10625> (available: 10.10.2018). (In Russian)

Karabushchenko P.L. Ehliny, neehliny i psevdoehliny sovremennoj demokratii [Elites, non-elites and pseudo-elites of modern democracy]. In: *Demokratiya. Vlast'. Ehlity. Demokratiya versus ehlitokratiya* [Democracy. Power. Elite. Democracy versus elitocracy]. Ed. by Y.A. Plyajsa. Moscow: ROSSPEHN, 2010, pp. 69–79. (In Russian)

Knight J. *Institutions and Social Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Kryshchanovskaya O.V. Sovremennye koncepcii politicheskoy ehliny i rossijskaya praktika [Modern concepts of political elite and Russian practice], *Mir Rossii* [World of Russia], 2004, 4, pp. 3–39 (In Russian)

Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: Hranitel', 2006. (In Russian)

Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. Investory politicheskogo kapitala. Social'nye seti v politicheskom prostranstve regiona [Investors political capital. Social networks in the political space of the region], *Polis*, 2009, 2, pp. 60–76. (In Russian)

Ostrom E. An Agenda for the Study of Institutions, *Public Choice*, 1986, 48, pp. 3–25.

Panov P.V. Institucionalizm racional'nogo vybora: potencial i predely vozmozhnostej [Institutionalism of rational choice: potential and limits of possibilities]. In: *Institucional'naya politologiya [Institutional Political Science]*. Ed. by S.V. Patrushev, Moscow: ISP RAN, 2006, pp. 43–92. (In Russian)

Petrov N. Substituty institutov [Substitutes of institutions], *Otechestvennye Zapiski [Domestic Notes]*, 2007, 6/39, pp. 42–54. (In Russian)

Sartori G. Peresmatrivaya teoriyu demokratii [Reconsidering the theory of democracy]. In: *Antologiya mirovoj politicheskoy mysli v 5 t. [Anthology of world political thought in 5 volumes]*. Sostavitel G. Semiggin. Moscow: Misl, 1997, vol. 2, pp. 713–729. (In Russian)

Scott J. Korrupciya, politicheskie mashiny i politicheskie izmeneniya [Corruption, political machines and political changes]. In: *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti [Patron-client relations in history and modernity]*. Moscow: ROSSPEHN, 2016, pp. 242–278. (In Russian)

Scott D., McClurg S., Lazer D. Political Network, *Social Network*, 2014, 36 (1), pp. 1–4.

Siegel D.A. Democratic Institutions and Political Networks. In: *The Oxford Handbook of Political Networks*. Ed. by J.N. Victor, A. Montgomery, M. Lubell. Oxford; New York: Oxford University Press, 2018, pp. 817–833.

Smith M.J. *Pressure, Power and Policy: State Autonomy and Policy Networks in Britain and the United States*. Harvester Wheatsheaf: Hertfordshire, 1993.

Sovremennye jelita Rossii: politiko-psihologicheskij obraz [Modern elite of Russia: political and psychological image]. Ed. by T.B. Shestopal, A.V. Selezneva. Moscow: Argamak-Media, 2015. (In Russian)

Timofeeva L.N. Otshchepency ili novye straty razvitiya? Na kakie kategorii mozhno razdelit' nyneshnyuyu kontrehlitu i chego ona dobivaetsya [Derelicts or new strata of development? What categories can the current counter-elite be divided into and what does it want], *Nezavisimaya gazeta, prilojenie NG-polika*, 03.09.2013. (In Russian)

ВЛАСТНЫЕ ЭЛИТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СКАНДАЛА (СЛУЧАЙ ГЕНЕРАЛА ЗОЛОВОТА)

А.В. Дука

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.5>

Аннотация. *Статья посвящена скандалу, связанному с вызовом на дуэль оппозиционного политика и блогера А.А. Навального директором Росгвардии генералом армии В.В. Золотовым в ответ на публикацию коррупционных разоблачений. Показывается, что скандал демонстрирует состояние и структурирование российского политического процесса, характеризует институционализацию социально-политического порядка (включая институционализацию властных групп). Делаются выводы о неполной институционализации постсоветского государства и властной элиты. В значительной степени институционализация властных групп произошла, во-первых, в ущерб институционализации государства. Отсюда элемент произвола в их деятельности достаточно велик. Во-вторых, в условиях такой институциональной ситуации роли оказываются не вполне интериоризированными. Возникает рассогласование между статусными и институциональными требованиями и реальным поведением элитных персон. Однако это не проблематизируется властными инстанциями. Утверждается, что российское публичное пространство не вполне публично: его институционализация как пространства современной политики и гражданского взаимодействия также не завершилось. Вместе с тем можно говорить, что в публичном пространстве действие на публику, привлечение публики, действие самой публики производит значимый эффект. В этом отношении публичная фигура в этом пространстве переигрывает (полу)закрытые бюрократические персоны. Между тем административная непубличная система в (полу)закрытых обществах оказывается более успешной. Фиксируется достаточно сильный контроль над СМИ со стороны властных групп. В скандале выделяется часть скандального, но в специфическом ракурсе. Происходит дозирование информации о невыгодных для власти скандалах. Скан-*

дали же, отвлекающие общественность от важных проблем, раздуваются, гипертрофируются. Происходит дальнейшая инструментализация морали в политике. Она перестает играть внутреннюю регулирующую роль. Апелляция к ней носит внешний ритуальный характер при сильной ослабленности ценностно-нормативной системы общества.

Ключевые слова: *политический скандал, власть, элиты, публичное пространство, институционализация, социальные порядки, социальное пространство, мораль, СМИ, политический процесс, легитимность, дискурс, церемония принижения.*

Вызов на дуэль А.А. Навального генералом армии В.В. Золотовым 11 сентября 2018 г. [Обращение... 2018] на первый взгляд кажется событием экстраординарным и экстравагантным. Бурная реакция части общественности через несколько дней утихла, многочисленные комментарии стали историей *одного из* скандалов. Из *видимых* политических последствий можно указать на активность депутата Госдумы [В России... 2018; Иванов 2018], предложившего законопроект о дуэлях. Но, как указали специалисты, эта новация оказалась плагиатом [Левченко 2018]. Тем не менее появились и юридические отклики [Адвокат... 2018]. Через месяц автор законопроекта его отозвал [Автор... 2018]. Сам же Алексей Навальный только 24 сентября впервые прокомментировал заявление Виктора Золотова [Навальный впервые... 2018], поскольку с 27 августа он находился под арестом. 18 октября, через пять дней после 50-суточного административного ареста, А. Навальный дал развернутый ответ директору Росгвардии с новыми разоблачениями и согласием на дуэль, но в форме теледебатов [Навальный 2018б]. Виктор Золотов ответил отказом [Золотов... 2018].

Это яркое¹ и кратковременное событие высвечивает существенные проблемы бытования власти в России и структурирование политического процесса. Я коснусь некоторых из них: институционализация социально-политического порядка (включая

---

¹ В сентябре 2018 г. Виктор Золотов занял четвертую строчку самых цитируемых блогеров России после Сергея Собянина, Марии Захаровой и Рамзана Кадырова [ТОП-15 2018].

институционализацию властных групп) — это центральная проблема; организация социального пространства; (само)идентификации участников политического процесса; проблема политической морали и морального порядка; легитимность и легитимация социально-политического порядка и активности политических акторов. Как видно, все указанные проблемы достаточно сильно связаны друг с другом.

Надо заметить, что наша страна мало чем отличается от других. Исследователи отмечают, что для современной политики скандалы, коррупция и кризис легитимности являются существенными компонентами [Çakır-Demirhan 2017: xiii]. А для большинства высших администраторов скандалы — часть их общей политической жизни [Rottinghaus 2014: 131]. Именно поэтому можно говорить об общих принципах институционализации и функционирования социетальных порядков.

Важен контекст события, рассматриваемого здесь как скандал: системная коррупция, о которой достаточно много пишут и говорят; исключение одного из участников действ — А. Навального — из официального публичного дискурса. Однако незадолго до 11 сентября, 1 сентября 2018 г., на встрече В.В. Путина с учащимися центра «Сириус» один из участников мероприятия был одет в майку с логотипом Навального. «Подчищать» совместную фотографию президента с «бунтарем» не стали [Егорова 2018; Попов 2018]. Между тем фамилию оппозиционера В.В. Путин не произносит, а официальные СМИ словно не замечают активность А. Навального [Казун 2018]. Такой тактики игнорирования придерживались и остальные высшие администраторы и политики². Уже после описываемого события публикация интервью с А. Навальным серьезно отразилась на одном отечественном издании [Суд оштрафовал... 2018; 22 миллиона... 2018].

Статус события в дискуссии по поводу вызова на дуэль не вполне определен участниками обсуждения и властными структурами: это событие речевой деятельности или событие практиче-

---

² О молчании и замалчивании как стратегии и тактики политического дискурса см.: [Копылова 2015; 2016; Полякова 2012; 2013; 2014].

ской политики. Конечно, и слово может иметь практические последствия. Но в первом случае реакция может быть не столь жесткая. В любом случае событие предполагает формулирование участниками конфликта пространства взаимодействия и, таким образом, распределение ролей. Каждая из сторон, а также публика и властные инстанции стремятся навязать свое видение происходящего. Конкуренция в определении того, *где и кто действует* — важный аспект социального конфликта по поводу основных характеристик социального порядка и социального взаимодействия.

Это связано с тем, что считается содержанием события, ведь не зря некоторые комментаторы задаются вопросом: «Что это было?» Предлагаются различные ответы: опровержение диффамации и контробвинение в клевете; борьба представителя власти с представителем оппозиции; система против антисистемы; борьба вокруг легитимации властных групп и т.п. Такие же затруднения возникают и в связи с отнесением этого скандала к области морали, политической сфере или к правовому полю. Причем все ответы могут оказаться релевантными.

Большинство исследователей сходятся в том, что скандал связан с серьезным нарушением норм, что скрывается нарушителями, но становится известным. Кроме того, скандал должен быть эксплицирован в публичном пространстве [Шейгал 2004: 272–273]. И он может потенциально нанести ущерб репутации [Thompson 2000: 13]. Н. Луман непосредственно связывает скандалы со СМИ, которые их создают, публикуя факты нарушения норм [Луман 2005: 51; также см.: Hermann 2017: 24]. Скандал разворачивается в пограничной зоне между фактами и спекуляциями, серьезностью и развлечением [Дмитриев, Сычев 2014: 23]. Эти характеристики усиливаются в современных СМИ, которые все больше сами становятся пограничными, что особенно характерно для социальных медиа. Скандал может быть социально-локальным. Он может быть связан с нарушением норм для определенной социальной группы. Другие группы или все общество может и не обратить внимание на событие, которое определяется как скандальное данной группой. В этом отношении он связан с конкретной публикой. Это, в свою очередь, связано с дифференциацией публичной сферы и специфическим

структурированием социума. Здесь важно суждение Габриеля Тарда о возникновении публик и публики в связи с развитием прессы [Тард 1998: 264–266]. Публика реагирует на трансгрессию, формируется общественное мнение в отношении нарушения границ общепринятого. Возникает разделяемое по крайней мере частью публики чувство неприемлемости нарушения норм. В этом отношении скандал провоцирует практическую деятельность и/или публичное и приватное обсуждение.

Любой скандал, связанный с властными элитами, проявляет себя как политический, но не в силу политизирующего присутствия элит (как озолочение предметов царем Мидасом), а в связи с их институциональными характеристиками и особенностями функционирования, а также в силу воздействия скандала на публичную сферу. Прежде всего политический скандал эксплицирует отношение элит к общепризнаваемым нормам и ценностям (это вдруг становится ясным) и отношение публики к властным группам и их деятельности в связи с поправлением этих норм и ценностей.

ПРОБЛЕМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Российская трансформация естественным образом связана со сменой социетального порядка, фиксирующего общество в его структурно-институциональной целостности, основанной на определенных принципах функционирования. В этом отношении фиксируется не существующее «здесь и сейчас» положение или идеально-нормативные представления о должном, а состояние динамического равновесия систем и подсистем общества, предполагающее в том числе и многообразие форм. Существенно описание социальных порядков в исследовании Дугласа Норта с коллегами: «Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, способ, которым общества ограничивают или открывают доступ к этим организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие. Поскольку социальные

порядки порождают различные модели поведения, индивиды в различных социальных порядках формируют различные представления о том, как ведут себя люди вокруг них» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 40]. Необходимо, чтобы не возникло недоразумения, отметить, что анализ авторов этого текста связан с представлениями об институтах как нормах. В данной статье рассуждения строятся в рамках традиции, восходящей к Э. Дюркгейму, и социальные порядки рассматриваются иначе. Однако цитируемое суждение не противоречит развиваемым здесь идеям.

Институционализация социального порядка предполагает «строительство институтов» [Eisenstadt 1971: 39]. Это предусматривает в том числе и переформатирование старых институтов. Особой проблемой является восстановление их функций, не противоречащих новым принципам функционирования, в полном объеме. В условиях быстрой смены политического режима, сопряженного со сменой социетального порядка, может происходить существенная персональная и групповая замена лиц, занимающих элитные позиции. В частности, государство «захватывается» и приватизируется новой элитой. В российских условиях это достаточно очевидно: происходит серия государственных переворотов (1991 и 1993 гг.), изменяющая не только социально-политическую систему, но и частично персональный состав властных групп (во всяком случае в федеральной части).

Важнейший институт — государство — в условиях такого переформатирования временно теряет часть своих функций. Оно остается лишь номинально сувереном и не может в полном объеме защищать свои права (функции) и свои активы. Восстановление государственного суверенитета происходит фрагментарно и постепенно. Тем более что группы, находящиеся у власти (и делящие ее) не всегда готовы подчиниться общим требованиям, что связано с ущемлением их возможностей по (пере)распределению общих ресурсов. Здесь есть важный социальный аспект проблемы, описанный еще С. Хантингтоном и связанный с первоначальным накоплением властных «социально-экономическо-политических» ресурсов: властные группы должны социально-экономически соответствовать своим новым позициям [Хантингтон 2004].

Этим можно объяснить достаточно слабую и выборочную реакцию государственных институтов на информацию о коррупции. Журналистские и общественные расследования, будучи опубликованными, не имеют своего естественно-нормативного продолжения. А если оно происходит, то завершение не всегда удовлетворяет общественность, что говорит о наличии вертикальной дистанции «власть — общество». В частности, информация Навального о коррупции в Росгвардии никак не расследовалась. Существует еще один аспект проблемы. Часто влиятельные персоны оказываются также и вне возможного контроля центральной элиты. Видимо, учитывая эту неуязвимость, 9 ноября 2018 г. Верховный суд принял решение о том, что уголовное дело в отношении влиятельного лица может быть передано в суд другого региона, что немного корректирует требование закона [Клювгант 2018]. Тут возникает другая проблема — произвол властных групп, трактующих закон исходя из целесообразности. Но это другая тема.

Процесс институционализации связан со взаимной типизацией опривыченных действий [Бергер, Лукман 1995: 92]. В рамках общества происходит нормирование действий, закрепление ролевого поведения. Институционализация социального порядка представляет собой процесс (и его результат) возникновения и закрепления структур и механизмов поддержания устойчивости образцов и форм поведения социальных акторов, соответствующих норм и стимулов. Вместе с тем социальные порядки подвержены постоянным изменениям ввиду меняющегося контекста деятельности участников социального процесса и подвижности самих акторов. Как отмечал Ш. Эйзенштадт: «Институционализация любой социальной системы — будь то политическая, экономическая или система социальной стратификации или общности, или роль — создает на своей волне возможности для изменения. Процесс институционализации является организацией социетально предписанной системы дифференцированного поведения, ориентированного на решение определенных проблем, свойственных большой области общественной жизни» [Eisenstadt 1964: 235]. Возникновение нового социального порядка, переход России к капитализму и буржуазным отношениям порождают новый тип власт-

ных групп и иерархий. В этом смысле происходит становление новых групп доминирования, институционализация властных элит. Соответственно, это новое властное сообщество постепенно вырабатывает соответствующие образцы и нормы поведения. Этот процесс не однолинейный и не происходит вне влияния общества, различных социальных групп, находящихся в конкурентных отношениях. Предметом конкуренции выступают прежде всего разнообразные общественные ресурсы, включая нормы, регулирующие доступ к ним. Помимо этого, сформировавшиеся культурные формы вертикальных и горизонтальных взаимоотношений оказывают существенное влияние на процесс институционализации. Одной из форм борьбы социальных групп и одновременно механизмом культурной и институциональной динамики является скандал [см.: Букс 2008]. Скандал представляется «резким отклонением от нормы» [Руднев 2008: 29; также см.: Herkman, Matikainen 2017: 3, 24]. В этом отношении он противостоит институционализации и институциональности, поскольку в процессе своего развертывания разрушает существующую упорядоченность и нормированность. Скандалистов не любит прежде всего власть. Но иногда и она прибегает к этому инструменту. Существенно, как пишет Майкл Джорджес, что «институционализация подразумевает, что все участники политического процесса понимают и принимают его правила и что борьба за пределами рамок, внутри которых осуществляется политика, исключена» [Gorges 2001: 138]. А вот правила не всегда эксплицированы. Это становится основанием для апелляции конкурирующих политических групп к разным нормам. В этом отношении скандал одновременно выступает и механизмом нормирования и конвергенции.

Скандалу 11 сентября (последующие события я рассматриваю как продолжение этого) предшествовал скандал 23 августа³, что позволяет рассматривать эти два события как две части одного скандала (истории известны случаи многолетних скандалов. Например, скандал вокруг князя Эйленбургского продолжался три года (1906–1909 гг.) [Кольрауш 2015]). В этот день на сайте Фонда

---

³ Или первичный курс скандала [Шейгал 2004: 272].

борьбы с коррупцией появилось расследование о закупке продуктов для Росгвардии [Навальный 2018a]. Здесь существенно, что первоскандал направлен против официально существующих норм и институтов. Причем у него два плана. Первый, непосредственно эксплицируемый, целью своей имеет борьбу с коррупцией и «защиту интересов людей в погонах»: «Рассказываем, как начальство объедает своих подчиненных». Второй план имплицитно содержит критику а) укрывающейся власти: «В России больше 340 тысяч сотрудников Росгвардии. Это такая специальная структура, чтобы защищать власть, Путин создал ее и поставил во главе своего личного охранника Виктора Золотова»; б) системы (пере)распределения ресурсов, подконтрольной властным персонам, от которых надо защищаться — «от Путина, от Золотова, от Медведева с его дружками и прочих жуликов» [Навальный 2018a].

Второй скандал вроде бы призван нормировать ситуацию. Он очевидно замысливался не как скандал, а как отпор скандальному разоблачителю. Однако по существу он также выступает вразрез с существующими официальными нормами. Министр (а директор Росгвардии — почти министр) не может публично действовать внеправовым, внесудебным образом в разрешении конфликта не-приватного свойства. Даже в последнем случае закон накладывает ограничения. Дуэль не просто архаичный способ разрешения межиндивидуальных конфликтов внутри определенной привилегированной группы. Она — открытое неприятие монополии государства на насилие, монополии на регулирование гражданских отношений, на ограничение государством форм ответственности граждан за свою деятельность.

Эта двойная трансгрессия демонстрирует слабую институционализированность образцов и норм поведения. Смещение контекстов и ролей генералом объяснимо в силу именно недостатка институционализации политического (включая властный) порядка. Нора Букс отмечает: «Скандал содержит в себе и зародыш противоборства, дуэли, правда принципиально отличаясь от последней. Дуэль, будучи строго ритуализирована, получила тем самым свое оправдание. Тогда как скандал, соблюдая лишь одно условие — публичность атаки, сохраняет за собой право использовать любые

средства и остается вне системы как возможность ее периодического раскачивания» [Букс 2008: 10]. Но если Навальный сознательно и целеустремленно атакует систему, то Золотов просто не понимает системного смысла своей акции. Ролевое поведение генерала в системе порядков неустойчиво, так как его интенции нерелевантны сложившимся практикам и частично опираются на миф об «офицерской чести» и корпоративность, социальную особость. Он рассматривает свое индивидуальное существование как корпоративно-профессиональное. То есть он не делает различия между своим частным Я и профессионально-ролевым Я. Здесь, скорее, речь идет о приватизации должности с представлением ее в качестве элемента или части сословия. Этот миф в публицистике («Проект Россия») [Шалыганов 2012] и заявлениях высших должностных лиц силовых ведомств (В. Черкесов) [Черкесов 2004; 2007] уже встречался.

Отсюда возникают и различия в понимании и принятии «естественности» поведения в публичном пространстве. С одной стороны, открытость, транспарентность, связанные в конечном счете с демократией, на что упирает Навальный. И это предполагает в том числе критическое действие в рамках контролируемых общественностью институтов. С другой стороны, закрытость, приемлемость расходящихся с общими гражданскими нормами корпоративных норм и соответствующих действий. Характеризуя бюрократию Веймарской Германии, В. Хеннис писал: «Служба» оставалась тем же, чем она была при монархии: категорией чиновного права с главой государства в качестве «хранителя», «институционального гаранта» этого экстрадемократического «служебного» мира» [Хеннис 2005: 119]. Ситуация с постсоветским переходом схожая. Старые принципы и традиции в деятельности административной элиты после крушения авторитарных режимов сохраняются довольно долго. Элиты, прежде всего бюрократические, стремятся максимально контролировать публичное пространство и монополизировать регулирование вопреки действиям гражданского общества.

Трансформирующееся российское общество характеризуется тем, что не институционализированы и не интериоризированы

формы ответа на диффамацию, за исключением силовых. В истории постсоветской России достаточно многочисленные истинные и мнимые разоблачения в средствах массовой информации редко были основаниями для подачи судебных исков по поводу содержания информационного сообщения. Властные элиты боролись с дискредитирующей информацией через обвинения иного рода. Наиболее сильное — обвинение в разжигании ненависти к социальным группам. Введение в Уголовный кодекс соответствующей статьи (ст. 282 УК РФ. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) позволило уголовно преследовать оппонентов. Существенно, что эта норма содержится в разделе «Преступления против государственной власти», в главе «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». В качестве примера можно привести предостережение о разжигании розни к социальной группе «чиновничество», полученное партией «РПП-Парнас» в июне 2015 г. в Магадане [Партия... 2015]. Но наиболее частая реакция в современной России — молчание и бездействие. Замалчивание происходит и с дискредитирующей властных персон и групп информацией, приобретшей статус скандала. В частности, очевидно незначительное внимание федеральных СМИ к скандалу с генералом Золотовым [Федеральные каналы... 2018]. Тактике замалчивания способствует кратковременность события и вытеснение из публичной дискуссии связанных со скандалом сюжетов.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Прежде всего необходимо подчеркнуть публичность действующего в публичном пространстве человека. Здесь важны процессы, изменяющие уже измененное советское пространство. Происходит институционализация публичного пространства как констелляции относительно автономных социальных субпорядков с определенным набором социальных ролей, а также институционализация ролевого поведения персонами, занимающими определенные позиции.

Для «зрителя» всегда важно, насколько участники действия выучили свои роли. Однако не всегда есть однозначное понимание у

«зрителей» относительно этих ролей. Одним из таких «рассогласований» является роль военных. Традиционно в России военные в большинстве своем не стремились демонстрировать себя в качестве публичной фигуры. Выступление в политическом поле не только необычно, но и нарушает определенную субординацию. В свое время директор Наркоконтроля Виктор Черкесов заплатил за свое стремление быть публичной фигурой. Здесь и возникает вопрос о степени институционализации политико-административной сферы и интериоризации соответствующих ролей. В этом отношении само выступление В. Золотова частью публики воспринималось как санкционированное Кремлем. В противном случае произошедшее явным образом нарушало сложившиеся представления и практики бюрократической иерархии. В любом случае активность генерала нарушала принятый порядок и вносила дезорганизацию и дезориентацию. Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков заявил, что вызов на дуэль не согласовывался. Более существенными оказались следующие слова: «Иногда с бесовестной клеветой можно бороться любыми способами. Когда была бесовестная клевета, которая является не чем иным, как нарушением существующего законодательства. Конечно, лучше такую клевету пресекать на корню» [Иногда... 2018]. Примечательно, что допускается борьба любыми способами. При этом правовые не упоминаются. Остается открытым и способ «пресечения на корню». Таким образом, связь между ролевым поведением должностного лица (Золотов во время своего обращения одет в форму, и ролик с обращением размещен на официальном сайте Росгвардии) и институтами, к которым данное лицо «приписано», вроде бы ослабляется, институционально-структурные границы становятся проницаемыми. Для внешнего «нормативного наблюдателя», исходящего из «правильности» порядков, происходящее может представляться произволом.

Здесь необходимо обратить внимание на особенность института, к которому принадлежит генерал. Это силовая структура, выполняющая полицейские функции. Дж. Агамбен, отталкиваясь от шмиттовского понимания суверена, предлагает сущностный анализ института полиции: «Если суверен — это фактически тот, кто,

объявляя чрезвычайное положение и приостанавливая действие закона, символизирует собой точку неразличимости между насилием и правом, то полиция постоянно действует в состоянии, подобном “чрезвычайному положению”. Вопросы “общественного порядка” и “безопасности”, решения о которых она должна выносить в каждом отдельном случае, конфигурируют зону неразличимости между насилием и правом, абсолютно симметричную суверенитету» [Агамбен 2015: 106]. Конечно, для обывателя жестокость полиции, ее действия на грани законности могут казаться противоправными (не в смысле позитивистского понимания права). Потому что он исходит из административной функции исполнения права, на что должна быть «заточена» полиция [Там же]. И в этом случае полиция должна защищать именно его (персонального и коллективно-структурированного — гражданское общество), в этом роль ее сотрудников. Как отмечал Ж. Бенда, имея в виду более жесткую ситуацию: «Люди мало сочувствуют и “поддержанию порядка” — за этими словами им представляются атаки кавалерии, пули, летящие в людей, трупы женщин и детей. Всякий понимает, что за известием “Порядок восстановлен” стоит трагедия» [Бенда 2009: 22]. С точки же зрения властной иерархии, (относительно) автономной от граждан и гражданского общества, полиция является защитником ее. В этом заключается амбивалентность социального порядка. Рассматривая автономию как один из критериев институционализации [Хантингтон 2004], можно сказать, что властная иерархия и властные институты в России достигли определенного уровня институционализации. Но гражданское общество оказывается депривированным, если оно не отвоевывает у властных групп своих прав и своей автономии. В российских условиях ситуация усугубляется весьма слабым уровнем развития гражданской самоорганизации.

Важным аспектом описываемой проблемы является то, как выстраивается властная вертикаль. Здесь уместно провести аналогию с ситуацией германского переходного от монархии общества между мировыми войнами. Вот как ее описывает В. Хеннис: «...с конституционно-теоретической точки зрения мне кажется, что решающей причиной был не столько чрезмерно “плебисцитар-

ный” характер президентства в Веймарской республике, сколько непропорционально большая по сравнению с рейхстагом и правительственным кабинетом “служебная оснащенность” этого поста, по сути монополизация “службы” президентом» [Хеннис 2005: 118]. Помимо этого, неготовность партийно-политической элиты к осуществлению власти способствовала укреплению бюрократии, не ориентированной на демократические формы правления [Хоффманн-Ланге 2017: 36–37]. В современной России мы видим гипертрофированную роль Администрации президента и силовых ведомств, непосредственно подчиненных первому должностному лицу, слабость парламента и партий. Отсюда возникают исключительность указанных служб и возможность действия их руководителей экстраординарно. Ослабленный парламентский контроль и фактическое отсутствие контроля со стороны гражданского общества при минимальной информации о принимаемых решениях в этой «вотчине» президента создает неопределенность в квалификации действий властных персон. Но помимо неясности для общества (в когнитивном и практическом аспекте), существует и аналитическая проблема. Сказать со всей определенностью о степени институционализации институтов, властных групп затруднительно.

Любое социальное пространство иерархично, но у каждого есть свой вертикальный профиль. В зависимости от структурирования пространства решается вопрос о доминировании. Собственно, доминирование — центральный момент в политической конкуренции. Отсюда игра на принижение, в процессе которой решается вопрос о (не)легитимности актора. Причем она играется обоими фигурантами.

БОРЬБА ДИСКУРСОВ. «ЦЕРЕМОНИЯ ПРИНИЖЕНИЯ»

Гарольд Гарфинкель обратил внимание на важный аспект коммуникации вне зависимости от типа социальной системы: «Любая коммуникативная работа между лицами, посредством которой публичная идентичность актора преобразуется в нечто, рассматриваемое как низшее в локальной схеме социальных типов, будет называться “церемонией понижения в статусе”» [Гарфинкель 2016:

274]. Успешность осуждения связана с переопределением ситуации для свидетелей [Гарфинкель 2016: 278]. Автор выделяет восемь действий по трансформации события:

1. Выведение за рамки обиденного.
2. События и виновный должны быть помещены в схему предпочтений типовых событий. Сравнение характеристик типизированного лица и события со своей диалектической противоположностью.
3. Обвинитель должен представлять себя не как частное лицо, а как лицо, публично известное.
4. «Обвинитель должен сделать доступным для взора и бросающимся в глаза достоинство надличных ценностей племени, и его слова осуждения должны произноситься от их имени» [Гарфинкель 2016: 280].
5. Обвинитель должен представить себя правомочным говорить от имени высших ценностей.
6. Свидетели должны определить его как столпа этих ценностей.
7. Обвинитель и свидетели должны ощущать дистанцию от осуждаемого.
8. Осуждаемый должен быть помещен «вовне», в «чуждое» пространство, что подчеркивает его чуждость, инаковость, враждебность.

В процессе разворачивания скандала вокруг взаимных обвинений А. Навального и В. Золотова указанные выше действия осуществляются обоими оппонентами⁴.

Выведение за рамки обиденного. И Навальный, и Золотов каждой противной стороной представляются тем, на кого необходимо обратить внимание в силу необычности, эксклюзивности их поведения. Золотов — коррупционер, Навальный — разрушитель государства. Не то, чтобы оба эти обвинения необычны для российского публичного пространства. Но эта обычность, обиденность

---

⁴ В этом разделе и далее высказывания В. Золотова приводятся по: [Обращение... 2018]. А. Навальный цитируется по двум источникам: [Навальный 2018а; 2018б].

ценностно не принимается массовым сознанием. Обе характеристики направлены на подрыв легитимности.

Помещение событий и виновного в схему предпочтений типовых событий. «События и виновный должны быть определены как частные случаи некоего единообразия и должны трактоваться как единообразие на протяжении всей работы по осуждению» [Гарфинкель 2016: 278].

Необычность и эксклюзивность события и актора тем не менее поддается определению, квалификации и классификации. *Золотов:* «Вам поставлена задача обливать грязью все вокруг, для того чтобы дестабилизировать ситуацию — и политическую, и экономическую внутри страны. Как, например, сделали сейчас навалыные на Украине». *Навальный:* «Вы вместе с Путиным своим превращаете Россию в банановую республику».

Представление обвинителем себя не частным лицом, а публичным. Навальный не нуждается в особых усилиях по своей презентации. По опросам «Левада-Центра» [Протесты и Навальный 2017] и ФОМ [Алексей Навальный и ФБК 2017] (последние опросы, касающиеся А. Навального проводились в июне 2017 г.), более половины респондентов его знают именно как публичного деятеля. Узнаваемость его оппонента до скандала, скорее всего, была гораздо ниже. Однако сама официальная позиция если не дает известность, то обеспечивает определенной легитимностью публичности. Кроме того, выступление в военной форме задает позиционную квалификацию генерала.

Самоидентификация с большинством и «правильными» ценностями.

Навальный: «[М]ы — я, фонд борьбы с коррупцией, наша партия, те, кто ходят на митинги, — на самом деле стоят на страже ваших интересов. Защищают вас от власти и вашего вороватого начальства, которое в буквальном смысле вас объедает и вытаскивает кусок у вас изо рта, чтобы заработать на нем денег».

Золотов идет от противного. Негативно характеризуя противника, он подразумевает, что он с теми, против кого Навальный и кто разделяет позитивные ценности: «Обсуждаете между собой деление нашего государства на части. И думаете, кому всучить ту или

иную часть. Для вас народ — это просто быдло. Вы так об этом и говорите, совершенно не стесняясь. И что он достоин той участи, которая сейчас существует. Вы знаете, вы гнилые внутри, трухлявые. У вас нет ни духовности, ни нравственности — абсолютно ничего. Ну просто перекаги-поле. У вас нет ни страны, ни отечества».

Право на обличение. И Навальный, и Золотов через отстранение от оппонента и ostrанение его косвенно идентифицируют себя с «правильной» общностью и ее ценностями. Именно это «дает им право» выступать от имени общества и его ценностной системы.

Аудитория определяет обличителя как выразителя и охранителя истинных правильных ценностей. Тексты Золотова и Навального обращены к разным аудиториям, они играют разные социальные роли. Отсюда различные основания для определения их как «столпов» и выразителей истины. Золотов — военный, находящийся на государственной службе, обличающий внешних и внутренних врагов государства и защищающий его от этих врагов. Он — государственный. Навальный — обличитель-общественник, борец с коррупцией и порождающей ее социально-политической системой. Он — оппозиционер и протестант.

Дистанция от осуждаемого. Дискурс обоих «дискутантов» включает социально-политический и нравственный фреймы. Причем публике должно быть внутренне понятно, кто с кем и за кого на основании высказанной оценки, задающей отчетливую демаркацию. Навальный: «Я не хочу, чтобы такие, как Вы, правили моей страной». Золотов: «[О]дин из навалых, по фамилии Порошенко, делает себе запасную базу в Марбелья [Испания]. <...> О Ходорковском, который писал слезные покаянные письма в адрес президента и о том, чтобы его выпустили из тюрьмы. Выпустили. Мотанул. И начал опять проводить свою политику дестабилизации. <...> Я имею в виду Березовского, который в конце своего существования обращался к президенту с просьбой вернуться на родину, готов был сдать вас всех абсолютно скопом».

Помещение осуждаемого «вовне», в «чуждом» пространство.

Золотов помещает оппонента во враждебное политико-географическое пространство: «Понятно, что Вы — изделие из американской пробирки, вы все клоны. Естественно, конечно же, вы — ма-

рионетки». При этом демонстрируется целый ряд «клонов»: Порошенко, Ходорковский, Березовский. *Навальный* представляет противника в *криминальном социальном пространстве*: «Охранять страну надо от начальников этих бойцов [Росгвардии]. От Путина, от Золотова, от Медведева с его друзьями и прочих жуликов».

Оба оппонента демонстрирует дистанцию, принижая соперника, но одновременно и осознают его отчасти равным. Во-первых, они *разговаривают* друг с другом, хотя и опосредованно, через Интернет. Во-вторых, их аудитории частично совпадают. В большей степени это признание противника видно у Золотова: «Я бы не стал с Вами разговаривать, если бы Вы были человеком с улицы. Но Вы же человек с президентскими амбициями». Здесь присутствует ирония, но при всей своей «внутренней агрессивности» [Шейгал 2004: 130] не отменяющая статус оппонента. Кроме того, вызвать на дуэль можно только человека одного с тобой статуса. В данном случае «равенство» сторон связана со значимостью и силой воздействия. Если же переходить с индивидуального уровня на социальный, то указанное выше демонстрирует определенную силу и значимость автономных от власти структур в публичном пространстве. Даже если, как утверждают некоторые аналитики и политики, А. Навальный — продукт Администрации президента⁵, его публичная активность для многих свидетельствует (хотя бы если это и не так) о возможной институционализации протестного сегмента гражданских инициатив.

(САМО)ИДЕНТИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ СКАНДАЛА

В заявлении генерала просматриваются два уровня идентификации: групповая и индивидуальная. Первая связана с обозначением иерархии. И здесь В. Золотов выступает не только представителем группы, но и ее защитником. Кстати, в этом качестве его вызов на дуэль блогера вполне релевантен и героичен: он выступает от всех и за всех «своих». В этом смысле поддержка директора Росгвардии главой Чечни, помимо развитости на Кавказе агониче-

---

⁵ См., например, мнение Э. Лимонова: [Все главное сегодня 2013].

ской культуры, имела значение и как властная солидарность: «Сегодня он сделал правильный ход, отстаивая свою честь, честь всего состава Росгвардии, честь своего государства, вызвав подлеца на бой» [Кадыров... 2018].

Вторая идентификация проявляется, во-первых, в краткой биографической самопрезентации: «[Я] отслужил службу в армии, работал на производстве, был, кстати, ударником коммунистического труда и потом занимался бизнесом». Здесь Золотов неотделим от истории страны и народа. Во-вторых, генерал — семьянин, для которого честь и спокойствие близких важно: «Если, господин Навальный, вы в своих изобличениях еще раз позволите оскорбить или клеветнический тон в адрес меня или членов моей семьи, я вам обещаю...»

Навальный выступает только как общественная персона. Он презентует себя как обвинителя со стороны общества. Но само общество не всегда именно так его воспринимает (см.: [Протесты и Навальный 2017; Алексей Навальный и ФБК 2017]). Собственно, институционализация позиции оппозиционера и борца с коррупцией может предполагать и совпадающую персональную институционализацию, о чем можно публично заявлять. Но это означает специфический образ жизни, более аскетический, чем ведет Навальный с женой.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

Характеризуя современное состояние представлений (и в определенной мере практики) о морали в политике Отфрид Хёффе пишет: «В эпоху модерна, как поучают нас влиятельные теоретики <...>, происходит процесс нейтрализации; жертвами этого процесса падают сначала теология, потом метафизика, и, наконец, — ныне это уже неоспоримо — даже мораль. Ставшая к последней индифферентной, современная политика считается морально нейтральной, свободной от морали» [Хёффе 2005: 287]. Практика постперестроечной России это в достаточной мере подтверждает. Однако мораль не исчезает из публичного пространства. Она приобретает политико-инструментальный характер, то есть выступает одним

из средств в борьбе за власть, ее сохранение и против своих оппонентов, которые в рамках современных либеральных представлений осмысляются как конкуренты, оппоненты (но не враги). Последнее связано с возможными коалициями, союзами и персональными сменами политической идентичности, перехода из одного лагеря в другой. Тем самым происходит легитимация индивидуальной автономии политиков в политико-моральном пространстве, которое становится относительно релятивным. Но, как отмечает Ричард Шварц, «отсутствие хорошо определенного морального порядка создает особые проблемы обществу и его правовым институтам» [Schwartz 1978: 577].

В этой связи представляется важным описанные Отффридом Хёффе злоупотребления моралью в политике: 1) селективное восприятие проблем — выхватывание отдельных фактов; 2) моральная клевета — обвинение политических противников в моральной неустойчивости, что приводит к блокированию нежелательной дискуссии; 3) использование морали для искажения свободного соревнования — говорят о морали, а думают о политике; «аморальные» интересы и их носители / представители исключаются из политической борьбы, а высокоморальные задачи и персоны получают преференции; 4) моральный протест как средство политического убеждения [Хёффе 2005: 289–290]. Как видно, эти злоупотребления могут характеризовать мотивы намеренно создаваемого скандала и его формальное содержание. Скандал в инструментальном моральном пространстве оказывается включен в политическую борьбу (об этом см., напр.: [Дмитриев, Сычев 2014: 44–45]). Такая «аморальность морали» в политике приводит к возрастанию цинизма как принципа деятельности публичных акторов и беспардонности в отношениях вниз по вертикали власти. Как указывают исследователи, массовая публика становится циничной в политическом и гражданском пространстве (см.: напр.: [Dancey 2012; Weeber 2009: 43]). Одновременно может происходить опривычивание скандала, если он становится регулярным средством политической борьбы.

Скандал непосредственно провоцирует моральное негодование. Обвинение А. Навального руководства Росгвардии заключает-

ся в фактическом расхищении бюджетных средств (увеличение закупочных цен), ухудшении закупаемых продуктов, отъем активов у предыдущих собственников и перераспределение их среди «своих». Другими словами, генерал В. Золотов — вор, фальсификатор и расхититель. Но, правда, не один. Фигурируют еще премьер-министр и более мелкие персонажи. Здесь я оставляю в стороне проблему искренности и «моральности» обвинителя. Тем более что в публицистике существуют сомнения на сей счет (см., напр.: [Бабицкий 2018: 188–189]).

В. Золотов, естественно, защищается в том же пространстве морали: «Хочу сказать, что в своем выступлении вы в отношении меня допустили оскорбительные клеветнические измышления». Здесь скандал демонстрирует свою существенную моральную сторону: он фиксирует и эксплицирует конфликт между нормативными системами [Jacobsson, Löfmarck 2008: 203]. Ранее я уже показал разнонаправленность апелляции двух сторон. Однако некоторые базовые нормы общи для обоих, иначе они не смогли бы апеллировать ко «все». А именно на это направлена публикация в Интернете.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ И ЛЕГИТИМАЦИИ

Раскрывая коррупцию в Росгвардии, А. Навальный указывает на нарушение не только закона, но и базовых оснований политической морали, ориентированных на общее, а не личное благо, тем самым подрывая легитимность властных персон и системы власти, где они функционируют.

В. Золотов также пытается делегитимировать заявления А. Навального в публичном пространстве, сводя их к персональным инсинуациям, то есть выводя за сферу политического. Помимо этого, само эмоциональное выступление, в котором личное и личность непосредственно демонстрировались, создавали основания для доверия со стороны части аудитории. Как показывается в литературе, «если политику удастся привлечь внимание к тому факту, что он не лишен способности испытывать чувства, общаясь с народом, то он может смело отместить все тревоги, предъявляемые его противниками» [Сеннет 2002: 260]. Ричардом Сеннетом приводятся в качестве

примера Альфонс де Ламартин в 1848 г., де Голль во времена Пятой республики, Ричард Никсон. Конечно, уровень нашего генерала существенно ниже, но общий принцип легитимации через персональные качества (см., напр.: [Easton 1965]) остается важным на всех иерархических уровнях.

Помимо этого, директор Росгвардии пытается основательно дискредитировать своего визави посредством приписывания ему злого умысла и несамостоятельности действий, о чем писалось выше. Тем самым демонстрируется его разрыв с базовыми государственно-политическими ценностями, основанными на суверенитете.

В основании атакующих делегитимирующих суждений обоих дискуссионщиков лежит идея безответственности оппонента. Но, если оппозиционер говорит прежде всего о безответственности перед людьми и нанесении им ущерба (расхищение денег на питание личного состава), то риторика генерала направлена на безответственность перед страной и ее предательство.

Однако проблема легитимности не сводится к персональному существованию в публичном пространстве Навального и Золотова. Они суть персонификация ролей, функционирующих в социально-политическом порядке. И в этом плане легитимация порядка происходит через ритуализацию скандала. Якобссон и Лёфмарк указывают на важность «скандала-как-ритуала» для устойчивости морального порядка [Jacobsson, Löfmarck 2008: 213]. Не в меньшей степени он важен для устойчивости социальной и политической системы. Но он должен быть ритуализирован. Для этого необходима устойчивая система норм и ценностей, которая через скандал ритуально подтверждается. Другими словами, скандал лишь тогда скандал, когда он очевидно для большинства (даже для большей части тех, кто нарушает нормы) фиксирует неправомерность каких-то действий. Обыденность же нарушений, их рутинизация приводят к снижению легитимности системы [Maier 2011] и к закреплению иной системы ценностей, легитимирующей иной порядок и делегитимирующий существующий.

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Существенным являются культурный фон и контекст. Несмотря на то что период первоначального накопления капитала, перераспределения ресурсов и властных позиций остался в 1990-х, принципы решения многих проблем и самопрезентации остаются хотя и измененными, но принципиально теми же. Силовое решение конфликтов и споров используется наряду с другими способами, и его не стесняются. В обществе пока еще не выработано массовое неприятие насилия, тем более что властные персоны подчас вполне поощряют соответствующий стиль поведения. Наиболее ярко его демонстрирует глава Чечни Р. Кадыров, проводящий «воспитательную работу» со своими министрами на ринге [Кадыров... 2013] или с гражданами на улице [Литтелл 2012: 99]. Знаменитости уровнем ниже — спортсмены, артисты, политики — также позволяют себе физические вольности. Весьма показателен агрессивный дискурс в российских СМИ. Ведущие федеральных телеканалов, оскорбляющие [Ведущая... 2018] и выгоняющие оппонентов [Ведущий НТВ обматерил... 2018], дерущиеся с ними [Телеведущий Норкин... 2018] и угрожающие им [Ведущий НТВ пригрозил... 2018], становятся обычным явлением [Ругаться матом... 2018].

Юридическая служба «Апология протеста» фиксирует возращание политического насилия в стране [Политическое насилие... 2018]. Одновременно, как показывает исследование фонда «Общественный вердикт», растет число граждан, готовых оправдать насилие со стороны власти [Алехина, Романов 2018]. По данным Левада-Центр, треть опрошенных допускают применение силы в отношении заключенных [Пытки заключенных 2018]. В этом контексте вызов должностным лицом гражданина и обещание сделать из него «сочную отбивную» особенно не удивляет и не противоречит представлениям о возможных действиях, тем более что угроза исходит от представителя силового ведомства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новое государство, сменившее советское, не в полной мере институционализировалось. Оно еще не полностью автономизировалось от элитных групп. Стремление элит приватизировать государство не находит эффективного противодействия. Поэтому оно слабо выполняет свои функции по защите себя, своих прерогатив и своих активов.

Часть институтов, действующих в пограничной (государства и индивидов) зоне, окончательно не сформировалось. Например, институт ответственности за диффамацию. Поэтому как частные персоны, так и должностные лица прибегают к внеправовым способам разрешения конфликтов. Причем ни государство, ни общество серьезных проблем в этом не видят.

Вместе с тем можно предположить, что в значительной степени институционализация властных групп произошла. Но, во-первых, в ущерб институционализации государства. Отсюда элемент произвола в их деятельности достаточно велик. Во-вторых, в условиях такой институциональной ситуации роли оказываются не вполне интериоризованными. Возникает рассогласование между статусными и институциональными требованиями и реальным поведением элитных персон. Однако это не проблематизируется властными инстанциями.

Публичное пространство не вполне публично. То есть его институционализация как пространства современной политики и гражданского взаимодействия не завершилась. Становление публик (в смысле Г. Тарда) не произошло. Скандалы не являются основанием для значительного реагирования гражданского и политического общества. Так было с Сердюковым и Васильевой, разоблачениями Насти Рыбки, с сексуальным скандалом с депутатом Госдумы Е. Слуцким, со вскрытием наличия у политической элиты собственности за рубежом, сомнительных родственных связей и прочее. Одновременно такое «опривычивание» скандала ведет к размыванию норм и действует ослабляюще на институциональные порядки. Более того, они делегитимизируются. «Скандал, как правило, стремится обеспечить сбой системы. И цепочка скан-

далов в случае, если они получают соответствующий резонанс, способна в принципе привести и к разрушению системы» [Букс 2008: 8].

Вместе с тем можно говорить, что в публичном пространстве действие на публику, привлечение публики, действие самой публики производят значимый эффект. В этом отношении публичная фигура в этом пространстве безусловно переигрывает (полу)закрытые бюрократические персоны. Однако административная непубличная система в (полу)закрытых обществах оказывается более успешной. Во всяком случае, в краткосрочной перспективе.

Контроль над СМИ со стороны властных групп достаточно сильный. В скандале выделяется часть скандального, но в специфическом ракурсе. Происходит дозирование информации о невыгодных для власти скандалах. Скандалы же, отвлекающие общественность от важных проблем, раздуваются, гипертрофируются. Хорошим примером может быть скандал с футболистами Александром Кокориным и Павлом Мамаевым.

Происходит дальнейшая инструментализация морали в политике. Она перестает играть внутреннюю регулирующую роль. Апелляция к ней носит внешний ритуальный характер при сильной ослабленности ценностно-нормативной системы общества.

Литература и источники

Автор проекта о дуэльном кодексе отозвал его из Госдумы // РИА Новости. 11.10.2018. URL: <https://ria.ru/politics/20181011/1530401795.html> (дата обращения: 11.10.2018).

Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике / пер. с итал. Э. Саттарова. М.: Гилея, 2015.

Адвокат оценил предложение легализовать дуэли // РИА Новости. 12.09.2018. URL: <https://ria.ru/society/20180912/1528435390.html?injj=1> (дата обращения: 12.09.2018).

Алексей Навальный и ФБК // Сайт ФОМ. 23.06.2017. URL: <https://fom.ru/Politika/13592> (дата обращения: 20.10.2018).

Алехина М., Романов В. Сила — в привычке // Газета. 2018. 7 ноября. № 194. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/11/07/5bd983499a7947fa84800f1e> (дата обращения: 10.11.2018).

Бабицкий А.М. Разговор с «генетическим отребьем» // Бабицкий А.М. Вся правда о либералах. Как я стал русским патриотом. М.: Эксмо: Яуза, 2018. С. 188–191.

Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Букс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала: сб. ст. / под ред. Н. Букс. М.: Европа; Париж: Сорбонна. Русский ин-т, 2008. С. 7–13.

В России после выступления главы Росгвардии захотели узаконить дуэли // Лента.ру. 12.09.2018. URL: https://lenta.ru/news/2018/09/12/dyel/?utm_campaign=breaking-news&utm_medium=browser-notification&utm_source=push-notification (дата обращения: 12.09.2018).

Ведущая «России-1» в прямом эфире попыталась выгнать гостя-«идиота» // Лента.ру. 2.10.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/10/02/teleefir/> (дата обращения: 03.10.2018).

Ведущий НТВ обматерил, выгнал из студии и захотел избить украинского эксперта // Лента.ру. 11.09.2018. URL: https://lenta.ru/news/2018/09/11/norkin_part2/ (дата обращения: 12.09.2018).

Ведущий НТВ пригрозил гостю шоу «кровавыми соплями» и выгнал из студии // РИА Новости. 12.10.2018. URL: https://ria.ru/society/20181012/1530498149.html?utm_source=infbox.sg (дата обращения: 12.10.2018).

Все главное сегодня // Русская служба новостей. 16.10.2013. URL: <http://rusnovosti.ru/programms/prog/61884/286710> (дата обращения: 20.10.2013).

Гарфинкель Г. Условия успешных церемоний принижения / пер. с англ. В.Г. Николаева // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. 8. Вып. 1–2. 2015–2016. Человек в мире возможностей: образы будущего / под ред. Ю.М. Резника. М.: Изд. Независимого института гражданского общества, 2016. С. 273–282.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.

Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал. Социофилософские очерки. М.: ЦСП и М, 2014.

Егорова Е. В День знаний Путину показали Навального // Московский комсомолец. 2018. 2 сентября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/09/02/v-den-znaniy-putinu-pokazali-navalnogo.html> (дата обращения: 12.09.2018).

Золотов заявил, что не намерен участвовать в дебатах с Навальным, но на обвинения ответит // ТАСС. 19.10.2018. URL: https://tass.ru/obschestvo/5694443?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 19.10.2018).

Иванов С.В. Законодательная инициатива о проекте Дуэльного кодекса Российской Федерации и связанным с ним проекте Федерального закона «О введении в действие Дуэльного кодекса Российской Федерации» // Сайт Государственной Думы РФ. 12.09.2018. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/21FCAF42460C98F543258306003EAC7C/\\$FILE/547098-7_12092018_547098-7.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/21FCAF42460C98F543258306003EAC7C/$FILE/547098-7_12092018_547098-7.PDF?OpenElement). (дата обращения: 12.09.2018).

«Иногда с бессовестной клеветой можно бороться любыми способами». Кремль — об обещании главы Росгвардии сделать из Навального отбивную // Meduza. 11.09.2018. URL: <https://meduza.io/news/2018/09/11/inogda-s-bessovestnoy-klevetoy-mozhno-borotsya-lyubymi-sposobami-kreml-ob-obeschanii-glavy-rosgvardii-sdelat-iz-navalnogo-otbivnyuyu> (дата обращения: 12.09.2018).

Кадыров: Золотов отстаивает свою честь, вызывая подлеца на дуэль // Life.ru. 11.09.2018. URL: <https://life.ru/1151231> (дата обращения: 11.09.2018).

Кадыров «наказал» на ринге министра спорта Чечни // Взгляд. 23.04.2013. URL <http://www.vz.ru/news/2013/4/23/629914.html> (дата обращения: 23.04.2013).

Казун А.Д. «Осветить нельзя игнорировать»: Алексей Навальный в российских СМИ // Полития. 2018. № 1. С 47–64. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-47-64

Кольрауш М. Скандал вокруг князя Эйленбургского, 1906–1909 годы: средства массовой информации и политика в кайзеровской Германии // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. № 3 (30). С. 149–159.

Копылова Т.Р. Виды молчания: подходы к классификации // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2016. № 3. С. 80–85.

Копылова Т.Р. Стратегии преднамеренного молчания в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 10. Филология. Искусствоведение. С. 107–112.

Левченко Г. Как написать законопроект о дуэлях за день? ЛДПР просто скопировала кодекс 1912 года, заменив дворян на госслужащих // Медуза. 12.09.2018. URL: <https://meduza.io/shapito/2018/09/12/milostivyyu>

gosudar-ya-prishlyu-vam-svoih-sekundantov-ldpr-vnesla-v-dumu-zakonoproekt-o-duelyah (дата обращения: 12.09.2018).

Литтелл Д. Чечня. Год третий / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Практикс, 2005.

Навальный А. Кто объедает Росгвардию? // Сайт Фонда борьбы с коррупцией. 23.08.2018а. URL: <https://fbk.info/blog/post/441/> (дата обращения: 11.09.2018).

Навальный А.А. Ответ генералу Золотову // Блог «Навальный». 18.10.2018b. URL: <https://navalny.com/p/5975/> (дата обращения: 18.10.2018).

Навальный впервые прокомментировал вызов на дуэль от Золотова // РИА Ура.ru. 24.09.2018. URL: <https://ura.news/news/1052352263> (дата обращения: 24.09.2018).

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Обращение директора Росгвардии в ответ на заявление лидеров ФБК, порочащих честь и достоинство офицеров (видео) // Сайт Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. 11.09.2018. URL: <http://rosgvard.ru/ru/news/article/obrashhenie-direktora-rosgvardii-v-otvet-na-zayavlenie-liderov-fbk-porochashhix-chest-i-dostoinstvo-oficerov> (дата обращения: 11.09.2018).

Партия «РПР-Парнас» получила предостережение о разжигании розни к социальной группе «чиновничество» // Ведомости. 27.06.2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/06/27/598304-partiya-rpr-parnas-poluchila-predosterezhenie-o-razzhiganii-rozni-k-sotsialnoi-gruppe-chinovnichestvo> (дата обращения: 30.06.2015).

Политическое насилие в России растет с каждым годом // Ведомости. 21.09.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/20/781542-politicheskoe-nasilie> (дата обращения: 21.09.2018).

Полякова С.Е. Молчание как стратегическая функция разрешения конфликта в политическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 2. С.154–161.

Полякова С.Е. Стратегическая функция молчания в политическом дискурсе при сглаживании конфликтов и скрытой оппозиции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 103–109.

Полякова С.Е. Функции молчания в политическом общении // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 125–128.

Попов Д. Политолог объяснил, почему Кремль разрешил Навального // Московский комсомолец. 2018. 2 сентября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/09/02/politolog-obyasnil-pochemu-kreml-razreshil-navalnogo.html> (дата обращения: 12.09.2018).

Протесты и Навальный // Левада-Центр. 17.07.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/07/17/protesty-i-navalnyj/> (дата обращения: 20.10.2018).

Пытки заключенных // Левада-Центр. 4.11.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/04/pytki-zaklyuchennyh/> (дата обращения: 10.11.2018).

Ругаться матом у ведущих федеральных каналов становится нормой. Отличился Норкин // Аргументы недели. 11.09.2018. URL: http://argumenti.ru/society/2018/09/585350?utm_campaign=redtram&utm_content=436604268&utm_source=295381 (дата обращения: 12.09.2018).

Руднев В. Метафизика скандала // Семиотика скандала: сб. ст. / под ред. Н. Букс. М.: Европа; Париж: Сорбонна. Русский ин-т, 2008. С. 29–42.

Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. М.: Логос, 2002. 424 с.

Суд оштрафовал The New Times на 22 миллиона рублей // РИА «Новости». 26.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181026/1531578852.html> (дата обращения: 27.10.2018).

Тард Г. Мнение и толпа // Психология толпы. М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во «КСП+», 1998. С.255–408.

Телеведущий Норкин подрался с украинским экспертом в прямом эфире // Известия. 22.02.2018. URL: <https://iz.ru/712276/2018-02-22/televedushchii-norkin-podralsia-s-ukrainskim-ekspertom-v-priamom-efire> (дата обращения: 22.02.2018).

ТОП-15 самых цитируемых российских блогеров — сентябрь 2018 // Медиалогия. 22.11.2018. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/socmedia/blogers/6305/> (дата обращения: 20.11.2018).

Федеральные каналы проигнорировали обращение Золотова к Навальному // Сайт телеканала «Дождь». 12.09.2018. URL: https://tvrain.ru/teleshov/here_and_now/federalnye_kanally_proignorirovali_obraschenie_zolotova_k_navalomu-471346/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 12.09.2018).

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Хеннис В. Должностная идея и понятие демократии (из книги «Неверно понятая демократия») // Политическая философия в Германии: сб. ст. Изензее Й и др. / пер. с нем. М.: Современные тетради, 2005. С. 110–122.

Хеффе О. Мораль, лишённая морали: к этике современной политики // Политическая философия в Германии: сб. ст. Изензее Й и др. / пер. с нем. М.: Современные тетради, 2005. С. 287–301.

Хоффманн-Ланге У. Элиты в Германии: исторические изменения и новые вызовы // Власть и элиты / отв. ред. А.В. Дука. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 31–66.

Черкесов В. Мода на КГБ? // Комсомольская правда. 2004. 28 декабря. URL: <http://www.kp.ru/daily/23433/35559/> (дата обращения: 13.10.2007).

Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы войны превратились в торговцев // Коммерсантъ. 2007. 9 октября. №184. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840> (дата обращения: 13.10.2007).

Шалыганов Ю.В. Проект Россия. Полное собрание. М.: Эксмо, 2012.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Çakır-Demirhan D. Preface // Political Scandal, Corruption, and Legitimacy in the Age of Social Media / Ed. by Kamil Demirhan; Derya Çakır-Demirhan. Hershey, PA: IGI Global, 2017. P. xiii–xv.

Dancey Logan. The Consequences of Political Cynicism: How Cynicism Shapes Citizens' Reactions to Political Scandals // Political Behavior. 2012. Vol. 34, no. 3. P. 411–423.

Easton David. A Systems Analysis of Political Life. N.Y.; L.: John Wiley & Sons, 1965.

Eisenstadt S.N. Institutionalization and Change // American Sociological Review. 1964. Vol. 29, no. 2. P. 235–247.

Eisenstadt S.N. Social Differentiation and Stratification. Glenview, Ill.; L.: Scott, Foresman and Company, 1971.

Gorges M.J. New Institutionalism Explanations for Institutional Change: A Note of Caution // Politics. 2001. Vol. 21, no. 2. P. 137–145.

Herkman J., Matikainen J. Neo-Populist Scandal and Social Media: The Finnish Olli Immonen Affair // Political Scandal, Corruption, and Legitimacy in the Age of Social Media / Ed. by Kamil Demirhan; Derya Çakır-Demirhan. Hershey, PA: IGI Global, 2017. P. 1–24.

Jacobsson K., Löfmarck E. A Sociology of Scandal and Moral Transgression: The Swedish 'Nannygate' Scandal // Acta Sociologica. 2008. Vol. 51, no. 3. P. 203–216.

Maier J. The impact of political scandals on political support: An experimental test of two theories // International Political Science Review // Revue internationale de science politique. 2011. Vol. 32, no. 3. P. 283–302.

Molé N.J. Trusted puppets, tarnished politicians: Humor and cynicism in Berlusconi's Italy // *American Ethnologist*. 2013. Vol. 40, no. 2. P. 288–299.

Rottinghaus, Brandon. Surviving Scandal: The Institutional and Political Dynamics of National and State Executive Scandals // *PS: Political Science and Politics*. 2014. Vol. 47, no. 1. P. 131–140.

Schwartz R.D. Moral Order and Sociology of Law: Trends, Problems; and Prospects // *Annual Review of Sociology*. 1978. Vol. 4. P. 577–601.

Thompson J.B. Political Scandal. Power and Visibility in the Media Age. Cambridge: Polity Press; Malden, MA: Blackwell, 2000.

Weeber Stan C. A Generalized Stage Model of International Political Scandals // *International Review of Modern Sociology*. 2009. Vol. 35, no. 1. P. 43–61.

22 миллиона за эфир с Навальным? // ИА «Росбалт». 26.10.2018. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2018/10/26/1742183.html> (дата обращения: 27.10.2018).

POWER ELITES IN THE SPACE OF SCANDAL (CASE OF GENERAL ZOLOTOV)

A. Duka

Abstract. *The article is devoted to the scandal connected with the challenge to duel of the opposition politician and blogger A. Navalny by the Director of the Russian Guard General V. Zolotov, in response to the publication of corruption revelations. It is shown that the scandal demonstrates the state and structuring of the Russian political process, characterizes the institutionalization of the socio-political order (including the institutionalization of power groups). Conclusions about incomplete institutionalization of the post-Soviet state and power elite are drawn. Largely, the institutionalization of power groups occurred, first, to the detriment of the institutionalization of the state. Hence, the element of arbitrariness in their activities is quite large. Secondly, in such an institutional situation, the roles are not fully interiorized. There is a mismatch between the status and institutional requirements and the real behavior of elite persons. However, this is not problematic by the authorities. It is argued that the Russian public space is not completely public: its institutionalization as a space of modern politics and civil interaction has not been completed. At the same time, we can say that in the public space, the action on the public, the involvement of the public, the action of the public itself produces a significant effect. In this respect, the public figure in this space outplays (semi -) closed bureaucratic persons. However, the administrative non-public system in (semi -) closed societies is more successful. There is a fairly strong control over the media by the power groups. In the scandal stands out part of the scandalous, but in a specific perspective. Is the flow of information about unfavorable government scandals. Scandals that distract the public from important problems are inflated and hypertrophied. There is a further instrumentalization of morality in politics. It ceases to play an internal regulatory role. The appeal to it has an external ritual nature with a strong weakening of the value-normative system of society.*

Keywords: *political scandal, power, elites, public space, institutionalization, social order, social space, morality, media, political process, legitimacy, discourse, degradation ceremonies.*

References

Автор проекта о дуэльном кодексе отозвал его из Госдумы [The author of the project on the duel code withdrew it from the State Duma], *RIA Novosti*, 11.10.2018. URL: <https://ria.ru/politics/20181011/1530401795.html> (available 11.10.2018). (In Russian)

Адвокат отсёнил предложение легализовать дуэли [The lawyer appreciated the offer to legalize the duel], *RIA Novosti*, 12.09.2018. URL: <https://ria.ru/society/20180912/1528435390.html?injj=1> (available 12.09.2018). (In Russian)

Agamben Dzh. *Sredstva bez tseli. Zametki o politike / per. s ital.* [Means without purpose. Notes about politics] / transl. from Italian. Moscow: Gileya, 2015. (In Russian)

Aleksey Navalny i FBL [Aleksey Navalny and Anti-corruption Fund], *Website of the "Public Opinion Foundation"*, 23.06.2017. URL: <https://fom.ru/Politika/13592> (available 20.10.2018). (In Russian)

Alyohina M., Romanov V. Sila — v privychke [Force of habit], *Gazeta*, 2018, November 7, #194. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/11/07/5bd983499a7947fa84800f1e> (доступно 10.11.2018). (In Russian)

Babitsky A.M. Razgovor s "geneticheskim otrbyem" [The Conversation with "genetic scum"]. In: Babitsky A.M. *The Whole truth about liberals. How I became a Russian patriot*. Moscow: Elsmo; Yauza, 2018, p. 188–191. (In Russian)

Benda Zh. *Predatel'stvo intellektualov* [The Treason of the Intellectuals]. Transl. from French to Russian. Moscow: IRISEN, Sotsium, 2009. (In Russian)

Berger P., Lukman T. *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti : traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Transl. from English to Russian. Moscow: Medium, 1995. (In Russian)

Buks N. Skandal kak mehanizm kultury [Buhks N. Scandal as a mechanism of culture]. In: *Semiotika skandala: sbornik statey* [Semiotics of scandal: collection of articles]. Ed. by N. Buhks. Moscow: Evropa, 2008, pp. 7–13. (In Russian)

Çakır-Demirhan D. Preface. In: *Political Scandal, Corruption, and Legitimacy in the Age of Social Media*, ed. by Kamil Demirhan; Derya Çakır-Demirhan. Hershey, PA: IGI Global, 2017, pp. xiii–xv.

Campbell C. *Kozyel otpushcheniya, ili Kak gthtrldyvat' vinu na drugih* [Scapegoat. A history of blaming other people]. Transl. from English to Russian. Moscow: Knizhny Klub 36.6, 2013. (In Russian)

Cherkesov V. Moda na KGB? [Fashion for the KGB?], *Komsomolskaya Pravda*, December 28, 2004. URL: <http://www.kp.ru/daily/23433/35559/> (available 13.10.2007). (In Russian)

Cherkesov V. Nel'z'ya dopustit', chtoby voiny prevratilis' v torgovtsev [We cannot allow the warriors became traders], *Kommersant*, October 9, 2007. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=812840> (available 13.10.2007). (In Russian)

Dancey L. The Consequences of Political Cynicism: How Cynicism Shapes Citizens' Reactions to Political Scandals, *Political Behavior*, 2012, 34 (3), pp. 411–423.

Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Skandal Sotsiofilosofskiye ocherki* [Scandal: socio-philosophical essays]. Moscow: TsSP i M, 2014.

Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York; London: John Wiley & Sons, 1965.

Eisenstadt S. N. Institutionalization and Change, *American Sociological Review*, 1964, 29 (2), pp. 235–247.

Eisenstadt S.N. *Social Differentiation and Stratification*. Glenview, Ill.; London: Scott, Foresman and Company, 1971.

Federal'nye kanaly proignorirovali obraschenie Zolotova k Naval'nomu [Federal channels ignored the appeal of Zolotov to Navalny], *Site TV channel "Dozhd"*, 12.09.2018. URL: https://tvrain.ru/teleshov/here_and_now/federalnye_kanaly_proignorirovali_obraschenie_zolotova_k_navalnomu-471346/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (available 12.09.2018). (In Russian)

Garfinkel H. Usloviya uspešnyh tseremoniy prinizheniya [Conditions of successful degradation ceremonies] / transl. from English, *Voprosy sotsial'noy teorii; nauchnyy almanah* [Issues of social theory: almanac], 2016, 8 (1–2), pp. 273–282. (In Russian)

Gorges M.J. New Institutionalism Explanations for Institutional Change: A Note of Caution, *Politics*, 2001, 21 (2), p. 137–145.

Hennis V. Dolzhnostaya ideya i ponyatiye democratii (Iz knigi "Neverno ponyataya demokratiya") [Official idea and concept of democracy (From the book "Misunderstood democracy")]. In: *Polituicheskaya filosofiya v Germanii: sbornik statey* [Political philosophy in Germany: collection of articles]. Transl. from German to Russian. Moscow: Sovremennyye tetrad, 2005, pp. 110–122. (In Russian)

Herkman J., Matikainen J. Neo-Populist Scandal and Social Media: The Finnish Olli Immonen Affair. In: *Political Scandal, Corruption, and Legitimacy in the Age of Social Media*, ed. by Kamil Demirhan; Derya Çakır-Demirhan. Hershey, PA: IGI Global, 2017, pp. 1–24.

Heffe O. Moral', lishennaya morali: k etike sovremennoy politiki [Höffe O. Morality devoid of morality: towards the ethics of modern politics]. In:

Polituicheskaya filosofiya v Germanii: sbornik statey [Political philosophy in Germany: collection of articles]. Transl. from German to Russian. Moscow: Sovremennyye tetrad, 2005, pp. 287–301. (In Russian)

Hoffmann-Lange U. *Elity v Germanii: istoricheskiye izmeneniya i novyye vyzovy* [Elites in Germany: Historical Change and New Challenges]. Transl. from German. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka. Vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis, 2017, pp. 31–66.

Huntington S. *Politicheskiy poryadok v menyayushchihsiya obshchestvakh* [*Political Order in Changing Societies*]. Transl. from English to Russian. Moscow: Progress-Traditsiya, 2004. (In Russian)

“Inogda s bessovestnoy klevetoy mozjno borotsta lyubymi sposobami.” Kreml’ — ob obeshchaniy glavy Rosgvardii sdelat’ iz Naval’nogo otbivnuyu [“Sometimes unscrupulous slander can be fought by any means.” The Kremlin about the promise of the head of the Russian Guard to make chop of Navalny], *Meduza*. 11.09.2018. URL: <https://meduza.io/news/2018/09/11/inogda-s-bessovestnoy-klevetoy-mozhno-borotsya-lyubymi-sposobami-kreml-ob-obeshchaniy-glavy-rosgvardii-sdelat-iz-navalnogo-otbivnuyu> (available 12.09.2018). (In Russian)

Ivanov S.V. *Zakonodatelnaya initsiativa o proekte Duel’nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i svyazannym s nim proekte federal’nogo zakona “O vvedenii v deystviye Duel’nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii”* [Legislative initiative on the draft Dueling code of the Russian Federation and related draft Federal law “On the introduction of the Dueling code of the Russian Federation”], *Website of the State Duma of the Russian Federation*, 12.09.2018. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/21FCAF42460C98F543258306003EAC7C/\\$FILE/547098-7_12092018_547098-7.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/21FCAF42460C98F543258306003EAC7C/$FILE/547098-7_12092018_547098-7.PDF?OpenElement) (available 12.09.2018). (In Russian)

Jacobsson K., Löfmarck E. A Sociology of Scandal and Moral Transgression: The Swedish ‘Nannygate’ Scandal, *Acta Sociologica*, 2008, 51 (3), pp. 203–216.

Kadyrov: Zolotov otstaiyayet svoyu chest’, vyzvyvaya podletsa na duel [Kadyrov: Zolotov is defending his honor, causing the villain to a duel], *Life.ru*, 11.09.2018. URL: <https://life.ru/1151231> (available 11.09.2018). (In Russian)

Kadyrov “nakazal” na ringe vbybchnhf cgjhnf Chechni [Kadyrov has “punished” the Minister of sport of Chechnya in the ring], *Vzglyad*, 23.04.2013. URL <http://www.vz.ru/news/2013/4/23/629914.html> (available 23.04.2013). (In Russian)

Kazun A.D. “Osvetit’ nel’zyua ignorirovat”: Aleksay Navalny v rossiyskiykh SMI [“Cover or ignore?” Alexei Navalny in Russian media], *Politeia*, 2018, 1, pp. 47–64. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-47-64

Kolraush M. Skandal vokrug knyazya Eylenburgskogo, 1906–1909: sredstva massovoy informatsii i politika v kayzerovskoy Germanii [Kohlrusch M. The Eulenburg scandal, 1906–1909: media and politics in Wilhelmine Germany], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Perm University. Series History], 2015, 3, pp. 149–159. (In Russian)

Kopylova T. R. Strategii prednamerennogo molchaniya v politicheskom diskurse [Strategies of deliberate silence in political discourse], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, 10, pp. 107–112. (In Russian)

Kopylova T.R. Vidy molchaniya: podhody k klassifikatsii [Types of silence: approaches to classification], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i abkjkjubz* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2016, 3, pp. 80–85. (In Russian)

Levchenko G. Kak napisat' zakonpoproyekt o dueli za den'? LDPR prosto skopirovala kodeks 1912 goda, zameniv dvoryan na gosslužhashchih [How to write a bill on duels for the day? The LDPR simply copied the 1912 code, replacing nobles with civil servants], *Meduza*, 12.09.2018. URL: <https://meduza.io/shapito/2018/09/12/milostivyy-gosudar-ya-prishlyu-vam-svoih-sekundantov-ldpr-vnesla-v-dumu-zakonoproekt-o-duelyah> (available 12.09.2018). (In Russian)

Littell D. *Chechnya. God tretiy* [Littell J. Chechnya. The third year] / transl. from French. Moscow: Ad Marginem Press, 2012.

Luman N. *Realnost' massmedia* [Luhmann N. The Reality of the Mass Media] / transl. from German to Russian. Moscow: Praksis, 2005. (In Russian)

Maier J. The impact of political scandals on political support: An experimental test of two theories, *Revue internationale de science politique*, 2011, 32 (3), pp. 283–302.

Molé N.J. Trusted puppets, tarnished politicians: Humor and cynicism in Berlusconi's Italy, *American Ethnologist*, 2013, 40 (2), pp. 288–299.

Navalny A. Kto ob'edayet Rogvardiyu? [Who eats all of the Russian Guard?], *The website of the Anti-corruption Foundation*, 23.08.2018a. URL: <https://fbk.info/blog/post/441/> (available 11.09.2018). (In Russian)

Navalny A. Otvet generaku Zolotovu [Response to General Zolotov], *Blog "Navalny"*, 18.10.2018b. URL: <https://navalny.com/p/5975/> (available 18.10.2018). (In Russian)

Navalny vpervyye prokomentiroval vyzov na duel' ot Zolotova [Navalny for the first time commented on the challenge to a duel from Zolotov], *RIA Ura.ru*, 24.09.2018. URL: <https://ura.news/news/1052352263> (available 24.09.2018). (In Russian)

Nort D., Uollis D., Vayngast B. *Nasilie i sotsialnyie poryadki. Kontseptualnyie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Transl. from English to Russian. Moscow: Izd. Instituta Gaydara, 2011. (In Russian).

Obrashcheniye direktora Rosgvrsdii v otvet na zayavleniye liderom FBK, porochashchih chest' i dostoinstvo ofitserov (video) [Appeal of the Director of the Russian Guard in response to the statement of the leaders of the Anti-corruption Foundation, discrediting the honor and dignity of officers (video)], *Website of the Federal service of National Guard troops of the Russian Federation*, 11.09.2018. URL: <http://rosguard.ru/ru/news/article/obrashhenie-direktora-rosgvardii-v-otvet-na-zayavlenie-liderov-fbk-porochashchih-chest-i-dostoinstvo-ofitserov> (available 11.09.2018). (In Russian).

Partiya "RPR-Parnas" poluchila predosterezheniye o razzhiganii rozni k sotsial'noy gruppe "chinovnichestvo" [The party "RPR-Parnas" have been warned about inciting hatred towards a social group "officials"], *Vedomosti*, June 27, 20115. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/06/27/598304-partiya-rpr-parnas-poluchila-predosterezhenie-o-razzhiganii-rozni-k-sotsialnoi-gruppe-chinovnichestvo> (available 30.06.2015). (In Russian).

Polyakova S.E. Funktsii molchaniya v politicheskom obshchenii [Functions of Silence in Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2013, 2, pp. 125–128. (In Russian).

Polyakova S.E. Molchaniye kak strategicheskaya funktsiya razresheniya konflikta v politicheskom diskurse [Silence as a strategic function of conflict resolution in a political discourse], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after Alexander Pushkin], 2012, 2, pp. 154–161. (In Russian).

Poliakova S.E. Strategicheskaya funktsiya molchaniya v politicheskom diskurse pri sglazhivanii konfliktov i skrytoy oppozitsii [Silence as a strategic function of smoothing over contradictions and concealed oppositions in a political discourse], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after Alexander Pushkin], 2014, 1, pp. 103–109. (In Russian).

Politicheskoye nasiliye v Rossii rasset s kazhdym godom [Political violence in Russia is growing every year], *Vedomosti*, September 21, 2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/20/781542-politicheskoe-nasilie> (available 21.09.2018). (In Russian).

Popov D. Politolog ob'asnil, pochemu Kreml razreshil Naval'nogo [The political scientist explained why the Kremlin allowed Navalny], *Moskovskiy*

komsomolets, September 2, 2018. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/09/02/politolog-obyasnil-pochemu-kreml-razreshil-navalnogo.html> (available 12.09.2018). (In Russian).

Protesty i Navalny [Protests and Navalny], *Levada-Center*, 17.07.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/07/17/protesty-i-navalnyj/> (available 20.10.2018). (In Russian)

Pytki zaklyuchennyh [Torture of prisoners], *Levada-Center*, 4.11.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/04/pytki-zaklyuchennyh/> (available 10.11.2018). (In Russian)

Rottinghaus, Brandon. Surviving Scandal: The Institutional and Political Dynamics of National and State Executive Scandals, *PS: Political Science and Politics*, 2014, 47 (1), pp. 131–140.

Rudnev V. Metafizika skandala [Metaphysics of scandal]. In: *Semiotika skandala: sbornik statey* [Semiotics of scandal: collection of articles]. Ed. by N. Buhks. Moscow: Evropa, 2008, pp. 29–42. (In Russian).

Rugatsa matom u vedushchih federal'nuh kanalov stanovitsa normoy. Otlichilsya Norkin [Use foul language by TV host from Federal channels is becoming the norm. Distinguished Norkin], *Argumenty nedeli*, 11.09.2018. URL: http://argumenti.ru/society/2018/09/585350?utm_campaign=redtram&utm_content=436604268&utm_source=295381 (available 12.09.2018). (In Russian)

Schwartz, Richard D. Moral Order and Sociology of Law: Trends, Problems; and Prospects, *Annual Review of Sociology*, 1978, 4, pp. 577–601.

Sennett R. *Padeniye publichnogo cheloveka* [The fall of the public man] / transl. from English. Moscow: Logos, 2002. (In Russian)

Shalyganov Yu.V. *Proyekt Rossiya: Polnoye sobraniye* [Project “Russia”: The Complete collection]. Moscow: Eksmo, 2012. (In Russian)

Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. (In Russian)

Sud oshtrafoval The New Times na 22 milliona rubley [The court fined *The New Times* 22 million rubles], *RIA Novosti*, 26.10.2018. URL: <https://ria.ru/incidents/20181026/1531578852.html> (available 27.10.2018). (In Russian)

Tard G. Mneniye i tolpa [Tarde G. Opinion and crowd]. In: *Psihologiya tolpy* [Psychology of crowds]. Moscow: Insitut psihologii RAN; “KSP+”, 1998, pp. 255–408. (In Russian)

Televedushchiy Norkin podralsya s ukrainskim ekspertom v pryamom efire [TV host Norkin had a fight with a Ukrainian expert live], *Izvestiya*, 22.02.2018. URL: <https://iz.ru/712276/2018-02-22/televedushchii-norkin-podralsia-s-ukrainskim-ekspertom-v-priamom-efire> (available 22.02.2018). (In Russian)

Thompson J.B. *Political Scandal. Power and Visibility in the Media Age*. Cambridge: Polity Press; Malden, MA: Blackwell, 2000.

TOP-15 samykh tsytiruyemykh rossiyskikh blogerob — sentyabr' 2018 [Top 15 most cited Russian bloggers — September 2018], *Medialogia*, 22.11.2018. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/socmedia/blogers/6305/> (available 20.11.2018). (In Russian)

V Rossii posle vystupleniya glavy Rosgvardii zahoteli uzakonit' dueli [In Russia after the speech of the head of the Russian Guard they wanted to legalize the duel], *Lenta.ru*, 12.09.09.2018. URL: https://lenta.ru/news/2018/09/12/dyel/?utm_campaign=breaking-news&utm_medium=browser-notification&utm_source=push-notification (available 12.09.2018). (In Russian)

Vedushchiy NTV obmateril, vygnal iz studii i zahotel izbit' ukrainskogo eksperta [TV host of NTV slanged, kicked out of the Studio and wanted to beat the Ukrainian expert], *Lenta.ru*, 11.09.2018. URL: https://lenta.ru/news/2018/09/11/norkin_part2/ (available 12.09.2018). (In Russian)

Vedushchiy NTV prigrozil gostyu shou "krocvavymi soplyami" i vygnal iz studii [TV host of NTV threatened guest show "bloody snot" and kicked out of the Studio], *RIA Novosti*, 12.10.2018. URL: https://ria.ru/society/20181012/1530498149.html?utm_source=infox.sg (available 12.10.2018). (In Russian)

Vedushchaya "Rossii-1" v pryamom efire popytalas' vygnat' gostya—"idiota" [TV host of "Russia-1" in live broadcast attempted to expel the guest — "idiot"], *Lenta.ru*, 2.10.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/10/02/teleafir/> (available 03.10.2018). (In Russian)

Vsyo glavnoye segodnya [All that is important today], *Russkaya sluzhba novostey*, 16.10.2013. URL: <http://rusnovosti.ru/programms/prog/61884/286710> (available 20.10.2013). (In Russian)

Weeber S.C. A Generalized Stage Model of International Political Scandals, *International Review of Modern Sociology*, 2009, 35 (1), pp. 43–61.

Yegorova E. V den' znaniy Putinu pokazali Naval'nogo [On the Day of Knowledge Putin was shown Navalny], *Moskovskiy komsomolets*, September 2, 2018. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/09/02/v-den-znaniy-putinu-pokazali-navalnogo.html> (available 12.09.2018). (In Russian)

Zolotov zayavil, chto ne nameren uchastvovat' v debatah s Naval'nym, no na obvineniya otvetit [Zolotov said he did not intend to participate in the debate with Navalny, but the charges will answer], *TASS*, 19.10.2018. URL: https://tass.ru/obschestvo/5694443?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (available 19.10.2018). (In Russian)

22 million for the broadcast with Navalny?, *Information Agency "Rosbalt"*, 26.10.2018. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2018/10/26/1742183.html> (available 27.10.2018). (In Russian)

АРХАИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

В.Л. Римский

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.6>

Аннотация. В статье представлена гипотеза о том, что в современной России архаичные тенденции не менее, а более значимо, чем постиндустриальные и индустриальные, определяют ход и результаты процесса модернизации. При этом сознание и деятельность не только большинства общества, но и российских политических элит и государственного управления существенно определяются их архаизацией. А архаикой в их сознании и деятельности следует считать все, что следует культурным образцам и программам, соответствующим профессионально-именному социокоду М.К. Петрова. В статье приведено краткое описание концепции социокодов М.К. Петрова, которое необходимо для обоснования высказанной гипотезы, а также некоторые примеры, эту гипотезу подтверждающие. Сделан вывод о том, что реализуемая политика развития в современной России приводит к расширению архаизации общества и государства и потому к их неконкурентоспособности в мире. При этом ни в обществе, ни в органах власти, ни среди экспертов в нашей стране нет ни обсуждений архаизации общества и государства, ни, следовательно, поиска методов постепенного отказа от нее. Представленная в статье концепция социокодов М.К. Петрова и ее применения для выявления значимых факторов архаизации политической элиты и государственного управления России могут способствовать изменению ситуации в нашей стране и обеспечению ее реальной модернизации.

Ключевые слова: архаизация, архаика, модернизация, социокод, политические элиты, государственное управление, принятие решений, анализ, прогноз, Россия.

КАК ПОНИМАТЬ АРХАИЗАЦИЮ

Под архаизацией далее будем понимать переформулированное определение А.С. Ахиезера о том, что архаизация — это следование общества и органов государственной власти культурным образцам и программам, сложившимся в культурах, предшествующих современным, а в российских условиях, как правило, относящихся к периодам древнего и средневекового мира [Ахиезер 2001: 89]. Для большей определенности под архаизацией (от греч. «archaios» — «древний») будем понимать следование культурным образцам и программам, сложившимся именно в древности, в догосударственный период развития человеческих обществ и в последующий период ранней государственности в древних цивилизациях Междуречья, Египта и Китая. Государства Древней Греции и Римской республики, а потом и Римской империи мы исключаем из этого списка древних цивилизаций, потому что в них, как будет показано ниже, сформировались существенно иные культурные образцы и программы.

Под архаикой в связи с этим будем понимать результат архаизации в тот или иной период, ту совокупность культурных образцов и программ, которые в этот период развития процесса архаизации стали характерны для того или иного общества. Можно считать, что архаизация — это процесс обращения общества к архаике на том или ином периоде своего развития.

Для различения культурных образцов и программ, сформировавшихся в древних цивилизациях Междуречья, Египта и Китая, от тех, которые сложились в государствах Древней Греции и Рима, мы предлагаем следовать концепции социокодов М.К. Петрова [Петров 1973; 1995; 2004].

В соответствии с концепцией М.К. Петрова принципиально различными являются и организации общества, и устройство государства, и тип экономики для обществ, имеющих разные социокоды, гармонично соединяющие религиозные и идеологические представления, правосознание, отношения родства и технологические навыки, а также большие объемы социальной информации и знаний, необходимых для жизни и деятельности членов общества.

Социокод, все его компоненты, передаются от поколения к поколению, как правило, обеспечивая стабильность обществ. Но в некоторые кризисные периоды социокоды могут существенно меняться, нарушая преемственность передачи культурных образцов и программ, обеспечивая стабильность общества на иных основаниях, чем для предыдущих поколений [Медведев 2013: 23–29].

Под социокодом М.К. Петров понимает «основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие институты общения» [Петров 2004: 39]. В этом суждении массив знания понимается М.К. Петровым как массив социально необходимого знания, хранилища программ деятельности, норм и моделей поведения, в целом «наличной суммы обстоятельств», закодированных в знаковой форме. Этот массив социально необходимого знания неизбежно фрагментирован, поскольку он «расчленен на посильные индивидам фрагменты», на освоенные каждым из них смыслы, нормы и модели поведения. Но для существования и функционирования общества необходима интеграция этих фрагментов, требуется обеспечение целостности массива социально необходимого знания. Такая интеграция и целостность формируется и поддерживается «постоянно действующими институтами и механизмами» общения и взаимодействия, используемыми для «передачи знания новым поколениям и отчуждения знания у живущего поколения» [Петров 2004: 39].

Социокод, по представлениям М.К. Петрова, появляется в человеческом обществе в качестве средства внебиологического кодирования социально необходимого знания, средства, во многом независимого от отдельного индивида и даже целого поколения, способного в знаковой закодированной форме обеспечивать передачу такого знания многим будущим поколениям [Петров 2004: 87]. Можно добавить, что такой социокод оказывается способным хранить социально необходимые знания прошлых поколений, обеспечивать стабильность и целостность этого массива знаний, то есть преемственность культуры в широком смысле. А использование социального кодирования такого массива является скорее неизбежностью, обеспечивающей хранение и передачу разнообразий

смыслов в достаточно стабильных и слабо меняющихся во времени знаках. Такими знаками становятся имена, названия, термины, понятия, индивидуализирующие адреса «распределения социально необходимой деятельности, фрагментированной по контурам сил и возможностей индивидов» [Петров 2004: 88]. И далее М.К. Петров поясняет, что в архаичных культурах имена определяют жизнь индивидов во многом, а в Индии и вообще полностью, связывая их с теми или иными разрешенными им видами деятельности [Петров 2004: 88]. И потому архаичные социокоды в концепции М.К. Петрова были связаны с именами.

М.К. Петров описал три основных типа социокодов в истории человечества, каждый из которых определяет для соответствующих обществ все стороны жизни в них. Первый из социокодов — лично-именной — присущ первобытному обществу и сохранился по этой причине только у отдельных современных этносов. Вторым социокодом — профессионально-именной — появился в глубокой древности, когда возникли города, стали развиваться ремесла, появилась и стала влиятельной в обществе государственная власть. Этот социокод первоначально был связан с формированием традиционного общества, сословий в нем и закреплением за ними типов деятельности, профессий. Но и в настоящий период профессионально-именной социокод присущ многим современным обществам. Оба эти социокода — лично-именной и профессионально-именной — мы далее будем оценивать как архаические. Нам более всего будет интересовать профессионально-именной социокод, который определял и до настоящего периода продолжает определять жизнь и функционирование всех цивилизованных обществ, за исключением европейских и тех, которые приняли европейские принципы организации жизни, например, США, Канады, Австралии и некоторых других государств [Медведев 2013: 23–29].

Жизнь и функционирование этих, можно сказать, европейских обществ и государств, определяет третий социокод, который сложился в античной Греции, — универсально-понятийный. Этот социокод не связан непосредственно с именами, и только его мы не будем относить к архаике. Только универсально-понятийный социокод обеспечивает функционирование рыночной экономики и

демократии, он наиболее существенно в истории человечества способствовал и способствует в настоящий период техническому прогрессу, росту экономики, повышающему уровни благосостояния граждан этих государств, обеспечению реализации в них прав и свобод человека и гражданина. И демократические институты, и рыночная экономика, в соответствии с концепцией М.К. Петрова, не могут успешно развиваться в условиях отсутствия или существенных ограничений универсально-понятийного социокода [Медведев 2013: 23–29].

АРХАИЗАЦИЯ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИКИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ

В современной России модернизация общества, экономики, политики и государственного управления сочетается с развитием в этих сферах постиндустриальных, индустриальных и архаичных тенденций. В соответствии с нашей гипотезой архаичные тенденции не менее, а более значимо, чем постиндустриальные и индустриальные, определяют ход и результаты процесса модернизации нашей страны.

Об архаизации элиты и общества в России свидетельствует их приверженность профессионально-именному социокоду, по концепции М.К. Петрова, который определяет наиболее значимые ценности и управленческие решения в нашей стране. Профессионально-именной социокод в России определяет значимость в элите и обществе ценностей стабильности, служения государству, словности, иерархичности систем управления и многих других, о некоторых из которых пойдет речь ниже.

Консенсус в российском обществе в поддержании профессионально-именного социокода определяет низкий интерес большинства граждан и частных бизнесов к внедрению и использованию современных информационных и высоких технологий, приверженность к аграрно-сырьевой экономике и соответствующим ей принципам и методам управления обществом, экономикой, местными сообществами и государством. Вследствие этого в России приоритетной является стабильность власти как интерес государ-

ства, но не модернизация страны, не укрепление демократических институтов, не развитие рыночной экономики и не внедрение в системах производства и управления современных информационных и высоких технологий.

Изучая архаизацию широких социальных групп России, исследователи приходят к выводам о подверженности этому процессу широких социальных групп. Объясняется ситуация тем, что «возрождение архаики в глубинке, оказавшейся в тяжелой, кризисной ситуации, безусловно, служит гарантом некоторой стабильности, обеспечивает выживание значительной массы населения депрессивных регионов, способствуют сохранению “минимума социальности” (за счет усиления роли малых групп и аскриптивных связей) и тем самым выполняет достаточно важную роль» [Хачатурян 2018: 19]. Между тем исследователи отмечают и возможности позитивного воздействия архаики на модернизацию обществ и государств, например, в быстро развивающихся странах Востока — в Китае, Японии, Южной Корее и некоторых других [Хачатурян 2018: 18]. И тогда вполне логично возникает стремление не только оценивать архаику негативно, но и найти в ней позитивные ресурсы для поддержания модернизации и развития нашей страны [Хачатурян 2006].

В таких выводах исследователей необходимо отличать эффекты, вносимые в современность именно архаикой, от эффектов более поздних по времени явлений и процессов общественной жизни: традиционализма, феодализма и др. [Ламажаа 2011: 109]. Но при этом необходимо учитывать, что архаизация может в существенной степени определять и традиционализм, и многие явления как феодализма, так и других прошлых эпох. И эти влияния архаики могут существенно определять современные общественные отношения, политику и государственность, что было замечено исследователями в отношении России еще в 1990-е годы. Например, в своей работе 1997 г. «“Взрывающаяся архаичность”: традиционализм в политической жизни России» В.А. Ачкасов описал клановость российской политики как продолжение ранее сформированных в нашей стране традиций [Ачкасов 1997]. С этим, безусловно, следует согласиться: клановость общественных отношений в современности имеет основой именно их архаизацию.

Нужно учитывать и то, что клановость, как и многие другие традиции в обществе и государстве, формировались в течение длительных периодов времени и существенно менялись под действием разных факторов. В частности, архаизация и традиционализация нередко сосуществуют, действуют в обществе одновременно, и можно согласиться с Ч.К. Ламажаа, что эти процессы вряд ли следует рассматривать как однопорядковые [Ламажаа 2011: 109]. Но для дальнейшего анализа важно выделить то, что именно в традиционализме, в других типах общественных отношений имеет причиной архаику. Ведь и сама Ч.К. Ламажаа подтверждает актуальность изучения архаики и ее влияния на современность. Она признает, что с XIX в., с исследований З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Дюркгейма и Б. Малиновского архаика стала «актуальным фактором при анализе культуры и человеческого существования» [Ламажаа 2009: 45]. И потому в современном мире изучение архаики необходимо для понимания причин и последствий революций, реформ, разнообразных кризисов и других процессов, конечно, с учетом социокультурной и цивилизационной специфики государств [Там же: 45]. Это утверждение полностью относится и к современной России.

СРАВНЕНИЕ ГЕНЕЗИСА И СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИОКОДОВ М.К. ПЕТРОВА

Происходящее в постсоветский период в России объясняется разными исследователями с различных позиций. В продолжение формулирования нашей гипотезы мы утверждаем, что в современной России сознание и деятельность политических элит и государственного управления существенно определяются их архаизацией. При этом архаикой в их сознании и деятельности следует считать все, что следует культурным образцам и программам, соответствующим профессионально-именному социокоду М.К. Петрова. Как было представлено выше, архаизация российского общества также происходит, но фокусом нашего внимания далее будет архаизация политических элит и государственного управления, а также их влияние на архаизацию общества. Мы утверждаем, что за редкими

исключениями представители политических элит и государственного управления России не менее, а нередко и более подвержены архаизации, чем широкие социальные группы нашей страны.

В силу теоретического характера этой гипотезы ее вряд ли можно полностью обосновать результатами эмпирических исследований. Но такие обоснования тем не менее возможны. Во-первых, обоснованиями нашей гипотезы могут стать систематические повторения современными политическими элитами и органами власти России в своем мышлении и в своей деятельности стилей поведения, характерных для древних человеческих сообществ и государств, в которых доминировал профессионально-именной социокод М.К. Петрова. Во-вторых, обоснованиями нашей гипотезы могут стать столь же систематические отказы современных политических элит и органов власти России следовать культурным образцам и программам универсально-понятийного социокода М.К. Петрова. Как правило, первые и вторые обоснования нашей гипотезы в конкретных политических действиях и решениях проявляются совместно, что мы постараемся ниже показать на примерах.

В-третьих, наша гипотеза позволяет с достаточно высокой уверенностью объяснить политические решения лиц, их принимающих, на основе того, каким культурным образцам и программам они вероятнее всего будут следовать. И это обстоятельство, по нашему мнению, придает нашей гипотезе значимость в политической науке, поскольку может способствовать пониманию причин и факторов политических решений, развития российского политического процесса, процесса модернизации общества и государства.

Поскольку содержание нашей гипотезы связано с концепцией социокодов М.К. Петрова, приведем характеристики двух его социокодов — профессионально-именного и универсально-понятийного.

Цивилизации с доминированием профессионально-именного социокода М.К. Петров называет «сельскохозяйственными». Это наименование условно, его смысл в том, что именно в древних сельскохозяйственных цивилизациях Средиземного моря, Северной Африки и Азии и возник этот социокод. Он назван професси-

онально-именным, потому что в нем профессии связаны с теми или иными именами богов, которые были покровителями этих профессий, а шире — любых видов деятельности. Каждая деятельность в этих цивилизациях имела своего бога-покровителя, а эти боги были связаны в сознании древних людей кровно-родственными отношениями, которые проектировались на отношения между самими людьми и на их деятельность, помогали воспитывать новые поколения и т.д. Профессионально-именные и кровно-родственные отношения выражались в тех или иных мифах [Петров 1995: 191–194].

Для нашего анализа важно то, что в условиях доминирования профессионально-именного социокода «накопление нового и становление новых теоретических и практических отношений к миру может... идти только с сохранением целостности технологического ритуала, то есть, говоря языком современности, здесь возможна рационализация существующего, технологическая эволюция, и невозможна революция: слом и замена технологий новыми» [Петров 1995: 195]. Это обеспечивает стабильность «сельскохозяйственных» цивилизаций, но «закрывает дорогу в ритуал к технологиям новым» [Петров 1995: 195].

Для демонстрации различий профессионально-именного и универсально-понятийного социокодов М.К. Петров сравнивает их возникновение и проявления в древних государствах Китая и Крита. По его концепции, древнее китайское государство возникло и развивалось на основе профессионально-именного социокода, а древнее Критское государство стало первым в мировой истории, в котором возник универсально-понятийный социокод.

Критская государственность складывалась в древности в первую очередь как оборонительно-военная для защиты от внешних нападений с моря. Главной задачей критской государственности было ведение внешнеполитических отношений, чтобы не допустить нападений и войн, когда нападения происходили. А древняя китайская государственность в первую очередь обеспечивала нормальное функционирование сельского хозяйства в меняющихся природных условиях через регулирование стоков рек, защиту от наводнений с помощью дамб и других гидротехнических сооруже-

ний. По этим причинам главы китайской государственности и их министры должны были управлять стихиями, обеспечивать правильность и цикличность необходимых для получения урожаев природных процессов — смену «времен года, сухих и дождливых сезонов, разливов рек и т.д.» [Петров 1995: 198–199].

В результате, как пишет М.К. Петров, в Древнем Китае «небесные беспорядки (кометы, исчезновение и появление звезд), как и беспорядки земные (наводнения, засухи), всегда вменялись в вину администрации и “государственной науке”, подлежали устранению их силами» [Петров 1995: 201–202]. Это приводило к тому, что и общество, и сами государственные чиновники становились регуляторами всех небесных и земных процессов, отклоняющихся от нормы. Поэтому в государственном управлении формировались культурные образцы и программы, обеспечивающие «правильные» действия для восстановления нормального функционирования всех небесных и земных процессов, «правильное» реагирование чиновников по принципам действия отрицательной обратной связи для обеспечения стабильности сферы, за регулирование которой они отвечали.

В такой системе государственного управления идеи об изменении норм функционирования регулируемых процессов либо не возникали совсем, либо возникали крайне редко. Такие активные изменения подобных норм представлялись китайским чиновникам нелепыми, нарушающими культурные образцы, вероятнее всего, просто вредными. Отсюда и приверженность китайских чиновников к невмешательству в процессы, которые «протекают правильно», к управлению на расстоянии без участия в естественно развивающихся делах [Петров 1995: 202]. В результате новые технологии производственной деятельности формировались медленно и только в результате практики людей, передачи соответствующих практических навыков новым поколениям непосредственно в процессе самой производственной деятельности [Петров 1995: 203]. А в государственном аппарате новые идеи и новые приемы управления появлялись с помощью постоянного обновления состава чиновников в результате экзаменов. Поэтому талант и изобретательность на государственной службе «ставились на службу

стабильности», а не разрушали ее [Петров 1995: 203]. Кроме того, общество и государственное управление в «нормальных» ситуациях не взаимодействовали между собой: нормально функционирующее общество не требовало государственного регулирования и не получало его, а нормально функционирующее государство не требовало внимания общества, общество было в достаточной степени равнодушно к государству [Петров 1995: 203].

Иным было государство древнего Крита, как морской державы. Если в Древнем Китае государство должно было в первую очередь регулировать естественные процессы, обеспечивая их развитие в допустимых отклонениях от средних значений, то государство древнего Крита имело приоритетом защиту земледелия от морского разбоя, что естественным процессом считать невозможно. Ведь морские разбойники-пираты могли появляться и высаживаться на берег в непредсказуемые моменты времени, грабить земледельцев и снова исчезать в море. Как правило, с морскими пиратами возникали скоротечные конфликты, в которых разбойники всегда имели преимущества перед земледельцами — в неожиданности нападений, воинской выучке, потому что пираты занимались разбоем постоянно, в жестокости, о которой пишут древние авторы, в возможности при неблагоприятном стечении обстоятельств сесть на корабли и уплыть в море и т.п. [Петров 1995: 206–207].

По географическим и иным естественным причинам Критскому государству не нужно было обеспечивать нормальное регулирование сельского хозяйства, с этим вполне справлялись сравнительно небольшие общины людей. Получалось, что древним правителям Крита было даже невыгодно полностью избавиться от набегов морских пиратов на свои территории, потому что тогда разрушилась бы основа обоснования необходимости самого Критского государства — его борьба с набегами морских пиратов. Чтобы противостоять этим набегам, Критское государство было вынуждено децентрализовать государственное управление, распределять военную администрацию по угрожаемым участкам территории и ориентировать ее не на средние значения по всему периметру обороны, а на более высокие, достаточные для отражения нападения в тех местах, где они происходят. Главной пробле-

мой такой защиты от нападений было то, что пираты повышали свою «военную квалификацию», реагируя на усиление защитных ресурсов критского государства, но и государство в ответ должно было находить возможности еще большего усиления своей защиты и т.д. Получается, что древнее Критское государство было вынуждено осуществлять управление процессом защиты земледелия в режиме положительной обратной связи, когда усиление реакции на нападение ведет к усилению силы нападения, что снова приводит к усилению реакции на него, а в ответ — к усилению силы нападения и т.д. При этом земледельческие общины должны были и активно участвовали в отражении нападений пиратов, в чем их члены и руководители должны были и проявляли свои гражданские качества. В результате пиратские набеги и достаточно хорошо подготовленные воины земледельческих общин создавали ситуацию, в которой государство в его форме, похожей на государство Древнего Китая, становилось просто ненужным [Петров 1995: 206–207].

Древнее Критское государство, как известно, было разрушено в результате извержения вулкана на острове Тира, а потом и завоевания греками-ахейцами. Центром их государства стали Микены, расположенные на материковой части Древней Греции. Все эти государства в большей или в меньшей степени продолжали традиции древнего Критского государства. Но и Микенское царство погибло в результате кризиса, по-видимому, связанного с недостатком хлеба и продуктов питания вообще, а также вторжения дорийских племен, у которых еще господствовал родовой строй. Разрушение культуры в этом кризисе было столь сильным, что оказались утраченными древняя письменность, искусство обработки металлов и изготовления высокохудожественной керамики, исчезли из обращения золото и серебро. Это было началом так называемых «темных веков» в истории Древней Греции, продолжавшихся примерно с XI по IX в. до н. э. [Медведев 2013: 52–54].

В период «темных веков» экономическая и военная зависимость человека от государства существенно ослабли, потому что каждому, каждой семье нужно было выживать самостоятельно. Но мирные занятия — рыболовство и торговля — уже не могли про-

кормить семьи, поэтому выходом для выживания стало морское пиратство, столь же традиционное для этого региона мира с времен древнего Критского государства, как и торговля, и рыболовство. И можно утверждать, что «на палубах пятидесятивесельных разбойничьих кораблей, бороздивших Эгейское море, родился совсем другой тип человека», существенно отличавшийся от типа человека традиционного общества [Медведев 2013: 54].

Дело в том, что «экипаж корабля, отплывший на нем в море, становился фактически независимым от царской власти» [Медведев 2013: 55]. На море и в набегах на земледельческие поселения «требовалось безусловное подчинение власти капитана», но при этом «каждый член экипажа должен быть готов при необходимости заменить его» [Медведев 2013: 55]. В этом смысле на пиратских кораблях формировался тип человека, владевшего разными профессиями, а не одной, как в традиционном обществе, способного и умеющего хорошо воевать, способного не по знатности и богатству, а по этим умениям оценивать себя и других. Фактически на пиратских кораблях и в набегах все были равны в правах и обязанностях, а подчинялись приказам для организации совместной деятельности как свободные люди, а не как подданные государей или рабы. Но так же легко, как земледельцы становились пиратами, пираты становились земледельцами, когда оседали на захваченных ими землях. И тогда нормы и правила жизни на пиратских кораблях применялись к жизни в земледельческих общинах [Медведев 2013: 55].

Эти нормы и правила жизни существенно упростили семейные и родовые отношения и повысили значимость власти главы семьи — над женой, детьми, рабами. Фактически глава семьи правил в ней так же, как царь своими подданными. Глава семьи был и верховным жрецом в ней. Но это не означало равенства в знатности и богатстве, потому что морские корабли и вооружение воинов стоили дорого, их оплачивать могли только богатые греки, а более бедные становились подчиненными им матросами на кораблях и воинами в набегах. Следовательно, свободными и равными в правах царям были только немногие представители родовой знати [Медведев 2013: 56].

В ситуации «темных веков» древние греки не отказались полностью от государственной власти, потому что для отпора пиратам и воинственным соседям необходимо было осуществлять военную оборону, согласованную с другими земледельческими общинами. Но уже единого греческого государства не получалось, на территории Пелопоннеса формировались небольшие полисы — города-государства, размеры которых определялись «расстоянием, на которое можно передать устный приказ» [Медведев 2013: 55]. При этом «подчинение власти царя оставалось беспрекословным, и он по-прежнему должен был участвовать в важнейших религиозных ритуалах», но уже не в статусе «священного вождя», а как «военный предводитель, капитан своего корабля-государства». Это означало утрату сакральности, божественности царской власти, поэтому «иногда власть в греческих полисах могла переходить ко всему слою знатных или же ее захватывали единоличные правители, не принадлежавшие к царскому роду (они назывались тираннами)» [Медведев 2013: 57]. Следовательно, теперь любой представитель родовой знати мог заменить царя при необходимости, а в таких государствах стали складываться представления о значимости достоинства свободного человека, суда и закона, которые выше любого человека, перед которыми равны все свободные люди [Медведев 2013: 57].

Мореплавание и пиратство стали значимыми факторами изменения сознания и поведения древних греков. Им уже становилось недостаточно и неэффективно следовать традиционным ритуалам в решениях жизненных проблем, им необходимо было предвидеть будущее, прогнозировать возможные события, оценивать их возможные исходы. А это предполагает развитие аналитических способностей людей, как минимум принадлежащих знатным родам [Петров 1995: 222]. И мотивации к развитию таких способностей были вполне практическими, потому что неверная оценка ситуации и неверный прогноз ее развития могли в результате набегов врагов приводить к гибели не только самого древнего аналитика, но и его рода [Петров 1995: 223].

На пиратских кораблях и, следовательно, в земледельческих общинах и в делах полисов для решений проблем были необходи-

мы скоординированные действия многих людей. И в таких действиях все строго подчинялись своим «повелителям», выполняя их волю. А «повелители», которыми естественно были представители знати, должны были проявлять творческие способности для разрешения постоянно возникающих проблем и в меняющихся условиях деятельности. Но нередко прогнозирование развития ситуаций, например в морских походах, становилось столь сложной задачей, с которой не мог справиться ни один «повелитель». И тогда «повелители» должны были поддерживать в своих «гребцах-воинах» представление о том, что они видят будущее «дальше всех, лучше всех и яснее всех». Но одновременно, поскольку цена ошибки в анализе и прогнозе ситуации могла быть катастрофичной и для «повелителя», и для тех, кто ему подчиняется, «повелители» стали формировать методологию анализа и прогнозирования, близкую по типу к современной научной. В частности, в древнегреческую методологию включался анализ уже имеющихся знаний, логический вывод следствий из посылок, выявление причинно-следственных связей и т.п. Существенным отличием древнегреческой методологии от современной научной было полное отсутствие в первой экспериментальных проверок получаемых выводов. Правильность таких выводов у древних греков подтверждалась исключительно практикой осуществления действий в соответствии с разработанными выводами из анализа и прогноза развития ситуации. Но, главное, что такая методология разрушала традиционные ритуалы действий и принятия решений, а порождала отношение к миру и принятию управленческих решений в соответствии с культурными образцами и программами универсально-понятийного социокода. А этот социокод формировал «целостных, всесторонне развитых и обладающих гражданской доблестью личностей», содействовал их успехам в решениях жизненных проблем и в государственном управлении [Петров 1995: 225–233].

В противоположность универсально-понятийному для профессионально-именного социокода характерны заставание «формы ритуала практического отношения к миру», разделение социума на «автономные и самодовлеющие профессионально-государственные структуры», осуществляющие регулирование общественных

отношений по принципам обратной связи, то есть через реакции на уже возникшие отклонения от нормы. А для универсально-понятийного социокода характерно, напротив, регулирование общественных отношений по принципам прямой связи, через анализ факторов и прогноз развития ситуации [Петров 1995: 233–235]. Именно такой подход к решениям проблем и поискам выходов из разнообразных кризисов наиболее эффективен в современных условиях. По этой причине универсально-понятийный социокод, возникший в древности при особом стечении обстоятельств, практически случайно, не следует, по нашему мнению, оценивать как архаичный, а профессионально-именной, напротив, следует.

АРХАИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОССИИ

По результатам проведенного анализа мы можем конкретизировать и уточнить сформулированную выше гипотезу следующим образом. В современной России политические элиты и государственное управление в культурных образцах и программах своего мышления и в своей деятельности во многом следуют нормам и практикам, характерным для профессионально-именного социокода М.К. Петрова. И именно приверженность российских политических элит и российского государственного управления этому социокоду определяет их архаизацию. Приведем некоторые примеры, подтверждающие эту гипотезу через выявление признаков архаизации политических элит и органов власти России.

Если признать доминирование в современной России профессионально-именного социокода и следование нашей политической элиты ритуалам, культурным образцам и программам именно этого социокода, становятся понятными сложности с внедрением и эффективным использованием в нашей стране новых, особенно, инновационных технологий и в производстве, и в регулировании общественной жизни. Причиной является то, что архаичные нормы и правила культуры, соответствующие этого социокоду, препятствуют инновациям и через невозможности возникновения необходимых мотиваций поведения, и на ценностном уровне через

уверенность в необходимости обеспечения стабильности, а не развития.

В современной российской реальности все более проявляется обращенность политических элит и должностных лиц государственного управления в прошлое, поиск в этом прошлом методов решений современных проблем, что характерно для архаических стилей мышления. Такая обращенность в прошлое приводит к фактическому отказу от анализа и прогноза развития ситуации, потому что сопровождается ожиданиями восстановления норм общественных отношений в результате действия обратных связей в полном соответствии с культурными образцами и программами профессионально-именного социокода М.К. Петрова.

А.С. Ахиезер объясняет это явление тем, что в современной России необходимость формирования новых институтов после распада СССР в 1991 г. привела к возврату «к старым идеям, оправдавшим себя во времена прошлых кризисов» [Ахиезер 2001: 89]. По этой причине в современной России при принятии политических и государственных решений зачастую используются не новые, а архаичные институты, неадекватные вызовам современного мира. А во многих случаях новые, по форме модернизированные институты используются для поддержки старых, архаичных способов осуществления политики и государственного управления.

При этом, безусловно, архаизация российского общества и государства не является единственной тенденцией их развития, она смешивается с достижениями современных технологий и современных способов организации общества, экономики и государственности [Ахиезер 2001: 90]. Но в современной России именно архаизация общества и государства стала существенным и даже доминирующим фактором принятия и исполнения решений в политике и государственном управлении.

Так, в современной России, как это было в течение многих столетий, «государство воплощает некоторую идею стабильности, трансляцию сложившегося порядка во времени» [Ахиезер 2010: 35]. Этой стабильности от государства ожидают и политики, и граждане, и это признак архаики в их сознании и социальном поведении также в соответствии с культурными образцами и про-

граммами профессионально-именного социоклада М.К. Петрова. Высокая ценность стабильности характерна для традиционных обществ, в которых «присутствует ориентация на поддержание один раз найденного стабильного и устойчивого состояния» [Яковенко 2017: 22]. Такое общество либо находится «в имманентно статичном состоянии», либо при наличии условий среды осуществляет «экстенсивное развитие» [Там же: 22]. И оба эти состояния общества и государства известны в истории нашей страны, более того, были весьма длительными по времени.

Однако в реальности стабильность в современном российском обществе и государстве поддерживать не удается. Сложность современных проблем, которые должно решать государство, вынуждает сами органы власти эту стабильность постоянно нарушать. В качестве примеров таких нарушений в политике можно привести постоянные изменения законодательства и правоприменительной практики в политике — в сфере выборов и деятельности политических партий, а в государственном управлении — в сферах пенсионной системы, образования и здравоохранения. Эти нарушения стабильности негативно оцениваются большинством общества, создают проблемы должностным лицам государственной службы. И может показаться, что нарушения стабильности свидетельствуют о поисках органами государственной власти новых институтов, которые могли бы обеспечить модернизацию страны.

Но, как известно, результаты проводимой в нашей стране модернизации не устраивают ни общество, ни элиты, ни государственное управление. Так, анализ результатов модернизации России привел авторов документа «Стратегия развития страны 2018–2024» к следующим выводам: «Последние годы мы живем хуже, чем могли бы, отстаем по качеству жизни. Наша экономика растет медленнее, чем могла бы. Потенциал страны и ее жителей раскрывается не в полной мере. Мы можем лучше» [Стратегия 2018: 2]. В Центре стратегических разработок проводился анализ причин такого положения, который, в частности, показал следующее. Разработанная в 2011 г. «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года» (далее — «Стратегия-2020») не была утверждена, но «часть ее положений нашла отражение в нор-

мативных правовых актах, распоряжениях и поручениях президента и правительства» [Анализ факторов... 2016: 11]. Поэтому было признано возможным оценить, что и в какой степени было реализовано из предложений «Стратегии-2020». Исследователи пришли к выводу, что большинство предложений «Стратегии-2020» оказались невыполненными [Там же: 15]. Полностью реализованными были отдельные технические предложения, которые не требовали «изменения институциональной среды, механизмов работы государственного аппарата. В основном, это улучшающие организационные инновации, но не реформы и коренные изменения, отвечающие реальным вызовам» [Там же: 12]. Такое отношение исполнителей в государственном управлении России к изменениям институциональной среды в соответствии с нашей гипотезой объясняется архаизацией их сознания и управленческих практик. Ведь для архаического сознания, определяемого профессионально-именным социокodem, вообще представляются невозможными реальные реформы государственного управления. Дело в том, что любые реальные реформы, кроме технических изменений, создают существенные риски нарушения стабильности в политике и государственном управлении, что противоречит ценностным ориентациям его руководителей и исполнителей.

Еще один пример показывает неадекватность реагирования российской политической элиты и государственного управления на вызовы современного мира. Как известно, доходы российского бюджета во многом формируются от продаж добываемой нефти и газа. И российские чиновники убеждены, что, как и прежде, страна, обладающая такими ценными природными ресурсами, будет получать достаточно поступлений в государственный бюджет от их продаж. Но ситуация в современном мире существенно меняется.

По оценке главного экономиста группы British Petroleum (BP) Спенсера Дейла, «если еще 20–30 лет назад наличие обильных энергоресурсов могло служить гарантией, что страна может обеспечить себе благополучную жизнь в долгосрочной перспективе, сейчас это уже не так: на рынке появилось огромное количество энергоресурсов из самых разных источников. Выигрывает тот, у кого самые низкие по себестоимости разработки ресурсы и кто

может обеспечить конкурентоспособные поставки на мировой рынок. Это главные условия для монетизации запасов той или иной страны» (цит. по: [Кутузова 2018]). Таким образом, российские чиновники ошибаются, рассчитывая без реформ развития нефтяной отрасли в нашей стране получать и дальше достаточно высокие доходы от продаж добываемой в России нефти. Эта ситуация будет сохраняться еще несколько лет, но затем конкуренты, в первую очередь, США и Саудовская Аравия на рынке нефти, а также США и Катар на рынке природного газа, могут существенно увеличить свои доли мировых рынков за счет снижения доли России [Кутузова 2018].

Для того чтобы снизить вероятность риска такого развития событий, нефтяной и газовой отраслям России, как этим отраслям и в других странах, необходимо осуществлять инвестиции в новые технологии, повышающие эффективность добычи и поставок этих природных ресурсов [Кутузова 2018]. Возможно, необходимо будет менять и государственное регулирование этих отраслей. Но такие инвестиции дадут эффект только в относительно долгосрочной перспективе, когда произойдет изменение структуры мировых рынков нефти и газа. Тем не менее те страны, которые эти инвестиции не будут осуществлять в настоящий период, не смогут адекватно отреагировать на изменение структуры рынков, потому что такая реакция будет возможной только с применением уже внедренных новых технологий добычи и поставок. Если эти технологии только начать внедрять, то, когда в будущем станет реальностью изменение структуры рынков нефти и газа, страна проиграет в конкуренции с теми, кто эти инвестиции сделал заранее и подготовился к их активному применению до наступления очередного кризиса на мировых рынках.

В настоящий период экономически инвестиции в новые технологии добычи и поставки нефти и газа неэффективны, снижают текущие прибыли нефтяных и газовых компаний России. Поэтому решения об осуществлении таких инвестиций должны быть политическими, т.е. приниматься политическими элитами и государственным управлением России. Но принятию таких решений препятствует их архаизация: стремление к обеспечению стабильности

в настоящем, опасение рисков слома сложившихся технологических ритуалов, обеспечивающих в настоящий период прибыли нефтяных и газовых компаний и доходы государственного бюджета, и т.п. Эти особенности сознания и поведения российских политических элит и государственного управления, как было описано выше, характерны именно для профессионально-именного социоклада М.К. Петрова.

В современной России развиваются общественные отношения и неформальные институты, весьма сходные с феодальными. Именно такие институты используются для решений сложных проблем в различных областях. А.В. Рябов указывает на следующие институты такого типа: условный характер частной собственности и обладание ею как награда, привилегия за служение государству; развитие рентной экономики и рентные отношения на государственной службе, когда чиновники получают должности для служения государству вместе с извлечением ренты для личного обогащения за такое служение. А для реализации такой ренты чиновниками практически все российские бизнесы поставлены в сильную зависимость от государства, точнее от чиновников соответствующих уровней управления, и владение частными бизнесами также поставлено в качестве условия служения этим чиновникам [Рябов 2008: 4]. Значимость ренты приводит к стремлению большинства и чиновников, и бизнесменов использовать старые технологии, уже приносящие ренту, а не внедрять новые, связанные с рисками потери ренты и только возможностями получения новых статей доходов в государственный бюджет и прибыли, сопряженных с новыми рисками.

Сословную организацию российского общества и государства на большом эмпирическом материале описывает в своих работах С.Г. Кордонский [Кордонский 2008]. Он выделяет сословия по их положению в иерархической системе организации общества, определяющей права, обязанности и привилегии сословий в отношении их служения государству. Обосновывая значимость сословий в современной России с социологических позиций, он утверждает: «...априори считается, что сословное устройство архаично, не специфицирует актуальную социальную реальность и что изуче-

ние сословий есть скорее задача историков и правоведов, а не социологов. Я, напротив, считаю, что современное сословное деление — применительно прежде всего к России — не менее, а может быть, и более актуально, чем классовое (по уровням доходов и типам потребления. — *В.Р.*) и что нерелевантная принадлежность к сословиям определяет социальное поведение в гораздо большей степени, чем принято считать» [Кордонский 2008: 26].

С.Г. Кордонский признает, что современные российские сословия, определяемые некоторыми законами, например, законодательством о статусе и службе судей, военной, правоохранительной и гражданской службе, пока не имеют безусловных прав, ведь «у них нет права самоуправления, а члены сословий не обладают сословными самосознанием и менталитетом. Более того, у членов сословий чаще всего отсутствует рефлексия своей принадлежности к сословию. Вместо нее есть профессиональная самоидентификация» [Кордонский 2008: 73]. И в этой ситуации российское государство создает и поддерживает сословия для служения себе, государству или для обслуживания тех или иных сословий. Служение «титовых» (определенных законом) сословий государству заключается в нейтрализации разнообразных угроз безопасности или в выявлении таких угроз и подготовке к их нейтрализации [Кордонский 2008: 91]. Такие социальные практики противодействия угрозам известны с глубокой древности и, как было представлено выше, соответствуют профессионально-именному социокоду М.К. Петрова.

С.Г. Кордонский приводит и другие характеристики современных российских сословий, которые определяют архаизацию общества и государства. Например, современные сословия в России во многом связаны с институтами профессий и профессиональными общностями [Кордонский 2008: 26], которые нужно понимать широко — от социальных корпусов судей и государственных служащих до работников нефтяных и газовых корпораций. Сословия определяют реальное неравенство граждан перед законом и судом, и это «неравенство в первую очередь заключается в том, что сословия имеют различающиеся права и обязанности перед государством и несут разные государственные повинности» [Кордонский 2008: 27].

Смысл деятельности каждого сословия — это освоение ресурсов, которые им выделило для этой цели государство или их сюзерены. Развития этих ресурсов или их использование для развития или роста прибылей частных бизнесов не предусматривается. Вместо развития ресурсов осуществляется «расширение ресурсной базы», что тоже относится к служению сословий государству. В современном мире за такое расширение ресурсов российскому государству приходится конкурировать с транснациональными корпорациями и государствами. Для участия в такой конкуренции в России создаются государственные корпорации: «Газпром», «Роснефть», «Росатом» и некоторые другие. Но сама конкуренция в сознании и социальных практиках государственного управления и руководства этих государственных корпораций понимается как борьба с врагами — иностранными государствами и транснациональными корпорациями. И этой борьбой с врагами занимаются специально для этого создаваемые государством сословия, о которых уже писалось выше. Рано или поздно расширение ресурсной базы останавливается по тем или иным причинам, и тогда в России наиболее вероятен не переход к иному типу государственного управления, а замена старых сословий на новые, возможно, в результате социальных революций [Кордонский 2008: 120–121].

В более или менее стабильной социальной ситуации государственное управление, направленное на освоение ресурсов, а не на их развитие, противодействует внедрению и широкому использованию новых технологий и в производственной, и в управленческой деятельности. Например, внедрение современных информационных технологий в системы управления в России не приносит того эффекта, который заметен в развитых странах Запада. Причина в том, что российские управленцы и их подчиненные пытаются использовать эти технологии для поддержки старых, архаичных способов управления, стремясь избегать угроз и рисков развития, а потому не готовясь к противодействию этим угрозам и рискам. Российские управленцы и их подчиненные избегают этих рисков и угроз, стараясь меньше использовать современные информационные технологии, вводя запреты доступа к ним в государственном управлении и большинству граждан, используя бумажные техно-

логии для проверки подлинности информации в электронных документах и т.п. Такие социальные практики избегания рисков и угроз от новых технологий можно оценить как качества социального поведения, определяемые профессионально-именным социокодом М.К. Петрова.

Большинство российских граждан довольно активно используют разные гаджеты, коллективные игры, покупки в Интернете и т.п. По уровню пользования современными информационными технологиями и Интернетом мы вполне соответствуем развитым странам мира. С использованием новых технологий и способов общения многие российские граждане существенно изменили свою жизнь — у них другие контакты, другие интересы, другое общение, чем было в прежние периоды. Но на уровне государственной власти эти же технологии, за редким исключением сайта Госуслуг и некоторых других сервисов, не очень существенно меняют жизнь граждан. Одна из причин — органы власти опасаются потерять достигнутую ими стабильность, поэтому не позволяют широко применять информационные технологии и Интернет для взаимодействий с гражданами и решений проблем, на которые органы власти регулируют. Эту ситуацию можно оценить как препятствия, которые архаизация государственного управления ставит развитию общества в России.

Архаизация российского общества и государства проявляется также в высокой ценности так называемой «вертикали власти», то есть выстраивания всех отношений в государстве по иерархии с подчинением нижестоящих субъектов своим сюзеренам. В массовое сознание внедряется представление о том, что вся «вертикаль власти» служит государству. Но скорее в этой вертикали действует феодальный принцип «вассал моего вассала не мой вассал». Например, региональные органы власти скорее служат руководителям регионов, чем федеральным, а федеральным органам власти для обеспечения служения своим руководителям приходится формировать региональные управления и другие структуры федеральных органов власти в регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архаизация общественных отношений и государственности и в России, и в других странах мира является вполне закономерным и естественным процессом. Важно при этом оценивать направленность этого процесса, как он определяет смыслы современности, понимание актуальных проблем и способов их решений. В тех случаях, когда архаика определяет неадекватные смыслы современности и соответствующие им способы решений проблем, архаизация должна быть признана неадекватной для использования в политическом процессе и государственном управлении.

Архаизация общества негативно влияет на сознание и социальные практики граждан. Традиционные и советские способы социализации и идентификации потеряли былую определенность или были разрушены. А формирующиеся институты в силу архаизации являются неадекватными для обеспечения жизни и деятельности в современном мире из-за их противоречивости и неопределенности. В этих условиях для большинства российских граждан стала характерна аномия, которую можно понимать как отказ от следования нормам и правилам социального поведения, подчинения безличным институтам. Аномия ведет к снижению уровня институционального и межличностного доверия в обществе, к проявлениям агрессии к другим гражданам, органам власти, социальным институтам, способствует уходу от реальности в пьянство, наркоманию, виртуальность, поддерживает разрушительные для общества и государства явления, в первую очередь преступность и коррупцию.

Реализуемая политика развития в современной России приводит к расширению архаизации общества и государства и потому к их неконкурентоспособности в мире. И при этом ни в обществе, ни в органах власти, ни среди экспертов в нашей стране нет ни обсуждений архаизации общества и государства, ни, следовательно, поиска методов постепенного отказа от нее. Представленные выше концепция социокодов М.К. Петрова и ее применения для выявления значимых факторов архаизации политической элиты и государственного управления России могут способствовать измене-

нию такой ситуации в нашей стране и обеспечению ее реальной модернизации.

Литература и источники

Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. Аналитический доклад / под ред. М. Э. Дмитриева. СПб., 2016 // Сайт «Центр стратегических разработок». URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Report-on-strategy.pdf> (дата обращения: 11.12.2018).

Ахизер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89–100.

Ахизер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // *Мир России*. 2010. Т. 4, № 1. С. 3–56.

Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

Кутузова М. Мир изобилия и конкуренции от ВР. О выступлении главного экономиста группы ВР Спенсера Дейла 05.04.2018 в ИМЭМО РАН на заседании форума «Нефтегазовый диалог» с презентацией «Прогноза развития мировой энергетики до 2040 г.», подготовленного компанией // *Нефтянка*. 09.04.2018. URL: <http://neftianka.ru/bp-energy-outlook-2018/> (дата обращения: 11.12.2018).

Ламажаа Ч.К. Проблема архаизации общества // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. № 4. С. 44–49.

Ламажаа Ч.К. Проблема политической архаизации Тувы // *Знание. Понимание. Умение*. 2011. № 2. С. 108–115.

Медведев А., Медведева Е. Как появилась рыночная экономика и возможна ли она в современной России? М.: Буки Веди, 2013.

Петров М.К. Язык и категориальные структуры // *Науковедение и история культуры*. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1973. С. 58–82.

Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995.

Петров М.К. Язык, знак, культура / вступит. ст. С.С. Неретиной. 2-е изд., стереот. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Рябов А.В. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // *Рабочие тетради. Working Paper*. № 4. М.: Московский центр Карнеги, 2008.

Стратегия развития страны 2018–2024. Краткая версия. М.: Центр стратегических разработок, 2018 // Сайт «Центр стратегических разработок». URL: <https://strategy.csr.ru/user/themes/standart/files/csr.compressed.pdf> (дата обращения: 11.12.2018).

Хачатурян В.М. Диалог с архаикой // Человек: иллюстрированный научно-популярный журнал. 2006. № 3. С. 48–61.

Хачатурян В.М. Архаизация и модернизация в современной России: к проблеме модернизационного потенциала архаики // Исторические повороты культуры: сборник научных статей (к 70-летию профессора И.В. Кондакова) / общ. ред. и сост. О.Н. Астафьевой. М.: Согласие, 2018. С. 18–19.

Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. 3-е изд., доп. М.: Знание, 2017.

ARCHAIZATION OF POLITICAL ELITE AND PUBLIC ADMINISTRATION OF RUSSIA

V. Rimskiy

Abstract. *The article presents the hypothesis that in modern Russia archaic tendencies are determine the course and results of the modernization process no less, but more significant, than post-industrial and industrial trends. At the same time, the consciousness and activity of not only the majority of society, but also the Russian political elites, and the public administration are essentially determined by their archaization. And archaic in their the consciousness and activity should be considered everything that is determined by their following to cultural patterns and programs that correspond to M.K. Petrov's professional-nominal sociocode. The article provides a brief presentation of the concept of sociocodes M.K. Petrov, which is necessary to justify the author's hypothesis expressed, as well as some examples that confirm this hypothesis. It is concluded that the implemented development policy in modern Russia leads to the expansion of the archaization of society and the state and, therefore, to their lack of competitiveness in the world. And at the same time, neither in society, nor in government bodies, nor among experts in Russia, there are any discussions of the archaization of society and the state, and, consequently, the search for methods of phasing out the archaization. The concept of sociocodes M.K. Petrov and its applications to identify significant factors of the archaization of the political elite and the government of Russia can contribute to changing the situation in our country and ensuring its real modernization.*

Keywords: *archaization, archaic, modernization, sociocode, political elites, state administration, decision-making, analysis, forecast, Russia.*

References

Analiz faktorov realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verkhnego urovnya. Analiticheskij doklad. [Analysis of the implementation of top-level strategic planning documents. Analytical report.]. Ed. by Dmitriev M.E. St. Petersburg, 2016. 208 p. The website "TSentr strategicheskikh

razrabotok”. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Report-on-strategy.pdf> (available: 11.12.2018). (In Russian)

Akhiezer A.S. Arkhaizatsiya v rossijskom obshhestve kak metodologicheskaya problema [Akhiezer A.S. Archaization in Russian society as a methodological problem], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2001, 2, pp. 89–100. (In Russian)

Akhiezer A.S. Rossiya: nekotorye problemy sotsiokul'turnoj dinamiki [Akhiezer A. S. Russia: Some Problems of Socio-Cultural Dynamics], *Mir Rossii*, 2010, 4 (1), pp. 3–56. (In Russian)

Achkasov V. A. “Vzryvayushhayasya arkhaichnost'”: traditsionalizm v politicheskoy zhizni Rossii [“Exploding Archaism”: traditionalism in the political life of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg state university publ., 1997. (In Russian)

Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii* [Estates in the social structure of post-Soviet Russia.]. Moscow: Obshhestvennoe mnenie, 2008. (In Russian)

Kutuzova Mariya. Mir izobiliya i konkurentsii ot VR. O vystuplenii glavnogo ehkonomista gruppy VR Spensera Dejla 05.04.2018 v IMEHMO RAN na zasedanii foruma «Neftegazovyj dialog» s prezentatsiej «Prognosa razvitiya mirovoj ehnergetiki do 2040 g., podgotovlennogo kompaniej. [A world of abundance and competition from BP. On the speech of the chief economist of the BP group Spencer Dale on 04/05/2018 at the IMEMO of the Russian Academy of Sciences at the meeting of the “Oil and Gas Dialogue” Forum with a presentation “The Forecast of World Energy Development until 2040”, prepared by the company], *Neftyanika*, 09.04.2018. URL: <http://neftianika.ru/bp-energy-outlook-2018/> (available: 11.12.2018). (In Russian)

Lamazhaa Ch.K. Problema arkhaizatsii obshhestva [The Problem of the Archaization of Society], *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2009, 4, pp. 44–49. (In Russian)

Lamazhaa Ch.K. Problema politicheskoy arkhaizatsii Tuvy [The problem of political archaization of Tuva], *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2011, 2, pp. 108–115. (In Russian)

Medvedev A., Medvedeva E. *Kak poyavilas' rynochnaya ehkonomika i vozmozhna li ona v sovremennoj Rossii?* [How did the market economy appear and is it possible in contemporary Russia?]. Moscow: Buki Vedi, 2013. (In Russian)

Petrov M.K. Yazyk i kategorial'nye struktury [Language and categorical structures]. In: *Naukovedenie i istoriya kul'tury* [Science of science and cultural history]. Rostov-on-Don: Rostov university publ., 1973, pp. 58–82. (In Russian)

Petrov M.K. *Iskusstvo i nauka. Piraty Egejskogo morya i lichnost'* [Art and Science. Pirates of the Aegean Sea and personality]. Moscow: ROSSPEHN, 1995. (In Russian)

Petrov M.K. *Yazyk, znak, kul'tura*. [Language, sign, culture]. Introductory article by Neretinova S.S. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2004. (In Russian)

Ryabov A.V. *Vozrozhdenie feodal'noy "arkhaiki" v sovremennoj Rossii: praktika i idei* [Ryabov A.V. Revival of feudal "archaic" in modern Russia: practice and ideas], *Rabochie tetradi Tsentra Karnegi* [Working Paper of Carnegie Center], 2008, 4, pp. 1–16. (In Russian)

Strategiya razvitiya strany 2018–2024. Kratkaya versiya. [Country Development Strategy 2018–2024. Short version.]. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok, 2018. The website "Tsentr strategicheskikh razrabotok". URL: <https://strategy.csr.ru/user/themes/standart/files/csr.compressed.pdf> (available: 11.12.2018). (In Russian)

Khachatryan V.M. *Dialog s arkhaikoy* [Dialogue with the Archaic], *Chelovek* [Human being], 2006, 3, pp. 48–61. (In Russian)

Khachatryan V.M. *Arkhaizatsiya i modernizatsiya v sovremennoj Rossii: k probleme modernizatsionnogo potentsiala arkhaiki* [Archaization and modernization in contemporary Russia: Towards the problem of the modernization potential of the archaic]. In: *Istoricheskie povoroty kul'tury: sbornik nauchnykh statej (k 70-letiyu professora I. V. Kondakova)* [Historical turns of culture: collection of scientific articles (to the 70th anniversary of Professor I. V. Kondakov)]. Ed. by O.N. Astafyeva. Moscow: Soglasie, 2018, pp. 18–19. (In Russian)

Yakovenko I.G. *Poznanie Rossii: tsivilizatsionnyj analiz* [Knowledge of Russia: Civilization Analysis.], third ed. Moscow: Znanie, 2017. (In Russian)

ВЛАСТЬ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

ВЛАСТЬ И РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.А. Ачкасов

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.7>

Аннотация. Отмечается сложность и противоречивость отношений российской власти и русского национализма. В первые годы существования независимой России многие наблюдатели предсказывали усиление политической роли русского этнического национализма. Особенно часто такие прогнозы делались после неожиданного электорального успеха партии В.В. Жириновского в декабре 1993 г. Однако этот прогноз тогда не подтвердился. В новом столетии доминирующее положение в рамках русского национализма заняли имперско-великодержавные и этнонационалистические идеи и силы. После выбора, сделанного российской властью в пользу евразийского интеграционного проекта, предполагалось, что русскому национализму можно предложить в качестве основы для сотрудничества евразийскую «цивилизационную» идентичность и традиционное антизападничество. На протяжении ряда лет проводилась работа по рекрутированию, кооптации и «приручению» лидеров ряда националистических организаций (официальные должности для некоторых деятелей этого лагеря, селективный доступ в государственные СМИ, финансовая поддержка некоторых националистических интернет-сайтов и др.). Однако в своем стремлении «приручить» этнический русский национализм власти столкнулись с рядом серьезных препятствий. Поэтому в 2010–2011 гг. российская власть обратилась к борьбе против радикальных националистических

групп. Однако поскольку государственная идентификация («россиянин», «гражданин России») в каком-то смысле есть инобытие русской этнической идентичности, постольку у этнического русского национализма есть политическое будущее.

Ключевые слова: имперский и этнический русский национализм, этническая идентичность, российская власть, евразийская идея, цивилизационная идентичность.

Практически неизбежное повышение значимости этнической идентичности в кризисных условиях отмечают многие исследователи. Это связано прежде всего с тем, что большинство людей, утрачивая идентификацию с прежними разрушенными социальными структурами и ценностями, не теряют этническую идентичность, приобретающую именно поэтому гипертрофированное значение для членов переживающего глубокий кризис социума. Именно в такой ситуации происходит «возврат к этничности», актуализация ранее не востребованной, находящейся в латентном состоянии этнической идентичности.

Это подтверждается и данными социологических исследований. Так, если в 1989 г., по данным опроса ВЦИОМ, удельный вес самохарактеристики «Я — советский человек» (которая была одной из самых значимых) среди русских в России составлял 30 %, а среди жителей столиц — 38 % [Советский простой человек... 1993: 131], то уже в первой половине 1990-х годов, по данным исследования под руководством Л.М. Дробижевой, ее место в групповых «Я-образах» было занято именно этнической принадлежностью: «В целом по представленности она четвертая, после семейной, профессиональной и половой принадлежности в групповых “Я-образах” татар, осетин, саха и русских в Саха (Якутии) и Северной Осетии (Алании)» [Дробижева, Аклаев, Коротеева, Содатова 1996: 306]¹.

Неслучайно поэтому в первые годы существования независимой демократической России многие наблюдатели предсказывали

---

¹ Исследование проводилось в республиках Татарстан, Саха (Якутия), Северная Осетия (Алания) и Тыва.

резкое усиление политической роли этнического национализма, прежде всего радикального русского национализма. Особенно часто такие прогнозы делались после неожиданного электорального успеха партии В.В. Жириновского в декабре 1993 г. Так, западный эксперт писал тогда: «Большое число голосов, поданных за националистическую партию Владимира Жириновского, продемонстрировало явную угрозу и без того хрупким институтам российской демократии и вызвало у соседей России страх за собственную безопасность» [Готтлиб 1995: 21–35; Янов 1995; Умланд 2001: 71–84; 2006: 221–262]. Активно обсуждалась эта проблема и внутри нашего Отечества [Нужен ли Гитлер России... 1996; Мигранян 1997 и др.].

Однако этот прогноз в отношении русского национализма не подтвердился. Из множества возникших в этот период националистических партий некоторого успеха на федеральном уровне добивалась Национал-республиканская партия России (НРПР), лидер которой, Н. Лысенко, некоторое время даже был депутатом Государственной Думы. К сколько-нибудь значимым русским национально-патриотическим силам середины 1990-х годов В. Прибыловский относил Российский общенародный союз (РОС) Сергея Бабурина, «Державу» Александра Руцкого, Русский национальный собор (РНС) Александра Стерлигова, вторую Национально-республиканскую партию (Юрия Беляева, помимо партии Николая Лысенко), Русское национальное единство (РНЕ) Александра Баркашова [Прибыловский 1996: 17]. Однако все они оставались политическими маргиналами.

Валерий и Татьяна Соловей связывают скромный политический успех русских националистов с их неподготовленностью к новым реалиям постсоветской России. В частности, они выделяют три фактора, об этом свидетельствовавшие: «во-первых, неадекватность националистических программ и лозунгов социокультурному и политико-идеологическому профилю российского общества. Антидемократическая, антирыночная и антисемитская идеология в сочетании с публичной лояльностью коммунистическому режиму подорвали возможности русской националистической мобилизации <...>; во-вторых, интеллектуальная и культур-

ная ригидность националистов усугублялась дефицитом волевых качеств, экзистенциальной трусостью и почти хрестоматийной русской ленью <...>; в-третьих, слабость русских национальных чувств, разрушенных и подорванных коммунистической национальной стратегией, ограничивала возможности “чистой” националистической мобилизации» [Соловей, Соловей 2011: 352].

Все попытки националистов объединиться, консолидировать позицию также оказались на редкость безуспешными. «Взаимная неприязнь националистов друг к другу превосходила их ненависть к ельцинскому режиму... Они нередко выступали в роли охвостья вновь созданной коммунистической партии. Левые ценности оказались в России национальной традицией — более живучей и влиятельной, чем русская националистическая традиция», — считают В. и Т. Соловей. Они же констатируют: «В 1990-е гг. ключевыми игроками на националистическом поле стали две партии: националистическая, но оппортунистическая ЛДПР и оппозиционная, но не националистическая, а левоконсервативная КПрФ. Многие голосовавшие за Зюганова и Жириновского не испытывали к ним симпатии, но не желали, чтобы пропали их голоса» [Соловей, Соловей 2011: 355, 367, 34].

Таким образом, можно констатировать, что «хотя русский национализм так и не превратился в самостоятельного игрока, в субъекта российской политики, само его существование, изрядно раздутое и мифологизированное СМИ (особенно западными, например можно вспомнить постоянные алармистские прогнозы подъема русского фашизма в 1990-е и даже 2000-е гг. — В.А.)², влияло на общенациональную повестку и легитимировало русскую этническую проблематику. Массированная медийная критика

---

² Свою роль в этой кампании сыграли и европейские институты. Так, в 2006 г. проблема российского национализма стала предметом резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы [ПАСЕ призвала... 2006]. Позднее доклад о росте национализма, ксенофобии и расизма в России в 2008–2012 гг. стал темой обсуждения Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью — специального органа Совета Европы, учрежденного для мониторинга в этой сфере [В Совете Европы... 2013].

(русского) национализма буквально впаяла его в массовое сознание. Кремль и оппоненты национализма сделали для индоктринации его идей несравненно больше националистов» [Соловей, Соловей 2011: 405–406]. Тем не менее к концу 1990-х годов «уже не только слово “патриот”, но и нелепое словосочетание “национал-патриот” перестают быть пугающими и ругательными даже для большинства “демократов”, и тема патриотизма как естественной непридуманной национальной идеи начинает звучать все громче» [Салмин 2007: 7]³.

Как справедливо отмечает политолог Марлен Ларюэль, «национализм (русский — В.А.) полифоничен...: есть национализм проигравших в результате постсоветских реформ, который выражается в протестном голосовании за КПРФ или за ЛДПР В. Жириновского (на парламентских выборах и за Г. Зюганова, и за генерала А. Лебеда на президентских выборах в 1990-е гг. — В.А.); есть государственный (консервативный) национализм политических элит, которые поддержали патриотический призыв “Единой России”, объединяющий ностальгию по Советскому Союзу и постсоветские реалии; есть этнический национализм малообразованных и малообеспеченных слоев молодежи, который выражает себя в актах насилия скинхедов; и наконец, национализм городского среднего класса (который, кстати, появился на сцене последним, по характеру проевропейский и демократический, но при этом ксенофобский), выразителями которого стали национал-демократы и А. Навальный» [Ларюэль 2014: 59].

Однако в новом столетии доминирующее положение в рамках русского национализма заняли имперско-великодержавные и этнонационалистические («русистские») идеи и силы. Один из заметных представителей имперского направления в русском национа-

---

³ По мнению С.В. Лебедева, эта «кличка» (национал-патриот) изначально была оскорбительной, направленной на создание ассоциации с понятием «национал-социализм», воспринимающимся в массовом сознании негативно. Тем не менее в действительности ярлык превратился в почетное наименование, получившее широкое распространение [Лебедев 1999: 19].

листическом движении Д. Володихин считает, что рубеж между двумя направлениями проходит «не в сфере теоретических споров, а в плане методов борьбы»: «кровник», как правило, убежден в неизбежности новой смуты или, вернее, в ее необходимости и «исповедует радикализм по отношению к существующей власти». «Имперец» чаще напирает на необходимость «раскола» существующей элиты, работы с ее «здоровым» элементом, выступает за «мирное “продавливание”» важных преобразований во власть, указывает на «издержки вооруженной борьбы», когда любой из ее вариантов будет иметь своими итогами смерти миллионов «тех же самых русских и опять приведут к непредсказуемому результату» [Володихин 2008: 66–67]⁴.

Во всех вариантах имперского национализма речь идет, во-первых, о том, что империя — это многосоставное государство, поэтому Россия по определению должна оставаться империей, в противном случае она вынуждена будет лишиться значительной части своей территории. Признавая, что Россия является многонациональной страной, большинство имперских националистов особо подчеркивают главенствующую роль русского народа. Так, лидер Евразийского союза молодежи В. Коровин, всячески подчеркивая особые географические и исторические условия, в которых сформировалось и существует современное российское государство и особую роль русских в его создании и существовании, также ут-

---

⁴ Классическим примером имперской националистической организации является существующий с начала 1990-х годов «Русский общенародный союз» С. Бабурина, в программе которого Россия называется «фактически и по праву» государством русских, но русских не столько по крови, то есть великороссов, сколько по культуре: мировоззрению, языку, традициям, образу жизни и т.д. Характерно, что в программе упоминается тезис о триединстве русского народа — русских, украинцев, белорусов. Народы исторической России — татары, башкиры, балкарцы и многие другие — называются «братскими» и «породненными» по отношению к русским. Православие признается основой духовно-нравственной жизни страны и народа, фундаментальным принципом русского общества — социальная справедливость, а императивом русской истории — великодержавность [Программа партии... 2012].

верждает, что, допуская этнокультурное многообразие, евразийство не поощряет «смешения народов» [Коровин 2016].

Во-вторых, это признание универсальной объединяющей идеи, некоего глобального проекта. Потребность в общей нематериальной цели, стремление к осмысленности своего существования объявляются свойствами русского народа.

В-третьих, империя здесь — это авторитарический способ организации территорий и общества сверху. Приветствуется идея сильной власти [Малинова 2008: 66–79].

Кроме того, следует отметить следующие особенности современной русской великодержавной идеологии: «Все имперские проекты русских националистов в большей или меньшей степени имеют антизападную направленность, но к этому аргументу прибегают и те, кто использует темы самобытности России по отношению к Западу и в других сегментах российского публичного дискурса. В этих конструкциях есть и различия, например, в определении миссии России часть идеологов говорит о воссоздании православной империи, другие рассуждают в логике современных геополитических оппозиций и выдвигают цель восстановления евразийского единства и/или противостояния гегемонии США» [Малинова 2008: 66–79]. И те, и другие видят Россию в роли великой державы, но по-разному представляют себе территориальные границы новой империи. Однако чаще всего речь идет о восстановлении СССР в полном или усеченном варианте.

Поэтому представляется особенно интересной идейная трансформация русского государственнического/имперского национализма и изменение его отношений с российской властью, которые крайне показательны: «Распад СССР стал для многих “державников” и “руссистов” страшной экзистенциальной катастрофой, повлекшей за собой кардинальную “смену вех”. <...> Бывшие ниспровергатели коллективизации и “красного террора” внезапно обернулись пламенными сталинскими соколами. Советская империя обрела непререкаемый статус потерянного рая, а социализм — вековечного русского идеала, прямиком вытекающего из православной соборности и крестьянской общины» [Сергеев 2008: 66]. Вновь популярным стало утверждение (которое первыми сделали

авторы «Смены вех», а ныне его приняли российские коммунисты и русские националисты-державники), что большевики просто эксплуатировали лозунг «мировой революции» ради решения «имперской задачи» — восстановления распавшейся Российской имперской государственности.

В конце концов, в качестве нового интеллектуально-идеологического основания мейстримного течения в рамках русского имперского национализма было предложено неоевразийство⁵. Все его теоретические интерпретации включали ряд общих принципиальных черт: требование восстановления империи, принципиально надэтнический патриотизм, однако подчеркивание особой роли русского народа, радикальное антизападничество, попытку синтеза советского и досоветского начал, интерес к геополитике. «Евразийство стало идейным синтезом, логично и непротиворечиво сочетающим в себе левые — коммунистические и советские — и правые — националистические, имперские — тенденции, которые составляли два основных вектора оппозиционной антилиберальной и антиреформаторской политики» [Кловер 2017: 325].

Евразийство, в толковании «последнего евразийца» Л.Н. Гумилева, органично продолжало линию традиционного русского имперского национализма: «не отрицало русскость как таковую, но растворяла ее в некоем сверхнациональном единстве (русском суперэтнотосе. — В.А.), доказывая, что сверхнациональность и есть главная, сущностная черта «русскости». Так, С.В. Картунов (впрочем, как и многие другие авторы, заимствующие идеи Л.Н. Гумилева) пишет: «Взаимная открытость русских и тянувшихся в Россию инородцев, подвижников самых разных культур и религий, привела к созданию на огромной евразийской территории единой этнической общности — русского суперэтнотоса. Оказавшись центром этнического и культурного притяжения не только славян, но и других сопредельных народов, русский народ был в большей сте-

---

5 Справедливости ради нужно отметить, что впервые евразийская идея всплывает еще в конце 1980-х годов в либеральном окружении М.С. Горбачева в форме идеи превращения реформированного СССР в мост между Европой и Азией.

пени “российским”, чем “русским”, и в силу этого никогда не был “нацией” в западном смысле слова [Кортунов 2009: 12]. В результате мы получаем любопытный пример «схождения крайностей»: воинствующий антикоммунист С.В. Кортунов пишет практически то же, что и пламенный коммунист — лидер КПРФ Г.А. Зюганов. Неслучайно Т. и В. Соловей приходят к заключению: «Можно назвать (новое. — В.А.) евразийство национал-большевизмом эпохи крушения коммунизма». Они же называют основных идеологов современного евразийства: А. Дугин, А. Проханов, С. Кара-Мурза, С. Кургинян [Соловей, Соловей 2011: 389].

Однако, как представляется, нужно разграничивать национализм как массовое настроение общества (так называемый «банальный национализм». — М. Биллиг)⁶, и национализм как притязующее на участие в политике и власти идеологическое, институализированное течение. Характеризуя национализм первого типа, социологи «Левада-центра» писали: «За исключением очень краткого момента лета — осени 1991-го, когда он, казалось, слился с демократическим движением, русский национализм всегда был только консервативным, защитным, компенсаторным и изоляционистским комплексом представлений» [Есть ли перспектива у русского национализма 2006: 263–298]. Поэтому можно отметить, что евразийское идеологическое предложение в целом шло тогда в разрез с эволюцией массового русского самосознания, как и «уличного» русского этнического национализма рубежа веков. Естественная ностальгия по сильному Советскому Союзу была ошибочно воспринята за массовые проимперские настроения россиян.

---

⁶ М. Биллиг, в частности, пишет: «Банальный национализм оперирует прозаичными, обыденными словами, благодаря которым нации начинают казаться само собой разумеющимися. Короткие слова, а не громкие и пафосные фразы постоянно, но редко осознанно напоминают о Родине, не позволяя забыть о “нашей” национальной идентичности». Таким образом, «нация лежит на поверхности современной жизни» и своим актуальным существованием национализм обязан практике постоянных «естественных взаимодействий с теми, которые считаются “нашими”, “своими”, в отличие от “чужих”, “других”». [Биллиг 2007: 34].

В книге «Русское евразийство: идеология империи» (2008) Марлен Ларюэль справедливо отмечает, что в действительности все современные проекты неоевразийцев не имеют никакого отношения к реальному социально-политическому и экономическому состоянию региона, не учитывают постсоветский этап и игнорируют наличие в регионе таких крупных игроков, как Китай и США [Laruelle 2008: 37].

«Слабость нового евразийства в том, что оно так и не сумело добиться широкого признания. Речь идет лишь об отдельных элитарных кружках — совершенно так же, как это было в 20-х и 30-х годах. Для русских националистов евразийская идея чересчур абстрактна, то же можно сказать и о большинстве интеллигентов в исламских республиках бывшего СССР» [Люкс 2016: 155].

Из ошибочной предпосылки выростала пагубная политическая стратегия националистов: «Курс имперской реставрации (или строительства новой евразийской империи). Эта идеология по определению не обладала (тогда) мобилизационным воздействием, ибо масса русских не желала хоть чем-то пожертвовать ради восстановления имперского монстра. Они были не прочь, если бы Советский Союз восстановился, но как-нибудь так — не больно, без напряжения, а лучше вообще без их участия» [Соловей, Соловей 2011: 392]. Это доминирующее настроение выразил Президент РФ В.В. Путин почти афористичной фразой: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца, но у тех, кто желает его восстановления, нет разума» (цит. по: [Соловей, Соловей 2011: 393]).

Однако позже, когда Россия превратилась в «великую энергетическую державу», российский национальный лидер отошел от этой позиции. Приняв некоторые идеи современных имперцев-евразийцев и поддержав давний призыв Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева к евразийской интеграции, он явно стремится войти в историю как реинтегратор постсоветского пространства и создатель нового мирового центра силы. Неслучайно в «нулевые годы» российская власть стала активно перехватывать идеи и идеологические конструкты русского имперского национализма. Так, «Единая Россия» в 2007 г. запустила свой «Русский проект», в рамках которого стали использоваться понятия,

заимствованные у русских националистов-имперцев: «государствообразующий народ», «этническое ядро» и др. То есть произошло проникновение в официальный дискурс этнических мотивов, причем через обсуждение места и роли русского народа. Другой пример — так называемая «Русская доктрина», которая по утверждению Э. Паина, «разрабатывалась для несостоявшейся партии Д. Рогозина “Великая Россия”, но затем была подхвачена партией власти “Единой Россией” и активно пропагандировалась ее молодежным крылом — “Молодой гвардией”» [Паин 2009: 47]. Между тем «доктрина» открыто позиционирует себя как политтехнологический проект и программу прихода к власти так называемых «национал-консервативных сил». Самую широкую поддержку ей оказывает и руководство РПЦ. Паин особо отмечает, что «Русская доктрина», провозглашающая в качестве некоей системы координат для современного российского общества «особую российскую цивилизацию», по сути, является «стандартной этнонационалистической программой, обосновывающей доминирующие права одного народа и одной религии в политической системе государства» [Паин 2009: 49]. Таким образом, российская власть в нулевые годы все чаще использует националистический дискурс в качестве средства своей легитимации и, по словам одного из идеологов русского этнического национализма Константина Крылова, пытается осуществить «госприватизацию патриотических чувств».

Как уже отмечалось, идея евразийства вернулась в реальное политическое пространство с подачи казахской стороны: 29 марта 1994 г. на встрече с профессорско-преподавательским составом и студентами МГУ Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев впервые сформулировал идею Евразийского союза [Назарбаев 2004: 110–122]. Однако окончательный переход к практической реализации «евразийского проекта» произошел в начале второго десятилетия нового века. В октябре 2011 г. в газете «Известия» была опубликована предвыборная статья В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», где был предложен проект для стран СНГ, по объединению их экономических потенциалов путем создания таможенного союза, зоны свободной торговли и, возможно, единой валюты в рамках

Евразийского союза. Суть проекта выражена следующими словами: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [Путин 2011]. А в 2013 г. на заседании «Валдайского клуба» он уже заявлял: «...наш абсолютный приоритет — это тесная интеграция с соседями... Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферией для Европы или для Азии» [Валдайский международный... 2013]. Таким образом, евразийская интеграция стала стратегической целью и своего рода национальной идеей, предлагаемой обществу российской властью, а евразийство в его цивилизационной форме — идеологией, обосновывающей необходимость достижения этой цели. Однако в концептуальном плане образование ЕАЭС стало еще одной болевой точкой в идейно-политическом дискурсе России о выборе пути развития. Для одних — это позитивный сигнал, знаменующий собой выбор самостоятельного пути развития страны, основанного на национальной специфике. Для других — шаг назад от развитой западной цивилизации, очередная утопия, в которой Россия видится уникальной страной с особым укладом [Энтин, Энтина 2016].

В то же время, по мнению американского автора Ч. Кловера: «Оппозиционные группы (русских. — В.А.) националистов воспринимались (властью. — В.А.) как смертельная угроза режиму и вместе с тем, парадоксально, и как новая политическая сила, которая может оказаться чрезвычайно полезной, если ею пользоваться должным образом <...> В евразийстве власть увидела возможность перехватить мобилизационный потенциал (русского. — В.А.) национализма, не возбудив при этом этнической розни и сепаратизма <...> Националистам, этой растущей политической силе, была предложена “мускулистая” версия евразийства и надэтнической русской цивилизации как альтернатива этническому расизму» [Кловер 2017: 408, 412]. Таким образом, предполагалось, что неконтролируемому русскому этническому ультра национализму можно предложить в качестве идейной альтернативы евразийскую «циви-

лизационную» идентичность и традиционное для России антизападничество. Поэтому на протяжении 2005–2010 гг. под контролем Владислава Суркова проводилась работа по рекрутированию, кооптации и «приучению» лидеров ряда русских националистических организаций (официальные должности для некоторых известных деятелей националистического лагеря (Д. Rogozin), селективный доступ в государственные СМИ (А. Дугин, С. Кургилян, А. Проханов), финансовая поддержка номинально националистических интернет-сайтов и др.). В свою очередь, Т. и В. Соловей утверждают: «Можно говорить об *инструментальном использовании* современной российской властью националистического ресурса», то есть «дозированном обогащении официального дискурса националистической риторикой с целью мобилизовать русские этнические чувства для поддержки и укрепления власти». По их мнению, в этой ситуации «националисты совершили переход от оппозиционности к оппортунизму и даже сервильности», поскольку для них «Путин стал таким же “президентом надежды”, как и для всего российского общества» [Соловей, Соловей 2010: 51].

Однако, по мнению других исследователей, от «партнерства» властей и националистов выигрывали больше правые. Они получали доступ к финансированию, устанавливали связи с политическим истеблишментом, что позволяло им «лоббировать собственные интересы на разных уровнях и формировать у общества и, что немаловажно, у автономных экстремистских групп — имидж влиятельности и возможностей неправовой, через личные связи, защиты своих сторонников». Выяснилось также, что ряд проправительственных молодежных организаций («Наши», «Молодая гвардия» Единой России», «Местные») имеют тесные связи с русскими ультраправыми, что проявляется по трем направлениям: во-первых, так называемое «кроссчленство», когда активисты ультраправых или даже целые группы числятся одновременно в рядах прокремлевских молодежных объединений; во-вторых, перехват прокремлевской молодежью ксенофобских лозунгов и практик ультраправых русских националистов; в-третьих, прямое взаимодействие с ультраправыми группировками (см.: [Кожевникова

2010: 4–17]). В результате, казалось бы, возникали благоприятные условия для расширения социальной опоры для правых националистов по стране в целом.

Однако сформулированный выше вывод справедлив преимущественно в отношении представителей имперского русского национализма. Осуществление стратегии «управляемого национализма» касательно русских этнонационалистов сорвалось. В своем стремлении «приручить» этнический русский национализм власти столкнулись с рядом серьезных препятствий. Так, русских этнических националистов не устраивала сформулированная властью цель — построение российской гражданской нации. Результатом ее реализации, по их мнению, будет «обезличивание русского народа». Поэтому она воспринимается как попытка вновь отнять у русских национальную идентичность и подменить ее идентичностью «российской». Эта попытка, по словам одного из идейных лидеров русских националистов А.Н. Севастьянова, «воспринимается как угроза и как оскорбление национального чувства. Русские не “россияне”, “россияне” — это нерусские жители России: так понимает дело нормальный русский человек» [Севастьянов 2016: 11]. Не устраивал русских этнических националистов и евразийский интеграционный проект. Всем сторонникам евразийского проекта, по словам того же автора, «со всеми их патриотическими декларациями на деле идеалы интернационала куда ближе, чем идеалы национализма, в особенности этнического, который я считаю единственно истинным» [Там же: 15].

Росту оппозиционности русских этнических националистов способствовал и постоянно увеличивающийся и практически неконтролируемый государством приток иммигрантов из стран постсоветского пространства. Крупнейшая из правых националистических организаций «нулевых» годов «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ 2002–2011 гг.) в действительности боролась против любой иноэтнической иммиграции (за исключением восточных славян). Новым «соратникам», вступающим в ДПНИ, объясняли, что буква «Н» в аббревиатуре ДПНИ означает не нелегальную, а неславянскую иммиграцию.

Поэтому выбор российской власти в пользу евразийской инте-

грации и сохранения открытых для миграции из стран постсоветского пространства границ (прежде всего из государств — членов ЕвразЭС) окончательно развел ее с русскими этническими националистами. Критикуя «антирусскую диктатуру В. Путина» лидер «Народной национальной партии России» А. Иванов-Сухаревский объяснял свою позицию тремя причинами: первая — поддержка этнически неполноценных олигархов; вторая — свертывание демократических свобод, поскольку в связи с изменением избирательной системы русские националисты лишены возможности легально прийти во власть и вынуждены прибегать к радикальным средствам; третья — официальное попустительство мигрантам [Кузьмин 2011: 63–64]. Действительно, «все более явная этносоциальная стратификация населения, монополизация отдельных сфер деятельности (в особенности в сфере мелкооптовой и розничной торговли, посреднической деятельности) представителями определенных этнических групп (чаще всего выходцами с Кавказа и из Центральной и Юго-Восточной Азии)... этническая окрашенность ряда структурных элементов ситуации (рэкет, наркоторговля, захват заложников и др.) провоцируют нарастание русского национализма и на бытовом уровне» [Филиппов 2001: 188].

Эту ситуацию по-своему интерпретируют русские этнические националисты. Президент Русского общественного движения К. Крылов заявляет: «Это похоже на сознательный план низведения русских до одного из нацменьшинств в собственной стране. И такое может произойти еще до середины века. Идет замена населения: на смену людям европейской культуры, знающим о правах человека, приходят носители классического, если не сказать средневекового азиатского менталитета» [Нас снесет потоком... 2012: 7]. Именно учет сильных антимигрантских настроений в российском обществе в сочетании с активной и радикальной по форме антииммигрантской пропагандой сделали ДПНИ в «нулевые» годы ведущим игроком в крайне правом националистическом лагере⁷.

---

⁷ Правда в экспертной среде существует мнение, что ДПНИ было создано властями для того, чтобы приручить практически неуправляемых скинхедов, так как их численный рост и агрессивность внушали резонные

Поэтому с 2010–2011 гг. российская власть обратилась к борьбе против радикальных националистических групп, загоняя их тем самым в ряды «непримиримой оппозиции». Побудительным мотивом к этому, видимо, послужили акции футбольных фанатов в Москве и Санкт-Петербурге в декабре 2010 г., которые, как известно, переросли в массовые беспорядки под открыто ксенофобскими лозунгами и захватили ряд других крупных городов страны. Внимательный западный наблюдатель отмечал в связи с этим: «На Манежной площади собрались сотни и тысячи протестующих, среди которых многие ощущают себя жертвами маргинализации и относительной обездоленности, поскольку экономическое процветание, столь явно бросающееся в глаза в столице, для них остается недоступным. Они яростно выдвинулись в общественное пространство, заявляя свое право на долю в общественном достоянии. Власти их полностью игнорировали» [Грин 2011: 5].

В свою очередь, отечественные исследователи указывали на следующие особенности этих выступлений: «Во-первых, наличие массовой социальной организации (фанатские клубы, сетевая структура объединений футбольных болельщиков), которая, как оказалось, может быть использована для самых разных целей лидерами и организаторами таких движений <...> Во-вторых, эти акции имеют антигосударственную направленность. Взрыв эмоций был вызван именно неверием в возможность добиться справедливости в рамках закона, представлением о том, что органы правопорядка и судебная власть куплены, то есть что в стране нет правосудия <...> Адресатом массовых выступлений (в Москве в декабре 2010 года) были высшие власти страны, не выполнившие свои прямые обязанности. <...> Третье обстоятельство: консолидация стала возможной только на почве ксенофобии..., посредством негативной солидарности <...> Объединяло всех чувство ненависти к чужим, другим, архаическое единение “своих” против “чужих”»

опасения. Такая же схема, возможно, работала в целях нейтрализации Национал-большевистской партии, против которой действовал кремлевский спойлер — «Евразийский союз молодежи» А. Дугина (см.: [Кузьмин 2011: 187–188] и др.).

[Гудков 2011: 37]. Таким образом, ксенофобия стала основой формирования мировоззрения для значительной части неустроенных, переживающих чувство относительной депривации молодых людей. Однако этот протест имел спорадический характер и не обрел своих лидеров и объединяющей позитивной цели. «Массовые националистические настроения в русском обществе (банальный национализм) и политический русский национализм не соединились, приведя к возникновению мощного политического движения» [Соловей, Соловей 2010: 51–62]. Однако этнические фобии обладают высокой инерционной устойчивостью и могут долго удерживаться в массовом сознании.

Видимо, правы те социологи, которые увязывают рост этно- и мигрантофобий в период «травматической трансформации» (П. Штомпка) с разрастающимся комплексом социальных обид, принимающих тем не менее форму не социального, а этнически или расово окрашенного протеста, не имеющего «ясного адреса». Такое объяснение прежде всего применимо к той части молодежи крупных городов из «спальных районов», которая фактически не имеет перспектив вырваться из полумаргинального, люмпен-пролетарского существования, выбраться из подвалов, получить достойное образование и сделать карьеру в нынешнем российском обществе, где социальное расслоение исключительно высоко [Мукомель 2005: 61–71]. Все сказанное подтверждает адвокат С. Беликов, озвучивший настроения, распространенные среди российских скинхедов: «У нас в России огромное количество молодых людей, не вошедших в число тех, кто преуспевает, с ужасом осознает, что они обречены на прозябание, никому не нужны, что они будут жить гораздо хуже родителей. Они понимают, что неопределенность ситуации будет длиться еще неизвестно сколько, а значит, перед ними нет будущего» [Беликов 2002: 55].

Именно 16–17-летние подростки, входящие в эту «группу риска», особенно предрасположены к восприятию обвинений во всех своих бедах «чужих»: «черных», «кавказцев», «китайцев» и др. Именно они становятся «политической пехотой» экстремистских националистических организаций и движений, именно их натравливают на этнически и расово чуждых, именно они совершают

большую часть преступлений против иностранцев.

Поэтому власти были явно встревожены этим стихийным всплеском молодежного протеста и появлением антиимперских, антисоветских и антипутинских установок в риторике лидеров ряда националистических организаций (что некоторые эксперты поспешили назвать национал-демократической тенденцией в русском национализме) и пошли на упреждающие меры. В результате наиболее известные русские националистические организации (Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) — лидер Александр Белов-Поткин⁸, «Славянский союз» — Дмитрий Демушкин, Национал-социалистическое общество — Дмитрий Румянцев, Национально-державная партия России (НДПР) — Александр Севастьянов) и другие были запрещены, многие русские националисты были осуждены за разжигание межнациональной розни.

Российская власть также крайне серьезно отнеслась к событиям украинского Евромайдана, особенно к развернутой во время и после этого радикальной антирусской националистической пропаганде. Среди мер, принятых в РФ, можно назвать значительное

---

⁸ Однако политическая активность самого А. Белова продолжалась. В 2011 г. вместе с еще одним представителем радикальных националистов, Д. Демушкиным он создает политическое движение «Русские», выступавшее за создание в России национального государства и правительства. Известно, что во время протестов 2011–2012 гг. «Русские» участвовали в протестных акциях по итогам выборов в Государственную Думу в 2011 г. Целый ряд союзников движения, в той или иной степени разделявших взгляды его создателей, даже вошел в Координационный совет российской оппозиции. В частности, речь идет о стороннике идей национал-демократии К. Крылове, основателе Русского общенационального союза И. Артемове, одном из организаторов «Русских маршей» В. Торе. Как отмечает М. Ларюэль, в протестный период начала 2010-х годов не только националисты приходят к сотрудничеству с демократически ориентированной оппозицией, но и некоторые демократические оппозиционеры берут на вооружение националистические лозунги. Примерами тому служат национал-демократические движения и А. Навальный, чье место в среде националистов западным исследователям было не так просто определить [Ларюэль 2014: 58].

расширение федерального списка экстремистских организаций. Характерным моментом является то, что наряду с русскими националистическими организациями туда были внесены целый ряд украинских праворадикальных группировок. Так, по состоянию на начало 2017 г. из 57 запрещенных решением суда экстремистских организаций 23 имеют отношение к русскому национализму. Характерно, что в списке 2017 г. отдельную категорию представляют попавшие в список еще в феврале 2014 г. пять украинских националистических группировок: «Правый сектор», «Украинская национальная ассамблея — Украинская национальная самооборона» (УНА-УНСО), «Украинская повстанческая армия» (УПА), «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство» (см.: [Перечень... 2017]).

Сегодня сами русские националисты признают: «русское движение» «под гнетом собственных ошибок и противоречий, а также в условиях жестокой зачистки со стороны спецслужб... впало в глубокий кризис и ушло... в политическую тень» [Севастьянов 2016: 14].

Либерально настроенные исследователи, возлагавшие в начале 2010-х годов надежды на так называемый «демократический поворот» в русском национализме, сегодня также фиксируют кризис «русского движения», отмечая, что «в России наблюдается один из самых низких за все постсоветские годы уровень проявления не только гражданской, но и этнической солидарности русских националистов» [Паин, Федюнин 2017: 183]. Однако причины кризиса им видятся в другом: «После присоединения Крыма к России, — пишет Э. Паин, — оказалось, что преодолеть имперские стереотипы не удалось даже национал-демократической элите русских националистов <...> В результате такого идейного растворения в общем потоке агрессивного патриотизма русский национализм потерял идейное своеобразие, свой особый предмет политической активности и по этой причине утратил идейную основу для консолидации даже былых идейных сторонников» [Паин, Федюнин 2017: 180].

В то же время очевидно, что российское посткоммунистическое государство все еще не ориентировано на продуцирование демократических или гражданских идентичностей. И поскольку «горизонтальные гражданские формы связи слабы, воспроизводится

имперская ситуация параллельного и разобщенного функционирования таких общностей (этнических. — В.А.), связанных только через подчинение общему центру» [Паин, Федюнин 2017: 222]. Поэтому так называемая «государственная национальная политика» Центра в основном воплощается в попытках формирования и поддержания идентичностей, ориентированных на принцип лояльности к государству, а то и лояльности к носителям власти (институтам или лицам, ее представляющим). Д. Шопфлин называет тип такой идентичности этатистским. В свою очередь, социолог Б. Дубин, опираясь на данные исследований, отмечает, что «нынешний российский пассивный и диффузный «национализм большинства» (т.е. русских. — В.А.) в своей основе — державный (тотальный), а не этнический» [Дубин 2014: 15]. В большей мере это идентичность подданства, нежели гражданства, именно поэтому, по нашему мнению, необходимо различать этатистскую (подданническую) и гражданскую национальные идентичности. Другое дело, что идентичности подданства традиционно ассоциируются в России с этнической идентичностью доминирующей национальной группы. Отсюда часто звучащие требования к властям наделить этническое большинство дополнительными статусными преимуществами. Так, в подготовленном в начале нового века проекте закона «О русском народе» в качестве важнейшего рассматривался тезис о признании русских «единственным государствообразующим народом». Эта проблема стала предметом самой оживленной дискуссии и на последнем обсуждении проекта «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» на уровне представителей правительств всех регионов России в Москве в ноябре 2012 г.

Как отмечает внешний наблюдатель: «гражданский национализм (русской властью. — В.А.) не приветствуется, поскольку режим не поддерживает вовлеченность своих граждан в публичную сферу; этнический национализм рассматривается как угроза единству и стабильности России; государственный (консервативный) национализм, продвигаемый режимом в качестве третьего решения, все в меньшей и меньшей степени соответствует ситуации и не способен привести к консенсусу между государством и

гражданами» [Ларюэль 2014: 68].

Правда, как резонно утверждают социологи, «...государственная идентификация (“россиянин”, “гражданин России”) в каком-то смысле есть инобытие русской этнической: русским легче всего дается совмещение государственной (подданической. — В.А.) и этнической идентичности. Среди русских таких 73 %, среди других национальностей России — 55 %» [Данилова 2005: 155]. Легкость совмещения государственной и этнической идентичностей именно для русских объясняется тем, что они составляют этническое большинство страны, ощущают себя ее стеновым хребтом и чувствуют ответственность за все ее пространство [Соловей, Соловей 2011: 439–440]. Российский историк С. Сергеев отмечает, что у русских патриотов наблюдается «серьезная проблема со зрением: они не различают в России народ и государство, а между тем последнее в русской истории являлось в иные эпохи гораздо более злостным мучителем первого, чем любой иноземный захватчик» [Сергеев 2017: 25].

Поэтому самоидентификация русских как «граждан России» означает прежде всего формальную связь с государством и идентификацию с территорией, а не с политическим сообществом — другими такими же гражданами. Иными словами, называя себя «гражданином России», человек признает, что живет в этой стране и является подданным Кремля, но он вовсе не подразумевает свою принадлежность к политической нации «россиян» — общности, имеющей интегрирующие ценности, интересы и символы. Все это блистательно отсутствует⁹. Поэтому, как представляется, у этниче-

---

⁹ Согласно данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН, респонденты, отвечая на вопрос «Каких качеств сегодня недостает людям Вашей национальности?» чаще всего выбирали варианты ответов: «уважение друг к другу» (58 % — у русских и 39 % — у других россиян); «взаимопомощь» (41 и 33 %); честность» (39 и 31 %). Таким образом, «наиболее востребованными ценностями оказались те, которые отражают дефицит фундаментальных норм общественного взаимодействия и гражданской межличностной солидарности. И в этом проявляется общая тенденция — сегодня русским (и всем россиянам) недостает простых и основополагающих ценностей, отражающих нормы честного общежития, взаимного уважения, культуры доверия, составляющие основы общества как такового» [Рыжова 2016: 168].

ского русского национализма есть политическое будущее.

Литература и источники

Беликов С. Бритоголовые. М.: Издательский центр РГГУ, 2002.

Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине // Логос. 2007. № 1 (58). С. 34–71.

В Совете Европы отмечают рост национализма в России // BBC: Русская служба. 14.10.2013. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2013/10/131014_ecri_russia_report (дата обращения: 05.12.2018).

Валдайский международный дискуссионный клуб, 19 сентября 2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 05.12.2018).

Володихин Д. Нацдвижение между империей и этносом // Политический журнал. 2008. № 6–7. С. 66–67.

Данилова Е.Н. Россияне и поляки в зеркале этнических и гражданских идентификаций // Восточноевропейские исследования. 2005. № 1. С. 146–162.

Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.Х. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.

Дубин Б. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян // Pro et Contra. 2014. № 1–2 (62). С. 6–18.

Готтлиб Г. Нации без государств // Проблемы Восточной Европы. 1995. № 43–44. С. 21–35.

Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. 2011. № 1–2 (51). С. 5–19.

Гудков Л. Инерция пассивной адаптации // Pro et Contra. 2011. № 1–2 (51). С. 20–42.

Есть ли перспектива у русского национализма? Беседа с Львом Гудковым и Борисом Дубинным // Русский национализм: идеология и настроение: сб. статей / сост. А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2006. С. 263–298.

Кловер Ч. Черный ветер, белый снег. Новый рассвет национальной идеи. М.: Фантом Пресс, 2017.

Кожевникова Г. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных организациях // Русский национализм между властью и оппозицией / под ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.

Коровин В. Евразийство vs национал-демократия: кому действительно нужна Великая Россия? // Информационно-аналитический портал «Евразия». 28.10.2016. URL: <http://evrazia.org/article/2404> (дата обращения: 05.12.2018).

05.12.2018).

Кортунов С.В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру: учеб. пос. для студентов вузов. М.: Изд. Аспект Пресс, 2009.

Кузьмин А.Г. Русский радикальный национализм в современной России: традиции и эволюция. Сыктывкар: РИО СыктГУ, 2011.

Ларюэль М. «Русский национализм» как область научных исследований // Pro et Contra. 2014. № 1–2 (62). С. 54–72.

Лебедев С.В. Альтернатива справа. Национально-патриотическое движение в России: историческая традиция, идеологические направления и перспективы. СПб.: Нестор, 1999.

Люкс Л. Евразийство и консервативная революция: соблазн антизападничества в России и в Германии // Политическая концептология. 2016. № 1. С. 144–157.

Малинова О.Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах // Наследие империй и будущее России / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 66–79.

Миграян А. Россия в поисках идентичности. (1985–1995): [сб. ст. и очерков]. М.: Междунар. отношения, 1997.

Мукомель В.И. Мигрантофобии и этнофобии в современной России // Этнодиалоги: Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». 2005. № 2 (23). С. 61–71.

Назарбаев Н.А. Проект «О формировании Евразийского союза государств» (3 июня 1994 г.) // Стратегия независимости. Алматы: Атамұра, 2004. С. 110–122.

Нас снесет потоком? Чем опасны для народа миграционные планы властей // Аргументы и факты. 02.05.2012. № 18. С. 7.

Нужен ли Гитлер России? По материалам международного форума «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность», Москва, 20–22 янв. 1995 / сост. и авт. вступит. ст. В. Илюшенко. М.: ПИК, 1996.

Паин Э. Распутица: полемические размышления о predeterminedности пути России. М.: РОССПЭН, 2009.

Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017.

ПАСЕ призвала Россию остановить национализм // Лента.ру. 05.04.2006. URL: <http://lenta.ru/news/2006/04/05/pase/> (дата обращения: 05.12.2018).

Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом

принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zarpet (дата обращения: 05.05.2017).

Прибыловский В. Тоталитаризм, коммунисты, национал-патриоты и фашисты. Термины и реальность. // Нужен ли Гитлер России?: По материалам междунар. форума «Фашизм в тоталитар. и посттоталитар. о-ве: идейн. основы, соц. база, полит. активность», Москва, 20–22 янв. 1995 г. / сост. и авт. вступит. ст. В. Илюшенко. М.: ПИК, 1996. С. 13–19.

Программа партии «Российский Общенародный Союз». URL: <http://partiya-ros.ru/docs/programma.html> (дата обращения: 11.05.2012).

Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 03.10.2011.

Рыжова С.В. О ценностных характеристиках современной русской этнической идентичности // Власть. 2016. № 9. С. 163–172.

Салмин А.М. Миф истории и история мифа // Национальная идея: страны, народы и социумы / отв. ред. Ю.С. Оганисян. М.: Наука, 2007. С. 3–13.

Севастьянов А.Н. Русское движение за тридцать лет (1985–2015). Заметки очевидца. М.: Самотека; МИД «Осознание», 2016.

Сергеев С. «Руссизм»: третья волна // Политический класс. 2008. № 6. С. 64–68.

Сергеев С.М. Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. М.: Центрполиграф, 2017.

Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М.: Мировой океан, 1993.

Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция: исторические смыслы русского национализма. М.: АСТ; Астрель, 2011.

Соловей Т., Соловей В. Русский национализм при Путине-Медведеве // Русский национализм между властью и оппозицией / под ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 51–62.

Филиппов В.Р. Кризис этнического федерализма в России // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. С. 182–189.

Умланд А. Правый экстремизм в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 71–84;

Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма // Русский национализм: идеология и настроения: сб. статей. М.: Центр «Сова», 2006.

С. 221–262.

Энтин М., Энтина Е. Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней // *Вся Европа*. 2016. № 11 (115). URL: <http://alleuropalux.org/?p=13969> (дата обращения: 05.12.2018).

Янов А.Я. После Ельцина. «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995.

Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Washington; Baltimor: The Johns Hopkins University Press, 2008.

POWER AND RUSSIAN NATIONALISM IN CONTEMPORARY RUSSIA

V. Achkasov

Abstract. *The paper notes the complexity and inconsistency of relations between the Russian authorities and Russian nationalism. In the early 1990s, many observers predicted a strengthening of the political role of Russian ethnic nationalism. Such predictions were made after the unexpected electoral success of the party of V.V. Zhirinovskiy in December 1993. However, this predictions was not confirmed at that time. In the new century, imperial-great-power and ethnonationalist ideas and forces occupied the dominant position within the framework of Russian nationalism. After the choice made by the Russian authorities in favor of the Eurasian integration project, it was assumed that Russian nationalism could offer the Eurasian “civilizational” identity and traditional anti-Westernism as a basis for cooperation. Over the years, work has been done on recruiting, co-opting and “taming” the leaders of nationalist organizations (official positions for some of the leaders of this camp, selective access to state-owned media, financial support for some nationalist Internet sites, etc.). However, in their desire to “tame” ethnic Russian nationalism, the authorities faced serious obstacles. Therefore, in 2010–2011 s. Russian authorities began to struggle with radical nationalist groups. However, since state identification (“Russian”, “citizen of Russia”) is in some sense a different being of Russian ethnic identity. It means that ethnic Russian nationalism has a political future.*

Keywords: imperial and ethnic Russian nationalism, ethnic identity, Russian authorities, Eurasian idea, civilizational identity.

References

- Belikov S. *Britogolovye [Skinheads]*. Moscow: Publishing Center of the RSHU, 2002. (In Russian)
- Billig M. *Povsednevnoe napominanie o Rodine [Everyday Reminder about*

Homeland], *Logos*, 2007, 1 (58), pp. 34–71. (In Russian)

Clover H. *Chernyj veter, belyj sneg. Novyj rassvet nacional'noj idei* [Black wind, white snow. New dawn of the national idea]. Moscow: Phantom Press, 2017. (In Russian)

Danilova E.N. Rossijane i poljaki v zerkale jetnicheskikh i grazhdanskih identifikacij [Russians and Poles in the mirror of ethnic and civil identities], *Vostochnoevropejskie issledovanija* [Eastern European Studies], 2005, 1, pp. 146–162. (In Russian)

Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.Kh. *Demokratizacija i obrazy nacionalizma v Rossijskoj Federacii 90-h godov* [Democratization and images of nationalism in the Russian Federation of the 1990s]. Moscow: Mysl', 1996. (In Russian)

Dubin B. «Chuzhie» nacionalizmy i «svoi» ksenofobii vcherashnih i segodnjashnih rossijan [“Aliens” nationalism and “their” xenophobia of yesterday's and today's Russians], *Pro et Contra*, 2014, 1–2 (62), pp. 6–18. (In Russian)

Entin M., Entina E. *Vseobemljushhee Bol'shoe Evrazijskoe partnerstvo: uhod ot real'nosti ili vozvrashhenie k nej* [Comprehensive Large Eurasian Partnership: withdrawing from reality or returning to it, *Vsja Evropa* [Whole Europe], 2016, no. 11 (115). URL: <http://alleuropolux.org/?p=13969> (available: 05.12.2018). (In Russian)

Est' li perspektiva u russkogo nacionalizma? Beseda s L'vom Gudkovym i Borisom Dubinnym [Is there a future of Russian nationalism? Conversation with Lev Gudkov and Boris Dubinny]. In: *Russkij nacionalizm: ideologija i nastroyenie: sb. statej* [Russian nationalism: ideology and mood]. Comp. A. Verkhovskiy. Moscow: Center “Sova”, 2006, pp. 263–298. (In Russian)

Filippov V.R. Krizis jetnicheskogo federalizma v Rossii [The crisis of ethnic federalism in Russia]. In: *Regiony i regionalizm v stranah Zapada i Rossii* [Regions and regionalism in the countries of the West and Russia]. Moscow: Institute of General History, Russian Academy of Sciences, 2001, pp. 182–189. (In Russian)

Gottlieb G. Nacii bez gosudarstv [Nations without States], *Problems of Eastern Europe* [Problems of Eastern Europe]. 1995, 43–44, pp. 21–35. (In Russian)

Green S. Priroda nepodvizhnosti rossijskogo obshhestva [The nature of the immobility of Russian society], *Pro et Contra*, 2011, 1–2 (51), pp. 5–19. (In Russian)

Gudkov L. Inercija passivnoj adaptacii [Inertia of passive adaptation], *Pro*

et Contra, 2011, 1–2 (51), pp. 20–42. (In Russian)

Korovin V. Evrazijstvo vs nacional-demokratija: komu dejstvitel'no nuzhna Velikaja Rossija? [Eurasianism vs National Democracy: who really needs Great Russia], *Informacionno-analiticheskij portal «Evrazija»* [Information and analytical portal «Eurasia»], 28.10.2016. URL: <http://evrazia.org/article/2404> (available: 05.12.2018). (In Russian)

Kortunov S. *Stanovlenie nacional'noj identichnosti: Kakaja Rossija nuzhna miru: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov* [The development of national identity: What kind of Russia does the world need? A study guide for university students]. Moscow: Aspect Press, 2009. (In Russian)

Kozhevnikova G. Ul'traprave tendencii v prokremlevskih molodezhnyh organizacijah [Ultra-Right Trends in Pro-Kremlin Youth Organizations]. In: *Russkij nacionalizm mezhdju vlast'ju i oppoziciej* [Russian nationalism between the government and the opposition]. Ed. V. Pribylovsky. Moscow: Center «Panorama», 2010, pp. 4–17. (In Russian)

Kuzmin A.G. *Russkij radikal'nyj nacionalizm v sovremennoj Rossii: tradicii i jevoljucija* [Russian radical nationalism in modern Russia: traditions and evolution]. Syktyvkar: Syktyvkar State University, 2011. (In Russian)

Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington; Baltimor: The Johns Hopkins University Press 2008.

Laruelle M. «Russkij nacionalizm» kak oblast' nauchnyh issledovanij [«Russian nationalism» as a field of research], *Pro et Contra*, 2014, 1–2 (62), pp. 54–72. (In Russian)

Lebedev S.V. *Al'ternativa sprava. Nacional'no-patrioticheskoe dvizhenie v Rossii: istoricheskaja tradicija, ideologicheskie napravlenija i perspektivy* [Alternative to the right. The national-patriotic movement in Russia: historical tradition, ideological trends and prospects]. St. Petersburg: Nestor, 1999. (In Russian)

Lux L. Evrazijstvo i konservativnaja revoljucija: soblazn antizapadnichestva v Rossii i v Germanii [Eurasianism and the Conservative Revolution: The Temptation of Anti-Westernization in Russia and Germany], *Political Conceptology*, 2016, 1, pp. 144–157. (In Russian)

Malinova O. Yu. Tema imperii v sovremennyh rossijskikh politicheskikh diskursah [The theme of the empire in modern Russian political discourses]. In: *Nasledie imperij i budushhee Rossii* [The legacy of empires and the future of Russia]. Ed. by A.I. Miller. Moscow: New literary observer 2008, pp. 66–79. (In Russian)

Migranyan A. *Rossija v poiskah identichnosti. (1985–1995)* [Russia in search

of identity. (1985–1995)] Moscow: Intern. relationship, 1997. (In Russian)

Mukomel V.I. Migrantofobii i jetnofobii v sovremennoj Rossii [Migrant-phobia and ethnophobia in modern Russia], *Ethno-dialogues: Almanac. Supplement to the journal «Ethnosfera»*. 2005, 2 (23), pp. 61–71. (In Russian)

Nas snesjot potokom? Chem opasny dlja naroda migracionnye plany vlastej [Will we be blown away? What is dangerous for the people of the migration plans of the authorities], *Argumenty i fakty*, 02.05.2012, pp. 7. (In Russian)

Nazarbayev N.A. Proekt «O formirovanii Evrazijskogo sojuza gosudarstv» (3 ijunja 1994 g.) [The project «On the formation of the Eurasian Union of States» (June 3, 1994)]. In: *Strategy of independence*. Almaty: Atamura, 2004, pp. 110–122. (In Russian)

Nuzhen li Gitler Rossii?: Po materialam mezhdunarodnogo foruma «Fashizm v totalitarnom i posttotalitarnom obshhestve: idejnye osnovy, social'naja baza, politicheskaja aktivnost'» [Does Russia need Hitler? On the materials of the international forum “Fascism in a Totalitarian and Post-Totalitarian Society: Ideological Foundations, Social Base, Political Activity”], Moscow, January 20–22. 1995: Collection. Comp. and auth. entry Art. V. Ilyushenko. Moscow: PIK, 1996. (In Russian)

Pain E. Rasputica: *Polemicheskie razmyshlenija o predopredelennosti puti Rossii* [Slush: Polemic reflections on the predetermination of the path of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2009. (In Russian)

Pain E., Fedyunin S. *Nacija i demokratija: perspektivy upravlenija kul'turnym raznoobraziem* [Nation and democracy: perspectives of managing cultural diversity]. Moscow: Mysl', 2017. (In Russian)

PASE prizvala Rossiju ostanovit' nacionalizm [PACE urged Russia to stop nationalism], *Lenta.ru*, 5/04/2006. URL: <http://lenta.ru/news/2006/04/05/pace/> (available: 05.12.2018). (In Russian)

Perechen' nekommercheskih organizacij, v otnoshenii kotoryh sudom prinjato vstupivshee v zakonnuju silu reshenie o likvidacii ili zaprete dejatel'nosti po osnovanijam, predusmotrennym FZ «O protivodejstvii jekstremistskoj dejatel'nosti» [The list of non-profit organizations in respect of which the court made the decision on the liquidation or prohibition of activities entered into force on the grounds provided for by the Federal Law «On Countering Extremist Activities»]. URL: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (available: 05.05.2017). (In Russian)

Pribylovsky V. Totalitarizm, kommunisty, nacional-patrioty i fashisty. Terminy i real'nost' [Totalitarianism, communists, national patriots and fascists. Terms and reality]. In: *Nuzhen li Gitler Rossii?: Po materialam mezhdunar.*

forumu «Fashizm v totalitar. i posttotalitar. o-ve: idejn. osnovy, soc. baza, polit. aktivnost'» [Does Russia need Russia? On the materials of the international forum "Fascism in totalitarian. and post-totalitarian society: ideological. foundations, social base, political. activity"]. Moscow, 20–22 Jan. 1995. Comp. and auth. entry Art. V. Ilyushenko]. Moscow: PIK, 1996, pp. 13–19. (In Russian)

Programma partii «Rossijskij Obshhenarodnyj Sojuz» [The program of the party «Russian Union of All People»]. URL: <http://partiya-ros.ru/docs/programma.html> (available: 11.05.2012). (In Russian)

Putin V.V. Novyj integracionnyj proekt dlja Evrazii — budushhee, kotoroe rozhdaetsja segodnja [New integration project for Eurasia — the future that is born today], *Izvestia*, 03.10.2011. (In Russian)

Ryzhova S.V. O cennostnyh karakteristikah sovremennoj russkoj jetnicheskoj identichnosti [On the value characteristics of modern Russian ethnic identity], *Vlast'* [Power], 2016, 9, pp. 163–172.

Salmin A.M. Mif istorii i istorija mifa [The myth of history and the history of myth]. In: *Nacional'naja ideja: strany, narody i sociumy* [National idea: countries, peoples and societies]. Ed. ed. Yu.S.Oganisyan. Moscow: Nauka, 2007, pp. 3–13. (In Russian)

Sevastyanov A.N. *Russkoe dvizhenie za tridcat' let (1985–2015). Zametki ochevidca* [Russian movement for thirty years (1985–2015). Eyewitness notes]. Moscow: Samotech; MFA "Awareness", 2016. (In Russian)

Sergeev S. «Russizm»: tret'ja volna [“Russism”: the third wave], *Political class* [Political class], 2008, 6, pp. 64–68. (In Russian)

Sergeev S. *Russkaja nacija, ili Rasskaz ob istorii ee otsutstvija* [The Russian Nation, or the Story about Its Absence]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. (In Russian)

Sovetskij prostoj chelovek». *Opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-h godov* [The Soviet simple man «. The experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Moscow: Mirovoj okean, 1993. (In Russian)

Solovey T., Solovey V. *Nesostojavshajasja revoljucija: Istoricheskie smysly russkogo nacionalizm* [The Frustrated Revolution: Historical Meanings of Russian Nationalism]. Moscow: AST: Astrel, 2011. (In Russian)

Solovey T., Solovey V. *Russkij nacionalizm pri Putine-Medvedeve* [Russian nationalism under Putin-Medvedev]. In: *Russkij nacionalizm mezhdju vlast'ju i oppoziciej* [Russian nationalism between the government and the opposition]. Ed. by V. Pribylovsky. Moscow: Center «Panorama», 2010, pp. 51–62. (In Russian)

Umland A. *Pravyj jekstremizm v postsovetskoj Rossii* [Right-Wing Extremism in Post-Soviet Russia], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social

Sciences and Modernity], 2001, 4, pp. 71–84. (In Russian)

Umland A. Tri raznovidnosti postsovetskogo fashizma [Three Variants of Post-Soviet Fascism]. In: *Russkij nacionalizm: ideologija i nastroyeniya* [*Russian Nationalism: Ideology and Moods*]. Collection of Articles. Moscow: Center “Sova”, 2006, pp. 221–262. (In Russian)

V Sovete Evropy otmechajut rost nacionalizma v Rossii [The European Council noticed the rise of nationalism in Russia], *BBC: Russian Service*, 10/14/2013. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2013/10/131014_ecri_russia_report (available: 05.12.2018). (In Russian)

Valdajskij mezhdunarodnyj diskussionnyj klub [*Valdai International Discussion Club*], September 19, 2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (available: 05.12.2018). (In Russian)

Volodikhin D. Nacdvizhenie mezhdru imperiej i jetnosom [National Movement Between Empire and Ethnic Group], *Politicheskij zhurnal* [*Political Journal*], 2008, 6–7, pp. 66–69. (In Russian)

Yanov A. *Posle Elcina. «Vejmarskaja» Rossija* [*After Yeltsin. “Weimar” Russia*]. Moscow: KRUK, 1995. (In Russian)

ИДЕОЛОГЕМА 1552 ГОДА В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ВЕРСИЯ ЭЛИТ И МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ¹

Н.И. Карбаинов

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.8>

Аннотация. *Одной из важных идеологем национальной истории, конструируемой элитами постсоветского Татарстана, является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности. Поэтому центральной датой национальной истории татарского народа является 1552 год — год взятия Казани войсками Ивана Грозного. В версии элит эта дата преподносится как самая трагическая страница в истории татарского народа. По результатам нашего социологического исследования можно сделать вывод о том, что идеологема 1552 года, создаваемая татарскими элитами, весьма слабо представлена в историческом сознании жителей постсоветского Татарстана. Татарские элиты достигли весьма скромных успехов в продвижении своей версии национальной истории. По результатам этого проекта можно говорить только о «частичной татаризации» или формировании отдельных «национальных анклавов».*

Ключевые слова: *элита, Татарстан, национальная история, массовые представления, историческая политика, идеология.*

ВВЕДЕНИЕ

В результате распада СССР на постсоветском пространстве наблюдается бурное развитие национальных и региональных версий исторического прошлого как в ныне независимых государствах СНГ, так и в регионах (в первую очередь республиках) Российской

---

¹ Статья выполнена по государственному заданию (тема «Основания и тенденции цивилизационной динамики российского общества в культуре, политике, экономике», № 0169-2015-0008).

Федерации [Национальные истории... 1999; 2009; Шнирельман 2003; Историческая политика... 2012]. Историческое прошлое выступает важным ресурсом нациестроительства и формирования национальной идентичности. (Этно)национальные версии истории во многом служат идеологическими инструментами, с помощью которых поддерживается легитимность политических элит [Андерсон 2001; Ассман 2004; Ферро 1992; Репина 2003].

В последние десятилетия элиты Татарстана были также активно вовлечены в создание национальной истории татарского народа и Татарстана [Rorlich 1999; Исхаков 1999; Davis et al. 2000; Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; 2016; Zverev 2002; Усманова 2003; Овчинников 2010; 2015]. Одной из важных идеологем национальной истории, конструируемой элитами постсоветского Татарстана, является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности [Сагитова 1998; Zverev 2002; Хаким 2007]. Поэтому неслучайно, что одной из ключевых дат истории Татарстана выступает 1552 год — год взятия Казани войсками Ивана Грозного. В версии элит эта дата преподносится как самая трагическая страница в истории татарского народа.

Возникает исследовательский вопрос: каким образом версия национальной истории татарского народа (в том числе идеологема 1552 года), создаваемая интеллектуальной элитой при поддержке политических элит влияет на исторические представления простых жителей Татарстана? Мы можем встретить два альтернативных взгляда на проблему влияния татарской национальной идеологии: 1) «татаризация» и 2) «национальные анклав». В рамках первой точки зрения можно, в свою очередь, выделить еще три позиции: «татаризация сверху», «татаризация снизу» и «встречная татаризация». О «татаризации сверху» говорит Раис Сулейманов. По его мнению, в Татарстане выросло поколение молодых татар, «которое все, что ассоциируется с Россией, стремится унижить и оскорбить. Их возраст колеблется от 18 до 35 и выше, однако есть общая черта — они росли во время правления Минтимера Шаймиева, в эпоху разгула сепаратизма и борьбы “за суверенитет”. Они — это мои соплеменники, но те, кто впитал мировоззренческие установки учебников и литературы по истории Татарстана,

подготовленных местными историками, с посылом о “вечной освободительной войне татарского народа” и “русских оккупантах”. Все они приняли “философию” татарского национал-сепаратизма, которая была мейнстримом общественно-политической жизни республики того времени» [Сулейманов 2014]. Антрополог А. Фридли пишет о том, что господствующей идеологией татарстанских элит является идеология мультикультурализма и на примере татарской молодежи Казани показывает, что «татаризация города» происходит скорее снизу на различных молодежных сценах (музыкальные коллективы, группы в Интернете и т.д.) [Friedli 2012]. Антрополог Х. Фаллер рассуждает о существовании двух автономных дискурсивных миров русскоязычных и татароязычных жителей, и процесс «татаризации» происходил как сверху, так и снизу [Faller 2011]. В качестве альтернативы идеи «татаризации» предлагается идея «национальных анклавов» [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007]. В соответствии с этой точкой зрения татарские идеологи достигли весьма скромных результатов, и их влияние распространяется лишь на «национальные анклавы» (например, татарские гимназии). Важно отметить, что сторонники обоих взглядов опираются либо на собственные экспертные оценки [Сулейманов 2014], либо на результаты антропологических исследований, проведенных с помощью качественных методов [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007; Faller 2011; Friedli 2012]. По сути, эти две точки зрения могут выступить в качестве гипотез для количественного социологического исследования.

Цели статьи — во-первых, проанализировать исторические дискурсы татарской элиты на примере идеологемы 1552 года и, во-вторых, рассмотреть, каким образом представлена или не представлена идеологема 1552 года в массовых представлениях жителей постсоветского Татарстана.

Мы опираемся на эмпирические результаты коллективного проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма Казанского федерального университета при поддержке Программы развития партнерских центров Европейского университета

в Санкт-Петербурге, 2013–2014). В рамках этого проекта было проведено 170 интервью и анкетный опрос (N=1000).

Структура статьи строится следующим образом: в первом разделе мы проанализируем версию татарских элит о событии 1552 года, а во втором разделе рассмотрим массовые представления жителей постсоветского Татарстана.

ВЕРСИЯ ЭЛИТ

Создание национальной истории — один из важнейших инструментов нациестроительства (наряду с языковой и религиозной политикой) в постсоветском Татарстане [Сагитова 1998; Rorlich 1999; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Zverev 2002; Graney 2009; Faller 2011; Derrick 2013]. Главным производителем национальной истории в Татарстане выступила татарская национальная интеллигенция при поддержке политических элит [Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Gorenburg 2003; Понарин, Жирков 2013].

Важно отметить, что для поля татарской национальной идеологии характерна конкуренция различных течений и идей, в первую очередь между умеренными и радикальными националистами [Мухаметдинов 2006]. Победителями в этой идеологической борьбе при поддержке республиканских политических элит в начале 1990-х годов стали и остаются по настоящее время умеренные татарские националисты. Именно они создают ключевые идеологемы официально поддерживаемой властями республики национальной идеологии Татарстана, в том числе национальной истории. Можно выделить следующие составные части этой идеологии: 1) балансирование между татарским этнонационализмом и гражданским национализмом («татарстанизмом»); 2) пантатаризм, или идея татарского мира; 3) идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности; 4) исламоцентризм; 5) евразийство; 6) тюркизм [Карбаинов 2018].

Основными производителями и трансляторами национальной истории являются Институт истории Академии наук Татарстана, Казанский федеральный университет и другие научные и учебные заведения (в том числе татарские национальные гимназии) [Alvarez

Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007], Министерство образования и науки РТ, издательства, музеи и т.д. [Усманова 2003; Гилязов 2003; Graney 2009]. Ключевыми каналами трансляции идеологических дискурсов (включая исторические) в массовое сознание населения республики являются СМИ (газеты, телевидение) [Сагитова 1998; Сагитова 2003; Davies et al. 2000; Низамова 2001], учебные курсы по истории в средней и высшей школе [Гибатдинов 2003; Гилязов 2003; Мухарямова, Андреева 2013], публичные места, музейные экспозиции и архитектура [Graney 2009; Faller 2011; Kinossian 2012].

Одной из ключевых идеологем национальной истории, создаваемой элитами Татарстана, является идея потерянной в 1552 г. и вновь обретенной в 1990-е годы государственности [Сагитова 1998; Zverev 2002; Хаким 2007]. По мнению Р. Хакимова, история государственности является «стержневой проблемой» татарской истории [Хаким 2007: 236]. В рамках этой идеологемы 2 (15) октября 1552 года — день взятия Казани войсками Ивана Грозного — центральная дата национальной истории Татарстана. В версии элит эта дата преподносится как самая трагическая страница в истории татарского народа.

Начиная с 1990 г. в Казани сторонниками радикальных националистических татарских организаций (ВТОЦ, партии «Иттифак», «Азатлык», Татарского патриотического фронта «Алтын Урда» и др.) ежегодно в середине октября отмечается «День памяти» («Хэтэр коне»), посвященный павшим в 1552 году защитникам Казани. Так, в одном из обращений Всетатарского общественного центра (ВТОЦ) мы можем найти идеологическое обоснование этой даты: *«Это день преклонения перед мужеством и стойкостью всех, кто героически защищал нашу землю и принял мученическую смерть, защищая Казань в 1552 году. Проведение Дня Памяти — это не пир-ар-акция. В этот день немногочисленные патриоты нашего народа воздают дань уважения своим славным предкам, создавшим процветающее цивилизованное татарское государство. Каждый уважающий себя татарин и татарка, должны помнить свою историю, важные события прошлого, в том числе героическую защиту своего независимого государства и его столицы — города Казани <...>*

В этот день мы становимся ближе и сплоченней, еще четче понимаем, как много общего у разных поколений жителей Татарстана. Этот день — источник жизненной и нравственной силы нашего народа. И эта сила помогает нам идти вперед и побеждать трудности <...> у нас татар День Памяти должен быть днем всеобщего траура и в календаре должен официально отражаться как День Памяти» [15 октября отмечают ... 2010].

Первоначально «День памяти» проходил на территории Казанского кремля при скрытой поддержке правящей элиты Татарстана, но после подписания в 1994 г. Договора о разграничении полномочий с Москвой, правящая элита стала все больше дистанцироваться от этого события. Если в начале 1990-х годов на митинг, посвященный «Дню памяти» собирались тысячи человек, то в 2000–2010 гг. в этой акции принимали участие не больше трехсот человек. Например, по нашим личным наблюдениям, на митинге 11 октября 2014 г. присутствовало не более 100 человек (по информации радио «Азатлык». 500 человек, но это завышенная цифра). Но даже если бы участвовали все 500, то это немного для всей Казани, в которой проживают 542 тысячи татар. Также важно отметить, что если раньше акция начиналась на площади Свободы, после этого митингующие маршем проходили до Казанского кремля и заканчивали акцию проведением намаза у башни Сююмбике, то в последние годы им запретили проводить собрания на территории Казанского кремля.

Одним из важных требований радикальных националистов, которое они озвучивали, в том числе на митингах, посвященных «Дню памяти», было «возведение достойного памятника героическим защитникам Казани и нашей государственности». Это требование до сих пор так и осталось невыполненным. В то же время правящая элита Татарстана реализовала проект, связанный с идеологией 1552 года, а именно возведение («воссоздание») на территории Казанского кремля соборной мечети Кул Шариф. Мечеть была названа в честь руководителя обороны Казани в 1552 г. сеида Кул Шарифа. Как отмечает М. Дэррик, в 1990-е годы мечеть Кул Шариф в дискурсе элит рассматривалась как символ татарской нации и возрождения татарской государственности. В 2000-е годы,

по его мнению, происходит перефреймирование символики мечети Кул Шариф. Она становится символом мирного сосуществования религий и гражданского национализма («татарстанизма») [Derrick 2013].

Идеологема 1552 года также нашла отражение в учебной литературе для средней и высшей школы, научно-популярной литературе, в источниках СМИ и Интернете. Можно выделить несколько ключевых компонентов идеологемы. Во-первых, это светлый образ процветающего Казанского ханства до присоединения к Московскому государству. В рамках этого образа Казанское ханство описывается как оплот татарской государственности с высоким уровнем развития экономики и культуры. Во-вторых, трагический и в то же время героический образ осады и падения Казани в 1552 г. В-третьих, трагические последствия взятия Казани в 1552 г. войсками Ивана Грозного для татарской государственности и татарского народа. В рамках идеологемы 1552 года имеются свои герои (сеид Кул Шариф — руководитель обороны Казани, царица Сююмбике) и антигерои (Иван Грозный, Шах-Али). Трехкомпонентная структура идеологемы 1552 года является общим местом для нарративов как радикальных, так и умеренных татарских националистов. Разница только в эмоциональной насыщенности нарративов. Радикальные националисты склонны к большей идеализации истории Казанского ханства и дают однозначно негативные оценки падения Казани, при этом подробно описывают трагические детали взятия города, так, как будто они сами были непосредственными свидетелями этого, безусловно, печального события. Последствия падения Казани для татарского народа радикалы однозначно описывают исключительно в черном цвете. Для умеренных националистов характерен меньший градус эмоциональности. Они дают более взвешенные оценки исторического события. Далее рассмотрим каждый из компонентов этой идеологемы более подробно.

Истории Казанского ханства до падения Казани в 1552 г. дают исключительно позитивные оценки. Казанское ханство было «Страной городов» и «Краем изобилия» [Хамидуллин 2016]. Как пишет Б. Хамидуллин, «оно являлось крупным и экономически развитым государством, играло существенную роль в этносоциальной и

культурно-экономической истории Волго-Уральского региона, серьезную роль в политической жизни Восточной Европы и Западной Сибири» [Хамидуллин 2016]. По мнению авторов учебного пособия для средней школы, «уровень жизни казанцев был довольно высок. Это создавало Казани славу богатого города, имевшего ярко выраженный восточный облик» [Гилязов и др. 2008: 77].

«Эпоха процветания» для татарского народа закончилась после завоевания Казанского ханства войсками Ивана Грозного. Эта война описывается исключительно в трагических тонах. Главным же апофеозом этого вторжения стала героическая оборона и трагическое падение Казани в 1552 г. О героизме защитников Казани Нурулла Гариф в своей книге «Освободительная война татарского народа» пишет следующим образом: *«Казанцы были полны непреклонной решимости отстаивать свою независимость до последней капли крови. Предложения врага сдать город были отвергнуты, и правительство, и жители города были готовы стоять насмерть за свою Родину» [Гариф 2007: 13].* В качестве еще одного примера героического образа защитников Казани можно привести следующий отрывок из учебного пособия для средней школы: *«После почти целого месяца непрерывных боев защитникам был предъявлен ультиматум — сдать город без сопротивления. Казанцы ответили: “Не покоримся, на стенах и башнях находится Русь. Но мы другую стену поставим, да все помрем, или отсидимся”» [Гилязов и др. 2008: 89].*

Наиболее ярко описываются кровавые подробности взятия Казани: *«Казань пала. Иван IV повелел всех оставшихся в живых мужчин истребить, женщин и детей взять в плен. По давно принятой среди победителей традиции город был отдан воинам на разграбление. Вскоре по московской дороге потянулись обозы с казанским добром, которому, как писал очевидец, не было числа» [Гилязов и др. 2008: 90]. Или другой пример: «Казань пала. В 3 часа дня в город въехал на коне Иван IV. Кругом валялись сотни и тысячи убитых, кровью были залиты улицы. Победители устроили в городе настоящий погром: убивали мужчин, грабили дома и мечети, насиловали женщин. День 2 октября 1552 года навсегда вошел в память татарского народа как черный день национальной катастрофы, день скорби» [Рашитов 201: 113].*

Падение Казани в 1552 г. с точки зрения татарских националистов привело к негативным долгосрочным последствиям для татарской государственности и татарского народа. Как пишут авторы учебного пособия, *«неоднозначными, противоречивыми были последствия завоевания Казанского ханства для его многонационального населения. Татары лишились своего государства, что стало для них катастрофой. Вместе с ним они утратили и свое доминирующее экономическое и политическое положение. Татары оказались в составе совершенно нового государства с иной культурой, иной верой, иным образом жизни, стали зависимым, подчиненным народом. В ходе “Казанского взятия”, освободительной борьбы намного сократилась их численность. Общим результатом явилось замедление политического, экономического и культурного развития татарского народа. Негативное значение имели другие обстоятельства. Во-первых, татарский народ вследствие завоевания практически полностью лишился своей городской прослойки, был вытеснен в сельскую местность. Из истории известно, что города, городское население играют особую цивилизационную роль. Во-вторых, новая власть последовательно создавала условия для постепенного разложения и исчезновения татарского феодального класса. Самые активные ее противники были сразу же физически уничтожены или изгнаны, лишившись всех своих богатств. Между тем в условиях средневекового общества именно феодалы-землевладельцы являлись его наиболее организованной, грамотной и просвещенной частью. Лояльные татарские феодалы утратили свои национальные корни, не были самостоятельной силой. В результате целенаправленной правительственной политики татары стали подвергаться сильному и жесткому давлению в сфере религии и национальной культуры. Серьезные ограничения существовали в праве передвижения и местожительства. Иными словами, татарский народ в Русском государстве начал испытывать национально-религиозный гнет»* [Гилязов и др. 2008: 96–97].

В результате падения Казани в 1552 г. была разрушена татарская государственность, нанесен большой удар по материальной и духовной культуре татарского народа: *«Да, драматические события 2 октября 1552 года, а чуть позднее (в 1556 году) завоевание*

русскими войсками Астраханского ханства, надолго прервали многовековую традицию государственности тюрко-татарского населения Поволжья, непрерывно функционировавшей как минимум со времен возникновения Хазарского каганата и Волжской Булгарии, то есть с середины VII века, а также существенно приостановили развитие материальной и духовной культуры татар. В октябре 1552 года был разрушен один из цветущих центров средневековой татарской цивилизации, ей был нанесен колоссальный урон!» [Хамидуллин 2016].

Таким образом, несмотря на то что правящие элиты Татарстана все больше дистанцируются от оценок прошлого, которые дают радикальные националисты, идеологема 1552 года занимает важное место в национальной татарской идеологии, что находит, например, отражение на страницах учебных пособий для средней и высшей школы. В следующем разделе мы на примере идеологемы 1552 года рассмотрим, каким образом влияет или не влияет версия истории татарской элиты на массовые исторические представления жителей Татарстана.

МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В этом разделе мы обратимся к анализу социологических данных, полученных в ходе проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» с помощью методов интервью (N=170 информантов) и анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов). Анкетный опрос был проведен в мае 2014 г. на основе репрезентативной выборки, в которой пропорционально представлены основные группы населения города по критерию этничности, пола, возраста и образования. Интервью проводились как с экспертами (профессиональными историками, политическими активистами и т.д.), так и с простыми жителями Казани. Исходя из целей статьи обратимся к анализу интервью, проведенных с представителями последней группы. В ходе интервью мы не задавали конкретных вопросов ни по истории падения Казани в 1552 г., ни по другим историческим событиям и эпохам.

Интервьюеру необходимо было узнать у информанта его представления о «нашей истории» и ее оценку. Предполагалось, что информант самостоятельно выберет то, что для него является «нашей историей». В этом случае информант сам идентифицировал себя как часть «воображаемого сообщества» (государства, той или иной этнической или социальной группы). Кто-то из информантов выбирал в качестве «нашей истории» историю России и (или) СССР, кто-то — историю Татарстана и (или) татарского народа, для кого-то важна была история своего города.

Начнем с анализа интервью. Только в 15 интервью, проведенных с простыми жителями Татарстана, информанты говорят о таком историческом факте, как взятие Казани Иваном Грозным. Интересно отметить, что нарративы, связанные с 1552 г. в основном сконцентрированы вокруг двух исторических фигур — Ивана Грозного и царицы Сююмбике. Нередко о взятии Казани просто упоминают как об историческом факте без каких-либо эмоциональных оценок. В то же время встречаются нарративы, в которых отчасти воспроизводится идеологема 1552 года, конструируемая элитами. Так, информант, отвечая на вопрос о «несправедливых правителях» в «нашей истории» говорит об Иване Грозном и в качестве одного из примеров его «несправедливости» приводит взятие Казани: *«Хорошо, а какие правители были самыми несправедливыми на твой взгляд? — Иван Грозный, наверное. — А почему? Р: почему? ну он ведь деспот был, тиран и если читать по учебникам там верить допустим, там рассказывают вплоть до того, что у него были психические заболевания он там развлекался тем, что сажал своих холопов на кол и так далее и тому подобное. Сам по себе как человек он был ненормален, как можно было такого человека оставлять на престоле? И: то есть, как правитель он тоже был несправедлив? Р: наверное, да, ну хотя там с его правлением связаны такие события в истории, как завоевание, взятие Казани»* [ВПМ-2].

С точки зрения некоторых информантов Иван Грозный также «виноват» в насильственной христианизации татарского народа: *«С приходом Ивана Грозного, началась насильственная христианизация. До Ивана Грозного, когда мы жили, предки наши в период Зо-*

лотой орды, когда они правили каганатами своими, Хазарский каганат, когда расцвет государства, у нас всё развивалось тогда» [БВ-1]. «Трагический, на мой взгляд, — это во время правления Ивана Грозного, потому что это, грубо говоря, на самом деле насилие. Это запрет на постройку мечетей, на религию, на свободу выбора... Насколько я знаю. Он считал, что единая религия поможет укрепить народ, и единое государство, и все в этом роде. И именно поэтому, он запретили ислам <...> И трагизм в том, что человек не имел свободу свою. Многие татары были тоже переименованы на русские имена. Вот. В общем, татары были ущемлены. И мне кажется, что это и есть самый трагический период в нашей истории» [БТ-10].

Только в одном интервью упоминается День памяти: «Он связан с днем взятия Казани, где-то его называют Хэтэр коне или день памяти воинов, погибших при защите Казани. Никакие власти официальные его не поддерживают, проводятся татарскими общественными организациями, приезжают с востока республики, на востоке настроения такие более национально озабоченные. Не скажу, что сепаратистские, просто о том, что татарская среда она очень здоровая и имеющая место быть» [ВПИМ-4].

Интересно отметить, что если для национальной истории, создаваемой татарскими элитами, характерна идея исторической преемственности между Казанским ханством и современным Татарстаном, то некоторые информанты исходят из того, что взятие Казани в 1552 г. привело к историческому повороту, разрыву исторической преемственности: «А взятие города Иваном Грозным — это важный поворот, пусть на казанском престоле сидели ставленники московские, касимовские или крымско-татарские, но знать была своя, это развитие шло-шло-шло и обрубилось, сегодня очень мало письменных источников никаких, очень мало археологи, единичная такая, на самом деле произошел поворот <...> Поэтому мне кажется, Казань сегодняшняя, они никак не наследует Казань ханскую, поэтому это века в жизни, важное такое событие» [ВПИМ-4]. Также в одном из интервью в качестве начала «нашей истории» указывает взятие Казани Иваном Грозным: «А с какого момента начинается наша история, события, периода? Для

меня, наверное, все-таки, потому что об этом хоть какое-то имеешь представление — это Иван Грозный, захват Казани. Когда Казанское ханство уже территорией России была, в составе Руси, скажем так, потому что до этого я не знаю, как они жили» [ВПМ-10]. Получается, что информант в этом интервью ничего не знает о «процветающем» Казанском ханстве до взятия Казани. Как мы уже писали в предыдущем разделе, светлый образ процветающего Казанского ханства — важный компонент идеологема 1552 года, конструируемой татарскими элитами.

Если татарские элиты пытаются актуализировать событие 1552 г. для настоящего времени, то некоторые информанты говорят о взятии Казани как о единичном событии далекого прошлого, которое уже никак не связано с сегодняшним днем: «Более существенно надо обсуждать отношения татар с русскими. Один раз произошел захват Казани, на самом деле, как говорил один мой друг — татары уже давно друзья с русскими, это уже факт, какой национализм, национализм? Национализм при этом не может существовать. То есть русские были одно время врагами, ну и ладно. Все остальное время жили вместе и существовали вместе. Еще же при царской России началось полосное заселение, что деревня одна русская, потом татарская. Это идет уже 200 лет, существует такое вот общее существования, русскими нельзя назвать врагами, поэтому те русские, которые живут в Татарстане, очень много переняли у татар, и наоборот, естественно. То же существование кряшен, крещеных татар, это же не насильно происходило, люди сами себе выбирали. Было время, когда было насильное крещение, но были и те, кто сам выбирал себе православие вместо ислама. Или те же русские, которые проникались исламом, и такие факты есть» [ВПМ-3].

Интересно также отметить, что в нарративах интервью, посвященных 1552 г., встречаются мифологические сюжеты или просто незнание информантами фактов истории. Так, в одном интервью информант дает своеобразную трактовку истории татарского народа: «Первый период, когда татары-булгары вели кочевой образ жизни, затем они решили уже осесть на этой территории, освоили нашу территорию, затем пошло становление государства Волж-

ская Булгария с ее расцветом, спадом, междоусобными войнами. Через какое-то время появляется уже Казанское ханство. Оно также в течение нескольких лет существует, завоевывается Золотой ордой в последующем, после снятия монгольского ига образовался суверенитет, в течение нескольких лет развивается и цветет, затем уже завоевывается Иваном Грозным. С этого периода самый мрачный период для Казанского ханства. В течение нескольких десятилетий был спад. В 90-е годы получает суверенитет Татарстан в Российское время, был такой мнимый суверенитет, сейчас мы уже в современном периоде, вот так вот как-то» [ВПМ-9]. В этой версии истории мы можем увидеть частичное воспроизводство элитной идеологии 1552 года, например когда информант говорит о том, что Казанское ханство «развивается и цветет», а с завоевания Иван Грозного начинается «самый мрачный период». Но при этом Казанское ханство, с точки зрения информанта, уже подвергалось агрессии со стороны Золотой орды и боролось за свой суверенитет против монгольского ига.

Еще несколько примеров мифологизации 1552 года связано с легендой о царице Сююмбике: *«Расскажи побольше, что ты знаешь об этом событии? Р: Об этом событии? То, что построил Иван Грозный для Сююмбике башню. она была дочкой хана казанского, и она уж как, ну прыгнула. И: А Сююмбике кто такая? Р: Сююмбике? Дочь хана. И: какого хана? Р: А что он для нее построил башню Сююмбике, потом с которой она прыгнула, вот. Зато что, ну как бы он бы строил не только из-за нее, то, что она просила у Ивана Грозного, чтоб он не убивал народ вот поэтому еще может даже, она просила если построишь башню, я выйду за тебя замуж, но в итоге не вышла. И: А почему не вышла? Р: Потому что не любила. И: А в итоге, что Иван Грозный сделал? Р: он ничего не сделал, ушел, по-моему,» [ВПМ-6]. «Вообще, конечно, с историей нашего народа я столкнулась в школе по программе и наиболее впечатляющей была история Ивана Грозного и Сююмбике. Она мне очень понравилась. Вот. — А можешь про нее немножко сказать? Что помнишь оттуда? — Помню оттуда, то, что Иван Грозный, в общем, это было чистого рода насилие, то, что он хотел с ней жить, жениться на ней. Она этого не хотела и, в общем, прыгнула с башни,*

которая у нас сейчас здесь в Казани — башня Сююмбике» [БТ-10]. «Ну, было Татарское ханство. Его Иван Грозный завоевал и сказал, что будете теперь мне подчиняться. Сделал подкоп и напал на Казань. — А зачем завоевал? Зачем ему это надо было? — Потому что, ему нравился народ татарский, и он хотел в жены Сююмбике» [БТ-8]. Если обратиться к историческим источникам, то царицы Сююмбике во время осады и взятия Казани войсками Ивана Грозного в городе не было и с башни она не прыгала.

Далее перейдем к анализу данных анкетного опроса. Отвечая на вопрос о наиболее интересных эпохах в истории Татарстана, значительное число респондентов выбрали Казанское ханство — 20 % (23,9 % — татары, 16,1 % — русские) (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана²

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Волжская Булгария	40 %	28,7 %	34,3 %
Золотая Орда	20,9 %	19,1 %	20 %
Казанское ханство	23,9 %	16,1 %	20 %
Время царствования Екатерины II	14,4 %	15,7 %	15 %
История Казанской губернии в XIX в.	12,2 %	13,4 %	12,8 %
История постсоветского Татарстана	11,0 %	8,7 %	9,8 %
Древние тюркские государства Евразии (государство Хунну, Тюркский каганат)	6,9 %	7,9 %	7,4 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	7,3 %	7,5 %	7,4 %

«Золотым веком» в истории Татарстана считают историю Казанского ханства 14 % респондентов (15,8 % — татары, 12,2 % — русские) (табл. 2).

² В этой таблице, как и в следующих, представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Варианты ответов приводятся не том порядке, в котором они стояли в анкете, а в порядке убывания.

Таблица 2

«Золотой век» в истории Татарстана

Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать «золотым веком»? (один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Настоящее время	17,2 %	17,6 %	17,4 %
Казанское ханство	15,8 %	12,2 %	14,0 %
Золотая Орда	12,6 %	13,8 %	13,2 %
Тюркский каганат	7,0 %	5,0 %	6,0 %
Волжская Булгария	6,6 %	4,6 %	5,6 %
Государство Хунну	5,0 %	4,8 %	4,9 %

Когда дело доходит до вопросов, связанных с эмоциональными оценками исторических событий, то события 1552 г. оказываются далеко не самыми важными для абсолютного большинства респондентов, несмотря на то что 1/5 часть респондентов испытывает интерес к истории Казанского ханства. Отвечая на вопрос: «Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего?» — 31,2% жителей Казани выбрали вариант «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В то же время оборона Казани в 1552 г. вызывает гордость только у 8 % жителей Казани (у 8,4 % татар и 7,7 % — русских) (табл. 3).

Таблица 3

События, которые вызывают гордость в истории Татарстана

Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Победа в Великой Отечественной войне	28,7 %	34,3 %	31,5 %
Универсиада в Казани в 2013 г.	27,7 %	31,1 %	28,9 %
Основание Казани	22,2 %	22,8 %	22,5 %
Открытие Казанского университета	18,2 %	21,2 %	19,7 %
Избрание М.Ш. Шаймиева президентом РТ в 1991 г.	16,0 %	11,5 %	13,7 %

Образование Волжской Булгарии	12,5 %	12,3 %	12,4 %
Принятие ислама	14,3 %	4,2 %	9,3 %
Оборона Казани 1552 г.	8,5 %	7,7 %	8,1 %
Провозглашение суверенитета Республики Татарстан в 1990 г.	7,3 %	8,5 %	7,9 %
Образование Казанского ханства	2,6 %	4,8 %	3,7 %

Отвечая на вопрос: «Какие события вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана?» — 34,2 % жителей Казани и 32 % казанцев-татар выбрали вариант «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Войну в Афганистане указали 16,6 % казанцев и 14,8 % казанцев-татар. В то же время падение Казани в 1552 г. считают трагической страницей в истории Татарстана только 8,8 % казанцев и 11,6 % казанцев-татар (табл. 4).

Таблица 4

Трагические страницы истории Татарстана

Какие события и эпохи вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	32,3 %	37,1 %	34,7 %
Война в Афганистане	15,1 %	19,0 %	17,0 %
Война в Чечне	13,7 %	16,3 %	15,0 %
Гонения на мусульман в XVI–XVIII вв.	14,9 %	12,2 %	13,6 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	11,1 %	13,3 %	12,2 %
Сталинские репрессии	11,1 %	14,1 %	12,6 %
Падение Казани в 1552 г.	11,7 %	6,1 %	8,9 %
Сворачивание суверенитета Татарстана в 2000-е годы	5 %	4,1 %	4,6 %
Распад СССР	9,5 %	8,2 %	8,8 %
Распад Тюркского каганата	1,8 %	1,2 %	1,5 %

Еще можно привести данные по оценке роли Ивана Грозного. Так, отвечая на вопрос: «Как вы оцениваете роль следующих исторических личностей в истории Татарстана?» — 36 % казанцев и 34,2 % казанцев-татар считают, что Иван Грозный сыграл положительную роль в истории Татарстана.

Таким образом, по результатам нашего социологического исследования можно сделать вывод о том, что идеологема 1552 года, создаваемая татарскими элитами, весьма слабо представлена в историческом сознании жителей постсоветского Татарстана. Татарские элиты достигли весьма скромных успехов в продвижении своей версии национальной истории. По результатам этого проекта можно говорить только о «частичной татаризации» или формировании отдельных «национальных анклавов».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы попробуем ответить на следующий вопрос: почему идеологема 1552 года малозначима для простых жителей Татарстана? Первая причина ее не востребоваемости — бесполезность образов «далекой истории» в повседневной жизни. В 2001 г. казанский социолог Е.А. Бондаренко сделала вывод о том, что для жителей Татарстана более значимы политические компоненты общественной жизни, чем историко-культурные символы [Бондаренко 2001]. Другими словами, обычные люди живут больше настоящим, чем историческим прошлым. С этим выводом согласуются результаты проекта «“Войны памяти” и “конвенции памяти” в постсоветском Татарстане». В том случае если историческое прошлое имеет значение для некоторых людей, то более значимыми являются события недавнего прошлого. В Татарстане, например, более востребована и эмоционально окрашена близкая история XX в. (например, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), чем далекая средневековая история. Этот факт можно также объяснить тем, что в трансляции истории XX — начала XXI в. задействованы не только институты культурной памяти, но и коммуникативная память, передающаяся в устной форме на протяжении 3–4 поколений [Ассман 2004].

Вторая важная причина состоит в том, что, несмотря на доминирование в Татарстане на элитарном уровне, татарская национальная идеология не выдерживает конкуренции на уровне массовых представлений с исторической идеологией, создаваемой в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге. Например, память о Великой Отечественной войне является ключевым элементом исторической идеологии современной России. Данная идеология активно транслируется с помощью системы образования и СМИ в массовое сознание. Татарские элиты не выдерживают конкуренции за умы с федеральными элитами. Особенно сложно стало конкурировать с ними после начала политики сворачивания суверенитета Татарстана начиная с 2000-х годов.

При этом важно отметить, что это не означает, что у идеологема 1552 года нет будущего в Татарстане. При определенных политических условиях (например, при ослаблении федерального центра и соответственно при усилении региональных элит) идеологема 1552 года может быть использована для целей татарских элит и успешно ими инкорпорирована в историческое сознание татарстанцев.

Литература и источники

15 октября отмечают День памяти татарского народа // сайт «MaryUver». 4.10.2014. URL: <https://mariuver.com/2010/10/04/den-pamjati/> (дата обращения: 17.12.2018).

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бондаренко Е.А. Отчет по результатам обследования этнонациональной идентичности населения и сферы культурного и медиа-потребления в Татарстане // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане / под ред. С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 234–264.

Гариф Н. Освободительная война татарского народа. Казань: Татарское книжное издательство, 2007.

Гибатдинов М.М. Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность. Казань: Институт истории АН РТ, 2003.

Гилязов И. Из опыта преподавания национальной истории: история татарского народа в Казанском университете — вчера и сегодня // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 359–356.

Гилязов И.А., Пискарев В.И., Хузин Ф.Ш. История Татарстана и татарского народа с древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие для 10 класса средней общеобразовательной школы. Казань: Хэтер, 2008.

Историческая политика в XXI веке: сб. статей / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Исхаков С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // *Национальные истории в советском и постсоветском государствах* / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 1999. С. 273–295.

Карбаинов Н.И. Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2018. Т. 21, № 2. С. 45–74.

Мухаметдинов Р.Ф. Идеино-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.) (сопоставление с опытом Турции). Казань: Тамга, 2006.

Мухарямова Л.М., Андреева А.Р. Институционализация национальной школы в постсоветской России // *Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований*. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой / под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 87–115.

Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера и Г.М. Бордюгова: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 1999.

Национальные истории на постсоветском пространстве — II / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г.М. Бордюгова: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2009.

Низамова Л.Р. Медиа-продукт и «национальная» идеология: кейс-стади Всемирного конгресса татар // *Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане* / под ред. С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 166–233.

Овчинников А.В. Кровь и плоть воображаемых сообществ: биологизация этничности в дискурсах национальных историй (по материалам постсоветского Татарстана) // *Конфликтогенный потенциал национальных историй: сб. науч. статей* / отв. ред. и сост. А.В. Овчинников. Казань: Юниверсум, 2015. С. 177–198.

Овчинников А.В. Новый подход к изучению феномена современной «национальной историографии» (на примере «истории татарского народа») // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 1. С. 79–85.

Понарин Э.Д., Жирков К.А. Национализм этнический и политический: институциональные факторы татарского национализма в республиках Волжско-Уральского региона // Мир России. Социология. Этнология. 2013. № 3. С. 152–177.

Рашитов Ф. А. История татарского народа с древнейших времен и до наших дней. Саратов: Региональное приволжское изд-во «Детская книга», 2001.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань: Татполиграф, 1998.

Сулейманов Р. В «эпоху Шаймиева» в Татарстане выросло поколение, враждебное к России: мнение // Информационное агентство «Регнум». 20.08.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1838520.html> (дата обращения: 17.12.2018).

Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 337–360.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа. 1992.

Хаким Р.С. Тернистый путь к свободе (Сочинения 1989–2006 гг.). Казань: Татарское книж. изд-во, 2007.

Хамидуллин Б. Падение Казани... день скорби... день памяти // Сайт «Реальное время». 15.10.2016. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/45446> (дата обращения: 17.12.2018).

Шнирельман В. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 128–147.

Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.

Alvarez Veinguer A. (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan // Nationalities Papers. 2007. № 35 (3). P. 457–476.

Alvarez Veinguer A., Davis H. Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan // Ethnicities. 2007. Vol. 7, № 2. P. 186–207.

Davis, H., Hammond P., Nizamova L. Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood // Nations and Nationalism. 2000. Vol. 6, № 2. P. 203–226.

Derrick M. The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin // *Acta Slavica Iaponica*. 2013. № 33. P. 1–25.

Faller H.M. Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2011.

Friedli A. Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan // *Urbanities*. 2012. Vol. 2, № 1. P. 4–17.

Gorenburg D. Minority ethnic mobilization in the Russian Federation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Graney K.E. Of Khans and Kremfins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia. Lanham: Lexington Books, 2009.

Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, № 5. P. 879–901.

Rorlich Azode-Ayse History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. Vol. 32, № 4. P. 379–396.

Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D. C.; Baltimore; L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996.

Zverev A. 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography // *Secession, History and the Social Sciences* / eds. B. Coppeters and M. Huysseune. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002. P. 69–87.

Список информантов

ВПМ-2 — татарка, 25 лет, высшее образование (интервью К. Озеровой).

ВПМ-3 — татарка, 22 года, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВПМ-4 — татарин, 26 лет, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВПМ-6 — татарин, 32 года, среднее образование (интервью К. Озеровой).

ВПМ-9 — татарка 28 лет, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВПМ-10 — татарка 43 года высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

БВ-1 — татарка, 21 год, высшее образование (интервью Е. Смирновой).

БТ-8 — татарка, 24 года, высшее образование (интервью Р. Митрофанова).

БТ-10 — татарка, 21 год, высшее образование (интервью Р. Митрофанова).

IDEOLOGY OF 1552 IN POST-SOVIET TATARSTAN: ELITIST VERSIONS AND MASS REPRESENTATIONS

N. Karbainov

Abstract. *One of the most important ideologies of national history, constructed by the elites of post-Soviet Tatarstan, is the idea lost in 1552 and re-gained in the 1990s. statehood. Therefore, the central date of the national history of the Tatar people is 1552 — the year of the capture of Kazan by the troops of Ivan the Terrible. In the version of the elite, this date is presented as the most tragic page in the history of the Tatar people. According to the results of our sociological research, we can conclude that the ideology of 1552, created by the Tatar elites, is very poorly represented in the historical consciousness of the residents of post-Soviet Tatarstan. Tatar elites have achieved very modest success in promoting their version of national history. According to the results of this project, one can only speak of “partial tatarisation” or the formation of separate “national enclaves”.*

Keywords: *elite, Tatarstan, national history, mass representations, historical politics, ideology.*

References

- 15 oktyabrya otmechayut den pamyati tatarskogo naroda [October 15 is commemoration of the Tatar people], *Site «MaryUver»*. 4.10.2014. URL: <https://mariuver.com/2010/10/04/den-pamjati/> (available: 17.12.2018). (In Russian)
- Alvarez Veinguer A. (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan, *Nationalities Papers*, 2007, 35 (3), pp. 457–476.
- Alvarez Veinguer A., Davis H. Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan, *Ethnicities*, 2007, 7 (2), pp. 186–207.
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva [Imagined Community]*. Moscow: Kanon-Press-C, 2001. (In Russian)
- Assman J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural Memory. Writing, Remembrance and Political Identity]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. (In Russian)

Bondarenko E.A. Otchet po rezul'tatam obsledovaniya ehnonacional'noj identichnosti naseleniya i sfery kul'turnogo i media-potrebleniya v Tatarstane [Report on the results of the survey of ethnonational identity of the population and the sphere of cultural and media consumption in Tatarstan]. In: *Postsovetskaya kul'turnaya transformaciya: media i ehtnichnost' v Tatarstane* [Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan]. Ed. by S.A. Yerofeev, L.R. Nizamova. Kazan: KGU Press, 2001, pp. 234–264. (In Russian)

Davis H., Hammond P., Nizamova L. Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood, *Nations and Nationalism*, 2000, 6 (2), pp. 203–226.

Derrick M. The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin, *Acta Slavica Iaponica*, 2013, 33, pp. 1–25.

Faller H.M. *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest; New York: Central European University Press, 2011.

Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah mira* [How to tell a history to children in different countries of the world]. Moscow: Vysshaya shkola, 1992. (In Russian)

Friedli A. Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan, *Urbanities*, 2012, 2 (1), pp. 4–17.

Gibatdinov M.M. *Prepodavanie istorii tatarskogo naroda i Tatarstana v obshcheobrazovatel'noj shkole: istoriya i sovremennost'* [Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in the general education school: history and modernity]. Kazan: Institut istorii AN RT, 2003. (In Russian)

Gilyazov I. Iz opyta prepodavaniya nacional'noj istorii: istoriya tatarskogo naroda v Kazanskom universitete — vchera i segodnya [From the experience of teaching national history: the history of the Tatar people at the University of Kazan — yesterday and today], *Ab Imperio*, 2000, 3–4, pp. 359–356. (In Russian)

Gilyazov I., Piskarev V.I., Khuzin F.Sh. *Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda s drevnejshih vremen do konca XIX veka*. Uchebnoe posobie dlya 10 klassa srednej obshcheobrazovatel'noj shkoly [History of Tatarstan and the Tatar people from ancient times to the end of the XIX century. Textbook for the 10th grade of the secondary school]. Kazan: Heter. 2008. (In Russian)

Gorenburg D. *Minority ethnic mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Graney K.E. *Of Khans and Kremains: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Lanham: Lexington Books, 2009.

Hakim R.S. *Ternistyj put' k svobode (Sochineniya 1989–2006 gg.)* [A thorny path to freedom (Compositions 1989–2006)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. (In Russian)

Iskhakov S. Istoriya narodov Povolzh'ya i Urala: problemy i perspektivy «nacionalizacii» [History of the peoples of the Volga and the Urals: problems and perspectives of “nationalization”]. In: *Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvakh* [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Ed. by Eimermacher K., Bordyugov. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX, 1999, pp. 273–295. (In Russian)

Istoricheskaya politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century]. Ed. by Miller A., Lipman M. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. (In Russian)

Karbainov N.I. Obrazy istorii “Tyurkskoj civilizacii” v postsovetskom Tatarstane: ehлитarnye versii i massovyie predstavleniya [The History of “Turkish Civilization” in post-Soviet Tatarstan: Elitist Versions and Mass Representations], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2018, 21(2) pp. 45–74. (In Russian)

Khamidullin B. Padenie Kazani ... den skorbi ... den pamyati [The fall of Kazan ... the day of sorrow ... the day of remembrance], *Website «Real'noe vremya»* [«Real time»]. 15.10.2016. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/45446> (available: 17.12.2018). (In Russian)

Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan, *Europe-Asia Studies*, 2012, 64 (5), pp. 879–901.

Mukhametdinov R.F. *Idejno-politicheskie techeniya v postsovetskom Tatarstane (1991–2006 gg.). (Sopostavlenie s opytom Turcii)* [Ideological and political trends in post-Soviet Tatarstan (1991–2006). (Comparison with the experience of Turkey)]. Kazan: Tamga Press, 2006. (In Russian)

Mukharyamova LM, Andreeva A.R. Institucionalizaciya nacional'noj shkoly v postsovetskoj Rossii [Institutionalization of the National School in Post-Soviet Russia]. In: *Etnosociologiya v Tatarstane: opyt polevyh issledovanij. Sbornik statej k yubileyu L.M. Drobizhevoj* [Ethnosociology in Tatarstan: the experience of field research. Collection of articles for the jubilee L.M. Drobizheva]. Ed. by Musina R.N., Gabdrahmanova G.F., Makarova G.I., Sagitova L.V. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013, pp. 87–115. (In Russian)

Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve — II [National History in Post-Soviet Space-II]. Ed. by Bomsdorf F., Bordyugov G. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX, 2009. (In Russian)

Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvakh [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Ed. by Eimermacher K., Bordyugov G. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX, 1999. (In Russian)

Nizamova L.R. Media-produkt i “nacional'naya” ideologiya: kejs-stadi Vsemirnogo kongressa tatar [Media product and “national” ideology: the case-study of the World Congress of Tatars]. *Postsovetskaya kul'turnaya transformaciya: media i etnichnost' v Tatarstane* [Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan]. Ed. by S.A. Yerofeev, L.R. Nizamova. Kazan: KGU Press, 2001, pp. 166–233. (In Russian)

Ovchinnikov A.V. Krov' i plot' voobrazhaemyh soobshchestv: biologizaciya etnichnosti v diskursah nacional'nyh istorij (po materialam postsovetskogo Tatarstana) [The blood and flesh of imaginary communities: the biology of ethnicity in the discourses of national histories (based on the materials of post-Soviet Tatarstan)]. *Konfliktogennyj potencial nacional'nyh istorij* [Conflictogenic potential of national histories]. Ed. by A.V. Ovchinnikov. Kazan: Universum, 2015, pp. 177–198. (In Russian)

Ovchinnikov A.V. Novyj podhod k izucheniyu fenomena sovremennoj «nacional'noj istoriografii» (na primere «istorii tatarskogo naroda») [A new approach to the study of the phenomenon of modern “national historiography” (on the example of “the history of the Tatar people”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2010, 1, pp. 79–85. (In Russian)

Ponarin E.D., Zhirkov K.A. Nacionalizm etnicheskij i politicheskij: institucional'nye faktory tatarskogo nacionalizma v respublikah Volzhsko-Ural'skogo regiona [Ethnic and political nationalism: institutional factors of Tatar nationalism in the republics of the Volga-Ural region], *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2013, 3, pp. 152–177. (In Russian)

Rashitov F.A. *Istoriya tatarskogo naroda s drevnejshih vremen i do nashih dnei* [History of the Tatar people from ancient times to our days]. Saratov: Regionalnoe privolzhskoe izdatelstvo «Detskaya kniga», 2001. (In Russian)

Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow: GU VSHE, 2003. (In Russian)

Rorlich Azode-Ayse. History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan, *Communist and Post-Communist Studies*, 1999, 32 (4), pp. 379–396.

Sagitova L.V. *Etnichnost' v sovremennom Tatarstane* [Ethnicity in modern Tatarstan]. Kazan: Tatpoligraf, 1998. (In Russian)

Shnirelman V. Identichnost' i obrazy predkov: tatory pered vyborom [Identity and images of ancestors: Tatars before the choice], *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2002, 4, pp. 128–147. (In Russian)

Shnirelman V. *Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia*. Washington D. C., Baltimore, London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.

Shnirelman V.A. *Vojny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [*The war of memory. Myths, identity and politics in Transcaucasia*]. Moscow: Akademkniga, 2003. (In Russian)

Suleimanov R. V ehpohe Shajmieva v Tatarstane vyroslo pokolenie vrazhdebnoe Rossii: mnenie [In the “era of Shaimiev” in Tatarstan, a generation hostile to Russia grew up: an opinion], *Informacionnoe agentstvo «Regnum»*, 20.08.2014. [*News agency «Regnum»*], URL: <https://regnum.ru/news/1838520.html> (available: 17.12.2018). (In Russian)

Usmanova D. Sozdavaya nacional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov [Creating the national history of the Tatars: historiographical and intellectual debates at the turn of the century], *Ab Imperio*, 2003, 3, pp. 337–360. (In Russian)

Zverev A. 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography. In: *Secession, History and the Social Sciences*. Ed. by Coppieters B., Huysseune M. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002, pp. 69–87.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕСТНЫЕ ЭЛИТЫ

ПРЕДВЫБОРНЫЕ КОАЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРЯМЫХ ВЫБОРОВ В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ (РАЙОНЕ): ВЗГЛЯД В НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ¹

А.Е. Чирикова

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.9>

Аннотация: В центре предлагаемого анализа — особенности формирования предвыборных коалиций в условиях прямых выборов в двух малых российских городах и одном районе на Среднем Урале. Исследование проводилось несколько лет назад (2011–2013 гг.), что позволяет нам сегодня беспристрастно оценить, всегда ли прямые выборы являются демократическим инструментом на пути во власть. В ходе анализа были получены ответы на следующие вопросы: носили ли создаваемые коалиции формальный или неформальный характер? Были ли они вынужденными или добровольными и являлось ли создание коалиций необходимым инструментом победы кандидата на выборах? Основные коалиции, попавшие в поле исследова-

---

¹ В известном смысле предлагаемая статья о предвыборных коалициях — это взгляд в прошлое. Сегодня прямых выборов глав муниципалитетов и районов нет. Однако мы сочли возможным взглянуть назад, чтобы показать, сколько подводных камней имеет эта, на первый взгляд, демократичная модель выборов. При этом я остаюсь убежденной в том, что она все же лучше других избирательных практик, в частности «депутатской» модели выборов.

ния, — нетрадиционные коалиции, как правило, создаваемые с отдельными фигурами из бизнеса и областной власти.

Описание существующих практик создания предвыборных коалиций базируется на материалах глубинных интервью. Всего проведено 34 интервью с лидерами местной власти, ключевыми бизнес-игроками городского и районного уровней, экспертами.

Результаты исследования позволяют осторожно говорить о том, что не следует идеализировать прямые выборы. Умение включать неформальные ресурсы позволяло на протяжении нескольких лет «рисовать» нужные результаты или даже достигать их тем, кто был в них заинтересован, прикрываясь народным голосованием, которое реально добровольным было далеко не всегда. Сегодня, когда прямые выборы глав муниципальных образований и районов заменены на депутатское голосование из трех кандидатур, предложенных конкурсной комиссией, ситуация сильно не изменилась. Однако если сравнивать эти две модели, то прямые выборы все же требуют больших усилий для подтасовки результатов, что делает их более предпочтительными в сравнении с «депутатской» моделью.

Ключевые слова: прямые выборы, формальные и неформальные коалиции, взаимодействие кандидата с бизнес-структурами, вынужденные коалиции, прямые выборы, демократия.

ВВЕДЕНИЕ

Теория избирательных систем, несмотря на ее глубокую разработанность как в российской [Дегтярев 1998; Гельман 2013; Кинзерская 2008; Подвинцев 2007 и др.], так и в западной науках [Buchanan, Tullock 1962; Heywood 1997; Simon 1957; Williams 1985 и др.], отличается многообразием теоретических конструкций, которые могут лежать в ее основании. Именно поэтому различные определения избирательной системы могут различаться весьма существенно. Одни склонны интерпретировать ее в самом широком смысле. Например, как пишет петербургский политолог Ирина Кинзерская, «в широком смысле избирательная систем трактуется как синоним электоральной формулы — правила распределения мест в парламенте по результатам выборов и/или определения победителей в соответствующих округах» [Кинзерская 2008: 54].

Нельзя не признать, что это довольно широкое определение, использовать которое для проведения эмпирических исследований достаточно сложно.

Но есть и другое определение избирательной системы, предложенное В. Гельманом, которое в большей степени отображает реальные выборные процессы и позволяет взглянуть на них с позиций неонституциональной теории: избирательная система — это весь комплекс формальных и неформальных институтов (норм, правил, установлений), связанных с выборами [Гельман 2013: 45].

В самом общем виде неонституциональная теория позволяет опираться на принцип методологического индивидуализма, который признает реально действующими участниками социального процесса не только группы или организации, но и индивидов. Неонституциональный подход к политике, по мнению И.Л. Кинзерской (и с ней трудно не согласиться), по сути, пересматривает природу и правила взаимодействия между основными политическими акторами. Их мотивация и поведение рассматриваются с позиции «методологического индивидуализма», а любые общественные действия объясняются в терминах индивидуальной мотивации [Кинзерская 2008]. Для характеристики поведения акторов в рамках неонституционального анализа ключевыми являются понятия ограниченной рациональности и оппортунистического поведения [Simon 1957; Williamson 1985].

Оппортунистическое поведение определяется как «преследование собственного интереса, доходящее до вероломства» (self-interest seeking with guile), включая любые формы обмана или нарушения взятых на себя обязательств, для которых в неоклассической теории не находилось места. Именно этот подход мы намерены использовать в работе, так как он позволяет рассматривать поведение лидеров коалиций, учитывая мотивацию, особенности поведения, неформальные практики, которые нельзя признать легитимными, в тех или иных политических ситуациях.

Используя понятие «предвыборные коалиции», мы вслед за Олегом Подвинцевым, рассматриваем их как специфическую разновидность политических союзов, образуемых различными действующими в обществе силами в целях достижения власти или создания условий для воздействия на нее [Подвинцев 2007].

Толчком к их формированию может служить близость программных установок и идейно-ценностных платформ, общность, сходство или родство политической идентификации, совпадение интересов (включая наличие общего противника). Суть предвыборных коалиций, по мнению пермского политолога, заключается в согласованной поддержке кандидатов на выборные должности и совместном представлении их избирателям. Такие коалиции могут носить внутрипартийный, межпартийный и непартийный характер. Их участниками становятся отдельные лидеры, группы, организации и т.д. При создании предвыборных коалиций тактические цели участников политической борьбы особенно часто берут верх над стратегическими [Подвинцев 2007].

Фактически образование любой предвыборной коалиции, по мнению О. Подвинцева, влечет за собой как потерю, так и приобретение электората. Соотношение того и другого зависит от конкретного случая. В умении найти оптимальных партнеров, объединение с которыми сулит наибольшие электоральные приращения и наименьшие электоральные потери, во многом и состоит искусство образования предвыборных коалиций. При этом необходимо еще добиться, чтобы такое объединение, несмотря на неизбежную борьбу амбиций, стало реальностью, в том числе и в глазах избирателей.

В нашей работе предметом рассмотрения являются неформальные коалиции. Их анализ осуществлялся на примере городов Среднего Урала. Они носили как формальный, так и неформальный характер, были вынужденными или добровольными. Важно, что рассматриваемые коалиции не являлись традиционными, так как создавались не с отдельными партиями ради получения голосов избирателей, а с отдельными фигурами из бизнеса и областной власти. Это не исключает существования межпартийных коалиций, но в условиях малого города они не просматривались.

Описание существующих практик создания предвыборных коалиций базируется на материалах глубинных интервью, проведенных в нескольких малых городах в разных российских регионах. В статье они анализируются на примере двух городов и одного района, прилегающего к одному из малых городов. Всего проведе-

но 34 интервью с лидерами местной власти, ключевыми бизнес-игроками городского и районного уровней, экспертами. Исследование проводилось в 2011–2013 гг.

Основной вопрос выборного процесса в малых городах: где достать деньги на выборы? В малых российских городах претенденты на власть, как правило, не располагают должными личными финансовыми ресурсами для проведения избирательной кампании. Именно поэтому они вынуждены договариваться с теми влиятельными фигурами, кто заинтересован в их попадании на лидирующие позиции во власти. Не вызывает сомнения, что в подобном случае кандидат должен обладать определенным личным влиянием в соответствующих кругах, быть договороспособным, уметь держать обещания и не мешать влиятельным лицам достигать поставленных целей.

Как правило, заинтересованными лицами в прохождении той или иной фигуры на руководящий политический пост становятся те, кто сами обладают репутационным, административным, финансовым или силовым ресурсами. Комбинация этих ресурсов в конце концов и предопределяет ход, а иногда и результат предвыборной кампании.

По оценкам экспертов, стоимость предвыборной кампании на пост главы в малом городе составляла в момент исследования от 30–40 млн руб. Это немалые деньги для местного бизнеса, поэтому только собственными средствами кандидат обойтись не может. Не исключается, что какую-то часть финансового ресурса он отдает сам. Однако нехватка денег толкает будущего главу на поиск средств на избирательную кампанию, что нередко сопровождается формированием предвыборных коалиций. Как правило, именно наличие денег предопределяет появление определенных фигур в коалициях. Формально подобные коалиции носят *добровольный характер*. Претендент на власть консолидирует деньги или административный ресурс от заинтересованной части городских элит. В состав предвыборных коалиций в таком случае входят бизнесмены, заинтересованные в попадании во власть той или иной фигуры и располагающие необходимыми финансовыми ресурсами или авторитетом, позволяющим им мобилизовать голосование как мини-

мум своих работников. В отдельных случаях членами предвыборной коалиции могут стать представители областной и городской власти, обладающие необходимыми административными ресурсами, без которых не обходится ни одна избирательная кампания.

Иногда в ходе предвыборных коалиций используется репутационный, силовой, информационный и другие виды ресурсов, которые, помимо финансов, могут обеспечить успех в предвыборной борьбе. Иногда таким ресурсом может быть хорошая команда политтехнологов и высокая мотивация кандидата, тем не менее величина финансового и административного ресурсов нередко становится определяющей. В некоторых случаях финансовые ресурсы поступают в обмен на силовое давление или представляют собой результат обменной сделки «ты мне — я тебе», которую впоследствии выигравший кандидат вынужден оплачивать местами в команде или особыми преференциями для лиц, помогших попасть во властные коридоры.

Наиболее выигрышный вариант, когда кандидат имеет поддержку у лиц, располагающих разными видами ресурсов, и может их мобилизовать в момент предвыборной борьбы. По крайней мере именно такой вывод можно сделать применительно к двум исследованным городам и районам, практики которых мы опишем более подробно.

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕДВЫБОРНЫЕ КОАЛИЦИИ В ГОРОДЕ X И ПРИЛЕГАЮЩЕМ РАЙОНЕ В: ВЫБОРЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В двух обследованных городах именно глава администрации города X в ожесточенной борьбе с прежним мэром смог мобилизовать разного рода ресурсы и победить своего соперника, несмотря на прошлое поражение, когда он не смог достичь цели на предыдущих выборах.

Оценивая ход предвыборной борьбы, основной соперник нынешнего главы администрации, прежний мэр, убежден, что победа над ним вряд ли бы состоялась, *«если бы не негласные договоренности его соперника с силовиками и представителями бизнеса»*.

Важно, что созданная коалиция претендента с силовиками, которые путем давления на бизнес обеспечили формирование для претендента *вынужденной коалиции с малым и средним бизнесом* в своем городе, гарантировала ему, вкупе с другими факторами, победу на выборах.

Механизм привлечения силовиков в предвыборную борьбу был достаточно прост: помощь в запугивании предпринимателей, получение от них денег в обмен на ключевые посты в будущей команде главы. Это давно апробированная и не всегда хорошо работающая схема в данном случае оказалась весьма действенной. По крайней мере именно так считал вечный оппонент действующего главы администрации — прежний мэр: *«Самая сильная коалиция, которая была у моего противника на выборах и после них, — это его коалиция с силовиками. Это был его самый сильный ресурс до выборов и на выборах. Существует в городе малый бизнес. Таких предпринимателей в городе немало. И у каждого из предпринимателей есть 5–8–10 человек подчиненных, которые зависят от этого предпринимателя. Образуется своеобразная пирамидка. Как только верхушку этой пирамидки силовым методом поджимаешь, то остальная часть пирамиды тоже начинает сжиматься. Силовым методом на выборах был использован на полную катушку. Все было понятно, в результате все места в команде были распределены. И все гарантии были даны. Поэтому милиция и ее начальники работали по полной на победу нынешнего главы»,* — замечает в своем интервью бывший глава.

Описывая методы, с помощью которых сложившаяся коалиция добивалась победы своего кандидата, бывший мэр не жалеет черных красок, однако проверить достоверность такой картины достаточно сложно: *«В последние две недели они действовали по принципу абсолютного безобразия... Если оценивать это с точки зрения моральных устоев и человеческих отношений. Было так — руководитель собирал рядовых полицейских и говорил им, если мы побеждаем, то вы получаете тройную премию... Я это достоверно знаю, потому что с полицией у меня достаточно хорошие отношения. Сами полицейские убеждали меня в том, что помогли, потому что на 100 % были уверены в моей победе, а начальству помога-*

ли, чтобы не ссориться. Так что силовой механизм был использован по полной. Это позволило на день выборов ему расколоть сообщество под названием предприниматели. И очень серьезно. Многие из них быстро ушли в тень. Спрятались под листочек. Иногда по принуждению демонстрируя лояльность к существующей власти. Прекрасно понимая, что это может грозить им потерей бизнеса, возбуждением дела и др. Надо понимать, что любой предприниматель сегодня при желании может быть привлечен к ответственности».

Давление на предпринимателей привело к тому, что «они раскололи ассоциацию, раскололи единую команду... И только те руководители организаций и предприятий, которые чувствовали себя относительно свободно, у которых была более сильная крыша, до конца прошли со мной», — с горечью вспоминает бывший мэр.

С подобной версией, однако, не согласен бывший руководитель УВД, а ныне первый заместитель главы администрации в команде нынешнего руководителя исполнительной власти: «Когда началась избирательная компания, то меня поливали грязью, как хотели, в том числе и СМИ... Изначально прежний мэр посчитал, что я участвую в выборах на стороне нынешнего главы администрации города... Хотя я всегда держался служебной позиции. Я сказал своим ребятам, если нарушает правила претендент, привлекаем его, если действующий мэр, тоже никаких поблажек».

Позиции первого зама противостоит бывший заместитель председателя городской думы, а сегодня — известная журналистка, участвующая в компании действующего главы против бывшего: «Силовики есть силовики. Они были на стороне действующего сегодня главы администрации. У него сложились, плюс к этому, достаточно хорошие отношения с прокурором. Силовики все были наши. У нашего бизнеса много грехов, так что сами понимаете, откуда пришла часть денег... Силовики вполне спокойно на них надавили... Силовики запрессовать кого хочешь могут. <...> Ведь бизнес у нас во многом имеет криминальные корни. А у силовиков вся информация. Это сыграло большую роль в подавлении неугодных. <...> Так что заплатить определенную сумму было дешевле, чем им противостоять. А теперь они в команде у главы администрации».

Не менее серьезными, но добровольными членами предвыборной коалиции, по мнению некоторых представителей городской

элиты, были также нефтяные компании, обслуживающие «Лукойл», хотя сам «Лукойл» в выборах местного уровня предположительно участия не принимал: *«Я думаю, что нефтяники играли в две корзины. У нас здесь четыре нефтяные компании, в том числе “Лукойл”, который работает в районе. Три из этих нефтяных компаний помельче, и поскромнее “Лукойла”, но вместе с тем с хорошими финансовыми ресурсами. Они представляют собой сервисные службы. Вот именно они и поддержали действующего сегодня главу администрации»,* — считает один из экспертов.

По оценкам респондентов, в победу действующего мэра внесли вклад и областные бизнесмены, имеющие свой теплоэнергетический бизнес на территории города и района X, который как нельзя лучше описывается широко известной моделью торга. В качестве возможных фигурантов предвыборной коалиции выступал лидер фракции «Справедливая Россия» в областном законодательном собрании.

Несмотря на то что на этом участии настаивает бывший мэр, явно заинтересованное лицо, тем не менее кому как не ему знать, как складываются коалиции между местной властью и крупным бизнесом: *«Важную роль в предвыборной кампании действующего главы сыграл известный областной предприниматель, который у нас занимается коммунальными услугами. Начну с истории. В 2003 г. бывший глава передал все наши сети в долгосрочную аренду предпринимателю. С правом приватизации. Комплекс стоил тогда 78 млн рублей. Он передал также энергосети и начал процесс передачи водоканала на тех же условиях. Я в течение года отобрал водоканал обратно, потом я отобрал у КЭС энергосети... На третьем этапе я уже судился в течение трех лет с “Энергосервисом” по поводу котельных и сетей. На это ушло почти четыре года. Часть их я отсудить успел... а часть не успел... Потихонечку они захватили весь теплоэнергетический сервис на территории области. Когда пришли выборы, то предприниматель мне предложил: “Прекрати с нами судиться... Пусти это на самотек... Мы сами все сделаем законно, у тебя не будет неприятностей. Это первое условие. Второе условие. Если ты хочешь получить от нас деньги для проведения предвыборной кампании, мы тебе поможем. Но возьми*

субсидиарную ответственность за население». Что такое субсидиарная ответственность? Это долги, которые есть у населения перед тепловиками... Если что, то эти долги будет оплачивать бюджет... А потом с населения нужно эти деньги выколачивать. По закону в этом нет нарушения. Я отказался взять субсидиарную ответственность. Я понимал, что если я деньги из бюджета отдам, то все равно я должен буду их компенсировать, иначе это будет нецелевое использование денег. А компенсировать я их могу, выколачивая деньги с должников. Я буду ссориться со всем населением. Долги населения тогда составляли около 21 млн. Это очень хороший кусок. Я сказал нет. Это нормальная ситуация для бизнеса — торговаться с властью... Я поступил политически неверно. И тогда пошли переговоры с другим претендентом».

По версии бывшего мэра, другой претендент оказался более сговорчивым и получил необходимые деньги на избирательную кампанию, чем вкупе с другими факторами обеспечил себе победу.

В силу того, что претендент на позицию главы администрации в момент выборов был руководителем крупной строительной компании, не исключено, как считают эксперты, что и они вложили свои деньги в продвижении его во власть за будущие дивиденды: «Глава и его жена являлись бизнесменами строительного толка на протяжении многих лет. Они всегда очень болезненно воспринимали тот факт, что на рынок строительных услуг попадают какие-то иные строительные компании, с которыми следует конкурировать за ресурс. Это отбирало у них тот самый жирный кусок, который был им нужен. Они были готовы на любые ходы, чтобы не допускать сюда конкурирующий строительный бизнес. Только компаниям из города Перми они делали исключение. Другие строительные компании он и сейчас сюда не пускает. В выборной кампании принимала участие одна из строительных компаний. Она оказывала помощь главе в финансовом плане. Эта компания была заинтересована в строительстве двух домов в районе вокзала. Там были свои договоренности», — замечает в своем интервью хорошо информированный представитель местной элиты.

Важным для победы оказался и правильно привлеченный репутационный ресурс уважаемых в городе руководителей, которые

сумели продемонстрировать свое отношение к кандидату через специально подготовленный видеоролик: *«Большую роль на выборах сыграл видеоролик с участием уважаемых людей. В видеоролике прогуливались по городу директора заводов, депутат, директор школы, одной из самых крупных в городе. Люди хорошо известные и уважаемые. У каждого из участников был свой репутационный ресурс. Каждого из них кто-то уважал. Этот ролик сыграл позитивную роль в избрании главы... Эти люди до сих пор по разным мотивам так или иначе, слабее или сильнее, поддерживают главу».*

Вообще тот факт, что телевизионщики и представители СМИ оказались на стороне будущего главы администрации, сыграл не менее важную роль, чем привлеченные финансовые ресурсы: *«Я могу сказать, что действующий глава выиграл выборы благодаря газете, где публиковались материалы против прежнего главы. Его легко было критиковать. У него сын бизнесмен. И сам он не русский. Это все делала редактор газеты. Ее вклад в победу нынешнего главы очень большой. Она выжала из газеты максимум того, что можно было выжать»*, — убежден руководитель аппарата районной администрации.

Немалую роль в походе претендента во власть сыграл его бывший проигрыш и сильное желание доказать всем, что он может выборы выигрывать: *«Для него было очень важно выиграть эти выборы... не потому, что он с помощью места хотел получить какие-то доходы... Ему надо было выиграть их обязательно, поскольку раньше он проиграл. Но дополнительные потоки, получаемые с помощью власти, у него есть. Их не может не быть. Я не могу представить себе главу любого муниципалитета в России, который бы не воспользовался своей властью. Разница в одном: для кого-то это самоцель, а для кого-то нет. Выборы вещь дорогая. Выборная кампания у ныне действующего главы была недешевая...»* — продолжает свои размышления глава аппарата.

Значимой оказалась и поддержка семьи, что, однако, не отменило необходимости расплачиваться с коалициями за помощь в выборах: *«Глава администрации не белый и не пушистый. Если ты избрался во власть, значит, ты все равно отработываешь долги. Безусловно, у него были личные вложения... У его супруги дикие ам-*

биции... которая готова заплатить любую цену за то, чтобы он пришел к власти... Но без помощи бизнеса ни один глава администрации сегодня не может победить. Потом он должен расплатиться, если он нарушает обещания, то в город приходит война. Слава богу, что глава свои обещания не нарушает», — размышляет в своем интервью один из информантов.

Называя конкретные силовые институты и конкретных фигур, входящих в коалицию, элиты, впрочем, не забывают напомнить, что цена такой коалиции оказалась для главы администрации города достаточно высокой: *«В городе раньше была сильная коалиция силовиков. Ее возглавлял начальник УВД. Он сейчас в команде работает первым замом, так как ушел из силовых структур на пенсию. Им была создана мощная коалиция: прокуратура, ФСБ, начальники трех колоний. Это была слаженная команда, которая очень помогла главе на выборах. Очень. Если ты имеешь на своей стороне силовые структуры, то ты с большой долей вероятности победишь»*, — считает заместитель главы по социальным вопросам.

Однако жизнь этой коалиции была недолгой. Уход определенных фигур со своих руководящих постов способствовал тому, что старая коалиция, объединенная желанием победы на выборах, распалась, а новая пока не была создана. Это наглядно свидетельствует о том, насколько подобные коалиции держатся на конкретных договоренностях конкретных фигур, а не являются устойчивыми политическими институтами. Достижение целей, ради которых создается коалиция, приводит к ее развалу, особенно если достигнутая цель не сменяется другой: *«Коалиция с силовиками начинает распадаться. К тому же уезжает прокурор... И руководитель ФСБ тоже уезжает. Приезжает новый прокурор. На этом фоне коалиция фактически распадается. Новый начальник УВД — человек весьма нейтральный. Ему вообще ничего в этой жизни не надо. Он ничего не хочет вокруг себя создавать. Он их не объединяет. В результате они разошлись, каждый сам по себе. Так что сегодня силовики уже не составляют одной коалиции. Они распылены»*.

По мнению элит, расплата за помощь коалиции может быть весьма высокой. Недаром же главе города пришлось поделиться местами в команде для членов коалиции, и не только ими: *«Всякая*

помощь на выборах требует расплаты. Неслучайно в этом случае в ход идет все. В случае с бизнесом — это лицензии, подряды на строительные работы. В случае с силовиками — это места в команде с руководящими и влиятельными должностями. Все хрестоматийно, все предсказуемо», — убеждена одна из наших информанток.

Сам первый зам с концепцией «награды за выборы» абсолютно не согласен и интерпретирует свою помощь нынешнему главе как вполне нормальный возврат долга за помощь главы полиции во время депутатской деятельности: *«Не знаю, вряд ли мое назначение можно толковать как отдачу долгов за выборы. Глава не всех взял, кто был. Глава, будучи депутатом, еще до избрания главой, многие вопросы по полиции проталкивал. Это льготы и так далее... У бывшей местной власти эти вопросы не находили понимания, не знаю почему. Придешь, попросишь — нет. Придешь, попросишь — нет. Так что система отношений до этого у нас сложилась, потому я и пришел в команду после ухода на пенсию».*

Создание силовой коалиции с исполнительной властью естественно вызывает не очень приятные ассоциации, связанные с вседозволенностью полицейских начальников, но все же нельзя не признать, что как инструмент для достижения власти она работает весьма успешно.

На примере города Х можно заключить, что предвыборные коалиции — необходимый атрибут предвыборной кампании, причем, чем больше акторов из разных секторов удастся в них привлечь, тем лучше получается результат.

В качестве еще одного союза представители элиты называют коалицию главы администрации района В с главами сельских поселений, которые объединены в Совет глав сельских поселений, включающий в себя 19 поселений. Наиболее заметно эта коалиция действовала в момент избрания главы администрации района, что позволяет некоторым экспертам говорить о то, что *«главу администрации района фактически выбрали главы сельских поселений».* Видимо, природа подобной коалиции совсем неслучайна, потому что до того как стать главой администрации района, он действительно избирался и работал на должности главы поселения два срока. Кроме того, он был председателем Совета глав поселений, которые, предположительно, и делегировали его на эту должность.

Несмотря на то что подобная коалиция кандидата не сулила ему экономической выгоды, политические дивиденды от созданной коалиции глава администрации района все же получил. Отсюда вывод — создание коалиции может приносить не только ощутимую материальную выгоду, но и позволяет наращивать репутационный ресурс, который впоследствии может быть обменен на политические дивиденды.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕДВЫБОРНЫЕ КОАЛИЦИИ В МОНОГОРОДЕ У И ПРИЛЕГАЮЩЕМ РАЙОНЕ N: ПУТЬ В ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ

В городе У спектр предвыборных коалиций выглядит намного беднее, хотя и он свидетельствует о том, что победить в одиночку просто невозможно.

Основной остов сильной коалиции в У — это директор металлургического завода и глава администрации или лидер представительной власти в городе. Это неожиданная коалиция, так как она образована не с лидером исполнительной власти, а с главой города. Объяснение этому феномену простое. Глава города предыдущие восемь лет занимал пост мэра города и возглавлял исполнительную власть. Отдав свой пост совсем недавно новому сити-менеджеру, он продолжает оставаться лидером исполнительной власти, так как держит все политические и экономические процессы в своих руках.

В разные годы директор завода то вступал в предвыборную коалицию с мэром, позднее главой администрации города, то отказывался от нее, что зависело от нюансов отношений этих двух людей. В одном из случаев директор завода отказал в поддержке лидеру исполнительной власти, так как заподозрил его в создании коалиции с криминалом², и последний проиграл выборы. Но в лю-

---

² Вопрос о возможности создании коалиций с криминалом при выборе мэров или глав администраций весьма важен. Наши эмпирические исследования, проведенные в разные годы, позволяют осторожно говорить о том, что такие коалиции существовали в середине 1990-х — начале 2000-х

бом случае тот, кому удавалось создать коалицию с заводом, неизменно выигрывал выборы. Но были и исключения. Наглядный пример — выборы главы районной администрации.

На прошедших выборах директор отказал в поддержке главе администрации района. По его версии, причина была проста — не сошлись в оценке возможностей кандидата на попадание в команду: *«Я так понимаю, что власть любого человека портит. Кого ни возьми... Меня возьми... наших лидеров, на которых молимся. Это ведь власть. Охота рулить... Охота ни от кого не зависеть. И начались конфликты. Между мной и главой администрации района из-за одного человека. Он его отказался взять на работу, а меня его неуправляемость разозлила».*

Версия директора металлургического завода, однако, подвергается сомнению предпринимателем, раньше работавшим главой администрации у главы города: *«Глава администрации района обижается на директора, потому что он его не поддержал на выборах. А почему не поддержал? Потому что политику главы администрации района формирует его окружение. Его команда, которая на самом деле забрала всю власть. Она просто хочет обогатиться за счет бюджета. Первый зам — организатор всех этих практик. А зам по правовым вопросам выступает юридическим обеспечением. Почему завод с ними не разбирается? Не пойман — не вор. У любого человека должен быть какой-то интерес во власти».*

Несмотря на отказ завода поддержать на выборах главу администрации района ему все же удалось победить.

По версии элит, на прошедших выборах завод поддерживал кандидатуру главы города, но благодаря усилиям руководителя избирательного штаба и его политтехнологической команды ныне действующий глава администрации района все же одержал на выборах долгожданную победу, в которую мало кто верил: *«Глава ад-*

годов. Не исключено, что они существуют и сегодня, однако убедительных данных, свидетельствующих о том, что *«криминал принес деньги на выборы»*, нам получить не удалось. Не исключено, что такие коалиции имеют место, но глубоко конспирированы, а потому не попадают в пул эмпирических данных.

министрации района на фоне главы города одержал просто сокрушительную победу. Почему? Потому что у главы администрации района работала высокопрофессиональная команда политтехнологов, которые знали, что надо делать и в какой момент что сказать. Они сделали на короткий срок бесплатный проезд для пенсионеров. Говорили, что это навсегда, хотя сами прекрасно сознавали, что этого не будет. Они народ просто купили. Политтехнологи научились сегодня манипулировать и использовать мелкую меркантильность населения в своих выборных целях. Людей не переделаешь, они такие, какие они есть. На сегодняшний день люди говорят: «Ах, выборы... Нам плевать на всех этих кандидатов. Мы будем с теми, кто нам сможет что-либо дать... Вот за того мы и проголосуем"... Дошло до того, дают тебе пакет, вот за него я и проголосую», — замечает известный оппонент главы администрации района и журналист.

Безусловно, победа была обеспечена не только политтехнологами. Главе штаба удалось на выборах главы администрации района сформировать необходимые предвыборные коалиции, участвующие в борьбе, например коалицию с главами сельских поселений. Хотя это не помешало главе администрации района уже через полгода после выборов начать с ними войну: «Когда он избирался и положение главы района было шатко, я сама предложила пресс-секретарю — надо главе района с нами собраться и поговорить в неформальной обстановке. Мы тогда ему очень помогли. Когда были нормальные взаимоотношения, то я всегда была на его стороне. После выборов все изменилось. Теперь на все стали смотреть через политические очки. Любое действие теперь рассматривается через политику. Заигрались все в эту политику. Ищут предателей, боятся, что я перебегу к главе города вместе с главами поселений. Нельзя что ли что-то делать по-человечески. Он бы с нами поговорил как раньше, и все бы уладилось, нет, они начали меня травить», — считает глава сельского поселения.

Высказанную позицию опального главы сельского поселения подтверждает эксперт, житель района, сегодня работающий в областной администрации: «Сам глава администрации района по оценкам близкого круга сильно поменялся. Теперь его не интересует

мнение сельских глав, а во время выборов он на них сильно опирался. Его ребята заболели тоже звездной болезнью. Они могут общаться только с теми, кто с ними соглашается. Некоторые говорят, что после победы они как с цепи сорвались. Более того, они стали еще более активно устанавливать коррупционные связи, которые уходят своими корнями в область».

И основной вопрос победы — деньги на предвыборную борьбу. По неофициальной информации, деньги на проведение предвыборной кампании удалось консолидировать первому заму, который смог успешно сформировать коалицию, предположительно, со строительным бизнесом, не без пользы для себя и для бизнеса. В качестве коалиционного игрока в данном случае выступила не местная, а областная фирма, строящая спортивно-оздоровительный комплекс в городе: *«Бюджет главы на выборах составляет около 2 млн рублей. Такая сумма разрешается. По неофициальным источникам, выборы главы администрации района стоили от 30 до 40 млн. Откуда мне известно? На первых выборах в 2008 г. работали заводские агитбригады и довели узнаваемость претендента до 80 %. Они его возили по всем деревням. Тогда было потрачено свыше 20 млн рублей. Здесь же еще был второй этап. Это стоило порядка 30 млн. Спортивно-оздоровительный комплекс давал на это деньги. Единоборство было серьезное. Так что требовались серьезные деньги»*, — замечает один из экспертов. Можно только догадываться, какие преференции были обещаны взамен на финансовую поддержку, но вряд ли стоит сомневаться в том, что бизнесмены сделали это далеко не безвозмездно.

Следующий пример — избрание главы администрации района N — также позволяет убедиться в том, что процесс создания предвыборных коалиций в малых городах и районах идет весьма активно. Одновременно на этом примере можно убедиться в том, что судьба предвыборных союзов может быть весьма различной — от полного исполнения предвыборных обещаний до их полного игнорирования. В этом случае предвыборные коалиции распадаются совсем или приобретают другого лидера. В результате уровень взаимного неприятия участников коалиции после выборов заметно возрастает.

В районе *N* коалиция главы администрации района с главами сельских поселений прибавила ему голосов избирателей. По крайней мере именно так считают сами главы поселений: «Мы много помогали главе администрации района на выборах. У нас складывались такие отношения с главой, что он всегда нас держал за своих... У нас же нет вертикали власти... как таковой. Нас не назначал глава администрации района. Мы с ним коллеги. Меня подкупало и поражало в главе района, что он всегда относился к своим подчиненным как к коллегам. Что случилось после выборов, я не понимаю... То мы были ему нужны, а теперь оказались не ко двору. Во время выборов от нас ждали поддержки, а после выборов с нами перестали считаться», — замечает опальный глава сельского поселения.

После прихода к власти избранного главы администрации района произошел распад предвыборной коалиции. Согласно озвучиваемым версиям, это не случайность. Поведение главы районной администрации в отношении глав поселений после победы на выборах резко изменилось. Он перестал учитывать их мнение при принятии важных решений и даже прибежал к прямым оскорблениям, причину которых главы поселений не могли понять. В результате они решили создать Совет глав поселений в ответ на унижения, которым они подвергались во время аппаратных совещаний. Районная администрация встретила подобный шаг в штывы, усмотрев за подобным действием скрытые мотивы: «Мы с главами решили создать Совет глав поселений. Случилось это тогда, когда в наших отношениях мы дошли до последней точки. Дело было так. Мы пришли на одну из аппаратных, вдруг глава при всех замах говорит: «Главам вообще нечем заняться? Приходите недовольные, вечно с какими-то проблемами? Вы сюда в гости приходите... Если бы я к губернатору прибежал с недовольным лицом и все время в проблемах... он бы меня вообще не слушал... Все встали и вышли из моего кабинета...» Главы поселений вышли оттуда как оплеванные, нас просто выкинули... Вот тогда мы и решили с советом окончательно: он нам нужен. В результате район начал нас сталкивать между собой. Этому дадим пряник, а этому не дадим. Они стали нас держать на бюджетной уздечке. Зачем? За тем, что разделяй и властвуй».

Сложившейся ситуацией моментально воспользовался глава города, решив перетянуть глав сельских поселений на свою сторону. Подобный шаг в сложившейся ситуации был достаточно дальновидным. Если бы начал реализовываться проект городского округа, который в то время широко обсуждался в городе и предполагал пересмотр центров влияния, то тогда остались бы не две, а одна властная команда, управлявшая и городом, и районом. Для того чтобы сохраниться во власти, главе была бы необходима лояльность глав сельских поселений для организации референдума по поводу присоединения района к городу³: *«Зачем городскому главе заигрывать с главами сельских поселений? Это, во-первых, его авторитет. Во-вторых, создание городского округа требует решения на уровне поселений. Так что главы ему нужны. Раз они ему нужны, он четко их к себе начал подтягивать. Организовал поездку в Выксу. Катал всех на теплоходе. И даже создал в городской администрации должность заместителя по ресурсам в сельских поселениях. Какие там ресурсы... Глава города понял, что ему под взаимодействие с территориями нужен свой человек»,* — убеждена, специалист из областной администрации.

Конечно, заигрывание глав сельских поселений с главой города было весьма негативно встречено в районной администрации: *«Мы собрали Совет глав в городской администрации. Нам это предложил глава города. Главы администрации района тогда не было в городе. Это было плохо воспринято районом. Почти как предательство. Глава города начал наступать на главу администрации района. Появилось досье по этому поводу. Завязалась новая война...»* — замечает одна из глав сельского поселения.

По оценкам городских элит, подобный вызов со стороны глав поселений возник совсем не случайно, а был ответом на неадекватные действия со стороны первого зама главы администрации рай-

---

³ Кстати, пересмотра центров влияния так и не произошло. Этот процесс затормозила областная администрация по просьбе губернатора после визита в область В.В. Путина, подписавшего постановление о господдержке металлургического завода при условии сохранения социальной и политической стабильности в моногороде.

она, который устроил внеочередную проверку глав сельского поселения: «В известном смысле глава администрации района потерял глав сельских поселений. Заговор против него возглавила одна из глав сельского поселения. На ее территории стал хозяйничать заместитель главы администрации, а она с этим не согласилась. Ее стали давить с помощью финансовой проверки. Она стала искать защиту у главы города. Собрала совет глав администраций районов в кабинете у главы города, чего глава района просто не смог пережить. Глава города к тому же послал нескольких глав районных администраций в Выксу, чтобы они там знакомились с проектом городского округа. Это опять взбесило главу района. Это очень напоминает бурю в стакане воды», — убеждена глава сельского поселения.

Затем война продолжилась с использованием всех возможных в этом случае средств, включая публичное порицание за неудовлетворительные результаты работы глав сельских поселений: «Мне заместитель главы администрации района сказал: на третий срок мы избираться не собираемся... Поэтому сейчас мы будем делать так, как мы считаем нужным. На каждом аппаратном совещании говорится о том, что главы не хотят работать. Да мы очень хотим работать, у нас просто денег нет. Например, собралось МЧС. Опять начинается: “Вы не хотите заниматься... пляжами, вы должны ими заниматься...” И каждая аппаратная превращается в заседание, где нас возят по столу. Это делается с позволения главы администрации района. Если раньше он мог осечь этих людей, давайте не будем, то сейчас он позволяет своим замам нас унижать. Каждого по-разному», — продолжает свои размышления глава сельского поселения.

Потеряв сельских глав, районный глава администрации остался практически в политическом одиночестве. Однако не все элиты видят в этом вину только главы администрации района. Во многом он сам является заложником ситуации и не может дать главам поселений тех денег, которые они от него ждут: «У глав поселений очень маленькие бюджеты. Глава администрации района здесь не виноват, а глава города при этом им все обещает. Главы поселений, у которых нет бюджета, готовы поверить кому угодно, кто скажет им: “Я дам вам денег”. Глава администрации района при этом

честно говорит: я не дам вам дополнительных денег, кроме тех, которые у нас есть. За мной образование, полиция, здравоохранение. Им тоже нужны деньги, вы в этой очереди не первые», — разъясняет ситуацию заместитель генерального директора местного телевидения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путь в исполнительную власть при прямых выборах еще до начала политической деятельности ее лидера предполагает умение кандидата и его штаба формировать коалиции для своей политической победы. Без подобного умения мобилизовать нужные ресурсы просто невозможно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что приход в исполнительную власть сопровождался еще несколько лет назад практикой организации коалиций, позволяющих расширить электоральную базу претендента. В ход шли любые инструменты, в том числе неформальные, ради достижения поставленной цели.

Следуя теории избирательных систем, вряд ли стоит забывать о формальных коалициях — типа межпартийных. Но все же нельзя не признать: исход выборов во многом определялся открытыми и скрытыми договоренностями элитных групп между собой, так как именно они позволяли консолидировать финансовые или административные ресурсы.

Тем не менее нельзя не признать: главенствующую роль в прямых выборах играли неформальные коалиции, административный ресурс и ресурсы СМИ. Чаще всего подобные коалиции складывались или с представителями бизнеса, или с руководителями областной администрации. В одном случае удавалось получить финансовую поддержку, в другом — заручиться поддержкой тех, кто во многом определял правила выборной игры. Ресурсы СМИ также были весьма важны, так как через них формировалось общественное мнение, а это было чрезвычайно важно в предвыборной и выборной ситуациях.

Важно, что выборы в городские округа, как правило, сопровождалось созданием коалиций с бизнесом, в том числе областным, а

выборы в районные администрации традиционно опирались на поддержку глав сельских поселений. В деревнях и селах ресурс авторитета играл не меньшую роль, чем деньги.

Обращает на себя внимание тот факт, что, создавая предвыборные коалиции, кандидаты стремились диверсифицировать свои усилия, поэтому в круг поддержки входило достаточно разных групп лиц, не всегда безвозмездно. Особенно успешными были коалиции с бизнесменами и авторитетными фигурами, имеющими влияние на общественное мнение. По истечении времени победивший кандидат вынужден был расплачиваться со своими коалициями, однако не всегда отдача предвыборных долгов происходила автоматически. В некоторых случаях новый лидер власти предпочитал о них забыть, и тогда события могли разворачиваться непредсказуемым образом. Как правило, такая коалиция либо распадалась, либо приобретала иного лидера, который использовал ее ресурс в своих целях. Восстановление коалиции, как правило, требовало не меньше усилий, чем ее создание, иногда она распадалась безвозвратно. Это еще раз свидетельствует о том, что важно уметь не только создать коалицию, но и обеспечить ее бесконфликтное существование после состоявшихся выборов и победы кандидата.

Полученные несколько лет назад эмпирические результаты и их последующий анализ позволяют осторожно говорить о том, что не следует идеализировать прямые выборы. Умение включать неформальные ресурсы позволяло на протяжении нескольких лет «рисовать» нужные результаты и даже достигать их тем, кто был в них заинтересован, прикрываясь народным голосованием, которое добровольным было далеко не всегда. Сегодня, когда прямые выборы глав муниципальных образований и районов заменены на депутатское голосование из трех кандидатур, предложенных конкурсной комиссией, ситуация не изменилась. Неформальные практики и договоренности, давление на депутатский корпус с целью получения нужного выбора продолжают доминировать в политических практиках выборов в малых городах и районах, а региональная власть постепенно и успешно учится достигать свои цели, используя депутатский корпус. Однако если сравнивать эти две модели, то прямые выборы все же требуют больших усилий для под-

тасовки результатов, что делает их более предпочтительными в сравнении с «депутатской» моделью.

Литература и источники

Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Дегтярев А.А. Основы политической теории. М: Высшая школа, 1998.
Кинзерская И.Л. Избирательная система как инструмент формирования общественного выбора: теоретические подходы и российская практика // Политическая экспертиза. Политэкс. 2008. Т. 4, № 2. С. 137–150.

Подвинцев О.Б. Предвыборные коалиции и механизмы их формирования // Подвинцев О.Б. Псефология: наука о выборах: учеб. пос. для студ. спец. «Политология». Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. С. 71–80.

Buchanan J., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Heywood A. Politics. L.: Macmillan Press LTD, 1997.

Simon H. A. Models of Man: Social and Rational. N.Y.: John Wiley & Sons, 1957.

Williamson O.E. The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting. N.Y.: Free Press, 1985.

PRE-ELECTION COALITIONS IN THE CONTEXT OF DIRECT ELECTIONS IN A SMALL RUSSIAN TOWN (DISTRICT): A LOOK INTO A RECENT PAST

A. Chirikova

Abstract. *The analysis focuses on the coalition-building in the election campaigns in two small Russian towns and one district in the Middle Urals. The research has been conducted in 2011–2013. This allows us to evaluate impartially whether the direct elections are democratic instruments or not. The study allows us to answer the following questions. Were coalitions formal or informal? Enforced or voluntary? Were the coalitions effective? The research focused on those coalitions that were built not with local party organizations but with local businessmen and representatives of the regional power structures. The research is based on 34 in-depth face-to-face interviews with local politicians, key local and regional business actors, and experts. The outcomes of study confirm that the direct elections should not be idealized. The ability to use informal resources allows their holders to achieve intended results while the voting was not always voluntary. Now the direct elections of local government heads are replaced by a deputy vote of the three candidates proposed by the competition commission. Although the situation has not changed significantly, direct elections are preferable, since they require a lot of effort to tamper with the results in comparison with the “deputy model”.*

Keywords: *direct elections, formal and informal coalitions, interaction of deputies with local businessmen, enforced coalitions, democracy.*

References

Buchanan J., Tullock G. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Degtyaryev A.A. *Osnovy politicheskoy teorii* [Fundamentals of political theory]. Moscow: Vysshaya shkola, 1998. (In Russian)

Gelman V.Ya. *Iz ognia da v polimia: rossiyskaya politika posle SSSR* [Out of the frying pan into the fire]. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2013. (In Russian)

Heywood A. *Politics*. London: Macmillan Press LTD, 1997.

Kinzerskaya I.L. Izbiratel'naya sistema kak instrument formirovaniya obshchestvennogo vibora: teoreticheskiye podhodi i rossiyskaya praktika [Electoral system as an instrument of social choice formation: theoretical approaches and Russian practice], *Politicheskaya ekspertiza. Politex*, 2008, 4 (2), pp. 137–150. (In Russian)

Podvintsev O.B. Predvyborniye koalitsii i mekhanismi ikh formirovaniya [Pre-election coalitions and mechanisms of their formation]. In: Podvintsev O.B. *Psefologiya: nauka o viborakh: uchebnoye posobiye dlia stud. spets. "Politologiya"*. Perm: Perm. gos. un-t, 2007, pp. 71–80. (In Russian)

Simon H. A. *Models of Man: Social and Rational*. New York: John Wiley & Sons, 1957.

Williamson O.E. *The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting*. New York: Free Press, 1985.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: МОТИВАЦИЯ АКТОРОВ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РЕГИОНАЛАМИ

А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.10>

Аннотация. *Статья написана по материалам эмпирического исследования власти в трех малых российских городах и двух районах, проведенного в 2011–2015 гг. и 2018 г. в трех регионах России. Анализ опирается на глубинные интервью с лидерами муниципальной и региональной власти. Было проведено 76 интервью в 2011–2015 гг. и 40 повторных интервью в 2018 г. в двух городах, вошедших в выборку.*

Исследование показало, что качество муниципальной власти и мотивация ее акторов имеет, по оценкам наших респондентов, преимущественно средние или низкие значения, что во многом обусловлено сложившейся системой стимулов, задаваемых федеральным центром и региональными элитами. Отсутствие инициативы и заинтересованности в активности «снизу» порождает исключительного исполнительский стиль повседневной деятельности региональных элит, а психология «ожидания помощи со стороны» усиливается в ситуации отсутствия финансовых ресурсов. Однако многообразие действующих паттернов взаимодействия муниципалов и регионалов позволяет утверждать, что попытка унификации управления территорий обречена на провал.

Ключевые слова: *муниципальные акторы, мотивация, региональные элиты, практики взаимодействия муниципалов и регионалов.*

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы функционирования муниципальной власти в российском контексте в 2000-е годы становятся все более актуальными. И этому есть вполне разумное объяснение. Бюджетных денег у федеральной власти становится все меньше, а число проблем все

больше. Однако старая парадигма, согласно которой все проблемы лежат только в плоскости недостатка финансов, сегодня нуждается в уточнении, хотя бы потому, что все большее число исследователей приходят к выводу, что не только наличие финансов определяет качество региональной и муниципальной власти [Региональные элиты... 2001; Чирикова, Ледяев 2017; Богданова 2018 и др.]. Немаловажную роль играют показатели социальной эффективности муниципальной элиты, которые, как правило, неоправданно завышаются, «чтобы соответствовать требованиям всех уровней власти».

Так, молодая исследовательница из Ростова-на-Дону, проведя эмпирическое исследование муниципальной элиты Южного федерального округа, весьма убедительно констатирует: «Для отчетности деятельности муниципальной элиты избираются параметры количественного характера... Они попадают в отчетность только в том случае, если позволяют варьировать цифрами таким образом, чтобы они свидетельствовали о наличии устойчивого, неизменного роста показателей, попадающих в источники официального учета. Предъявленные изъяны крайне негативно сказываются на всех аспектах деятельности муниципальной элиты: ухудшают профессионализм, деформируют ценности, мотивацию, приводя к безынициативности, мешают развитию политической корректности, способствуют закрытости и клановости элит» [Богданова 2018: 101].

Вопрос о мотивации акторов муниципальной власти редко рассматривается как социологами, так и политологами [Лапина, Чирикова 2004; Региональные элиты... 2001 и др.]. Тем не менее наши исследования, проведенные в разные годы, дают право утверждать, что муниципальная элита инертна, не честолюбива, довольствуется малым и склонна к подчинению региональным акторам, «дабы не быть наказанной» [Чирикова 2013; 2015].

Признавая множественность подходов к определению мотивации [Maslow 1954; Herzberg, Mausner, Snyderman 1959; Леонтьев 1971; Дьюсбери 1981; Хекхаузен 2001, 2003; Вилюнас 1990; Годфруа 1992; Ильин 2002 и др.], мы рассматриваем это понятие в узком смысле, присоединяясь к наиболее часто цитируемому определению мотивации, предложенному Л. Франко и соавторами: «Моти-

вация в контексте трудовой деятельности может быть определена как степень готовности человека проявлять и поддерживать усилия по достижению целей организации» [Franco, Bennett, Kanfer 2002]. Для муниципальных организаций эти цели связаны прежде всего с качеством и доступностью оказываемых услуг населению. Хорошо мотивированные работники, вероятно, будут предлагать более качественные услуги населению и тем самым улучшать опыт его обращения за помощью к структурам муниципальной власти. Если учитывать тот факт, что власть не только решает проблемы населения, но и обеспечивает политическое и экономическое управление территорией, то значение позитивной мотивации в этом случае возрастает многократно.

Второе направление анализа — отношения между муниципалитетами и регионалами — весьма противоречиво. В российской научной литературе показывается, что взаимоотношения губернаторов и мэров (сити-менеджеров) развивались на протяжении последних двадцати лет достаточно сложно. Для этих отношений было характерно нарастание конфликтов по оси «областная администрация — муниципалитет» [Афанасьев 1998; Гельман 2007; Мухаметов 2013; Сельцер 2014 и др.]. Чаще всего причиной конфликтов являлось личное отчуждение и борьба за распределение доходов. Как правило, эти конфликты возникали между губернаторами и городскими руководителями, которые недовольны тем, что губернаторы делают ставку на поддержку периферии и вмешиваются в распределение доходов в областных столицах.

Руслан Мухаметов, анализируя причины недовольства губернатора Э.Э. Росселя руководством Екатеринбурга, вполне убедительно выделяет три ключевых причины, помимо финансовых, приводящих к недовольству руководителя региона своим местным самоуправлением:

— излишняя самостоятельность и отсутствие пиетета перед государственной властью;

— неэффективность решений, принимаемых органами местного самоуправления.

— низкий уровень дисциплины в структурах местного самоуправления

В свою очередь, местное самоуправление недовольно вмешательством в свои дела и хотело бы больше самостоятельности.

Весьма часто конфликты из публичной сферы перемещаются в сферу непубличную, но от этого они не становятся менее острыми [Мухаметов 2013].

Весьма негативно уровень взаимоотношений, сложившихся между губернаторами и местным самоуправлением, фиксировал десять лет назад известный российский политолог Ростислав Туровский. По его мнению, в целом местное самоуправление как институт в 2000-х годах было эффективно подавлено финансово-экономическими методами. На должности мэров тогда оставались политики, готовые и способные претендовать на власть в целом регионе, однако это привело к росту политической напряженности, поэтому большинство руководителей городов занимали тогда оборонительную позицию, понимая ограниченность своих возможностей [Туровский 2013, 2015.]. По его мнению, конфликты между губернатором и мэром вызваны прежде всего недофинансированием и гражданской пассивностью. Более того, отношения между акторами регионального и муниципального уровней имеют асимметричный характер. Причина достаточно проста — губернаторы к настоящему времени обладают всеми возможными рычагами влияния на местное самоуправление, позволяющими использовать его в качестве политически зависимого актора, выполняющего ограниченный набор функций. С учетом информационной асимметрии контроль региональной власти над местным самоуправлением и его формализованная отчетность достаточно развиты для того, чтобы минимизировать возможности его собственной игры.

В своей более поздней работе Ростислав Туровский пишет, что «крупные игроки федерального масштаба стремятся вытеснить игроков местных, и в этом им нередко помогают губернаторы, которым, в свою очередь, нужны еще более управляемые мэры... Эта борьба нередко скрыта от глаз посторонних, возникает в ней и коррупционная составляющая. Отсюда интрига вокруг муниципальных руководителей имеет весьма сложный и многослойный характер, и ее не стоит сводить к выстраиванию только политической вертикали» [Туровский 2018: 49].

Конфликты между этими политическими фигурами не прекратились, именно поэтому, как считает Дмитрий Сельцер, «варяжский приход» в муниципальное руководство сегодня наиболее устраивает губернаторский корпус. В этой ситуации руководят в муниципалитетах не «хозяйственная номенклатура», не региональные бизнесмены и силовики, а любой варяг, близкий губернатору [Сельцер 2014].

Осознанно или неосознанно исследователи, описывая конфликты между губернатором и городским руководством, опираются на опыт противостояния этих двух структур власти на примере областных столиц, в то время как характер взаимоотношений между губернатором и руководством города может быть самым различным. Особенно если обратиться к практикам взаимодействия между губернатором и руководством малого города. Естественно, что ресурсы малых городов несопоставимы с ресурсами областных столиц. Как правило, «экономика» малых городов слаба и подчинена вышестоящим структурам, что может означать только одно — губернатор может быть и не заинтересован в выстраивании с ними политических и экономических отношений. Но может быть и наоборот: он может покровительствовать территории, исходя из экономической выгоды или политического интереса.

Какая из этих двух моделей предпочтительнее и какие еще модели взаимодействия между двумя акторами могут существовать, мы выясняли в процессе эмпирического исследования.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аналитические обобщения, приводимые в статье, строятся на материалах эмпирического исследования, выполненного с помощью техники глубинного интервью с муниципальными элитами и экспертами в пяти малых российских городах, двух районах в трех регионах: Пермском крае, Ивановской и Тамбовской областях. Всего проведено 76 интервью в 2011–2015 гг. и 40 повторных интервью в 2018 г. в двух городах, вошедших в выборку.

Метод интервью в исследовании использовался нами как наиболее адекватный в поисковых исследованиях, так как только пря-

мое и заинтересованное общение с респондентами в ряде случаев помогало им осознать собственные позиции по тем или иным вопросам.

Особенно важно, что именно метод интервью позволял проанализировать особенности мотивации изучаемых акторов региональной и городской политики.

Наши многочисленные исследования последних десятилетий, с использованием техники глубинного интервью, позволяют утверждать, что субъект вполне способен рефлексивно описать, какими стимулами побуждается его поведение, даже в том случае, если его мотивы носят не совсем одобряемый характер [Чирикова 2007, Шишкин, Темницкий, Чирикова 2008]. Безусловно, когда речь идет о социально-неприемлемых побудителях, степень открытости респондента существенно снижается. Хотя бы потому, что он не всегда до конца осознает направленность своего поведения. В том случае, если мотивация носит «разрешенный характер», степень ее приятия и последующего понимания имеет вполне приемлемый уровень, позволяющий делать заключения о том, что в мотивации субъекта меняется под воздействием тех или иных внутренних или внешних стимулов. Именно поэтому мы сочли возможным описать и проанализировать изменения в мотивации акторов, опираясь на их собственные оценки или оценки непосредственных руководителей.

Цели анализа. Эмпирическое исследование имело свои цели и включало достаточно широкий круг проблем: взаимодействие власти и бизнеса, конфигурация влиятельных акторов, взаимодействие муниципальных и региональных элит, коалиции власти и бизнеса и др.

В статье полученные материалы интервью рассматриваются под таким углом, чтобы:

- выявить комплекс проблем муниципальной власти в собственных оценках ее представителей;
- вскрыть мотивацию ее основных акторов;
- описать практики взаимодействия региональной и муниципальной власти в зависимости от городской специфики.

Нельзя сказать, что полученные материалы позволяют решить поставленные задачи целиком, однако они дают исследовательский

материал для «тонкой настройки гипотез» в будущих исследованиях такого сложного феномена, как российская власть.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ СТАРЫЕ, А РЕШЕНИЙ ПОКА НЕТ

Материалы проведенного исследования позволяют утверждать, что кризис уже привел к повышению нагрузки на муниципальную власть. Это значительно усложнит ее работу и в дальнейшем, если она не научится извлекать из него выгоду.

В худшем варианте кризис будет сопровождаться нарастанием уязвимости муниципальных элит, актуализацией их слабых мест: *«В кризисной ситуации мы тушим пожары»*, — восклицает один из представителей муниципальной власти. Как следствие, в условиях продолжающегося экономического кризиса еще более возрастет турбулентность муниципальных элит, а их горизонты планирования с известной долей вероятности еще более снизят свой масштаб: *«Как можно ориентироваться на развитие, когда ты спасаешься? Когда ты спасаешься от кризиса, когда ты в стрессе? Когда у тебя включена защитная реакция, ты не думаешь о развитии. Ты думаешь о том, как бы выжить... Сейчас муниципальная власть, и не только она, готова довольствоваться малым, а не искать что-то новое. Не потому что они плохие, а потому, что они люди»*, — убежден один из наших респондентов.

Правомерность подобного высказывания подтверждается и другими оценками, полученными от представителей муниципальной власти. Тем не менее основной проблемный вектор оценок муниципальной власти продолжает концентрироваться вокруг «слабости налоговой базы».

По мнению муниципальных и региональных элит, источники пополнения бюджета муниципалитетов следует менять. Одного НДФЛ явно недостаточно для реализации стратегии развития в муниципалитетах: *«Муниципалитеты находятся сейчас на грани без субсидий из вышестоящего бюджета. Они не то, что не могут развиваться, они уже и жить не могут. Выживают только за счет выравнивания бюджета муниципалитета»*. *«Мы сегодня муници-*

палитетам навешали столько обязанностей, а оставили им только НДСЛ. Больше жить им не на что. В результате идет раскардаш». Полученные оценки свидетельствуют о том, что для муниципальной элиты тема перераспределения налогов сегодня основная. Фактически муниципалитеты большую часть собираемых средств отдают в вышестоящие бюджеты, тратя оставшиеся ресурсы на выполнение соцобязательств и лишаясь возможности развиваться.

Правомерность подобных высказываний муниципальных элит вряд ли может быть оспорена. Действительно, влиять на федеральную политику по перераспределению налогов не под силу даже более влиятельным игрокам во власти, но именно поэтому муниципальная власть, порой без всякого на то основания, не замечает тех проблем, на которые она повлиять может, но не хочет тратить усилий, полагая, что из этого вряд ли что-либо получится.

Среди таких проблем, помимо финансовых, самими муниципальными элитами в интервью называются:

- отсутствие «скамейки запасных», слабый кадровый ресурс, эффект эмоционального выгорания у муниципальных служащих;
- инертность института муниципальной власти;
- низкая скорость принятия решений.

Эксперты к сформулированным проблемам института муниципальной власти добавляют:

- развитость неформальных практик;
- бюрократизацию;
- отсутствие инициативы, страх перемен;
- низкий уровень дисциплины.

Если о развитости неформальных практик муниципальные лидеры в своих интервью предпочитают умалчивать, то тема низкого уровня дисциплины, отсутствия инициативы вполне откровенно озвучивается: *«Я никогда не спешу исполнять указания, которые мне приходят с регионального уровня. Зачем спешить? Полежит недели две бумага в столе. А потом окажется, что ее и не надо исполнять. Вообще ненужных распоряжений поступает много... Если все исполнять, то жизни не хватит, а не только 8 часов рабочего времени»*, — замечает один из руководителей муниципальной власти.

С ним фактически солидарен и сити-менеджер одного из исследованных городов: *«Я уже сильно устал и думаю о том, как бы уйти. Но уйти не могу. На мне большая ответственность... Я заложник этой ситуации. Как я могу облегчить свою работу? Довольно просто: не следует исполнять все распоряжения, идущие сверху. Вот меня заставляли сокращать сельские школы, а я не стал... Представляете, сколько негодования сельчан я должен быть принять на себя... Нет, я себя пожалел... А через некоторое время оказалось, что я был прав, инициатива просто заглохла... Так что бежать впереди паровоза я не хочу... Зачем мне это, я хочу жить спокойно, а не выполнять невыполнимые обещания, идущие сверху».*

Перечень проблем, сформулированный как самими муниципалами, так и экспертами, позволяет убедиться в том, что у них нет иллюзий относительно муниципального института власти, тем не менее ее акторы выделяют в качестве проблемного пула те направления изменений, которые не зависят от них самих. В то же время таких проблем немало, но они не являются центральной повесткой дня местной власти.

Это позволяет сделать важный вывод — сегодня муниципальная власть сосредоточена на внешних факторах, усложняющих управление, и практически не предпринимает необходимых усилий для решения внутренних проблем института муниципальной власти. Более того, она не предпринимает или не может предпринять необходимых усилий для повышения эффективности взаимодействия с региональным уровнем власти, оставаясь послушным исполнителем инициатив, идущих сверху. Правда, нельзя не заметить, что муниципалы научились «затягивать исполнение распоряжений», будучи убежденными, что их не всегда стоит выполнять.

Можно предположить, что подобная ситуация неслучайна. В основе ее — феномен сниженной мотивации муниципальных руководителей, причина которого как эмоциональное выгорание, так и нежелание рисковать. В результате в муниципалитетах остро не хватает проектов, нацеленных на будущее, а региональная власть продолжает жаловаться на муниципалов, не переставая повторять: *«Они просто не хотят работать как надо».*

МОТИВАЦИЯ ВЛАСТНЫХ АКТОРОВ КАК АНТИДРАЙВЕР ДЛЯ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ

Материалы исследования дают основание утверждать, что мотивация не только служащих, но и руководителей муниципалитетов в малых городах достаточно слабая. Мотив удержания во власти присутствует, но другие мотиваторы, типа нацеленность на будущее или реализация долгосрочных проектов, являются практически не выраженными. При попытках в интервью ставить вопросы о внутренней мотивации, как правило, ответы на них лежат в «разрешенной и одобряемой плоскости»: *«мы работаем ради людей»*, *«хочется сделать для жителей как можно больше»*, *«если бы у нас были финансы»* и др. Одновременно состояние городского пространства, уровень удовлетворенности членов команд, их качественный состав позволяют убедиться в том, что именно выраженной мотивации, направленной на достижение общего блага, им не хватает.

Объясняя причины бездействия, некоторые из респондентов, расположившихся на высшей ступеньке муниципальной власти, убеждены: муниципальная власть мало на что может влиять, поэтому ее удел — маленькими шагами двигаться вперед, ни на что особо не рассчитывая. Ресурсы и возможности находятся у более сильных игроков, и с этим нельзя не считаться: *«Да, мы живем в удивительном пространстве, от этого никуда не деться, но наш подход — решать вопросы по мере поступления. Есть вопросы, на которые мы не можем влиять, поэтому на них и не стоит отвлекаться. Мы не можем повлиять на то, чтобы кредиты для бизнеса стали дешевле, я с этим ничего не могу поделать. Значит, я должен находить проекты с более коротким сроком реализации и, может быть, не такие масштабные, а лучше много мелких, чем один большой»*, — замечает в своем интервью глава одного из районов. Ориентация на локальные цели и короткий горизонт планирования, несмотря на все стратегические программы, ничуть не смущает респондента, потому что прыгнуть *«выше головы я все равно не могу»*.

Не только привычка думать «маленькими шагами» влияет на мотивацию руководителей. Не менее важную роль играет также

излишне жесткий контроль со стороны проверяющих структур, который, к сожалению, не улучшает, а ухудшает работу муниципальной власти, однозначно негативно влияя на мотивацию действующих акторов: *«Когда по любому поводу приходит “черная палата”, а потом прокурор, а потом уголовное дело, все это заставляет треста раз подумать, а надо ли что-то делать? Когда сидишь и ничего не делаешь — зарплату получаешь и хорошо, а так что-то сделал, потом тебе будет хуже»,* — убежден один из опрошенных сити-менеджеров.

Картину сниженной мотивации у акторов муниципальной власти подтверждает и вице-губернатор по внутренней политике одной из обследованных областей. Он убежден: смягчение контроля не приведет к повышению мотивационного уровня руководителей муниципалитетов и муниципальных служащих, хотя бы потому, что они к нему привыкли, и любые другие способы взаимодействия с ними рассматривают как следствие нерешительности вышестоящих руководителей: *«Мне говорят: надо дать полную самостоятельность муниципалитетам... Но оказывается, что муниципалитеты к этому абсолютно не готовы. Они жили при прежнем губернаторе в состоянии жесточайшего контроля. Контролировался каждый их чих. Они воспринимают новую модель управления не как возможность реализоваться, нормально поработать, они считают это нашей слабостью. Приходится с большой регулярностью устраивать порки, выгонять наиболее отличившихся... Внутренней мотивации им просто не хватает. Хотят, чтобы их кто-то подталкивал извне... Уровень глав, к сожалению, очень разный».*

На поставленный вопрос, а какие же они — главы, вице-губернатор региона дает весьма неутешительный ответ: *«Среди глав есть либо кормленщики, которые думают о том, как бы пожить, а вы потом думайте, как из этой ситуации выбраться, либо иждивенцы, которые думают, что они могут делать что угодно, потому что мы потом их должны вытаскивать...»*

Полученные исследовательские результаты позволяют говорить о том, что качественный состав муниципальных служащих нуждается в серьезном преобразовании. Обращает на себя внима-

ние тот факт, что даже в том случае, когда речь идет о лидерах муниципальной власти, нельзя утверждать, что уровень их мотивации позволяет им работать в полную силу. Это тем более относится к муниципальным командам, стимулов для хорошей работы у которых присутствует еще меньше. Это, однако, не означает, что среди муниципальных служащих нет лиц, способных добросовестно и ответственно выполнять свою работу, не считаясь ни со своим личным временем, ни с узким кругом возможностей муниципальной власти. Наши респонденты-регионалы в своих интервью замечают: *«Среди муниципалов много тех, кто трудится с утра до ночи, пытаясь выполнить все, что положено... Среди них есть профессионалы, которые болеют за свое дело... Но возможности у института муниципальной власти так малы... Даже хорошим профессионалам в муниципальной власти трудно развиваться. Столько рутины. А отчетность только растет. Причем никому не нужная отчетность, на которую люди тратят свою жизнь».*

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: РАЗНООБРАЗИЕ СОХРАНЯЕТСЯ

Констатируя состояние муниципальной власти в современной России, вряд ли кто-то усомнится в том, что качество муниципальной власти в большом числе случаев будет зависеть от характера отношений между муниципалами и регионалами. Тотальный контроль или намеренное невмешательство могут во многом предопределить вектор и эффективность подобных отношений.

Проведенное эмпирическое исследование дает основание утверждать, что практики подобного взаимодействия весьма разнообразны, но в подавляющем большинстве их нельзя назвать оптимальными для развития муниципалитетов.

Наиболее часто встречаемый тип взаимодействия между муниципалами и регионалами — это эпизодическое вмешательство.

В двух исследованных нами городах (X, Y) из пяти, а также в двух районах мы зафиксировали отсутствие устойчивого интереса губернатора и его команды к процессам, происходящим в этих

городах. Вмешательство губернатора и его команды в дела городов были несистемными и эпизодическими.

Прежде всего, об эпизодической модели взаимодействия можно говорить применительно к городам *X*, *Y* и районам *B* и *D*.

Выбранные для исследования города и районы являлись территориями-реципиентами. Это дало основания предполагать, что губернатор и его команда могли и не вмешиваться в городские и районные дела. Однако неясны были ответы на ряд ключевых вопросов: почему одни города интересны губернатору и его команде, а другие нет? Всегда ли это зависит от социально-экономической ситуации в городе и районе? Важнейшим фактором, определяющим роль губернатора в локальной политике, согласно данным исследования, оказались также характер взаимоотношений между ним и руководством города, соотношение их властных потенциалов и возможностей с точки зрения влияния друг на друга и на городскую политику. Попытаемся ответить на поставленные вопросы на примере городов *X* и *Y*.

С точки зрения губернаторского внимания, городу *X* «повезло»: губернатор и его команда играют важную роль в пространстве городской политики, несмотря на то что это внимание непостоянно. Объяснение существующего внимания к городу со стороны губернатора обычно сводится к тому, что город представляет собой своеобразную площадку для реализации региональных программ. Именно поэтому губернатор и представители его команды приезжают сюда относительно чаще, чем в другие города края.

Многими представителями элитного корпуса города подобный интерес со стороны края к территории воспринимается как вполне заслуженный, но явно недостаточный. Другие важные факторы, способствующие поддержанию пусть эпизодического интереса региональной власти к *X*, — стабильность политической ситуации и умение главы администрации города выстраивать оптимальные формы коммуникации с руководством региона. Тем не менее представители местных СМИ оценивают интерес к территории со стороны губернатора как явно недостаточный. По мнению наших респондентов, губернаторская помощь приходит в город не по расписанию, а в сильной степени зависит от лоббистских

возможностей главы администрации города, которому приходится учитывать массу нюансов: *«Я бы сказал, что ходить к губернатору и просить деньги сверх положенного не имеет смысла. Дорога к губернатору у нас не закрыта. Но это не означает, что по ней можно ходить так часто, как хочется. Следует всегда учитывать позицию противоположной стороны».*

Насколько паритетны/асимметричны отношения между городом и краем? Велико ли давление региональной власти на руководство города? Глава администрации X утверждает, что лично он никакого давления не испытывает. Однако люди, находящиеся в его близком окружении, оценивают ситуацию совершенно иначе: *«Я считаю, что все, что можно, у [городской] власти отобрали... Если глава администрации приезжает и заявляет: “Давайте будем делать так, как они хотят”. <...> Почему, я его спрашиваю, ты что, возмутиться не мог? Он отвечает: “А мне так сказали... Если я не сделаю, то останусь без денег из края” <...> Вот вам и вертикаль власти... Причем глава администрации четко понял эту вертикаль, он смог в нее встроиться. Но он на коротком поводке»,* — замечает один из хорошо информированных респондентов.

Подобные высказывания дают основания для предположения, что, несмотря на эпизодическое вмешательство, данная практика содержит все ключевые особенности модели властной вертикали, когда ресурсы главы администрации города совсем не велики и он вынужден подчиняться почти всем сигналам, идущим сверху.

Таким образом, практики взаимодействия региональной власти и властей X позволяют заключить, что в этом пространстве формальные правила существуют и именно они задают основные параметры взаимодействия. Но они используются избирательно — в зависимости от личного отношения к главе, от политической ситуации в городе, от уровня протестных настроений и другого — и пересекаются с различными неформальными нормами и правилами, также определяющими характер взаимодействия этих двух институтов власти.

Отношения, складывающиеся в Y, также можно описать с помощью практики эпизодического вмешательства, хотя она заметно отличается от X, хотя бы потому, что это моногород. Моногород со

своими проблемами мало интересовал губернатора и его команду: он не был в нем более восьми лет. Ситуация поменялась, когда в город должен был приехать В. Путин для обсуждения ситуации на градообразующем предприятии с руководством края. В результате заводу были гарантированы средства на проведение широкомасштабной модернизации.

Отсутствие интереса губернатора к территории подтверждают и наши информанты. Некоторые считают, что *«любая высшая власть в России далека от малых городов»*. Другие полагают, что губернатор просто не хочет заниматься территориями: *«Губернатор, он в крае сидит, а территория далеко простирается... Он может влиять на общие политические процессы, я имею в виду выборы. Влиять лично на местные процессы он не хочет, у него есть свои люди, которые решают вопросы территорий»*, — замечает один из информантов.

Представители бизнеса также свидетельствуют о том, что ни федеральная, ни региональная власть не проявляют к ним должного интереса, и знают почему: объемы денег, которые циркулируют в городе, резко отличаются от тех, которые могут быть интересны областным игрокам. Глава города связывает сложившуюся ситуацию с собственной самостоятельностью, позволяющей обходиться без опеки сверху. Но большинство информантов не только не разделяют такого объяснения, но и уверены, что отсутствие интереса губернатора к территории связано скорее с личностными и статусными характеристиками главы города.

Низкая заинтересованность в выстраивании связей с региональной властью со стороны городских властей и «осторожная инициативность местных руководителей» обусловлены в первую очередь спецификой моногорода, где особыми политическими, социальными и экономическими ресурсами обладает градообразующее предприятие, к которому часто вместо губернатора апеллируют руководители городской и районной власти в спорных случаях. Тем самым отдельные функции краевой администрации, касающиеся влияния на ситуацию в городе и районе, берет на себя руководство завода. Однако не следует думать, что при наличии сильного экономического игрока в лице градообразующего предприятия

краевая администрация не в силах перестроить локальное политическое и экономическое пространство «под себя».

Район В также характеризуется сложными отношениями с региональной властью, которые в период, предшествующий исследованию, вполне могли быть описаны с помощью практики эпизодического вмешательства, но на момент исследования преобразовались в уже знакомую модель «властной вертикали».

Период, о котором идет речь, начался с конфликта вокруг проекта прокладки рассолопровода для добычи соли. Руководитель районной администрации был категорически против проекта, поскольку он (таково заключение экспертной комиссии) нарушал экологию территории¹. Однако проект лоббировала влиятельная компания, имевшая связи в федеральном центре и заручившаяся его поддержкой, с которой открыто выступил представитель Президента РФ в регионе. Поэтому районная администрация решила привлечь на свою сторону жителей территории, начав активную пропагандистскую кампанию и готовя референдум по данному вопросу, полагая, что население ее поддержит.

Однако референдум так и не был проведен, поскольку его фактически запретили власти региона². А на состоявшемся в областной столице совещании с участием руководителей региона и полномочного представителя Президента РФ руководителя районной администрации, выступившего против проекта, жестко отчитали и предложили оставить свой пост. Региональная власть фактиче-

---

¹ Респонденты называли и иные (коммерческие) причины нежелания главы районной администрации поддержать проект. Но для нашего анализа прояснение истинных мотивов особого значения не имеет.

² Один из политтехнологов, приглашенных для организации референдума, объяснил ситуацию следующим образом: *«В результате на всех строителей резко наехали... Ребята, вы что, какой референдум, давайте отменяйте... Какая-то тетка, которая была две недели как прописана в районе и работала в той самой компании, написала заявление, что референдум нарушает ее права... Суд признал ее правой... На них снова наехали, чтобы они не подавали апелляцию... Они на это согласились... Все свертываем, никакого референдума».*

ски встала на сторону представителя Президента (хотя до совещания на словах поддержала районного сити-менеджера) и далее выступала против него. Именно этот момент стал показательным в плане реакции обеих районных ветвей власти на вмешательство извне. Земское собрание два раза отклоняло решение о снятии руководителя районной администрации со своей должности, несмотря на сильное давление сверху. Здесь представители обеих ветвей действовали как единая команда.

Кончилось, однако, все традиционно: с третьей попытки негодный наверху руководитель районной администрации был снят.

Как получилось так, что депутаты Земского собрания, привыкшие голосовать «как надо», вдруг взбунтовались, забыв о привычном послушании? Кого они защищали — опального главу, свое право на собственное мнение или интересы жителей района?

Объяснения респондентов заметно различались. Наиболее естественное: Земское собрание проголосовало против, поскольку с депутатами была проведена определенная работа. Другие респонденты также подчеркивают, что значимую роль в сплочении районной административно-политической элиты сыграла заместитель руководителя администрации, которая очень активно поддерживала своего руководителя. С этой точки зрения можно говорить о том, что депутаты Земского собрания (районная легислатура) находились под влиянием исполнительной власти. Однако нам такое объяснение представляется недостаточным.

Другое объяснение состоит в том, что люди, олицетворявшие районную власть — депутаты, председатель Земского собрания, глава администрации района, ощущали себя единой командой, поскольку избирались вместе и были подобраны бывшим главой районной администрации. Они восприняли сложившуюся ситуацию как разрушение команды.

Наконец, сопротивление районной политико-административной элиты командам сверху можно интерпретировать и как их *протест против нарушения правил игры*.

Несмотря на то что фронда была недолгой, события в В убедительно доказывают: с ситуацией на местах нельзя не считаться, даже если районные руководители выглядят маленькими и неком-

петентными, а легислатура — карманной. В ином случае послушание может перерасти в протест: депутаты отважились на свободный выбор, и ранее вполне покладистое Земское собрание приобрело субъектность.

Характер отношений, складывающийся между региональной и районной властью в *D*, также вполне может быть описан с помощью паттерна эпизодического вмешательства. Отличительной особенностью этих отношений являлся тот факт, что взаимодействие между губернатором и его командой, с одной стороны, и районной властью — с другой, опиралось не на усилия самого главы администрации района, а осуществлялось двумя его заместителями — по финансовым и юридическим вопросам. Этот факт свидетельствует, скорее всего, о том, что между главой администрации района и губернатором (командой) не сложилось рабочих отношений, которые бы были интересны обоим.

Взаимоотношения между региональной властью и властями *X*, *Y*, *B* и *D* можно назвать «эпизодическим вмешательством»: губернатор, если и появляется в пространстве городской политики, то в основном для оказания помощи городу в формировании позитивного имиджа и решения назревших проблем, с которыми город не в состоянии справиться своими силами. Иницируют это вмешательство обычно местные власти, которые понимают, что своих ресурсов им явно не хватает. Не исключено, что члены губернаторской команды активизируют процесс взаимодействия с местными властями в предвыборные периоды, однако утверждать, что подобное взаимодействие имеет стратегические ориентиры и может приобрести системные начала, вряд ли правомерно.

Важным объединяющим трендом для рассмотренных кейсов является то, что под воздействием региональных элит отношение между региональной и муниципальной властью трансформировалось во властное давление со стороны регионалов, которое часто таковым не осознается муниципальными элитами. Региональные элиты мало интересуются территориями, на которых можно добиться полного политического подчинения. Демонстрация подчиненности вновь возрождает механизм эпизодического вмешательства, так как ждешь, что «следование правилам» будет награждаться

особым вниманием со стороны губернатора вряд ли правомерно.

Тот факт, что модель эпизодического вмешательства чаще всего перерождается во «властное давление» со стороны регионалов (и эти случаи совсем не единичны), свидетельствует о том, что, по-видимому, это наиболее часто встречаемая модель взаимодействия между двумя субъектами власти, что бы ни говорили и ни думали по этому поводу сами региональные элиты. Важно помнить, что у региональных элит в условиях кризиса существуют два главных вопроса — как сохранить политическую стабильность и где достать деньги, поэтому те территории, в которых денег нет, но политическая стабильность есть, всегда будут довольствоваться «вниманием к юбилейным датам» и не более того. Созданные губернатором органы контроля в муниципалитетах работают с разной степенью эффективности. В любом случае они дают информацию о происходящем на территории, но не позволяют осмыслить до конца мотивацию и ценности, действующих акторов. Это, в свою очередь, позволяет интерпретировать происходящие на территории процессы так, как удобно тем, кто эти информационные потоки контролирует.

Город С, где реализовывалась модель тотального контроля отличался удивительной нестабильностью муниципальной власти. За год с небольшим, там сменились четыре сити-менеджера, а политическая управляемость так и не была достигнута.

В условиях частой смены руководства города и наращивания тотального контроля региональные элиты стремились изменить ситуацию любой ценой, но так и не смогли достичь необходимых результатов.

Этот вполне очевидный вывод был практически в тех же терминах озвучен вице-губернатором. В контексте анализа ситуации в С он откровенно признал, что Кремль склоняет их к тотальному контролю практически за всеми городскими процессами. При этом ситуация усугубляется тем, что местное самоуправление привыкло жить в такой управленческой модели и совсем не желает меняться. Похоже, что подобная констатация близка к реальности.

Многие наши респонденты, прежде всего депутаты местной legislatures, прямо заявляли, что нуждаются в поддержке со сто-

роны области и ждут, что региональная власть будет в большей степени развернута к муниципалитетам и начнет принимать решения по насущным городским проблемам.

Недовольство имело место и в связи с тем, что отношения внутри команды предыдущего губернатора были «весьма противоречивые», что создавало дополнительные трудности в выстраивании отношений между уровнями власти. В связи со сменой губернатора появились надежды на то, что «ситуация будет меняться». Но уверенности в этом нет, поскольку с появлением большого количества новых фигур в политико-управленческом пространстве вряд ли возможны надежные предсказания вектора их политического поведения.

Что касается эффективности политики области по отношению к городу, то налицо явные провалы в подборе кадров и в целом в кадровой политике. Многие наши респонденты убеждены: источником проблемы стало стремление областного руководства поставить во главе администрации города людей зависимых, даже с сомнительной репутацией.

Ситуация, сложившаяся в С, показывает, что в условиях слабости и нестабильности местных институтов власти региональным руководителям приходится, во многом вынужденно, прибегать к жесткому контролю и вмешательству в деятельность местных институтов власти. Но это вмешательство далеко не всегда идет на благо территории.

Весьма парадоксальными выглядят последствия реализации такой модели. Несмотря на все попытки установить контроль над муниципалами, его так и не удалось достичь. Вряд ли выглядит случайностью тот факт, что сити-менеджер в городе С, пролоббированный областной властью, через год с небольшим был арестован и сел в тюрьму. Представляется, что тотальный контроль и безграничное вмешательство в политическую и экономическую власть в городе не могли закончиться иначе. Тезис, согласно которому «начальству виднее», оказался плохо работающим.

Практика взаимного неприятия была характерна для города Z. Специфика участия акторов регионального уровня в локальной политике Z и характер их взаимоотношений с местной элитой в

момент исследования во многом определялись тем обстоятельством, что губернатор находился на своем посту всего около полугода. Поэтому его стратегии развития территорий и модель взаимоотношений между локальными и региональными акторами находились в процессе формирования и уточнения. Кроме того, на ситуацию существенно повлияли приближающиеся выборы губернатора³, что, по мнению наших респондентов, естественным образом привело к «заигрыванию» действовавшего губернатора с главами городских администраций.

В свое время действующая глава администрации города была назначена на свою должность с одобрения бывшего губернатора, который впоследствии всячески ее поддерживал: *«Когда меняли власть, то прежний губернатор сделал ставку на нынешнего главу администрации. Дал ей большой карт-бланш. Под нее подгоняли большие деньги»*, — замечает один из наших информантов.

С приходом нового губернатора ситуация поменялась. Появились и новые формы взаимодействия с местным самоуправлением, при этом старые в целом сохранились⁴. Отношение городской элиты Z к политике губернатора (и к самому губернатору) неоднозначное. В частности, обе новые структуры были восприняты сити-менеджером скорее негативно — как дополнительные механизмы внешнего контроля со стороны области.

Между тем многие влиятельные фигуры в Z не только не восставали против возможной губернаторской жесткости и наращи-

---

³ Эти выборы он выиграл с большим отрывом.

⁴ В областной администрации продолжили работу кураторы территорий, основная задача которых заключалась в том, чтобы докладывать губернатору об основных проблемах в курируемых ими локальных сообществах. Наряду с кураторством возник институт советников губернатора, проживающих в тех или иных городах и информирующих губернатора о процессах, происходящих на территории; в муниципалитетах были открыты приемные губернатора. Не исключено, по мнению экспертов, что новый губернатор в ближайшем будущем продолжит наращивать линию контроля за муниципалитетами, особенно за расходованием бюджетных средств.

вания контроля, но и, наоборот, ждали от губернатора мер по наведению порядка в городе и изменений в области промышленной политики. Однако в момент исследования губернатор, по мнению наших респондентов, не проявлял особой активности в «наведении порядка», что связывалось ими с вынужденным «заигрыванием» с локальными элитами перед выборами.

Сити-менеджер Z, судя по всему, существенно проиграла от прихода нового губернатора и некоторых новых членов его команды, отношения с которыми у нее сложились весьма неоднозначные. В этих условиях она решила «не замечать» произошедших изменений и не «дружить специально» с отдельными членами команды губернатора, что вполне соответствовало ее характеру и установкам. Очень независимо (по российским меркам) вела себя сити-менеджер и непосредственно по отношению к новому губернатору, открыто заявляя: «Он мне пока не интересен», — и добавляя, что в случае необходимости она может вступить в открытую конфронтацию с губернаторской командой ради отстаивания интересов города.

Следует подчеркнуть, что многие в Z не одобряли позицию сити-менеджера, занятую по отношению к новому губернатору. Однако сама она была уверена, что ее самостоятельность не нанесет ущерба городу, поскольку есть институциональные ограничения в возможностях губернатора «наказывать» строптивых руководителей.

Следует отметить, что декларируемая автономия в отношениях с губернатором не означает, что сити-менеджер совсем не пытается установить тесные личные связи с областью. Но в своей политике она более опирается не на губернатора, а на вторых руководителей. Речь идет о тех областных руководителях, в чьих руках концентрируются бюджетные деньги, что, по ее мнению, усиливает ее возможности доставать деньги на новые проекты для города.

К ним наши респонденты относят заместителя председателя правительства области по социальным вопросам и заместителя губернатора по экономическим вопросам. Именно они помогают сити-менеджеру доставать деньги для города.

Наряду с этими двумя фигурами городу помогают и другие влиятельные лица, хотя нельзя сказать, что отношения, выстраиваемые с этими людьми главой администрации, являются постоянными и долгосрочными. Хотя практики взаимодействия между руководством города и областью на момент исследования окончательно не сложились, результаты исследования подтверждают, что многое в них строится на личных связях, а тот факт, что областное руководство может легко поменять не вполне удобного сити-менеджера, свидетельствует о том, что в некоторых аспектах внедряемые в систему местного самоуправления инновации оказываются вполне успешными с точки зрения выстраивания системы контроля сверху по модели властной вертикали.

Эта модель, как показало время, оказалась фатальной для ее участников. Сначала по требованию вице-губернатора со своей должности была смещена сити-менеджер, а затем через несколько месяцев был арестован и вице-губернатор по обвинению в незаконном использовании государственных средств. Через два года свой пост покинул и губернатор области, который был заменен назначенцем из Москвы. Официальная причина отставки — коррупция в команде, неспособность загасить конфликт элит в регионе. Приводимый кейс позволяет еще раз убедиться в том, как дорого обходятся конфликты элит, поэтому модель взаимного неприятия во взаимодействии вполне может приводить к потере власти любых фигур во властной вертикали.

Практика ресурсного доминирования наблюдалась в городе А. Именно губернатора в этом городе респонденты считали наиболее влиятельным актором и фактически воспринимали его полноправным локальным (а не только региональным) актором, постоянно присутствующим в городском политическом пространстве.

Причины активного участия губернатора в жизни города наши респонденты связывают как с объективными обстоятельствами, так и с субъективным фактором. Объективно его присутствие во многом обусловлено необходимостью помощи городу в решении социально-экономических проблем. Местная элита хорошо понимает, что город не может существовать без постоянной помощи извне (городская власть *«может решить только мелкие насущные*

городские проблемы») и поэтому поддерживает присутствие губернатора в локальной политике.

Признает это и глава администрации, которого ничуть не смущает свое место ведомого в тандеме с губернатором: *«Инвестиции в город идут через губернатора, поэтому как держатель ресурсов он способен стратегически влиять на ситуацию в городе. Я лишь тактик, и то не во всех вопросах».*

Основной вклад губернатора в развитие города заключается в том, что он постоянно помогает городу включаться в федеральные и региональные программы, которые приносят последнему необходимые финансовые ресурсы.

Про то, как губернатор «спас» местные предприятия, говорили разные респонденты. Заслуги губернатора в этих «спасениях» признает и глава администрации города, который видит в помощи со стороны губернатора стремление стабилизировать экономическую и социальную ситуацию в городе.

Объективная необходимость помощи городу со стороны региона сама по себе еще не гарантирует выстраивания взаимовыгодных отношений между локальными и региональными властями. Результаты эмпирического исследования, в том числе в А, показывают важную роль персонального фактора, взаимных усилий сторон в формировании успешного взаимодействия. Заслуги в том, что в А оно действительно вполне успешное, наши респонденты приписывают обоим руководителям.

Респонденты полагают, что отношения губернатора с главой администрации А имеют особый характер: И в этом, по их мнению, главная заслуга принадлежит сити-менеджеру, который не только умеет осуществлять эффективную коммуникацию, но и, главное, адекватно выполнять свои функции и обязательства перед областью. *«Прослеживается взаимосвязь: губернатор хорошо относится к городским властям, если городские власти делают все в рамках ранее достигнутых договоренностей с областными чиновниками»*, — убеждена депутат Городского совета.

Отношения между губернатором и главой администрации А, разумеется, отнюдь не симметричные, последнему отводится роль добросовестного исполнителя, с которой он успешно справляется.

Сам глава администрации полностью разделяет точку зрения о том, что их отношения с губернатором хотя и не оставляют сомнений в том, «кто в доме хозяин», все же предполагают процесс согласования решений: *«С губернатором мы действуем согласованно, у нас сложились деловые партнерские отношения. Других вариантов здесь быть не может, так как есть стратегия социально-экономического развития города, она вписывается в концепцию стратегии развития области».*

Сложившиеся отношения между руководителями города и области позволяют многим нашим информантам говорить о некоем тандеме, который определяет политику в А, а иногда и о так называемой «властной триаде», в которую, кроме них, включается депутат областной легислатуры, избранный от А.

В «триаде» (или «тандеме») есть разделение труда. По мнению наших респондентов, в руках губернатора сосредоточены финансовый и информационный ресурсы, а также общий контроль. Решая стратегические задачи, губернатор, как правило, не занимается «мелочами», оставляя их для главы администрации: *«Позиция губернатора: тебя избрали, ты и отвечай. Тебе нужна помощь — я тебе помогу. Но работать за тебя я не буду»*, — считает бывший мэр города. Хотя, как уже отмечалось ранее, губернатору приходится что-то периодически «спасать», особенно когда для этого требуется финансовая помощь.

Глава администрации — реально действующий актор, с помощью которого в городе реализуется текущее управление, а также осуществляются программы, инициированные губернатором и командой главы администрации.

Третий участник «триады» играет весьма важную роль во взаимодействии между городской и областной властями. Фактически он поддерживает проекты, осуществляемые в городе, лоббирует интересы города в областной думе, способен влиять на губернатора, оказывает юридическую и другие виды помощи простому городскому населению.

Таким образом, сложившиеся между руководством города и области отношения в целом весьма позитивно оцениваются представителями городской элиты. Активная роль губернатора ассоци-

ируется с решением важных финансовых и экономических вопросов, включением города в федеральные проекты и программы. Хорошие профессиональные и личные отношения между губернатором и руководителем администрации города способствуют поддержанию стабильности в городе, несмотря на непростую экономическую ситуацию и ограниченные финансовые возможности. Доминирование губернатора в «тандеме» с сити-менеджером вполне естественное, но их отношения не являются в чистом виде отношениями командования/подчинения, а включают активный диалог и строятся на взаимном уважении. При этом сложившееся «разделение труда» оставляет сити-менеджера ключевой фигурой городской политики, успешно мобилизующей местные ресурсы и самостоятельно решающей внутренние проблемы. Таким образом, даже в модели ресурсного доминирования можно находить взаимопонимание и добиваться необходимых политических и экономических результатов.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенное исследование, включающее несколько кейсов, на примере малых городов (районов) убедительно показало, что мы живем в разной России. Многообразии действующих паттернов взаимодействия позволяет утверждать, что любая попытка унификации управления любой из территорий, будь это малый город или регион, обречена на провал.

Тем не менее общие тренды в практиках взаимодействия региональных и локальных элит все же прослеживаются и касаются они авторитарной составляющей власти.

Тот факт, что в трех городах и двух районах, где проводилось эмпирическое исследование, была обнаружена трансформация паттерна эпизодического вмешательства в модель властной вертикали, подтверждает то, что для региональных элит авторитаризм по отношению к муниципалам — усвоенная и хорошо работающая модель.

Важный результат исследования: несмотря на то что авторитарные модели взаимодействия доминируют, рабочими оказались

и модель взаимного неприятия, и модель ресурсного доминирования, в которых авторитарный компонент выражен не столь ярко (А) или заблокирован совсем (Z) как результат нежелания сити-менеджера подчиняться ключевым фигурам власти в регионе. Весьма показательно, что и эти две различные по своей направленности модели нельзя назвать устойчивыми. В первом случае нежелание считаться друг с другом привело к недобровольному уходу из власти двух сторон конфликта. Во втором случае модель ресурсного доминирования распалась в силу того, что и эти два участника взаимодействия также покинули свои посты, хотя и не столь драматично, как в первом случае.

Итак, результаты исследования дают основание для еще одного ключевого вывода — выстраивание «вертикали власти» на субнациональном уровне хотя и способствует доминированию авторитарных схем взаимодействия, однако не в силах элиминировать вариативность во взаимоотношениях региональных и городских элит.

Еще один важный вывод, касается качества муниципальной элиты и ее мотивации.

Сегодня качество муниципальной власти и мотивация ее акторов имеет, по оценкам самих муниципальных акторов и экспертов, преимущественно средние или низкие значения. Эта ситуация, по мнению респондентов, поддается коррекции при условии:

— если минимизировать количество городских руководителей власти, «пришедших из других территорий». Следует дать приоритет укорененным руководителям;

— отказаться от постоянной смены фигур в муниципальной власти;

— приостановить стагнацию кадров, повысить уровень профессионализма муниципальных служащих;

— необходима смена принципа лояльности при отборе на принцип профессионализма. *«Я бы не хотел видеть стагнацию управленческих кадров, нужны новые кадры, которые приходят в муниципальную власть по четким понятным схемам за определенными достижениями»;*

— минимизировать количество «своих» в структурах муниципальной власти. *«Во-первых, муниципальные команды должны*

быть профессиональными. Сейчас туда набирают по каким-то родственным связям, получается полностью болото».

Это особенно важно в связи с тем, что элиты в регионах все более настаивают на том, что опорными точками будущего позитивного развития региона должны стать города, в том числе малые. Именно в городах должно идти накопление ресурса развития, обкатываться новые проекты. В этом случае качество управления городами начинает играть решающую роль, а конфликтный фон взаимодействия между городскими акторами, а также между муниципалами и регионалами значительно снижает динамику реализации позитивных сценариев городского развития

Литература

Афанасьев М.Н. От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 5–20.

Богданова О.В. Управленческий консалтинг в повышении социальной эффективности муниципальной элиты в Южном Федеральном округе. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018.

Виллюнас В. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Гельман В.Я. От местного самоуправления — к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 6–18.

Годфруа Ж. Что такое психология М.: Мир, 1992. Т. 1.

Дьюсбери Д. Поведение животных: сравнительные аспекты. М.: Мир, 1981.

Ильин Е. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.

Лапина Н., Чирикова А. Аналитический доклад: путинские реформы и потенциал влияния региональных элит. М.: Российская академия наук; Институт социологии; Московское представительство Фонда им. Ф. Эберта, 2004.

Макклеланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007

Мухаметов Р. Специфика конфликта «области» и города (на примере Свердловской области) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119, № 4. С. 225–231.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М.: МГУ, 1971.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетей, 2001.

Сельцер Д. Прорабы и конструкции: локальная элита и муниципальная власть в России // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2014. № 1 (13). С. 163–176.

Туровский Р.Ф. Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12 (58). С. 159–167.

Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. 2015. № 2. С. 35–51.

Туровский Р.Ф. Не все мэры по зубам губернаторам // URL: <https://www.politrus.ru/2018/01/06/major-gubernator/> (дата обращения: 06.01.2018).

Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. СПб.: Речь, 2001

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.

Шишкин С.В., Темницкий А.Л., Чирикова А.Е. Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность. М: НИСП, 2008.

Чирикова А.Е. Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики. М: НИСП, 2007.

Чирикова А.Е. Властные акторы в малых российских городах: формальная и неформальная проекции // Современный город: власть, управление, экономика. 2013. № 3. С. 8–19.

Чирикова А.Е. Власть в России в неформальной проекции: регионы и малые города // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 1 (1). С. 5–25.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Издат. дом НИУ-ВШЭ, 2017.

Franco L.M., Bennett S., Kanfer R. Health sector reform and public sector health worker motivation: a conceptual framework // Social Science & Medicine. 2002. Vol. 54, № 8. P. 1255–1266.

Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. The motivation to work. N.Y.: Wiley, 1959.

Maslow A. Motivation and personality. N.Y.: Harper and Row, 1954.

MUNICIPAL POWER: MOTIVATION OF ACTORS AND PRACTICES OF INTERACTION WITH REGIONAL AUTHORITIES

A. Chirikova, V. Ledyayev

Abstract. *The article presents the outcomes of empirical research conducted in 3 small Russian towns and 2 districts in 2011–2015 and 2018. The analysis is based on in-depth interviews with the leadership of local and regional governments in three Russian regions. 76 interviews were conducted in 2011–2015, as well as 40 repeated interviews in 2018 in 2 communities previously included in the sample.*

The study shows that the quality of municipal government and the motivation of local actors, according to our respondents, are mainly medium or low, which is largely due to the current system of incentives set by the federal center and regional elites. The lack of initiative and interest in the activity “from below” give rise to an exclusively performing style of the daily activities of regional elites, while the psychology of “waiting for outside help” is intensified in the absence of financial resources. However, the diversity of existing patterns of interaction between municipal and regional authorities allows us to conclude, that attempts to unify the governmental process on the territories is doomed to failure.

Keywords: *municipal actors, motivation, regional elites, practices of interaction between municipal and regional actors.*

References

Afanasiev M.N. Ot volnikh ord do khanskoy stavki [From free hordes to Khan control center], *Pro et Contra*, 1988, 3 (3), pp. 5–20. (In Russian)

Bogdanova O.V. *Upravlencheskiy konsalting v povishenii sotsialnoy effektivnosti munitsipalnoy eliti v Yuzhnom federalnom okruge* [Management consulting as a tool for increasing the effectiveness of the municipal elite in the Southern Federal District]. Rostov-on-Don: Fond Nauki i obrazovaniya, 2018. (In Russian)

Chirikova A.E. *Vzaimodeistvie vlasti i biznesa v realizatsii sotsialnoy politiki*

[The interaction of government and business in the implementation of social policy]. Moscow: NISP, 2007. (In Russian)

Chirikova A.E. Vlasniye aktori v malikh rossiyskikh gorodakh: formalnaya i neformalnaya proektsii [Power actors in small Russian towns: formal and informal aspects], *Sovremenniy gorod: vlast, upravleniye, ekonomika*, 2013, 3, pp. 8–19. (In Russian)

Chirikova A.E. Vlast v Rossii v neformalnoy proektsii: regioni i maliye goroda [Power in Russia in informal projection: regions and small towns], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obschestvenniye nauki*, 2015, 1 (1), pp. 5–25. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian town]. Moscow: Izdatelskiy Dom Vishey Shkoli Ekonomiki, 2017. (In Russian)

Diusberi D. *Povedeniye zhivotnikh: sravnitelniye aspekty* [Behaviour of animals: comparative aspects]. Moscow: Mir, 1981. (In Russian)

Franco L.M., Bennett S., Kanfer R. Health sector reform and public sector health worker motivation: a conceptual framework, *Social Science & Medicine*, 2002, 54 (8), pp. 1255–1266.

Gelman V. Ot mestnogo samoupravleniya k verticali vlasti [From local self-government to power vertical], *Pro et contra*, 2007, 1, pp. 6–18. (In Russian)

Godfrua Zh. *Chto takoye psixologiya* [What is psychology]. Vol. 1. Moscow: Mir, 1992. (In Russian)

Hekhauzen H. *Psixologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation]. St. Petersburg: Rech, 2001. (In Russian)

Hekhauzen H. *Motivatsiya i deyatelnost* [Motivation and activity]. St. Petersburg: Piter; Moscow: Smisl, 2003. (In Russian)

Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. *The motivation to work*. New York: Wiley, 1959.

Ilyin E. *Motivatsiya i motivi* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter, 2002. (In Russian)

Lapina N., Chirikova A. Analiticheskiy doklad: Putinskiye reformi i potentsial vliyaniya regionelnykh elit [Analytical report: Putin's reforms and power potential of regional elites]. Moscow: Rossiyskaya Akademiya Nauk; Institut Sotsiologii; Moskovskoye predstavitelstvo Fonda F. Eberta, 2004. (In Russian)

Macclelland L. *Motivatsiya cheloveka* [Human motivation]. St. Petersburg: Piter, 2007. (In Russian)

Leontiev A.H. *Potrebnosti, motivi, emotsii* [Needs, motives, emotions]. Moscow: MGU, 1971. (In Russian)

Mukhametov R. Specifika konflikta “oblasti” i goroda (na primere Sverdlovskoy oblasti) [Specifics of conflict between “region” and town (case of Sverdlovsk region)], *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemi obrazovaniya i kulturi*, 2013, 119 (4), pp. 225–231. (In Russian)

Regionalniye eliti Severo-Zapada Rossii: politicheskiye i ekonomicheskkiye orientatsii [*Regional elites of North-West of Russia: political and economic orientations*]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Aleteya, 2001. (In Russian)

Seltser D. Prorabi i konstruksii: lokalnaya elita i munitsipalnaya vlast v Rossii [Foremen and constructions: local elites and municipal government in Russia], *Pro Nunc. Sovremenniyе politicheskiye protsessi*, 2014, 1 (13), pp. 163–176. (In Russian)

Shishkin S.V., Temnitskiy A.L., Chirikova A.E. Rossiyskoye zdavookhraneniye: motivatsiya vrachey i obschestvennaya dostupnost [Russian healthcare: motivation of doctors and public accessibility]. M.: NISP, 2008. (In Russian)

Turovskiy R.F. Mestoye samoupravleniye v Rossii kak agent printsipal-agentstskikh otnosheniy s gosudarstvennoy vlastiu [Russian local government as an agent of principal-agent relations with the state], *Sotsialno-ekonomicheskkiye yavleniya i protsessi*, 2013, 12 (58), pp. 159–167. (In Russian)

Turovskiy R.F. Rossiyskoye mestnoye samoupravleniye: agent gosudarstvennoy vlasti v lovushke nedofinansirovaniya i grazhdanskoy passivnosti [Russian local government: an agent of state power in the trap of underfunding and civil passivity], *Polis*, 2015, 2, pp. 35–51. (In Russian)

Turovskiy R.F. Ne vse meri po zubam gubernatoram [*Some mayors are a hard nut to crack for governors*]. URL: <https://www.politrus.ru/2018/01/06/major-gubernator/> (available 07.01.2018). (In Russian)

Vilunas V. *Psikhologicheskkiye mekhanizmi motivatsii cheloveka* [*Psychological mechanisms o human motivation*]. Moscow: MGU, 1990. (In Russian)

«ЗЕМЛЯ» И «ВОЛЯ»: ГОРОДСКИЕ РЕЖИМЫ И ПРОТЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ¹

Ю.А. Пустовойт

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.11>

***Аннотация.** Исследование направлено на изучение взаимодействия властных групп и протестных сообществ, рассматриваемых в рамках концепции городских политических режимов. Выделены два основных типа городского режима: режим контроля и режим координации. На основе сравнения протестных мероприятий в городах Сибири, наблюдений и интервью с активистами протестного движения, а также итогов выборов 9 сентября были сделаны предварительные выводы о взаимосвязи городского политического режима и протестной активности. Общественность становится влиятельным субъектом и способна объединяться и отстаивать свои интересы пока только в крупных промышленных самостоятельных университетских городах. Здесь властные коалиции ориентированы скорее на экономические, чем на политические, цели, есть некоторое «силовое» равновесие элит, существует противостояние региональных и городских властей и достигнут относительный уровень экономического благополучия.*

Ключевые слова: городской режим, элитизм, плюрализм, политическая элита, город, протестное сообщество, Сибирь.

Политические процессы, проходящие в городе, можно рассматривать в двух перспективах. В первой, обозначенной нами как «воля», они представляют собой отражение той политической борьбы, которая происходит на государственном уровне, и в первую очередь касаются вопросов замещения ключевых федераль-

---

¹ Исследование проводится в рамках поддержанного РФФИ проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-0866.

ных и региональных позиций, степени влияния партий на те или иные законодательные и кадровые решения и, конечно, соблюдения прав и свобод. Во второй, названной нами «земля», в фокусе внимания находятся возможности и перспективы использования городской территории, размещения предприятий, масштабов застройки, строительства и ремонта дорог, ЖКХ и т.д. Как правило, агенты федеральных, региональных и городских структур находятся в одних и тех же границах, знают друг друга и вынуждены учитывать или игнорировать интересы друг друга, вступая в сложные взаимодействия. Особый интерес представляют столицы регионов, где есть представители всех уровней власти и всех политических институтов, ориентированных на решение, как общенациональной, так и местной, городской повестки дня.

С 2011 г. происходит заметный рост массовой политической активности, связанный как с реакцией на различные политические инициативы федерального центра, так и с усилением конкуренции городов за социальный, культурный и экономический капитал и, соответственно, перераспределение ресурсов и увеличение объемов социальной и этнической мобильности. Сформулируем основной вопрос исследования: «Как, при каких условиях, по каким проблемам и какими средствами городские сообщества могут влиять на местные властные коалиции (городские режимы)?»

Под протестным сообществом мы понимаем совокупность индивидов, объединенных общей реакцией неприятия той или иной ситуации, задающей «повестку протеста», тот конфликт, событие или личность, против действий которой начинается объединение. Выделим два типа таких повесток: федеральная — актуальная на всей территории России, служащая основой протестных действий вне зависимости от места проживания («воля»), и локальная, ограниченная проблемами конкретной территории («земля»). Понятно, что «повестки протеста» могут пересекаться, накладываться друг на друга, быть диаметрально противоположными. Среди локальных «протестных повесток» в отдельную группу выделим «городскую протестную повестку» — это то, что связано с «правом на город», центральным сюжетом, введенным А. Лефером и подхваченным в знаменитой статье Д. Харви. Здесь «право на город» рас-

считается не как право горожанина получать доступ к городским ресурсам, а как право на изменения себя посредством изменения городского пространства. Это коллективное право, осуществление которого возможно только через присвоение публичного пространства социальными группами, способными открыто представлять себя широкой публике. «...— Право на город — это не просто условное право доступа к тому, что уже существует; это активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями и, следовательно, преобразование нашей повседневной жизни, изменение наших архитектурных практик и просто альтернативное определение того, что значит быть человеком» [Харви 2008].

Обычно конфликт между теми, кто живет на городской территории, и теми, кто извлекает из нее прибыль, строится вокруг широкого комплекса проблем, связанных с застройкой, частным присвоением публичных пространств, обманутыми дольщиками, экологической ситуацией, ростом миграции и неприятием образа жизни прибывающих, размещением в публичном пространстве религиозных, социальных и политических символов, что воспринимается различными городскими группами как оскорбление. Городская жизнь создана из конфликтов, наиболее типичными из которых выступают борьба за землю, борьба с мигрантами и борьба за верования и религиозные святыни. Крупные публичные конфликты на территории Новосибирска подтверждают эти правила: борьба за отмену повышения тарифов ЖКХ, за отмену и в защиту постановки «Тангейзера», выступления за ограничение миграции.

Выделению и описанию протестных событий и протестных сообществ посвящен достаточно широкий пласт современной социологической и политологической литературы. Мы опираемся на подход М. Манна, который, рассматривая борьбу за гражданские права и в защиту идентичности в США в рамках теории политического процесса, хотя и принимает три основных универсальных элемента формирования общественных движений: рост бунтарского сознания (протестных настроений), создание мощной организации и наличие структурных политических возможностей, далее показывает, что невозможно рассматривать борьбу тех, кто

протестует против современных порядков, игнорируя тех, кто выступает за защиту существующего положения и защитников прошлого. При анализе борьбы, следует учитывать не только сторонников ненасилия, но и их оппонентов, необходимо учитывать не только рациональные мотивы участия, но и «грубую эмоциональную силу идеологической одержимости» [Манн 2018: 101–103].

Большая часть современных российских исследований, посвященных протестным событиям, сосредоточена вокруг первого этапа — роста протестных настроений, меньше работ рассматривают проблемы организации протеста и практически нет работ по исследованию взаимовлияния протестных сообществ и действующих на городской территории властных коалиций (городского режима)

Анализ протестных настроений с 2011 г. — предмет заботы многочисленных центров и исследовательских структур: доклад группы «Минченко консалтинг» [Источники... 2012], лаборатории Крыштановской [Аналитический доклад... 2013], В.С. Пермяковой [Пермякова 2012], А.Н. Щербака с коллегами [Щербак... 2016], Н.Д. Вавилиной и Д.А. Котова [Вавилина, Котов 2018] и др. В целом на этом исследовательском этапе мы согласны с основными тенденциями и проблемными комплексами, выделенными в этих работах: протесты, будут нарастать, приобретать различные формы и будут строиться вокруг экономического и ценностного (постматериального) комплекса проблем.

Организация протестов, люди, их организующие и принимающие в них участие, детально изучались в 2012 г. (см., например, интересные сборники «Мы не немцы» [Архипова, Алексеевский 2012], «Анатомия протеста [Анатомия протеста 2013], «Городские движения России» в 2009–2012 гг. [Городские движения... 2013]). Наше внимание сосредоточено не на способах возникновения и расширения протестных сообществ, а на методах, ими используемых. В основе нашего подхода идеи, высказанные Ч. Тилли, который, основываясь на изучении последних нескольких веков в Западной Европе, утверждает, что разница между недемократической и демократической фазой европейской истории проходит по методам борьбы [Тилли 2010: 50–51]. При недемократических режимах ря-

довые европейцы, в отличие от правящих классов, использовали узколокальные (существенно различающиеся по формам в зависимости от местности), конкретные (узкий круг целей) и бифуркационные (использование посредников для проведения своих требований) методы. Демократические методы борьбы, напротив, космополитичны (охватывают широкий круг целей), сложносоставные (сходные цели используются при множестве разных обстоятельств) и автономны (простые люди действуют по собственной инициативе).

И наконец, самое главное — структурные возможности. Ричард Лахман в своем анализе революций, обобщая исследовательский опыт макросоциологов (Ч. Тилли, Р. Францози, Дж. Маркоффа и др.), приходит к выводу, что, хотя в основе протестов, бунтов и революций лежат ухудшение жизни масс, стимулом служат скорее аппетиты и требования власть имущих, а не привычное недовольство обедненных. «Маркофф спрашивает, почему во время революции первоочередными объектами нападений крестьян становились сеньоры... Его ответ состоит в том, что конфликты дворян между собой и с буржуа дали крестьянам понять, что протесты против феодальных сеньоров, возможно, и принесли бы плоды» [Лахман 2016: 93].

При описании структуры власти теоретическими рамками нашего исследования выступает концепция городских политических режимов Кларенса Стоуна. «Режим представляет собой кросс-секторальную коалицию, т.е. коалицию между актерами, представляющими публичные структуры власти (представители администрации, депутаты, чиновники), и актерами так называемого частного сектора (бизнес, НКО, гражданские организации)». «Среди этих параметров наиболее важными являются: (1) роль коалиции и ее участников в принятии и непринятии важнейших для локального сообщества решений, (2) характер взаимоотношений внутри коалиции, (3) повестка и (4) стабильность коалиции (режима)» [Чирикова... 2017: 126]. В свою очередь, последователь К. Стоуна Б. Фридман при исследовании городских политических режимов в городах Чикаго и Питтсбург показала, что основанием для повестки дня, целями режима могут быть как аккумулярование

политической власти, так и достижение коллективных экономических целей, определяя в первом случае форму политического управления — «социальный контроль», во втором — «социальное производство» .

Ориентируясь на этот подход, выделим два параметра для описания городских политических режимов. В первом случае участники коалиций (рассматриваемых здесь как идеальный тип) определяют власть как самоцель (режим контроля), во втором — как средство для достижения иных целей (режим координации). Такой способ разграничения стратегий акторов имеет и хорошо проработанные теоретические основания, отделяющие «власть для» от «власти над» [Ледяев 2012: 105–106, 378–379,] или отношения сотрудничества и соперничества, выраженные понятиями «коллективной» и «дистрибутивной власти» у М. Манна [Манн 2018: 1–2]. В этом случае наше внимание сосредоточивается на реконструкции неформальных норм взаимодействия между участниками коалиции. В наиболее отчетливом виде эти нормы начинают проявляться во время различных электоральных мероприятий — выборов в различные органы власти. В одних режимах выборы происходят при максимально широком круге претендентов и состоятельных участников, в других — конкурентные кандидаты не допускаются до участия, в одних случаях устанавливаются общие правила для всех, в других — есть круг лиц, имеющих возможность нарушать действующие универсальные нормы. На языке теории неоинституционализма Д. Норта можно говорить о коалициях «открытого» и «закрытого» доступа.

Считаем, что при описании режима основными характеристиками будут два измерения: «монополия — полиархия» (есть или нет альтернатива доминирующему актору) и «персонализм — безличность» (есть или отсутствуют единые и универсальные правила, действующие для всех участников политического процесса). Важно, действует ли индивидуальный или групповой актор в условиях конкуренции элит или есть единая централизованная вертикаль подчинения. Кроме этого, правящая группа может рассматривать себя как субъект, для которого нет необходимости подчиняться общим правилам или, как определил бы этот процесс

Д. Норт, совершить «преобразование личных привилегий в безличные права» [Норт... 2011: 74]. На этом этапе исследования показателем отсутствия монополии на власть, роста количества конкурентных политических акторов предлагаем считать критерий «демократичности». При сравнении столиц сибирских регионов мы ориентировались на результаты экспертных оценок и рейтинг Н. Петрова и А. Титкова [Петров, Титков 2013]. В качестве показателя значимости действующих норм («персонализма — безличности») мы используем анализ итогов голосования, ориентированный на выявление статистических аномалий [Шпилькин 2011; Овчинников 2012; Илларионов 2018].

По структуре режим контроля представляет собой модель элитаризма, где наиболее влиятельные акторы составляют в целом единую группу, а ключевой фигурой выступает представитель региональной (федеральной) бюрократии, население контролируется через систему организаций. Несанкционированная политическая активность наказывается, и «проигравшие» акторы либо уезжают из города и региона (благоприятный исход), либо попадают под суд и получают реальный или условный срок (менее благоприятный итог).

В режиме координации в нашем случае формируется полицентричная структура без явно выраженного центра интеграции или контроля [Четыре масти Новосибирской власти... 2017]. Здесь нет «хозяина», а есть несколько групп с сопоставимыми ресурсами, способные блокировать «опасные» для них действия других групп, некоторые общие поведенческие стандарты, задающие правила разрешения групповых конфликтов, силовые структуры здесь обычно подчеркивают свою отстраненность от политики, законодательные органы являются публичной площадкой для выяснения и репрезентации интересов различных экономических субъектов, партии с переменным успехом участвуют в выборах, есть различная интерпретация событий в местных средствах массовой информации, и время от времени появляются общественные инициативы, проводящие достаточно эффективные кампании по защите интересов населения. На этом этапе исследования в качестве рабочей гипотезы обозначим три внешних фактора, способствующих

становлению режима: масштаб города, местная проекция интересов бизнеса (проживают или нет владельцы бизнеса на городской территории) и соотношение количества предприятий «сырьевого» и индустриального сектора, и организаций, специализирующихся на услугах и технологиях.

Как городской режим влияет на появление и проведение протестных мероприятий на городской территории? В центре нашего внимания находится протестное сообщество, под которым мы понимаем совокупность индивидов, объединенных общей реакцией неприятия той или иной ситуации. Рассмотрим картографию и масштабы протестных мероприятий в Сибирском федеральном округе, состоящем из 12 регионов и соответственно 12 городов-столиц, в которых сосредоточена протестная активность. К ним, учитывая специфику Кузбасса, необходимо добавить Новокузнецк. Они расположены по убыванию индекса демократичности (место в рейтинге и суммарная экспертная оценка приведены в скобках). Необходимо учитывать, что средний общероссийский показатель равен 30. Далее дается общая характеристика конкурентной борьбы за ключевую позицию в городе (пост мэра). Для подтверждения выдвинутой нами гипотезы приведены необходимые экономические и бюджетные характеристики города: по исследованиям Т. Зубаревич, высокое, среднее, аутсайдер; рейтинги региональных столиц по устойчивости бюджета (богатство и самостоятельность) и данным Росстата [Богатство и самостоятельность... 2017; Города России... 2012]. Далее приведены сведения о протестных событиях, рассмотренных в нескольких перспективах: участие во всесоюзной акции протеста «12 июня» — митинг против коррупции (согласование, количество участников задержания, по данным Медузы и ОВД-Инфо) [12 июня на улицы вышло больше людей... 2017], тематика рассмотрения протестной активности в городе по публикациям в местных СМИ, итоги голосования на выборах 9 сентября (где происходили выборы в региональные и городские органы власти) и результаты протестных мероприятий 9 сентября [Акции протеста в день выборов...]. В городах, где были проведены полевые работы, интервью и наблюдения, данные дополнены предварительными результатами.

РЕЖИМ КООРДИНАЦИИ

Иркутск (индекс демократичности — 42, безличность — 2, богатый и самостоятельный город). С 1994 г. в городе сменились пять градоначальников, второй находился на ключевой позиции с 1997 по 2010 г. (три срока), два последних до победы выдвигались самостоятельно от КПРФ, тем самым дистанцируясь от «партии власти», что, впрочем, не помешало после победы вступить в «Единую Россию». Среднее экономическое развитие, характеризуется как богатый и самостоятельный город (богатство оценивается достаточным объемом средств, позволяющих решать любые кризисные ситуации, самостоятельность — долей безвозмездных поступлений). Удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 0, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 40 959,9 руб. Митинг 12 июня был согласован в другом месте, приняло участие от 350 до 2000 человек, задержаний нет. Местные СМИ подчеркивают высокую протестную активность в регионе и ее социальную направленность. До избрания губернатором коммуниста Сергея Левченко в 2015 г. КПРФ играла весомую роль в организации митингов.

На выборах 9 сентября в Иркутской области побеждает КПРФ — 33,9 %; «Единая Россия» — 27,8 %, «Справедливая Россия» — 7%, ЛДПР — 15,8%, «Гражданская платформа» — 4,7%. Явка в Иркутске 22 % (в области разброс от 56 до 16 %: Баяндаевский район (здесь ЕР набирает большинство голосов) — 56 %), Боханский — 52 %, Нукутский — 52 %; меньше всех голосовали в Бодайбинском (16%) и Казачинско-Ленском (18%) районах. [Результаты выборов в законодательное собрание... 2018]. Из пяти избирательных иркутских округов только в одном лидирует кандидат от «ЕР», на остальных трех — выдвигенцы КПРФ и «Гражданской платформы» [Окончательные результаты выборов... 2018].

Акция 9 сентября была несогласованная, на митинге собралось около 300 человек, полицейские не вмешивались в происходящее, но после митинга задержали активиста местного штаба Навального [Приангарье: активиста задержали... 2018].

Красноярск (индекс демократичности — 40, безличность — 2, богатый и самостоятельный город). Три градоначальника, первый

исполнял свои обязанности с 1996 по 2012 г. Была неудачная попытка оппозиции провести свою кандидатуру. Среднее экономическое развитие, богатый и самостоятельный город, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 1,8 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 39 671,9 руб. Митинг согласован в другом месте, вышли 450–1500 человек, обыски у организаторов митинга. Высокая локальная протестная активность, главная проблема местной повестки дня — экологическая. Например, 12 февраля был несогласованный митинг «За чистое небо», на площади перед зданием правительства собралось около ста человек. Сообщество широко представлено в Сети.

Губернатора в Красноярске избирали 9 сентября. При городской явке 23,35 % победил единоросс Александр Усс набрав 60,19 % (второй кандидат от ЛДПР — 23,34 %). Кроме этого, избрали двух депутатов Законодательного собрания. Здесь по городу также с относительно небольшим разрывом выигрывает его однопартиец, он набрал 6631 голос, что на 2771 голос больше, чем у его ближайшего конкурента — представителя Коммунистической партии. Выборы в горсовет приводят к следующему распределению мандатов: «Единая Россия» — 17 (6 по списку и 11 одномандатников); ЛДПР — 11 (7 по списку, 3 одномандатника и 1 примкнувший к ним самовыдвиженец Виталий Бондарев); КПРФ — 4 (3 по списку и 1 одномандатник); «Справедливая Россия» — 2 (1 по списку и 1 одномандатник); «Зеленые» — 1 (по списку). Не вдаваясь в подробности, отметим превосходство ЛДПР в выборах по партийным спискам, тенденцию ЕР выдвигать сильных кандидатов по одномандатным округам и победу экологической партии [Опубликованы окончательные итоги... 2018].

Митинг 9 сентября был несогласованным (за день до его проведения координатор была арестована) и проходил на площади вместе с формальным общегородским праздником. Собрал около 1000 человек. Задержаний не было, хотя полиция все время находилась рядом. Повестка включала как отказ от принятия пенсионной реформы и выражение недоверия правительству и президенту, так и местные проблемы, например требование вернуть в город прямые выборы мэра [«Хочу дожить до пенсии»... 2018].

Новосибирск (индекс демократичности — 39, безличность — 2, богатый и самостоятельный город). Четыре мэра города, третий градоначальник управлял с 2000 по 2013 г., далее выборы выиграл кандидат от КПРФ. Среднее экономическое развитие, богатый и самостоятельный город, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 3,9 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 37 093 руб. Митинг согласован, 2500–5000 человек, один задержанный. Высокая протестная активность с локальной повесткой дня по всем направлениям: от защиты христианской добродетели (митинги против и в защиту постановки «Тангейзера») до серии митингов против повышения тарифов ЖКХ, закончившихся отменой этого решения.

На выборах губернатора Новосибирской области явка в городе была 19,92 %, в регионе — 27,84 % (на прошлых выборах 29,83 %). Андрей Травников был избран, набрав 64,52 % голосов пришедших избирателей, Дмитрий Савельев (ЛДПР) — 17,2 % [Выборы губернатора Новосибирской... 2018]. Выборы были неконкурентные, так как за несколько месяцев до проведения, в них под мало скрываемым давлением отказался принимать участие мэр Новосибирска А. Локоть (КПРФ) и был публично уволен со всех должности, поддерживающий его бывший губернатор Новосибирской области и Красноярского края В. Толоконский. Используя противоречия между местными властными коалициями (их, по нашим наблюдениям, в городе четыре), победителю удалось заручиться поддержкой лидеров двух из них и заблокировать оппонентов, используя структуры федерального уровня, что еще раз показывает, какие возможности дает режим координации при проведении электро-ральных мероприятий.

Несанкционированный митинг состоялся в городе 9 сентября в Первомайском сквере, где в это время проводился городской «День трезвости» и «День бокса». Число митингующих оценивается СМИ около 2000 человек, участники прошли до театра «Красный факел» и далее к РОВД Центрального района, где находился задержанный лидер С. Бойко. Их встретил отряд ОМОНа (40 человек), силовики применили несколько раз дубинки и слезоточивый газ, десять человек были задержаны. Отметим, что это первое пря-

мое столкновение горожан и Росгвардии [В городах Сибири прошли... 2018].

Особенность новосибирских протестов — их высокий уровень организации и участие в оргкомитетах людей, порой с диаметральной политической позицией. По нашему наблюдению и итогам интервью (сейчас опрошено 11 человек — лидеров протестов самой разной направленности), в городе есть несколько реально действующих политических объединений самого разного характера, чья программа так или иначе связана с федеральной повесткой дня («воля»). Иногда они проводят совместные митинги, иногда выступают отдельно. Обычно один идеологический блок с ярко выраженной социальной повесткой представлен объединением «Пенсионеры за достойную жизнь», коммунистами (официальной КПРФ и различными прокоммунистическими объединениями) и «националистами» (так обычно обозначают участников движений НОД, «Гражданский патруль», «Родина»). Другой блок, с повесткой скорее политической, представлен либералами (либертарианцы, сторонники Навального и «Яблока»). Все объединения в той ли иной степени фигурируют в Сети, проводят повседневную работу, с той лишь разницей, что в первом случае обычно эта работа носит «уличный» характер, во втором — просветительский, имеют своих сторонников в законодательных органах власти всех уровней, администрации и бизнесе. На митингах обычно присутствуют представители объединений, решающих локальные проблемы («земля»): обманутые дольщики, автомобилисты, велосипедисты, борцы с незаконной (точнее с нелегитимной застройкой), экология. Здесь есть устойчивые сообщества и положительный опыт борьбы, когда митинговая активность дополняется судебной практикой и лоббированием своих интересов через законодателей и чиновников. Еще раз отметим, что до сентября протестная активность в городе проходила в основном в правовом поле.

Томск (индекс демократичности — 35, безличность — 1, богатый и самостоятельный город). Через процедуру выборов проходили три градоначальника, из которых двое были осуждены. Среднее экономическое развитие, богатый самостоятельный город, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных

ископаемых — 0,9 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 39 053,2 руб. Митинг согласован в другом месте, вышли от 300 до 1000 человек. Высокая протестная активность, направленная на решение локальных проблем. Томск «протестующий» широко представлен в Сети, депутаты Городской думы Томска принимают законопроект о запрете публичных акций в центре города.

Действующий мэр Томска Иван Кляйн был переизбран 9 сентября — 52,79 %, ему оказали поддержку 19,8 % избирателей (39,6 тысяч жителей) [Итоги выборов в Сибири... 2018]. Руководитель отделения «Справедливой России» Галина Немцева — 16,65 %, депутат гордумы Томска Андрей Петров от КПРФ — 12,71 %. Остальные кандидаты набрали меньше 7 %.

Митинг 9 сентября был несанкционирован. Организаторы митинга в Томске были арестованы за два дня до мероприятия и в день мероприятия. Митингующие прошли по центральной улице до Лагерного сада, вступили в недолгую дискуссию с представителями правоохранительных органов. Последние вели себя относительно корректно, но в «традициях жанра» задержали 13 активистов. Особенность Томска — это вечное желание протестующих вступить в аргументированный диалог с властью и попытки отстоять и использовать свое публичное пространство [Митингшестие против... 2018]. Центр публичной активности — Новособорная площадь и Кировский (студенческий) район. Власть в Томске консолидирована, противоречий между губернатором и мэром нет. «Город маленький, все знают друг друга, фраза “А Вы знаете, я вашего батюшку очень хорошо знал” с перечислением общих знакомых является обычным началом беседы, но ничего не меняет в принятом по поводу тебя решении, которое до тебя просто доводит очередной, приятный чиновник», — так охарактеризовал томские особенности один из экспертов. К избирательным комиссиям нет серьезных претензий в подсчете голосов, оппозиционные кандидаты просто не проходят «по разным причинам» регистрацию. Официальные партии занимают свои социальные и электоральные ниши. Следует учитывать, что часть населения города оценивает свой статус как временный (студен-

чество), и участие в политике, а тем более в местной политике для него не является приоритетным.

Барнаул (индекс демократичности — 35, безличность — 2, бедный и самостоятельный город). Митинг согласован в другом месте, вышло 1300 человек, задержанных нет. Сменились пять градоначальников, один погиб, один осужден, один ушел «по состоянию здоровья» в результате коррупционного скандала. Среднее экономическое развитие, бедный и самостоятельный город, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 0 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 19 558,2 руб. Время от времени в Барнауле проходят немногочисленные протестные акции и перфомансы самой разной направленности: против канала ТНТ, застройки, коррупции.

На выборах побеждает Виктор Томенко — 53,61 % голосов. Обратим внимание на относительную «ровность» голосов среди альтернативных кандидатов: депутат Заксобрания Алтайского края Владимир Семенов от ЛДПР (16,2 %), депутат Заксобрания Алтайского края Людмила Сулова от «Справедливой России» (14,14 %), предприниматель Андрей Крылов от «Партии роста» (13,46 %). Явка по краю — 37,38 % (причем в Барнауле — от 31 до 37 %) по разным районам [Выборы в Сибири. Итоги... 2018], что необычно для города, где явка обычно ниже.

Митинг в Барнауле 9 сентября прошел относительно спокойно [По всей России прошли митинги... 2018]. Особенность барнаульской ситуации заключается в том, что в социальном плане город теряет жителей, которые уезжают в более благополучные регионы. Политическое поле было основательно зачищено бывшим губернатором-прокурором, не терпевшим никакой самостоятельности. Обычные оценки экспертов пессимистичные, отмечается разобщенность протестных сообществ, активность отдела «Э» и низкая политическая активность населения.

«ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ» (ВЫСОКАЯ ПОЛИАРХИЯ — НИЗКАЯ БЕЗЛИЧНОСТЬ)

Улан-Удэ (индекс демократичности — 31, безличность — минус 1, бедный и самостоятельный город). Три градоначальника (второй управлял с 1998 по 2012 г. и неожиданно смещен в результате «технического» голосования). Город отнесен к группе экономических аутсайдеров, бедный и самостоятельный, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 0,04 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 32 860,1 руб. На митинг, согласованный в другом месте, вышло 150 человек. Местные митинги имеют различную направленность: против конкретных политиков (главы города, прокурора), присоединение к акции дальнбойщиков.

Накануне 9 сентября в Бурятии состоялись выборы в депутаты Народного Хурала (542 кандидата, 165 из них шли по одномандатному округу). Явка на региональных выборах 37,79 %. Итоги по партиям выглядят следующим образом: «Единая Россия» — 41,19 %, КПРФ — 25,95 %, ЛДПР — 11,94 %, «Справедливая Россия» — 9,41 %, «Коммунистическая партия социальной справедливости» — 4,82 % и «Гражданская платформа» — 2,25 % [Выборы в Народный... 2018]. Отметим, что во время выборов была пресечена очень странная попытка фальсификации семи бюллетеней в следственном изоляторе [Глава Бурятии... 2018].

Основу акции протеста 9 сентября составляли молодые люди от 18 до 25 лет, участники прошли маршем с красными шарами, дискутировали с полицией, доказывая законность своего мероприятия, выступили с речами и получили повестки, впрочем, никого не задержали [В Улан-Удэ прошла акция против... 2018].

Горно-Алтайск (индекс демократичности — 31, безличность — минус 1, богатый и несамостоятельный город). Сменились два градоначальника, первый управлял городом в течение двадцати лет, карьера закончилась арестом и следствием. Среднее экономическое развитие, богатый и несамостоятельный город, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 0,1 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная пла-

та — 31 776,7 руб. Согласованный митинг, перенесенный в отдаленную часть местного парка, собрал 25–100 участников. Невысокая протестная активность.

В Республике Алтай 9 сентября прошли 134 избирательных кампании по выборам в органы местного самоуправления в 83 муниципальных образованиях. В девяти районах выбирали депутатов райсоветов, в 55 поселениях — глав, в 70 селах — депутатов сельсоветов. В Горно-Алтайске состоялись выборы в городской совет. В них приняли участие 13 342 избирателя (30,9 %). Горожане выбирали депутатов в десяти одномандатных округах, а также голосовали за списки кандидатов пяти партий. Среди партий лидирует «Единая Россия» — за нее отдали голоса 47,24 % избирателей. Затем идут КПРФ (19,18 %), «Родина» (12,01 %), ЛДПР (11,92 %) и «Справедливая Россия» (6,57 %). В самой республике есть районы, где побеждает «Справедливая Россия» (Кош-Агаченский район), и при победе «Единой России» (44 %) упрочняет свои позиции «Родина» (24 %) [Результаты выборов в Горно-Алтайский... 2018].

Митинга 9 сентября в Горно-Алтайске не было, был санкционированный митинг 2 сентября под руководством КПРФ [2 сентября в Горно-Алтайске... 2018].

ЧЕСТНЫЙ АВТОРИТАРИЗМ (ВЫСОКАЯ МОНОПОЛИЯ — ВЫСОКАЯ БЕЗЛИЧНОСТЬ)

Чита (индекс демократичности — 29, безличность — 1, бедный и самостоятельный город). Сменились три градоначальника, последний управляет с 2000 г., заместители под следствием. Город отнесен к экономическим аутсайдерам, бедный и самостоятельный, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 0,7 %; среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 37 604,4 руб. Протестов практически нет.

Выборы в Законодательное собрание Забайкальского края 9 сентября показывают небольшой отрыв кандидатов «Единой России» (28,31 %) от КПРФ (24,65 %) и ЛДПР (24,56 %). «Справедливая Россия» набрала 8,94 %, «Партия пенсионеров России» — 6,05 %. Явка небольшая, иногда менее 20 %, тогда как на предыдущих вы-

борах была 27 % при доминировании «Единой России» — 44 % [Итоги выборов в парламент... 2018].

Акцию 9 сентября в Чите запретили, но организаторы воспользовались своим правом провести ее в Гайд-парке без согласования. Приняли участие около 100 человек, полиции и задержаний не было [Около 100 сторонников... 2018].

Омск (индекс демократичности — 28, безличность — 1, бедный и самостоятельный город). В Омске сменились шесть мэров, в основном выдвинувцев губернатора. Город отнесен к группе аутсайдеров, бедный и самостоятельный, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 6,3 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 31 077,4 руб. Митинг 2017 г. согласован в другом месте, приняло участие от 1500–5000 человек, задержаний нет. Акции протеста в Омске находят отражение в Сети. Повестка дня в основном федеральная.

На выборах победил временно исполняющий обязанности губернатора Александр Бурков, самовыдвиженец (член «Справедливой России», поддержан «Единой Россией» и КПРФ), результат — 82,56 % (550,2 тыс. жителей). Другие кандидаты: депутат горсовета Омска Алексей Ложкин от ЛДПР (8,5 %), член общественной палаты Омской области Анатолий Соловьев (3,85 %), кандидат от «Партии роста» Антон Дрязгов (2,35 %). Итоговая явка составила около 44 %. В сельских поселениях за Буркова проголосовали больше 80 % избирателей [Выборы в Сибири. Итоги... 2018].

Несанкционированный митинг в Омске состоялся 9 сентября 2018 г., в нем приняло участие несколько сотен человек, из которых 43 задержаны (в России больше только в Екатеринбурге — 53) [Акции протеста в день выборов... 2018].

Абакан (индекс демократичности — 26, безличность — 1, богатый и несамостоятельный город). Среднее экономическое развитие, богатый несамостоятельный город, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 4,2 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 37 008,1 руб. Крупные предприятия контролируются столичными бизнес-структурами. Основа местной экономики — сельское хо-

зайство, бюджетники и силовики. В согласованном митинге приняло участие 100 человек, особенностью был «свободный микрофон». Один задержанный. В городе время от времени проходят акции протеста как с политической повесткой (против губернатора), так и направленные на решение местных проблем.

Выборы 9 сентября в Хакасии — неожиданный результат. За две недели до выборов автор собирал интервью у лидеров протестных движений и кандидатов на пост губернатора, и никто из опрошенных не говорил о проигрыше действующего главы региона. Кандидат от «ЕР» на выборах главы Хакасии Виктор Зимин проиграл выборы коммунисту Валентину Коновалову, однако тот набирает менее 50 % голосов, так что Хакасию ждет второй тур. Кроме того, КПРФ набрала большинство по спискам на выборах парламента Хакасии. За коммунистов проголосовали 31,1 %, за «ЕР» — 25,26 %, за ЛДПР — 20,98 % [Выборы в Сибири. Итоги... 2018]. Понятно, что голосование было не столько «за» КПРФ, сколько против действующей власти, персонифицированной Зиминим, время от времени эпатазирующим общественность экстравагантными заявлениями. На этих же выборах действующий мэр города Николай Булакин (кстати, выдвигенец от «Единой России», руководит городом с 1995 г.) набирает 77,63 % при явке 34,17 %.

Митинга 9 сентября в городе не было, но он проходил накануне, 3 сентября, был организован КПРФ и собрал около 400 человек [Абаканцы сказали «НЕТ»... 2018]. Особенность протестного движения в Абакане — то, что ядром сообществ выступают официальные партии, прежде всего КПРФ с молодыми организаторами-функционерами и «возрастным» активом. Обычно власть согласовывает все протестные мероприятия. По мнению одного из экспертов, небольшое движение Навального носит в республике маргинальный характер и представлено молодежью из училищ и техникумов.

РЕЖИМ КОНТРОЛЯ

Кемерово (индекс демократичности — 24, безличность — минус 3, богатый и несамостоятельный город). Сменились три градо-

начальника, первый управлял городом 26 лет. Два других набирали на выборах до 90 % голосов избирателей. Среднее экономическое развитие, богатый и несамостоятельный город, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 0,3 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 34 485,8 руб. Митинг согласован в другом месте, приняли участие 250–400 человек. Высокая протестная активность с федеральной повесткой дня. После событий в «Зимней вишне» — резкий рост протестной активности, направленной против бывшего губернатора региона А. Тулеева и его администрации в поддержку нового губернатора.

К выборам 9 сентября в Кузбассе осталось много вопросов. Победитель — временно исполняющий обязанности губернатора Сергей Цивилев («Единая Россия») с результатом 81,29 %. Депутат парламента Кузбасса Игорь Украинцев от ЛДПР — 4,99 %, секретарь обкома КПРФ Владимир Карпов — 4,95 %, председатель отделения «Справедливой России» Татьяна Протас — 3,36 %, депутат горсовета Кемерово Юрий Скворцов от «Патриотов России» — 2,3 %, бизнес-омбудсмен Елена Латышенко от «Партии роста» — 1,38 %. Как видно, никто не перешагнул пятипроцентный барьер. Явка — 66,41 %, самая высокая в Сибири. Подсчет голосов в очередной раз вызывает сомнения, усиленные наличием странных событий накануне и в день голосования: озвучивание результатов за два часа до объявленного времени, резкое уменьшение и увеличение числа избирателей [Избирателей в Кузбассе... 2018]. Выборы в Совет народных депутатов — 84 % голосов от «Единой России», по 4 % у КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России», 2 % — «Патриоты России». Список «ЕР», по сравнению с предыдущим, «тулеевским», практически полностью обновлен. В общем все, как обычно: если хочешь оставить систему прежней, надо поменять людей.

Новокузнецк (индекс демократичности — 24, безличность — минус 3, богатый и несамостоятельный город). Сменились три градоначальника, первый осужден, два других выдвинуты губернатором. Среднее экономическое развитие, удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 18,8 %, среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата —

32 403,5 руб. Митинг согласован в другом месте, приняли участие 700 человек, один задержан. С сентября 2017 г. прошла серия митингов против разработки карьеров. Акции имели согласованный и несогласованный характер, проводились на площади, в поселках и на автодорогах. Организаторы — местные активисты.

Выдвиженец «Единой России» мэр Сергей Кузнецов 9 сентября был переизбран с результатом 69,8 %. Результат других кандидатов не впечатляющий: первый секретарь горкома КППРФ Леонид Бураков — 8,99 %, депутат горсовета Новокузнецка Евгений Смехнов от ЛДПР — 7,45%, депутат горсовета Владимир Пронин от «Справедливой России» — 6,24%, Денис Елькин и Дмитрий Чертов набрали около 3 %. Явка — 45,79 %. Отметим, что в Новокузнецке явка слабее, чем по региону. В центральном районе города и в г. Междуреченск губернатор Сергей Цивилев набрал меньше всего голосов.

Протесты 9 сентября в городах Кемерово и Новокузнецк начались с задержания активистов. Были задержаны по два человека в каждом городе, после чего протест плавно перешел в онлайн-среду. Протестное движение в Кузбассе расколото на несколько частей. Официальные партии практически не взаимодействуют с неофициальными движениями. Север (Кемерово) требует подчинения Юга (Новокузнецк, Мыски и Междуреченск, где проживают наиболее активные протестующие) и переигрывает его в организационных играх. По крайней мере штаб Навального в Новокузнецке закрыли. Старшее по возрасту и политическому опыту поколение сочувствует, но скорее не воспринимает всерьез и не поддерживает молодежные инициативы. Если к этому добавить ухудшение экологической обстановки, беззаконие и произвол угольных компаний, отток населения из региона, авторитарную модель управления, сочетающую в себе неопатримониализм, местную олигархию и до недавнего времени социалистическую риторику, становятся понятными невысокие шансы развития протестных сообществ.

Кызыл (индекс демократичности — 23, безличность — минус 3, богатый и несамостоятельный город). Сменились три градоначальника, обычно в публикациях подчеркивается клановый характер системы управления. Город отнесен к группе экономических аутсайдеров, оценивается как богатый и несамостоятельный.

Удельный вес в локальной экономике региона по добыче полезных ископаемых — 80,3 %; среднемесячная (номинальная начисленная) заработная плата — 38 429 руб. Митинг согласован. Приняли участие 20–50 человек. Протестная активность носит характер столкновений с местными чиновниками по вопросам местной коррупции, невыполнения местными властями социальных обязательств (захват сиротами Агентства по делам семьи и детей).

Явка в Кызыле на выборах депутатов Хурала пятого созыва 9 сентября 2018 г., составила 51,44 % (рост по сравнению с прошлыми выборами 43 %). Выборы проводились по смешанной системе (26 человек, половина — по одномандатным округам, половина — по партийным спискам). «Единая Россия» получила поддержку 78 % избирателей. На втором месте — КПРФ (8,4 %), на третьем — ЛДПР (5,47 %), на четвертом — «Справедливая Россия» (5,26 %). Десять человек от «ЕР» прошли по одномандатным округам [Выборы депутатов Хурала... 2018]. Увеличение веса оппозиции в парламенте не является признаком роста демократии, так как все кандидатуры победителей за два месяца до выборов были согласованы с губернатором [Эксперт: власти Тувы... 2018]. О митингах и протестах 9 сентября сообщений нет.

ВЫВОДЫ

1. Наша гипотеза о том, что основой протестного движения в городах выступают активисты, сосредоточенные на решении локальных территориальных проблем, пока не нашла своего подтверждения. В основе протеста — протестные объединения с федеральной повесткой (пенсионная реформа, доступ к участию в выборах, коррупция). Активисты регулярно проводят свои публичные мероприятия, привлекают внимание средств массовой информации и участников, дают возможность для выдвижения своих требований представителям объединений с неполитической повесткой дня: автомобилистам, экологам, противникам той или иной застройки, обманутым дольщикам и т.д. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в крупных городах, где противники масштабного строительства («Четвертый мост» и «мусорный по-

лигон» в Новосибирске), экологические проблемы (Красноярск), строительство храмов в микрорайонах (Томск) получают организационную и информационную поддержку от политических активистов партий и объединений самого широкого идеологического направления. В настоящий момент городские конфликты, связанные с ростом мигрантов или утверждением очередных духовных ценностей и скреп, практически не проявляются, а те, что происходят, носят скорее бытовой или территориальный характер.

2. Тем не менее можно отметить рост протестных настроений, что проявляется в увеличении числа митингов, количества митингующих, числе задержанных, в результатах различных электоральных мероприятий по формированию органов власти. Пока сложно выделить некоторые единые тенденции, но можно обозначить два типа предъявляемых к власти требований — протест против нарушения «социального» контракта (КПРФ, НОД, «Пенсионеры за достойную жизнь» и т.д.) и протест за соблюдение «политического контракта», то есть соблюдения духа Конституции РФ (сторонники Навального, «Яблока» и т.д.). Как правило, митинги организуются вокруг тех или иных лозунгов, но идеологические противники время от времени предоставляют друг другу площадки для выступлений. Масштабные протестные мероприятия посещают депутаты различных уровней власти, от федеральной до районной, позиционирующие себя как оппозиционные или независимые.

3. Пока сложно сказать о росте организованности протестных объединений. Нет точно сформулированных целей, программ, стабильных ресурсов, разноплановых и разноуровневых мероприятий, закрепленных и признанных успехов и их расширения. Картина существенно различается от города к городу, и все же отметим, что более или менее высокая организованность свойственна городам с режимом координации. Понятно, что официальная власть выработала достаточно эффективный комплекс информационных и организационных мероприятий для закрепления и стабилизации своих позиций и борьбы с протестующими: разделение «улицы» и «лидеров» (стремление представить протест как реализацию личных амбиций социальных неудачников), «возглавление» (проведение протестных мероприятий и участие в них представителей офи-

циальных структур с плавной заменой требований, особенно если повестка дня носит локальный характер и связана с вопросами использования территории), «прополка» и заморозка» (точечные, пока больше административные репрессии до и после митингов и пикетов), «взращивание» (создание собственных, лояльных сообществ, как правило, «патриотической» направленности).

В свою очередь, организационная структура протестных сообществ, по оценкам наших экспертов, существенно ослабляется латентным конфликтом между структурами федерального и местного уровня, ориентацией на авторитарные методы борьбы (протестующие не создают собственных пространств и форм противостояния, а в основном используют те же средства, что и действующая власть) и наличием в протестных сообществах двух сложно сочетаемых между собой типов поведения и стратегий развития. В рассказах экспертов можно выделить два типа установок, габитусов со своими фреймами, символами, идентичностями. Первый тип — менеджеры, обычно подробно рассказывают о проблемах организации, решении юридических вопросов, координации с другими объединениями. У них, как правило, есть опыт работы в различных партийных оппозиционных структурах и т.д. М. Вебер бы отнес их к целерациональному типу, Лассуэлл — к организаторам. Второй тип — энтузиасты, уделяют больше внимания обоснованию своих требований и способам противодействия власти в борьбе с несправедливостью. Соответственно, здесь можно говорить о ценностно-рациональном поведении и агитаторах. Пока, по нашим наблюдениям, эти наиболее распространенные типы скорее находятся в отношениях скрытого конфликта и конкурируют за ключевые позиции, а не взаимодополняют друг друга.

Если исходить из критериев, предложенных Ч. Тилли, то большая часть протестов ориентирована на недемократические методы борьбы. Протестующие скорее используют те же способы действия властей, в утрированной и карикатурной форме, чем конструируют собственные автономные методы, обычно вторгаются в пространства власти, чем создают собственные заметные общественные места, чаще используют оскорбительную символику для демонстрации обид и требований, чем вырабатывают собственные программы и символы общности.

4. Сложившиеся в сибирских городах властные «режимы координации» или «контроля», в целом ориентированные на политические инициативы федерального центра, предоставляют разные шансы на реализацию протестных настроений и инициатив, сформулированных протестными сообществами. В настоящий момент мы видим, что соблюдение норм действующего законодательства в той, безусловно, узкой, но очень важной области, как подсчет голосов, неучастие в массовых электоральных фальсификациях определяют возможности населения в выдвижении и отстаивании требований. Мы видим, что в Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Абакане митинговая активность подкрепляется успехами в победе «оппозиционных» кандидатов. Конечно, доминирующие коалиции удерживают ключевые позиции и делают соответствующий настройкам апгрейд своих кандидатов, проводя наиболее авторитетных из них как самовыдвиженцев. Понятно, что представители официальных партий при голосовании по ключевым проблемам очень редко проявляют самостоятельность и уж, конечно, судя по ключевым голосованиям (в городе это прежде всего тарифная политика, вопросы экологии и землепользования), интересы избирателей — это последнее, что принимается во внимание.

Но следует учесть, что за каждым представителем КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» стоят бизнес-сообщества, конкурентные тем, которые поддерживаются «Единой Россией» (здесь в фокусе внимания проблемы подрядов и субподрядов по различным тендерам), и чиновники, амбиции которых не удовлетворены существующим статусным положением. Рост представителей неправящей партии в региональных и городских структурах не означает автоматического снисхождения благодати на население, но в целом влечет скорее положительную тенденцию, направленную на большую прозрачность и подотчетность власти, по крайней мере в вопросах «земли». Отметим также в этих городах регулярную и растущую протестную активность в вопросах «воли».

В городах, где есть серьезные сомнения в честности при подсчете голосов или по крайней мере были зафиксированы малообъяснимые аномалии (Кемерово, Новокузнецк, Кызыл, Горно-Алтайск, Улан-Удэ), протестное движение либо носит маргинальный

характер, либо, судя по некоторым экспертным данным, подчинено традиционной борьбе родовых кланов. В них мало меняется расстановка действующих сил, и если и происходят изменения, то они вызваны либо экстремальными событиями, либо точечными инициативами федерального центра. Впрочем, федеральный центр при необходимости всегда может усилить степень контроля, подчиняя город интересам региона, как это произошло в течение десяти лет в Томске и происходит в Новосибирске. Заметим, что усиление федерального контроля, политические договоренности между главами региона и города повышают степень репрессивности в отношении протестующих. Сложившая структура властных коалиций скорее гасит, чем поддерживает любые низовые, в том числе и рациональные, инициативы.

Городские активисты способны создавать эффективные «протестные сообщества», если в их состав входят люди, обладающие политическим и административным опытом, есть политически неангажированные властью городские средства массовой информации и силовые ведомства не проявляют особой активности в политической борьбе. Как правило, это крупные, торговые, промышленные (несырьевые), университетские города, где достигнуто «силовое» равновесие элит, существует противостояние региональных и городских властей, и достигнут относительный уровень экономического благополучия. Омск и Барнаул с их тяжелой экономической и демографической ситуацией пока подтверждают это правило.

5. В настоящий момент исследование не завершено. В сентябре в шести регионах произошли (официально закрепились) ключевые кадровые изменения, в четырех существенно изменился состав законодательных органов власти, пришли в большем количестве люди, публично придерживающиеся иных ценностных идеалов и построившие свои кампании на критике действующей власти. Федеральный «социальный контракт» нарушен, экономическая ситуация по официальным данным улучшается [Благосостояние россиян в 2018 году... 2018], но по оценкам опрошенных экспертов ухудшается (ни один из них не дал положительных оценок в этой области), так что протестные настроения будут расти. Здесь инте-

ресны три исследовательских вопроса: в каких городах протестующие смогут добиваться удовлетворения требований, какими способами и по каким проблемам? Рискнем предположить, что нас ждет рост активности в городах, имеющих опыт политического успеха, — Новосибирске, Красноярске, Иркутске (режимы кооперации) — с самым широким диапазоном средств (от митингов до привычных жалоб и непривычных обращений в суд) и по самой широкой протестной повестке, в идеале совмещающей локальные территориальные проблемы с политическими правами и свободами («земля и воля»). Возможным поводом будут конфликты с православной церковью, что, с одной стороны, стимулируется ростом активности религиозных организаций, их попытками влиять на повседневную жизнь, с другой — после принятия закона о пенсиях исчерпанностью политической повестки.

Литература и источники

Абаканцы сказали «НЕТ» пенсионной реформе // 19RUS.INFO 02.09.2018. URL: <http://www.19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/89696-abakantsy-skazali-net-pensionnoj-reforme> (дата обращения: 15.10.2018).

Акции протеста в день выборов. Хроника. Как в России протестовали против повышения пенсионного возраста // Медуза. 09.09.2018. URL: <https://meduza.io/live/2018/09/09/aktsii-protesta-protiv-pensionnoy-reformy-v-den-vyborov-hronika> (дата обращения: 15.10.2018).

Аналитический отчет о проведении социологического исследования «Динамика протестной активности: 2012–2013» // Гефтер. 2013. URL: <http://gefter.ru/archive/9579> (дата обращения: 15.10.2018).

Анатомия протеста. Оппозиция в лицах, интервью программах. М.: Алгоритм, 2013.

Благосостояние россиян в 2018 году вырастет на 6 % // Известия. 23.03.2018. URL: <https://iz.ru/723549/2018-03-23/blagosostoianie-rossiiian-v-2018-godu-vyrastet-na-6> (дата обращения: 15.10.2018).

Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым // STRELKA KB. 2017. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (дата обращения: 18.03.2018).

В Улан-Удэ прошла акция протеста против повышения пенсионного возраста // БМК. Информационное агентство. 10.09.2018. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/352454/> (дата обращения: 15.10.2018).

В городах Сибири прошли акции против пенсионной реформы // Радио Свобода. 09.09.2018. URL: <https://www.svoboda.org/a/29479785.html> (дата обращения: 15.10.2018).

Вавилина Н.Д., Котов Д.А. Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности // Идеи и идеалы. 2018. № 1, т. 2. С. 176–189. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-176-189.

Выборы в Народный Хурал — 2018: имена победителей// Ариг Ус. 10.09.2018. URL: <https://arigus.tv/news/item/117250/> (дата обращения: 15.10.2018).

Выборы депутатов Хурала — представителей Кызыла: победили единороссы // ИА REGNUM. 12.09.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2480261.html> (дата обращения: 15.10.2018).

Выборы в Сибири. Итоги // ТВ-2. 29.11.2018. URL: <http://tv2.today/Istorii/Vybory-v-sibiri-itogi> (дата обращения: 15.10.2018).

Выборы губернатора Новосибирской области 9 сентября 2018 — результаты // VN.RU. 09.09.2018. URL: <https://vn.ru/news-vybory-gubernatora-novosibirskoy-oblasti-9-sentyabrya-2018-rezultaty/> (дата обращения: 15.10.2018).

Глава Бурятии: попытка фальсификации избирательных документов дискредитирует выборы // ТАСС. 10.09.2018. URL: <https://tass.ru/sibir-news/5545943> (дата обращения: 15.10.2018).

Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Города России 2010–2011 // Социальный атлас российских регионов. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/goroda.shtml (дата обращения: 15.10.2018).

Избирателей в Кузбассе стало на 250 тыс. меньше перед выборами // ТАЙГА.INFO. 10.09.2018. URL: <https://tayga.info/142456> (дата обращения: 15.10.2018).

Источники и риски протестной активности в 2012 году // Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг» 12.04.2018. URL: http://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Riski_prottestov_12_04.pdf (дата обращения: 15.10.2018).

Итоги выборов в Сибири. Кандидаты, голоса, явка // Коммерсант-Новосибирск. 29.11.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3737738> (дата обращения: 15.10.2018).

Итоги выборов в парламент Забайкалья: «Единая Россия» значительно ослабла // REGNUM.RU 10.09.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2478736.html> (дата обращения: 15.10.2018).

Кемеровская трагедия и региональный индекс институционального разложения — Андрей Илларионов 2018 // ALLARIONOV. 28.03.2018. URL: <https://aillarionov.livejournal.com/1055785.html> (дата обращения: 05.04.2018).

«Мы не немые»: антропология протеста в России 2011–2012 годов // сост. А. Архипова, М. Алексеевский. Тарту: ЭЛМ, 2014. URL: <http://www.academia.edu/9046702/> (дата обращения: 15.10.2018).

Митинг-шествие против пенсионного возраста в Томске // ТВ-2. 09.09.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rcVaSV1DYuA> (дата обращения: 15.10.2018).

Лахман Р. Что такое историческая социология? / пер. с англ. М.В. Дондуковского; под науч. ред. А.А. Смирнова. М.: Издат. дом «Дело» РАН-ХиГС, 2016.

Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012.

Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4: Глобализация, 1945–2011 гг. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Овчинников Б. Сто восемьдесят честных городов России // Троицкий вариант. 28.02.2012. URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov/> (дата обращения: 10.02.2018).

Около 100 сторонников Навального провели митинг в Чите // Чита.ру. 09.09.2018. URL: <https://www.chita.ru/news/120598/> (дата обращения: 10.02.2018).

Окончательные результаты выборов депутатов Законодательного собрания Приангарья // IRKUTSKMEDIA.RU. 09.09.2018. URL: <https://irkutskmedia.ru/news/732447/> (дата обращения: 15.10.2018).

Опубликованы окончательные итоги выборов в Горсовет Красноярска // NEWSLAB.RU. 10.09.2018. URL: <http://newslab.ru/news/854999> (дата обращения: 15.10.2018).

Пермякова В.С. Динамика протестного движения в России 2012 г.: кроссрегиональный сравнительный анализ // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2017. № 3. С. 104–105.

Петров Н.В., Титков А.С. Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю // Московский центр Карнеги. Декабрь 2013. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (дата обращения: 10.03.2018).

По всей России прошли митинги сторонников Алексея Навального, задержаны сотни людей. Посмотрите, как это было // Медуза. 09.09.2018. URL: <https://meduza.io/feature/2018/09/09/po-vsey-rossii-proshli-mitingi-protiv-pensionnoy-reformy-zaderzhany-sotni-lyudey-posmotrite-kak-eto-bylo> (дата обращения: 15.10.2018).

Приангарье: активиста задержали после несогласованного митинга // Сибирь Реалии. 10.09.2018. URL: <https://www.sibreal.org/a/29481070.html> (дата обращения: 15.10.2018).

Результаты выборов в Законодательное собрание Иркутской области: за КПРФ проголосовали 33,9 % избирателей, за «Единую Россию» — 27,8 % // Комсомольская правда — Иркутск. 10.09.2018. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26876.5/3923095/> (дата обращения: 15.10.2018).

Результаты выборов в Горно-Алтайский городской совет // Новости Горного Алтая. 12.09.2018. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/82883> (дата обращения: 15.10.2018).

Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.: пер. с англ. М.: Олимп-бизнес, 2007.

Харви Д. Право на город // Логос. 2008. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf (дата обращения: 15.10.2018).

«Хочу дожить до пенсии»: 10 эффектных снимков с прошедшего митинга против пенсионной реформы // NGS24.RU 09.09.2018. URL: <https://ngs24.ru/news/more/65366201/> (дата обращения: 15.10.2018).

Четыре масти Новосибирской власти. Часть 1. Бубны 2017. Сергей Спицын // ФедералПресс. 12.07.2017. URL: <http://fedpress.ru/article/1818291> (дата обращения: 15.10.2018).

Шпилькин С. Математика выборов // Троицкий вариант. 20.12.2012. № 94. URL: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011> (дата обращения: 10.02.2018).

Щербак А.Н., Смирнова Д.О., Озернова Е.П., Лепешко Е.В., Купка А.П., Калинин А.Н. Холодильник vs. телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу РФ 2016 г // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2017. № 3. С. 137–155.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Издат. дом Высшей школы экономики. 2017.

Эксперт: власти Тувы создают видимость политической конкуренции // Республика Тыва. Клуб Регионов. Федеральная экспертная сеть. 12.10.2018. URL: <http://club-rf.ru/17/detail/2632> (дата обращения: 15.10.2018).

2 сентября 2018 г. в Горно-Алтайске состоялся митинг против пенсионной реформы правительства // БЕЗФОРМАТА. Горно-Алтайск. 02.09.2018. URL: <http://gornoaltaysk.bezformata.ru/listnews/miting-protiv-pensionnoj-reformi/69335106/> (дата обращения: 15.10.2018).

12 июня на улицы вышло больше людей, чем 26 марта. Карта протестов «Медузы» и «ОВД-Инфо». Самые полные данные // Медуза 13.06.2017. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudey-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhali> (дата обращения: 15.10.2018).

LAND AND FREEDOM: URBAN REGIMES AND PROTEST COMMUNITIES IN SIBERIAN CITIES

Yu. Pustovoyt

Abstract. *The study is aimed at studying the interaction of power groups and protest communities, considered within the framework of the concept of urban political regimes. Two main types of urban political regimes are highlighted: the regime of “control” and the regime of “coordination”. On the basis of a comparison of protest activities in the cities of Siberia, observations and interviews with activists of the protest movement, and the results of the September 9 elections, preliminary conclusions about the relationship between the city’s political regime and protest activity were made. The public is becoming an influential subject and it is able to unite and defend its interests so far only in large, industrial, independent, university cities. Here, power coalitions are oriented rather economic than political goals, there is some balance of power of elites, there is opposition between regional and city authorities, and some relative level of economic well-being has been achieved.*

Keywords: *urban regime, elitism, pluralism, political elite, city, protest community, Siberia.*

References

Abakancy skazali “NET” pensionnoj reforme [Abakans said “NO” to pension reform], *19RUS.INFO* 02.09.2018. URL: <http://www.19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/89696-abakantsy-skazali-net-pensionnoj-reforme> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Akcii protesta v den’ vyborov. Hronika. Kak v Rossii protestovali protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [Protests on election day. Chronicle. As in Russia, they protested against raising the retirement age.]. *Meduza*, 09.09.2018. URL: <https://meduza.io/live/2018/09/09/aktsii-protesta-protiv-pensionnoy-reformy-v-den-vyborov-hronika> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Analiticheskij otchet o provedenii sociologicheskogo issledovaniya «Dinamika protestnoj aktivnosti: 2012–2013» [Analytical report on the

sociological research “Dynamics of protest activity: 2012–2013”], *Gefter*, 2013 URL: <http://gefter.ru/archive/9579> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Anatomiya protesta. Oppozitsiya v lichah, interv'yu programmah [Anatomy of protest. Opposition in persons interview programs]. Moscow: Algoritm, 2013. (In Russian)

Blagosostoyanie rossiyan v 2018 godu vyrastet na 6 % [The welfare of Russians in 2018 will grow by 6 %], *Izvestiya*, 23.03.2018. URL: <https://iz.ru/723549/2018-03-23/blagosostoianie-rossiian-v-2018-godu-vyrastet-na-6> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Bogatstvo i samostoyatel'nost': chto delaet byudzheth goroda ustojchivym [Wealth and independence: what makes the city budget sustainable], *STRELKA KB*. 2017. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V. G. *Vlast' v malom rossiiskom gorode*. [Power in a small Russian city]. Moscow: Izd. Dom Vyssei shkoly ekonomiki, 2017. (In Russian)

Chetyre masti Novosibirskoj vlasti. CHast' 1. Bubny 2017. Sergej Spicyn [Four suits of Novosibirsk authorities. Part 1. Tambourines 2017.], *FederalPress*, 12.07.2017. URL: <http://fedpress.ru/article/1818291> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Ehkspert: vlasti Tuvy sozdayut vidimost' politicheskoy konkurencii [Expert: Tuva authorities create the appearance of political competition], *Respublika Tyva. Klub Regionov. Federal'naya ehkspertnaya set'*. 12.10.2018 URL: <http://club-rf.ru/17/detail/2632> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Glava Buryatii: popytka fal'sifikacii izbiratel'nyh dokumentov diskreditiruet vybory [Head of Buryatia: an attempt to falsify electoral documents discredits elections], *TASS* 10.09.2018. URL: <https://tass.ru/sibir-news/5545943> (available: 15.10.2018) (In Russian)

Gorodskie dvizheniya Rossii v 2009–2012 godah: na puti k politicheskomu / Pod redakciej Karin Kleman. [Urban Movements of Russia in 2009–2012: Towards a Political]. Moscow: NIO, 2013. (In Russian)

Goroda Rossii 2010–2011 [Cities of Russia 2010–2011], *Social'nyj atlas rossijskih regionov*. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/goroda.shtml (available: 15.10.2018). (In Russian)

Harvey D. *Right to the City — Logos 2008*. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf (available: 15.10.2018). (In Russian)

«Hochu dozhit' do pensii»: 10 ehffektnyh snimkov s proshedshego mitinga protiv pensionnoj reform [“I want to live to retirement”: 10 spectacular shots from the last rally against the pension reform], *NGS24.RU*, 09.09.2018 URL: <https://ngs24.ru/news/more/65366201/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Izбирatelej v Kuzbasse stalo na 250 tys. men'she pered vyborami [Voters in the Kuzbass became 250 thousand less before the elections], *TAYGA.INFO*, 10.09.2018. URL: <https://tayga.info/142456> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Istochniki i riski protestnoj aktivnosti v 2012 godu [Sources and risks of protest activity in 2012], *KOMMUNIKACIONNYJ HOLDING «MINCHENKO KONSALTING»*, 12.04.2018. URL: http://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Riski_protestiv_12_04.pdf (available: 15.10.2018). (In Russian)

Itogi vyborov v Sibiri. Kandidaty, golosa, yavka [The results of the elections in Siberia. Candidates, votes, turnout], *Kommersant-Novosibirsk*, 29.11.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3737738> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Itogi vyborov v parlament Zabajkal'ya: «Edinaya Rossiya» znachitel'no oslaba [The results of elections to the Transbaikalia parliament: “United Russia” has significantly weakened], *REGNUM.RU*, 10.09.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2478736.html> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Kemerovskaya tragediya i regional'nyj indeks institucional'nogo razlozheniya — Andrej Illarionov 2018 [Kemerovo tragedy and regional index of institutional decay — Andrey Illarionov 2018], *ALLARIONOV*, 28.03.2018. URL: <https://aillarionov.livejournal.com/1055785.html> (available: 15.10.2018) (In Russian)

Lachmann R. Chto takoe istoricheskaya sociologiya? [Lachmann Richard *What is Historical Sociology?*]. Transl. from English to Russian. Moscow: Izd. dom «Delo», 2016. (In Russian)

Ledyaev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh*. [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: ID NIU VShE. 2012. (In Russian)

«My ne nemy»: *Antropologiya protesta v Rossii 2011–2012 godov* [“We are not mute”: *Anthropology of protest in Russia 2011–2012*]. Sostaviteli A. Arhipova, M. Alekseevskij. Tartu: Nauchnoe izdatel'stvo EHLM, 2014. URL: <http://www.academia.edu/9046702/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Miting shestvie protiv pensionnogo vozrasta v Tomske [Rally march against retirement age in Tomsk], *TV-2*, 09.09.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rcVaSV1DYyA> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Mann M. *Istochniki social'noj vlasti: v 4-h tomah. T. 4: Globalizaciya, 1945–2011 gg.* [The Sources of Social Powe. Vol. 4: Globalizations, 1945–2011]. Transl. from English to Russian. Moscow: Izd. dom «Delo», 2018. (In Russian)

Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*

[*Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*]. Transl. from English to Russian. Moscow: Institut Gaydara Publ. 2011. (In Russian)

Ovchinnikov B. Sto vosem'desyat chestnyh gorodov Rossii [One hundred and eighty honest cities of Russia], *Troickij variant*, 28.02.2012 URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Okolo 100 storonnikov Naval'nogo proveli miting v Chite [About 100 supporters of Navalny held a rally in Chita], *Chita ru*, 09.09.2018. URL: <https://www.chita.ru/news/120598/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Okonchatel'nye rezul'taty vyborov deputatov Zakonodatel'nogo sobraniya Priangar'ya [The final results of the election of deputies of the Legislative Assembly of Priangarie], *IRKUTSKMEDIA.RU*, 09.09.2018. URL: <https://irkutskmedia.ru/news/732447/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Opublikovany okonchatel'nye itogi vyborov v Gorsoviet Krasnoyarska [The final results of the elections to the City Council of Krasnoyarsk are published], *NEWSLAB.RU*, 10.09.2018. URL: <http://newsrab.ru/news/854999> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Permyakova V.S. Dinamika protestnogo dvizheniya v Rossii 2012 g.: krossregional'nyj sravnitel'nyj analiz [Dynamics of the protest movement in Russia in 2012: a cross-regional comparative analysis]. *Review of Political Science*, 2017, no. 3, pp. 104–105. (In Russian)

Petrov N.V., Titkov A.S. Rejting demokraticnosti regionov Moskovskogo centra Karnegi: 10 let v stroyu [Rating of the democracy of the regions of the Moscow Carnegie Center: 10 years in the ranks], *Moskovskij centr Karnegi*. December 2013. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (available: 15.10.2018). (In Russian)

Po vsej Rossii proshli mitingi storonnikov Alekseya Naval'nogo, zaderzhany sotni lyudej. Posmotrite, kak ehto bylo [Across Russia, meetings of supporters of Alexei Navalny were held, hundreds of people were detained. Look how it was], *Meduza*, 09.09.2018. URL: <https://meduza.io/feature/2018/09/09/po-vsey-rossii-proshli-mitingi-protiv-pensionnoy-reformy-zaderzhany-sotni-lyudej-posmotrite-kak-eto-bylo> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Priangar'e: aktivista zaderzhali posle nesoglasovannogo mitinga [Priangare: activist detained after an uncoordinated rally], *Sibir' Realii*, 10.09.2018. URL: <https://www.sibreal.org/a/29481070.html> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Rezul'taty vyborov v Zakonodatel'noe sobranie Irkutskoj oblasti: za KPRF progolosovali 33,9 % izbiratelej, za "Edinuyu Rossiyu" — 27,8 % [The results of elections to the Legislative Assembly of the Irkutsk Region: 33.9 % of voters

voted for the Communist Party, for “United Russia” — 27,8%], *Komsomol'skaya pravda — Irkutsk*. 10.09.2018. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26876.5/3923095/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Rezultaty vyborov v Gorno-Altajskij gorodskoj sovet [The results of the elections to the Gorno-Altai City Council], *Novosti Gornogo Altaya*, 12.09.2018. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/82883> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Tilly Ch. *Bor'ba i demokratiya v Evrope, 1650–2000 gg.* [Contention and Democracy in Europe, 1650–2000]. Transl. from English to Russian. Moscow: Olimp-biznes, 2007. (In Russian)

Shpil'kin S. Matematika vyborov [Mathematics of elections], *Troickij variant*, 20.12.2012, no. 94. URL: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Shcherbak A.N., Smirnova D.O., Ozernova E.P., Lepeshko E.V., Kupka A.P., Kalinin A.N. Holodil'nik vs. televizor? ehkonomicheskoe golosovanie na vyborah v gosudarstvennyu dumu RF 2016 g [Refrigerator vs. television? economic voting in the elections to the State Duma of the Russian Federation 2016], *Review of Political Science*, 2017, no. 3, pp. 137–155. (In Russian)

V Ulan-Udeh proshla akciya protesta protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [In Ulan-Ude, a protest against raising the retirement age], *BMK Informacionnoe agenstvo*, 10.09.2018. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/352454/> (available: 15.10.2018) (In Russian)

V gorodah Sibiri proshli akcii protiv pensionnoj reformy [Actions against pension reform took place in cities of Siberia], *Radio Svoboda*, 09.09.2018. URL: <https://www.svoboda.org/a/29479785.html> (available: 15.10.2018) (In Russian)

Vavilina N.D., Kotov D.A. Regional'nye osobennosti protestnogo potentsiala v usloviyah social'noj napryazhennosti [Regional features of the protest potential in conditions of social tension], *Ideas & Ideals*, 2018, no. 1, t. 2, pp. 176–189, doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-176-189. (In Russian)

Vybory v Narodnyj Hural–2018: Imena pobeditelej [Elections to the People's Khural–2018: Names of the winner], *Arig Us*, 10.09.2018. URL: <https://arigus.tv/news/item/117250/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Vybory deputatov Hurala predstavitelej Kyzyla: pobedili edinorossy [Elections of deputies of the Khural of Kyzyl representatives: United Russia party won], *IA REGNUM*, 12.09.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2480261.html> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Vybory v Sibiri. Itogi [Elections in Siberia. Results], *TV-2*, 29.11.2018. URL: <http://tv2.today/Istorii/Vybory-v-sibiri-itogi> (available: 15.10.2018). (In Russian)

Vybory gubernatora Novosibirskoj oblasti 9 sentyabrya 2018 — rezul'taty [Election of the governor of the Novosibirsk region September 9, 2018 — results], *VN.RU*, 09.09.2018. URL: <https://vn.ru/news-vybory-gubernatora-novosibirskoy-oblasti9-sentyabrya-2018-rezultaty/> (available: 15.10.2018). (In Russian)

2 sentyabrya 2018g. v Gorno-Altajske sostoyalsya miting protiv pensionnoj reformy pravitel'stva [September 2, 2018 in Gorno-Altai, a rally was held against the pension reform of the government], *BEZFORMATA. Gorno-Altajsk*, 02.09.2018. URL: <http://gornoaltaysk.bezformata.ru/listnews/miting-protiv-pensionnoj-reformi/69335106/> (available: 15.10.2018) (In Russian)

12 iyunya na ulicy vyshlo bol'she lyudej, chem 26 marta Karta protestov «Meduzy» i «OVD-Info». Samye polnye dannye [On June 12, more people took to the streets than on March 26, the Medusa and OVD-Info protests map. The most complete data], *Meduza*, 13.06.2017. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudej-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhali> (available: 15.10.2018). (In Russian)

ОТСТАВКИ И ВЫБОРЫ 2018 г.: ОБНОВЛЕНИЕ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА, БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРЫ НОВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

А.С. Быстрова

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.12>

Аннотация. В плане (пере)формирования корпуса региональных элит 2018 год оказывается весьма знаменательным. Состоялись отставки ряда губернаторов (продолжая цепь событий 2017 г.). Затем были проведены выборы глав 26 субъектов РФ. В том числе 22 — прямые выборы и четыре — посредством голосования органов представительной власти регионов. Из прошедших 22 прямых выборов в четырех потребовались вторые туры. В Приморском крае результаты выборов признаны недействительными. В двух субъектах РФ вопрос о главе региона будет решаться в единый день голосования в 2019 г.

Из 26 глав субъектов РФ из прежнего корпуса сохранили свои властные позиции только четверо — это губернаторы Москвы, Московской области, Чукотского автономного округа и глава Ингушетии. Среди новых персонажей, достигших постов глав регионов, встречаются «карьерные» управленцы, выходяцы из силовых структур, депутатского корпуса. Их биографии и карьерные траектории различны. Оставляя за скобками обстоятельства прихода к власти (неизвестные широкой публике истинные мотивы и планы политических партий, администрации президента и прочих политических акторов и субъектов принятия решений), можем утверждать, что все отчетливее проявляется тенденция омоложения губернаторского корпуса.

Ключевые слова: региональные элиты, выборы глав субъектов РФ, рекрутирование глав регионов, карьеры.

Формирование губернаторского корпуса — важная составная часть упрочения «вертикали власти» и государственного управления в Российской Федерации. Главы субъектов РФ, будучи «верши-

ной» исполнительной власти в регионах, практически полностью отвечают за реализацию решений федерального центра (ФЦ). При этом объем их полномочий часто недостаточен для выполнения задач, предписанных им документами ФЦ и субъекта РФ, который они возглавляют. Форма ответственности в основном административная (например, отставки, отстранения от занимаемой должности). В редких случаях политическая ответственность, например проигрыш на выборах главы региона.

Понятен поэтому действенный интерес ФЦ к формированию корпуса губернаторов. Устанавливаемый законодательно порядок и процедуры выдвижения, назначения и выборов кандидатов на пост главы субъекта РФ, серии неформальных контактов и переговоров, интенсивная работа политтехнологов в регионах в периоды избирательных кампаний и т.д. — все направлено на обеспечение продвижения в главы конкретных субъектов РФ определенных персонажей.

Среди исследователей распространена оценка современной российской системы распределения кадров как содержащей в себе «рецидивы советской партийной кадровой политики», механизмы которой способствовали «созданию на властном олимпе “кавказского”, “днепропетровского”, “ставропольского” (в российской практике — “свердловского”) кланов, доказавших свою историческую и практическую несостоятельность». Цитируемый автор, также присоединяясь к неодобрительному мнению других специалистов, оценивает опору на прошлый опыт при формировании нынешней «властвующей петербургской элиты» по принципу «любые свои лучше талантливых чужих» [Анисимов 2010: 53]. Отмечая положительные тенденции «рационализации кадровых процессов и конкретных назначений на высшие государственные должности», В. Анисимов указывает на укоренение «системных негативных тенденций». Перечисляемые им явления можно обозначить как «лояльность и личные связи вместо профессионализма и компетентности».

С. Хантингтон в работе «Политический порядок в меняющихся обществах» утверждал: «В политической системе с высоким уровнем институционализации важнейшие позиции в руководстве

системой обычно достижимы лишь для тех, кто прошел период ученичества на менее важных позициях». Индивиды готовятся к занятию высших должностей. Речь идет о целой системе институтов, выполняющих функцию политической и профессиональной социализации. Они также «играют роль фильтров, через которые должны пройти те, кто стремится достичь центра» [Хантингтон 2004: 40].

В РФ, переживающей уже не первое десятилетие масштабные и глубокие изменения, круг организаций и институтов, выполняющих функции политической и профессиональной социализации и в то же время фильтров, довольно узок. Можно утверждать, что в последние два десятилетия социализирующую роль начали выполнять некоторые учебные заведения, готовящие кадры для сферы государственного управления и государственной власти, создаваемые на разных уровнях кадровые резервы и различные программы обучения (тренинги) лиц, включенных в эти резервы.

Порядок формирования кадрового резерва федерального государственного органа определен первым лицом государства (последние по времени документы датируются 2017 г.) [Указ 2017; Положение 2017]. На основе положения разработаны методические рекомендации по работе с резервом управленческих кадров. Рекомендации подготовлены, как пишут разработчики, «в целях реализации общей концепции формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации (далее — Общая концепция), одобренной Комиссией при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров (протокол № 5 от 29 ноября 2017 года), содержат описание основных процессов и процедур при формировании резервов управленческих кадров в Российской Федерации и носят рекомендательный характер для субъектов их формирования» [Методические... 2018: 3]. Намерения авторов методических рекомендаций весьма похвальны. Так, они ориентируют работу с кадровым резервом так, что «ключевая роль отводится самому участнику резерва, его готовности к обучению, развитию и самоизменениям. Предполагается развитая субъектная позиция участников резерва, которая проявляется в активности, инициа-

тивности, рефлексивности и внутренней мотивации на самоизменение и саморазвитие» [Методические... 2018: 32].

На портале госслужбы в разделе «Резерв кадров» публикуются сведения о составе федерального резерва управленческих кадров. Здесь же дается его определение: «Федеральный резерв управленческих кадров — база данных высокопрофессиональных и перспективных сотрудников федеральных органов исполнительной власти, государственных органов субъектов Российской Федерации, а также государственных корпораций и организаций, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации, рекомендованных в установленном порядке руководителем (“первым лицом”) соответствующего государственного органа и организации». В нем три уровня: высший, базовый и перспективный. Высший уровень федерального резерва управленческих кадров — это «руководящий состав государственных органов федерального и регионального уровней, а также государственных корпораций и организаций». В списке 381 резервист. Всего же федеральный резерв управленческих кадров составляет 1893 человека. 838 резервистов в перспективном уровне резерва. Это «государственные гражданские служащие, а также сотрудники государственных корпораций и организаций в возрасте до 35 лет» (данные по состоянию на 28 декабря 2017 г.). Региональный резерв управленческих кадров (резерв управленческих кадров субъектов Российской Федерации) составляет 8615 человек (по состоянию на 1 января 2018 г.)¹.

Знакомство с перечисленными выше документами, а также с документами, действовавшими в этой сфере ранее, убеждает в серьезности намерений власти. Понимание этого звучит в оценках исследователей кадровой политики, возможных путей ее выработки и реализации, а также в описании проблем формирования кадрового резерва и подготовки включенных в него лиц [Зимин, Пастухова 2015; Савлук 2012; 2013; Сулемов 2012 и др.]. Вопрос в конкретном исполнении задуманного.

---

¹ Портал госслужбы. Доступ 8.12.2018. <https://gosszluzhba.gov.ru/rezerv>

Работа с кадровым резервом губернаторов приносит определенные плоды. Некоторые включенные в кадровый резерв персоны впоследствии заняли пост главы того или иного субъекта РФ. Хотя некоторые эксперты скептически относятся к результатам, считая, что системность кадровой политики ФЦ в регионах пока следует понимать только как «декларацию о намерениях». Подвергаются сомнению и некоторые распространенные представления о действиях власти: назначение на должности глав регионов молодых «технократов», преимущественно местных (уроженцев данных мест), хорошо знающих местную специфику, или, напротив, «варягов», никак не связанных с местными группами интересов. Главами регионов становятся и бюрократы, и политики, молодые люди и опытные чиновники, «варяги» и местные. Опыт работы и специализация также далеко не всегда принимаются во внимание [Перцев 2018].

В апреле 2018 г. СМИ (РБК) стал известен список тех, кто только что закончил обучение по программе подготовки кадрового резерва (июнь 2017 — апрель 2018 г.). Всего тренинг для президентского кадрового резерва (это первая программа обучения кадрового резерва организована РАНХиГС при поддержке администрации президента) прошли 74 человека. Восемь ее участников уже получили новые назначения: Д. Азаров возглавил Самарскую область, Г. Никитин — Нижегородскую, С. Воскресенский — Ивановскую, А. Бурков — Омскую, А. Клычков — Орловскую, А. Травников — Новосибирскую, А. Цыбульский — Ненецкий автономный округ. Теперь мы знаем, что они победили на выборах глав своих регионов в сентябре 2018 г. А. Здунов стал премьер-министром Дагестана.

Оценки экспертов, приводимые в публикации РБК, различны. Так, Е. Минченко считает, что «участников тренинга обучали нужным в практике вещам, например публичной политике, финансовой грамотности, управленческим практикам. В целом программа обучения была направлена на создание новой корпорации управленцев, и этим объясняется обилие командообразующих мероприятий». Эксперт также пояснил: «Нужно, чтобы эти люди воспринимали себя как некую общность. Их готовят не просто к тому, чтобы

быть губернаторами, а к тому, чтобы быть новым поколением руководителей, которому после 2024 года и будут передавать бразды правления». В то же время тренинги не могут заменить опыт политической деятельности, в частности участие в выборах [Кузнецова 2018]. Однако важно, что «стали хоть пытаться выйти из этого слоя “свои и наши” и начали [назначать на высокие должности] новых людей», — сказала директор рекрутингового агентства Pruffi А. Владимирская, которая также посчитала тренинг полезным.

С 2005 по 2012 г. главы субъектов РФ наделялись полномочиями по процедуре, которая предусматривала внесение Президентом РФ кандидатуры в представительный орган власти субъекта РФ и голосование депутатов. В 2012 г. были возвращены прямые выборы глав регионов (соответствующий закон принят Государственной Думой в апреле 2012 г., вступил в действие с июня 2012 г.). Наделение полномочиями создавало в регионах и ФЦ особую ситуацию. Губернаторский корпус был значительно обновлен (более чем на 50 %, см. табл. 1). В то же время нередко осуществлялась так называемая операция «Преемник», когда уходящему главе региона удавалось провести своего человека [Гуляева 2014].

Таблица 1

Динамика наделения полномочиями высших должностных лиц субъектов Российской Федерации с 2005 по май 2012 г.

Назначение глав регионов	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Всего
Общее количество назначений	44	8	25	12	15	35	10	22	171
«Переназначенные»	32	5	13	2	6	17	4	3	82
«Новобранцы»	12 (27%)	3 (37%)	12 (48%)	10 (83%)	9 (60%)	18 (51%)	6 (60%)	19 (86%)	89 (52%)

Источник: [Гуляева 2014].

Что же на самом деле представляет собой кадровая политика федерального центра в отношении руководителей регионов? Представляется, что она все-таки больше, чем декларация о намерениях. Между тем считать ее планомерной и долгосрочной стратегией в кадровой работе президента, как это делают другие эксперты [Скоробогатый 2017], преждевременно, хотя успехи кадровых ротаций впечатляют. Ведь в основание аргументов помещается бесспорный факт: «За последний срок с 2012 года Владимир Путин тем или иным образом определил место работы для 50 новых глав регионов». Смущает излишний «экономизм» предположения: смена губернаторов-хозяйственников молодыми технократами, возможно, определяется одной из целей — создание в промышленности технологических цепочек и наполнение регионов инвестициями. Более адекватной выглядит иное: «В России идет масштабное качественное и количественное обновление управленческой элиты. Это не только общественный запрос. Кремль обкатывает новый бюрократический корпус, который возьмет на себя бразды правления страной во второй половине 2020-х годов. В связи с этим взят курс на кадровое омоложение, в том числе на федеральном уровне» [Скоробогатый 2017].

Но вот мнение авторитетных ученых из Пермского научного центра Уральского отделения РАН. Они считают ускоряющуюся смену глав регионов показателем «неудовлетворенности высшего руководства страны качеством работы». Исследователи считают, что «объективно роль руководителей регионов должна возрасти» и связывают это «с радикальным обновлением губернаторского корпуса, каким бы путем и по какой причине оно бы ни осуществлялось» [Губернаторский 2014].

Отставки, случившиеся в отдельных субъектах РФ в 2018 г. (как, впрочем, и отставки 2017 г.), обернувшиеся выборами глав регионов, да и сами выборы осени 2018 г. определенно добавили красок общей картине. Среди региональных глав-должителей опять появились новые лица, нередко довольно молодые и по возрасту, и по опыту публичной службы.

В 2018 г. корпус региональных элит пережил серьезные изменения. Как и в 2017 г., состоялись досрочные отставки глав субъек-

тов РФ (более 20). В 26 регионах прошли выборы глав субъектов РФ. При этом в 22 регионах – это прямые выборы. В четырех регионах глава субъекта был определен посредством голосования депутатов органа представительной власти. Неожиданно для участников и наблюдателей в четырех из 22 прямых выборов понадобились вторые туры. В Приморском крае результаты выборов (после второго тура) были объявлены недействительными. В Республике Хакасия дата проведения второго тура неоднократно переносилась. Наконец, 11 ноября второй тур состоялся. Теперь мы уже знаем результат: победил единственный кандидат в бюллетене В. Коновалов. В двух субъектах РФ выборы главы региона состоятся в единый день голосования в 2019 году (см. прил. 1–3).

Обращаем внимание, только в семи из 26 регионов выборы глав состоялись в связи с предстоящим истечением, окончанием срока их полномочий.

По итогам выборов сентября — ноября 2018 года четыре главы региона сохранили свои властные позиции — это губернаторы Москвы, Московской области, Чукотского автономного округа и глава Ингушетии. Среди «новобранцев» на посту глав регионов есть бывшие депутаты, «карьерные» управленцы, выходцы из силовых структур. Вне зависимости от обстоятельств занятия поста главы региона, о значительной части можно сказать, что они моложе, видимо, лучше образованы и решительнее настроены на перемены, чем их непосредственные предшественники.

Эмпирическая база исследования. Проанализированы биографии 26 глав субъектов РФ, заступивших на пост в результате прямых выборов и/ или голосования в органах представительной власти, включая появившихся двух временно исполняющих обязанности (ВРИО) губернаторов непосредственно в ходе избирательного процесса — в Приморском крае и Республике Хакасии. Сюда же вошли биографии первых лиц регионов, сохранивших свои посты, — Москвы, Московской области, Чукотского автономного округа и Республики Ингушетия. В поле нашего зрения были также 22 биографии бывших глав субъектов РФ, которые перестали быть ими по итогам выборов или изначально не участвовали в выборах «в связи с переходом на другую работу». При составлении

биографий использованы открытые источники: сайты правительств субъектов РФ, материалы избирательных кампаний, публикации СМИ (интервью и т.д.).

Обратимся непосредственно к анализу биографий, чтобы яснее представить себе, какие персоны пополнили корпус глав регионов и как они могут повлиять на дальнейшее развитие страны в целом и каждого региона в отдельности.

В середине 2000-х годов автор статьи в числе сотрудников сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН принимал участие в выполнении проекта Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире». В изданной по итогам исследования работе сотрудниками сектора представлен идеальный тип инновационной элиты и его основные характеристики, изучение которых позволяет понять возможности властных групп в решении стоящих перед ними задач развития страны и ее регионов [Быстрова, Дука, Колесник, Невский, Тев 2008]. Среди этих характеристик возраст, социальное происхождение, время и место первичной социализации, политические поколения, тип и место получения высшего образования, особенности карьеры.

Возраст. В целом возраст глав рассматриваемых субъектов РФ уменьшился. Это хорошо видно по данным таблицы 2. Если среди бывших губернаторов более половины составляли лица, старше 60 лет, то среди действующих таких только два человека. Число молодых (до 40 лет) выросло в четыре раза, но в количественном выражении это всего четыре человека.

Больше всего среди действующих губернаторов рассматриваемых регионов тех, кому от 41 до 50 лет — их больше половины. Действующие главы регионов в возрасте от 51 до 60 лет составляют около $\frac{1}{4}$, среди бывших глав регионов персон в возрасте от 51 до 60 лет было около $\frac{1}{7}$.

Таблица 2

Отставки и выборы 2018 г.: возраст глав субъектов РФ

Статус	До 40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Всего
Бывшие главы субъектов РФ (чел.) ¹	1	6	3	12	22
Действующие главы субъектов РФ (чел.) ²	4	13	6	2	26

Существенные изменения в возрастном составе отчетливо демонстрирует диаграмма, представленная на рисунке 1.

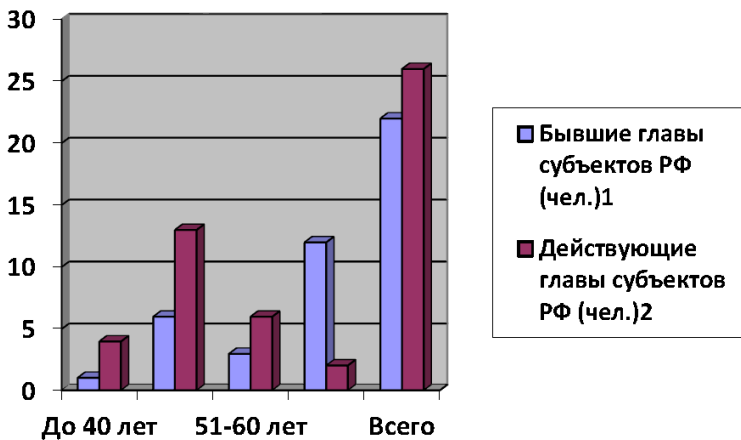

Рис. 1. Возраст глав субъектов РФ
(отставки 2017 и 2018 гг. и выборы 2018 г.)

Примечания к таблице 2 и рисунку 1:

- 1) возраст на момент отставки
- 2) возраст на момент вступления в должность в 2018 г., включая четырех глав субъектов РФ, сохранивших свои посты после выборов.

Политические поколения. Поскольку в целом возраст глав регионов уменьшился, в них оказалось гораздо больше тех, кого можно отнести к поколению кризиса, то есть они родились в период между 1972 и 1990 гг. Среди действующих глав субъектов РФ мы практически не видим представителей поколения оттепели. Почти не изменилось количество представителей поколения застоя.росло число родившихся в период 1965–1971 гг. и, следовательно, представляющих поколение перестройки. Данные о представителях политических поколений в составе бывших и действующих глав регионов приводятся в таблице 3 и диаграммах на рисунках 2 и 3.

Таблица 3

Отставки и выборы 2018 г.: политические поколения глав субъектов Российской Федерации

Статус	Поколение оттепели (1934–1952 г.р.)	Поколение застоя (1953–1964 г.р.)	Поколение перестройки (1965–1971 г.р.)	Поколение кризиса (1972–1990 г.р.)	Всего
Бывшие главы субъектов РФ (чел.)	7	8	3	4	22
Действующие главы субъектов РФ (чел.)	1	7	7	11	26

Место рождения. В новом составе глав регионов прибавилось уроженцев столичных городов (Москвы и Санкт-Петербурга, ранее Ленинграда). Но основная масса глав субъектов РФ — провинциалы, то есть уроженцы нестоличных городов и сельских поселений (см. табл. 4). Место рождения, как правило, является местом первичной социализации. При прочих равных условиях провинция обладает меньшим набором и объемом ресурсов, которые могут быть использованы индивидом для обеспечения продвижения

Рис. 2. Бывшие главы субъектов РФ (чел.): политические поколения

Рис. 3. Действующие главы субъектов РФ (чел.): политические поколения

наверх. Однако главы регионов, как бывшие, так и действующие, сумели преодолеть ограничения, связанные с провинциальным происхождением.

Таблица 4

Отставки и выборы 2018 г.: место рождения глав субъектов РФ

Статус	Столичные города	Нестолитч-ные города	Село	Всего
Бывшие главы субъектов РФ (чел.)	1	13	8	22
Действующие главы субъектов РФ (чел.)	4	16	6	26

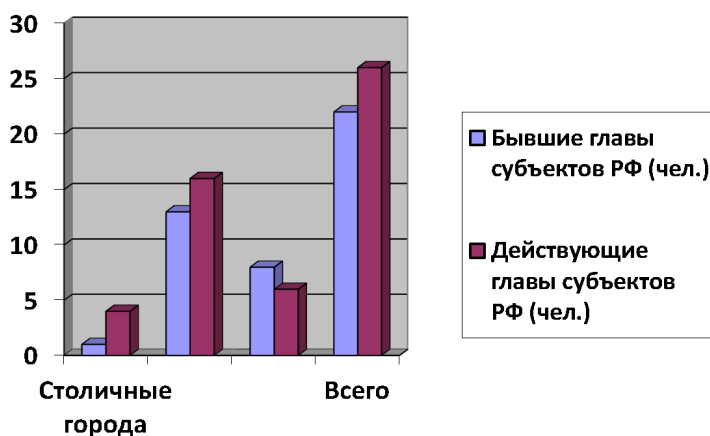

Рис. 4. Бывшие и действующие главы субъектов РФ (чел.): место рождения

Образование. В таблице 5 представлены данные о первом высшем образовании. Среди новых губернаторов становится популярным управленческо-экономическое и юридическое образование, роль технического снижается (вместо почти 50 % у бывших всего около 1/3 у действующих). Неожиданно среди действующих с осени 2018 г. глав регионов оказалось несколько персон с высшим военным образованием (сюда мы включали исключительно военное образование, не принимая во внимание юридическое как базу для деятельности в силовых ведомствах). Многие имеют второе высшее образование, как правило, управленческо-экономическое или юридическое.

Таблица 5

Отставки и выборы 2018 г.: первое высшее образование глав субъектов РФ

Статус	Техническое	Управленческое и экономическое	Юридическое	Военное	Прочее	Всего
Бывшие главы субъектов РФ (чел.)	10	3	4	1	4	22
Действующие главы субъектов РФ (чел.)	7	9	3	3	4	26

Новые главы регионов, похоже, менее склонны тратить силы на обретение ученой степени. Приведу только две цифры: доля «остепененных» персон среди новых губернаторов ниже (около $\frac{1}{4}$). У бывших глав регионов доля имеющих кандидатские и даже в ряде случаев докторские степени составляет $\frac{1}{3}$.

Сохраняется провинциальный характер корпуса руководителей регионов по месту получения первого высшего образования (см. табл. 6). Необходимо отметить, что местом получения второго высшего образования или повышения квалификации иного характера (стажировки, магистерские программы) являются столичные города или зарубежные учебные заведения.

Таблица 6

Отставки и выборы 2018 г.: место получения первого высшего образования глав субъектов РФ

Статус	Столичные города	Нестоличные города	Всего
Бывшие главы субъектов РФ (чел.)	7	15	22
Действующие главы субъектов РФ (чел.)	6	20	26

Свелось практически к нулю **значение номенклатурного опыта**. Среди действующих по итогам выборов 2018 г. глав субъектов РФ номенклатурный опыт есть у одного-двух человек (например, у С. Собянина). Это вполне объяснимо ввиду омоложения глав регионов, они просто родились позже того периода, когда номенклатурный опыт присутствовал в большинстве карьер.

Почти исчезает из карьер срочная служба в армии. Хотя среди наших персонажей есть несколько человек, в биографиях которых служба в армии заняла несколько лет.

«Вытягивающим» наверх моментом все более становятся связи. Их влияние на скорость и успешность карьеры, видимо, возросло. Да и сами главы регионов нередко с благодарностью вспоминают тех, кто оказывал им помощь и поддержку. Так, губернатор Московской области А. Воробьев с теплотой отзывается о своем «крестном отце» С. Шойгу.

Среди новых молодых губернаторов есть персоны, биографию которых называют «модельной» для высшего чиновника времен Президента РФ Владимира Путина. Речь идет о Р. Копине — губернаторе Чукотского автономного округа. О нем почти ничего ранее не было известно. Но в его судьбе велика роль одного из богатейших людей страны Р. Абрамовича, бывшего главы Чукотского автономного округа. Он очень молод, из поколения кризиса. Р. Копин родился в 1988 г. и считается самым молодым среди высших должностных лиц регионов. Для его карьеры характерно быстрое продвижение с одной ступени на другую. В случае других успешных быстрых карьер упоминаются высокие покровители из правительства РФ и крупного банка.

Каков же **бассейн рекрутирования** действующих глав регионов? С чего начинаются и как протекают их карьеры?

Часто начало карьеры — это работа в крупных бизнес-структурах. Затем следуют небольшие должности в региональных или даже муниципальных органах власти. Это могут быть выборные позиции. Или административные должности в аппаратах исполнительных органов власти. Затем следуют более высокие уровни, как выборные, так и административные.

Надо отметить, что у новых губернаторов из поколения перестройки опыт богаче, у многих в биографии проигранные выборы

разных уровней, депутатская деятельность. Обычно применяемый нами анализ через характер предшествующей работы показал, что в губернаторы попадают из сферы административно-политической деятельности, хотя в более ранние периоды имеются ступеньки карьеры, связанные с бизнесом, иногда на довольно высоких позициях, профессиональной работой в партиях. Определенным лифтом может послужить руководство молодежной организацией. Типична ситуация назначения замом, возможно, уходящего главы субъекта РФ.

Несколько слов о роли семейных связей. Они проскальзывают мельком, но, скорее всего, важны. Однако в сравнении с ролью деловых связей, совместной работы на более ранних ступенях карьеры представляются менее значимыми, хотя также служат вытягивающим фактором.

Ярким примером роли совместной работы служит биография и карьера избранного в сентябре 2018 г. губернатора Новосибирской области А. Травникова. Молодой А. Травников (он из поколения кризиса) в бытность свою на Череповецкой «Северстали» работал там одновременно с будущим губернатором Вологодской области О. Кувшинниковым и будущим председателем ЗАКСа этой же области А. Луценко. Кувшинников называет А. Травникова своим другом. А. Травников был мэром Вологды до того, как стать губернатором Новосибирской области, а ранее первым замом у губернатора О. Кувшинникова. Успел он побывать и замом полномочного представителя президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. И здесь мы видим быстрое продвижение по карьерной лестнице.

Сравнение возраста вступления в должность «новобранцев» среди глав регионов с возрастом вступления в эту должность ушедших в досрочную отставку (у некоторых это было очень давно) показывает, что у нынешних «новобранцев» он существенно ниже (см. табл. 7).

Таблица 7

Возраст вступления в должность главы субъекта РФ

	До 40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Более 60 лет	Всего
Ушедшие в досрочную отставку	5	5	6	3	19
Вновь вступившие в должность	4	11	5	2	22
Сохранившие свои полномочия	1	2	1	-	4

ВЫВОДЫ

1. Выборы глав регионов 2018 г. показали активный процесс обновления и омоложения губернаторского корпуса.

2. Новые губернаторы почти наполовину принадлежат поколению кризиса. Они активны, быстро продвигаются по карьерной лестнице, не задерживаясь надолго на ее ступенях. В карьерах у всех есть «пора бизнеса» и «пора политики», однако одновременно наличие более ранняя профессионализация, накопление административно-политического опыта и укоренение в правящем классе.

3. В карьерах представителей всех поколений не раз случались провалы, в основном связанные с избирательными кампаниями разного уровня. Это не останавливало движение вверх. Нашим персонам удавалось совладать с проблемой.

4. Вытягивающими вверх факторами во многих случаях у губернаторов всех поколений служат деловые и семейные связи, покровительство высокопоставленных лиц. Видимо, следует ждать формирование клиентелы новых губернаторов.

Приложение 1

**Субъекты РФ, в которых состоялись досрочные отставки
действующих глав (2017–2018 гг.)**

№	Субъект РФ	Должность и ФИО главы субъекта РФ	Дата досрочной отставки и срок истечения полномочий	ВРИО главы субъекта РФ
Прямые выборы				
1	Самарская область	Губернатор Самарской области Н. И. Меркушкин	12 мая 2012 — 25 сентября 2017 (досрочная отставка в связи с назначением представителем Президента РФ по взаимодействию с ВКФУН, срок истекал в сентябре 2019)	Д. И. Азаров с 25 сентября 2017
2	Нижегородская область	Губернатор Нижегородской области В. П. Шанцев	8 августа 2005 — 26 сентября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	Г. С. Никитин с 26 сентября 2017
3	Красноярский край	Губернатор Красноярского края В. А. Толоконский	12 мая 2014 — 29 сентября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	А. В. Усс с 29 сентября 2017
4	Приморский край	Губернатор Приморского края В. В. Миклушевский	16 марта 2012 — 4 октября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	А. В. Тарасенко 4 октября 2017 — 26 сентября 2018

5	Орловская область	Губернатор Орловской области В. В. Потомский	26 февраля 2014 — 5 октября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	А. Е. Клычков с 5 октября 2017
6	Новосибирская область	Губернатор Новосибирской области В. Ф. Городецкий	18 марта 2014 — 6 октября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	А. А. Травников с 6 октября 2017
7	Омская область	Губернатор Омской области В. И. Назаров	30 мая 2012 — 9 октября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2020)	А. Л. Бурков с 9 октября 2017
8	Ивановская область	Губернатор Ивановской области П. А. Коньков	16 октября 2013 — 10 октября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	С. С. Воскресенский с 10 октября 2017
9.	Псковская область	Губернатор Псковской области А. А. Турчак	16 февраля 2009 — 12 октября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	М. Ю. Ведерников с 12 октября 2017
10	Воронежская область	Губернатор Воронежской области А. В. Гордеев	12 марта 2009 — 25 декабря 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	А. В. Гусев с 25 декабря 2017
11	Кемеровская область	Губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев	1 июля 1997 — 1 апреля 2018 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2020)	С. Е. Цивилёв с 1 апреля 2018

12	Амурская область	Губернатор Амурской области А. А. Козлов	25 марта 2015 — 18 мая 2018 (досрочная отставка в связи с назначением министром, срок истекал в сентябре 2020)	В. А. Орлов с 30 мая 2018
13	Тюменская область	Губернатор Тюменской области В. В. Якушев	24 ноября 2005 — 18 мая 2018 (досрочная отставка в связи с назначением министром, срок истекал в сентябре 2019)	А. В. Моор с 29 мая 2018
14	Магаданская область	Губернатор Магаданской области В. П. Печёный	3 февраля 2013 — 28 мая 2018 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2018)	С. К. Носов с 28 мая 2018
15	Республика Саха (Якутия)	Глава Республики Саха (Якутия) Е. А. Борисов	31 мая 2010 — 28 мая 2018 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	А. С. Николаев с 28 мая 2018
16	Алтайский край	Губернатор Алтайского края А. Б. Карлин	25 августа 2005 — 30 мая 2018 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	В. П. Томенко с 30 мая 2018

Голосование депутатов представительного органа власти				
1	Ненецкий автономный округ	Губернатор Ненецкого автономного округа И. В. Кошин	22 февраля 2014 — 28 сентября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2019)	А. В. Цыбульский с 28 сентября 2017
2	Республика Дагестан	Глава Республики Дагестан Р. Г. Абдулатипов	28 января 2013 — 3 октября 2017 (досрочная отставка, срок истекал в сентябре 2018)	В. А. Васильев с 3 октября 2017
3	Ямало-Ненецкий автономный округ	Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д. Н. Кобылкин	16 марта 2010 — 18 мая 2018 (досрочная отставка в связи с назначением министром, срок истекал в сентябре 2020)	Д. А. Артюхов с 29 мая 2018

Приложение 2

Прямые выборы глав субъектов РФ (единый день голосования 9.09.2018): явка и результаты выборов

№	Субъект РФ	Явка избирателей (%)	Результаты выборов (доля голосов, полученных победителем, в %)	ФИО победителя
1	Самарская область	47,93 %	72,63%	Д. И. Азаров
2	Нижегородская область	40,50 %	67,75 %	Г. С. Никитин

3	Красноярский край	28,91 %	60,19 %	А. В. Усс
4	Приморский край	состоялись, результаты признаны недействительными		
5	Орловская область	57,76 %	83,55 %	А. Е. Клычков
6	Новосибирская область	29,52 %	64,52 %	А. А. Травников
7	Омская область	43,59 %	82,56 %	А. Л. Бурков
8	Ивановская область	32,86 %	65,72 %	С. С. Воскресенский
9.	Псковская область	36,89 %	70,68 %	М. Ю. Ведерников
10	Воронежская область	44,83 %	72,52 %	А. В. Гусев
11	Кемеровская область	66,29 %	81,29 %	С. Е. Цивилёв
12	Амурская область	31,24 %	55,60 %	В. А. Орлов
13	Тюменская область	49,01 %	65,86 %	А. В. Моор
14	Магаданская область	39,58 %	81,59 %	С. К. Носов
15	Республика Саха (Якутия)	50,63 %	71,40 %	А. С. Николаев
16	Алтайский край	37,28 %	53,61 %	В. П. Томенко
17	Республика Хакасия	Второй тур — голосование назначено на 11 ноября 2018 г.		
18	Владимирская область	38,29 %	57,03 % (второй тур)	В. В. Сипягин
19	Хабаровский край	47,49 %	69,57 % (второй тур)	С. И. Фургал
20	Московская область	38,51 %	62,52 %	А. Ю. Воробьёв
21	Москва	30,90 %	70,17 %	С. С. Собянин

22	Чукотский автономный округ	60,17 %	57,83 %	Р. В. Копин
----	----------------------------	---------	---------	-------------

Приложение 3

Выборы глав субъектов РФ посредством голосования в органе представительной власти: результаты выборов

	Субъект РФ	Дата выборов	Результаты выборов (доля голосов, полученных победителем, в %)	ФИО победителя
1	Ненецкий автономный округ	1 октября 2018	12 из 17 депутатов (70 % голосов)	А. В. Цыбульский
2	Республика Дагестан	9 сентября 2018	77 из 86 депутатов (89 % голосов)	В. А. Васильев
3	Ямало-Ненецкий автономный округ	9 сентября 2018	14 из 18 депутатов (77 % голосов)	Д. А. Артюхов
4.	Республика Ингушетия	9 сентября 2018	26 из 30 депутатов (86 % голосов)	Ю. Б. Евкуров сохранил свой пост

Литература и источники

Анисимов В.М. Кадровая политика России: философская и функциональная основы // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 48–60.

Антонова В.К. Особенности профессионализации госслужащих в условиях современных российских реформ // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 76–82.

Антошина Н. Основные тенденции развития современного кадрового состава на государственной службе // Власть. 2011. № 2. С.97–100.

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

Головки Ю.М. Тренды, влияющие на рекрутирование политических молодежных элит в российской политической действительности // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 12 (78). С. 40–45.

Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации / под ред. Я.Г. Ашихминой, П.В. Панова, О.Б. Подвинцева. Пермь: Пермский научный центр, 2014.

Гуляева А. Вариант «Преемник» на региональном уровне: смена губернаторов в России в 2005–2012 годах // Неприкосновенный запас. 2014. № 2. Портал «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/2/6g-pr.html> (дата обращения: 30.11.2018).

Егорова Е.А. Проблемы формирования института профессионального чиновничества // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 2–1 (12). С. 146–149.

Зимин В.А., Пастухова Л.Ш. Совершенствование политики по развитию кадрового потенциала органов государственной власти. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2015.

Иванова Е.Ю. Государственная кадровая политика: сущность и актуальные проблемы // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 1–2 (23–24). С. 92–97.

Кузнецова Е. Стал известен список выпускников тренинга для будущих губернаторов. 24 апреля 2018 г. // РБК. Санкт-Петербург и область. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2018/5ad9ed629a794736caac3aa5?from=main> (дата обращения: 26.11.2018).

Методические рекомендации по работе с резервом управленческих кадров. Москва. 2018 // Портал госслужбы. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/rezerv> (дата обращения: 8.12.2018).

Наумов С., Масленникова Е. Кадровый резерв как механизм повышения качества государственного управления // Власть. 2008. № 10. С. 61–63.

Общая концепция формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации (одобрена Комиссией при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров, протокол от 29 ноября 2017 г. № 5) // Портал госслужбы. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/rezerv> (дата обращения: 8.12.2018).

Перцев А. Кремль назначает губернаторами молодых технократов — новое поколение управленцев. На самом деле нет! 3 июня 2018 г. // Медуза.

URL: <https://meduza.io/feature/2018/06/03/kreml-naznachaet-gubernatorami-molodyh-tehnokratov-novoe-pokolenie-upravlentsev-na-samom-dele-net> (дата обращения: 8.12.2018).

Петросянци Д., Ларионова Ю. Формирование российской элиты государственного управления: первичная социализация в вузовских сообществах // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5. С.32–43.

Положение о кадровом резерве федерального государственного органа (в ред. Указа Президента РФ от 10.09.2017 № 419) // Сайт Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/326366> (дата обращения: 10.10.2018).

Развитие института резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации как вызов времени и эффективный инструмент совершенствования государственной кадровой политики: сб. статей межрегион. науч.-практ. конф. (9 октября 2014 г., г. Самара). Самара: Самарский научный центр, 2014.

Савлук А.Н. Роль политической элиты в формировании кадрового резерва государственной службы // Управленческое консультирование. 2012. № 4 (48). С. 013–017.

Савлук А. Перспективный молодежный кадровый резерв государственной службы: вопросы формирования // Власть. 2013. № 2. С.66–68.

Скоробогатый П. Кадровая ротация как пролог к новой экономической политике // Эксперт. 2017. № 8. С.12–19.

Субботин П.А. Кадровая политика как одна из основ рекрутирования политической элиты // Управленческое консультирование. 2014. № 5 (65). С. 139–147.

Сулемов В.А. Государственная кадровая политика в современной России: теория, история, новые реалии. М.: РАГС, 2012.

Указ Президента Российской Федерации об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа от 1 марта 2017 года № 96 // Сайт Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/326366> (дата обращения: 10.10.2018).

Урчукова С.Р. Современные российские политические элиты на пути к новой конфигурации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 243–249.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

RESIGNATION AND ELECTION OF 2018: UPDATE GOVERNORS, POOL RECRUITING AND CAREER OF NEW CHARACTERS

A. Bystrova

Abstract. *In terms of (re) forming a corps of regional elites, 2018 turns out to be quite significant. A number of governors resigned (continuing the chain of events in 2017). Then elections of heads of 26 subjects of the Russian Federation were held. Including 22 — direct elections and four — by voting the bodies of representative power of the regions. Of the 22 direct elections that took place, four required second rounds. In Primorsky Krai, the election results are invalid. In two regions of the Russian Federation, the question of the head of the region will be decided on a single voting day in 2019.*

Among 26 heads of constituent entities of the Russian Federation, only four of the former corps retained their power positions — these are the governors of Moscow, the Moscow Region, the Chukotka Autonomous Region and the head of Ingushentiya. Among the new characters who have reached the posts of heads of regions, there are «career» managers, people from law enforcement agencies, deputies. Their biographies and career paths are different. Leaving behind the circumstances of coming to power (the “true” motives and “plans” of political parties, the presidential administration and other political actors and decision-makers unknown to the public), the tendency to rejuvenate the gubernatorial corps is becoming clearer.

Keywords: *regional elites, elections of heads of subjects of the Russian Federation, recruitment of heads of regions, career.*

References

Anisimov V.M. Kadrovaya politika Rossii: filosofskaya i funktsionalnaya osnovy [Personnel policy of Russia: philosophical and functional bases], *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2010, 4, pp. 48–60. (In Russian)

Antonova V.K. Osobennosti professionalizatsii gossluzhashchikh v usloviyakh sovremennykh rossiyskikh reform [Peculiarities of professionalization of civil servants in the conditions of modern Russian reforms], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, 2, pp.76–82. (In Russian)

Antoshina N. Osnovnyye tendentsii razvitiya sovremennogo kadrovogo sostava na gosudarstvennoy sluzhbe [The main trends in the development of modern personnel in the civil service], *Vlast [Power]*, 2011, 2, pp. 97–100. (In Russian)

Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Rossiyskiye regionalnyye elity: innovatsionnyy potentsial v kontekste globalizatsii [The Russian regional elites: innovation potential in the context of globalization], in: *Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve: sb. nuch.trudov [Globalization in Russian society: collection of scientific works]*. Ed. by I.I. Eliseyeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008, pp. 99–242. (In Russian)

Egorova E.A. Problemy formirovaniya instituta professionalnogo chinovnichestva [Problems of formation of the Institute of professional bureaucracy], *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Bulletin of state and municipal administration]*, 2014, 2–1 (12), pp. 146–149. (In Russian)

Golovko Yu.M. Trendy. vliyayushchiye na rekrutirovaniye politicheskikh molodezhnykh elit v rossiyskoy politicheskoy deystvitelnosti [Trends. influencing the recruitment of youth political elites in the Russian political reality], *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura [Ethnosocial and ethnic culture]*, 2014, 12 (78), pp. 40–45. (In Russian)

Gubernatorskiy korpus v usloviyakh transformatsii politicheskoy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Governor's corps in the transformation of the political system of the Russian Federation]. Ed. by Ya.G. Ashikhminoy. P.V. Panova. O.B. Podvintseva. Perm: Perm Scientific Center, 2014. (In Russian)

Gulyayeva A. Variant «Preyemnik» na regionalnom urovne: smena gubernatorov v Rossii v 2005–2012 godakh [“Successor” variant at the regional level: change of governors in Russia in 2005–2012], *Neprikosnovennyy zapas [Reserve stock]*, 2014, 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/2/6g-pr.html> (available: 30.11.2018). (In Russian)

Huntington S. *Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh. [Political order in changing societies]*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2004. 480 p. (In Russian)

Ivanova E.Yu. Gosudarstvennaya kadrovaya politika: sushchnost i aktualnyye problem [Public personnel policy: the nature and current problems], *Sotsialno-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy [Social-economic phenomena and processes]*, 2011, 1–2 (23–24), pp. 92–97. (In Russian)

Kuznetsova E. Stal izvesten spisok vypusknikov treninga dlya budushchikh gubernatorov. 24 aprelya 2018 g. [The list of graduates of training for future governors Became known. April 24, 2018], *RBK. Sankt-Peterburg i oblast [RBC. St. Petersburg and the region]*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2018/5ad9ed629a794736caac3aa5?from=main> (available: 26.11.2018). (In Russian)

Metodicheskiye rekomendatsii po rabote s rezervom upravlencheskikh kadrov [Methodical recommendations on work with the reserve of managerial personnel]. Moscow, 2018. *Portal gossluzhby [The portal of the civil service]*. URL <https://gossluzhba.gov.ru/rezerv> (available: 8.12.2018) (In Russian)

Naumov S., Maslennikova E. Kadrovyy rezerv kak mekhanizm povysheniya kachestva gosudarstvennogo upravleniya [Personnel reserve as a mechanism for improving the quality of public administration], *Vlast [Power]*, 2008, 10, pp. 61–63. (In Russian)

Obshchaya kontseptsii formirovaniya i ispolzovaniya rezervov upravlencheskikh kadrov v Rossiyskoy Federatsii (odobrena Komissiyey pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po voprosam gosudarstvennoy sluzhby i rezerva upravlencheskikh kadrov. protokol ot 29 noyabrya 2017 g. № 5) [The General concept of formation and use of reserves of administrative personnel in the Russian Federation (approved by the Commission under the President of the Russian Federation on public service and reserve of administrative personnel. Protocol No. 5 of 29 November 2017)]. *Portal gossluzhby [The portal of the civil service]*. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/rezerv> (available: 8.12.2018) (In Russian)

Pertsev A. Kreml naznachayet gubernatorami molodykh tekhnokratov — novoye pokoleniye upravlentsev. Na samom dele net! [The Kremlin appoints governors of young technocrats — a new generation of managers. Not really!]. *Meduza [Medusa]*. 3 Jun 2018. URL: <https://meduza.io/feature/2018/06/03/kreml-naznachaet-gubernatorami-molodyh-tehnokratov-novoe-pokolenie-upravlentsev-na-samom-dele-net> (available: 8.12.2018). (In Russian)

Petrosyants D., Larionova Yu. Formirovaniye rossiyskoy elity gosudarstvennogo upravleniya: pervichnaya sotsializatsiya v vuzovskikh soobshchestvakh [The formation of the Russian elite of public administration: primary socialization in higher education institutions], *Problemy prognozirovaniya [Problems of forecasting]*, 2014, 5, pp. 32–43. (In Russian)

Polozheniye o kadrovom rezerve federalnogo gosudarstvennogo organa (v red. Ukaza Prezidenta RF ot 10.09.2017 N 419) [Regulations on personnel reserve of Federal state body (in the ed. of the Decree of the President of the Russian Federation of 10.09.2017 N 419)]. *Website of the Ministry of justice [Sayt Ministerstva yustitsii RF]*. URL: <http://minjust.ru/ru/node/326366> (available: 10.10.2018) (In Russian)

Razvitiye instituta rezerva upravlencheskikh kadrov v subyektakh Rossiyskoy Federatsii kak vyzov vremeni i effektivnyy instrument sovershenstvovaniya gosudarstvennoy kadrovoy politiki. Sbornik statey Mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (9 oktyabrya 2014 g., g. Samara [Development of the

Institute of management personnel reserve in the subjects of the Russian Federation as a challenge of time and an effective tool for improving the state personnel policy. Collection of articles of Interregional scientific and practical conference (October 9, 2014. Samara). Samara: Samara Scientific Center 2014. (In Russian)

Savluk A.N. Rol politicheskoy elity v formirovaniy kadrovogo rezerva gosudarstvennoy sluzhby [The role of the political elite in the formation of the personnel reserve of the civil service], *Upravlencheskoye konsultirovaniye [Management consulting]*, 2012, 4 (48), pp. 013–017. (In Russian)

Savluk A. Perspektivnyy molodezhnyy kadrovyy rezerv gosudarstvennoy sluzhby: voprosy formirovaniya [Promising youth personnel reserve of the public service: issues of formation], *Vlast' [Power]*, 2013, 2, pp.66–68. (In Russian)

Skorobogatyy P. Kadrovaya rotatsiya kak prolog k novoy ekonomicheskoy politike [Personnel rotation as a prologue to the new economic policy], *Ekspert [Expert]*, 2017, 8, pp.12–19. (In Russian)

Subbotin P.A. Kadrovaya politika kak odna iz osnov rekrutirovaniya politicheskoy elity [Personnel policy as one of the foundations of political recruitment], *Upravlencheskoye konsultirovaniye [Management consulting]*, 2014, 5 (65), pp. 139–147. (In Russian)

Sulemov. V.A. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v sovremennoy Rossii: teoriya. istoriya. novyye realii [State personnel policy in modern Russia: theory. history. new realities]*. M.: RAGS. 2012. (In Russian)

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ob utverzhdenii Polozheniya o kadrovom rezerve federalnogo gosudarstvennogo organa ot 1 marta 2017 goda N 96 [The decree of the President of the Russian Federation about the statement of Regulations on the personnel reserve of Federal state body of March 1, 2017 N 96]. *Sayt Ministerstva yustitsii RF [Website of the Ministry of justice]*. URL: <http://minjust.ru/ru/node/326366> (available: 10.10.2018). (In Russian)

Urchukova S.R. Sovremennyye rossiyskiye politicheskiye elity na puti k novoy konfiguratsii [Modern Russian political elites towards a new configuration], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika. kultura [Caspian region: politics. economy. culture]*, 2015, 1 (42), pp. 243–249. (In Russian)

Zimin V.A. Pastukhova L.Sh. *Sovershenstvovaniye politiki po razvitiyu kadrovogo potentsiala organov gosudarstvennoy vlasti [Improvement of policy on development of personnel potential of public authorities]*. Samara: ANO “Publishing SSC RAS”, 2015. (In Russian)

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ МЫШЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕПУТАТА И.В. ВЫСОЦКОГО)

Г.О. Бахтин

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.13>

Аннотация. *Рассматриваются особенности мышления представителей региональной и местной политических элит на примере депутата Законодательного собрания города Санкт-Петербурга И.В. Высоцкого. Выявление стабильно проявляющихся паттернов в построении умозаключений и политических высказываний позволяет, по нашему мнению, прояснить, в чем обнаруживается увеличение дистанции между отечественными политиками и гражданами, как упрощается и редуцируется аргументация представителей народа по причине отсутствия контакта с реципиентами в публичном пространстве. В качестве методологического инструмента, призванного облегчить идентификацию специфических характеристик мышления, выступает процедура когнитивного картирования, заимствованная из научной отрасли психологии.*

Ключевые слова: *элиты, мышление, когнитивное картирование, дистанция, геронтократия, оси доверия и солидарности.*

Социологические исследования российских элитных групп занимают важную и просторную нишу в современной отечественной науке. Популярность проблематики подтверждается многостраничными публикуемыми сборниками. Тем не менее нельзя оставить без внимания тот факт, что политическая элита Российской Федерации предельно закрыта и до известной степени защищает себя от публичности, по сравнению с элитами западных стран. Закрытость присуща большинству представителей не только федеральных, но региональных и субрегиональных элитных страт. Необходимость объяснения этого феномена делает очерченную в названии проблематику мышления региональной и муниципальной

ной знати¹ актуальной не только с точки зрения обывателя или активного гражданина, проявляющего интерес к механизмам управления обществом, в котором он живет, но и с позиции исследователя, ориентирующегося на проблемное поле политической социологии.

В работе предпринята попытка точечного рассмотрения категории мышления представителей элит регионального и местного уровней. Более предметно речь идет об анализе конкретных паттернов мышления депутата Законодательного собрания города Санкт-Петербурга И.В. Высоцкого, выраженных в форме политического текста. Заранее отметим одно допущение: объект и предмет подобраны таким образом, чтобы связать проблему и гипотезу работы с соответствующей методикой эмпирического анализа.

При проектировании логики нашей научной работы кажется уместной постановка гипотезы, которая имеет следующий вид: российские элиты регионального и местного уровней в своем геронтократическом большинстве² не имеют способностей для коммуникации с публикой, находясь с ней в состоянии латентного конфликта, ориентируясь по оси доверия и солидарности³ верти-

---

¹ В данном контексте анахронизм «знать», используемый В.Э. Шляпентохом, не только является маленьким штрихом к теоретическому «портрету», но и способствует формированию красочного образа представителя современной российской элиты. См.: [Шляпентох 2008].

² Застойные механизмы элитообразования, гендерные диспропорции, социальное неравенство системы рекрутирования и проблемы омоложения, например руководящих структур политических партий, доходчиво описаны в качестве диагнозов современных элит РФ у В. Сафронова и Е.Б. Шестопал. См.: [Сафронов 2009; Шестопал 2015].

³ Доверие и ориентация по вертикальной координатной оси интерпретируются в духе научных изысканий П. Бурдьё и Р. Патнэма. В данном случае нам важны редуцированные схемы их исследований, которые акцентируют внимание на социальном капитале и феномене доверия, который является связующим концептом для социального капитала, экономического развития и устойчивых форм социальной организации. См.: [Бурдьё 2002; Патнэм 1996]. Здесь также уместно уточнить, что ось соли-

кально, но не вертикально и горизонтально, как это происходит в западных странах. То есть представители элит сознательно (в большей степени, чем неосознанно) отказываются вступать с массами населения в коммуникацию на равных условиях, стремятся к максимальному дистанцированию, используя защитные механизмы, в том числе относящиеся к такому феномену, как клиповый характер мышления. Таким образом, представители местных и региональных элит не способствуют установлению гомогенных связей и ассоциаций в сообществе, но разрушают солидарность, которая в культурной теории является аналогом доверия и иным измерением «здорового» состояния общественной организации.

Важно подчеркнуть: рассматриваемый нами в практической плоскости кейс И.В. Высоцкого типичен для представителей региональных и муниципальных элит. Тем не менее выявляемые в данном случае специфические черты мышления, включающие в себя милитократический крен, порождаемый (искусственно) созданным имиджем бывшего военнослужащего, избегание и перенос конфликта, до определенной степени примитивную патриотическую риторику аргументации собственной легитимности, лабильность в контексте воспроизводства аргументов и генерации искренних и лицемерных сентенций, представляются применимыми для описания лишь одной из возможных моделей мышления, которая связана скорее с реактивным типом отправления властных полномочий. Не представляется возможным точно указать на то, является ли рассматриваемый тип мышления «исчезающим видом». Тем не менее необходимо указать на то, что ретрансляция в клипах мышления геронтократами гиперболизированной социальной дистанции способствует повышению напряженности между электоратом и молодыми политиками или чиновниками, предпочитающими иные риторические стили и парадигмы мышления.

дарности игнорируется представителями элит. Поскольку в российских условиях институты гражданского общества непомерно далеки хотя бы от промежуточного этапа формирования, описанное поведение элит порождает ситуацию символического вакуума, всерьез затрудняющего успешное функционирование российского общества. См.: [Douglas, Wil-davsky 1982].

Таким образом, целью представляется идентификация того, существуют ли такие черты и механизмы в мышлении представителей элит регионального и местного уровней, которые решительным образом затрудняют обмен сообщениями в коммуникативных пространствах между элитами и публикой. Задачи заключаются, во-первых, в концептуализации важнейших понятий («элита», «региональная» и «местная» элиты), во-вторых, в описании контекста того конфликта, о котором сказано в гипотезе, посредством изложения особенностей политического режима РФ. В-третьих, важнейшая задача лежит в плоскости проведения когнитивного картирования выступления И.В. Высоцкого для подтверждения или опровержения выдвинутой нами гипотезы.

Таким образом, исследование мышления конкретного политического деятеля (в данном случае — И.В. Высоцкого) посредством когнитивного картирования позволит нам определить, какие именно психологические особенности представителей элит регионального и местного уровней формируют их закрытый и отдаленный от массы населения образ, какие специфические черты элитных групп⁴ в их же представлениях могут быть основанием для того, чтобы говорить о наличии латентного конфликта между публикой и элитой.

Методологические основания детерминируют не только эвристические векторы, направляющие логику исследования, но и связанные со специфическим пониманием политического дискурса техники эмпирического анализа. Кроме того, необходимость освещения контекста побуждает к первым двум аспектам методологии добавить неокорпоративистские и компаративистские элементы отечественного и зарубежного типов описания политической действительности в Российской Федерации.

---

⁴ Уместно упомянуть некоторые характеристики мышления, особенности ощущения реальности современными российскими элитами, которые достаточно метко были уловлены Е.Б. Шестопаля: отсутствие истинной консистентной системы ценностей, ситуативность, исключаящая рефлексивную и стратегическую составляющие, архаичность и материальность. См.: [Шестопаля 2015].

Общая канва, касающаяся эвристической парадигмы, может быть оформлена в духе высказываний К.Ф. Завершинского о необходимости отказа от редукционистских объяснений в исследованиях политической культуры [Завершинский 2002: 22]. Сетования на преждевременное провозглашение отечественными обществоведами триумфа методологического плюрализма автор превращает в предложение по акцентированию внимания при «соружении» исследовательских стратегий на комплементарность постструктуралистских и семиотических концепций. Итоговой парадигмой, по мнению К.Ф. Завершинского, выступает конструктивистский структурализм, тяготеющий к когнитивизму. К исследованиям элит и, в частности, мышления представителей указанной страты данная парадигма успешно может быть применена, так как в ее основании лежат теоретические посылки П. Бурдьё, запускающие функционирование гипотезы. В качестве дополнительного фактора легитимации внедрения описанной методологической парадигмы в сферу политической социологии элит потенциально может быть преподнесено, например, исследование М. Джаста и Э. Криглера, которые декларируют конструктивистские основания собственного анализа [Джаст, Криглер 2011].

Далее, поскольку изучение паттернов мышления представителей региональной элиты исследуется не посредством техник, подразумевающих личный контакт, но с использованием методики качественного анализа, следует обратиться к концептуализации политического дискурса. Точнее, нам следует очертить дискурсивные рамки, в которые будет помещено проведение аналитических операций.

В качестве основной методологической опоры целям проводимого исследования соответствует взгляд М. Халлидея. Креативность и структурность языка, создающие дискурсивное пространство, одновременно выполняют три ключевые функции: межличностную, содержательную и текстуальную [Овшиева 2004]. Синкретичное сочетание указанных функций формирует особенности контекста, в котором стороны коммуникации обмениваются сообщениями, оказывая влияние социального характера (то есть проявляют собственные властные ресурсы) и демонстрируя соб-

ственное положение в координатной плоскости политического/властного пространства [Halliday, Hasan 1989]. В нашем случае схематичная координатная плоскость представляет собой пространство «доверие/солидарность», как было указано ранее.

Оправдание использования в данном исследовании такой методики, как когнитивное картирование, переходит за счет наведения теоретического моста от дискурса к когнитивизму. Вслед за Е.С. Кубряковой отметим, что язык, интерпретируемый в качестве дискурса, структурирует представления не только реципиента, но и производителя определенного политического сообщения [Кубрякова 2000]. Схожее до определенной степени понимание дискурса, речи и политических сообщений разделяется такими авторами, как Ю.П. Денисов и М.В. Гаврилова⁵.

Нарушая строгий дух научности, обратимся к учебному пособию за авторством О.В. Поповой, для того чтобы продемонстрировать необходимость применения именно операции когнитивного картирования в качестве инструмента, который способствовал бы вычленению особенностей мышления представителей региональной элиты в РФ. Продолжая цепочку «язык — представления», которая и «проявляется» в ходе выполнения картирования, дополним ее исключительно исследовательской потребностью объяснить поведение индивида и спрогнозировать его дальнейшие действия⁶. Интерпретация, следующая за проведением необходимых операций и подведением результатов когнитивного картирования, позволяет оценить адекватность анализа, целостность системы взглядов и убеждений и рациональность используемых стратегий (как лингвистических-языковых, так и технических-властных) исследуемого политика [Попова 2011], что полностью удовлетворяет исходным посылкам работы.

На данном этапе следует перейти к концептуализации важнейшей для работы социологической категории — элиты. Сразу следу-

---

⁵ См.: [Денисов 2008; Гаврилова 2004].

⁶ Иным авторитетным исследователем, помогающим связать тематику, методологию и технический инструментальный мини-исследования, является К.П. Боришполец. См.: [Боришполец 2005].

ет отметить: проблемных мест при категоризации элиты предельно много. Так, Д.С. Мартьянов в контексте изучения элит в постмодернистском пространстве современности (Интернет, сети) намечает два основных подхода к концептуализации, которые разбиваются в зависимости от авторских позиций [Мартьянов 2014]. Схожий плюрализм к концептуализации элит отмечается, например, в статье А.В. Дуки, который на основании максимально обширного теоретического материала последовательно описывает подводные камни, встречающиеся на пути исследователей элит как в социологии, так и в других областях научного знания [Дука 2015].

Надо оговориться, что отсутствие четкости в определении «элит» подчеркивается многими авторами, например Дж. Скоттом. Некоторые авторы (например, Хигли и Бёртон) решают данную проблему предельно простым способом: отказываются от дефиниции, подразумевая, что читатель интуитивно примет синонимы слова «элиты».

Итак, А.В. Дука выделяет четыре основных подхода к идентификации элит (решенческий, репутационный, рекрутационный, позиционный), указывая на то обстоятельство, что именно процедура идентификации на основании определенных теоретических аргументационных конструкций предваряет любое исследование элит и, следовательно, является первичным и важнейшим шагом на пути к концептуализации понятия [Дука 2015].

Таким образом, мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что И.В. Высоцкий принадлежит к страте элиты, точнее, занимает позицию среди представителей региональной элиты. Это можно аргументировать, например, тем, что он аккумулирует символический капитал, тем не менее своеобразно растрачивая его, занимая при этом пост депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга, то есть удовлетворяя минимальным требованиям идентификации согласно позиционному подходу, начерченному еще «ярлыками» В. Парето [Парето 2008]. Кроме того, сам И.В. Высоцкий в своих публичных высказываниях отмечает, что с помощью своей команды решает важные для района и города

проблемы, что позволяет косвенно отнести его к элите и с позиций децизионного подхода⁷.

Далее, дополнив концептуализацию посредством процедур идентификации, стоит отметить, что фигура исследуемого депутата с определенными оговорками может быть соотнесена с типологиями карьер и стратегий поведения для представителей региональных и местных элит за авторством О.В. Поповой («рабочая лошадка» со смещением к неотмеченному вектору получения собственной выгоды) [Попова 2013] и А.В. Шентяковой («бесперспективный политик-руководитель», который не имеет профессиональных альтернатив, но доволен накопленным и зафиксированным (задекларированная на жену квартира в Чехии, по данным некоторых СМИ, например «Фонтанки»)⁸ капиталом) [Шентякова 2014].

Наконец, следует описать особенности федерального и регионального политических режимов, так как они выступают необходимым контекстом, в рамках которого происходит предполагаемый в гипотезе конфликт между публикой и элитами, порождаемый спецификой мышления представителей региональных (и иных) элит.

Федеральную специфику политического режима удачно, не злоупотребляя аксиологической компонентой, описывает Т. Каротерс, называя сложившуюся в РФ ситуацию «политикой господствующей силы». Суть данной политики заключается в безответном доминировании одной политической группировки в условиях существования, но проблемного функционирования институтов, предполагающихся в демократическом дизайне политического режима [Karothers 2002]. Безответное доминирование предполагает игнорирование политического пространства как агональной среды

---

⁷ В данном случае, к сожалению, легко ошибиться, приняв на веру высказывания Высоцкого о формальных и неформальных каналах лоббирования выгодных для населения района решений. О дискуссии относительно того, кто принимает решения и в какой степени влияет на политический процесс, см.: [Льюкс 2010].

⁸ Данный сюжет вызвал достаточный резонанс в прессе. См.: [Чешский гамбит... 2013].

конкуренции. Подобная постановка вопроса соответствует видению публичного пространства как поля, в котором зреет латентный конфликт между элитной группировкой и массой населения.

С.С. Бойко и А.В. Курочкин на теоретическом уровне обосновывают единство Санкт-Петербурга и Ленинградской области при анализе регионального политического режима [Бойко 2002] и доказывают то, что в случае с очерченным региональным режимом стоит вести речь о ре-активности, которая характеризуется статичной и строго иерархической системой принятия стратегических решений, замыкающейся на одном центре (на «ядре»). Конфигурация акторов в данном случае маломобильна, количество участников в «ядре» мало, а их сменяемость ограничена. Система обратной связи задействует малое количество каналов, а противоречия снимаются авторитарными методами. Внешняя среда является объектом, над которым возможны любые действия по его трансформации в нужном для «ядра» ключе. Инновационное развитие отвергается как возможная альтернатива, следствием чего становится энтропия политики в качестве искусства предсказания [Курочкин 2010].

Перед тем как приступить к рассмотрению структур и символики властных отношений на примере МО «Правобережный», следует обратиться к модели исследования символического политического пространства с точки зрения Уильяма Уорнера. Естественно, методологический аппарат американского социолога-антрополога не подходит для целей данного мини-исследования, если его не подвергнуть определенной редукции. Речь идет о том, что мы не обладаем достаточными ресурсами для того, чтобы освоить и систематизировать всю совокупность социальных фактов, которые должны быть подвергнуты анализу. Кроме того, исследование микросоциологических особенностей конструирования поля публичной политики в современной России дается тяжело в силу особенностей и специфики информационного пространства и культурной ситуации, поэтому метод включенного наблюдения не может быть полноценно интегрирован в подобный тип исследовательского задания.

Тем не менее идея тотальности символического и культурного элементов позволяет оценить организацию властных отношений

в контексте и условиях, которые часто выносятся за скобки. Теоретическая модель трех подсистем (технологической, моральной и сакральной), несмотря на архаичность, позволяет взглянуть на социальные (в том числе и властные) связи со стороны их единого происхождения, которое по своей сути далеко от рационального начала. Моральные символические системы устанавливают «нормы правильного и неправильного», они часто иррациональны и обозначают не эмпирически существующие объекты, а коллективные чувства, их функция — обеспечение и контроль взаимодействий между членами общества. «Сверхъестественные символические контексты, образуемые религиозными верованиями и обрядами, иррациональны и нелогичны; это мифы, не поддающиеся никакой эмпирической проверке, но пробуждающие в людях, благодаря социальной памяти, идущие из прошлого интенсивные коллективные чувства, а тем самым обладающие для людей несомненной “реальностью” и действительностью» [Уорнер 2000].

Далее обратимся к рассмотрению формального и институционального аспектов, определяющих рамки политической деятельности депутата Высоцкого.

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга «Муниципальный округ “Правобережный”» входит в состав Невского района Санкт-Петербурга (до 1 января 2011 г. — Муниципальный округ № 57).

На востоке граничит со Всеволожским районом Ленинградской области. На территории округа расположен Ледовый дворец и протекает река Оккервиль.

Крупные магистрали — Российский проспект, проспект Пятилеток, улица Латышских Стрелков. С запада к округу примыкает Ладожский вокзал.

МО лежит в окрестностях станции метро «Проспект Большевиков». Занимаемая площадь — 6,4 кв. км. Численность населения на момент января 2015 г. — 70 935 человек.

Структура руководящего аппарата МО — муниципальный совет и местная администрация. В муниципальный совет входят 18 депутатов, которые формируют несколько комиссий в составе муниципального совета: планово-бюджетную, по благоустройству,

контрольно-счетную, по культуре и социальной политике, по молодежной политике, военно-патриотическому воспитанию и спорту. Один и тот же депутат может входить в разные комиссии. Глава муниципального совета Гордин Эдуард Исакович⁹.

Местная администрация муниципального образования — исполнительно-распорядительный орган МО, наделенный полномочиями по решению вопросов местного значения и осуществлению отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами Санкт-Петербурга. Главой МО «Правобережного» является Тонкель Игорь Ростиславович, его заместитель — Новошеня Николай Михайлович. Кроме того, МО имеет следующие организационные деления: организационно-правовой сектор, сектор делопроизводства, документооборота и кадров, отдел опеки и попечительства, бухгалтерия, отдел экономического развития, бюджета и муниципального заказа, отдел благоустройства и технического контроля.

В соответствии со ст. 40 Устава внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга местная администрация МО «Правобережный» осуществляет полномочия в количестве 30 пунктов, главные из которых: разработка и исполнение бюджета, исполнение решений муниципального совета, управления собственностью МО.

Правобережный муниципальный округ по своей сути является организацией двух центральных персонажей администрации: Гордина Эдуарда Исаковича и депутата Законодательного собрания города Санкт-Петербурга Игоря Владимировича Высоцкого. Именно благодаря их совместной деятельности и политическому весу последнего за последние шесть лет инфраструктура округа претерпела значительные изменения. Примеры положительных тенденций: развитие спортивной сферы (постройка самого большого в Невском районе бассейна, поддержка спортивных секций в микрорайоне), удачные попытки контроля состояния транспорт-

---

⁹ Достаточно большой объем информации не обновлялся на сайте с 2014 г., что ставит под вопрос его телеологическую ценность. См.: [Внутригородское муниципальное образование... 2018].

ных сетей (крупномасштабный ремонт дорог в 2012 г.), установление минимальной обратной связи в виде еженедельных приемов в администрации, наличия муниципальной поддержки, вручения символических премий школьникам, отличившимся в учебе, развитие рекреативных зон (открытие двух больших парков с 2013 г.). Функционирует аппарат МО простым, но действенным способом: большинство финансовых потоков на специфические нужды (ремонт, градостроительство) проходят через Всероссийскую общественную организацию ветеранов «Боевое братство», поскольку бюджета МО на постройку самого большого бассейна в Невском районе и вышеприведенные примеры благоустройства явно бы не хватило. Игорь Владимирович Высоцкий является одним из ведущих функционеров «Боевого братства», а его труды на благо МО он сам на многочисленных встречах с жителями объясняет просто: заботой о своем микрорайоне и о внучке, которая учится в одной из школ на территории муниципального образования. Сам же Высоцкий формально всего лишь почетный гражданин МО. Политический вес Высоцкого определяется тем обстоятельством, что он депутат ЗакСа.

Таким образом, власть концентрируется в руках человека, который отыгрывает роль мецената, обустроивающего собственное место проживания. Важно отметить, что публичный образ Высоцкого строится на активном использовании ресурса, который уместно было бы назвать социальным капиталом бывшего военного. Строгость и «казарменность» проявляются почти в каждом действии депутата: стиль одежды, манера построения речей (коротких, с отсылками к войне в Афганистане (некоторыми подвергается сомнению то обстоятельство, что Высоцкий служил в Афганистане более нескольких месяцев, а его травма имела бытовой характер), детей на вручении школьных премий он часто называет «гвардейцами») и специфика их произнесения (у Высоцкого ярко выраженный дефект речи, который он объясняет боевыми ранениями, но ходят слухи, что он пристрастен к алкоголю и банным процедурам, что косвенно может подтверждаться роскошным баннным комплексом, отстроенным на территории его особняка на Рублевском шоссе), постоянная апелляция к социальной памяти

представителей того поколения, для которого десятилетняя война в Афганистане не просто страница истории. Несмотря на декларируемую открытость для общения, Высоцкий достаточно сух и предпочитает поддерживать обратную связь через собственных помощников, которые в количестве (минимум) трех человек сопровождают его на любом мероприятии (от открытия памятника воинам-афганцам до банального субботника). То есть за стремлением демонстрировать близость к жителям района, покровителем которого он себя считает (часто подобная дискурсивная практика подается им как шутка), скрывается достаточно холодная манера коммуникации.

Удивительно то, что честность Высоцкого подтверждается, например, тем, что в его последней декларации о доходах указано наличие имущества в Чехии. Это важно с той точки зрения, что, кроме него, на демонстрацию подобной роскоши «отважился» всего лишь один депутат из предпоследнего созыва ЗакСа.

Говоря о кругах, в которых Высоцкий умножал собственный социальный капитал, необходимо указать на следующие связи. В 1998 г. вместе с депутатом Государственной Думы и «авторитетным» бизнесменом Вячеславом Шевченко (убит на Кипре в ходе криминальных разборок 25 марта 2004 г.) и депутатом ЗакСа Виктором Новоселовым, который считался членом «гамбовской» криминальной группировки и близким другом ее вождя Владимира Кумарина-Барсукова, участвовал в создании прогубернаторского регионального общественно-политического движения «Патриоты Петербурга».

Санкт-петербургские ветеранские объединения Игоря Высоцкого пользуются спонсорской помощью коммерческих структур братьев Ротенбергов (как, впрочем, и головная организация «Боевого братства», возглавляемая Борисом Грозовым и Дмитрием Саблиным).

В отношении помощника депутата Игоря Высоцкого Сергея Сивцова возбуждалось уголовное дело. Прошла информация, что ему было предъявлено обвинение в вымогательстве, связанном с разборками из-за льгот между организациями ветеранов Афганистана. Игорь Высоцкий скрывал причастность своего помощника к

ветеранским льготам и на вопросы журналистов отвечал, что его помощнику предъявили обвинение из-за отношений имущественно-правового характера между двумя его сотрудниками.

Помощник депутата Игоря Высоцкого Павел Язиков, в свое время осужденный за мошенничество и уклонение от уплаты таможенных платежей, по просьбе Высоцкого стал одним из учредителей строительной фирмы ООО «Студиодизайн» в рамках социального проекта в защиту интересов инвалидов Афганистана. Соучредителем Язикова стала первая супруга депутата Людмила Евгеньевна Высоцкая, фирму зарегистрировали по домашнему адресу Игоря Высоцкого.

В начале 1990-х Высоцкий активно контактировал с влиятельными московскими бизнесменами из бывших воинов-афганцев Михаилом Лиходеем и Валерием Радчиковым. Через Лиходея и Радчикова Высоцкий сумел добиться для своей организации СИВИ статуса Санкт-Петербургского отделения Российского Фонда инвалидов и ветеранов Афганистана (РФИВА). В 1995 г. он стал заместителем председателя правления РФИВА по социально-правовым вопросам. (Радчиков впоследствии подозревался в убийстве Лиходея, а позже обвинялся в организации взрыва 10 ноября 1996 г. на Котляковском кладбище на могиле Лиходея, в результате которого погибли вдова Лиходея, сторонники Лиходея в «афганском» движении ветеранов, многие свидетели по делу о его гибели — всего 14 человек).

Практика и волонтерство в одной из профильных молодежных организации МО «Правобережного» «Наш дом — Правый берег» оказались достаточными для получения базового представления о функционировании администрации и принятии решений внутри муниципального совета. Фактическим лидером МО является именно И.В. Высоцкий, который намного более публичен и активен в глазах как команды администрации, так и жителей микрорайона. Это подтверждается, в частности, в порядке выступления функционеров на различных мероприятиях.

После освещения политического контекста и политической биографии Высоцкого проведем анализ его речи¹⁰, который позво-

---

¹⁰ См.: [«Part 4, Выступление депутата...» 2013].

лит выявить особенности мышления представителей региональной элиты в РФ.

В целях сохранения логической структуры работы поместим расшифровку речи в тело самой работы, не вынося ее в приложение.

Расшифровка текста

— Игорь Владимирович, к Вам, как к председателю Комиссии по делам ветеранов, как депутату нашего города, и, насколько я понимаю, Вы как раз ответственны за этот район. Ваше мнение хотелось бы тоже услышать. Вам вообще нужен этот торговый развлекательный комплекс в Невском районе и как Вы относитесь к тому, что происходит вокруг этой стройки. Спасибо.

— Добрый день. Острая проблема, потому что я житель Невского района с 69-го года. И вот в 70-м году, я помню, построили кинотеатр «Невский». А сначала-то мы ездили куда. Только «Спутник» один был. Одно место культурное. Вспомните, как мы раньше в городе Ленинграде могли отдохнуть семьей. Я смотрю с отцом в кино «Спутник». Это был праздник для семьи, и все так радовались. И вот будучи сейчас как председатель комиссии по делам ветеранов с 94-го года. Я рад, что с Валентиной Ивановной мы уже почти 20 лет вместе сотрудничаем. То, что мне было доверено Законодательное собрание отправить в государственную думу работать над федеральным законом о ветеранах к пятидесятилетию Победы.

Знаете, все мероприятия в Невском районе проходят правильно. Назвала Валентина Ивановна Матвиенко.

Есть мемориальное кладбище журавли. Ни разу не возникал вопрос о захоронениях. Но тем не менее 2 недели назад, потому что я за ветеранов грудью всегда стою. И когда мне в третьем созыве было предложено возглавить социальную комиссию губернатором, тот момент Валентиной Ивановной Матвиенко. Я говорю: «У меня сколько есть времени?». Пять минут. Я через минуту сказал: «Спасибо вам за доверие, но я останусь со своими ветеранами».

Уж сам участник боевых действий в Афганистане. Поэтому я понимаю прекрасно.

И поэтому я сам не позволил бы на костях что-то строить.

И две недели назад было принято решение провести экспертизу. И та группа людей, которые ездят по всем районам города, будоражат население, простите, видимо, это люди, которые за деньги ездят. Я понимаю это только так. А я согласился уже провести экспертизу. Ведь можно было пойти другим путем.

Если бы мы с вами нашли останки, я инвесторам сказал: можно было сделать (*как надо*) и захоронить их обязательно на кладбище. И это бы так и сделали, по-другому никто бы и не дал строить.

Ну вот в руках есть экспертизы. То, о чем согласилась инициативная группа. На глубину пять метров. Проверено. Дорогостоящая экспертиза. Не обнаружено.

Я рад, что инвесторы согласились не только для молодежи. А в Невском районе глава администрации и один и второй и сейчас Сергей Алексеевич Ситдиков. Когда же в Невском районе будет дворец молодежи? Когда наши с вами дети. А ведь уровень государства оценивается, потому что не только к ветеранам, но и к детям. Когда они будут заниматься не в подворотнях собираться. Тогда мы с вами будем не бояться, родители, что они пошли и увлеклись наркотиками. Когда у них появится своё место. Дворец Молодежи.

Инвесторы согласились, что здесь будут действительно секции для ребят.

Затем я обратился, говорю: «Вы знаете, давно уже нет и в Невском районе закрыт центр ОБЖ. Вы помните?» Когда-то была начальная военная подготовка. Ребята учились хотя бы азам защищать маму, сестру, бабушку. В Невском районе закрыт такой центр.

Я предложил инвесторам, говорю: «Давайте в вашем комплексе выделим под центр патриотического воспитания молодежи нашего города, не только Невского района. И сюда будут привозить старшеклассников и учить патриотическому воспитанию. Офицеры, которые прошли и воевали в горячих точках, кому есть чему учить молодежь. И они любезно согласились. Да, это действительно нужно для города, и мы это одобряем и приветствуем».

Так почему мы сейчас, когда люди ратуют за добро. Действительно, мы называем нас Северной культурной столицей. Почему мы не хотим хорошего? Чтоб нас называли снова Весёлый посёлок,

Смешной посёлок. А когда звучит гордо «Невский район города Санкт-Петербурга», мы этого не хотим. Поэтому я считаю, как коренной житель с 69-го года Невского района, что такой центр просто необходим. Одному из крупнейших районов города. Одному из самых тяжёлых, потому что он на двух берегах Невы.

И исходя из того, что я до результатов экспертизы сказал, что пока не будет результатов экспертизы, я не могу публично своё мнение. Потому что я иначе буду грудью на баррикаде отстаивать интересы ветеранов. Сейчас я могу прямо вам сказать. Вот результаты экспертизы получены. Поэтому такой центр должен быть в районе и в городе.

— Спасибо вам большое, Игорь Владимирович.

Когнитивная карта выступления депутата представлена на рисунке 1.

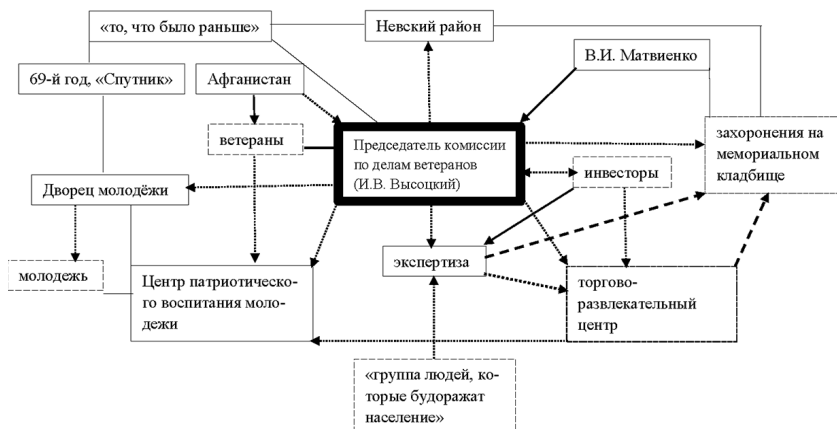

Рис. 1. Когнитивная карта выступления И.В. Высоцкого

Легенда карты:

- прямоугольник с толстыми линиями — основной актор (И.В. Высоцкий);
- прямоугольники с длинным штрихом — группы интересов;
- прямоугольники с квадратными точками — объекты основной проблемы;

- белые прямоугольники — вспомогательные смысловые узлы;
- стрелки с маленькими круглыми точками — способствуют явлению;
- стрелки со штрихами «-» — препятствуют явлению;
- обычные черные стрелки — нейтральное влияние;
- черные линии — есть смысловая связь, но без влияния.

Интерпретация карты выступает одновременно и необходимой процедурой анализа и итоговым подведением выводов всей работы.

Карта позволяет нам выяснить представления депутата И.В. Высоцкого по вопросу строительства торгово-развлекательного центра на месте мемориального кладбища в Невском районе. Важно отметить трудность составления карты. Речь Высоцкого отличается спутанностью и отсутствием стройности повествования, что не позволяет построить карту с понятной иерархией или в хронологическом порядке (хотя это уместно при обсуждении данного события).

Кроме того, спутанность речи подтверждает тот факт, что категории мышления И.В. Высоцкого не отличаются консистентной связанностью, а публичное выступление, опосредованный контакт с аудиторией и публикой не воспринимаются им в качестве события, к которому стоит подготовить тщательно проработанную речь. Последнее замечание подтверждает то предположение из гипотезы, согласно которому И.В. Высоцкий как представитель региональной элиты в малой степени ориентируется на публику. Он постоянно пытается изобразить себя простым жителем Невского района, но противоречие заключается в том, как открыто спикер повествует о неформальных и формальных связях с ведущими политиками города и региона (В. Матвиенко, пример), что для обыкновенного горожанина является недостижимой целью. Поднимающиеся темы связаны между собой, по мнению автора речи, что видно по количеству стрелок, соединяющих блоки.

Блок депутата находится в центре карты по ряду причин. По его выступлению появляется возможность выявить то обстоятельство, что депутат Законодательного собрания не стремится к тому,

чтобы рационально и аргументированно связывать в собственной речи, следовательно, и продумывать какие-либо события с группами интересов и с собственной фактической деятельностью в качестве представителя региональной элиты (или в качестве председателя комиссии).

В предметном плане дискурс И.В. Высоцкого выстроен вокруг двух блоков: захоронения на мемориальном кладбище и нового ТРЦ, который собираются возвести на той же территории. Решение данной проблемы находит препятствие в результатах экспертизы, постоянно упоминаемой депутатом. По его словам, дорогостоящая экспертиза должна показать, есть ли на мемориальном кладбище захоронения. За проведение этой экспертизы ратует не только депутат, но и «группа людей, которые будоражат население». Скорее всего, речь идет об инициативной группе граждан, которые с определенной долей постоянства информируют местных жителей района (публику) о данной проблемной ситуации.

Инвесторы, в интересы которых, очевидно, входит строительство нового ТРЦ, по словам депутата, одобряют экспертизу. Следует отметить и акцентировать внимание на том, что сюжеты, касающиеся переговоров с инвесторами, И.В. Высоцкий излагает до определенной степени подробно, подчеркивая то обстоятельство, что они понимают и одобряют все его предложения. Это позволяет поставить между блоками «Высоцкий» и «инвесторы» единственную взаимную стрелку. Именно факт, что депутат Законодательного собрания, житель района с 1969 г., не находит противоречия в возлагаемых на себя ролевых образах может быть представлен в виде потенциальной причины латентного конфликта между его фигурой и теми жителями, ценностные предпочтения которых не позволяют им проявлять политический абсентеизм в данной ситуации.

Самые неожиданные связи обнаруживаются в выступлении после того, как озвучиваются результаты экспертизы: никаких захоронений на кладбище нет, следовательно, строительству ТРЦ ничего не препятствует. Из этого вытекает необходимость подкрепления депутатом статуса председателя Комиссии по делам ветеранов, и И.В. Высоцкий высокопарно обещает в случае возник-

новения проблемных ситуаций «грудью на баррикаде отстаивать интересы». Высокопарность и чрезмерная экзальтированность подобного высказывания выступает эрзацем, который, кажется, всего лишь прикрывает недостаточность рациональных мотивов и элементов в аргументации депутата. Возможно, подобные стилистические и риторические элементы оказывают влияние на некоторые слои публики, но в общем контексте выступления кажутся инородными, отражающими скудность арсенала аргументационных техник, которыми пользуется представитель региональной элиты. Безыскусность речи и одномерность мышления, предположительно, могут выступать в качестве причин недовольства конкретным политиком.

Представляется возможным обнаружить в тексте симпатию депутата, которая ничем не завуалирована, к прошлому, к событиям из категории «то, что было раньше»: упоминание кинотеатра «Спутник», Афганистана, старт карьеры в 90-х при сотрудничестве с В.И. Матвиенко, закрытый центр ОБЖ в Невском районе, который воспринимается депутатом в качестве места для молодежи, где можно было получить полезные навыки военной подготовки. Подобная тяга к проекциям прошлого указывает на однообразный характер мысли депутата, что в условиях современного мира, меняющиеся реалии которого динамичны и хаотичны до предела, резко оттеняет образ самого политика, потенциально порождая критические коннотации с геронтократическим консерватизмом или реакционностью.

Планам по развитию Невского района отводится целый смысловой блок. Здесь участвуют «любимые» группы населения И.В. Высоцкого: ветераны, молодежь, инвесторы. Эти группы населения формируют положительно окрашенный с ценностной точки зрения полюс в мышлении депутата. Соответственно, «будоражающие спокойствие» и некоторые неназванные силы агрегируют негатив.

Конечно, подспудно возникает вопрос: как указанные «любимые» группы, хотя бы гипотетически, связаны с новым ТРЦ на месте мемориального кладбища. Объяснение тривиально: И.В. Высоцкий предлагает инвесторам выделить в ТРЦ секцию для

молодежи (здесь же проявляется пласт патриотически ориентированной риторики). Абстрактность нивелируется самим депутатом, который говорит о том, что секция примет вид Центра патриотического воспитания молодежи. Воспитание подрастающего поколения ляжет на плечи офицеров, воевавших в горячих точках.

Стройность аргументации подкрепляется тем, что добропорядочные инвесторы одобряют это предложение. Таким образом, можно отметить, что детерминированные смысловые категории сливаются Высоцким воедино под предлогом защиты молодежи. Данное обстоятельство представляется логичным, демонстрирует ориентацию аргументов в большей степени по вертикальной оси (ради одобрения чиновниками-коллегами), но не по горизонтальной (ради реального решения проблем, волнующих население района).

Таким образом, перед нами возникает карта, на которой видно, как депутат принимает решение. От блока «Высоцкого» и к нему проходят только зеленые стрелки. Следовательно, депутат синхронизирует в собственных схемах мышления то, что изначально противоречит друг другу: военные захоронения и ТРЦ на их месте. *Contradictio in adiectis* проявляется при исследовании риторической роли «экспертизы», которую все хотели и которая показала, что на кладбище никто не захоронен. Получается, что те, кто недоволен решением о строительстве центра на месте кладбища, могут обвинять только «экспертизу», так как ни один из акторов (ни И.В. Высоцкий, ни инвесторы) якобы не способствовали принятию положительного решения. Таким образом, все противники строительства зря «будоражили население», ведь экспертиза стоила дорого, а значит, по мнению Высоцкого, ее результатам следует доверять.

Итак, использование когнитивного картирования позволило нам выявить ключевые особенности мышления представителя региональной элиты и доходчиво продемонстрировать ту специфику, которая приводит к появлению латентных конфликтов между публикой и элитой.

Литература и источники

Бойко С.С. Влияние корпоративного сектора на региональный политический режим (на примере Пермской области) // Политический альманах Прикамья. 2002. Вып. 2. С. 109–113.

Бориштолец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005. 221 с.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. №5. С. 60–74.

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципальный округ Правобережный. Вебсайт. URL: <http://mo57.ru/> (дата обращения: 03.05.2018).

Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Политические исследования (Полис). 2004. № 3. С. 127–139.

Денисов Ю.П. Дискурс-анализ как методика реконструкции образа политического деятеля // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». Пермь, 2008. Вып. 2 (4). С. 85–94.

Джаст М., Криглер Э. Создание образа лидерства: на примере Клинтона и Уотергейта // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопал. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 373–391.

Дука А.В. Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 4 (81). С. 5–23.

Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры // Политические исследования (Полис). 2002. № 3. С. 19–30.

Кубрякова Е.С. В начале XXI века: размышления о судьбах когнитивной лингвистики // Когнитивная семантика: мат-лы II междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике 11–14 сент. 2000 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев: в 2 ч. Тамбов: Изд. Тамбов. гос. ун-та., 2000. Ч. 1.

Куручкин А.В. Региональные политико-административные режимы в РФ как ключевой фактор формирования инновационного потенциала управления регионом // Политико-административные отношения: концепты, практика и качество управления: сб. статей / под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 165–176.

Льюкс С. Власть. Радикальный взгляд. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. 240 с.

Мартьянов Д.С. Интернет-сообщество, масса и элиты: динамика концептуализации. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 3. С. 170–182.

Овишева Н.Л. К вопросу о различиях в понимании термина «дискурс» // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 165–169.

Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

Попова О.В. Карьерные стратегии субфедеральных политических элит. // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6. Политология. Международные отношения. Вып. 1. С. 49–56.

Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование. М.: Аспект Пресс, 2011.

Сафронов В. Поддержка политической системы в России: взгляды элиты и массовой публики (часть 1) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 16–29.

Уорнер У. Живые и мертвые. СПб.: Университетская книга, 2000.

Чешский гамбит депутата Высоцкого // Фонтанка.Ру. 18.04.2013. URL: <https://www.fontanka.ru/2013/04/18/120/> (<http://mo57.ru/> (дата обращения: 01.05.2018)).

Шентякова А.В. Мотивация и стратегии построения карьеры представителей региональной элиты. // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 6. Политология. Международные отношения. Вып. 2. С. 111–119.

Шестопал Е.Б. Психологические особенности российских политических элит и рядовых граждан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11, № 3. С. 5–15.

Шляпентох В.Э. Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008.

Carothers Th. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, № 1. P. 5–21.

Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982.

Halliday M., Hasan R. Language, context and text: Aspects of language in a social semiotic perspective. Oxford: Oxford University Press, 1989.

Part 4, Выступление депутата петербургского Законодательного собрания, председателя комиссии по делам ветеранов, И.В. Высоцкий // Youtube. 01.03.2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D44GDQCT2gY&app=desktop> (<http://mo57.ru/> (дата обращения: 02.05.2018)).

RUSSIAN REGIONAL ELITES: SPECIFIC PATTERNS OF THINKING (THE CASE OF THE DEPUTY I.V. VYSOTSKY)

G. Bakhtin

Abstract. *The article examines the specific ways of thinking, which belong to the representatives of the regional and local political elites on the example of the deputy I.V. Vysotsky, the member of the Legislative Assembly of St. Petersburg. The point is in the identification of consistently manifested patterns in the construction of conclusions and political utterances makes it possible to clarify the extent to which the increase in the distance between domestic policies and citizens is manifested, how the arguments of representatives of the people are simplified and reduced due to the lack of contact with recipients in public sphere. As a methodological tool designed to facilitate the identification of specific characteristics of thinking, there is a procedure for cognitive mapping, borrowed from psychology.*

Keywords: *elites, thinking, cognitive mapping, distance, gerontocracy, axes of trust and solidarity.*

References

Borishpolets K.P. *Metody politicheskikh issledovaniy* [Methods of political research]. Moscow: Aspect Press, 2005. (In Russian)

Bourdieu P. *Formy kapitala* [Forms of capital], *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 2002, 5, pp. 60–74. (In Russian)

Boyko S.S. *Vliyaniye korporativnogo sektora na regional'nyy politicheskiy rezhim (na primere Permskoy oblasti)* [The impact of the corporate sector on the regional political regime (On the example of the Perm region)], *Politicheskiy almanakh Prikamia* [Political Almanac of Kama region], 2002, 2, pp. 109–113. (In Russian)

Carothers Th. *The End of the Transition Paradigm*, *Journal of Democracy*, 2002, 13 (1), pp. 5–21.

Cheshsliy gambit deputata Vysotskogo [Czech gambit of deputy Vysotsky], *Fontanka.Ru*, 04.18.2013. URL: <https://www.fontanka.ru/2013/04/18/120/> (available 05/01/2018). (In Russian)

Denisov Yu.P. Diskurs-analiz kak metodika rekonstruktsii obraza politicheskogo deyatelya [Discourse analysis as a technique for reconstructing the image of a political figure], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Politologiya»* [Bulletin of Perm University. Series Political Science], 2008, 2 (4), pp. 85–94. (In Russian)

Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press, 1982. 230 p.

Duka A.V. Variantnost sotsiologii elit [Variation of sociology of elites], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015, 4, pp. 5–23. (In Russian)

Gavrilova M.V. Politicheskiiy diskurs kak obyekt lingvisticheskogo analiza [Political discourse as an object of linguistic analysis], *Politicheskiye issledovaniya (Polis)* [Polis. Political Studies], 2004, 3, pp. 127–139. (In Russian)

Halliday M., Hasan R. *Language, context and text: Aspects of language in a social semiotic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 126 p.

Vnutrigorodskoye munitsipal'noye obrazovaniye Sankt-Peterburgskiy munitsipal'nyy okrug Pravoberezhny [Intercity municipality of St. Petersburg, Pravoberezhny municipal district]. Website. URL: <http://mo57.ru/> (available: 03.05.2018). (In Russian)

Just M., Krieglner E. Sozdaniye obraza liderstva: na primere Klintona i Uotergeyta [Creating an image of leadership: the example of Clinton and Watergate]. In: *Politicheskaya psihologiya: Hrestomatija* [Political Psychology: A Reader]. Comp. by E.B. Shestopal. 3rd ed. Moscow: Aspect Press, 2011, pp. 373–391. (In Russian)

Kubryakova E.S. V nachale XXI veka: razmyshleniya o sud'bah kognitivnoj lingvistiki [At the beginning of the XXI century: reflections on the fate of cognitive linguistics]. In: *Kognitivnaya semantika: Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj shkoly-seminara po kognitivnoj lingvistike 11–14 sent. 2000 g.* [Cognitive semantics: Proceedings of the second Inter-national school-seminar on cognitive linguistics September 11–14, 2000]. Ed. by N.N. Boldyrev. In two parts. Tambov: Izd. Tamb. state University, 2000. Part 1. (In Russian)

Kurochkin A.V. Regionalnyye politiko-administrativnyye rezhimy v RF kak klyuchevoy faktor formirovaniya innovatsionnogo potentsiala upravleniya regionom [Regional political and administrative regimes in the Russian Federation as a key factor in the formation of the innovative potential of regional management]. In: *Politiko-administrativnye otnosheniya: koncepty, praktika i kachestvo upravleniya* [Political and administrative relations: concepts, practice and quality of management]. Collection of articles. Ed. by L.V. Smorgunov. St.-Petersburg: St.-Petersburg University Publ., 2010, pp. 165–176. (In Russian)

Lux C. *Vlast. Radikalnyy vzglyad* [Power. Radical look]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2010. 240 p. (In Russian)

Martyanov D.S. Internet-soobshchestvo, massa i elity: dinamika konseptualizatsii [The Internet community, the mass and the elite: the dynamics of conceptualization], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], 2014, 10, pp. 170–182. (In Russian)

Ovshieva N.L. K voprosu o razlichiyakh v ponimani termina «diskurs» [On the issue of differences in the understanding of the term “discourse”], *Vestnik OGU* [Bulletin of the Orenburg State University], 2004, 11, pp. 165–169. (In Russian)

Pareto V. *Kompendium po obshchey sotsiologii* [Compendium on General Sociology] Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2008. 511 p. (In Russian)

Part 4, Vystuplenie deputata peterburgskogo zakonodatel'nogo sobraniya-predsedatelya komissii po delam veteranov, I.V. Vysockij [Part 4, Speech by the Deputy of the St. Petersburg Legislative Assembly, Chairman of the Commission on Veterans Affairs, I.V. Vysotsky], *Youtube*, 01.03.2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D44GDQCT2gY&app=desktop> (available 05.02.2018). (In Russian)

Popova O.V. Karyernyye strategii subfederalnykh politicheskikh elit [Career strategies of sub-federal political elites]. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of the St. Petersburg State University], 2013, 6, pp. 49–56. (In Russian)

Popova O.V. *Politicheskiiy analiz i prognozirovaniye* [Political analysis and forecasting]. Moscow: Aspect Press, 2011. 464 p. (In Russian)

Putnam R. *Chtoby demokratiya srabotala: Grazhdanskiye traditsii v sovremennoy Italii* [Making democracy work: Civic traditions in modern Italy]. Moscow: Ad Marginem, 1996. 287 p. (In Russian)

Safronov V. Podderzhka politicheskoy sistemy v Rossii: vzglyady elity i massovoy publiki (chast 1) [Support of the political system in Russia: views of the elite and the mass public (part 1)], *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: journal of sociological and marketing research], 2009, 6, pp. 16–29.

Shentyakova A.V. Motivatsiya i strategii postroyeniya karyery predstaviteley regionalnoy elity [Motivation and career strategies of representatives of the regional elite], *Vestnik SPbGU* [Bulletin of the St. Petersburg State University], 2014, 6, pp. 111–119. (In Russian)

Shestopal E.B. Psikhologicheskiye osobennosti rossiyskikh politicheskikh elit i ryadovykh grazhdan [Psychological features of Russian political elites and ordinary citizens], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], 2015, 11, pp. 5–15. (In Russian)

Shlapentokh V.E. *Sovremennaya Rossiya kak feodalnoye obshchestvo. Novyy vzglyad na postsovetskuyu eru* [Modern Russia as a feudal society. A new look at the post-Soviet era]. Moscow: CAPITAL-PRINT, 2008. 320 p. (In Russian)

Warner W. *Zhivyye i mertvyye* [The Living and the Dead]. Saint Petersburg: University Book, 2000. 671 pp. (In Russian)

Zavershinsky K.F. Kognitivnyye osnovaniya politicheskoy kultury [Cognitive bases of political culture], *Politicheskiye issledovaniya (Polis)* [Polis. Political Studies], 2002, 3, pp. 19–30. (In Russian)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И СПОРТ

«О СПОРТ, ТЫ МИР»: О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВЛАСТИ И СПОРТА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Н.В. Колесник

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.14>

Аннотация. *Статья посвящена проблеме взаимодействия спорта и власти в российском регионе. Основное исследовательское внимание в работе сфокусировано на анализе политического и административного сегментов региональной элиты Республики Дагестан, ее спортивной риторике в постсоветский период, «спортизации политики». Предметом исследования выступает симбиоз формальных и неформальных практик в процессе функционирования политической и административной региональной элиты. С одной стороны, между политикой и спортом в регионе существует активное слияние (феномен «спортизации политики»), с другой стороны, политика, по образному выражению Ж. Бодрийяра, выходит за рамки собственно политического поля и проникает во все общественные сферы (культуру, экономику, духовную власть, образование). Региональный спорт оказывается ареной для выражения и удовлетворения интересов различных социальных агентов, в первую очередь властных групп, оказывающих влияние на процессы, происходящие внутри спортивной институции. Анализ индивидуальных перемещений агентов из спорта в политические, административные структуры власти показывает, что спорт часто выталкивает наверх и в дальнейшем оказывает значимое влияние на карьеру (не) профессиональных спортсменов. Биографические данные именитых спортсменов и анализ интервью в СМИ показывают, что заслуги в*

спорте важны лишь на первоначальном этапе политической, административной или экономической карьеры индивида. Далее же на карьерные траектории начинают оказывать влияние неформальные факторы: родственные и дружеские связи, джамаатские идентичности, объем экономического капитала и др.

Ключевые слова: политика, власть, кланы, элиты, Дагестан, регион, формальные практики, неформальные практики, спорт, спортсмены, Северный Кавказ, риторика, «Кавказские игры».

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В контексте исследования процессов устойчивости становления постсоветского социального порядка особую значимость приобретает анализ властных практик в российских регионах. По мнению исследователей, социальная стабильность в социологическом смысле представляет собой устойчивость социальных структур, процессов и отношений, которая при всех их изменениях сохраняет их качественную определенность и целостность как таковых. Социальная стабильность складывается из трех уровней: внутренней стабильности социальных систем, стабильности их взаимосвязей и их взаимодействии между собой, стабильности всего общества, которую можно обозначить как социетальная стабильность. В этой связи одним из определяющих факторов устойчивости и стабильности в постсоветском российском обществе является властный фактор, который персонифицируется в элитах.

Проблема функционирования региональных элит в современной России является достаточно исследованной, ежегодно издаются сотни научных публикаций по этой тематике. При этом если проделать качественный анализ опубликованных работ, то станет ясно, что большинство текстов носят описательный и мало проблемный характер. Вопрос о взаимодействии спорта и власти в российских регионах практически не изучен и вообще носит маргинальный характер. Российские интеллектуалы сложившуюся подобным образом исследовательскую ситуацию в отечественных науках объясняют в первую очередь фактором «наследия прошлого», когда «мешали идеологические конструкторы господствующего

“всеобъясняющего учения”» и в последующие годы отсутствием в предметной повестке дня спорта как объекта исследования [Кильдюшев 2017: 47].

Как справедливо отметил О.В. Кильдюшев, «спорт как важнейшая культурная и телесная практика нуждается в адекватной научно-теоретической рефлексии со стороны гуманитарного знания» [Кильдюшев 2017: 46]. Западная наука имеет многолетний опыт изучения спорта как социального института. Значительный вклад в развитие социологии спорта внесли Н. Элиас и П. Бурдьё. Ученые в своих работах рефлексируют по поводу спорта как социологической проблемы и определяют социальное значение спорта. Обращаясь к истории спорта, Н. Элиас формулирует важный исследовательский вопрос: какие особенности развития и структуры общества (на примере английского) «определяют движущую энергию такой специфической формы досуга, как «спорт»? В чем отличие спорта от более ранних развлечений?» [Элиас 2006: 43].

Рассматривая генезис спорта, Н. Элиас определяет спорт как форму соревновательной игры, которая имеет некоторые отличительные черты. В отличие от древнего спорта, современные состязательные игры регулируются регламентированными и дифференцированными письменными правилами, которые подлежат критике и пересмотру [Элиас 2006: 46]. Физическая безопасность граждан в развитых экономических странах, по Н. Элиасу, оказывается важным преимуществом. При этом государство «обеспечивает монополию и эффективный контроль степени насилия» [Там же: 46–47]. Если этого не происходит, то порождается двойная мораль, раскол общества и угрызения совести [Там же]. Для П. Бурдьё важным оказывается рассмотрение социальных дифференциаций в спорте и определение спортивного пространства через призму воспроизводства социального статуса. Различая виды спорта для «слабых» (низший класс) и «сильных», П. Бурдьё обращает внимание на силовые виды спорта и те, которые исключают физический контакт и насилие [Бурдьё 1994].

Г. Плесснер, родоначальник философской антропологии, рассуждая о функции спорта в индустриальном обществе, обращает внимание на то, что спорт всегда является отражением обществен-

ного порядка. «Невозможно ругать первое и одобрять второе. Что применимо к одному, то применимо и к другому. Стремление к рекорду в одном связано со стремлением к рекорду в другом. Невозможно изменить спорт, если нет мужества и сил изменить общественный порядок. Первый есть отражение и альтернатива второму, поэтому, осуждая или восхищаясь одним, также осуждают или восхищаются другим» [Плесснер 2018: 205].

ДАГЕСТАН КАК СПОРТИВНАЯ СТОЛИЦА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В качестве эмпирической основы для рассмотрения проблематики взаимодействия власти и спорта выбран один из российских регионов — Республика Дагестан. Выбор Дагестана обусловлен несколькими факторами. Особенность региона определяется его социально-экономическим статусом: 1) низкий объем легальной экономики, 2) высокий уровень самозанятого населения среди российских регионов (48 %), 3) отсутствие конкурентной промышленности и преобладание аграрного сектора в региональной экономики. При этом Дагестан занимает лидирующие позиции относительно рыночных услуг в структуре валовой добавленной стоимости среди республик Северного Кавказа.

Если следовать официальной статистике, которая позволяет представить социальный, экономический облик российского региона, то на протяжении всего постсоветского периода регион воспроизводит устойчивые позиции аутсайдера и относится к числу кризисных. «Южный пояс», который охватывает семь регионов Северного Кавказа, относится к числу кризисных ввиду того, что в большинстве из этих регионов произошел резкий спад производства, увеличилась безработица.

В большинстве случаев Северо-Кавказский регион относится к разряду высокودотационных, и Республика Дагестан не исключение. Еще в 1990-е годы неконкурентная промышленность региона пережила сильный спад. По оценкам экспертов, масштабы теневого сектора экономики в Дагестане составляют более 50 % при среднероссийских 20–25%. Около 40 % занятого населения в республи-

ке приходится на неформальный сектор экономики. В республике достаточно хорошо развит малый бизнес. В этой сфере, по официальной статистике, занято более 20 % работающей части населения [Мусиева 2010]. Неформальная экономика Северного Кавказа представлена финансовым сектором (бюджетные ресурсы) — первый источник, второй источник — нерегистрируемые доходы от товарного личного хозяйства. По оценкам местных экспертов, объем этих доходов достигает половины объема бюджета республики. Третий — теневые доходы трудовых мигрантов, выезжающих за пределы республики, четвертый — теневое промышленное производство. Другой важной экономической и социальной характеристикой Республики Дагестана является, по мнению кавказоведа Э. Кисриева, крайне высокий уровень социального расслоения. В республике наблюдаются большие расхождения между доходами богатейших семей и основной массы населения [Кисриев 2000].

Что касается социальных показателей Республики Дагестан, характеризующих развитие спорта, то согласно официальной информации, на конец декабря 2013 г. физической культурой и спортом здесь занимались 387,4 тыс. человек, или 13,2 % населения Дагестана (рост по сравнению с аналогичным показателем за 2012 г. составил 3,6 %) [Более... 2014]. Эксперты отмечают переизбыток профессиональных спортсменов в РД и заключают, что здесь в настоящее время наблюдается спортивная эмиграция, когда подающие надежды спортсмены уезжают в другие российский регионы или страны и защищают их спортивную честь. В первую очередь данный феномен объясняется переизбытком спортсменов в отдельных видах спорта и сильной конкуренцией внутри дагестанского спортивного сообщества, когда спортсменам практически невозможно попасть в основной состав сборных.

Основные функции управления спортом в Дагестане осуществляют региональные, муниципальные структуры. В двадцати восьми муниципальных образованиях республики сохранены комитеты и отделы по физической культуре и спорту, в двадцати одном они объединены с муниципальными структурами, организующими работу с молодежью, отделами по культуре и туризму. Кроме того, по словам бывшего главы региона Р. Абдулатипова, обеспе-

ченность открытыми спортивными сооружениями в Дагестане превышает российский норматив, составляя 47 % (26 % — по РФ, 21 % — по СКФО). В то же время остаются низкими показатели по закрытым спортивным сооружениям — 23,4 % (59,3 % — по РФ, 42,3 % — по СКФО) и обеспеченность бассейнами — 1,6 % (8,3 % — по РФ, 3,0 % — по СКФО) [В правительстве... 2014].

Другой чертой регионального пространства, важной с точки зрения предметной части исследования, является активное развитие в Дагестане спорта как социального института. В постсоветский период как в российском, так и в зарубежном дискурсе за Дагестаном прочно закрепился статус спортивной столицы Северного Кавказа. Об этом свидетельствует, например, спортивная официальная статистика, которая позволяет определить, что с 1968 по 2013 г. дагестанскими спортсменами на Олимпийских, Паралимпийских и Сурдолимпийских играх в составах сборных команд СССР и РФ было завоевано 23 золотых, 11 серебряных и 11 бронзовых медалей по вольной борьбе, боксу, легкой атлетике, фехтованию и дзюдо. В 2013 г. в г. Казани впервые за всю историю проведения Всемирных Универсиад дагестанские спортсмены завоевали восемь медалей (семь золотых и одну серебряную) [Абдулатипов 2014].

Если же рассматривать спортивные достижения дагестанцев по видам спорта, то заметно преобладание силовых видов (бокс, дзюдо, тхэквондо, вольная борьба и др.)¹. Республика Дагестан имеет сильные позиции по подготовке борцов (подготовлено 10 олимпийских чемпионов, 41 чемпиона мира, 89 чемпионов Европы). В 2011 г. Дагестан принимал на своей территории Кубок мира по этому виду спорта. Кроме того, здесь проводятся два крупных международных турнира по вольной борьбе (в г. Махачкале организуется турнир памяти Али Алиева, который ведет свою историю с 1970 г., и в Хасавюрте, где проходило уже более десяти турниров памяти Шамиля Умаханова). Вольная борьба имеет привилегированный статус в республике во многом благодаря тому,

---

¹ Борьба, по Н. Элиасу, считается наименее культурным и «грубым видом спорта».

что имеются экономические основания для развития этого вида спорта. «Вольная борьба — это один из немногих видов спорта, где финансовый вопрос не стоит остро: «Спортсмены не думают о своих материальных проблемах и полностью сосредоточены на тренировках. Они получают зарплату, премии и другие поощрения. Финансовый вопрос практически решен благодаря нашим почитателям — Омару Муртазалиеву и Сагиду Муртазалиеву»² [Олимпийская... 2013].

Согласно официальной риторике, в регионе спорт относится к разряду того, чем можно гордиться. «У нас и раньше хватало хороших мастеров кожаной перчатки, но пример Нурмагомеда Шанавазова — лучшего боксера Европы 1985 года, победителя Игр Доброй воли — 86, серебряного призера Олимпиады-88 в Сеуле привлек на ринг многих желающих заниматься этим видом спорта. Но прошло еще долгих 15 лет, чтобы стало понятно, насколько прочны наши позиции в мировой таблице о рангах и как далеко мы продвинулись вперед, чтобы заявить о себе во весь голос. На рубеже столетий — в 2000 году — трое дагестанцев защищали цвета национальной сборной на Олимпиаде в Сиднее. Двое из них — Гайдарбек Гайдарбеков и Султан Ибрагимов — удостоились тогда серебряных медалей, а Камиль Джамалудинов завоевал бронзовую награду. Через четыре года — в Афинах — Гайдарбек Гайдарбеков впервые из дагестанских боксеров поднялся на золотой олимпийский пьедестал. Потом были еще три первых места на чемпионате Европы в Софии — Али Алиева, Альберта Селимова, Артура Бетербиева, титулы сильнейших атлетов мира Селимова и Бетербиева и признание Артура Бетербиева — воспитанника хасавюртовской школы бокса — лучшим боксером Европы и мира 2010 года» [Спорт 2018].

Рассмотренный политический сегмент Республики Дагестан в 2015 г. показал, что в региональной элите значительные позиции занимают те, кто имеют прямое или косвенное (например, участие

---

² Омар Муртазалиев (первый вице-президент Федерации спортивной борьбы России), Сагид Муртазалиев (борец вольного стиля, чемпион Олимпийских Игр, до 2015 г. возглавлял Пенсионный фонд РД, в настоящее время находится в международном розыске).

в инвестиционных проектах) отношение к спорту. Спорт становится реально действующим социальным лифтом для тех, кто стремится обрести властные позиции в изучаемом регионе. «Большое количество людей во власти с поломанными ушами и носами только подтверждает это. Человек, достигший высот на ринге или борцовском ковре, имеет больше шансов стать во главе района, занять министерское или равное по полномочиям кресло, чем тот, кто потратил годы на старательную учебу, практическую работу и разбирается во всех тонкостях определенного фронта работ. В принципе “спортивный характер” прихода во власть характеризует и все остальные процессы: поведения в обществе, технологии выборов, продвижения своих идей...» [Магомедов 2010].

В депутатском корпусе Народного собрания Дагестана различных созывов мандаты депутатов имеют именитые спортсмены. В этом случае мы фиксируется факт попадания во власть представителей меритократической элиты, тех, кто достигает высоких социальных позиций благодаря своим заслугам. Избираются те, кто входит в тренерский пул спортивной элиты региона, и те, кто имеет отношение к административному сегменту спортивной элиты: руководители спортивных комитетов, ведомств, спортивных федераций. В этой связи возникают исследовательские вопросы. Является ли обретение депутатского мандата дагестанскими спортсменами постоянной величиной или же этот процесс имеет ситуативный характер? Чем характеризуется процесс воспроизводства региональной элиты в Республике Дагестан? Как взаимодействуют спорт, власть и политика в одном из регионов Северного Кавказа?

Таким образом, основное исследовательское внимание в нашей работе будет сфокусировано на анализе политического сегмента региональной элиты Республики Дагестан, ее спортивной риторики в постсоветский период. Предметом исследования выступает симбиоз формальных и неформальных практик в процессе функционирования политической региональной элиты (на примере Республики Дагестан). В этой связи были обозначены исследовательские вопросы о том, какие формы приобретает процесс взаимодействия между спортивной элитой региона и иными

сегментами региональной элитной общности, какими ресурсами должна обладать спортивная элита, чтобы обрести депутатский мандат или занять высокую административную должность в регионе, каковы специфические черты воспроизводства региональной элиты в Дагестане?

СПОРТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РЕГИОНА: ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РИТОРИКИ ДАГЕСТАНСКОЙ ВЛАСТИ

Спорт как социальная институция имеет различные характеристики, которые описаны западными исследователями и относительно недавно артикулированы представителями российского научного дискурса³. Наиболее важной импликацией спорта исходя из обозначенного предмета исследования является политическая составляющая. По мнению исследователей, основными политическими элементами спорта являются следующие: спорт как форма националистической мобилизации и репрезентации, спорт как средство социального контроля над населением, государственная политика в области спорта, спорт как субститут войны, спорт как сфера борьбы крупных концернов и всемирных брендов и др. [Кильдюшев 2014].

В социальных науках рассматривается спорт и как пространство для конструирования национальных идентичностей. Еще с 1990-х годов большое распространение получили теории «спортивного национализма» и «спортивного интернационализма». Ссылаясь на труды Г. Джарви, М. Крони и Д. Майола, петербургский ученый В. Горохов подчеркивает, что спорт является символическим действием в пользу существования самой нации и обращает внимание на важность спорта в национальном строительстве: «Спорт не может завоевать территорию, сокрушить идеологию или религию, но всегда способен поддержать строительство воображаемой нации» [Cronin 2005: 2–7]. Согласно М. Крони, сама по себе национальная идентичность представляет собой величину не по-

---

³ Г. Плесснер, А. Гуттман, М. Шеллер, Т. Веблен, П. Бурдые, М. Фуко, Н. Элиас, Д. Бэл и др.

стоянную и предполагает различие на социальной оси «мы» и «они». Представляя страну, регион, город или село, спортсмен демонстрирует миру национальные атрибуты (гимн, символика, субкультура), с которыми неизбежно идентифицируют себя миллионы поклонников и фанатов спортсмена или того или иного вида спорта⁴.

По мнению исследователей «спортивный национализм» всегда имеет политическую окраску и довольно распространенным является рассмотрение крупного спортивного события через призму различных интересов тех или акторов, общностей и групп, прежде всего государства. Если исходить из анализируемой ситуации, то заметно, что спортивные события, которые на регулярной основе проводятся в Республике Дагестан, играют значимую роль в формировании этнической идентичности. В данной части работы рассмотрим ключевые элемента спортивной риторики региональной элиты Республики Дагестан. Анализ ключевых сегментов официальной риторики — важная задача при исследовании процесса взаимодействия власти, спорта и политики.

В качестве эмпирического случая рассмотрим кейс мегапроекта «Кавказские игры»⁵. Выбор спортивного проекта обусловлен следующими причинами. «Кавказские игры» проводятся по инициативе федеральных властей на территории Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) с 2010 г., когда раз в год каждая из республик Северного Кавказа принимает спортсменов и гостей. Инициатива по проведению спортивного фестиваля «Кавказские игры» принадлежит олимпийскому чемпиону Исраилу Арсамакову. В программу игр включено четырнадцать дисциплин: армспорт, бег по пересеченной местности, бег в гору, борьба на поясах, лаза-

---

⁴ Например, только один боец Республики Дагестан Н. Хабиб имеет более миллиона подписчиков в социальных сетях. Добровольные подписчики аккаунта Н. Хабиба, сопереживая за своего кумира, оказываются вовлеченными в активное строительство самого популярного вида спорта в РД.

⁵ С 2014 г. «Кавказские игры» были переименованы в Фестиваль культуры и спорта народов Кавказа.

ные по канату, метание резинового мяча в цель, бег на ходулях, перенос тяжести на дистанцию, прыжки на одной ноге и др. «Принципиальная позиция наша — чтобы не было олимпийских видов спорта, потому что для олимпийских соревнований уже есть база для выступлений, а нам нужно развивать свою национальную физическую культуру», — сказал директор спортивного фестиваля «Кавказские игры» Исраил Арсамаков.

«Кавказские игры» мы определяем как важное политическое, спортивное и культурное событие для Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). При этом возникает вопрос о том, являются ли эти игры мегапроектом? Для определения политизации спорта и измерения этого процесса важно понимать, вслед за Флайвбергом, что спортивное событие регионального или национального уровня, как правило, имеет субъектное измерение. Игры включены в повестку дня не только председателя регионального парламента, но и в повседневные практики практически каждого жителя республики. Таким образом, игры можно рассматривать как мегапроект [Flyvbjerg et al. 2003: 207], ставя в один ряд с военными операциями, высокотехнологичными научными разработками, и это обусловлено не только крупными финансовыми затратами на строительство, но и значимыми экономическими, социальными и экологическими последствиями для СКФО.

Концепт «национального единства» народов, проживающих на территории Северного Кавказа, выступает одним из главных элементов дискурса политической и административной элиты этнических республик. С точки зрения властной стратегии «Кавказские игры» — важный мегапроект для регионов Северного Кавказа, подтверждающий единство России, которая эффективно управляется из центра. По словам Д. Козака, представителя федеральной элиты, выступление артистов и спортсменов «Кавказских игр» перед делегатами молодежного лагеря «Поколение за мир» стало ярким подарком зарубежным гостям: «Оба мероприятия очень близки по духу и преследуют одинаковые цели — преодоление разобщенности между нациями и людьми через спорт и здоровый образ жизни».

В русле этого нарратива управление спортом не только на федеральном, но и на региональном уровне всецело монополизирова-

но государственными органами. Основными институциями, осуществляющими эти функции, являются спортивные федерации, которые регулируют финансовые потоки и определяют организационный порядок в повседневных практиках спортсменов. Анализ внутренних документов министерства спорта Республики Дагестан показывает, что государственная монополизация способствует тому, что федеральные власти используют мегапроект «Кавказские Игры» для укрепления собственного влияния в экономических структурах, осуществления бюджетного контроля над республиками СК и фактически к прямому управлению некоторыми субъектами федерации. Как отмечает А. Макарычев, «в своей спортивной политике Москва заново утверждает себя в качестве ключевого центра принятия решений, надзирающего за регионами и дарующего им право реализовать мегапроекты на собственных территориях. Эта политика подкрепляется негласными сделками, заключаемыми между Москвой и региональными властями. Распределение федеральных бюджетных ресурсов обычно оказывается следствием непрозрачных соглашений между федеральной и региональной бюрократиями» [Макарычев 2013].

Другая иллюстрация присутствия в официальной риторике концепта «национальное единство» — властные практики представителей дагестанской элиты, а именно процесс организации и проведения командных игр. Так, накануне Олимпиады-2014 в г. Сочи состоялось спортивное состязание в Тлярятинском районе РД, на снежной вершине горы Цамаури, где команда «Россия» под руководством Рамазана Абдулатипова противостояла игрокам из «Всех остальных стран мира». По результатам двух раундов победила российская команда. «Дагестан не остается в стороне от главных спортивных событий в Сочи, и для того чтобы доказать это, мы сегодня поднялись на три тысячи метров, на гору Цамаури», — заявил бывший руководитель региона. Все участники состязания были награждены символическими олимпийскими дипломами и календарями с изображением Президента России и главы Дагестана, а также шарфами с государственной символикой, зимними спортивными куртками. При этом речь идет о национальном единстве, которое понимается следующим образом. Дагестан является

субъектом федерации в составе России, но в роли нации выступает воображаемая нация — «кавказцы», которые сильны, мужественны и отважны. Что же касается практик жителей Дагестана во время проведения крупных спортивных событий, то они часто демонстрируют равнодушие к мегапроектам в целом и к отдельным видам спорта. В одном из интервью бывший глава региона Р. Абдулатипов, комментируя перспективы развития горно-лыжного вида спорта в республике, отметил, что надеется, что «дагестанцы любят хоккей, именно поэтому мы планируем построить в Махачкале хоккейный дворец».

Особый интерес для исследования представляют речи региональных политиков по случаю прибытия на территорию Дагестана олимпийского огня в 2014 г. Ключевыми концептами в официальной риторике стали следующие термины: «единая/объединенная Россия», «самобытность страны», «историческое событие», «олимпиада объединяет мужественных и сильных духом людей», «возрождение страны», «российский Кавказ», «Путин — созидатель», «победа», «победа нашего руководства», «россияне — сильные люди». Употребление в официальной риторике этих и других концептов показывает, что для дагестанских политиков исключительную важность приобретает символическое измерение. Р. Абдулатипов до недавнего времени лично выступал одним из главных создателей спортивного дискурса в регионе вообще и в связи с проведением масштабных спортивных событий в частности. Если проанализировать тексты интервью региональных чиновников в дагестанских СМИ, которые посвящены теме «спорт и политика», то практически в каждом из них указывается на личные заслуги Р. Абдулатипова не только в реализации спортивных проектов, но и в победах спортсменов. В свою очередь, в текстах интервью региональных спортсменов-победителей также основным актором, которому отправляются благодарственные послания, непременно выступают глава региона, тренер, реже семья.

Обращает на себя внимание и тот факт, что спортивный дискурс, продвигаемый дагестанскими политиками, включает некоторые элементы ностальгии по прошлому, советской эпохе и ее спортивным достижениям, которые были утрачены в СССР еще

в 1990-х годах. Свидетельство тому — многочисленные отсылки в речах спортсменов и политиков к золотым страницам истории советской вольной борьбы, которые превратились в символ для поддержания воспоминаний о былом спортивном величии Дагестана: Осман Абдурахманов, Сали Сулейманов, Али Алиев и др. «В горном крае не было более знаменитого атлета, чем Сали-Сулейман. Выходец из бедной горской семьи, он объездил полмира, он был увенчан многими громкими титулами, его имя служило приманкой для зрителей во многих странах, его называли “Непобедимый Лев Дагестана”, “Кумир Востока”, “Кавказский Геракл”». Спортивное прошлое региона оценивается представителями региональной элиты, как более позитивное, чем настоящее, происходит «героизация спортивного прошлого».

Еще один значимый столп в спортивном дискурсе региональной власти по поводу «Кавказских игр» состоит в определении территории южных регионов России как безопасного пространства и относительно спокойной территории. Известно, что имидж Северного Кавказ, в том числе и благодаря СМИ, в сознании большинства российских граждан сопряжен с насилием, напряжением, конфликтами. В сознании жителей Северного Кавказа (по материалам массового опроса жителей Дагестана, Ингушетии, КБР, КЧР, Чечни в 2017 г.) обстановка в республиках их проживания оценивается ими по-другому: как достаточно спокойная, реже — как напряженная, но дифференциация по республикам очень велика. Такие оценки ситуации, как «критическая», «взрывоопасная», выбирались меньшинством опрошенных, причем позитивными оценками, особенно политической ситуации, очень сильно выделялась Чечня» (Обстановка... 2014). При этом анализ высказываний представителей политической элиты Дагестана показывает, что в случае обозначения (в речи бывшего главы региона) «Северного Кавказа — территории спокойствия и отсутствие конфликтов, и зона спорта», неизменно «невидимое присутствие» того, от кого дагестанец должен обязательно защищаться. «Нам нужны не просто спортсмены, а спортсмены, готовые встать на защиту своей родины, своего Дагестана», — пояснил Р. Абдулатипов.

В официальной спортивной риторике представители политической элиты Дагестана активно использует проблематику спорта

для пропаганды здорового образа жизни. Для Северного Кавказа в последние годы вопросы потребления наркотических средств и алкоголя оказываются актуальными⁶. Общественный деятель Северного Кавказа, глава Российского конгресса народов Кавказа Алий Тоторкулов считает аптечную наркоманию демографической катастрофой для жителей южных регионов. В антинаркотическом рейтинге российских регионов (2017 г.) северо-кавказские республики заняли срединные позиции (15, 26, 33 места, высшие позиции в рейтинге занимают Чечня и Дагестан) [Чаблин 2015].

«ВЛАСТЬ» ДАГЕСТАНСКИХ СПОРТСМЕНОВ

«Я поставил брата в парламент депутатом и председателем комитета парламента республики, чтобы у него не было никакой материальной ответственности. Меня уговаривали поставить его на пенсионный фонд, уговаривали поставить его вице-премьером. Даже он иногда обижался. Я сказал: категорически запрещаю».

Рамазан Абдулатипов⁷

Основное исследовательское внимание фокусируется на политическом и административном сегменте региональной элиты Республики Дагестан в постсоветский период. Предметом исследования выступает симбиоз формальных и неформальных практик в процессе рекрутирования политической и административной региональной элиты. Общий анализ социально-демографических характеристик позволил определить, что среди депутатов Народного собрания РД присутствует немалое число представителей административного, экономического, спортивного сегментов регио-

---

⁶ Около пяти лет назад в регионах СКФО среди молодежи распространилась мода на «Лирику» (медицинский противосудорожный препарат прегабалин).

⁷ Из интервью Р. Абдулатипова. См.: [В республике... 2018].

нальной элиты. В этой связи были обозначены исследовательские вопросы о том, какие формы приобретает процесс взаимодействия между спортивной элитой региона и иными сегментами региональной элитной общности, какими ресурсами должна обладать спортивная элита, чтобы обрести депутатский мандат или занять высокую административную должность в регионе, каковы специфические черты воспроизводства региональной элиты в Дагестане?

Процесс сращивания спорта и власти в Дагестане начался еще в советский период истории. В истории Дагестанской ССР развитие спорта, в частности вольной борьбы, был под пристальным вниманием партийных и советских органов власти. Нередки были случаи, когда дагестанские спортсмены занимали высокие позиции во властных региональных структурах. Как правило, спортсмены обретали депутатский мандат и статус члена профильного комитета парламента, возглавляли муниципальные, районные, городские, региональные отделы в административных структурах власти либо управляли экономической институцией.

Спорт как социальный институт оказывает существенное влияние и на процесс формирования неформальных властных структур в регионе. Спортзалы становятся важной площадкой для установления неформальных сетей и союзов, которые играли (и продолжают играть) важную роль в функционировании властных институтов. «В спортзалах, через взаимные контакты своих детей дагестанские лидеры заключали между собой взаимовыгодные партнерства и альянсы. Например, через браки детей. В Дагестане семьи многодетные, и, как правило, кроме сыновей или внуков-спортсменов, у советских бонз были дочери, племянницы или внучки. Партийные секретари и советские начальники роднились между собой, формируя систему теневой власти. Ни у контролирующих органов, ни у народа эти претензии на теневую власть возражений не вызывали. Дагестанский уклад считает браки по сговору как раз положенной нормой. Да и в идее теневой власти местное общество не видело ничего зазорного» [Вердиханов 2016].

По мнению экспертов, в неформальной властной структуре региона в позднесоветский период (в 1990-е годы) отчетливо различаются левашинский (распад клана начался с 2006 г.), джангама-

хинский, мекегинский, цудахарский, аварский, кубановский кланы и некоторые группы: умахановская и муртазалиевская. Основой функционирования властных кланов являлась система этнических, земляческих, семейно-дружеских отношений, и спорт в этой институции занимал не самое последнее место. Спортивные залы становились для многих политических персон Дагестана местом их первичной социализации. В стенах спортивных залах не только оттачивалось спортивное мастерство и бойцовский характер, но и происходило формирование родственных и дружественных связей. Так, «в одном спортзале в советские годы тренировались братья Гамид и Абдусамад Гамидовы и сын председателя Федерации профсоюзов Дагестана Мурад Гаджиев. Отец Мурада Гаджиева Станислав Гаджиев, до того как стать профсоюзным боссом, был борцом-вольником, чемпионом СССР. Поменяв “борцовку” на строгий костюм, Станислав Магомедсаламович со спортом не порвал. К примеру, он негласно включил спортивную отрасль республики со всеми ее богатыми недвижимыми активами в ведение профсоюзов республики, а на важные профсоюзные должности посадил своих бывших товарищей по борцовскому залу» [Вердыханов 2016].

Таблица 1

Социально-профессиональный состав мекегинского клана

ФИО	Должность	Позиция в семейной структуре
Гамид Гамидов	Спортсмен, министр финансов РД	Родной брат А. Гамидова
Абдусамад Гамидов	Депутат НР РД, министр финансов РД (17 лет), Председатель Правительства РД	Родной брат С. Гамидова
Сиражудин Гамидов	Спортсмен, депутат горсовета г. Каспийска, руководитель благотворительного фонда «Гамид Гамидов»	Брат А. Гамидова

Джамалудин Омаров	Экс-мэр г. Каспийска (16 лет на посту)	Двоюродный брат Гамидовых
Магомед Абдуллаев	Мэр г. Каспийска	Зять Д. Омарова (экс-мэр г. Каспийска)
Магомед Сулейманов	Спикер НД РД, экс-мэр г. Махачкала (кличка Моряк)	Родной брат А. Сулей- манова
Абдулмеджид Сулей- манов	Экс-глава г. Избербаша	Родной брат М. Су- лейманова, дочь А. Сулейманова замужем за сына М. Уцумиева
Магомед Уцумиев	Глава г. Кизилюрта	Сын Уцумиева женат на дочери Сулейmano- ва
Муса Мусаев	Глава г. Махачкалы	

Высокие политические позиции занимали не только те спортсмены, которые руководили кланами или состояли в дружеских отношениях с главами кланов, но и те, кто входили в их «ближний круг». Известно, что если представитель того или иного клана попадал на высокие властные посты в региональных структурах, то выгоду от этого «предприятия» получали в первую очередь ближайшие родственники и далее обслуживающая группа, например охранники или водители лидеров этого клана. С приходом к власти того или иного клана, когда одна семейная группа сменяет другую, происходит перераспределение властных ресурсов. Ярким примером тому являются мекегинский и аварский кланы, когда замещение одной властной позиции осуществляется внутри одной семьи либо в рамках клана.

Таблица 2

Социально-профессиональный состав аварского клана

ФИО	Должность	Позиция в семейной структуре
Ильяс Умаханов	Вице-спикер СФ	Сын первого секретаря Дагестанского обкома КПСС, члена ЦК КПСС
Сайгидпаша Умаханов	Экс-мэр Хасавюрта, министр транспорта, энергетики и связи РД	—
Гаджи Махачев	Экс-заместитель председателя правительства РД, владелец контрольного пакета акций НПЗ «Каспий 1», экс-депутат ГД, в прошлом председатель совета директоров ОАО «Дагнефть»	—
Далгат Махачев	Депутат НС РД, член правления ОАО «Дагнефть»	Сын Г. Махачева
Адам Амирилаев	Депутат ГД	Затя Г. Махачева
Рамазан Абдулатипов	Экс-глава РД	—
Раджаб Абдулатипов	Депутат НС РД, начальник ФМС по РД	Брат Р. Абдулатипова
Джамал Абдулатипов	Зам. главы администрации г. Каспия	Сын Р. Абдулатипова

Магомед Мусаев	Руководитель ИК Стратегического совета при Президенте РД	Зять Р. Абдулатипова
Магомед Омаров	Начальник управле- ния охраны адми- нистративного здания правитель- ства РД	—
Муртазали Мурта- залиев	Депутат НС РД, экс-руководитель «Дагавтодора»	Двоюродный брат И. Ума- ханова
Сагид Муртазалиев	Экс-руководитель Пенсионного фонда РД	—
Станислав Гаджиев	Экс-председатель Федерации профсо- юзов РД	Отец М. Гаджиева
Магомед Гаджиев	Депутат НС РД, экс-директор «Дербентского коньячного завода», депутат ГД	Сын С. Гаджиева, входит в ближний круг олигарха Сулеймана Керимова
Ахмед Гаджиев	Руководитель Махачкалинского морского торгового порта	Брат М. Гаджиева
Арсен Булатов	Руководитель государственной инспекции труда по РД	Брат Р. Булатова
Ризван Булатов	Заместитель руководителя Управления Росрее- стра по РД, экс- прокурор	Брат А. Булатова

Одним из представителей «аварского клана» (лидеры — Г. Махачев, Р. Абдулатипов) являлся до недавнего времени Ш. Шахов. Административная карьера министра образования Дагестана Шахабаса Шахова (в декабре 2017 г. отправленного в отставку) — пример вхождения спортсмена в политику с «борцовского ковра». В советском прошлом Ш. Шахов профессионально занимался борьбой, закончил физкультурный факультет ДГПУ и далее совершал восхождение по административной лестнице в РД. С 1995 г. по 2017 г. занимал пост министра по делам молодежной политики, физкультуре и спорту и одновременно с 2009 по 2012 г. была заместителем совета при Президенте Дагестана по вопросам физической культуры и спорта. Из группы «политиков-борцов» вышел не только Ш. Шахов, но и А. Гамидов, М. Гаджиев и др. Карьера премьер-министра РД А. Гамидова начиналась с должности инструктора по спортооружению при Дагестанском совете общества «Динамо». В региональные политические структуры впервые А. Гамидов попадает в 1995 г. через депутатский мандат и руководство подкомитетом Народного собрания РД. Уже через год А. Гамидов назначается министром финансов РД⁸.

Анализ индивидуальных перемещений агентов из спорта в политические, административные структуры власти показывает, что спорт как канал социальной мобильности важен для попадания знаменитого/успешного спортсмена во власть. Однако биографические данные именитых спортсменов и анализ интервью в СМИ свидетельствуют, что заслуги в спорте важны лишь на первоначальном этапе политической, административной, экономической карьеры индивида. Далее же на карьерные траектории начинают оказывать влияние неформальные факторы: родственные связи, джамаатские идентичности, объем экономического капитала и др.

Внутри неформальных политических сообществ в регионе отчетливо различаются группы, которые получают название, как

---

⁸ до 1996 г. должность министра финансов РД занимал родной брат А. Гамидова Гамид Гамидов (в прошлом тоже спортсмен, мастер спорта по вольной борьбе, погиб в ходе террористического акта в РД). В РД ежегодно организуется первенство по вольной борьбе памяти Г. Гамидова. В честь Г. Гамидова названы проспект и две улицы в РД.

правило, по фамилии «вожаков». Так, из среды «муртазалиевской группы» вышли в свое время Андрей Виноградов (мастер спорта по вольной борьбе, родственник Муртазалиева, радикальный исламист, экс-глава Кизлярского района), Ибрагим Гаджидадаев (чемпион Европы по каратэ и ушун-саньда, взял на себя ответственность за теракты в московском метро, ваххабит, одновременно работал на Саида Амирова и Сайгиду Муртазалиева)⁹.

Примечателен тот факт, что лидеры политических (и спортивных) сообществ часто оказываются вовлеченными в радикальный ислам¹⁰. «Накачка радикальным исламом идет, когда спортсмен через своего опекуна соприкасается с его “лесным” окружением. Если судить по Муртазалиеву, то его друг, родственник и подельник Андрей Виноградов вовлекся в радикальный ислам, когда плотнее познакомился с ваххабитским окружением своего патрона», — пишет Гасан Вердиханов. Спорт и вузы в Дагестане, по мнению экспертов, являются питательной средой для «чистого ислама». Согласно исследованию Г. Мурклинской, в Дагестане сложилась ситуация активного взаимодействия политической, экономической элиты с религиозными лидерами, лидерами крупных этнических кланов. «Одной рукой они спонсируют группировки братвы (большая часть членов этих группировок становится мюридами того же шейха, что и босс), другой рукой — “братьев”, или ваххабитов. Такая структура связей является главной при идентификации человека по признаку “свой — чужой” в системе допуска к власти» [Мурклинская 2007].

---

⁹ Выходец из влиятельного аварского тухума (рода), сын директора средней школы в райцентре Гимры, племянник депутата Народного собрания Дагестана, родственник экс-главы Буйнакского района.

¹⁰ Но не только спортсмены, но и зрители, болельщики, по мнению исследователей, потенциально склонны к религии. Т. Веблен в своей работе «Теория праздного класса» отмечает, что «дух спортивного склада может постепенно превращаться в характер религиозного фанатика» [Веблен 1984: 281].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основное исследовательское внимание в работе было сфокусировано на политическом сегменте региональной элиты Республики Дагестан в постсоветский период. Предметом исследования выступает симбиоз формальных и неформальных практик в процессе рекрутирования политической и административной региональной элиты (на примере парламента Дагестана). Общий анализ социально-демографических характеристик позволил определить, что среди депутатов Народного собрания РД велико число представителей административного, экономического спортивного сегментов региональной элиты. В этой связи были обозначены исследовательские вопросы о том, какие формы приобретает процесс взаимодействия между спортивной элитой региона и иными сегментами региональной элитной общности, какими ресурсами должна обладать спортивная элита, чтобы обрести депутатский мандат или занять высокую административную должность в регионе, каковы специфические черты воспроизводства региональной элиты в Дагестане.

В ходе проведенного эмпирического исследования на основе анализа официальной риторики представителей регионально власти Дагестана и структурно-биографического метода определено следующее. С одной стороны, между политикой и спортом в регионе существует активное слияние (феномен «спортизации политики»), с другой стороны, политика, по образному выражению Ж. Бодрийяра, выходит за рамки собственно политического поля и проникает во все общественные сферы (культуру, экономику, религию, образование). Региональный спорт оказывается ареной для выражения и удовлетворения интересов различных социальных агентов, в первую очередь властных групп, оказывающих влияние на процессы, происходящие внутри «спортивного поля». Региональные элиты «получают стабильность, символическую связь с традицией и историей, что усиливает легитимность режима» [Дука 2017: 262].

В качестве эмпирического случая (кейса) рассмотрен процесс подготовки и реализации ежегодно проводимого на Северном Кав-

казе мегапроекта «Кавказские Игры». Анализ спортивной риторики региональной элиты по осуществлению данного мегапроекта показывает, что ключевыми в риторике оказываются такие категории, как «Северный Кавказа — территория единства народов», «Дагестан — российский регион», «Дагестан — безопасная территория», «Дагестан — современная республика». Кроме того, спортивный дискурс дагестанских политиков включает в себя маркеры ностальгии по ушедшей советской эпохе и спортивным достижениям советского Дагестана, утраченным республикой в 1990-е годы. Полученные данные показывают, что риторические высказывания элиты относительно спортивных событий рефлексировать лишь часть смыслов, приписываемых этим идеям. Имеют место и другие, так называемые «сопротивляющиеся дискурсы», например экологических организаций или жителей горных аулов по поводу целесообразности развития горнолыжных курортных зон на территории рассматриваемого нами региона (не были предметом данного исследования). В случае вовлечения этих данных произошло бы разрушение единого и позитивного дискурса дагестанской элиты по поводу спортивных мегасобытий.

Вторая часть исследования была посвящена анализу индивидуальных перемещений агентов из спорта в политические, административные структуры власти. Случай Дагестана показывает, что спорт как канал социальной мобильности играет важную роль в воспроизводстве региональной элиты. Процесс сращивания спорта и власти в Дагестане начался еще в советский период истории. В истории Дагестанской ССР развитие спорта, в частности вольной борьбы, было под пристальным вниманием партийных и советских органов власти. Внутри неформальных политических сообществ в регионе отчетливо различаются группы, которые получают название, как правило, по фамилии «вожаков»/лидеров. Высокие политические позиции занимали не только те спортсмены, которые руководили кланами или состояли в дружеских отношениях с главами клана, но и те, кто входили в их «ближний круг». С приходом к власти того или иного клана, когда на смену одной семейной группе приходит другая, происходит перераспределение властных ресурсов. Лидеры политических (и спортивных) сооб-

ществ часто оказываются вовлеченными в радикальный ислам. Однако биографические данные и анализ интервью показывают, что заслуги в спорте важны лишь на первоначальном этапе политической/административной карьеры индивида. Далее же на карьерные траектории начинают оказывать влияние неформальные факторы: родственные связи, джамаатские идентичности, объем экономического капитала и др.

Литература и источники

Абдулатипов А. Важно, чтобы дети с самого раннего возраста были приобщены к спорту // Сайт Президента Дагестана. URL: <http://president.e-dag.ru/novosti/v-centre-vnimaniya/ramazan-abdulatipov-vazhno-chtoby-deti-s-samogo-rannego-vozrasta-byli-priobshcheny-k-sportu> (дата обращения: 10.08.2017).

Более тысячи медалей завоевали дагестанские спортсмены в 2013 // РИА Дагестан. URL: https://www.riadagestan.ru/news/the_development_of_the_sport/bole_1_4_tysyachi_medaley_zavoevali_dagestanskie_sportsmeny_v_2013_godu/ (дата обращения: 15.06.2017).

Бурдые П. Программа для социологии спорта // Бурдые П. Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos, 1987. С. 257–275.

«В республике не было вора без куратора из Москвы»: Абдулатипов рассказал об отставке, аресте Магомедовых и зачистках в Дагестане // Инфо24. 11.12.2018. URL: <https://info24.ru/news/v-respublike-ne-bylo-vora-bez-kuratora-iz-moskvy-ramazan-abdulatipov-rasskazal-ob-otstavke-areste-magomedovyh-i-zachistkah-v-dagestane.html> (дата обращения: 12.12.2018).

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Вердиханов Г. Мы — бывшие спортсмены. Нерушимый блок спорта и власти в Дагестане // On Kavkaz. 25.01.2016. URL: <http://onkavkaz.com/articles/1961-my-byvshie-sportsmeny-nerushimyi-blok-sporta-i-vlasti-v-dagestane.html> (дата обращения: 23.01.2016).

В правительстве республики обсуждены вопросы развития физической культуры и спорта в Дагестане // РИА Дагестан. URL: https://www.riadagestan.ru/news/president/v-pravitelstve-respubliki_obsuzhdeny_voprosy_razvitiya_fizicheskoy_kultury_i_sporta_v_dagestane (дата обращения: 15.09.2018).

Вакан Л. Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя // Логос. 2006. № 3 (54). С. 104–140.

Вакан Л. Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров // Логос. 2013. № 5 (95). С. 61–96.

Горохов В.А. Национальные идентичности в глобальной спортивной культуре: вызовы Сочи–2014 для олимпийской команды России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 5. С. 71–86.

Гуттман А. От ритуала к рекорду: природа современного спорта, М.: Изд-во Института Гайдара. 2016.

Дука А.В. Монархический соблазн российской элиты // Власть и элиты / под ред. А.В. Дуки. Вып. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 256–337.

Кильдюшев О.В. Очень личное введение в проблему // Логос. 2013. № 5 (95). С. 46.

Кильдюшев О.В. Спорт как политика. От «Быстрее, выше, сильнее!» к «Пафоснее, дороже, коррумпираннее!» // Развитие. 2014. Т. 3, № 3. С. 2–15.

Кильдюшев О.В. Спорт в социологической перспективе // Социология власти. 2018. № 2. С. 8–23.

Кисриев Э. Дагестан: причины конфликтов и факторы стабильности // Central Asia and the Caucasus. URL: <https://ca-c.org/journal/cac-10-2000/20.kisriev.shtml> (дата обращения: 03.06. 2018).

Магомедов А. О спорт, ты... война?! // Черновик. 03.09.2010. URL: <https://chernovik.net/content/sredniy-klass/o-sport-ty-voyna> (дата обращения: 08.09.2018).

Макарычев А. Российские олимпийские дискурсы: эффекты унификации и многообразия // Неприкосновенный запас. 2013. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/m10.html>] (дата обращения: 14.06.2015).

Мусиева П.А., Гаджимусаев М.Г. Значение развития рынка услугтовой связи для экономики депрессивного региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 2. С. 336–342.

Мурклинская Г. Братва и «братья». Сетевые структуры экстремистского подполья // Юг России.Инфо. 21.05.2007. URL: http://southru.info/1148145796-urija_murklinskaja_bratva_i_bratja_setevye_struktury_jekstremistskogo_podpolja.html (дата обращения: 20.11.2017).

Обстановка на Северном Кавказе // Левада-Центр. 19.06.2014. URL: <https://www.levada.ru/2014/06/19/obstanovka-na-severnom-kavkaze-4/> (дата обращения: 08.09.2018).

Олимпийская «утечка»: почему ведущие спортсмены Дагестана уезжают из республики. // Без формата. 14.02.2013. URL: <http://Mahachkala>.

BezFormata.com/listnews/sportsmeni-dagestana-uezzhayut-iz-respubliki/9544154/ (дата обращения: 23.11.2017).

Плесснер Г. Функции спорта в индустриальном обществе // Социология власти. 2018. № 2. С. 190–205.

Северный Кавказ погружается в ад наркомании // E-Daily. 01.07.2015. URL: <https://easily.com/ru/news/2015/07/01/vrach-iz-dagestana-severnoy-kavkaz-pogruzhaetsya-v-ad-narkomanii> (дата обращения: 23.08.2017).

Спорт // Сайт Правительства Республики Дагестан. URL: <http://www.e-dag.ru/o-dagestane/sport.html> (дата обращения: 24.09.2018).

Чаблин А. Лирика убивает Кавказ // Кавполит. 08.04.2015. URL: http://kavpolit.com/articles/lirika_ubivaet_kavkaz-15726/ (дата обращения: 05.06.2017).

Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос. 2006. № 3 (99). 41–62.

Flyvbjerg B., Bruzelius N., Rothengatter W. Megaprojects and risk: an anatomy of ambition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Cronin M. Sport and Nationalism in Ireland: Gaelic Games, Soccer and Irish Identity since. 1884. Dublin: Four Courts Press, 1999.

Sport and Social Order. Contributions to the Sociology of Sport / ed. D.W. Ball, J.W. Loy. Massachusetts; London: Addison-Wesley Pub. Co., 1975.

**“OH SPORT, YOU ARE THE WORLD”:
ON THE INTERACTION OF POWER AND SPORT
IN THE RUSSIAN REGIONS**

N. Kolesnik

Abstract. *This work is devoted to the problem of the interaction of sports and power in the Russian region. The main research attention in the work is focused on the analysis of the political and administrative segments of the regional elite of the Republic of Dagestan, its sports rhetoric in the post-Soviet period, considered the phenomenon of “sporting politics”. The subject of the research is the symbiosis of formal and informal practices in the process of functioning of the political regional elite. Between politics and sport in the region there is, on the one hand, an active merger of politics and sport (the phenomenon of politics sportizatsiya), on the other hand, politics, according to the figurative expression of J. Baudrillard, goes beyond the limits of the actual political field and penetrates all public spheres (culture, economics, spiritual power, education). Regional sport turns out to be an arena for expression and fulfilling of the interests of various social agents and, first of all, of power groups influencing the processes taking place inside the sports institution. The analysis of the individual movements of agents from sports to political and administrative power structures shows that sport often pushes to the top and further has a significant impact on the career of (non) professional athletes. Biographical data of famous athletes and analysis of interviews in the media show that merits in sports are important only at the initial stage of an individual’s political, administrative or economic career. Further, informal factors start to influence career paths: kinship and friendship ties, Jamaat identities, the amount of economic capital, etc.*

Keywords: *politics, power, clans, elites, Dagestan, region, formal practices, informal practices, sports, athletes, the North Caucasus, rhetoric, “Caucasian Games”.*

Reference

Abdulatipov A. Vazhno, chtoby deti s samogo rannego vozrasta byli priobshcheny k sportu [It is important that children from an early age be included in the sport], *Website of the President of Dagestan*. URL: <http://president.e-dag.ru/novosti/v-centre-vnimaniya/ramazan-abdulatipov-vazhno-chtoby-deti-s-samogo-rannego-vozrasta-byli-priobshcheny-k-sportu> (available: 10.08.2017). (In Russian)

Boleye tysyachi medaley zavoyevali dagestanskiye sportsmeny v 2013 [More than a thousand medals won the Dagestan athletes in 2013], *RIA Dagestan*. URL: https://www.riadagestan.ru/news/the_development_of_the_sport/bole_e_1_4_tysyachi_medaley_zavoyevali_dagestanskiye_sportsmeny_v_2013_godu/ (available: 05.06.2017). (in Russian)

Burd'ye P. Programma dlya sotsiologii sporta [Program for the sociology of sport]. In: Burd'ye P. *Nachala. Chosesdit [Beginnings]*. Moscow: Socio-Logos, 1987, pp. 257–275.

Chablin A. Lirika ubivayet Kavkaz [Lyrics kills Caucasus], *Kavpolit*, 08.04.2015. URL: http://kavpolit.com/articles/lirika_ubivayet_kavkaz-15726/ (available: 05.06.2017). (In Russian)

Cronin M. *Sport and Nationalism in Ireland: Gaelic Games, Soccer and Irish Identity Since 1884*. Dublin: Four Courts Press, 1999.

Duka A.V. Monarkhicheskiy soblazn rossiyskoy elity [Monarchist temptation of the Russian elite], *Vlast' i elity [Power and Elites]*. Ed. by A.V. Duka. Vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis, 2017, pp. 256–337. (In Russian)

Elias N. Genezis sporta kak sotsiologicheskaya problema [The genesis of sports as a sociological problem], *Logos*, 2006, 3, pp. 41–62. (In Russian)

Flyvbjerg B., Bruzelius N., Rothengatter W. *Megaprojects and risk: an anatomy of ambition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Gorokhov V.A. Natsional'nyye identichnosti v global'noy sportivnoy kul'ture: vyzovy Sochi–2014 dlya olimpiyskoy komandy Rossii [National identities in the global sports culture: the challenges of Sochi 2014 for the Russian Olympic team], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2013, 5, pp. 71–86. (In Russian)

Guttman A. *Ot rituala k rekordu: priroda sovremennogo sporta* [From Ritual to Record: The Nature of Modern Sport]. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2016. (In Russian)

Kil'dyushev O.V. Ochen' lichnoye vvedeniye v problem [A very personal introduction to the problem], *Logos*. 2013, 5 (95), p. 46. (In Russian)

Kil'dyushev O.V. Sport kak politika. Ot «Bystreya, vyshe, sil'neye!» k «Pafosneye, dorozhe, korrumpirovanneye!» [Sport as a policy. From “Faster,

higher, stronger!” To “Paphos, more expensive, more corrupt!], *Razvitiye*, 2014, vol.3, 3, pp. 2–15. (In Russian)

Kil'dyushev O.V. Sport v sotsiologicheskoy perspektive [Sport in sociological perspectives], *Sotsiologiya vlasti*, 2018, 2, pp. 8–23. (In Russian)

Kisriyev E. Dagestan: prichiny konfliktov i faktory stabil'nosti [Dagestan: causes of conflicts and stability factors], *Central Asia and the Caucasus*. URL: <https://ca-c.org/journal/cac-10-2000/20.kisriev.shtml> (available: 03.06. 2018). (In Russian)

Magomedov A. O sport, ty... voyna?! [Oh sport, are you... a war?!], *Chernovik* [Draft], 03.09.2010. URL: <https://chernovik.net/content/sredniy-klass/o-sport-ty-voyna> (available: 08.09.2018). (In Russian).

Makarychev A. Rossiyskiye olimpiyskiye diskursy: efekty unifikatsii i mnogoobraziya [Russian Olympic Discourses: Effects of Unification and Diversity], *Neprikosnovennyi zapas* [Reserve stock], 2013, 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/m10.html> (available: 14.06.2015). (In Russian)

Musiyeva P.A., Gadzhimusayev M.G. Znachenie razvitiya rynka uslug sotovoy svyazi dlya ekonomiki depressivnogo regiona [The value of the development of the market of cellular communication services for the economy of a depressed region], *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2010, 2, pp. 336–342. (In Russian).

Murklinskaya G. Bratva i “brat'ya”. Setevyye struktury ekstremistskogo podpol'ya [Bratva and “brothers”. Network structures of the extremist underground], *Southru.info*, 21.05.2007. URL: http://southru.info/1148145796-urija_murklinskaja_bratva_i_bratja_setevye_struktury_jekestremistskogo_podpolja.html (available: 20.11.2017). (In Russian)

Obstanovka na Severnom Kavkaze [The situation in the North Caucasus], *Levada Center*, 19.06.2014. URL: <https://www.levada.ru/2014/06/19/obstanovka-na-severnom-kavkaze-4/> (available: 08.09.2018). (In Russian).

Olimpiyskaya “utechka”: pochemu vedushchiye sportsmeny Dagestana uyezzhayut iz respubliki [Olympic “leak”: why leading athletes of Dagestan leave the republic], *Bez formata* [Without format], 14.02.2013. URL: <http://Mahachkala.BezFormata.com/listnews/sportsmeni-dagestana-uezzhayut-iz-respubliki/9544154/> (available: 23.11. 2017). (In Russian).

Plessner G. Funktsii sporta v industrial'nom obshchestve. Sotsiologiya vlasti [Die Funktion des Sports in der industriellen Gesellschaft], *Sotciologiya vlasti*, 2018, 30 (2), pp. 190–205. (In Russian).

Severnyy Kavkaz pogruzhayetsya v ad narkomanii [The Northern Caucasus is plunging into a drug addiction hell], *E-Daily*, 01.07.2015. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/07/01/vrach-iz-dagestana-severnyy-kavkaz->

pogruzhaetsya-v-ad-narkomanii (available: 23.08.2017). (In Russian)

Sport, *Website of the Government of the Republic of Dagestan*. URL: // <http://www.e-dag.ru/o-dagestane/sport.html> (available: 24.09.2018). (In Russian)

Sport and Social Order. Contributions to the Sociology of Sport. Ed. Ball D.W., Loy J.W. Massachusetts; London: Addison-Wesley Pub. Co., 1975.

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of Leisure Class. An Economic Study of Institutions]. Moscow: Progress, 1984. (In Russian)

Verdikhanov G. My — byvshiye sportsmeny. Nerushimy blok sporta i vlasti v Dagestane [We are former athletes. The unbroken block of sports and power in Dagestan], *On Kavkaz*, 25.01.2016. URL: <http://onkavkaz.com/articles/1961-my-byvshie-sportsmeny-nerushimyi-blok-sporta-i-vlasti-v-dagestane.html> (available: 23.01.2016). (In Russian).

V pravitel'stve respubliki obsuzhdeny voprosy razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Dagestane [The government of the republic discussed the development of physical culture and sports in Dagestan], *RIA Dagestan*. URL: https://www.riadagestan.ru/news/president/v_pravitelstve_respubliki_obsuzhdeny_voprosy_razvitiya_fizicheskoy_kulturny_i_sporta_v_dagestane (available: 15.09.2018). (In Russian)

“V respublikе ne bylo vora bez kuratora iz Moskvy”: Abdulatipov rasskazal ob otstavke, areste Magomedovyh i zachistkah v Dagestane [“There was no thief in the Republic without a curator from Moscow”: Abdulatipov told about the resignation, arrest of the Magomedovs and Stripping in Dagestan], *Info24*, 11.12.2018. URL: <https://info24.ru/news/v-respublike-ne-bylo-vora-bez-kuratora-iz-moskvy-ramazan-abdulatipov-rasskazal-ob-otstavke-areste-magomedovyh-i-zachistkah-v-dagestane.html> (available: 12.12.2018). (In Russian)

Vacquant L. L. Sotsial'naya logika boksa v chernom Chikago: k sotsiologii kulachnogo boya [Social logic of boxing in black Chicago: the sociology of fisticuffs], *Logos*, 2006, 3, pp. 104–140. (In Russian)

Vacquant L. L. Bojcy za rabotoj: telesnyj capital i telesnyj trud professional'nyh bokserov [Fighters at work: corporal capital and corporal work of professional boxers], *Logos*, 5, pp. 61–96. (In Russian)

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ БОРЦОВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ: К ПОСТАВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Г.Ф. Белоусов

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.15>

Аннотация. *Предпринята попытка постановки вопроса о степени и характере влияния профессиональных борцов, продолживших свой путь в политике, на политические процессы в Республике Северная Осетия — Алания. Рассматривается степень присутствия политиков-борцов от региона в Федеральном Собрании и в парламенте региона, их биографические характеристики, особенности самопрезентации и дискурс о государстве. Проведенный анализ позволяет поставить под сомнение правомерность выделения профессиональных борцов в качестве отдельной категории политических акторов. В выводах сформулированы потенциальные направления дальнейших исследований поставленной проблемы.*

Ключевые слова: *политические элиты, Северный Кавказ, Северная Осетия — Алания, спорт, дискурс-анализ, мужское господство, силовое предпринимательство.*

В современной России существуют неформальные сообщества профессиональных спортсменов, среди которых особенно выделяется сообщество борцов. Ключевыми ресурсами профессиональных борцов являются символический капитал, полученный благодаря победам на соревнованиях национального, континентального и мирового уровня, и способность к организованному силовому принуждению [Дерлугьян 2010: 44, 215, 381, 429, 440]¹.

Эти сообщества играют особую роль в регионах Северного Кавказа и кавказских землячествах в других регионах России. Не-

---

¹ Рассмотрение проблемы силового предпринимательства на Северном Кавказе находится за пределами работы.

которые представители борцовских сообществ могут становиться частью политической элиты регионального и федерального уровней. Вероятно, регионами Северного Кавказа, в которых влияние представителей этих сообществ наиболее существенно, можно признать Республику Дагестан и Республику Северная Осетия — Алания [Солоненко 2012: 92]. Целью работы является предварительная постановка проблемы влияния профессиональных спортсменов-борцов на политические процессы в Республике Северная Осетия — Алания².

Косвенные указания на связь спорта и деятельности, характерной для представителей элиты, можно найти во многих классических произведениях. К примеру, Торстейн Веблен пишет о спорте как о форме престижного потребления, которая в случае университетской среды способствует образованию неформальных групп и «воспитанию приверженности к своему клану как подготовки к фракционной деятельности» [Веблен 2016: 346]. «Успех студента как спортсмена предполагает не только расточение времени, но и расточение денег, а также обладание определенными в высшей степени непроизводственными архаическими чертами характера и темперамента» [Там же: 359].

То же указание на престижный характер спорта можно найти у Йохана Хейзинги: игрок, достойно проявивший себя в агональной деятельности, потребовавшей крайнего напряжения его сил, повышает свой социальный статус [Хейзинга 2011: 83, 271–272]. «Напряжение игры подвергает силы игрока испытанию: его физические силы, упорство, изобретательность, мужество и выносливость, но вместе с тем и его духовные силы, поскольку он, обуреваемый пламенным желанием выиграть, вынужден держаться в предписываемых игрою рамках дозволенного» [Хейзинга 2011: 36]. О вари-

---

² Поскольку статья М.В. Солоненко посвящена изучению поставленной проблемы на материале Республики Дагестан, рассмотрение североосетинского кейса может пролить свет на те ее аспекты, которые по-другому проявляют себя в регионе, включенном в тот же федеральный округ, но имеющий другую этноконфессиональную специфику.

ровании техник тела в зависимости от их престижа также пишет Марсель Мосс [Мосс 2011: 308]³.

Однако, несмотря на давнее присутствие этой темы в научной литературе, большая ее часть едва ли применима к исследованию политического значения спорта в современной России в целом и на Северном Кавказе в частности. К примеру, в значительной части исследований, посвященных связи спорта и социального капитала, спорт рассматривается как инструмент образования бриджингового (bridging), а не бондингового (bonding) социального капитала, который возникает в среде профессиональных борцов⁴. Недостаток литературы, посвященной политическим процессам на Северном Кавказе, также усложняет ситуацию. В связи с этим представляется возможным охарактеризовать степень разработанности поставленной проблемы как достаточно низкую.

Исходной посылкой работы является предположение о том, что при построении политической карьеры профессиональные борцы склонны отдавать предпочтение органам законодательной, а не исполнительной власти. Первой причиной могут быть более низкие потери символического капитала при его конвертации в политический капитал, поскольку такая конвертация требует регулярного появления в публичном пространстве и актуализации статуса победителя престижных соревнований. Второй причиной может быть то, что стиль поведения профессионального спортсмена, привыкшего к публичности, в большей степени соответствует стилю поведения публичного политика, чем профессионального чиновника [Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих 2016].

Необходимо отметить, что капиталу, выступающему основой статуса профессионального спортсмена-победителя, едва ли можно дать простое определение. Используя терминологию Пьера Бурдьё, можно утверждать, что такой капитал складывается из эконо-

---

³ «Все знают, что такое бросок через бедро. Это усвоенная техника, а не простая серия движений» [Мосс 2011: 321].

⁴ См., например [Delaney, Keaney 2005; Seippel 2008; Verhagen, Boonstra 2014].

мического капитала, получаемого в результате победы (выплаты, выгоды от капитализации известности), из культурного капитала в его объективированном состоянии (например, олимпийской медали) [Бурдые 2002: 72], и из символического капитала: «Признание, к которому стремятся мужчины в играх, где накапливается и инвестируется символический капитал, имеет тем больше символической ценности, чем большим объемом символического капитала обладает тот, кто это признание дарует» [Бурдые 2005: 341]. М.В. Солоненко также пишет о престижности обладания характерными для борцов травмами [Солоненко 2012: 99], которые можно представить как культурный капитал в его инкорпорированном состоянии [Бурдые 2002: 61–63].

Одним из ключевых ресурсов, получаемых профессиональными борцами, также является социальный капитал — «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [Бурдые 2002: 66]. Вероятно, в дальнейшей политической деятельности особенно полезной оказывается бондинговый (bonding) социальный капитал [Zhang, Anderson, Zhang 2011: 120–121; Блок, Головин 2015: 103] вследствие того, что число борцов, которые становятся победителями соревнований национального, континентального и мирового уровня, относительно невелико и все они знакомы друг с другом.

Кроме того, формированию бондингового социального капитала способствуют условия профессиональной социализации молодых борцов. «Напряженный график создавал эффект изолированности — больше общались с теми, с кем занимались в зале. “Изолированность” от внешнего мира и группирование вокруг “своих” усиливались, если юноша делал успехи, получал разряды и переходил из ДЮСШ в СДЮСШОР (школу олимпийского резерва) — там, в процессе тренировок, сборов и особенно в случае проживания в интернате компания друзей формировалась исключительно из спортсменов. В рамках спортшкол за счет заданных практик и узкой локализации происходит структурирование групп, складывание квазиродственных отношений с характерным

положением тренера, соединяющего функции лидера, наставника, отца» [Солоненко 2012: 97–98].

Указание М.В. Солоненко на квазиродственный характер возникающих в борцовской среде отношений позволяет провести параллель с отношениями куначества, в прошлом широко распространенными среди народов Северного Кавказа. Куначество можно определить как практику добровольного установления и поддержания возникающих в рамках отношений гостеприимства доверительных, квазиродственных отношений с человеком, проживающим за пределами локального сообщества.

«Функциональная роль куначества состояла в том, что между кунаками устанавливались доверительные отношения на долгие годы. Куначество было тем институтом, по которому осуществлялись деловые, дипломатические, торгово-промышленные связи и взаимодействие народов Кавказа внутри и с внешним миром» [Акжиева 2016: 141]. Одной из форм проявления отношений куначества является реципрокный обмен [Кесаева, Сланова 2018: 34].

По утверждению Б.Х. Бгажнокова, «куначество-дружба было и во многом остается сейчас престижной формой связей, своеобразной формой народной дипломатии и социального капитала. Чем больше было у человека кунаков в различных концах Кавказа, тем большим уважением и почетом пользовался он на своей малой родине как личность деятельная, масштабная, социально продвинутая — значительная» [Бгажноков 2015: 9]. При этом наравне с куначеством-дружкой существует и куначество-патронат [Там же: 7, 8, 11].

Несмотря на то что куначество принято считать домодерновым институтом, в значительной степени ушедшим в прошлое, обращение к этому концепту может быть оправданным при анализе ситуации, в которой структуры публичной власти слабеют или частично распадаются, а региональные режимы приобретают отчетливо неопатримониальный характер [Афанасьев 2000: 9, 14, 63, 252, 257].

БОРЦЫ В ФЕДЕРАЛЬНОМ СОБРАНИИ И ПАРЛАМЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ — АЛАНИЯ: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ БОРЦОВ

Исходя из обозначенных теоретических сюжетов представляется возможным утверждать, что предварительная постановка проблемы влияния профессиональных борцов на политические процессы в Республике Северная Осетия — Алания требует формулирования следующих вопросов. В какой степени политики, символический капитал которых основан на достигнутом статусе выдающихся борцов, присутствуют среди представителей республики в Федеральном Собрании и в парламенте республики? Каковы особенности публичной самопрезентации политиков-борцов и что они говорят о своей политической роли?

Среди представителей республики в Совете Федерации с 2005 по 2017 г. и среди депутатов Государственной Думы V, VI и VII созывов профессиональными борцами являются А.С. Фадзаев (депутат V созыва и сенатор с 2017 г.), М.Х. Хадарцев (депутат VI созыва, глава муниципального образования «Город Владикавказ» с 2014 г.) и А.Б. Таймазов (депутат Государственной Думы с 2016 г.). За последние 13 лет лишь трое из тринадцати представителей республики в Федеральном Собрании были профессиональными борцами⁵.

Среди 76 депутатов IV созыва парламента республики 14 человек имеют отношение к спорту [Депутатский корпус 2018]⁶. Профессиональными борцами являются четверо из них: С.П. Андиев, Т.Р. Тменов, С.М. Фраев и М.Х. Хадарцев. Среди 84 депутатов V созыва в биографиях двенадцати упоминается спорт. Профессиональных борцов среди них трое: С.П. Андиев, Г.А. Гугиев и А.С. Фадзаев. Среди 77 депутатов VI созыва спортивное прошлое имеют

---

⁵ Один из пяти сенаторов и десяти депутатов от республики, К.К. Тайсаев, становился депутатом дважды, на выборах в Государственную Думу VI и VII созывов, а А.С. Фадзаев сперва стал депутатом V созыва, а затем членом Совета Федерации.

⁶ В число депутатов включены и те, кто был избран, но сложил полномочия.

15 человек, шестеро из них — профессиональные борцы: С.П. Андиев, М.Ш. Кисиев, В.В. Назаренко, Д.И. Тедеев, А.А. Хугаев и А.С. Фадзаев. Таким образом, в трех созывах парламента Осетии лишь десять человек можно охарактеризовать как профессиональных борцов, продолживших свой путь в политике.

Таблица 1

**Степень присутствия профессиональных борцов
в парламенте Республики Северная Осетия — Алания**

Созыв парламента	Всего депутатов	Депутаты, в биографиях которых упоминается спорт	Депутаты-борцы
IV созыв (2007–2012)	76	14	4
V созыв (2012–2017)	84	12	3
VI созыв (2017–2022)*	77	15	6
IV, V и VI созывы (2007–2022)	174	30	10

*На момент 20.10.2018.

Полученные данные позволяют утверждать, что профессиональные борцы не составляют значительной части представителей республики в Федеральном Собрании и депутатов парламента региона.

Исследовательская проблема, обнаруженная на этом этапе работы, — основание, на котором мы можем говорить об особом месте профессиональных борцов на политической арене. Бэкграунд некоторых из депутатов осетинского парламента позволяет утверждать, что они соответствуют негласному цензу достаточной выраженности мужских качеств, о котором пишет М.В. Солоненко, не меньше, чем борцы, и могут использовать свой символический капитал таким же образом [Солоненко 2012: 96]. К примеру, депу-

тат IV созыва Т.Б. Таймазов — олимпийский чемпион по тяжелой атлетике, депутат V созыва А.О. Фадзаев — чемпион Сибири и Дальнего Востока по армрестлингу, а депутат IV и VI созыва Б.М. Кантемиров — мастер спорта РФ и обладатель 4-го дана по каратэ. Возможно, при дальнейшем рассмотрении поставленной проблемы следует говорить не столько о борцах, сколько о представителях контактных единоборств и силовых видов спорта в целом.

Кроме того, наличие в общем списке депутатов трех созывов однофамильцев (к примеру, четырех Битаровых, трех Козаевых и трех Фадзаевых) требует дальнейшего рассмотрения вопроса об особенностях политической карьеры профессиональных борцов с учетом их родственных связей с другими представителями политической элиты региона.

Таблица 2

**Биографические данные и партийная принадлежность
представителей РСО-Алания — профессиональных борцов
в Федеральном собрании и среди депутатов парламента республики**

Депутат-борец	Год рождения, возраст	Место рождения	Первое образование	Партия
С.П. Андиев	1952 (66 лет)	г. Дзауджи-кау (г. Владикавказ)	Агроном-экономист	Единая Россия
Г.А. Гугиев	1973 (45 лет)	с. Виноградное Моздокского района СО АССР	Автомобильные дороги и аэродромы	Единая Россия
М.Ш. Кисиев	1961 (57 лет)	г. Орджоникидзе (г. Владикавказ)	Правоведение	Справедливая Россия

В.В. Назаренко	1977 (41 год)	г. Владикавказ	В 1999 г. окончил Владикавказский горно-металлургический техникум	Единая Россия
Д.И. Тедеев	1968 (50 лет)	Республика Южная Осетия	Не указано	Патриоты России
Т.Р. Тменов	1977 (41 год)	г. Орджоникидзе (г. Владикавказ)	Учитель физкультуры	Единая Россия
А.С. Фадзаев	1957 (61 год)	с. Чикола Ирафского района СО АССР	Инженер-строитель	Патриоты России
С.М. Фраев	1970 (48 лет)	г. Беслан Правобережного района СО АССР	Экономика	Единая Россия
М.Х. Хадарцев	1964 (54 года)	с. Суадаг Алагирского района СО АССР	Юрист	Единая Россия
А.А. Хугаев	1989 (29 лет)	г. Владикавказ	В 2011 г. окончил факультет физической культуры и спорта Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова	Единая Россия

А.Б. Таймазов	1979 (39 лет)	с. Ногир, Северная Осетия	Юрист	Единая Россия
---------------	------------------	---------------------------------	-------	------------------

Небольшое количество профессиональных борцов от республики в Федеральном Собрании и среди депутатов парламента республики не позволяет делать уверенных обобщений в отношении их биографических данных и партийной принадлежности. Все политики-борцы — мужчины, которым, за исключением А.А. Хугаева, больше 38 лет, что позволяет говорить о проявлении физико-генетического основания социальной стратификации. Пятеро — уроженцы Владикавказа, что вместе с недостаточным объемом данных не позволяет говорить о преобладании среди борцов выходцев из сельской местности, обратившихся к спорту как к каналу вертикальной мобильности. Первое образование политиков-борцов относится или к «управленческим» специальностям (юрист, экономист), или к «рабочим», «мужским» (инженер, учитель физкультуры).

Восемь из одиннадцати борцов представляют «Единую Россию». Однако, учитывая то, что на выборах в парламент республики в 2012 г. партия «Патриоты России», в которую вступил А.С. Фадзаев, набрала 26,5 % голосов, ухудшив результат «Единой России» на 21,7 % по сравнению с выборами в Государственную Думу в 2011 г. (с 67,9 до 46,2 %), о партийной принадлежности политиков-борцов едва ли можно говорить без учета конкретных обстоятельств внутриэлитной борьбы в регионе [«Патриоты России» достигли... 2012].

Вопрос о характере публичной самопрезентации политиков-борцов позволяет обратиться к их публичным страницам в Instagram. На страницы А.С. Фадзаева и А.Б. Таймазова подписаны 120 и 49,6 тысяч человек соответственно, а подписчики отзываются на публикации тысячами «лайков» и десятками комментариев, что позволяет рассматривать их страницы как мини-СМИ [Арсен Фадзаев 2018, Артур Таймазов 2018].

Учитывая то, что страницы А.С. Фадзаева и А.Б. Таймазова представляют собой обширные массивы однотипных записей, ли-

шенных очевидной системы, в качестве метода анализа был выбран качественный контент-анализ. Единицей анализа была отдельная публикация (пост), при анализе которого рассматривались фотография или видеозапись, текст на фотографии или транскрипт видеозаписи, а также текст, сопровождающий публикацию.

Категориями анализа были «спортсмен» (публикация актуализирует статус профессионального борца как выдающегося спортсмена), «политик» (профессиональный борец представлен как политик и общественный деятель, отстаивающий интересы жителей республики и страны, без акцента на его спортивной карьере) и «частное лицо» (публикация показывает неофициальную сторону жизни профессионального борца).

В случае со страницей А.С. Фадзаева было проанализировано 339 публикаций, сделанных в период с 19.09.2017 по 19.09.2018 (А.С. Фадзаев получил полномочия сенатора 22.09.2017). Вследствие обнаружения исследовательской проблемы, возникшей при анализе публикаций А.С. Фадзаева, в случае со страницей А.Ю. Таймазова анализу было подвергнуто лишь 105 публикаций, сделанных в период с 19.09.2017 по 25.02.2018.

Таблица 3

**Публичная самопрезентация А.С. Фадзаева
и А.Б. Таймазова в социальной сети Instagram**

Политик-борец	«Спортсмен»	«Политик»	«Частное лицо»
А.С. Фадзаев	109	178	52
А.Б. Таймазов	27	72	6

Исследовательская проблема, возникшая на этом этапе работы, заключается в невозможности четкого отнесения некоторых единиц анализа к той или иной категории. К примеру, публикации А.С. Фадзаева с фотографией, на которой он в борцовском трико стоит рядом с И.С. Ярыгиным, с фрагментом выступления в Совете Федерации и у новогодней елки с внуками очевидным образом относятся к категориям «спортсмен», «политик» и «частное лицо». Однако в серии выступлений в Олимпийском комитете (публика-

ция от 12.12.2017), на пресс-конференции РИА Новости (публикация от 13.12.2017) и программе «Сенат» на канале «Россия 24» (публикация от 15.12.2017 и 16.12.2017), посвященных статусу российских спортсменов на Олимпиаде в Пхёнчхане, Фадзаев предстает перед зрителями и как политик, и как спортсмен, в аналогичной ситуации в 1984 г. потерявший возможность стать олимпийским чемпионом. Представляя себя как частное лицо, Фадзаев публикует видеозаписи, на которых он занимается спортом и готовит «гуманитарную помощь» для многодетных малоимущих семей республики (публикация от 30.12.2017), одновременно представляя себя в качестве спортсмена и политического деятеля. Невозможность однозначного разграничения публикаций, на которых политики-борцы предстают в разных ролях, требует другой постановки вопроса о степени инструментализации ими своего спортивного прошлого или даже отказа от него.

Поскольку публикации на страницах А.С. Фадзаева и А.Б. Таймазова посвящены общественно-политической тематике, направлены на определение социальных ситуаций, воспроизводство групповых различий и социальных практик и насыщены импликатурами, ориентированными в первую очередь на жителей Северной Осетии, их можно отнести к сфере политического дискурса [ван Дейк 2013: 8–17, 228, 230–232]. Рассмотренные публикации также были подвергнуты дискурс-анализу с целью выявить возможное дискурсивное обособление представителей своих видов спорта и характерный для борцов дискурс о государстве.

Эта часть исследования также оказалась достаточно бесплодной. Несмотря на то что значительная часть публикаций А.С. Фадзаева и А.Б. Таймазова преследует своей целью актуализацию своих связей в спортивной среде, для них нехарактерно представление борцов как представителей лучших из возможных видов спорта и носителей уникальных личностных качеств. Дискурс о государстве, демонстрируемый профессиональными борцами, также достаточно стандартен. Так, А.С. Фадзаев подчеркивает многонациональный характер народа республики и страны, говорит о необходимости хранить память о событиях Великой Отечественной войны и поздравляет подписчиков с такими праздниками, как

Рождество, Пасха, День защитника Отечества и Рамадан. Фадзаев также вспоминает годовщину событий в Беслане и годовщину начала «пятидневной войны в Южной Осетии» (публикация от 08.08.2018) и выражает молчаливое согласие с необходимостью «стремиться к духовно-нравственным идеалам, доставшимся нам от наших предков — скифов, сарматов и алан», о которой говорится на «I Национальном съезде осетинской молодежи» (публикация от 22.02.2018), тем самым поддерживая идею «аланского наследия» осетин. Любопытно, что, поздравляя с днем рождения В.В. Путина, Фадзаев упоминает, что он добился больших успехов «сначала в спорте, а затем в политике» (публикация от 07.10.2018), тем самым подчеркивая разделяемый с президентом опыт занятия близкими видами спорта.

ВЫВОДЫ

Предпринятая попытка рассмотрения проблемы влияния профессиональных спортсменов на политические процессы в Республике Северная Осетия — Алания оказалась неудачной из-за некорректной постановки проблемы и выбора неподходящих методов анализа. Ее результаты можно резюмировать следующим образом:

Количество профессиональных борцов среди представителей республики в Федеральном собрании и в парламенте республики очень невелико, но относительно стабильно. Их биографические данные позволяют осторожно предположить, что абсолютное большинство политиков-борцов — мужчины старше 35 лет, которые демонстрируют полное соответствие негласному цензу достаточной выраженности «мужских качеств» и обладают образованием в сфере экономики и юриспруденции, технических специальностей или физической культуры. Их самопрезентация предполагает регулярную актуализацию высокого спортивного статуса, а дискурс о государстве достаточно стандартен. Возможно, в исследовании их политико-психологических характеристик уместно обращение к концепту «мужского господства» Пьера Бурдьё.

Даже если исходить из того, что в социокультурной традиции народов Северного Кавказа борьба действительно играет особую роль, то вопрос основания для выделения профессиональных борцов в особый тип политических акторов по-прежнему остается открытым. Вероятно, при анализе представителей политической элиты Северной Осетии и других регионов России следует говорить скорее о представителях контактных единоборств и силовых видов спорта в целом. При этом, даже если такие основания будут найдены, борцов все же лучше описывать в качестве представителей латентных организаций, достаточно отчетливых для их выделения в качестве отдельного предмета исследований, но недостаточно оформленных для того, чтобы считать принадлежность к ним определяющим фактором построения политической карьеры [Карпов, Солоненко 2011: 322].

Таким образом, отдельной проблематизации требует сам предмет исследования.

Полезным может оказаться рассмотрение законодательных органов других регионов, в том числе не относящихся к Северному Кавказу. Представление о регионах СКФО как о «республиках борцов» может оказаться существенно преувеличенным.

Отдельным направлением дальнейших исследований может быть выявление и визуализация сети связей, которые охватывают борцовскую среду и связывают ее представителей с представителями других видов спорта. Возможно, в современных условиях эффект изолированности, возникающий в процессе профессиональной социализации спортсменов, проявляет себя в меньшей степени, чем в советское время.

Второй вариант дальнейшего исследования поставленной проблемы касается рассмотрения конкретных политиков-борцов: из каких групп происходит их рекрутирование, насколько самостоятельными политическими игроками они являются, лоббируют ли они чьи-то интересы, что является источником их ресурсов и в чем заключается специфика их политической деятельности?

Третий вариант дальнейшего исследования поставленной проблемы предполагает рассмотрение политиков-борцов в качестве этнических предпринимателей. Так, А.С. Фадзаев не только пу-

блично выступает в поддержку идеи «аланского наследия» осетин, но и в 1997 г. создал борцовский клуб «Аланы», подготовивший многих выдающихся борцов, включая А.Б. Таймазова. В связи с этим особенный интерес может представлять процессы политизации и деполитизации этничности, в которых используется символический капитал выдающихся борцов [На Ставрополье установили... 2012].

Литература и источники

Акиева С.И. Институты гостеприимства, куначества и аталычества в традиционной культуре карачаевцев и балкарцев // *Успехи современной науки и образования*. 2016. Т. 4, № 9. С. 138–142.

Арсен Фадзаев // Instagram. URL: https://www.instagram.com/taumazov_artur/ (дата обращения: 20.10.2018).

Артур Таймазов // Instagram. URL: https://www.instagram.com/taumazov_artur/ (дата обращения: 20.10.2018).

Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

Бажноков Б.Х. Куначество у черкесов и других народов Кавказа // *Вестник института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук*. 2015. № 1. С. 7–14.

Биография // Таймазов Артур Борисович. URL: <http://www.arturtaumazov.ru/bio/> (дата обращения: 28.11.2018).

Блок М., Головин М.А. Социальный капитал: к обобщению понятия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2015. № 4. С. 99–111.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Либроком, 2016.

Депутатский корпус // Парламент Республики Северная Осетия — Алания. Официальный сайт URL: <http://parliament-osetia.ru/index.php/main/deputycorps> (дата обращения: 28.11.2018).

Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010.

Карпов Ю.Ю., Солоненко М.В. «Силовой ресурс» во внутренней политике Дагестана // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 318–323.

Кесаева Р.Э., Сланова А.Ю. Институт куначества в структуре этнокультурной // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2018. № 1. С. 33–36.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.

На Ставрополье установили памятник борцу Ивану Ярыгину // Российская газета. 07.09.2012. URL: <https://rg.ru/2012/09/07/reg-skfo/yarygin-anons.html> (дата обращения: 20.10.2018).

«Патриоты России» достигли вершин на Кавказе // Коммерсантъ. 16.10.2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2045334> (дата обращения: 28.11.2018).

Солоненко М.В. Борцы за власть: спортивные сообщества и их роль в политической жизни Дагестана // Общество как объект и субъект власти: очерки политической антропологии Кавказа / отв. ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 91–110.

Ван Дейк Тён А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.

Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. 06.05.2016. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3> (дата обращения: 28.11.2018).

Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

Delaney L., Keaney E. Sport and social capital in the United Kingdom: Statistical evidence from national and international survey data // Dublin: Economic and Social Research Institute and Institute for Public Policy Research. 2005. № 32. P. 1–32.

Seippel O. Sports in Civil Society: Networks, Social Capital and Influence // European Sociological Review. 2008. Vol. 24, № 1. P. 69–80.

Verhagen S.; Boonstra N. Bridging social capital through sports: an explorative study on (improving) inter-ethnic contact at two soccer clubs in the Netherlands // Journal of Social Intervention: Theory and Practice. 2014. Vol. 23, № 4. P. 23–38.

Zhang S., Anderson S.G., Zhan M. The Differentiated Impact of Bridging and Bonding Social Capital on Economic Well-Being: An Individual Level Perspective // *Journal of Sociology and Social Welfare*. March 2011. Vol. 38, № 1. P. 119–142.

THE INFLUENCE OF PROFESSIONAL WRESTLERS ON POLITICAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA — ALANIA: OUTLINING THE PROBLEM

G. Belousov

Annotation. *The article attempts to raise the question of the extent and nature of the influence of professional wrestlers, who continued their careers as politicians, on political processes in the Republic of North Ossetia-Alania. The degree of their presence in the Federal Assembly and the regional parliament, their biographical characteristics, features of their self-presentation and discourse about the state are analyzed. The analysis made allows us to cast doubt on the legitimacy of identifying professional wrestlers as a separate category of political actors. The conclusions formulated potential directions for further research of the problem.*

Keywords: *political elites, the North Caucasus, North Ossetia-Alania, sports, discourse analysis, masculine domination, power entrepreneurship.*

References

Afanasyev M.N. *Kliientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost: Issledovaniye kliyentarnykh otnosheniy, ikh roli v evolyutsii i upadke proshlykh form rossiyskoy gosudarstvennosti. ikh vliyaniya na politicheskiye instituty i deyatelnost vlastvuyushchikh grupp v sovremennoy Rossii* [Clientelism and Russian statehood: A study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of power groups in modern Russia]. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, 2000. (In Russian)

Akkiyeva S.I. *Instituty gostepriimstva, kunachestva i atalychestva v traditsionnoy kulture karachayevtsev i balkartsev* [Institutes of hospitality, kunachestvo and alatychestvo in the traditional culture of the Karachai and the Balkars], *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Successes of modern science and education], 2016, 4 (9), pp. 138–142. (In Russian)

Arsen Fadzeyev // Instagram. URL: https://www.instagram.com/taymazov_artur/ (available: 20.10.2018).

Artur Taymazov // Instagram. URL: https://www.instagram.com/taymazov_artur/ (available 20.10.2018).

Bgazhnikov B.Kh. Kunachestvo u cherkesov i drugikh narodov Kavkaza [Kunachestvo of Circassians and other peoples of the Caucasus], *Vestnik instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitelstva Kabardino-Balkarskoy Respubliki i Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, 1, pp. 7–14. (In Russian)

Biografiya [Biography]. TAYMAZOV ARTUR BORISOVICH. URL: <http://www.arturtaymazov.ru/bio/> (available 28.11.2018). (In Russian)

Blok M., Golovin M.A. Sotsialnyy kapital: k obobshcheniyu ponyatiya [Social capital: a generalization of the concept], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 2015, 4, pp. 99–111. (In Russian)

Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital], *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 2002, 3 (5), p. 60–74. (In Russian)

Bourdieu P. *Sotsialnoye prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya, 2005. (In Russian)

Delaney L., Keaney E. Sport and social capital in the United Kingdom: Statistical evidence from national and international survey data. *Dublin: Economic and Social Research Institute and Institute for Public Policy Research*, 2005, 32, pp. 1–32.

Deputatskiy korpus [Members of Parliament]. *Parliament of the Republic of North Ossetia — Alania. Official site*. URL: <http://parliament-osetia.ru/index.php/main/deputycorps> (available 28.11.2018). (In Russian)

Derluguian G. *Adept Burdye na Kavkaze: Eskizy k biografii v mirosistemnoy perspektive* [Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: Sketches for a biography in a world-wide perspective]. Moscow: Territoriya budushchego, 2010. (In Russian)

Huizinga J. *Homo ludens. Chelovek igrayushchiy* [Homo ludens. Man playing]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha, 2011. (In Russian)

Karpov Yu.Yu., Solonenko M.V. “Silovoy resurs” vo vnutrenney politike Dagestana [“Power resource” in the internal policy of Dagestan], *Radlovskiy sbornik: Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekty MAE RAN v 2010 g.* [Radlov collection: Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2010]. St. Petersburg: MAE RAN, 2011, pp. 318–323. (In Russian)

Kesayeva R.E., Slanova A. Yu. Institut kunachestva v strukture etnokulturnoy [Institute of kunachestvo in the structure of ethnocultural], *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Khetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University named after Kosta Khetagurov], 2018, 1, pp. 33–36. (In Russian)

Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoy antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: KDU, 2011. (In Russian)

Na Stavropolye ustanovili pamyatnik bortsu Ivanu Yaryginu [Monument to wrestler Ivan Yarygin erected in Stavropol]. *Russian newspaper*, 07.09.2012. URL: <https://rg.ru/2012/09/07/reg-skfo/yarygin-anons.html> (available: 20.10.2018). (In Russian)

«Patrioty Rossii» dostigli vershin na Kavkaze [“Patriots of Russia” reached the top in the Caucasus], *Kommersant*, 16.10.2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2045334> (available: 28.11.2018). (In Russian)

Seippel O. Sports in Civil Society: Networks, Social Capital and Influence, *European Sociological Review*, 2008, 24 (1), pp. 69–80.

Solonenko M.V. Bortsy za vlast: sportivnyye soobshchestva i ikh rol' v politicheskoy zhizni Dagestana [Wrestlers for power: sports communities and their role in the political life of Dagestan], *Obshchestvo kak obyekt i subyekt vlasti: Ocherki politicheskoy antropologii Kavkaza* [Society as an Object and a Subject of Power: Essays on the Political Anthropology of the Caucasus]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2012, pp. 91–110. (In Russian)

Van Dijk Teun A. *Diskurs i vlast: Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow: LIBROKOM, 2013. (In Russian)

Tipovoy kodeks etiki i sluzhebnoy povedeniya gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh [Model code of ethics and official conduct of state and municipal employees]. *Ministry of Labour and Social Affairs of the Russian Federation*, 06.05.2016. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3> (available: 28.11.2018). (In Russian)

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions]. Moscow: LIBROKOM, 2016. (In Russian)

Verhagen S.; Boonstra N. Bridging social capital through sports: an explorative study on (improving) inter-ethnic contact at two soccer clubs in the Netherlands, *Journal of Social Intervention: Theory and Practice*, 2014, 23 (4), pp. 23–38.

Zhang S., Anderson S.G., Zhan M. The Differentiated Impact of Bridging and Bonding Social Capital on Economic Well-Being: An Individual Level Perspective, *Journal of Sociology and Social Welfare*, 2011, 38 (1), pp. 119–142.

ЭЛИТЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

К. Ф. Завершинский

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.16>

Суть борьбы за власть проявляется в соотношении «реальных вещей» и «неотложных вещей» с тем, что фактически создает смысл — с системами символов [Александр 2009: 72].

Аннотация. *Рассматривается значение эпистемологии исследования социокультурной динамики политических элит. Автор полагает, что доминирование позитивистских исследовательских стратегий в исследованиях социокультурной динамики политических элит только частично отражает качественные изменения в современных политических коммуникациях. По мнению автора, более перспективными являются исследовательские стратегии социологического неинституционализма и культурсоциологии, которые трактуют социокультурную динамику политических акторов с позиций динамики символизации структур смысла. Исследование символизации пространственно-временных измерений политической идентификации элит позволяет более адекватно отразить динамику современных политических коммуникаций. Важным направлением исследования политической памяти современных элит является изучение практик символизации политической повседневности, в которых решающую роль играют политический миф и политиче-*

ское брендирование. Автор подчеркивает важность описания и теоретического анализа роли новых политических мифов и символов, присутствующих в современной политической памяти. Используя методологию культурсоциологического анализа как эпистемологическую основу, автор предлагает новый теоретический подход к изучению социокультурной динамики политических элит.

Ключевые слова: политические элиты, политические коммуникации, эпистемология исследования, культурсоциология, политическая память.

ВВЕДЕНИЕ

Обоснованность эпистемологической посылки о том, что методология исследования политико-культурной специфики политических элит меняется в соответствии с изменением характера политических коммуникаций и политической культуры, не столь очевидна при обращении к современным исследованиям в предметной области отечественной элитологии. Подобная посылка выглядит скорее трюизмом, общепринятым, но не вполне подтверждаемым мнением в реалиях очевидной смены качества современных политических коммуникаций и политико-культурного процесса в целом. Не подвергая сомнению обоснованность посылки о высокой степени «вариантности» современной социологии элит (*идентификационной, позиционной, репутационной, децизионной, рекрутационной*) (см.: [Дука 2015б: 5–43]), следует отметить, что в основаниях исследовательских стратегий социокультурной динамики современных политических элит так или иначе доминируют позитивистские исследовательские установки и их функционалистские версии. В рамках этой эпистемологической доминанты культурные измерения так или иначе выступают «вторичными переменными», что, по мнению автора, нередко выносит «за скобки» иные перспективные исследовательские опции и, соответственно, порождает редукционистские версии политико-культурной реальности и действительности современных политических элит.

Показательны в этом отношении дискуссии о феномене «постправды» (*post-truth*) и рисков «постфактической» политики совре-

менных политических элит (post-factual politics), когда факты легко замещаются «фальшивыми новостями» («фейками») при принятии политических решений. В критических исследованиях природы «лживости» современных политических элит исследователи исходят в основном из посылки, что умножение политических акторов и медийных технологий при продуцировании политической информации ведет к диверсификации и деградации критериев истинности и ложности при интерпретации событий прошлого и настоящего в политике.

Как полагают многие интерпретаторы феномена «постфактической политики», широкое использование политическими элитами субъективных и, при первом приближении, иррациональных медийных продуктов для легитимации своих действий ведет к культивированию «ложных» форм политического знания в виде политических слухов, сплетен, мистификаций и скандалов. Такие формы знания становятся значимым когнитивным ресурсом политических элит и многих социально-политических движений, организаций (формальных и неформальных) для политической мобилизации с весьма неоднозначными социальными последствиями. При этом рецепты политологов и социологов по разработке строгих процедур проверки «истинности», «объективности» политической информации, рационализации деятельности политических элит и повышению их моральной ответственности при реализации информационной политики сопровождаются умеренным оптимизмом в связи с развитием и совершенствованием публичной социологии и публичной политики как научной «панацеи» от пропагандистских эффектов «политики постправды». Однако подобные теоретические ремарки и эмпирические выкладки не проясняют природу институциональных и организационных оснований растущей потребности современных политических элит в символических ресурсах того, что номинируется «постфактической политикой», и их безусловной убежденности в значимости подобных символических конструкторов.

Говоря о специфике описания современных коммуникативных процессов, уместно вспомнить критические ремарки Николаса Лумана по поводу особенностей коммуникативного процесса в со-

временной информационной среде, где «системы сознания» наличествуют в «миллиардах единиц» и функционируют одновременно (см.: [Луман 2004: 119]). В таких коммуникативных реалиях требование «истинности» по отношению к когнитивной и символической продукции любой коммуникативной системы (правовой, политической, массмедиа и т.д.) и, в частности, политической риторики элит или новостям и комментариям политического характера в современных массмедиа становится весьма проблематично и стимулирует упрощенные представления о семантических основаниях подобных коммуникаций. Как замечает немецкий социолог, сообщения современных массмедиа определяются не столько кодом *истинное/ложное*, сколько кодом *информация/неинформация* и зависят от процедур отбора этих сообщений на основе специфических коммуникативных кодов, оформившихся в рамках этой коммуникаций и находящихся в сложных отношениях с иными коммуникативными пространствами (см.: [Луман 2005а: 62–64]). Общество «вкладывает» в коммуникацию все больше ожиданий и разочарований и производит символические продукты, «вызывающие у него самого иллюзии, прежде всего в политической системе» [Луман 2006: 190–192].

Подобные «политические иллюзии» все чаще воспроизводятся и тиражируются политическими элитами вне связи с символической продукцией науки. На подобные аспекты коммуникаций в современном обществе обращает внимание и авторитетный представитель отечественной теоретической социологии, который полагает, что именно способность представить «невозможное» в процессе реальных коммуникаций позволяет «фактам» обрести действенность (см.: [Филиппов 2015: 151, 332]). В реалиях дифференциации коммуникативных пространств каждое из них начинает располагать своим специфическим «символически обобщенным» средством коммуникации, определяющим течение этой коммуникации. Конечно, представители современной политической элиты при принятии политического решения апеллируют к «истине» и «фактам», но символическая среда и символические ресурсы самой политической сферы становятся все чаще действительнее, чем реальность «вещных» ресурсов и интересов.

Это не может не артикулировать ряд вопросов методологического плана. Какими эпистемологическими критериями следует руководствоваться исследователям при артикуляции специфики политико-культурной динамики политических элит в реалиях современных политических коммуникаций? Почему соотносительность активности политических элит с символическими репрезентациями политической реальности является значимым измерением в исследованиях социокультурной динамики современных политических элит? Наконец, на основе каких теоретических моделей возможен анализ практик символических репрезентаций современных политических элит? Отсутствие определенности при ответе на эти вопросы порождает малопродуктивный «конфликт интерпретаций» или теоретические редукции, препятствующие осмыслению новых феноменов в политико-коммуникативном процессе.

ОТ ЭПИСТЕМОЛОГИИ «НЕЗАИНТЕРЕСОВАННОГО НАБЛЮДЕНИЯ» К КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

Интеллектуальная интенция на преодоление «заблуждений» политики и политических элит посредством рационализации политических представлений элит и масс не только достаточно укоренена в современном общественном сознании в эмпирической социологии или политологии, но и опирается на весьма обстоятельную мировоззренческую рефлексию, что позволяет ей претендовать на значимую и авторитетную эпистемологическую парадигму. Так, проблема «истинности» и «ложности» при анализе политических коммуникаций весьма обстоятельно была проанализирована Х. Арндт. Характеризуя потребность политиков XX в. в искусстве «лжи», «обмана» и связанного с этим «самообманом» элит и масс даже в «полностью демократических обществах», она видела причины этого в коммуникативной ограниченности политических отношений, что ведет к преобразованию «внешних дел» «во внутренние», проникновению международных или межгрупповых конфликтов в пространство внутренней политики» (см.: [Арндт

2014: 378–389]). Арендт видела возможность ограничения «обмана» со стороны политических элит в росте политического суверенитета государств и граждан, поскольку в нынешней системе всемирного сообщения, охватывающего большое количество независимых стран, ни у одной из мировых держав и близко нет власти, достаточной, чтобы взять свой «имидж» под полный контроль. В силу подобных обстоятельств, полагала она, у имиджей и фикций сравнительно короткая продолжительность жизни, так как «осколки фактов» постоянно нарушают и расстраивают ход пропагандистской войны конфликтующих фикций. При этом гарантом «истинности» политических представлений, по Арендт, выступают не столько социально-политические элиты или средства массовой информации, сколько объединения интеллектуалов, находящихся за рамками политического процесса, обладающих навыками и способностями рационально-критического восприятия и описания социально-политической реальности и способных противостоять давлению конъюнктуры политики и массовых коммуникаций. Увы, эволюция современных политических коммуникаций свидетельствует скорее об обратном: свертывании политического суверенитета национальных государств, растущей автономии от общества политических элит и очевидной идеологической ангажированности интеллектуальных групп.

Теоретические доминанты дискурса «классической» элитологии так или иначе соответствуют рационалистическим политико-философским интерпретациям описания оснований функционирования и способов предотвращения политико-культурной деградации элит. В сущности, они уже отчетливо присутствуют в теоретической интенции «незаинтересованного», основанного на фактах наблюдения исследования Вильфреда Парето, который подчеркивал значимость способности исследователя абстрагироваться, «отрешиться» от идеологической конъюнктуры и абстрактных теоретизирований. Классик элитологии подчеркивал, что «когда ставится о вопрос о том, являются ли планируемые меры правильными, справедливыми, моральными, благочестивыми, патриотическими и т. д., то речь идет об их соответствии эмоциям, в общем довольно неопределенным, некоего коллектива на данном

отрезке времени, и это может быть полезно для установления согласия в указанном коллективе, но очень мало или ничего не говорит о том, можно ли провести эти меры в жизнь и когда; какие социальные и экономические последствия они повлекут». Он отмечает, что «одно дело — рассуждать об идеальных целях, другое — двигаться куда-то в реальности» [Парето 2014: 32–33]. Стоять на позициях, «что идеальная власть была источником, причиной новой действительной власти» — допускать ошибку, «вызванную желанием априорно объяснять факты с помощью идей, в то время как опыт показывает, что чаще всего идеи суть следствия фактов». Действительное положение вещей, замечает элитолог, предшествует «идеальному», которые трансформируются в заданной «фактами» реальности [Парето 2014: 46–49].

Несмотря на то что подобная критическая рефлексия о методологических основаниях активности социальных элит сохраняет актуальность при описании их социокультурной динамики, она являет следы абсолютизации философских и нормативных обоснований смысла и содержания коммуникативного процесса в политике. Для позиции «незаинтересованного» наблюдения нередко характерно абсолютизация способности исследователя абстрагироваться, «отрешиться» от идеологической конъюнктуры и «ложности мнений» повседневности. Подобная установка достаточно уязвима не только в аспекте очевидной приверженности прогрессистским или консервативным схемам трактовки опыта рационального познания, но в том, что не учитывает важность комплементарности макро- и микроуровня анализа, совершая «ошибки натурализма» («naturalistic fallacy») в трактовке «фактической действительности» тех или иных событий или политических решений, которые признаются значимыми [Александр 2012: 16].

Процессы политико-культурной идентификации политических элит в реалиях современных политических коммуникаций в высшей степени амбивалентны: то, что для одних политических акторов коммуникативного процесса является демонстрацией политического цинизма, «популизма», «политического варварства», для других — естественное состояние, некая безусловная «истина» жизни и способ поддержания политической идентичности и госу-

дарственного суверенитет. Фиксация подобной амбивалентности, по мнению автора статьи, свидетельствует не только о вариативности способов концептуализации социокультурной динамики или «ложности» тех или иных интерпретаций, но и об ограниченности приоритетов в трактовке социокультурной динамики элит и классификации форм знания об обществе. Присутствие очевидного своеобразия коммуникативных параметров феномена «постфактической политики», связанных с развитием цифровых технологий воспроизводства, передачи и хранения информации, которыми пользуются политические элиты, скорее оттеняет эпистемологическую дихотомию современных дебатов об «истинности» и «ложности», «правдивости» и «лжи» в практиках регулятивного влияния элит на общество.

Сторонники культурно-ориентированной эпистемологии, выступающие за «сильную программу» политико-культурных исследований, в которых культура рассматривается как «независимая переменная», акцентируют внимание на том, что социальные явления, которые в обществе номинируются как «факты», действительны «не благодаря их фактической вредности или объективной резкости», но зависят от того, как их воспринимают, и от степени эффекта их влияния на коллективную идентичность. Подобная посылка весьма актуальна по отношению к политико-культурной активности современных элит, поскольку «постфактическая политика» политических элит чаще всего сопряжена с интерпретацией событий травматического рода или попытками представить факты как свидетельство травмирующих обстоятельств. При анализе политико-культурной активности элит важна «не правдивость заявлений социальных акторов» или оценка их нравственных оправданий, а «при каких условиях делаются эти заявления и к каким они приводят результатам». Важна не «истинная» онтология и этика познавательного процесса, а «эпистемология смысла» и символической политики. «Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха», — замечает авторитетный американский исследователь, — «а вовсе не события сами по себе». Фактические события — «это одно дело, а репрезентация этих событий — совсем другое» [Александр 2012: 17–18].

Социальные системы общества могут реально переживать масштабные деформации, институты могут не работать, правительства не в состоянии обеспечить базовую защиту, но все это может представляться политическими элитами как временные проблемы «победного шествия демократизации» и не рассматриваться в качестве значимых, в то время как вымышленные действия могут наделяться статусом катастрофических или успешных. Сегодняшняя коммуникативная реальность полна свидетельств подобного рода. Чтобы факты обрели коллективную значимость не только для интеллектуалов, но и для элит и общества в целом, реальные проблемы «должны стать культурными кризисами» [Александр 2012: 17–18]. На ограниченность стратегии «фактографии» указывают и российские исследователи, обосновывающие необходимость более комплементарной эпистемологии социокультурных феноменов: «Не нужно рассматривать истину только как результат совпадения с объектом, а заблуждение — только как продукт социальной иллюзии и ангажированности. Истина не бессубъектна, а заблуждение не безобъектно. Знания обоих родов — и истинные, и ошибочные — в равной степени обусловлены комплексом социально-культурных условий и обстоятельств» [Касавин 2013: 15].

По мнению автора статьи, анализ политико-культурной динамики современных политических элит предполагает выход за рамки доминирующей в элитологии эпистемологической матрицы научного познания социокультурной реальности, оформившейся в Новое время и предполагающей нормативное разделение знаний, «верований» на два «разряда», «группы» — «истинные», научно обоснованные, эмпирически подтвержденные знания и «заблуждения» («мнения») [Касавин 2013: 63–73]. Чаще всего статусом «заблуждений» наделяют идеологические и разнообразные мифоконструкции или, в нашем случае, «постфактическое знание». *Первая группа* часто ассоциирует с объективным, рациональным и эмпирически верифицируемым типом познания, вторая же с иррациональным, бессознательным, субъективным и «манипулятивным», пропагандистским. Вторая же эпистемологическая парадигма, так или иначе представленная в рамках социологии знания и социально-конструктивистских моделей множественности социальных

универсумов, стремится снять теоретическую дихотомию «фактологического знания» и «ложности верований» посылкой, что знанием можно считать все то, что функционирует как знание в социальной практике, и важнее анализировать действенность знания в рамках социокультурных систем, нежели опираться на аксиологически закруженные принципы познания. В центре «первой группы» эпистемологических посылок находится познавательная активность индивидуального субъекта, для второй важнее коллективная природа знания и опция «наблюдения».

Вторая опция наблюдения, по мнению автора, наиболее комплементарна в исследовании специфики политической культуры современных элит, в отличие от более традиционных теоретических моделей политической культуры, описывающих культурный процесс с позиций «рационального гражданина» и либерально-демократических ценностных ориентаций, упрощающих процесс нарастающей фрагментации политико-культурного пространства. Более эвристичным представляется дискурс политико-культурных исследований, опирающийся на когнитивные модели социологического неoinституционализма, современной «культурсоциологии» (cultural sociology) и культурной антропологии, представители которых подчеркивают перспективность понимания культуры как сетей смысла, исторической формы социальной памяти. Их изучение должно опираться на когнитивный анализ символических структур сетей смыслов, в отличие от исследовательских программ, где описания культурных феноменов редуцируется к ценностям, нормам, идеологиям, производным от структур формальных институтов или социально-психологических моделей коллективного сознания. Можно говорить о методологической комплементарности подобного моделирования.

Так, теоретико-методологические послылки социологического неoinституционализма, связанные с социологической традицией, идущей от Э. Дюркгейма, ориентируют на описание институтов как культурно-нормативных, когнитивных структур, связанных с оформлением идентичности многообразных движений и организаций (коллективных акторов), включая в этот процесс *рационализованные мифологии и ритуальности*. В связи с подобными тео-

ретическими моделями институционализации представители социологического институционализма рассматривают «легитимность» как центральный концепт при описании активности организаций как коллективных акторов (см., например: [Meyer 2008: 788–809; Deerhouse, Suchman 2008: 49–77]). Легитимация в этом случае описывается как процесс интерпретации, теоретического обоснования, прояснения возможных альтернатив социальной эволюции *доминирующих* организаций, процессов «оповседневнивания» (рутинизации) организационных норм и правил как условия организационной устойчивости и активности организаций в динамичном социокультурном пространстве. Культурсоциология, как уже отмечалось, ориентирует на исследование культуры и ее символических репрезентаций, политической культуры в частности как исторической формы «социальной памяти», изучение «культурной прагматики» и «социального перформанса» политических коммуникаций, «драматургии власти», описывающих многослойный процесс социального конструирования комплекса средств символического производства социальной власти, сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия (см., например: [Alexander 2003: 11–26; 2006: 29–89]).

Это актуализирует исследования символических аспектов регулирования элитами, пространственно-временных параметров социального порядка. Российский элитолог Александр Дука, подчеркивая значимость элит в процессе «регулирования» социального порядка, замечает, что в силу возможности государственной институционализации они могут автономно принимать решения и использовать ресурсы всего общества, позиционируя себя как особый политический субъект по отношению к основной массе населения и институтам государства. При этом не только важно видеть специфику влияния институциональных взаимосвязей «государства» и «элиты» на их функционирование, но и учитывать властные возможности элит при регулировании пространственно-временных характеристик индивидуального, группового и социетального существования, которые задают границы физического и социального существования других социальных субъектов и самих себя в публичном и частном пространстве: на уровне по-

вседневности, переопределения прошлого, «своего» и «чужого», гражданского состояния, морального порядка, способов приспособления к окружающей среде самих элит. Посредством «проведения границ» в пространстве и во времени элиты осуществляют самоидентификацию и символическую презентацию себя в рамках культурного пространства как часть народа, этноса, нации, обеспечивая легитимацию доминирующего положения (см.: [Дука 2015а: 31–53]).

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ЭЛИТ И ПРАКТИКИ ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Исследование символизации пространственно-временных измерений динамики политических элит весьма насущная и проблемная задача при описании символических ресурсов и их самопрезентаций при принятии политических решений. Социология временных и пространственных границ идентичности элит и проводимой ими политики идентичности предполагает учет специфики сложной взаимосвязи символизации пространства и времени политических общностей. «Социология пространства связана с социологией тела», именно анализ взаимодействия с «телами» других позволяет выявить ограничения на исполняемые социальные роли, иерархии статусных позиций и актуализирует проблему социального контроля, размещенных в малых и больших пространствах («территориях») «тел», социальных акторов (организаций) посредством авторитарного силового воздействия на их движение и коммуникации. В то время как социология времени есть преимущественно социология смысла, смысловых образцов «ожиданий», поскольку идеальное — «не телесно» [Филиппов 2014: 150–159]. Очевидно, что подобные социологические измерения взаимосвязаны, могут противоречиво «налагаться» друг на друга, поскольку пространство как «вместилище», особенно если речь идет о больших территориях, неизбежно обретает смысловую, коммуникативную тематизацию (отличную от видимого, «реального» пространства) и, наоборот, смысл выражается через телесные носители. Из

этих общетеоретических посылок следует, что в реалиях умножения участников коммуникативного процесса и дифференциации сфер коммуникации активность политических элит по контролю над социальным пространством и временем становится все более проблематичной. В условиях растущей социальной мобильности все более проблемным становится поддержание пространственно-временных границ политических общностей и баланса пространственных и темпоральных репрезентаций.

Социальная память проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» (см.: [Луман 2005б: 9, 104, 110]). Социальная память при этом выступает не столько «хранилищем» «воспоминаний о прошлом» или идеологических интерпретаций прошлого в настоящем, а пространством семантического «свертывания» представлений о прошлом в символические фигуры, которые стимулируют возникновение «обосновывающих воспоминаний», что позволяет новые ситуации распознавать, воспринимать как повторение некой «прошлой» ситуации. В работах представителей культурсоциологии эта теоретическая посылка конкретизируется и обосновывается перспективностью понимания культуры как динамичной формы социальной памяти, символические структуры («сети смыслов») которой укорены в повседневных практиках настоящего.

Как полагает автор работы, в таких реалиях на первый план все чаще могут выходить практики символизации социального пространства и времени, ориентирующие политические элиты на антропологические модели солидарности и когнитивные схемы повседневности, тесно связанные с базовыми, часто мифическими в своих основаниях способами кодирования и идентификации национальной памяти. При этом, как уже отмечалось, динамика подобных «предположений» предстает как многослойный процесс социального конструирования и комплекса средств символического производства социальной власти политическими акторами, который порождает сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия.

В реалиях современных политических коммуникаций растет значимость национальной политической памяти по продуцирова-

нию и поддержанию символических «фигураций» повседневности адекватных ее семантической траектории. В условиях быстро меняющихся отношений между прошлым и настоящим, обусловленные взаимосвязью процесса символической борьбы «памятей» в политическом поле и спецификой средств их передачи, жанров и профилей, мифологизация повседневности власти — неотъемлемая составляющая современных политических коммуникаций (см.: [Bottici 2007: 19, 243–248, 259–260, 358]), порождающая многообразие политических мифов (новые «религиозные политические мифы», «научные политические мифы», «исторические политические мифы») и их бренды.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Важным измерением процесса эволюции социальной памяти и ее символической компоненты следует считать выявление роли и социокультурной специфики структур повседневного знания. Повседневность выступает своего рода «плавильным тиглем» («воплощенным знанием»), особым типом знания, обеспечивающим связь «сакральной», «высокой», «официальной», «элитарной» культуры и «профанного» знания и практик, которые в современном обществе приобретают форму массовой культуры и «усредненного общественного мнения» (см.: [Вальденфельс 1991: 39–50; Вальденфельс 1999; Касавин 2010: 6–13]). Повседневность не следует понимать только «календарно», как реестр простых и очевидных для всех типизаций, возникающих в процессе «повторений», а следует осмыслять в конкретно-исторических терминах комплексных форм социальной идентичности, включающих как компоненты рационализации «вещного», так и «воображаемого». Повседневность — это место, где «загадка повторения переходит в теорию становления», поскольку настоящее никогда целиком не может быть «деисторифицировано» в повседневности и постоянно требует «продолжения», «реисторизации» повседневности (см.: [Osborne 1995: 18, 161, 189, 194]). Особенность повседневного знания в том,

что оно «объективируется», интериоризируется посредством специфических форм сигнификации и символизации (см.: [Бергер, Лукман 1995]), связанных с телесно-чувственным существованием человека.

Важным семантическим «механизмом» подобного процесса является мифический нарратив как коммуникативное средство связи практик фонового повседневного знания и категоризации коллективных представлений, когда символы и более абстрактные обоснования прошлого, настоящего и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия социальной действительности посредством символизации событий героического и жертвенного. Практики повседневности всегда сопряжены с символизацией действий социальных элит по легитимации социополитического порядка в целях контроля над коллективным поведением в группах и сообществе в целом. При этом политические мифы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности, являются важным и необходимым звеном как традиционных, так и современных политических коммуникаций в рамках политической памяти. Политический миф вписывает эпизоды повседневной деятельности людей в нарратив драмы коллективного существования. В основе мифической символизации политики лежат «симбиотические символы», выражающие связь политических действий с «телесностью», телесно-чувственную осязаемость и действенностью власти посредством многообразных фигур («героического»). Поэтому политический миф — всегда не только объяснение, но и «практический аргумент». Миф может драматически обосновывать историю существующих политических обществ, отсылая к прошлому, воспринимаясь как «традиция», но он может сакрализировать политические взаимодействия через настоящее или отсылку к будущему, превращаясь в источник социальных трансформаций. Подобное видение динамики повседневности, как уже отмечалось, предполагает выход за рамки традиционной методологии антропологических моделей описания повседневности, политических элит, описывающих ее в контексте историографической и этнографической вещности. Перспективным представляется видение специфики политической

повседневности элит в ее «коммуникативной прагматике», производящей «события», связанной со спецификой мифической символизации их самоидентификации в различных территориальных пространствах и режимах времени.

Символизация повседневности приобретает особое значение в реалиях современных технологий господства, легитимируемых либеральными мифами о глобализации и «денационализации», рационализации и «массовизации» пространства повседневности. В действительности, публичная легитимация индивидуальных свобод и организаций гражданского общества в современных западных медиа, пропаганда суверенности и конкурентности «рациональных граждан», не только не отменяет процессов политического доминирования, а актуализирует установку политических элит на контроль за «менее способными» и «успешными» в распоряжении своей свободой на уровне повседневности. Происходящая «децентрализация» («дисперсия») «права на суверенность» в современных политических практиках («биополитический разброс суверенитета») вызывает к жизни все более изощренные формы элитарного контроля, «государственной опеки» и «дисциплинирования» повседневности (см.: [Nadesan 2008: 17, 57, 186]), что ведет к актуализации мифопрактик власти в пространстве повседневности. Повсеместно можно наблюдать тотальную политизацию повседневности и использование повседневных репрезентаций массового общества для политической самолегитимации новых социальных элит. Это перманентное обновление представлений акторов о способах символического конструирования политического прошлого и умножение их самих в виде дисперсных общностей, ведет к продуцированию мифического контента в виде динамики многообразных региональных и национальных брендов. Успешный в процессе групповой идентификации бренд как репутационно-имиджевый концепт «всегда содержит волшебную историю и выступает в качестве магического артефакта», обладание которым способно реализовать ожидания, что превращает его в социальный миф, средством осмысления и ориентации в группе (см.: [Тульчинский 2013: 12–37]. Современные бренды, широко используемые в символических репрезента-

циях современных политических элит, наряду с прагматическими функциями часто выполняют функции социального мифа, а брендинг — символической технологии мифотворчества новой повседневности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе обозначенных эпистемологических экспликаций можно сделать несколько принципиальных, по мнению автора статьи, выводов в связи со спецификой символической активности современных политических элит.

Принятие элитами решений по поводу того, какие факты считать значимыми или незначимыми, какие политические мифы и идеологемы признавать очевидными — неотъемлемый и естественный атрибут коммуникативных взаимодействий политических элит. В современных коммуникативных реалиях, когда социальное конструирование политических событий напоминает непредсказуемый «смысловой бриколаж», на первый план в активности политических элит все чаще выходят коммуникативные практики политической мифологизации, связанные со спецификой презентации «политической телесности», эмоционально-чувственного восприятия политики в рамках тех или иных представлений о солидарном существовании, что выступает важным измерением и семантическим катализатором активности и взаимодействия политических элит. В современном, при первом приближении, весьма рационализированном в аспекте коммуникативных технологий обществе, политические движения и сопутствующие их активности когнитивные процессы интенсивно конвертируют информацию в эмоционально-чувственные презентации, порождая символическую инфляцию. Важным звеном подобного процесса является политический мифический нарратив как семантическое средство связи идеологических обоснований и практик фонового повседневного знания, когда идеологические символы и обоснования прошлого и будущего дополняются интенсивной символизацией телесно-чувственного восприятия политического, посредством символизации событий героического и жертвенного.

Распространение новых медиатехнологий и биополитики существенно расширяет возможности для актуализации мифического нарратива, нередко делая его воздействие более универсальным посредством семантики «виктимизации».

Доминирующие ныне формы универсализации коммуникаций («глобализация») ведут к тому, что локальность, основой которого являются структуры повседневности, в отличие от прошлых времен, становится все менее естественной и все более сконструированной. Повседневное в наши дни все чаще является не порождением жизненных состояний, переживаний коллективных субъектов важных для культивирования более сложных форм солидарности, а становится «фабрикацией самоочевидного и близкого через локализацию неизвестного и далекого (см.: [Филиппов 2015: 144]). Легитимация «глобальными» властными элитами, «бездомными» и асинхронными в темпорально-пространственном измерении, своего политического доминирования принципиально меняет динамику символических форм повседневности. Символические практики легитимации власти на национальном уровне все более утрачивают функцию стабилизации и отбора, «оповседневнивания» жизненно необходимых для политического позиционирования «новаций». Проблема перманентной деконструкции форм повседневности в результате символической экспансии стандартов массового общества, на которые ориентируются дисперсные властные элиты, более чем актуальна для современной России, постоянно сталкивающейся с рисками разрушения этнополитического пространства и давления глобализирующихся массмедиа.

Таким образом, «тропа зависимости» политических элит от динамики символических структур политической памяти, сопряженная с попытками их радикального переформатирования, в процессе реализуемой элитами символической политики, стимулирует появления все новых маргинальных, ситуативных хронотопов жизнедеятельности и растущую конфронтацию идентификационных символических кодов политических сообществ. Активизация маргинальных политических нарративов в символических структурах современной политической памяти стимулируют властные элиты к символической легитимации пороговых насильственных стратегий и практик принятия политических решений.

Литература и источники

Александр Д.С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО — Университет. 2009. № 1. С. 62–72.

Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.

Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 378–389.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: ПроPILEI, 1999.

Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

Касавин И.Т. Повседневность: сакральное и профанное // Мир русского слова № 2. 2010. С. 6–13.

Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М. 2013.

Касавин И.Т. Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 63–73.

Дука А.В. Основания функционирования властных элит // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. Вып. 2. СПб.: Интер социс, 2015а. С. 14–73.

Дука А.В. Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015б. Т. XVIII, № 4 (81). С. 5–43.

Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратов. М.: Логос. 2006.

Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005а.

Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005б.

Луман Н.Л. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос. 2004.

Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего. 2011.

Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: филол. ф-т СПбГУ; ф-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2013.

Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Филиппов А.Ф. Sociologia: наблюдения, опыт, перспективы. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. I. С. 138–171.

Филиппов А.Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы / под общ. ред. С.П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015. Т. 2.

Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

Alexander J.C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance // Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / ed. by J.C. Alexander, B. Giesen, J.L. Mast. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.

Bottici C. A *Philosophy of Political Myth*. New York: Cambridge University Press, 2007.

Deephouse D. L., Suchman M. Legitimacy in Organizational // The SAGE handbook of organizational institutionalism / ed. by R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; L.: SAGE, 2008. P.49 –77.

Meyer J. W. Reflections on Institutional Theories of Organizations // The SAGE handbook of organizational institutionalism / ed. by R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; L.: SAGE, 2008. P.788–809.

Nadesan M. Governmentality, biopower, and everyday life. N.Y.: Routledge, 2008.

Osborne P. The politics of time: modernity & avant-garde. L.; N.Y.: Verso, 1995.

SYMBOLIC DIMENSIONS OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF CONTEMPORARY POLITICAL ELITES

K. Zavershinskiy

Abstract. *The article discusses the significance of the epistemology of the study of the sociocultural dynamics of political elites. The author believes that the dominance of positivistic research strategies in the studies of the sociocultural dynamics of political elites only partially reflects the qualitative changes in modern political communications. According to the author, research strategies of sociological neo-institutionalism and cultural sociology, which interpret the sociocultural dynamics of political actors from the standpoint of the dynamics of symbolization of meaning structures, are more promising. The study of the symbolization of the space-temporal dimensions of the political identification of elites makes possible to reflect more adequately the dynamics of modern political communications. An important direction of the study of the political memory of modern elites is the study of the practices of symbolizing political everyday life, in which the political myth and political branding play the crucial role. The author emphasizes the importance of description and theoretical analysis of the role of new political myths and symbols which are present in modern political memory. Using the methodology of cultural sociological analysis as an epistemological basis, the author proposes a new theoretical approach to the study of the sociocultural dynamics of political elites.*

Keywords: *political elites, political communications, epistemology of the study, cultural sociology, political memory*

References

Alexander J.C. *The meanings of social life: a cultural sociology*. New York: Oxford University Press, 2003.

Alexander J.C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy. In: *Social Performance, Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Ed. by J.C. Alexander, B. Giesen, J.L. Mast. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2006, pp. 29–89.

Aleksander D.S. Demokraticeskaya bor`ba za vlast': prezidentskaya kampaniya v SShA 2008 goda [Democratic Struggle for Power: 2008 US Presidential Campaign], *Vestnik MGIMO — Universitet* [Bulletin of the Moscow State Institute of the International Relations — University], 2009, 1, pp. 62–72. (In Russian).

Aleksander D. Kul`turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity], *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2012, 3, pp. 6–40. (In Russian).

Arendt H. *Mezhdú proshly`m i budushhim. Vosem` uprazhnenij v politicheskoy mysli* [Between the past and the future. Eight exercises in political thought]. Moscow: Gaydar Institute Publ., 2014, pp.378–389. (In Russian)

Berger P., Lukman T. *Social`noe konstruirovaniye real`nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. (In Russian).

Bottici C. *A Philosophy of Political Myth*. New York: Cambridge University Press, 2007.

Deephouse D. L., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism. In: *The SAGE handbook of organizational institutionalism*. Ed. by R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; London: SAGE, 2008, pp. 49–77.

Duka A.V. Osnovaniya funkcionirovaniya vlastnyh elit [Basis for the functioning of power elites], *Vlast` i elity* [Power and Elites]. Ed. by A.V. Duka. Vol. 2. St. Petersburg, 2015a, pp. 14–73. (In Russian).

Duka A. V. Variantnost` sociologii elit [Variation of sociology of elites], *Zhurnal sociologii i social`noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015b, 18 (4), pp. 5–43. (In Russian).

Filippov A.F. Elementarnaya sociologiya prostranstva [Elementary sociology of space]. In: Filippov A.F. *Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy* [Sociology: observations, experiences, perspectives], vol. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal`, 2014, pp. 138–171. (In Russian).

Filippov A. F. *Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy* [Sociologia: observations, experiences, perspectives] St. Petersburg: Vladimir Dal`, 2015, vol. 2. (In Russian).

Kasavin I. T. Kritika gruppovyh ubezhdeniy: diskussiya s Dzhennifer Leky [Criticism of group beliefs: discussion with Jennifer Lackey], *E`pistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2016, 50 (4), pp. 63–73. (In Russian).

Kasavin I.T. Povsednevnost`: sakral`noe i profannoe [Everyday life: sacred and profane], *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2010, 2, pp. 6–13. (In Russian).

Kasavin I.T. *Social'naya epistemologiya. Fundamental'nye i prikladnye problemy* [Social epistemology. Fundamental and applied problems]. Moscow: Al'fa-M. 2013. (In Russian).

Luman N. *Differenciaciya* [Differentiation]. Transl. from German by A. Antonovskiy. Moscow: Logos, 2006. (In Russian).

Luman N. *Evolyuciya* [Evolution]. Moscow: Logos, 2005b. (In Russian).

Luman N. L. *Obshchestvo kak social'naya sistema* [Society as a social system]. Transl. from German by A. Antonovskiy. Moscow: Logos, 2004. (In Russian).

Luman N. *Real'nost' massmedia* [Mass media reality]. Transl. from German by A. Antonovskiy. Moscow: Praxis, 2005a. (In Russian).

Meyer J.W. Reflections on Institutional Theories of Organizations. In: *The SAGE handbook of organizational institutionalism*. Ed. by R. Greenwood, R. Suddaby, K. Sahlin. Los Angeles; London: SAGE, 2008, pp.788–809.

Pareto V. *Transformaciya demokratii* [Transformation of democracy]. Transl. from Italian by M. Yusim. Moscow: Territoriya budushhego, 2011. (In Russian).

Tul'chinskiy G.L. *Total Branding: mifodizajn postinformacionnogo obshchestva. Brendy i ih rol' v sovremennom biznese i kul'ture* [Total Branding: the post-information society myth design. Brands and their role in modern business and culture]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2013. (In Russian).

Osborne P. *The politics of time: modernity & avant-garde*. London; New York: Verso, 1995.

Nadesan M. *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge, 2008.

Val'denfel's B. *Motiv chuzhogo* [Motive of stranger]. Minsk: Propilei, 1999. (In Russian).

Val'denfel's B. *Povsednevnost' kak plavil'ny tigl' ratsional'nosti* [Everyday life as a melting crucible of rationality]. In: *SOCIO-LOGOS*. Moscow: Progress, 1991, pp. 39–50. (In Russian).

ЭЛИТЫ И ОБРАЗОВАНИЕ: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В.А. Гуторов

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.17>

Аннотация. Цель статьи — выделить и обсудить некоторые тенденции современных дискуссий относительно теоретических принципов и парадигм формирования элитарных моделей образования в современных западных странах. Одна из особенностей современного научного дискурса состоит в том, что взаимосвязь концепций элитарной политики с теоретическими проблемами образования, хорошо просматривающаяся в историческом плане и прочно зафиксированная в политической философии, далеко не всегда становится объектом внимания ученых. До недавнего времени ученые и политики редко обращали внимание на проблему, каким образом влиятельные социальные группы обеспечивают себе институциональные и практические преимущества в сфере образования. Отсутствие у специалистов в области образования сколько-нибудь ярко выраженного интереса к проблемам социального неравенства было характерно как для западной, так и для отечественной политической науки, в особенности в тех ее сегментах, которые были связаны с различными вопросами «перехода к демократии» бывших социалистических стран. Существенным обстоятельством является тот очевидный факт, что большинство размышлений на тему элит и образования, по крайней мере со второй половины XX в. и вплоть до наших дней, отмечены чертами глубокого скепсиса в отношении возможностей политических лидеров и общественных институтов осуществлять реформы в образовательной сфере. Причины скепсиса ученых и политических аналитиков многообразны и постоянно варьируются в зависимости от их философских, этических и «культурологических» предпочтений. Например, вплоть до наших дней продолжается острая дискуссия о преимуществах демократической и элитарной моделей образования, в рамках которой идеологические предпочтения явно преобладают над научными соображениями и доводами. В целом можно утверждать, что элитарные

тенденции в образовательной политике, своеобразно проявляясь в различных культурах, как западных, так и восточных, постоянно демонстрируют наличие в них не только общих элементов, но и общих закономерностей развития. Такая тенденция особенно заметна и в тех странах, в которых (например, в Японии) система образования в послевоенный период была скопирована с североамериканской модели.

Ключевые слова: элиты, образование, политика, демократия, капитализм, государство, дисциплинарное воспитание, рациональность, автономия, либерализм, социализм, консерватизм, ценности, индоктринация, этика, иерархия.

Цель работы состоит не в том, чтобы перевернуть современные представления и теоретические конструкции, связывающие проблему элит с актуальными аспектами образовательной политики. Моя задача гораздо скромнее — выделить и обсудить лишь некоторые тенденции современных дискуссий, которые мне лично представляются наиболее важными, и представить собственные соображения относительно их характера и направленности.

Одна из особенностей современного научного дискурса состоит в том, что взаимосвязь концепций элитарной политики с теоретическими проблемами образования, хорошо просматривающаяся в историческом плане и прочно зафиксированная в политической философии, далеко не всегда становится объектом внимания ученых. Причин для этого немало. На одну из них (на мой взгляд, самую главную), в начале XXI в. обратил внимание Кевин Б. Смит в работе «Идеология образования»: «Заслуживает прощения любой, кто, просматривая академическую литературу по образовательной политике, придет к выводу о том, что, как утверждает Питер Де Леон, “политические науки, помимо всего прочего, становятся и вполне законным орудием групп интересов”. Эти исследования рутинно используются как корпоративное оружие в спорах вокруг образовательной политики. Сторонники левых и правых партий постоянно ворчат о том, что академические ученые слишком часто являются сверхреволюционными поставщиками политической амуниции, позволяя идеологическим предпочтениям козырять перед добротной научной практикой. <...> Проблема со-

стоит в том, что в такой сфере политики, как образовательные реформы, групповая приверженность и идеология охотно берут на вооружение продукты научного исследования, когда это соответствует их целям. Арена споров оставляет совсем немного места для нейтральных доводов даже у чистых эмпириков, скрупулезно применяющих свои наилучшим образом выверенные теоретические и методологические практики. Неудобный факт выражается в том, что образовательная реформа является и всегда была чисто политической борьбой вокруг того, кто и каким образом приобретает право определять, что мы должны делать» [Smith 2003: XI–XII].

Еще в конце XX — начале XXI в. один из наиболее примечательных моментов современного политического дискурса состоял в том, что ученые и политики редко обращали внимание на проблему, каким образом влиятельные социальные группы обеспечивают себе институциональные и практические преимущества в сфере образования. Массмедиа, как правило, также проявляли крайнюю «тактичность» и сдержанность в этом плане. Отсутствие у специалистов в области образования сколько-нибудь ярко выраженного интереса к проблемам социального неравенства было характерно как для западной, так и для отечественной политической науки, в особенности в тех ее сегментах, которые были связаны с различными вопросами «перехода к демократии» бывших социалистических стран (см., напр.: [Elites and Democratic Development in Russia 2008: 142–145]). Анализ психологических и социологических аспектов такого рода «перепадов внимания» — дело будущего. На данный момент следует отметить, что подобная ситуация в науке наблюдалась далеко не всегда. Так, в 1950-е годы Ч.Р. Миллс отмечал, что элитные школы являются «наиболее важной структурой для передачи по наследству высших социальных классов и регулирования допуска к новому богатству» [Mills 1956: 64–65]. Основываясь на анализе Миллса, Питер Куксон и Каролин Перселл в середине 1980-х стали проводить исследование большого количества закрытых учебных заведений (boarding schools) и пришли к аналогичным заключениям. Они фокусировали внимание на том, как именно элитные школы воспроизводят элитарный класс в порядке наследования власти и привилегий. В частности, они доказывали,

что комбинация «философий, программ и стилей жизни» представляет собой своеобразный «ритуал», дающий учащимся «право прохода» (rite of passage), но одновременно лишаящий их ощущения самих себя и тем самым способствующий развитию различных форм приверженности по отношению к другим представителям элиты (см.: [Cookson, Persell 1985: 4]). В наши дни обозначенная выше традиция социологического анализа постепенно восстанавливается и имеет хорошие шансы вновь занять достойное место в междисциплинарных исследованиях (см., напр.: [Courtois 2018]).

В теоретическом плане хороший пример комплексного анализа взаимосвязи проблем элитарной и образовательной политики представляют статьи, написанные Роджером Скратоном в *The Palgrave Macmillan Dictionary of Political Thought*, третье издание которого вышло в свет в 2007 г. В целях экономии времени имеет смысл, процитировав небольшую словарную статью почти целиком, ограничиться теми определениями, которые представлены в данном издании.

Образование — это «процесс, посредством которого обучаются рациональные существа и через который они приобретают верования, эмоции и ценности, имеющие отношение к культуре. Может ли государство находиться в стороне от этого процесса или с безразличием наблюдать за его результатом? Этот вопрос, исследованный Платоном с огромной силой и искусством, продолжал занимать мысль и практическую деятельность философов и политиков и теперь повсеместно связывается с различными видами политического выбора. Определение “образования” — предмет нелегкий. В настоящее время оно рассматривается в нормальном случае как более формальная и структурированная часть социализации и именно так и определяется Дюркгеймом: “Образование состоит из методологической социализации молодого поколения” <...> Однако что отличает образование от дисциплинарного воспитания (training) или, например, целенаправленной подготовки (conditioning)? Согласно одному предположению, образование существенным образом рассматривает личность как свою [непосредственную] цель, в то время как дрессировка и тренировка могут быть направлены и на (внеличностных) животных. Такой взгляд

означает, что образование должно демонстрировать понимание и уважение к личности того, кто его получает. Те философии, которые связывают идеи личности и рациональности, будут следующим образом трактовать данное соображение:

(i) в процессе образования рациональность тех, кто его получает, предполагается заранее. Например, им предоставляются *основания* для того, чтобы верить, делать или ощущать какие-либо вещи. Их не подвергают манипуляциям и не вбивают (*bludgeoned*) в некое конечное состояние бездумного восприятия учения;

(ii) образование принимает во внимание автономию тех, кто его получает. Они рассматриваются как существа, ответственные за собственные поступки и суждения и поощряются к тому, чтобы рассматривать себя именно таким образом.

Ясно, что основательность обоих доводов (i и ii) зависит от и проблемы степени: необходимо предполагать, что на ранних стадиях образования рациональность и автономия ученика находятся еще в зачаточном состоянии. Но главный политический вопрос, который возникает из любого подобного определения, состоит в следующем: действительно ли мы нуждаемся в автономных школах, чтобы создавать автономных индивидов? Консервативные и классические либералы говорят *да*, социалисты и либералы североамериканского образца (*US-style liberals*) говорят *нет*.

Обычно полагают, что массовая индоктринация разрушает оба обозначенных выше условия и в США это подается в качестве аргумента в пользу *лишения* государственной поддержки тех школ, которые практикуют индоктринацию (специфически религиозную индоктринацию), на том основании, что государство имеет обязательство обеспечивать образование и тем самым поощрять толерантность, опираясь на него.

Социалисты в своей аргументации настаивают на том, что автономия школ означает гегемонию класса. Лучшие учителя тяготеют к более дорогим школам, родители и учителя вступают в заговор с целью придать элитистский характер школе и учебному плану. <...> Консерваторы подчеркивают, что данный аргумент, даже если признать его основательным, является неуместным, поскольку вопрос касается образовательных ценностей, а также того,

как их обезопасить. Социалисты, отвечают они, ставят социальную инженерию выше образования; осуществляя это, они неизбежно потворствуют отуплению (the dunning down) учебного плана и всеобщему упадку знания.

Что такое образовательные ценности и что *должно* преподаваться в школах? Платон и Аристотель доказывают, что добродетель является главной целью образования; более поздние мыслители расширяли идею добродетели, включая в нее риторику, и такой взгляд обернулся апологией гуманитарного образования у таких мыслителей девятнадцатого века, как Арнольд и Д.С. Милль. Их критикам казалось, что все подобные идеи содержат в себе элемент элитизма. Аргументы относительно того, каким образом школы должны финансироваться и должны ли родители иметь право выбора в том, как обучать своих детей, часто вращаются вокруг этого пункта. Право выбора, которое распространяется только на один класс, часто рассматривается исключительно в плане расширения власти, опираясь на которую этот класс контролирует остальные. Отсюда яростная и длительная борьба вокруг школьного образования и роли государства в контроле над ним и его навязывании. Политические вопросы — когда и сколь продолжительно дети обязаны посещать школу, должно ли это посещение быть принудительным — также связаны с природой и ценностью образования.

На практике “возраст расставания со школой” определялся в соответствии с двумя интуициями: а) дети должны оставаться в школе до тех пор, пока они не выучат все, что необходимо для ответственного автономного существования; б) они должны содержаться в школе ровно столько, пока считаются социальной помехой в любом другом месте. Часто пытаются доказывать, что обе эти цели гораздо лучше будут выполнены не в школе, а при обучении [какому-нибудь] ремеслу. Радикальное понижение уровня грамотности и умения считать среди детей, бросивших государственные школы, недавно повсеместно наблюдалось на Западе. Консерваторы часто приписывают такой уход из школы неэффективности и коррупции в государственных учреждениях. Другие ссылаются на изменение способов социализации детей и особенно на негативное

воздействие телевидения на их умственное развитие» [Scruton 2007: 200–201].

К приведенным выше дефинициям образования тесно примыкают трактовки понятия «элита», которые Скратон вполне намеренно использует в предельно общем, но вполне определенном плане. Элита — это «буквально те, кто был избран. В целом данный термин обозначает класс людей внутри общества, которые имеют возможность рассматривать себя именно как избранных — другими или по природе, для того чтобы руководить или править. Некоторые [ученые] придерживаются более специализированного понимания и проводят различие между правлением элиты, т.е. группы, *предназначенной* для этой цели, например правящей партии, и правлением господствующего класса, которой приобретает свои полномочия на основании права давности (неписаного закона). <...> В более общем плане этот термин используется в отношении любой группы людей, действующих сообща — сознательно или нет, с целью удержания общих социальных и/или политических привилегированных позиций» [Scruton 2007: 205].

Такое «поливекторное» определение Скратоном понятия «элита», на наш взгляд, довольно тесно связано и с современными дискуссиями вокруг различных проблем образовательной политики, включая проблему лидерства в образовании. Английский философ, безусловно, не мог обойти вниманием и тот немаловажный факт, что большинство размышлений на тему элит и образования, по крайней мере со второй половины XX в. и вплоть до наших дней, отмечены чертами глубокого скепсиса в отношении возможностей политических лидеров и общественных институтов осуществлять реформы в образовательной сфере. Причины скепсиса ученых и политических аналитиков многообразны и постоянно варьируются в зависимости от их философских, этических и «культурологических» предпочтений. Так, еще в 1989 г. в своем предисловии к содержательному сборнику статей «Лидерство в образовании: критические перспективы» его редактор Джон Смит отмечал: «Если мы должны найти наиболее привлекательное, соблазнительное (даже магнетическое) слово в языке образования, чтобы высветить коллективное воображение аналитиков в области образо-

вательной политики, то мы не стали бы особенно торопиться и проходить мимо понятие “лидерство”. В своей материализованной форме термин “лидерство” обладает всеми свойствами, на которые немедленно обратят внимание те, кто стремится найти способ излечения того, что считается скверным в школах западных демократий. <...> Традиционная мудрость гласит: если мы сможем заставить руководителей школ обратить внимание на исследования, посвященные школьной эффективности, и выступать в роли фантастических стражей, которыми они, как предполагается, обязаны быть, тогда школы воспрянут из кризиса компетентности, образовательные стандарты повысятся, рассеются проблемы со школьной дисциплиной и школы вновь станут эффективным орудием социального, экономического и военного восстановления. Проблема с аргументацией и анализом подобного типа состоит в том, что в его рамках смешиваются две вещи: упадок публичного доверия относительно эффективности школ и гораздо более фундаментальный кризис доверия относительно роли государства в западных демократиях. По крайней мере в общественном сознании эти две вещи продолжают упрямо соединяться странным образом, заставляющим предполагать, что растущее недоверие и сопутствующий ему упадок веры в государство почему-то вызваны бессилием образования и, в частности, школ, улучшить качество индивидуальной и коллективной жизни» [Critical Perspectives on Educational Leadership 1989: 1–2].

Если вернуться к проблематике, обозначенной в названии, то в общетеоретическом плане характер теоретических дискуссий, развернувшихся в последние десятилетия, затрагивает и следующие принципиально важные вопросы:

1. Является ли элитарная тенденция в образовании системным свойством этой сферы жизнедеятельности или же она — лишь спонтанная производная от общей тенденции к иерархизации, характерной для любой культуры?

2. Какую роль в развитии этих тенденций играет политика? Представляется ли она только их произвольной «пособницей» или же, наоборот, важнейшим средством поиска демократических альтернатив элитарным иерархическим порядкам?

Сторонником элитарного подхода в наши дни, безусловно, можно считать Петера Слотердайка. Так, в третьем томе своего монументального труда «Сферы» он пишет: «Одной из самых общих характеристик человеческого острова является достаточно раннее деление его обитателей на тех, кто глубоко затронут напряжениями истины, и тех, кто стремится избегать когнитивных стрессовых ситуаций. Из этого деления развивается почти универсальная дифференциация групп на экспертов, оказывающихся лично связанными с тяжело дающимися истинами благодаря тому, что они, отчасти на свой страх и риск, отчасти рядясь в одежды магов или ученых, накапливают знание о скрытом, прошлом и будущем, и на профанов, которые способны довольствоваться очевидностями первого порядка, коллективно накопленными опытом и мнениями, то есть идолами рода. К первым относятся такие фигуры, как шаманы, жрецы, пророки, провидцы, писцы, философы и ученые; ко вторым — рядовые члены племени, неграмотные, пациенты, верующие, эмпирики, неспециалисты, читатели газет и зрители телевизионных ток-шоу. Нет такого “общества”, такого “народа”, такой “культуры”, которые по крайней мере в зачатках развили бы в себе черты своего рода двухпалатной системы доступа к истине. Ее первым элементом является, так сказать, *House of Common Knowledge* с обычными знающими в качестве членов, вторым — *House of Cognitive Lords*, где заседают более знающие, маги, эксперты и профессора. С момента возникновения так называемых высоко развитых культур этот порядок воплощался в институтах, служивших для проведения различия между знающими и профанами как между двумя народами внутри одной и той же популяции. Среди прочего, это объясняется тем обстоятельством, что высокоразвитая и письменная культуры во многих отношениях синонимы. В первые три тысячелетия существования искусства письменности монополия немногих на письмо и неграмотность большинства воспринимались как вечные константы. После распространения всеобщей грамотности культуры, как и искусства, вновь разделяются на *high* и *low*. Еще на заре европейского Нового времени, когда Фрэнсис Бэкон сформулировал программу пытливого и прогрессивного “общества”, был заложен памятник алетотопической дихо-

томии: в образцовом государстве “Новой Атлантиды” также имеется верхняя палата знания, элитарный университет, посвященный чистому прогрессу и именуемый Домом Соломона; члены этой палаты, словно рыцари некоего когнитивного ордена, обязаны хранить полнейшее молчание в отношении не подлежащих обнародованию знаний. В этих условиях доступ к менее доступным истинам становится уделом экспертов, более того, экспертное сообщество агрессивно отделяет себя от коммуны обычных знающих и учреждает своеобразную аристократию. Высокомерие пишущих — один из важнейших фактов истории цивилизации. Оно заходит настолько далеко, что некоторые империи мысленно устанавливали антропологическое различие, отделяющее знающих от простых смертных почти столь же резко, как видовое различие отделяет человека от высших животных» [Слотердаик 2010: 436–437].

Следует отметить, что аналогичный подход к проблеме элитарных оснований знания и образования был характерен уже для самых ранних философских дискуссий, развернувшихся в Древней Греции между представителями различных философских школ. Роджер Скратон, по праву считающийся живым классиком и продолжателем мировой консервативной традиции, конечно, неслучайно несколько раз упоминает в статье о современных проблемах образования имена Платона и Аристотеля. Конечно, впервые фиксация на теоретическом уровне взаимосвязи политики и образования обнаруживает себя в уникальной по своим масштабам и культурно-политическим последствиям деятельности политического союза, созданного Пифагором в Кротоне в конце VI в. до н.э. (см. подробнее: [Гуторов 1989: 100–126]). Но приоритет в разработке парадигмальной основы европейской философии образования принадлежит Платону и Аристотелю. Именно Аристотель впервые сформулировал классический принцип «чистой политики», отождествляя ее с идеей ротации. Реализация принципа «чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся» должна обеспечить в конечном итоге создание условий, когда граждане, получившие общее образование, будут принимать участие в принятии решений «не в меньшей мере», чем эксперты [Arist. Pol. III 11, 3 1287a 16–20].

О том, что аристотелевский принцип ротации вплоть до наших дней принимается в качестве основы европейской традиции демократической политики и образования, свидетельствует следующее рассуждение Мортимера Адлера, одного из ведущих западных теоретиков образования: «Ни одной другой форме правления нельзя отдавать предпочтения перед демократией из-за [ее] недостатков, поскольку все другие формы правления подвержены тем же самым слабостям, в то время как лекарства для них могут быть найдены в политической демократии. Лекарством от некомпетентности правителей при политической демократии является образование людей с целью выполнения ими своих обязанностей в качестве граждан и в качестве должностных лиц. <...> Постепенное предоставление всем равного доступа к школьному образованию и достаточное количество времени для досуга и обучения в зрелые годы будет также способствовать тому, что каждое воспитанное человеческое существо (все, за исключением неизлечимо слабоумных и больных) станет образованным до такой степени, когда он или она смогут быть настолько же хорошими гражданами, чтобы также разумно использовать его или ее право голоса, как и всякий прочий» [Adler 1991:120–121].

Возникает естественный вопрос, насколько формулировки Адлера, ведущего современного теоретика демократического образования, соответствуют исходным интенциям аристотелевской концепции образования, включая принцип ротации? Следует сразу отметить, что, хотя в III, IV, V и других книгах «Политики» можно встретить пассажи, свидетельствующие о том, что Стагирит исходя из общей исторической ситуации, сложившейся в греческом мире после походов Александра Македонского, склонен смягчать свои довольно резкие антидемократические выводы (см.: [Гуторов 1989: 192–193]), такая позиция никак не может противоречить выводам многих специалистов о том, что его концепция образования в целом выглядит и действительно является сугубо элитарной. Далеко не случайно, на наш взгляд, крупнейший французский антиковед Ришар Бодену счел необходимым написать специальную большую работу «Политические измерения аристотелевской этики» (1982).

В предисловии к ней он, в частности, отмечает: «Мое исследование, которое я публикую, никоим образом не связано с подходом, который слишком быстро уступает господствующим вкусам. <...> Это [соображение] заставило меня подвергнуть тщательному исследованию проблему единства цели, которая ясно определяет разработку [проблем] в обеих *Этиках* и в *Политике*. Этот вопрос, в сущности, еще не представляется ясным, если ограничиться утверждением, согласно которому обе серии текстов написаны исходя из одной и той же теоретической перспективы, [т.е.] перспективы, пригодной для объяснения человеческих дел: одна серия описывает правила этического кодекса для индивидов, другая же серия принципов предназначена для описания организации [политических] сообществ. Именно по этому пункту необходимо бросить вызов слишком долгой традиции недопонимания. <...> Интересующие нас работы Аристотеля были предметом политического учения, которое философ предназначал в первую очередь для законодателя (номотетес). Аристотель обозначает этим термином не хорошо известную фигуру магистрата из афинской конституции, но [индивида], обозначаемого французским словом *legislateure* в его коллективном смысле. [Речь идет] об индивидах, которым политические сообщества доверяют решение наиважнейшей задачи определения [формулирования] принудительных норм, относящихся к благу, и которые потенциально включают в себя всех взрослых граждан в городе, [т.е. тех из них], которые отвечают пожеланиям философа. Такая интерпретация, пожалуй, удивит тех, кто привык рассматривать две работы Аристотеля, названные *Этиками*, в особенности наиболее известную из них — *Никомахову этику*, как выражение строго независимой науки, предназначенной для того, чтобы научить каждого индивида [понимать] цели его морального действия и, следовательно, как первое историческое проявление индивидуалистического духа, который [само]утверждает себя вопреки политике. Однако любой сразу заметит, что моя интерпретация (exegesis) принимает всерьез собственные заявления философа во введении к Никомаховой этике, поскольку он ясно описывает свое исследование как “политическое исследование” (I 1. 1094b11). Когда он (Аристотель. — В.Г.) в дальнейшем

разъясняет для того, “кто пожелает выслушать рассуждение по политическим вопросам” (I 2. 1095b5–6), правила, которые П. Рикёр так удачно назвал “самой наукой о рассуждении”, Аристотель решительно исключает всех молодых людей из своей аудитории — “молодой человек”, говорит он, “является неподходящим слушателем в области политики” (I 1. 1095a2–3), поскольку ему еще недостает опыта и он еще не довершил свое образование» [Bodeus 1993: 3–4].

Мнение Ришара Бодёу разделяет и такой крупнейший специалист по философии Аристотеля, как Карнес Лорд. Как известно, для Аристотеля не существовала проблема «образования взрослых» в современном ее понимании. В VII книге «Политики» он отмечает, что проблема различия управляющих и управляемых внутри гражданского коллектива решается самой природой: более старшие по возрасту граждане естественно предназначены для управления, более младшие по природе должны быть управляемыми. В определенном смысле правители и управляемые одновременно и тождественны, и различны. Соответственно «образование также должно быть в определенном смысле тождественным и в определенном смысле различным, поскольку они говорят, что тот, кто должен управлять, сначала должен быть под началом кого-то» [Arist. Pol. VII, 1332b 41 — 1333a 3]. Как утверждает К. Лорд в работе «Образование и культура в политической мысли Аристотеля», философ очевидно полагал, что обучение искусству управлять и быть управляемым разделяется на две отчетливые фазы, но вряд ли он считал, что существует специальное обучение тому, как управлять, которое жестко отделено от усвоения искусства находиться в подчинении. «Аристотель говорит просто об “образовании”, и ему нечего в дальнейшем сказать относительно специального обучения такого рода. Обучение тому, как управлять и быть управляемым, должно восприниматься как часть или как побочный эффект образования в целом, то есть образования, относящегося к “моральному благу” или добродетели. <...> С определенной точки зрения, возможно отождествлять действия, вытекающие из моральной и политической добродетели, с главным содержанием приятного досуга класса благородных людей (*kaloi kagathoi*), того

класса, который, по Аристотелю, предназначен для формирования гражданского коллектива при наилучшем государственном устройстве» [Lord 1982: 37–38, 180; см. также: 51 sq., 137].

Нельзя забывать и о том, что, постоянно подчеркивая элитарный характер образования и воспитания, Аристотель развивал идеи своего учителя Платона, которые очень пластично сформулировал, и выразил следующую общую тенденцию античного «просвещенного консерватизма»: цель образования — формирование политической элиты с помощью специальных технологий, позволяющих в конечном итоге осуществлять «социальную селекцию» именно в данном направлении. Основная масса населения при этом довольствуется лишь системой общих предписаний, требующих от него безоговорочного повиновения, а точнее — нахождения в рабстве у «лучших людей», обладающих «божественным господствующим началом», основанном на «мудрости» и «мужестве» (Resp., IX, 590d) (см. подробнее: [Гуторов, 1989: 161]). В свое время Эрик Хэвелок весьма обстоятельно обосновал тезис, согласно которому Платон вполне сознательно противопоставлял свою воспитательную программу уже сложившимся в Элладе классическим традициям образования (см.: [Havelock 1963: 13–15]). Именно поэтому в первом платоновском идеальном государстве взрослые производители непосредственных материальных благ «получают только подготовку и образование, которые требуются, во-первых, для уменьшения их излишних appetitов таким образом, чтобы они не угрожали стабильности в Каллиполисе... во-вторых, чтобы гарантировать оптимальное удовлетворение их собственных необходимых потребностей, и в-третьих, добиться того, чтобы ничего в их образе жизни не способствовало развращению стражей» [Reeve 2006: 190–191; см. также: 208–213; Schofield 2006: 137–141]. Говоря современным языком, речь идет об элементарных формах образования, открывающих представителям «третьего сословия» возможность найти каждому свое место на специализированном рынке труда.

На протяжении всего XX в. и вплоть до наших дней продолжается острая дискуссия о преимуществах демократической и элитарной моделей образования, в рамках которой идеологические

предпочтения явно преобладают над научными соображениями и доводами. Так, Петер Слотердайк, комментируя труды Арнольда Гелена, «ученого, которому обычно дают не слишком объясняющую суть дела характеристику, называя самым блестящим — до Никласа Лумана — из признанных консерваторов XX столетия» [Слотердайк 2010: 713], отмечает, что в наши дни «аналитический аппарат зрелой современности самым недвусмысленным образом был поставлен на службу консервативным настроениям и убеждениям, враждебным облегчению человеческой жизни» [Там же: 713].

Этим настроениям способствует и характерное для нашего времени всеобщее разочарование в демократической мифологии. Мифологическая оболочка демократических институтов сама по себе свидетельство преобладания авторитарных стереотипов в общественном сознании и психологии. Следовательно, «современная демократия — это есть, по сути дела, попытка обуздать авторитаризм в области политики» [Крамер, Олстед 2002: 26]. Такого рода попытка вряд ли может быть реализована исключительно с помощью механизмов рационального убеждения с опорой на правовые институты. Позиция Крамера и Олстеда во многом перекликается с неомакиавеллистскими трактовками демократии, к которым весьма сочувственно относился и Реймон Арон. В частности, он отмечал: «Так называемые демократические режимы, как объясняют макиавеллисты, на деле не что иное, как олигархии особого рода — плутократические. Владельцы средств производства прямо или косвенно влияют на тех, кто вершит государственными делами. Итак, очевидный, принимаемый и макиавеллистами факт: *режим, который в каком-либо смысле не был бы олигархическим, немислим*. Сама сущность политики такова, что решения принимаются для всего общества, но не им самим в целом. Решения и не могут приниматься сразу всеми. Народовластие не означает, что вся масса граждан непосредственно принимает решения о государственных финансах или внешней политике. Нелепо сопоставлять современные демократии с идеальными представлениями о неосуществимом режиме, при котором народ правит сам собой. Зато полезно сравнить существующие режимы с возможными. Это в равной мере относится к критике режимов советского типа с позиций макиавеллистов» [Арон 1993: 108–109].

В этом плане вполне актуальным остается фундаментальное сомнение, следующим образом сформулированное Юргеном Хабермасом: «В когнитивном отношении сомнение касается вопроса: возможно ли еще вообще — после полной позитивизации права — секулярное, то есть нерелигиозное или постметафизическое, оправдание политического господства? <...> Даже если устранить это сомнение, все-таки либеральные порядки остаются зависимыми от солидарности признающих их граждан, а ее истоки вследствие “свихнувшейся” секуляризации общества в целом могут иссякнуть» [Хабермас 2011: 97–98]. Поскольку характерные для капиталистических обществ «приватистские мотивационные модели» представляют собой своеобразную смесь из докапиталистических и буржуазных традиций, они «всегда зависели от пограничных культурных условий, которые не могли создавать у самих себя: они паразитировали на уже существующих традициях» [Хабермас 2010: 129].

Подобные размышления постоянно возникают и в дискуссиях по различным аспектам образовательной политики. Например, концепция «неискушенного гражданина», возникшая на рубеже 1960–1970-х годов в условиях всеобщей эйфории по поводу так называемой «делиберативной революции» в Западной Европе, по существу, развивала аргументы, выдвинутые в начале 1940-х годов Й. Шумпетером, подвергавшим сомнению саму возможность реализации классической концепции демократии как не соответствующей человеческой природе и иррациональному характеру повседневного человеческого поведения. В политической сфере, утверждал Шумпетер, образование не дает никаких преимуществ, поскольку чувства ответственности и рационального выбора, которые оно формирует у людей, обычно не выходят за пределы их профессиональных занятий. Наиболее общие политические решения, таким образом, оказываются недоступными как для образованных классов, так и для необразованных филистеров. «Тем самым типичный гражданин опускается на более низкий уровень умственных характеристик, как только вступает в политическую сферу. Он спорит и анализирует при помощи аргументов, которые охотно признал бы ребяческими внутри сферы собственных инте-

ресов. Он становится вновь примитивным». Поэтому демократическая теория может иметь практическую ценность только в том случае, если она определяет необходимый минимальный уровень участия и предоставляет право принимать основные политические решения компетентным элитам и бюрократии [Schumpeter 1976: 261, 262, 284–285].

Джованни Сартори, весьма сочувственно цитируя приведенные выше пассажи в своей фундаментальной работе «К пересмотру теории демократии», дополняет их следующим кратким комментарием: «Образование *в целом*, по-видимому, не создает значительно улучшенного [типа] *политически образованной* публики. <...> Даже если каждый имел бы, скажем, пятилетнее университетское образование, существует ли какой-либо резон ожидать от такого населения драматического поворота их интересов к политике? Я думаю, что нет. <...> Позиция Шумпетера предполагает, что политическое поле не является “сферой реальных интересов” типичного гражданина» [Sartori 1987: 106–107]. Такого рода характеристика «неискушенного гражданина» тесно связана со следующей общей оценкой Сартори перспектив эволюции демократических обществ: «Неожиданный элемент тотального господства в наше время состоит в том, что оно может быть наложено не только на общества с традиционно деспотическим правлением (такие как Россия и Китай), но и на общества, возвращенные христианской, либеральной и либерально-демократической традицией и вышедшие из нее» [Sartori 1987: 194].

В целом можно утверждать, что элитарные тенденции в образовательной политике, своеобразно проявляясь в различных культурах, как западных, так и восточных, постоянно демонстрируют наличие в них не только общих элементов, но и общих закономерностей развития. Такая тенденция особенно заметна в тех странах, в которых (скажем, в Японии) система образования в послевоенный период была скопирована с североамериканской модели [Sugimoto 2014: 126; ср: Duke 2009: 5–6; Cultural Hybrids of (Post) Modernism 2016: 9 sq.] Как отмечают, например, редакторы содержательного сборника «Японская молодежь в консервативном элитном обществе», в Японии «еще со старых времен образование слу-

жило стоящим у власти правителям средством обеспечения человеческих ресурсов в процессе национального строительства. Образование для молодежи рассматривалось прежде всего как функция, способствующая надежному обеспечению будущего для в высшей степени необходимых правящих элит. В свою очередь, эгалитарное образование, развивающее человеческий потенциал и способствующее счастью каждого молодого индивида, третирувалось как второстепенное». Глобализация во многом усиливает обозначенные выше тенденции. «Клоняющаяся к упадку национальная экономика и скудный молодежный рынок труда значительно повлияли на культуру и поведение молодежи. <...> Постиндустриализация и постмодернизация привели к тому, что многие молодые японцы сделали материалистичными, индивидуалистичными, равнодушными к политике и уставшими от глобализации. Более того, экономические затруднения, неоконсерватизм и образовательная меритократия усилили социально-экономические различия между бедными слоями трудящихся и относительно небольшим числом быстро преуспевающих людей, многие из которых предназначены для того, чтобы сформировать новые элиты. <...> Именно небольшой процент молодых, прогрессивных сверхпреуспевших индивидов призваны вновь оживить японскую национальную экономику, управляя и руководя по большей части консервативными массами молодежи» [Japanese Youth in the Conservative Elite Society 2014: II–III].

Реализация японского «меритократического проекта» проявилась в том, что в 2006 г. правительство приступило к пересмотру базового закона о всеобщем образовании путем директивного введения сверху системы свободных учебных планов. «Свободное образование является применением концепции неолиберализма в образовательной сфере. Оно предназначено для того, чтобы предоставить учащимся большую свободу обучения в начальной и средней школах. Образовательная меритократия применяется с целью выделения небольших групп высокоодаренной молодежи, превосходящей остальных в академическом и профессиональном плане» [Japanese Youth in the Conservative Elite Society 2014: 146–147; см. также: Duke 2009: 11 sq.]. Аналогичная тенденция проявлялась и в

сфере высшего образования. «Многие студенты и их родители чрезмерно подчеркивали значение академических “верительных грамот”. Общество было одержимо идеей образовательной меритократии, когда будущие элиты формируются путем отбора на основе дипломов элитных высших школ, продвигавших инициированную консерваторами структуру свободных планов обучения» [Japanese Youth in the Conservative Elite Society 2014: 147; ср.: Sugimoto 2014: 127–129; см. также: Cave 2007: 17 sq.].

Шумпетеровская модель явно превалировала в посткоммунистических процессах с самого начала «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе. В России процесс явно зашел дальше в плане олигархизации политики и уровня манипулятивных технологий. Таким образом, в настоящее время окрашенный в консервативные тона элитизм в самых различных формах — от олигархической до социально-манипулятивной (Шумпетер) — можно признать общей тенденцией как самой образовательной политики, так и дискуссий о ней.

Литература и источники

- Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.
- Гуторов В.А.* Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Крамер Д., Олстед Д.* Маски авторитарности. Очерки о гуру. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
- Слотердайк П.* Сферы. Плюральная сферология. Т. III. Пена / пер. с нем. К. Лощевского. СПб.: Наука, 2010.
- Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.
- Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011.
- Adler M.J.* Haves Without Have-Nots: Essays for the 21st Century on Democracy and Socialism. N. Y.: Macmillan Publishing Company, 1991.
- Bodeus R.* The Political Dimensions of Aristotle's *Ethics*. Albany: State University of New York Press, 1993.
- Cave P.* Primary School in Japan. Self, Individuality and Learning in Elementary Education. L.; N.Y.: Routledge, 2007.

Cookson P.W., Persell C.H. Preparing for Power: America's Elite Boarding Schools. N.Y.: Basic Books, 1985.

Critical Perspectives on Educational Leadership / ed. by J. Smyth. N.Y.; L.: Routledge-Falmer, 1989.

Courtois A. Elite Schooling and Social Inequality: Privilege and Power in Ireland's Top Private Schools. L.: Palgrave Macmillan, 2018.

Cultural Hybrids of (Post)Modernism. Japanese and Western Literature, Art and Philosophy / ed. by M.J. Álvarez-Faedo, A. Monnickendam, B. Penas-Ibáñez. Bern etc: Peter Lang, 2016.

Duke B. The History of Modern Japanese Education. Constructing the National School System, 1872–1890. New Brunswick; New Jersey; L.: Rutgers University Press, 2009.

Elites and Democratic Development in Russia / ed. by A. Steen, V. Gel'man. L.; N.Y.: Routledge, 2008.

Havelock E.A. Preface to Plato. Cambridge, Massachusetts, L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1963.

Japanese Youth in the Conservative Elite Society. Essays on the Liberal Young Super-Achievers / ed. by H. Itoh, B. Bernier. Lewiston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2014.

Lord C. Education and Culture in the Political Thought of Aristotle. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1982.

Mills C.W. The Power Elite. L.: Oxford University Press, 1956.

Reeve C.D.C. Philosopher-Kings. The Argument of Plato's Republic. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc., 2006.

Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatam; New Jersey: Chatam House Publishers, Inc., 1987.

Schofield M. Plato. Political Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y.: Harper Torchbooks, 1976.

Scruton R. The Palgrave Macmillan Dictionary of Political Thought. 3rd edn. Houndmills; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.

Smith K.B. The Ideology of Education. *The Commonwealth, the Market, and America's Schools.* Albany: State University of New York Press, 2003.

Sugimoto Y. An Introduction to Japanese Society. Fourth Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

ELITES AND EDUCATION: AN EXPERIENCE OF POLITICAL AND THEORETICAL ANALYSIS

V. Gutorov

Abstract. *The aim of the article is to highlight and discuss some trends in contemporary discussions regarding the theoretical principles and paradigms of the formation of elite models of education in modern Western countries. One of the most noticeable features of modern scientific discourse is that the interrelation of concepts of elite politics with theoretical problems of education, which is well viewed in historical terms and firmly fixed in political philosophy, however, does not always become the object of attention of scientists. Until recently, scientists and politicians rarely paid attention to the problem of how influential social groups provide themselves with institutional and practical advantages in the field of education. The lack of any pronounced interest in problems of social inequality among education specialists was characteristic both for Western and Russian political science, especially in those segments that were associated with various issues of the “transition to democracy” of the former socialist countries. The very essential fact is that the reflections on elites and education, at least from the second half of the twentieth century and up to our days, are mostly marked by deep skepticism regarding the ability of political leaders and public institutions to implement educational reforms. The reasons for the skepticism of scientists and political analysts are diverse and constantly vary depending on their philosophical, ethical and “culture-oriented” preferences. For example, a sharp debate about the advantages of both the democratic and elitist models of education continues within which, up to the present day, ideological preferences clearly prevail over scientific considerations and arguments. In general, it can be argued that elite trends in educational policy are very peculiar in various cultures, both Western and Eastern. Nevertheless, they constantly demonstrate not only common elements, but also general patterns of development. This trend is particularly evident in those countries in which, as, for example, in Japan, the educational system in the post-war period was copied from the North American model.*

Keywords: *elites, education, politics, democracy, capitalism, state, disciplinary education, rationality, autonomy, liberalism, socialism, conservatism, values, indoctrination, ethics, hierarchy.*

References

- Adler M. J. *Haves Without Have-Nots: Essays for the 21st Century on Democracy and Socialism*. New York: Macmillan Publishing Company, 1991.
- Aron R. Demokratsija i totalitarizam [*Democracy and Totalitarianism*]. Transl. from French to Russian. Moscow: Tekst, 1993. (In Russian)
- Bodeus R. *The Political Dimensions of Aristotle's Ethics*. Albany: State University of New York Press, 1993.
- Cave P. *Primary School in Japan. Self, Individuality and Learning in Elementary Education*. London; New York: Routledge, 2007.
- Cookson P. W., Persell C. H. *Preparing for Power: America's Elite Boarding Schools*. New York: Basic Books, 1985.
- Critical Perspectives on Educational Leadership*. Ed. by J. Smyth. New York; London: Routledge-Falmer, 1989.
- Courtois A. *Elite Schooling and Social Inequality: Privilege and Power in Ireland's Top Private Schools*. London: Palgrave Macmillan, 2018.
- Cultural Hybrids of (Post)Modernism. Japanese and Western Literature, Art and Philosophy*. Ed. by M.J. Álvarez-Faedo, A. Monnickendam, B. Penas-Ibáñez. Bern etc: Peter Lang, 2016.
- Duke B. *The History of Modern Japanese Education. Constructing the National School System, 1872-1890*. New Brunswick, New Jersey; London: Rutgers University Press, 2009.
- Elites and Democratic Development in Russia*. Ed. by A. Steen, V. Gel'man. London; New York: Routledge, 2008.
- Gutorov V.A. Antichnaja sotsial'naja utopija. Voprosy istorii i teorii [*Ancient Social Utopia. Questions of History and Theory*]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1989. (In Russian)
- Habermas Y. Problema legitimatsiji pozdnego kapitalizma [*The Problem of Legitimation of the Late Capitalism*]. Transl. from German to Russian. Moscow: Praksis, 2010. (In Russian)
- Habermas Y. Mezdu naturalizmom i religijej. Filosofskije stat'ji [*Between Naturalism and Religion. Philosophical Articles*]. Transl. from German to Russian. Moscow: Ves' Mir, 2011. (In Russian)
- Havelock E. A. *Preface to Plato*. Cambridge, Massachusetts; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1963.
- Japanese Youth in the Conservative Elite Society. Essays on the Liberal Young Super-Achievers*. Ed. by H. Itoh, B. Bernier. Lewiston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2014.

Kramer D., Olsted D. Maski avtoritarnosti [*The Guru Papers: Masks of Authoritarian Power*]. Transl. from English to Russian. Moscow: Progress-Traditsija, 2002. (In Russian)

Lord C. *Education and Culture in the Political Thought of Aristotle*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1982.

Mills C. W. *The Power Elite*. London: Oxford University Press, 1956.

Reeve C.D.C. *Philosopher-Kings. The Argument of Plato's Republic*. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc., 2006.

Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited*. Chatam; New Jersey: Chatam House Publishers, Inc., 1987.

Schofield M. *Plato. Political Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Schumpeter J.A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. New York: Harper Torchbooks, 1976.

Scruton R. *The Palgrave Macmillan Dictionary of Political Thought*. 3rd Edition. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2007

Sloterdaik P. Sfery. Plyral'naja sferologija. T. III. Pena [*Spheres Plural Spherology. Vol. III. Foams*]. Transl. from German to Russian. Moscow: Nauka, 2010. (In Russian)

Smith K. B. *The Ideology of Education. The Commonwealth, the Market, and America's Schools*. Albany: State University of New York Press, 2003.

Sugimoto Y. *An Introduction to Japanese Society. Fourth Edition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНЫХ ИСТОКАХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

И.А. Фомичев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.19>

Аннотация. *На своей родине, в Древней Греции, демократия не снискала популярности среди философов и мыслителей. Вплоть до XIX в. демократия ассоциировалось с беззаконием и правлением толпы. Подобную оценку разделяли, помимо многих других, Джеймс Мэддисон и Александр Гамильтон — отцы-основатели США. Наиболее пригодной формой правления считалась республика, отнюдь не отождествлявшаяся с демократией. Именно республикой были США в глазах тех, кто заложил основы этого государства. Только в 1830-х годах слово «демократия» начинает приобретать положительные коннотации и использоваться политиками и публицистами для описания системы представительного правления, сложившейся в США. В связи с этим в статье рассматривается роль, которую сыграла республиканская традиция в становлении современной идеи демократии. Поскольку ключевыми ценностями республиканизма были не всеобщее равенство и правление народа, а стабильность и долговечность государства, данная традиция является демократической лишь в ограниченной степени. Республика — так, как ее понимал, например, второй президент США Джон Адамс — представляла собой скорее смешение аристократии и демократии.*

Помимо республиканской традиции, рассматривается зарождение таких ключевых принципов современной демократии, как кон-

ституционализм и право на сопротивление. Оба этих принципа зародились внутри традиций, весьма скептически настроенных по отношению к идее демократии. Ни конституционализм, ни право на сопротивление не связаны напрямую с формой правления, при которой воля народа является последней инстанцией в разрешении ключевых политических вопросов. Несмотря на то что в рамках обеих доктрин источником суверенитета считался народ, это не означало, что сам народ должен быть сувереном. Вместо этого и конституционалистская аргументация, и аргументация монархистов основывались на том, что действия государя должны быть ограничены рамками закона.

В конце статьи делается вывод, согласно которому низкий уровень гражданского участия и ограниченная степень влияния граждан на проводимую государственную политику может рассматриваться как характеристики, в какой-то мере внутренне присущие современной демократии.

Ключевые слова: демократия, представительное правление, республиканизм, конституционализм, концилиаризм, тираноборчество, право на легитимную революцию.

В настоящие дни демократия — и как идеал, и как конкретная институциональная конфигурация, сложившаяся в странах Западной Европы и Северной Америки, — получила повсеместное признание. В то же время современная идея демократии внутренне противоречива. Ее мало что роднит с тем явлением, которое изначально понималось под этим словом — с афинской демократией, активным осуществлением власти народом. Современная демократия неизбежно употребляется с дополнительными прилагательными — либеральная, представительная, полиархическая, плюралистическая, которые подчеркивают ее относительный характер. В результате подобного ограничения порой под демократией понимается нечто противоречащее ее очевидному смыслу, следующему из буквального перевода — «правление народа». Так, согласно Й. Шумпетеру, демократия не имеет отношения ни к воле народа, ни к его суверенитету. Она представляет собой лишь «такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [Шумпетер 2007: 355].

Цель статьи — теоретическая реконструкция идейных истоков современной теории демократии. Основная гипотеза состоит в том, что появившиеся в XIX в. системы демократического правления отличаются от афинской не только в институциональном отношении, но имеют иные концептуальные основания. Перефразировав известное выражение Тертуллиана, мы можем спросить: что Афины — Вашингтону? И если истоки современной демократической традиции находятся не в Древней Греции, то где? Ответ на этот вопрос представляется чрезвычайно важным для более глубокого понимания современной демократии и перспектив ее развития. Только поняв, при каких обстоятельствах и в какой форме зародились ключевые принципы современного демократического правления, мы можем осознать внутренне присущие им ограничения и составить более целостное представление о причинах возникновения тех или иных характерных черт современной демократии.

ДЕМОКРАТИЯ В АНТИЧНОСТИ

Если обратиться непосредственно к рефлексии древних греков о народном правлении, мы едва ли обнаружим какую-либо теорию демократии. По этому поводу историк Мозес Финли говорит следующее: «...я не верю, что в Афинах существовала четко сформулированная демократическая теория. Были понятия, общие принципы, обобщения <...> но они не сводятся к конкретной теории» [Finley 1962: 9]. В отсутствии такой теории М. Финли не видит никакого парадокса, поскольку «ошибочно полагать, что каждая социальная или государственная система в истории обязательно должна сопровождаться сложными теоретическими построениями» [Там же]. В знаменитом споре трех персов из «Истории» Геродота это слово не упоминается. Вместо него используется другое понятие — исономия, «равнозаконие». Перикл (а через него Фукидид) в одном из самых известных «гимнов» афинской демократии — речи над могилами павших воинов — использует слово «демократия» как бы неуверенно, стараясь дистанцироваться от него; более того, Фукидид ставит в заслугу Периклу именно то, что при нем демократия существовала лишь «по названию» [Канфора 2012: 45].

Софисты, известные своими симпатиями к демократии, также не оставили ни одного сочинения в ее поддержку. Английский историк Джордж Керферд высказал предположение, что подобные сочинения были написаны и соответствующая демократическая интеллектуальная традиция существовала, но они просто не сохранились. Так, он считал, что еще до того, как Платон закончил первые книги «Государства», Протагором было написано собственное сочинение о политике, в котором, вероятно, был описан демократический вариант идеального государства. Керферд также допускает, что идея равенства мужчин и женщин могла быть заимствована Платоном именно из этого сочинения Протагора [Kerferd 1981: 139]. Однако доказательная база для подобных утверждений весьма ненадежна и ограничивается ссылкой Диогена Лаэртца на утверждение Аристоксена о том, что почти все «Государство» Платона входит в состав «Противоречий» Протагора, а также повторением этого утверждения Фаворином [Ibid.]. Тем не менее те крупницы продемократической традиции, которые могут быть извлечены из фрагментов досократиков, из сочинений Геродота и Демосфена, трагедий Софокла и Еврипида, а также речей, переданных Фукидидом и Платоном (речь Перикла и защита Протагором идеи демократии в одноименном диалоге), остались по большей части незамеченными последующими европейскими мыслителями [Roberts 1994: 7].

Куда большим вниманием была одарена более влиятельная, хорошо сохранившаяся и обширная антидемократическая традиция, отождествлявшая правление народа с беззаконием и деспотичным господством толпы. Подобное понимание демократии было общим местом для подавляющего большинства европейских мыслителей вплоть до XIX в. Если назвать только античных мыслителей, то такой взгляд разделяли Гераклит, Фукидид, Платон, Ксенофонт, Аристотель, Полибий, Тит Ливий, Диодор, Плутарх и другие. Платон, как известно, заклеил народное правление как наихудший после тирании политический строй. Аристотель, более сдержанный в оценке, также не испытывал особых симпатий по отношению к демократии, отнеся ее к «плохой» форме правления, в которой неимущее большинство правит в своих узких интересах. Поэтому справедливым кажется замечание, сделанное историком политиче-

ских идей Джоном МакКлелландом: «Если и существует такая вещь, как западная традиция политической мысли, то она появляется вместе с глубоким антидемократическим предубеждением» [Roberts 1994: 7].

Платон и Аристотель, оставившие наиболее систематичный анализ греческой демократии, на долгие годы определили ее восприятие последующими поколениями. Остановимся подробнее на их описании этого строя.

Восьмая книга «Государства» Платона посвящена анализу извращенных государственных устройств — тимократии, олигархии, демократии и тирании. Согласно Платону, «[д]емократия... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию» [Платон 1994: 343]. Все составные части этого определения важны: здесь подчеркивается конфликтный характер возникновения демократии, заложенное внутри нее противоречие между бедными и богатыми, а также стремление к равенству, реализуемое через избрание на должности при помощи жребия. Для Платона такое равенство противоестественно, поскольку уравниваются в таком случае те, кто вовсе не равен по природе [Там же: 345]. Правят здесь не те, кто выделяется своей добродетелью, но заискивающие перед толпой (то есть перед «яростным зверем», как называет ее Платон) демагоги. Платон, который свое идеальное государство описал как такое, в котором каждый элемент находится на своем месте, не мог испытывать симпатий в отношении демократического строя. Помимо перечисленных недостатков, в демократии, согласно Платону, закон не имеет должного уважения со стороны граждан: «...если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову. <...> [Л]юди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и продолжают вращаться в обществе...» [Там же: 344].

Аристотель, в целом негативно оценивая демократию, выступает более умеренным критиком этого строя. Первоначально он классифицирует государственные устройства на основании двух

признаков: отношение к благу и количество граждан, участвующих в управлении [Аристотель 1983: 547]. Так, монархия есть правление одного во благо всех, а тирания — правление одного во благо самого себя. Соответственно, полития — это правление многих, имеющее в виду общее благо, а демократия — правление многих в интересах многих. Позднее Аристотель уточняет, что количество правящих есть «признак случайный», и в действительности значение имеет, бедняки ли правят государством или люди состоятельные [Там же: 459]. Таким образом, демократия является государственным строем, в котором неимущие массы правят ради своего ограниченного блага. Вероятно, это может объяснить порой весьма комплементарное отношение Аристотеля к принципу большинства. Так, в III книге «Политики» Аристотель признает, что предпочтение власти большинства имеет «некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности <...> Ведь так как большинство включает в себя много людей, то, возможно, в каждом из них, взятом в отдельности, и заключается известная доля добродетели и рассудительности; а когда эти люди объединяются, то из многих получается как бы один человек, у которого много и рук, много и ног, много и восприятий, так же обстоит и с характером, и с пониманием. Вот почему большинство лучше судит о музыкальных и поэтических произведениях: одни судят об одной стороне, другие — о другой, а все вместе судят о целом» [Там же: 463–464].

Демократию, основное население которой составляют земледельцы, Аристотель также считает вполне приемлемым строем, признавая за ним некоторые положительные черты, например правление закона [Аристотель 1983: 496]. Однако, когда дело доходит до описания демократии, основанной на активном участии городских жителей (поденщиков, ремесленников и т. п.) в народном собрании, Аристотель оценивает ее весьма критически. При таком строе «в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам», а «простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае

закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию» [Там же: 497]. Судя по всему, именно крайняя демократия, с точки зрения Аристотеля, нашла свое воплощение в современных ему Афинах. «После столь строгого вердикта Стагирита — пишет Бренд Гутгенбергер — в течение последующих двух тысячелетий “демократия” оказалась в числе табузированных, запретных понятий» [Гутгенбергер 1991: 137].

Несмотря на симпатию, которую Аристотель демонстрировал в отношении некоторых демократических установлений, предпочтение Стагирит отдавал смешанному государственному устройству, в котором господствует «средний класс» [Аристотель 1983: 509]. В то же время именно демократия, основанная на законе, могла стать «той исходной политической формой, с которой и должно было начаться восходящее развитие греческих государств к более совершенному строю». Впоследствии теория смешанного правления была развита историком Полибием, который является творцом распространенного (и в целом исторически достоверного) мифа об устройстве Римской республики как образце смешанной конституции.

Платон, Аристотель и Полибий стали теми авторами, через которых европейские интеллектуалы познакомились с древнегреческой демократией [Hansen 1992: 16–17]. Это наложило серьезный отпечаток на последующую рефлексию мыслителей о демократии. Поскольку лучшей формой правления считалась смешанная конституция, сочетающая монархические, аристократические и демократические элементы, демократия признавалась допустимой только в ограниченной форме. В связи с этим демократия не рассматривалась сама по себе, но только как одна из трех основных форм правления, наряду с монархией и аристократией. Что касается демократического опыта Греции, то случайные упоминания афинской демократии в большинстве своем были связаны с известным законодателем Солоном, который считался отцом умеренной смешанной демократии. В свою очередь, оценка демократии в ее чистом виде была в основном негативна; если же она удостоивалась похвалы, то тут же делалось замечание о ее невозможности [Там же: 17].

СОВРЕМЕННАЯ ИДЕЯ ДЕМОКРАТИИ

Как указывает Бернар Манен, «современное демократическое правление возникло из политической системы, которую ее основатели считали противоположностью демократии. Сегодняшнее словоупотребление различает “представительную” и “прямую” демократию и относит их к разновидностям одного типа правления, но то, что мы сейчас называем представительной демократией, имеет свои корни в системе институтов (учрежденных в результате английской, американской и французской революций), которая поначалу вовсе не воспринималась формой демократии или правлением народа...» [Манен 2008: 9]. Более того, представительное правление изначально задумывалось как правление, в котором ограничивается роль народа в управлении государством. В связи с этим возникает вопрос: каким образом система, изначально стремившаяся ограничить влияние народного элемента, стала восприниматься как демократическая?

Вплоть до первой половины XIX в. западная политическая традиция оставалась антидемократичной по своему духу. Даже во времена Французской революции, которая, по утверждению Юргена Хабермаса, «разожгла спор философов вокруг понятия демократии» [Хабермас 1995: 33], самого понятия будто бы старались избегать. «Слово “демократия” — пишет Канфора — нечасто встречалось в политическом лексиконе Революции. Те люди охотнее говорили о “равенстве”, “свободе”, “республике”, “родине”, “доблести”. <...> Пожалуй, излишне напоминать что слово “демократия” не встречается ни в американской конституции, ни в конституциях, которые последовательно принимались Первой французской республикой» [Канфора 2012: 372]. Как отмечает В.А. Гуторов, «[к]онцепции демократии и конституционализма, появившиеся в Новое время, вплоть до наших дней во многом определяются стремлением их создателей в некотором смысле солидаризироваться с древними критиками того типа демократического правления, который сложился в полисах Древней Греции» [Гуторов 2014: 116]. Так, американские отцы-основатели задумывали создать политическую систему, ограничивающую власть народа. Как писал

Джеймс Мэдисон, «демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали очень недолго и кончали насильственной смертью» [Федералист... 1993: 83]. В конце XVIII в. Иммануил Кант в трактате «К вечному миру» также относит демократию к деспотической форме правления, противопоставляя ее республике, которой он отдавал безусловное предпочтение (вместе с тем характерно, что уже во время написания этого трактата в 1795 г. Кант замечает вошедшее в привычку смешивание понятий республики и демократии) [Кант 1994: 16].

Переоценка демократического опыта Афин и демократии в целом началась в первых десятилетиях XIX в. [Saxonhouse 1993: 487–488]. Когда в 1823 г. Даниел Уэбстер (возможно, один из первых политиков в США, кто представил институты Штатов наследниками институтов народного правления Древних Афин) доказывал необходимость оказания помощи воюющим за свою независимость грекам, это подкреплялось тем, что, помимо прочего, именно грекам жители Штатов обязаны открытием свободной формы правления [Ibid.: 487]. В Англии примерно в то же время философские радикалы попытались использовать образ афинской демократии для обоснования расширения избирательных прав, однако само понятие демократии, несмотря на все старания, еще долго сохраняло традиционные негативные коннотации. Джордж Грот, написавший в середине XIX в. двенадцатитомную «Историю Греции», впервые представил афинское устройство в самом выгодном свете. Как пишет Саксонхауз, успех работы Грота был столь велик, что британец XIX в. чувствовал себя ближе к афинянину из V в. до н. э., чем к англичанину из XVIII в. [Ibid.: 487–488]. Можно также вспомнить Джона Стюарта Милля, утверждавшего, что победа греков в Марафонском сражении имела большее значение для Англии, чем битва при Гастингсе.

Однако, несмотря на то что афинское демократическое правление и вообще идея демократии подверглись пересмотру, большинство государств, за исключением США и Третьей французской республики, являлись монархиями, не претендующими на то, чтобы называться демократией. Даже в упомянутых США и Франции де-

мократия видилась скорее как вектор развития, чем как название существующего политического строя [Магун 2015: 100]. Только во время Первой мировой войны демократия, понимаемая как представительная парламентская система, получила повсеместное признание [Hansen 1992: 23]. Вместе с тем и в институциональном, и в концептуальном плане не было совершенно какого-либо смещения в сторону Афин. Как утверждает Могенс Хансен, несмотря на схожесть некоторых принципов современной либеральной и афинской демократий, «никакая прямая традиция не связывает афинскую триаду *democratia — eleutheria — isonimia* с ее современным аналогом — *демократия — свобода — равенство*» [Hansen 1992: 27]. Теоретической основой представительного правления, возникшего в результате революционных преобразований XVII и XVIII вв., являлась идея смешанного правления, а источником вдохновения для английских, американских и французских революционеров была Римская республика. Поэтому неудивительно, что «признаваемая и одобряемая Аристотелем “полития” [смешанное правление, комбинация олигархических и демократических принципов. — И.Ф.] содержит целый ряд элементов, сближающихся с более поздними, позитивными взглядами на демократию» [Гугенбергер 1991: 137].

Как указывает Франсис Дюпюи-Дери, Франция и США стали первыми странами, в которых крупные политики стали открыто называть себя демократами [Dupuis-Déri 2004: 119]. В обеих странах это случилось примерно в одно и то же время — в 30–40-е годы XIX в. — и, как утверждает Дюпюи-Дери, было обусловлено политическими мотивами [Ibid.]. В США, как позднее и во Франции, введение избирательного права привело к тому, что политики стали чаще апеллировать к низам и использовать популистскую риторику ради привлечения электората на свою сторону [Ibid.: 125–126]. Со временем даже партия Вигов, оппозиционная Эндрю Джексону — первому президенту США, который сделал «демократию» своим лозунгом, — стала использовать демократическую риторику. В качестве доказательства того, что подобный прием имел сугубо политические основания, Дюпюи-Дери приводит отрывок из письма Уильяма Сьюарда, на тот момент принадлежащего к Вигам,

в котором тот сетует на бесперспективность конкуренции с будущим восьмым президентом США Мартином Ван Бюреном: «Я убежден, что победить Ван Бюрена совершенно невозможно. Народ за него. Не столько за него, сколько за принцип, который, как они предполагают, он представляет. Этот принцип — демократия. <...> Те, кто чувствовал или считал себя бедными, совершенно естественным образом отделились от нас и присоединились к большинству, чей успех доказал, что они друзья бедных» [Ibid.: 127–128].

Во Франции, после революции 1848 г., когда избирательное право было предоставлено всем взрослым мужчинам, это понятие постигла та же участь, что и в США. Уже в 1849 г. Франуса Гизо писал: «Такова власть слова “демократия”, что ни одно правительство, ни одна партия не может выжить и тем более взять власть без того, чтобы поместить это слово на свое знамя» (цит. по: [Магун 2015: 99]).

Так, парламентская представительная система, которая не мыслилась ее создателями как воплощение демократических идеалов, постепенно стала все больше идентифицироваться с демократией. Одним из ярких, но редко замечаемых отличий новой системы от афинской демократии является принцип различия. Суть этого принципа состоит в том, что представители по социальным показателям должны превосходить своих избирателей [Манен 2008]. Манен, комментируя одно из высказываний американского отца-основателя Джеймса Мэдисона, формулирует это следующим образом: «Представители должны отличаться от своих избирателей, поскольку республиканское, как и любое другое, правление требует передачи власти тем, кто обладает “высокой мудростью” и “высокой добродетелью”, то есть лицам, превосходящим и отличающимся от своих сограждан» [Там же: 147]. Более высокое социальное положение избранных по сравнению с электоратом гарантировалось не только законодательными, практическими и культурными барьерами, но и самим механизмом избрания представителей — выборами, институтом по своей природе незалитарным [Там же: 169–187]. В связи с этим вспоминается ироничное определение, которое Ханна Арендт дала партократическим режимам: это «правление народа путем создания элиты, вышедшей из народа» (цит. по: [Гуторов 2009: 21]).

Таким образом, современная демократическая традиция является демократической в весьма ограниченной степени. Этот факт одинаково признается как теми, кто настроен по отношению к ней критически, так и авторами, считающими существующую систему оптимальной. Так, Лучано Канфора не скрывая разочарования, заключает, что «[э]пилогом явилась победа, грозящая продержаться долго, того, что греки называли “смешанной конституцией”: когда “народ” выражает свою волю, но делами заправляют одни лишь имущие классы» [Канфора 2012: 340]. Вместо демократического эгалитаризма не утвердилась та самая «свобода, которую защищал Бенжамен Констан в своей знаменательной хвалебной речи “богатству”, “одолевающему любое правительство”» [Там же: 374]. В то же время Джованни Сартори не высказывает особых сожалений по поводу утраченной греческой демократии и признает, что для того, чтобы иметь хоть какую-то демократию, современному человеку приходится довольствоваться меньшей демократией. С точки зрения Сартори, демократия в Афинах представляла собой режим непосредственного осуществления власти со стороны демоса, в то время как современная демократия является режимом ограничения и контроля власти [Sartori 1987: 280]. Однако «ограничение и сдерживание власти, которое обеспечивает наша либеральная демократия, является не меньшим достижением в сравнении с древнегреческой демократией. Ибо мы по большей части решили проблему, нерешенную или незамеченную греками: обеспечение свободы для каждой личности» [Ibid.: 283]. Ограниченный характер демократий, сложившихся в Европе после Второй мировой войны, констатируется также и Мюллером, согласно которому, в результате конституционного урегулирования и ослабления legislatur, главным оправданием демократии стала «не столько возможность представлять в парламенте те или иные взгляды», сколько обеспечение посредством выборов «регулярную сменяемость ответственных политических элит» [Мюллер 2017: 248].

В связи с этим интерес представляет весьма формальное определение, данное демократии Артемием Магуном. Пытаясь описать феномен современной демократии с точки зрения ее собственного истока и идеала, он предлагает понимать под демократией в пер-

вую очередь «конституционный режим представительного правления с обязательным разделением законодательной и исполнительной властей в отсутствие наследственных привилегий» [Магун 2015: 37]. Непосредственно демократическими чертами такой системы будут: приписывание верховной власти народу; расширенное и расширяющееся избирательное право и установление равенства, делиберативное управление на всех уровнях, стремление к федерализму, а также признание за гражданами права на протестные движения, массовые выступления и даже легитимную революцию [Там же: 38–39]. Подобное определение, ядро которого само по себе либеральное, весьма точно схватывает основные черты современного демократического правления, среди которых стоит особенно отметить конституционализм и право на революцию. Подробнее о зарождении этих концепций речь пойдет в следующей части статьи.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Концептуальные основания современной демократической мысли были разработаны в рамках интеллектуальных традиций, представители которых не пытались представить себя ни наследниками «школы Эллады», ни поборниками народного правления вообще: как правило, при обращении к античному опыту (если такое случалось) предпочтение отдавалось римской и спартанской смешанным системам. В связи с этим в настоящей части работы будет рассмотрена роль, которую республиканская традиция сыграла в становлении современной идеи демократии. Кроме того, необходимо также рассмотреть зарождение концепции конституционализма, которая составляет ядро современной демократической идеи.

С точки зрения Джона Покока, республиканизм — это не просто форма устройства государственной власти, но модель мышления и особый взгляд на историю. Как указывает Покок, республика (в том виде, в котором эта концепция была возрождена гражданскими гуманистами XV в.) одновременно мыслилась как нечто *универсальное* (universal), поскольку существовала для реализации

всех ценностей, которые человек мог реализовать в этой жизни, и как нечто *частное, специфическое* (particular), поскольку неизбежно сталкивалась со своей временной и пространственной ограниченностью [Росок 1975: 3]. Этот конфликт между попыткой реализовать универсальные ценности и нестабильностью и хаосом окружающего мира предопределил один из основных вопросов республиканизма — как сохранить государство в мире случайного и непредсказуемого течения событий. Поэтому, с точки зрения Покока, «неотъемлемым компонентом республиканской теории <...> были идеи о времени, о возникновении случайных событий во временном измерении, и о постижимости последовательностей <...> частных происшествий, которые создают то, что мы зовем историей» [Ibid.]. Поэтому макиавеллевский момент — это момент, в котором «республика сталкивается со своей временной конечностью, пытаясь сохранить моральную и политическую стабильность в потоке иррациональных событий» [Ibid.: VIII]. Итальянские гуманисты в попытке концептуализировать секулярное политическое и историческое самосознание разработали особый язык, в котором указанная проблема описывалась в категориях противостояния «добродетели» (virtue) с «фортуной» и «коррупцией».

В то же время классический республиканизм, по словам Покока, был в своей основе ренессансным парафразом аристотелевской науки политики [Росок 1975: 317]. Усвоив аристотелевское понимание человека как *zoon politikon*, гуманисты, среди которых ключевое место отведено Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини, оставили парадигматическое наследие: концепции сбалансированного правительства, активной *virtù* (добродетели) и роли оружия и собственности в формировании гражданской личности [Ibid.: VIII]. Как указывает Покок, оригинальный и существенный вклад, который внес Макиавелли в республиканскую теорию, был обусловлен и в то же время ограничен его предпочтением военной экспансии стабильности государства [Ibid.: 218]. Пытаясь ответить на вопрос, что может сохранить республику, Гвиччардини обратился к исследованию аристотелевского полиса и смешанного правления, а в качестве более приближен-

ных объектов исследования изучал конституцию Флоренции 1494 г. и Венецианскую систему, известную своей стабильностью и аристократичностью [Ibid.: 185–186]. Этих авторов объединяло стремление найти средства предотвращения морального разложения республики и ее граждан, в связи с чем анализ институционального устройства государства зачастую отходил на второй план. Исключением в этом отношении является Донато Джаннотти, который, изучая венецианскую систему, заложил основы концепции, известной впоследствии как теория разделения властей [Ibid.: 273, 288].

Впоследствии республиканская традиция будет продолжена Джеймсом Харрингтоном, который в совершенно иных интеллектуальных и социальных обстоятельствах осуществил синтез идей гражданского гуманизма с английскими представлениями о политическом и социальном устройстве. Однако итальянские гуманисты предпочитали республику, поскольку это соответствовало этому городов-государств Северной Италии, в то время как англичане стали использовать республиканскую риторику лишь потому, что их традиционное государственное устройство подверглось угрозе распада [Рососк 1975: 365].

Если Макиавелли был главным проводником теории Полибия, то Харрингтону принадлежит первостепенная роль во внедрении республиканской макиавеллистской перспективы в английские политические, юридические и исторические практики [Рососк 1965: 569]. «Океания», главная работа Джеймса Харрингтона, знаменует собой момент парадигматического прорыва, поскольку в ней предпринимается попытка масштабного переосмысления политической теории и истории Англии с помощью концепций гражданского гуманизма и макиавеллиевского республиканизма [Рососк 1975: 384]. По мнению Покока, ключевым вкладом Харрингтона во внедрение республиканского самосознания в Англии была его адаптация теории Макиавелли о роли вооруженного за свой счет гражданина в формировании политики [Ibid.: 386]. Харрингтон связал способность вооружиться с обладанием собственностью, в результате чего «политизация человека достигла своего полного выражения в языке английской политической мысли; христианин-англичанин стал *zoon politikon*, человеком политическим, в силу

обладания мечем и правом собственности» [Ibid.: 384]. Кроме того, подобно многим своим современникам, Харрингтон находился под влиянием «венцианского мифа»: в своем проекте идеального государства — республики Океании — английский публицист попытался соединить военный экспансионизм Рима со стабильностью и долговечностью Венеции [Ibid.: 393].

После реставрации монархии наследие Харрингтона подверглось существенной переработке. В рамках появившегося неохаррингтонианского анализа была предпринята попытка примирить позицию самого Харрингтона, который был против восстановления монархии и рассматривал предшествующую историю Англии как постепенную деградацию феодально-монархической системы, с имеющим давнюю традиции представлением о древней английской конституции как о смешанной системе [Росock 1965: 570]. Ключевую роль в этом процессе сыграли оппозиционно настроенные представители «Партии страны» (Country Party) — Генри Невилл, граф Шефтсбери и Эндрю Марвелл [Росock 1975: 406]. Обращение к республиканскому языку было вызвано обеспокоенностью представителей «Партии страны» попытками Томаса Осборна, министра Карла II, создать внутри Палаты общин «Придворную партию» (Court Party), используя в том числе такие средства, как патронаж, подкуп и раздачу должностей. Кроме того, большую настороженность вызывало создание профессиональной постоянной армии, грозившей централизацией и укреплением королевской власти, а также усилия Карла II поставить парламент под свой контроль. В ответ на это Шефтсбери, Невилл и Марвелл предприняли полемическую контратаку, использовав республиканскую концепцию «коррупции» для концептуализации политических процессов, происходивших в Англии. Концепция «коррупции», использованная ими, своим развитием была во многом обязана Харрингтону и в дальнейшем сыграла решающую роль в развитии теории, известной нам как «разделение властей» [Ibid.: 406–407]. Покок следующим образом суммирует взгляд «Партии страны» на английскую политику: «Существует древняя конституция Англии, которая устанавливает баланс или равновесие между различными органами правительства, и функцией парламента в рамках этого

баланса является надзор за исполнительной властью. Однако исполнительная власть обладает средствами препятствовать исполнению парламентом своих надлежащих функций; она соблазняет парламентариев предложениями государственных должностей и пенсий, <...> уговаривает их поддерживать меры вроде постоянного войска, национальных долгов и акцизов, благодаря которым действия правительства становятся неподотчетны парламенту. Эти разрушительные меры известны под общим именем разложения, или коррупции, и если оно целиком овладеет парламентом или теми, кто его избирает, <...> то настанет конец независимости и свободе» [Росock 1965: 565–566].

Впоследствии к работам и языку неохаррингтонианцев обратились американские революционеры [Росock 1975: 506–507, см. также: Бейлин 2010: 41]. В то же время, отвергнув парламентскую монархию как форму правления, ведущую к «развращению», американские революционеры вернулись к первоначальной харрингтонианской традиции. Однако Харрингтон, как и все остальные республиканцы, недвусмысленно указывал, что альтернативой наследственной аристократии была аристократия естественная — люди выдающихся способностей и талантов, в то же время обладающие собственностью, досугом и образованием, то есть имеющие все необходимые характеристики аристократического «меньшинства» из республиканской схемы смешанного правления. Предполагалось, что демократическое «большинство» способно распознать естественную аристократию, в связи с чем создавать последнюю искусственными методами не имеет смысла [Росock 1975: 515].

Тем не менее вскоре после окончания Войны за независимость революция столкнулась с кризисом доверия, порожденным осознанием того, что естественная дифференциация людей, то есть образование естественного аристократического меньшинства и демократического большинства, так и не произошла. В результате под угрозой оказалось не только идеологическое самооправдание вышедшей из благородных слоев общества элиты, но и ключевая для республиканской идеи концепция добродетели (*virtue*) [Росock 1975: 516]. Это вынудило американских теоретиков обратиться

к иному, монистическому пониманию народа, не разделенному на исполняющие, соответствующие своим способностям и предрасположенностям функции части (классическое «большинство» и «меньшинство»). В то же время этот монистический народ рассматривался как состоящий из атомизированных индивидов. «Народные представители, — пишет Покок, — понимаемые как частные лица, формируют различные функционально дифференцированные группы, и в этой степени их все еще можно рассматривать как естественную аристократию», в то же время «различие исполняемых ими функций обеспечивало существование между ними системы сдержек и противовесов» [Ibid.: 521]. Народ, не будучи разделен на обладающие различными качествами, способностями и функциями части, больше не был напрямую вовлечен в управление государством; вместо этого он был напрямую вовлечен в выбор представителей [Ibid.]. Этот концептуальный сдвиг знаменует собой переход от классического или неоклассического понимания республики к современному. В классическом понимании цель республики заключалась в том, чтобы расширить возможности для граждан проявлять и развивать свой политический потенциал; цель современной республики состоит в увеличении свободы граждан, защите личной и общественной сфер жизни [Росock 2005: 53].

Как было сказано в предыдущей главе, американские отцы-основатели и французские революционеры не рассматривали ту политическую систему, которую они стремились создать, как воплощение демократических идеалов. Будучи знакомыми с классической литературой, они связывали демократию с неумеренным правлением толпы и беззаконием. Не испытывая энтузиазма в отношении афинского демократического строя, отцы-основатели представляли себя наследниками Римской республики. Как замечает Роберт Даль, Джеймс Мэдисон, вероятно, «находился под влиянием давней традиции “республиканизма”, которая как в теории, так и на практике скорее склонялась к аристократии, ограниченному избирательному праву, озабоченности правами собственности и страху перед массами, чем к инклюзивному народному правительству, более зависимому от “народной воли”» [Dahl 2003: 160]. Редким примером благосклонного отношения к афинской демократии был То-

мас Пейн, утверждавший, что «то, чем Афины были в миниатюре, Америка станет в полной величине» (цит. по: [Кудрявцева 2006: 127]). На другом краю Атлантики — в революционной Франции — у демократии тоже были немногочисленные почитатели. В своей газете Гракх Бабёф часто прибегал к использованию формулировки «республика единая и демократическая», в то время как стандартной формулировкой якобинцев была «республика единая и неделимая» [Канфора 2012: 372]. Вместе с тем характерно, что газета Бабёфа называлась «Народный трибун», а в своих статьях и памфлетах он восхищался добродетелью римских трибунов и установлениями Ликурга, но не реформами Эфиальта или Клисфена. Таким образом, различные интерпретации опыта республиканского Рима инспирировали как радикальных демократов, участвовавших в «заговоре равных», так и умеренно настроенных авторов американской конституции. Стоит также отметить, что в появившихся во времена протектората Кромвеля трактатах, превозносящих республиканскую форму правления, практически никогда не приводились примеры эгалитарных Афин, но вместо этого присутствовали многочисленные отсылки к опыту Спарты, Венеции и Рима. В связи с этим Джеймс Харрингтон, главный теоретик английского республиканизма, рассматривается некоторыми исследователями как сторонник аристократической и элитарной политической системы [Carozzi 1998: 199].

Тем не менее сказанное не означает, что французских или американских революционеров нельзя назвать демократами в современном смысле этого слова. Речь идет о том, что назвать их демократами можно только ретроспективно, поскольку в политическом языке, используемом в конце XIX в., слово «демократия» отсылало к другому набору политических принципов и идеалов, в связи с чем занимало иное место в политическом дискурсе. Вместе с тем республика (слово, в то время куда более популярное, чем «демократия»), не понималась как строй, отдающий бразды правления в руки народа. Точное значение этого слова было малопонятно даже Джону Адамсу, автору трехтомной работы о республиканизме «В защиту конституций правительственной власти в Соединенных Штатах Америки». Так, в письме Мерси Отис Уоррен от 8 августа

1807 г. отец-основатель США заметил, что «[н]е существует более непонятого слова в английском языке, чем “республиканизм”» (цит. по: [Wootton 1994: 1]). Порой республика отождествлялась с демократией, а порой противопоставлялась ей. Монтескьё, как известно, считал республику формой правления, при которой верховная власть принадлежит всему народу или определенному количеству семейств, то есть для него республика была общим понятием, охватывающим как демократию, так и аристократию [Монтескьё 1999: 26–27]. Тот же Джон Адамс пытался представить республику Соединенных Штатов как классическую смесь естественной аристократии и демократии [Росock 1975: 526]. Вероятно, верной является точка зрения, высказанная американским исследователем Робертом Шумейкером, согласно которой разница между республикой и демократией для американцев конца XVIII в. совпадала с разницей между Конституцией и статьями Конфедерации [Shoemaker 1966: 95]. Если в проекте Конфедерации больше внимание уделялось демократическим механизмам управления, то федералисты делали акцент на централизованном правительстве, представительстве и системе сдержек и противовесов. В связи с этим Шумейкер замечает, что в действительности республиканизм представлял собой «не что иное, как предреволюционную британскую теорию “сбалансированного правления”» [Ibid.].

Бернар Манен также указывает на аристократические импликации, присущие современным системам представительного правления. Он привлекает внимание к повсеместному использованию выборных процедур и отмечает, что выборы, в отличие от жребия, всегда были аристократическим элементом, но не демократическим. Поэтому Манен рассматривает Харрингтона как представителя более общей традиции политической мысли, которая характеризуется использованием схемы смешанного правления как формы политического представительства. Таким образом, Манен усматривает прямую связь между республиканской свободой, одновременно демократической и аристократической, и развитием современных представительных систем [Манен 2008: 87–91].

По мнению австралийского исследователя Грэма Мэддокса, республиканская традиция является не просто недемократической,

но антидемократической: «Суть не просто в том, что американская федеральная республиканская конституция была недемократична. Она была открыто антидемократична, призвана сдерживать в узде неограниченные начинания народных движений, которые легко можно было заклеить как “распри”, <...> подрывающие “баланс” добродетельной (virtuous) конституции, провозглашенной людьми, осознающими собственную добродетель и свой момент в истории» [Maddox 1993: 10]. Другой американский исследователь, Джон Маккормик, также акцентирует внимание на элитистских и аристократических чертах, присущих республиканизму, в связи с чем заявляет, что «республиканизм, если его не подвергнуть переформулировке, в результате которой от него самого мало что останется, может только усугубить самые худшие черты современной либеральной демократии: произвол, которым социально-экономические и политические элиты пользуются в ущерб населению» [McCormick 2003: 616–617].

Несмотря на долю истины, которая присутствует в подобных оценках, едва ли можно назвать республиканскую традицию антидемократической. В рамках этой традиции вопрос о том, как создать систему инклюзивного народного правления, не был центральным, поскольку республиканцев куда больше заботили проблемы сохранения стабильности государства и воспитания добродетельных граждан. Этим же обусловлен ограниченно-демократический характер республиканизма: будучи сосредоточенными на проблеме устойчивости государства, республиканские теоретики в той или иной форме обращались к теории смешанной конституции, в рамках которой народному элементу отведена лишь ограниченная роль.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И КОНЦИЛИАРИЗМ

В классической работе «Основания современной политической мысли» Квентин Скиннер замечает, что «XVI век был свидетелем не только зарождения идеологии абсолютизма, но и ее главного соперника — теории, согласно которой всякая политическая власть пребывает в теле народа» [Скиннер 2018б: 166]. Большую роль в развитии этой теории сыграла концепция народного сувере-

нитета, разработанная в XIV в. Марсилием Падуанским и Бартоло де Сассоферрато [Скиннер 2018а: 119]. Некоторые ключевые аргументы в поддержку этой теории были разработаны в рамках примирительного движения, а также в результате интерпретации некоторых положений частного римского права [Скиннер 2018б: 167, 182]. Впоследствии конституционалистская аргументация была развита в наиболее влиятельных католических трактатах по вопросам политической теории [Там же: 167].

Стоит также отметить, что на характер европейского политического дискурса неизгладимое влияние оказала двухполюсная модель средневекового общества, обусловленная институциональным дуализмом церкви и государства. Как указывает Гельмут Кенигсбергер, в многочисленных конфликтах и спорах между церковью и государством были заложены основы европейской традиции поиска правовой защиты от тирании и рационализации политического дискурса [Кенигсбергер 2001: 188]. Значение институционального дуализма церкви и государства для развития рациональной политической аргументации подчеркивает также С.Е. Кондратенко [Кондратенко 2013: 9].

Движение концилиаризма конца XIV — начала XV в. возникло в попытке предотвратить раскол католической церкви путем ее реформирования и ограничения власти папы в пользу Церковного собора [Burns 1991: 573]. Непосредственной причиной возобновленного интереса к концилиаристским идеям стала Великая западная схизма — раскол в католической церкви, начавшийся в 1378 г. с избранием на святой престол сразу двух пап: сначала Урбана VI, а потом Климента VII. Первый представлял «римскую» партию, а второй — «авиньонскую». Кроме того, сыграло свою роль укрепление внутрицерковной централизации и усиление полномочий понтифика, произошедшее во время Авиньонского пленения, в результате чего власть Папы (по крайней мере, внутри церкви) приобрела еще более монархический характер [Ibid.].

Несмотря на то что первоначально концилиаристские тезисы представлялись как специальные аргументы *ad hoc*, направленные прежде всего на защиту католической церкви от ересей и дурного правления пап, уже в трудах Жана Жерсона и его последователей

идея церкви как конституционной монархии стала выводиться из более общего представления о природе политического сообщества [Скиннер 2018б: 167]. Помимо того, что Жан Жерсон, как впоследствии и Николай Кузанский, попытался применить теорию смешанного правления для ограничения власти папы [Гуторов 2014: 118], он также пришел к совершенно конституционалистскому выводу, согласно которому «любая общность, в которой правитель “стоит над законом” или обладает абсолютными правами в отношении имущества подданных, вообще не является *ex hipithesi*, предположительно, подлинным “политическим” обществом» [Скиннер 2018б: 171]. Это утверждение основывалось на развитой Жерсоном «субъективной» теории права, согласно которой владение правом на что-либо подразумевало власть свободного распоряжения. Однако, как настаивал Жерсон, ни папа, ни какой-либо светский правитель не может свободно распоряжаться государством или имуществом своих подданных. Любой правитель должен править во благо своего государства и в соответствии с законом, поскольку он является лишь *minister* или *rector*, но не абсолютным сувереном [Там же: 171–172].

Впоследствии конституционалистские тезисы Жерсона были развиты Джоном Майром и его учеником Жаком Альменом. Подобно Жерсону, они признавали, что ни один правитель не может обладать властью большей, чем той, которой обладает народ. Развивая аргументацию своего учителя, Альмен утверждал, что в дополитическом состоянии люди обладали правом вершить правосудие от своего имени, в связи с чем «право меча» не возникает вместе с образованием государства, но лишь уступается государю. Поэтому, как настаивает Альмен, права, которыми правитель обладает на основании позитивного закона, первоначально принадлежали обществу на основании природного закона [Скиннер 2018б: 172–175]. Разрабатывая эту радикальную теорию *Imperium*, Майр и Альмен формулируют ее наиболее подрывное следствие: правитель, неспособный управлять государством соответствующим образом, может быть законно смещен. Вместе с тем на вопрос, кому именно принадлежит право смещения государя, ни Майр, ни Альмен не дают ясного ответа. Вероятнее всего, с точки зрения конци-

лиаристов, такое право должно принадлежать представительному собранию всех сословий [Там же: 180].

Стоит отметить, что точка зрения, согласно которой теории Жерсона и других концилиаристов являются предтечами современного конституционализма, порой подвергается сомнению. Так, Кэри Недерман подвергает критике попытки связать теории концилиаристов с современным конституционализмом. Как указывает Недерман, концепции концилиаристов можно назвать конституционалистскими лишь в ограниченном смысле этого слова, а именно если сводить конституционализм к ограниченному законопавлению и верховенству права [Nederman 1990: 192]. В то же время современный конституционализм подразумевает ограничение правителей посредством общественного контроля над государственными должностными лицами, безличную концепцию правительства и гарантии неотчуждаемых прав для всех граждан [Ibid.: 193]. В этом отношении современный конституционализм различительно отличается от средневекового. Чтобы доказать влияние концилиаристов на становление современной теории конституционализма, необходимо, с точки зрения Недермана, во-первых, продемонстрировать исключительность и специфичность концилиаристского взгляда на правительство по сравнению с другими направлениями средневековой политической мысли. Без этого, по мнению Недермана, нет никаких оснований говорить, что примитивное движение оказало какое-то особое влияние на развитие конституционализма. Во-вторых, необходимо доказать, что концилиаристские взгляды подразумевали в сущности такое же понятие конституционного правления, какое принято современными мыслителями [Ibid.: 191]. В связи с этим Недерман пытается продемонстрировать, что конституционализм Жерсона был тесно связан с более общими направлениями средневековой политической мысли, и приходит к выводу, что «концепция концилиаризма, как она представлена у Жерсона, не совершила разрыва с принципами, широко признававшимися другими средневековыми авторами. Таким образом, Жерсона нельзя назвать ни средневековым предшественником, ни основателем современной конституционной теории» [Ibid.: 201]. Кроме того, теория Жерсона, по мнению Недермана, не

отражает ни одну из отличительных черт конституционализма в его современном смысле [Ibid.].

Однако, как справедливо возражает Френсис Оукли, теории концилиаристов никогда не рассматривались в качестве ознаменовавших некий «разрыв» в средневековой политической мысли, так же как никогда не утверждалось, что исключительно эти теории «породили» современный конституционализм. Кроме того, несмотря на то что концилиаристские теории были по своему духу скорее средневековыми, чем современными, это не может служить основанием для того, чтобы отрицать их влияние на становление конституционализма как современного феномена [Oakley 1995: 15–19].

Квентин Скиннер, признавая ограниченность интерпретации конституционализма как порождения исключительно концилиаристской традиции, указывает также на другой важный источник конституционалистских идей — римское право [Скиннер 2018б: 181]. Одним из способов защиты конституционалистских притязаний было обращение к аргументам из частного права, которые оправдывали применение насилия в некоторых специфических обстоятельствах. В каноническом праве ключевое значение придавалось декреталии о несправедливых судах, истолкованных во вполне конституционалистском духе Николаем деи Тудески. Последний, основываясь на комментариях папы Иннокентия IV, пришел к заключению, что сопротивление судье возможно, если судья, поступая несправедливо, наносит значительный вред [Там же: 182–184]. В гражданском кодексе также имелось несколько мест, оправдывающих применение насилия частным лицом. Составители дигест допускали два случая, когда веления закона природы отменяли запрет на применения насилия. Во-первых, считалось, что отец, чья дочь вступила во внебрачную связь с мужчиной, может на законных основаниях убить как дочь, так и мужчину; точно так же муж может убить любовника своей жены. Во-вторых, применение насилия считалось оправданным в случае самообороны, когда жизни или собственности человека угрожала опасность [Там же].

Несмотря на то что ни один из этих случаев не имеет прямого отношения к политике, некоторые радикальные теологи стали ис-

пользовать эти аргументы для оправдания сопротивления тираническому правлению королей. В частности, этим воспользовался сначала Ульям Оккам, а затем и Жан Жерсон, через которого эти аргументы переключались в главенствующее течение радикальной схоластической мысли [Скиннер 2018б: 186].

Помимо теологов, авторитет римского права использовался и некоторыми юристами, которые порой интерпретировали его в самом радикальном ключе. В этом отношении ключевыми являются попытки истолковать *regum Imperium* — высшую имперскую власть — в конституционалистском смысле, согласно которому подобной властью обладает не только император, но и нижестоящие магистраты. Подобная точка зрения подкреплялась феодальным взглядом на Священную римскую империю, согласно которому император при своем избрании заключает договор с курфюрстами и другими магистратами, принося клятву и обязуясь заботиться о процветании империи и правах подданных. Выводом из подобной трактовки имперской конституции было то, что в случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей и нарушения клятвы император может быть законным образом смещен нижестоящими магистратами. Кроме того, распространенное представление об империи как о *universitas*, то есть как об органическом единстве, каждый член которого обязан поддерживать целостность всего организма, так же предполагало допустимость применения магистратами применения меча правосудия против императора в случае, если тот своими действиями нарушит нормы справедливости, которые обязался защищать в коронационной клятве [Скиннер 2018б: 186–192].

Помимо этого, не менее значима интерпретация римского права, впервые развитая итальянским юристом Бартоло да Сассоферрато в попытке легитимизировать притязания городов-государств Северной Италии на независимость от империи [Скиннер 2018а: 99–120]. В конце XV в. некоторые юристы стали интерпретировать *Lex Regia* — закон, посредством которого римский народ передавал власть императору, — в конституционалистском смысле, доказывая, что поскольку любой правитель ставится властью *Lex Regia*, «он обладает статусом не суверена, который является *maior*

universis, а избираемого должностного лица, действующего в качестве “minister государства”» [Скиннер 2018б: 196]. В связи с этим делался вывод о том, что любой государь связан обязательствами, возникающими вследствие Lex Regia, править справедливо и в соответствии с законами страны.

ТИРАНОБОРЧЕСТВО И ПРАВО НАРОДА НА ЛЕГИТИМНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Европейская традиция тираноборчества имеет долгую историю. Достаточно вспомнить афинский культ Гармония и Аристогона, которых превозносили как героев, избавивших город от тирании и установивших в нем *isonomia*, равнозаконие [Shear 2012: 36]. В Средние века наиболее известным теоретиком тираноборчества стал Иоанн Солсберийский, представивший в трактате «Politicus» концепцию, основанную на органистическом понимании государства. Несмотря на то, что средневековые авторы и современные исследователи порой ставили под сомнение наличие у Иоанна Солсберийского оправдания тираноубийства, вероятно, стоит согласиться с прочтением Кэри Недермана, согласно которому Солсбериец в своем трактате не только продемонстрировал, что в конце концов тирана ждет неминуемая гибель от рук убийцы, но и оправдывал законность его убийства (подробнее см: [Nederman 1988]). В сочинениях Фомы Аквинского также присутствуют места, посвященные проблеме тираноборчества. Однако Фома считал недопустимым убийство тирана, так же как сопротивление тирании со стороны частных лиц. В случае если правитель становится тираном, народ может прибегнуть к некоей высшей власти, под которой, вероятно, понимается власть сеньора над вассалом или авторитет римского понтифика [Кондратенко 2015: 64].

Новый импульс теории сопротивления получила в эпоху Реформации. Протестанты, основываясь на буквальном прочтении Послания апостола Павла к римлянам, первоначально отвергали всякую возможность сопротивления земным властями [Скиннер 2018б: 33]. Однако, когда наступление Контрреформации постави-

ло под угрозой само существование кальвинистов и лютеран, им пришлось обратиться к аргументации, легитимизирующей активное сопротивление светским властям. Для этого был использован богатый арсенал, разработанный в рамках конституционалистской традиции: протестанты обратились к аргументам концилиаристов, римскому праву, к феодально-партикулярной интерпретации имперской конституции и даже к томистской традиции естественного права.

Мартин Буцер, один из виднейших реформаторов, внес решающий вклад в развитие лютеранской теории сопротивления [Скиннер 2018б: 33]. Для оправдания сопротивления Буцер использует теорию «нижестоящих магистратов», намеки на которую просматриваются еще в сочинениях Аквината. Буцер разделяет традиционный августинианский тезис, согласно которому все власти уставлены Богом, однако в интерпретации того, кого следует считать властями, он предлагает довольно радикальную трактовку. С точки зрения Буцера, для достижения наилучшего положения дел в государстве, Бог никогда не передает власть одному человеку. Согласно такой трактовке, Богом данной властью обладает не только император, но и «нижестоящие магистраты» — курфюрсты, герцоги, графы и т.п. Это подкрепляется уже упомянутой выше конституционалистской трактовкой *regum imperium*. Таким образом, хотя частному лицу не разрешается открыто восставать против властей, такой возможностью обладают нижестоящие магистраты. Однако если юристы апеллировали к правовым обязательствам императора, Буцер настаивает, что император обязан защищать истинную, то есть лютеранскую, веру. Если же он этого не делает и впадает в ересь, долгом нижестоящих магистратов является оказать ему сопротивление и сместить с престола [там же: 299–301].

Использовались также и аргументы из частного римского права. Во время осады императорскими войсками протестантского Магдебурга, в городе стало печататься множество памфлетов, оправдывающих сопротивление властям, наиболее знаковым из которых стало «Исповедание и апология пасторов и других служителей Церкви в Магдебурге» [Скиннер 2018б: 302]. Авторы памфлета настаивают, что магистраты устанавливаются Богом для борьбы

со злом и продвижения добра, а не наоборот. Если правитель начинает творить зло, то его более нельзя считать установленным Богом. Однако и в этом случае это объясняется скорее теологически, а не юридически, поскольку причиной его низложения является не то, что он превысил предписанные полномочия, а то, что потерял божественную легитимацию. Как пишут авторы памфлета, если высшие власти не воздерживаются от нападков на истинную религию и истинное поклонение Господу, тогда нижестоящие магистраты, следуя божественному велению Господа, обязаны сопротивляться таким властям настолько, насколько это возможно [Witte 2008: 549]. Нарушив свои обязательства перед Богом, государь низводится до положения частного лица, восстание против которого трактуется как законное сопротивление несправедливому насилию [Скиннер 2018б: 318–320]. Вместе с тем оказывать сопротивление разрешается не всему народу или частным лицам, но опять же нижестоящим магистратам [Там же].

Впоследствии кальвинисты разрешили некоторые противоречия, присущие лютеранским оправданиям сопротивления, и внесли значительный вклад в развитие этой теории. В аргументации Буцера присутствовала одна серьезная проблема: одновременно признавая, что все власти установлены от Бога, он в то же время пытался доказать законность сопротивления. Это противоречие попытались разрешить радикальные кальвинисты — Джон Понет, Кристофер Гудмен и Джон Нокс. Они пришли к выводу, что единственным способом доказать законность сопротивления является отказ от августирианского тезиса, согласно которому любая власть, даже не исполняющая своих обязательств, является установленной Богом. В связи с этим перед ними встает следующий вопрос: если не Бог поставил тиранов на царство, почему они правят? Их ответ состоит в том, что Бог выбирает магистратов, которых благочестивый народ должен впоследствии распознать. Согласно такой трактовке, правителем нельзя избирать женщину, иностранца, человека, обладающего большими богатствами и верящего только в силу, и т.п. Если люди выбирают нечестивого правителя, значит они не смогли распознать божественные знаки, указывающие на правильный выбор, и правитель-тиран не может считаться установленным

Богом [Скиннер 2018б: 333–338]. Соответственно, ему можно сопротивляться.

Жан Кальвин, несмотря на неопределенность многих его формулировок, также внес вклад в развитие теории сопротивления. Он обратился к довольно схожей с теорией «нижестоящих магистратов» идее, а именно к идее «эфоральной власти», согласно которой право осуществлять сопротивление имеют выбранные народом магистраты, аналогами которых были спартанские эфоры и римские народные трибуны [Скиннер 2018б: 339]. К этой же идее обращался и Ульрих Цвингли. Отличием этой концепции от теории «нижестоящих магистратов» является то, что «эфоральные власти» представляются не просто как обычные магистраты, но именно как магистраты, установленные Богом (и, возможно, выбранные гражданами) для защиты народа от произвола правителей [Там же: 341].

Таким образом, можно выделить две общие черты теорий сопротивления, разработанных первыми поколениями протестантов. Во-первых, оказывать активное сопротивление не могли частные лица или весь народ. Это было прерогативой нижестоящих магистратов, эфоральных властей и т.п. Во-вторых, эти теории сопротивления имели религиозное, но не секулярное обоснование. Сопротивление правителю оправдывалось, если он был идолопоклонником и еретиком, препятствующим осуществлению истинной веры, то есть если он был католиком. В этом отношении сопротивление являлось не юридическим или моральным правом, но религиозным долгом.

Секуляризация теории сопротивления произошла позднее, в контексте религиозных войн во Франции. Гугеноты оказались в этой стране в подавляющем меньшинстве, в результате чего приводить протестантские аргументы не имело смысла. Событием, сыгравшим определяющую роль в становлении кальвинистской теории революции, стала Варфоломеева ночь [Witte 2008: 546–547]. Если до нее гугеноты имели надежды на мирное сосуществование и проводили политику компромиссов с режимом Валуа, то после им пришлось принять более радикальную позицию и разработать доктрину, способную мобилизовать против монархии Валуа более

широкие слои населения, в том числе католиков. Попытку создать такую теорию предпринял Франсуа Отман, который в своей «Франкогаллии» апеллировал к древней французской конституции, которая в его трактовке приобрела популистский характер [Скиннер 2018б: 461]. Тем не менее интерпретация французской истории Отманом была достаточно произвольна и тенденциозна, в результате чего навлекла на себя шквал критики со стороны консервативных сторонников абсолютизма, поставивший под сомнение возможность использования ее для оправдания сопротивления. Кроме того, как таковой теории «Франкогаллия» не содержала, а представляла собой скорее историю Франции, содержащую жесткую критику текущего режима [Там же: 471–474].

Это вынудило таких видных гугенотов, как Теодор Беза и Филипп Дюплесси-Морне, обратиться к теории естественного права, разработанной их противниками католиками [Скиннер 2018б: 474]. Отказавшись от идеи, согласно которой политические сообщества установлены Богом, они заявили, что первоначальным, естественным состоянием человека была свобода. В связи с этим Скиннер заостряет внимание на очевидном парадоксе: несмотря на то что, обсуждая развитие теории сопротивления, исследователи говорят о «кальвинистской теории революции», на деле обнаруживается, что собственно кальвинистских элементов в ней практически нет. Часть аргументов была заимствована у лютеран, которые, в свою очередь, подчёркнули их из гражданского и канонического права, а часть — из схоластики. Поэтому, с точки зрения Скиннера, «можно утверждать с очень небольшой натяжкой, что важнейшие основания кальвинистской теории революции были заложены их врагами-католиками» [Там же: 477]. Схожую точку зрения высказывает профессор теологии Дэвид Вандрунен, который утверждает, что кальвинистские теории сопротивления не были в своей основе ни кардинально оригинальными, ни особенно укорененными в реформаторской теологии [VanDrunen 2006: 144].

Подобно своим предшественникам томистам, кальвинисты приняли положение, согласно которому государство является творением рук человека и образуется ради защиты свобод и безопасности людей. Как указывал Беза, народ не был создан ради прави-

телей, но правители ради народа, чтобы охранять его права, свободы и привилегии [Witte 2008: 559]. Единственным легитимизирующим созданием государства актом является согласие народа [Скиннер 2018б: 489]. Тем не менее, если томисты считали короля *legibus solutus*, то есть стоящим над всеми светскими законами, гугенотские теоретики приняли радикальный конституционалистский тезис, согласно которому король является служителем государства и народа, фактически простым должностным лицом, получающим жалование за свою работу. С их точки зрения народ лишь делегирует свой суверенитет, но не отчуждает его [Там же: 495]. Вместе с тем ни Беза, ни Монре не считали, что народ непосредственно имеет право на восстание. Если правитель становится тираном, защищать народ надлежит магистратам [Там же: 496–497]. Стоит также отметить, что, помимо томистской концепции естественного права, гугеноты куда более активно, чем их предшественники, использовали аргументы из римского права [Gieseey 1970: 52–53].

Как пишет Скиннер, гугеноты совершили эпохальный шаг, в результате которого «появляется всецело политическая теория революции, основанная на хорошо знакомом современном, секулярном тезисе о природных правах и первоначальном суверенитете народа» [Скиннер 2018б: 502–503]. Однако окончательный переход к популистской и секулярной доктрине права на восстание произошел в Шотландии. Ключевую роль в этом сыграл Джордж Бьюкенен. В своем трактате «О праве на королевство в Шотландии» он утверждал, что, так как весь народ соглашается учредить законное правление, право на сопротивление имеет все население, а не только его представители [Там же: 510].

В рамках статьи для нас важно, что как конституционализм, так и право на восстание зародились внутри традиций, весьма скептически настроенных по отношению к идее демократии. Ни конституционализм, ни право на сопротивление не связаны напрямую с формой правления, при которой воля народа является последней инстанцией в разрешении ключевых политических вопросов. Несмотря на то что обеих доктринах источником суверенитета считался народ, это не означало, что сам народ должен быть суве-

реном. Вместо этого и конституционалистская аргументация, и аргументация монархомахов основывались на том, что действия государя должны быть ограничены рамками закона. Представители народа, а позднее и весь народ, имели право воспрепятствовать проведению деспотичной политики, и в этом смысле обладали властью предотвращения, но не властью решения. С точки зрения Пьера Розанваллона, «[и]менно власть сказать “нет”, возможность отстранить принца или его магистратов послужила основой для самой ранней концепции легитимного и жизнеспособного социального вмешательства в политическую сферу» [Rosanvallon 2008: 127]. В этом отношении за народом закрепилось не право решать, какую политику будет проводить правитель, но право предотвратить реализацию деспотичной политики. Этот негативный суверенитет существенно отличается от суверенитета, которым обладал афинский демос на народном собрании, и в то же время он является одним из ключевых элементов современной демократии.

* * *

Зародившись в результате революционных преобразований XVII–XVIII вв., современная система парламентского представительного правления не только в институциональном, но и в идейном отношении имеет мало общего с афинским демократическим строем. Если афинская демократия позволяла небольшой прослойке свободных граждан напрямую — через народное собрание или жребий — участвовать в управлении политическими делами и таким образом осуществлять политическую власть, современная демократия представляет собой режим ограничения использования власти. Помимо этого, характерной чертой афинской демократии было стремление к равенству граждан и тождественности правящих и управляемых, что нашло свое выражение в использовании жребия для избрания должностных лиц. В современных демократиях, напротив, правящие и управляемые строго дифференцированы, а избрание должностных лиц происходит с помощью выборов — процедуры, сочетающей в себе как демократический, так и аристократический элемент.

Отчасти аристократизм и ограниченно-демократический характер современных парламентских представительных систем об-

условлены тем, что идея современной демократии сформировалась под сильным влиянием республиканской традиции и в известной степени стала ее продолжением. Ключевой проблемой, вокруг которой строился весь республиканский дискурс, было сохранение политического сообщества в условиях иррационального и непредсказуемого секулярного порядка. Афинская демократия, то есть активное и коллективное осуществление демосом политической власти, рассматривалась как неумеренное правление толпы, которое в конечном итоге ведет к распря и гибели государства. Поэтому республиканские авторы отдавали предпочтение смешанной конституции, в рамках которой демократический, аристократический и монархический элементы уравнивали друг друга, что обеспечивало устойчивость и долговечность республики. Классическими образцами смешанного правления были Римская республика, Спарта и Венеция — политические образования, в большей степени олигархические, чем демократические. Республиканской традиции также была чужда афинская идея тождественности правящих и управляемых: отвергая наследственную аристократию, и Харрингтон, и Мэдисон недвусмысленно указывали, что ее место займет естественная аристократия, избранная народом на основании заслуг, талантов и добродетелей. Таким образом, республиканская традиция содержала в себе некоторые неэгалитарные аристократические элементы, впоследствии ставшие частью современной демократической традиции.

Конституционализм, один из базовых принципов всех современных демократий, берет свое начало в аргументации концилиаристов и средневековой правовой традиции. Концилиаризм, основная идея которого состоит в приоритете решений Собора над решениями папы, возник в ответ на кризисную ситуацию в католической церкви. Первоначально концилиаристские тезисы рассматривались в качестве особой аргументации *ad hoc*, направленной на доказательство главенства Церковного Собора над папой в случае недееспособности или порочности последнего. Однако вскоре, обосновывая идею церкви как конституционной монархии, концилиаристы стали исходить из общего представления о природе политического сообщества, в результате чего их аргументация приобрела универсальный характер.

Положение римского гражданского кодекса о допустимости отвечать силой на несправедливое насилие стало еще одним источником конституционалистской аргументации. Доказывая право сопротивляться неправомерному насилию и наличие договорных обязательств императора перед его подданными, сторонники гуманистического метода в юриспруденции обратились также к феодально-партикулярной интерпретации имперской конституции. Таким образом, интерпретация договорной традиции феодального права также внесла свой вклад в развитие конституциональной теории.

Теория права народа на легитимную революцию зародилась в контексте Реформации и религиозных войн, что обусловило первоначально ее религиозный характер. Однако политическая ситуация во Франции в конце XVI в. вынудила ряд протестантских авторов обратиться к более светской трактовке права на сопротивление, результатом чего стала секулярная политическая теория революции. Вместе с тем, разрабатывая концепцию народного суверенитета, монархомахи не делали вывод об осуществлении власти народом. Концепция народного суверенитета, получившая развитие в трудах протестантских мыслителей, предполагала весьма ограниченный взгляд на роль самого народа в политической жизни. Представители народа, а позднее и весь народ, имели право воспрепятствовать проведению деспотичной политики и в этом смысле обладали властью предотвращения, но не властью решения.

Проведенный анализ идейных истоков современной демократической традиции может помочь нам приблизиться к пониманию ее смысла и ограничений. В рамках рассмотренных направлений первостепенное значение придавалось стабильности государства, защите от деспотического правления и, соответственно, обеспечению свободы от вмешательства государства. В связи с этим весьма скромная роль гражданина в управлении государством, низкий уровень гражданского участия и ограниченная степень влияния граждан на проводимую государственную политику могут рассматриваться не как следствие коррупции демократий и невозможности полноценного демократического участия в рамках массового общества, но в какой-то мере как характеристики, внутренне присущие современной демократической традиции.

Литература и источники

Аристотель. Политика // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1983. С. Т. 4. 375–645.

Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М.: Новое издательство, 2010.

Гуггенберг Б. Теория демократии (словарь политических понятий) // Полис. Политические исследования. 1991. № 4 (4). С. 136–148.

Гуторов В. А. Политическое образование и университетская традиция // Политическая экспертиза: Политекс. 2009. № 4 (5). С. 20–39.

Гуторов В. А. Теория демократии как историческая проблема: к постановке вопроса // Вестник СПбГУ. Международные отношения. Политология. 2014. № 4 (6). С. 114–126.

Кант И. К вечному миру // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.

Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. СПб.: Александрия, 2012. 500 с.

Кенигсбергер Г. Средневековая Европа: 400–1500 годы. М.: Весь мир, 2001. 384 с.

Кондратенко С. Е. К проблеме тирании и тираноборчества в средневековом политическом дискурсе // Вестник СПбГУ. Международные отношения. Политология. 2015. № 4 (6). С. 56–67.

Кондратенко С.Е. Католицизм и государство в европейском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. СПб., 2013.

Кудрявцева Т. В. Афинская демократия: «гадкий утенок» европейской историографии (от Макиавелли до Констанана) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 8. С. 124–129.

Магун А. Демократия, или Демон и гегемон. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Монтескьё Ш.-Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

Мюллер Я.-В. Споры о демократии: политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018а.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018б.

Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс; Литера, 1993.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.

Burns J.H. The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 — c. 1450. Cambridge: Cambridge University press, 1991.

Capozzi E. Republicanism and representative democracy: The heritage of James Harrington // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 1998. № 5 (2). P. 197–204.

Dahl R.A. How democratic is the American constitution? New Haven: Yale University Press, 2003.

Dupuis-Déri F. The Political Power of Words: The Birth of Pro-democratic Discourse in the Nineteenth Century in the United States and France // Political Studies. 2004. № 52 (1). P. 118–134.

Finley M. Athenian Demagogues // Past & Present. 1962. № 21 (1). P. 3–24.

Giesey R.E. The Monarchomach Triumvirs: Hotman, Beza and Mornay // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1970. № 32 (1). P. 41–56.

Hansen M. The Tradition of The Athenian Democracy A.D. 1750–1990 // Greece & Rome. 1992. № 39 (1). P. 14–30.

Kerferd G.B. The Sophistic Movement. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Maddox G. Republic or democracy? // Politics. 1993. № 28 (4). P. 9–26.

McCormick J.P. Machiavelli against Republicanism: On the Cambridge School's "Guicciardinian Moments" // Political Theory. 2003. № 31 (5). P. 615–643.

Nederman C.J. A Duty to Kill: John of Salisbury's Theory of Tyrannicide // The review of Politics. 1988. № 50 (3). P. 365–389.

Nederman C. J. Conciliarism and constitutionalism: Jean Gerson and medieval political thought // History of European ideas. 1990. №, 12 (2). P. 189–209.

Oakley F. Nederman, Gerson, Conciliar Theory and Constitutionalism: Sed Contra // History of Political Thought. 1995. № 16 (1). P. 1–19.

Pocock J.G.A. Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century // The William and Mary Quarterly: A Magazine of

Early American History. Williamsberg: Omohundro Institute of Early American History and Culture, 1965. P. 549–583.

Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Roberts J. Athens on Trial: The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Rosanvallon P. Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham; New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987.

Saxonhouse A. W. Athenian Democracy: Modern Mythmakers and Ancient Theorists // Political Science and Politics. 1993. № 26 (3). P. 486–490.

Shear J.L. Religion and the Polis: The Cult of the Tyrannicides at Athens // Kernos. 2012. № 25 (1). P. 27–55.

Shoemaker R.W. “Democracy” and “Republic” as Understood in Late Eighteenth-Century America // American Speech. 1966. № 41 (2). P. 83–95.

VanDrunen D. The use of natural law in early Calvinist resistance theory // Journal of Law and Religion. 2006. № 21 (1). P. 143–167.

Witte J. Rights, Resistance, and Revolution in the Western Tradition: Early Protestant Foundations // Law and History Review. 2008. № 26 (3). P. 545–570.

Wootton D. Republicanism, liberty, and commercial society, 1649–1776. Stanford: Stanford University Press, 1994.

ON INTELLECTUAL FOUNDATIONS OF THE MODERN DEMOCRATIC TRADITION

I. Fomichev

Abstract. *In Ancient Greece democracy has not gained popularity among philosophers and thinkers. Until the 19th century, it was associated with lawlessness and mob rule. Such an assessment was shared, among many others, by James Madison and Alexander Hamilton, the founding Fathers of the United States. The most favorable form of government was republic, which was far from being identified with democracy. And in the eyes of those who laid the foundations of USA, it was an example of genuine republic, but not a democracy. Only in the 1830s did the word “democracy” begin to acquire positive connotations and politicians and publicists began to use it to describe the system of representative government of the United States. In this regard, this article discusses the role played by the Republican tradition in the formation of the modern idea of democracy. Since the key values of republicanism were not universal equality and the rule of the people, but the stability and durability of the state, this tradition is democratic only to a limited extent. Republic — as it was understood by the second president of the USA John Adams — was rather a mixture of aristocracy and democracy.*

The author also considered emergence of such key principles of modern democracy as constitutionalism and the right to resist. Both of these principles originated within traditions very skeptical of the idea of democracy. Neither constitutionalism nor the right to resist is directly related to the form of government in which the will of the people is the final authority in resolving key political issues. Despite the fact that within the framework of both doctrines the people were considered to be the source of sovereignty, this did not mean that the people themselves should be sovereign. Instead, both the constitutionalist argumentation and the arguing of the monarchomachs were based on the assumption that the sovereign's actions should be limited to the law.

At the end of the article it is concluded that the low level of civic participation and the limited degree of influence of citizens on the state policy can be considered as characteristics inherent in modern democracy.

Keywords: *democracy, representative government, republicanism, constitutionalism, conciliarism, tyrannicide, the right of legitimate revolution.*

References

Aristotle. *Politika* [Aristotle. Politics], In: *Aristotle. Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. Moscow: Mysl', 1983, vol. 4, pp. 375–645. (In Russian)

Bailyn B. *Ideologicheskie istoki Amerikanskoj revolyucii* [The Ideological Origins of the American Revolution]. Transl. from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2010. (In Russian)

Burns J. H. *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 — c. 1450*. Cambridge: Cambridge University press, 1991.

Capozzi E. Republicanism and representative democracy: The heritage of James Harrington, *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, 1998, 5 (2), pp. 197–204.

Dahl R.A. *How democratic is the American constitution?* New Haven: Yale University Press, 2003.

Dupuis-Déri F. The Political Power of Words: The Birth of Pro-democratic Discourse in the Nineteenth Century in the United States and France, *Political Studies*, 2004, 52 (1), pp. 118–134.

Federalist. Politicheskie ehssy A. Hamiltona, J. Madisona i J. Jaya [The Federalist Papers by A. Hamilton, J. Madison, J. Jay]. Transl. from English. Moscow: Progress publ.; Litera, 1993. (In Russian)

Finley M. Athenian Demagogues, *Past & Present*, 1962, 21 (1), pp. 3–24.

Giesey R.E. The Monarchomach Triumvirs: Hotman, Beza and Mornay, *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, 1970, 32 (1), pp.41–56.

Gutorov V.A. Teoriya demokratii kak istoricheskaya problema: k postanovke voprosa [The theory of democracy as a historical problem: towards the formulation of the question], *Vestnik SPbGU, Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya.*, 2014, No. 4 (6), pp. 114–126. (In Russian)

Gutorov V.A. Politicheskoe obrazovanie i universitetskaya tradiciya [Political Education and the University tradition], *Politicheskaya ehkspertiza: Politeks*, 2009, No. 4 (6), pp. 20–39. (In Russian)

Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'* [Democracy, reason morality]. Transl. from Germany. Moscow: Academia, 1995. (In Russian)

Hansen M. The Tradition of The Athenian Democracy A.D. 1750–1990, *Greece & Rome*, 1992, 39 (1), pp. 14–30.

Hugenberg B. Teoriya demokratii (Slovar' politicheskikh ponyatij) [Theory of democracy (Dictionary of political concepts)]. Transl. from Deutsch. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1991, No. 4 (4), pp. 136–148. (In Russian)

Kanfora L. *Demokratiya. Istoriya odnoj ideologii* [Democracy. History of one ideology]. Transl. from Italian. St. Petersburg: Aleksandriya, 2012. (In Russian)

Kant I. K vechnomu miru [Perpetual Peace: A Philosophical Sketch], In: Kant I. *Sobranie sochinenij v 8 t. [Collected Works in 8 vols.]*. Transl. from Deutsch. Moscow: Choro, 1994, vol. 7, pp. 5–56. (In Russian)

Kerferd G.B. *The Sophistic Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Kondratenko S.E. K probleme tiranii i tiranoborchestva v srednevekovom politicheskom diskurse [On the problem of tyranny and tyrannicide in medieval political discourse], *Vestnik SPbGU, Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya.*, 2015, no. 4 (6), pp. 56–67. (In Russian)

Kondratenko S.E. *Katolicizm i gosudarstvo v evropejskom politicheskom diskurse [Catholicism and the state in the European political discourse]*. Abstract of the thesis for the degree of candidate of political Sciences. St. Petersburg, 2013. (In Russian)

Königsberger H. *Srednevekovaya Evropa: 400–1500 gody [Medieval Europe: 400–1500 years]*. Transl. from English. Moscow: Ves' mir, 2001. (In Russian)

Kudryavtseva T.V. Afinskaya demokratiya: «gadkij utenok» evropejskoj istoriografii (ot Makiavelli do Konstana) [Athenian democracy: “ugly duckling” of European historiography (from Machiavelli to Constant)], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 2006, no. 8, pp. 124–129. (In Russian)

Maddox G. Republic or democracy? *Politics*, 1993, 28 (4), pp. 9–26.

Magun A. *Demokratiya, ili Demon i gegemon [Democracy, or Demon and hegemon]*. St. Petersburg: EUSP Press, 2015. (In Russian)

Manin B. *Principy predstavitel'nogo pravleniya [The Principles of Representative Government]*. St. Petersburg: EUSP Press, 2008. (In Russian)

McCormick J.P. Machiavelli against Republicanism: On the Cambridge School's “Guicciardinian Moments”, *Political Theory*, 2003, 31 (5), pp. 615–643.

Montesquieu Ch.-L. *O duhe zakonov [The Spirit of the Laws]*. Transl. from French. Moscow: Mysl', 1999. (In Russian)

Muller J.-V. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka [Contenting Democracy: Political Ideas in Twentieth-Century Europe]*. Moscow: Gaydar Institute publ., 2017. (In Russian)

Nederman C. J. A Duty to Kill: John of Salisbury's Theory of Tyrannicide, *The review of Politics*, 1988, 50 (3), pp. 365–389.

Nederman C. J. Conciliarism and constitutionalism: Jean Gerson and medieval political thought, *History of European ideas*, 1990, 12 (2), pp. 189–209.

Oakley F. Nederman, Gerson, Conciliar Theory and Constitutionalism: Sed Contra, *History of Political Thought*, 1995, 16 (1), pp. 1–19.

Plato. Gosudarstvo [The Republic], in: Plato. Sobranie sochinenij v 4 t. [Collected works in 4 vols.]. Ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-godi. Moscow: Mysl', 1994, vol. 3, pp. 79–420. (In Russian)

Pocock J.G.A. Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century, *The William and Mary Quarterly: A Magazine of Early American History*, Williamsberg: Omohundro Institute of Early American History and Culture, 1965, pp. 549–583.

Pocock J.G.A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Roberts J. *Athens on Trial: The Antidemocratic Tradition in Western Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Rosanvallon P. *Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited*. Chatham. New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987.

Saxonhouse A. W. Athenian Democracy: Modern Mythmakers and Ancient Theorists, *Political Science and Politics*, 1993, 26 (3), pp. 486–490.

Shear J. L. Religion and the Polis: The Cult of the Tyrannicides at Athens, *Kernos*, 2012, 25 (1), pp. 27–55.

Shoemaker R.W. “Democracy” and “Republic” as Understood in Late Eighteenth-Century America, *American Speech*, 1966, 41 (2), pp. 83–95.

Schumpeter J. *Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya [Capitalism, Socialism and Democracy]*. Transl. from English. Moscow: Exmo, 2007. (In Russian)

Skinner K. *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli: v 2 t. T. 1: Epoha Rennansans [The Foundations of Modern Political Thought. Vol. I: The Renaissance]*. Transl. from English. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018a. (In Russian)

Skinner K. *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli: v 2 t. T. 2: Epoha Reformatsii. [Skinner K. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. II: The Age of Reformation]*. Transl. from English. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018b. (In Russian)

VanDrunen D. The use of natural law in early Calvinist resistance theory, *Journal of Law and Religion*, 2006, 21 (1), pp. 143–167

Witte J. Rights, Resistance, and Revolution in the Western Tradition: Early Protestant Foundations, *Law and History Review*, 2008, no. 26 (3), pp. 545–570.

Wootton D. *Republicanism, liberty, and commercial society, 1649–1776*. Stanford: Stanford University Press, 1994.

ИЗУЧЕНИЕ НИЗОВЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДОЛОГИЯ

А.С. Мищенко

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.20>

Аннотация. *Анализируется история изучения низовых экологических движений за рубежом. Актуальность изучения опыта зарубежных исследований таких движений для российской науки заключается в том, что в настоящее время в России обострилась экологическая ситуация, вызванная тем, что в стране сформировалась группа интересов, готовая извлекать прибыль в ущерб сохранению окружающей среды. Страны Западной Европы, США и Япония в начале 1960-х годов также переживали острый экологический кризис. Выход из этого кризиса стал возможен благодаря широкому развитию экологического движения, прежде всего на низовом уровне. Делается попытка анализа истории изучения низовых экологических движений в развитых странах. Рассматриваются различные теоретические подходы к изучению таких движений. Описываются характеристики и особенности движений, выявленные различными зарубежными исследователями в процессе их изучения. Проводятся параллели между сформировавшимися за рубежом типами низовых экологических движений и движениями, возникающими в России.*

Ключевые слова: *низовые общественные инициативы, общественные движения, экологическое движение, низовые экологические движения, экологические проблемы, экологические риски, экологическая политика, мобилизация ресурсов, политические возможности, репертуар коллективных действий, теории общественных движений, пространственно-фреймовый анализ, экологические права, экологический дискурс, социальная сеть экологических движений.*

Как предсказывали многие авторы, в России в последнее время обострилась экологическая ситуация [Прокопенко 2015; Тагаева, Гильмундинов, Казанцева 2016; Усов 2017]. В то же время многие

экологические организации, зарегистрированные как некоммерческие (НКО), в соответствии с принятым законом «Об иностранных агентах» получают статус «иностранный агент», что практически делает невозможным продолжение их природоохранной деятельности [Тулаева, Тысячнюк, Хенри 2017; Давыдова, Каминская 2017].

Однако отмечается также рост низовой общественной активности, в том числе экологической направленности, связанной с решением локальных экологических проблем, в первую очередь в крупных городах. По мнению некоторых авторов, в Москве происходит не просто активизация местных сообществ и их быстрая самоорганизация, но и возникают цепочки решения отдельных прагматических вопросов» [Волков, Колесников 2016]. Валентин Дьяконов отмечает, что рост низовой общественной активности начался в 2011 г. после массовых протестов против фальсификации выборов: «В противовес разочарованиям, принесенным массовой попыткой утвердить себя в качестве политической силы, либерально настроенные граждане начали усиленно заниматься общественной сферой. <...> В каком-то смысле они совершили путь, обратный схеме происхождения государства по Аристотелю и спустились от общества, формирующего государство, на нижние этажи — город, двор, семью» [Дьяконов 2017].

В связи с этим актуальным становится изучение низовых общественных инициатив в России, в частности экологической направленности. В то же время отечественный опыт изучения таких движений явно недостаточен. Поэтому возникает потребность осмысления зарубежного опыта изучения низовых экологических движений и оценки возможностей его использования в России. В статье автор делает такую попытку.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НИЗОВЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Появление низовых экологических движений связано с возникновением в 1960-х годах новых общественных движений, связанных с инициативой принятия решений снизу вверх, а не сверху вниз и организацией действий на местном уровне [Gove 1961]. Эти

движения привлекли внимание таких исследователей, как М. Кастьелс [Castells 1978; 1983], А. Мелуччи [Melucci 1980; 1984; 1985; 1994], А. Турен [Touraine 1988], П. Экинс [Ekins 1992]. В конечном итоге, это привело к появлению парадигмы «новых общественных движений» [Казенин, Королева 2018].

Первоначально экологическое движение возникло как движение за сохранение природной среды и было ответом на хищническую эксплуатацию природных ресурсов. Наиболее характерно это было для США [Dunlap, Mertig 1992]. Были созданы крупные природоохранные организации как на государственном, так и на международном уровне, такие как Сьерра-клуб, Национальное Одобновское общество и Общество охраны дикой природы в США; Королевское общество охраны птиц, Общество защиты Озерного края в Великобритании; Всемирный фонд дикой природы, Международный союз охраны природы и природных ресурсов, Всемирная федерации защиты животных и др.

Возникновение низовых экологических движений совпало с появлением других новых общественных движений в 1960-х годах. Исследователи отмечали следующие причины этого:

— усилилось загрязнение непосредственной среды обитания людей в городах, связанное с развитием промышленности и применением химикатов в сельском хозяйстве, что стало отражаться на здоровье значительных групп населения [Hays 1987];

— 1960-е годы породили новую политическую культуру, которая поощряла людей, особенно молодежь, предпринимать непосредственные действия для решения общественных проблем [Dunlap, Gale 1972];

— быстрый рост научных знаний об экологических проблемах и их распространение средствами массовой информации;

— увеличение числа горожан, отдыхающих на природе, которые напрямую сталкивались с разрушением естественной природной среды;

— экономический бум после Второй мировой войны, увеличивший в обществе средний класс, который решил свои материальные проблемы и стал предъявлять повышенные требования к качеству жизни [Dunlap, Mertig 1992];

— уже существовавшие экологические движения стали получать существенную поддержку со стороны благотворительных фондов, что позволило им поддерживать низовые экологические движения [Mitchell 1989].

В это время в американской социологии, изучавшей общественные движения, использовалась модель «естественной истории» возникновения и развития социального движения, предложенная А.Л. Моссом. Он считал, что общественные движения возникают вокруг осознаваемой людьми социальной проблемы. Сторонники решения проблемы объединяются в одну или несколько организаций, которые пытаются мобилизовать других для работы над улучшением проблемных условий (например, деградация окружающей среды, расизм, сексизм и т.д.). Эти организации должны получать поддержку средств массовой информации, общественности, потенциальных источников финансирования и в конечном счете политиков. Некоторые из таких «социально-проблемных движений» успешно мобилизуют достаточную поддержку для организации общественных действий, направленных на решение проблемы. Решения, как правило, принимают форму новых правительственных постановлений и учреждений, которые означают институционализацию движения. В процессе достижения такого успеха движение, как правило, теряет импульс: его организации превращаются в формализованные группы интересов, активисты — в чиновников, многие из его лидеров кооптируются правительством, чтобы работать в госорганах, призванных решать данную проблему, или просто устают от борьбы, и поддержка сокращается по мере того, как средства массовой информации обращаются к новым проблемам, и общественность предполагает, что государственные органы заботятся об улучшении проблемных условий. Усилия, направленные на оживление движения, недопущения застоя и кооптации во власть, могут привести к жестокой борьбе внутри движения и его расколу, при этом «жесткие активисты» откажутся от тех, кого кооптирует правительство или соблазняют работой «внутри системы». Эти тенденции могут привести к прекращению движения, и оно исчезает практически без какого-либо улучшения проблемных условий, которые его породили

[Mauss 1975]. Модель Мосса близка к появившейся позже модели «мобилизации ресурсов», с которой он во многом согласился [Mauss 1989].

Модель «мобилизации ресурсов» для изучения экологических движений использовал Р.П. Гейл [Gale 1986]. Он обратил внимание на то, что экологическое движение, вопреки прогнозам приведенных выше моделей, в целом выстояло и достигло устойчивости в 1980-е годы. Одной из причин этого явилось противостояние движения антиэкологической политике администрации Р. Рейгана. В ходе этой борьбы экологическое движение не только избежало гибели, но испытало серьезную активизацию, увеличивая членство, создавая новые организации (особенно на местном уровне) и получило поддержку со стороны общественности и политиков. Это говорит о том, что усилия правительства по откровенному подавлению или «деинституционализации» хорошо укоренившегося движения (в отличие от использования более тонких методов «захвата и кооптации»), могут иметь обратный эффект. Угрожая с трудом завоеванному «группой интересов» статусу экологов, администрация Рейгана возродила активность экологического движения [Gale 1986].

Р.С. Митчелл [Mitchell 1989] считал, что укреплению экологического движения в США в 1980-е годы способствовали и следующие причины:

— экологические проблемы стали более заметны и угрожали всем слоям населения, независимо от их социального статуса, что способствовало широкому отклику на призыв к охране окружающей среды;

— появились новые экологические проблемы, зачастую более масштабные (например, кислотные дожди) и более зловещие (например, истощение озонового слоя), чем старые проблемы (загрязнение воды, воздуха и т.д.);

— растущее общественное признание факта постоянного ухудшения состояния окружающей среды в результате институционализации экологической науки в правительстве, академических кругах, и особенно самих экологических организаций, также стимулируемое вниманием средств массовой информации;

— экологические знания были институционализированы не только в рамках движения как такового, но и во многих правительственных учреждениях, научных ассоциациях, учебных заведениях и даже в церкви.

По мнению Дэвида Оутса [Oates 1989], такие тенденции позволяли говорить о том, что экологическое сознание вошло в систему американских ценностей.

Еще одной тенденцией экологического движения в США стало увеличение его разнообразия. С одной стороны, сформировалось «национальное экологическое лобби», которое было представлено крупными экологическими движениями. Предметом социологического изучения становятся проблемы этих организаций, связанные с привлечением новых и удержанием старых членов, организационной структурой, стратегий их действий (лоббирование, судебные процессы, организация исследований, участие в избирательных кампаниях) [Mitchell, Mertig, Dunlap 1991].

С другой стороны, появилось радикальное крыло экологического движения, обеспокоенного прежде всего сохранением дикой природы, представленное такими известными сегодня организациями, как Greenpeace, Earth First! («Земля прежде всего!»), Sea Shepherd Conservation Society (SSCS; «Общество охраны морской фауны») и др. [Manes 1990].

Фундаментальным же изменением в области охраны окружающей среды стало быстрое увеличение числа и известности местных низовых организаций. Это были слабо скоординированные группы добровольцев, которые, как правило, создавались как реакция на местные экологические угрозы, представляющие опасность для здоровья человека. Такие группы появились в ответ на широкий спектр проблем: токсичные отходы, существующие или предлагаемые свалки, мусоросжигательные заводы и т.д. Они стали известны как движения «не на моем заднем дворе» (NIMBY) и были направлены прежде всего, как правило, на противодействие ухудшению окружающей среды на территориях, примыкающих к местам проживания [Freudenberg, Steinsapir 1991].

Анализируя все эти тенденции, Райли Данлоп приходит к выводу, что в 1970–1980-е годы экологическое движение в США зна-

чительно укрепилось за счет привлечения в свои ряды представителей широких социальных слоев (представителей рабочего класса, меньшинств и женщин), решения широкого круга экологических проблем (от локальных опасностей для здоровья людей до среды обитания диких животных и глобальной защиты экосистем), применения в борьбе большого диапазона тактик. Возросшее разнообразие в движении, по его мнению, привело к его большей устойчивости в целом, предоставляя ему больше ресурсов и участников [Dunlap, Mertig 1992].

Представляется, что необходимо дать определение понятию *низовые экологические движения*, являющемуся производным от понятия *низовые общественные движения*. *Низовые общественные движения* (grassroots movement) — это организации, которые привлекают людей в определенном районе, регионе или общине в качестве основы для политического или экономического движения. Низовые организации используют коллективные действия на местном уровне для осуществления изменений на местном, региональном, национальном или международном уровне. Низовые движения связаны с принятием решений снизу вверх, а не сверху вниз [Gove 1961].

И.А. Халий дает следующее определение *локальным экологическим* движениям — это местные экологические гражданские инициативы, группы и организации, созданные для разрешения конкретных экологических проблем локальных сообществ — от жителей микрорайонов крупных городов до райцентров, малых городов и других поселений [Халий 2000]. Существует и определение *низовых гражданских инициатив* — это неформальные объединения граждан, которые создаются для ненасильственной борьбы с конкретными недостатками общества. Такого рода объединения отличаются друг от друга разной степенью организованности, устойчивости, успешности их деятельности [Краснова 2010]. Н.Н. Ягодка считает, что понятие «гражданская инициатива» можно рассматривать в широком и узком смыслах. «В широком смысле под гражданской инициативой следует понимать любую инициативу гражданина или группы граждан конкретного государства, направленную на решение вопросов в политической, со-

циальной, экономической, экологической, бытовой и иных сферах жизни общества... В узком смысле гражданская инициатива — это конкретная индивидуальная или общественная форма волеизъявления граждан, имеющая отличительные характеристики (название, программа, органы управления и др.) и акцентирующая внимание на решении определенной проблемы (примеры, гражданская инициатива “Движение в защиту Химкинского леса”, “Лига избирателей”, “Гражданская инициатива ‘Моя Москва’”, гражданские инициативы в защиту экологии Москвы и др.)» [Ягодка 2015].

Представляется, что приведенные определения в целом описывают состав и сферу деятельности *низовых экологических движений*.

В целом можно констатировать, что основные причины возникновения низовых экологических движений следующие:

- появление новой политической культуры «низовых непосредственных действий» для решения общественных проблем;
- ухудшение среды обитания в городах, связанное с развитием промышленности и увеличением применения химикатов;
- рост в развитых странах среднего класса, предъявляющего повышенные требования к качеству окружающей среды.

Одной из особенностей экологического движения в целом и низовых экологических инициатив в частности являлось то, что в ответ на антиэкологическую политику властей оно получало новый импульс развития и большую поддержку в обществе.

Устойчивости экологического движения способствовало осознание постоянного ухудшения состояния окружающей среды, широкое распространение экологических знаний. Это в конечном итоге привело в развитых странах к появлению у общества экологического сознания, ставшего частью общественного сознания.

Увеличение количества экологических проблем на разных уровнях способствовало увеличению числа и разнообразия организаций и направлений экологического движения, в том числе и на низовом, местном уровне. Это в свою очередь привело к большей устойчивости движения в целом.

Во всем этом и видятся основные отличия экологических движений от других социальных движений, которые часто исчезают

вместе с решением породивших их проблем. Проблема же ухудшения окружающей среды и, в целом, взаимоотношения общества и природы, остается нерешенной и перспективы ее решения пока не просматриваются.

* * *

Более пристальное внимание исследователей низовые экологические движения привлекли к себе только в 1990-х годах. Они отмечали, что увеличение количества таких движений и расширение их географии было вызвано по крайней мере несколькими причинами. Томас Гомер-Диксон, Джеффри Баутвелл, Джордж Ратъенс считали, что появление таких движений вызвано конфликтами на местном уровне по поводу использования природных ресурсов на фоне ухудшения состояния окружающей среды [Homer-Dixon, Boutwell, Rathjens 1993]. Ронни Липшаттс и Кен Конка, видели причину появления низовых экозащитных движений в неспособности национальных государств решить проблемы ухудшения состояния окружающей среды [Lipschutz, Conca 1993].

Брон Тейлор [Taylor 1995] называет такие движения «народным экологическим сопротивлением» и приводит в качестве примеров «Экологическую справедливость», «Назад к Земле». Он также выделяет основные направления исследований низовых экологических движений.

Первое направление использует методологию «Grounded theory» [Glaser, Strauss 1967] — это описательные исследования, изучающие состав участников движения, описание экологической проблемы, представления участников движения о причинах их бедствий и путях выхода из ситуации.

Второе направление использует теории изучения общественных движений для исследования динамического взаимодействия макроструктурных, организационных и культурных факторов в возникновении, развитии и деятельности движений экологического сопротивления. Анализ на макроуровне рассматривает изменения в структуре экономических и политических отношений местных сообществ и последствия вторжения государственной власти и корпораций в прежде частные сферы жизни. Изучаются также

структуры повседневной жизни, культуры, формы организации и структура протестов, как традиции местных сообществ влияют на возникновение, деятельность и практики общественных движений. Также изучается, какие факторы влияют на используемые движениями тактики и нарративы, которые они производят. Это направление чаще всего использует парадигмы «мобилизации ресурсов» [McAdam, McCarthy, Zald 1988, Morris, McClurg Mueller 1992] и «новых общественных движений» [Offe 1985, Melucci 1989].

Низовые экологические движения на протяжении 1990-х и 2000-х годов устойчиво развивались, охватывая все страны и континенты. Одним из наиболее успешных низовых движений явилось «Движение за экологическую справедливость» (EJМ). Принятие во многих странах законодательства по охране окружающей среды позволило добиться значительных успехов в защите природы и здоровья человека, но оказалось, что в первую очередь выиграли представители среднего класса, а в США это были белые представители среднего класса. Экологическая дискриминация становится возможной постольку, поскольку жители бедных общин имеют меньше возможностей для того, чтобы воспользоваться правами на благоприятную окружающую среду. Они проживают, как правило, в районах с менее благоприятной экологической обстановкой и в силу своей бедности не могут сменить место проживания на более благоприятное. Кроме того, районы их проживания получают меньше инвестиций для улучшения окружающей среды. Парадигма экологической справедливости призывала к расширению прав на благоприятную окружающую среду для всех социальных групп общества [Taylor 2000].

Для определения экологической справедливости с точки зрения сообщества Дэвид Шлосберг предложил три компонента, обеспечивающего экологическую справедливость: справедливость в распределении экологических рисков; признание разнообразия сообществ, затронутых экологическим риском, и их опыта борьбы с ним; и участие в политических процессах, которые управляют экологической политикой [Schlosberg 2004]. Отмечается, что движение за горизонтальное расширение экологических прав для местных общин оказалось более эффективным путем для защиты окружающей среды.

Наиболее значимой особенностью и вкладом ЕJM стало утверждение прочной связи между социальной справедливостью и природой. Была установлена двусторонняя взаимосвязь: защита окружающей среды — это деятельность по достижению социальной справедливости, потому что бедные сообщества сильнее всего страдали от загрязнения их среды обитания; содействие социальной справедливости помогает окружающей среде, потому что социальная, экономическая и энергетическая дискриминация таких сообществ показывает слабые места в обеспечении защиты окружающей среды [Čapek 1993].

Исследователи отмечали особенности движений за экологическую справедливость, которые затрудняли их изучение. Эти движения являлись гораздо более «локальными», чем вызовы на уровне политики, и эта локальность порождала новые и различные для различных мест характеристики их активизма.

Во-первых, потому, что подобные сообщества сталкиваются с многочисленными видами дискриминации: социальной, по занятости, инвестициям, в сфере жилищного строительства, образования и т.д. И экологическая справедливость является лишь одной из тем в повестке дня их борьбы за справедливость [Schlosberg 1999]. В реальной жизни дискриминируемых сообществ несправедливость в отношении окружающей среды не отделяется абстрактно от других областей дискриминации. Чаще всего люди в таких сообществах проживают, работают, учатся и проводят досуг в пространственных границах своей общины. Этот целостный опыт и многоплановая активность затрудняют изучение их усилий по изменению экологической ситуации, поскольку они переплетаются с другими целями и действиями.

Во-вторых, хотя существует множество возможных оснований для неравенства доступа к власти — раса, класс или этническая принадлежность, они являются теми характеристиками, которые, скорее всего, будут весьма однородными на уровне сообщества, где возникает экологическая угроза и сопротивление ей.

В-третьих, существуют сложные отношения между экологическим активизмом на местном и национальном уровнях политики. Локальность таких движений также можно рассматривать как

ограничение, потому что местные победы не меняют экологическую политику; местные движения борются за справедливое правоприменение экологического законодательства, а не за его реформирование [Cable, Benson 1993].

Отмечается также сложная двусторонняя связь между местным и национальным уровнями экологической активности: обнаруживаются закономерности в жалобах местных групп, связанных с их дискриминацией, в то время как национальные экологические движения обучают местные группы борьбе за экологическую справедливость [Сарек 1993].

Становится очевидным и некоторое разделение труда между различными уровнями экологического движения, например прямые действия на местном уровне и судебные тяжбы на уровне национальных организаций [Taylor 2000].

В ходе продолжения исследований все в большей мере отмечалось возрастание значения экологических движений локального масштаба. Отмечалось, что местный экологический активизм являлся повсеместным и рос даже в те времена, когда экологические проблемы не занимали первые места в национальной повестке дня различных стран [Rootes 2007]. Исследования свидетельствовали о резком увеличении числа местных групп экологических движений. Возникал вопрос о том, что способствует локализации экологического активизма. На этот вопрос различными исследователями давались следующие объяснения.

Во-первых, логика экологической политики последних десятилетий заключалась в локализации. Это объяснялось двумя основными причинами. С одной стороны, после значительных политических побед нового/реформаторского экологического движения реализация экологических реформ стала самым сложным этапом разработки экологической политики. Кристорфер Рутс указывал, что осуществление экологической политики обязательно локально; местный уровень — это то место, где проведение политики встречается с препятствиями местных обстоятельств [Rootes 2007]. С другой стороны, в экологической политике и активизме наблюдалась устойчивая тенденция к признанию и привлечению новых групп и сообществ. В местных экологических движениях стали

участвовать ранее маргинализированные сообщества. Это расширение сопровождалось все более дифференцированным взглядом на человека и природу: от человека отдельного от природы к человеку в окружающей среде и, наконец, к осознанию того, что люди не равны в отношении условий их окружающей среды. Поэтому местные общины стали важными субъектами и контекстами экологической политики.

Во-вторых, на протяжении 1990–2000-х годов ведущей экономической политикой многих стран стал неолиберальный капитализм, политической и экономической логикой которого являлось возрастание значения масштаба местного развития. Капитализм всегда приводил к неравномерному географическому развитию на всех его этапах, так как одни места были привилегированны по сравнению с другими как места накопления капитала. В неолиберальном управлении местные общины несут все большую ответственность за местное развитие и услуги как в отношении принятия решений, так и в отношении предоставления ресурсов. Они становятся основной экономической единицей, где происходит политическая борьба и социально-экономическое производство [Brenner, Theodore 2002]. В результате усиливается конкуренция между населенными пунктами в постоянной борьбе за то, чтобы быть ядром, а не периферией, и за само определение этих позиций. Неравномерное распределение выгод и рисков между населенными пунктами напрямую связано с окружающей средой: одни населенные пункты отказываются от развития, другие накапливают или эксплуатируют ценные ресурсы, третьи превращают окружающую среду в объект продажи качества жизни для желательных жителей.

В-третьих, с социологической точки зрения наблюдалась тенденция к смещению политики в более частные контексты, от национального к общинному и индивидуальному масштабам. В постиндустриальном обществе протест становится децентрализованным, экспрессивным и основанным на идентичности [Buechler 1995].

Таким образом, можно сделать вывод, что «движение за экологическую справедливость» стало наиболее успешным среди других низовых экологических движений. Добиваясь расширения эколо-

гических прав, оно оказалось наиболее эффективным для защиты окружающей среды на местном уровне.

Была также установлена взаимосвязь между защитой окружающей среды и достижением социальной справедливости, поскольку бедные сообщества сильнее всего страдали от загрязнения их среды обитания. Устранение социальной несправедливости помогает и улучшению состояния окружающей среды, поскольку дискриминация бедных сообществ показывает слабые места в обеспечении защиты окружающей среды в целом.

Были также выявлены особенности «движения за экологическую справедливость», которые необходимо учитывать при его изучении. В том числе то, что экологическая дискриминация воспринимается членами маргинальных сообществ как часть общей дискриминации, и борьба за экологическую справедливость является лишь одной из тем в их борьбе за социальную справедливость.

Выявилась также сложная связь между местными и национальными уровнями экологической активности: прямые действия по улучшению окружающей среды на местном уровне и судебные процессы на уровне национальных организаций. Кроме того, национальные экологические движения обучают местные способам борьбы за экологическую справедливость.

Отмечалась также тенденция к локализации экологических движений. Это было связано с тем, что реализация экологической политики часто сталкивалась с препятствиями местных обстоятельств. Кроме того, господство на протяжении 1990–2000-х годов неолиберальной экономической политики привело к усилению территориального неравенства, а также к повышению ответственности местных общин, в том числе и за состояние окружающей среды.

* * *

В процессе исследования низовых экологических движений у исследователей возникло три группы вопросов:

1. Как окружающая среда становится темой для общественной активности? Какой экологический дискурс становится доминирующим в сообществе и каким образом?

2. Как происходит консолидация сообщества вокруг экологической проблемы и ее конкретными проявлениями?

3. Какова связь между местными экологическими движениями и движениями более высокого уровня (региональными, национальными, глобальными)?

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НИЗОВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

В рамках ответа на вопросы о возникновении местного экологического активизма исследования традиционно ориентировались на такие темы, как:

— механизмы вовлечения в участие в местных экологических организациях [Kitts 1999],

— организационные характеристики местных организаций — их структурные особенности [Andrews, Edwards 2005],

— выбор тактики и репертуара коллективных действий [Sherman 2008],

— механизмы и формы формирования местных экологических коалиций [Mix 2011],

— использование движениями политических возможностей и зависимость от них результатов, которые они получают в ходе борьбы [Almeida, Stearns 1998],

— возможности и условия привлечения движениями средств массовой информации для формирования общественного мнения [Andrews, Caren 2010],

— влияние наличия организаций движения «За гражданские права» на количество создаваемых низовых экологических организаций [Stretesky, Huss, Lynch, Zahran, Childs 2011].

Эти исследования в основном были описательными и в большинстве случаев сосредоточены на организационном и надорганизационном уровне активности, который оставляет нетронутыми важные аспекты местной активности на низовом уровне.

В 1990-е годы для изучения экологической протестной активности все чаще стала применяться теория новых социальных дви-

жений, которую часто считают парадигмой [Buechler 1995]. Местная экологическая активность на низовом уровне изучалась при помощи этой теории, потому что местная политика часто основана на защите идентичности данного места, а также погружена в повседневную жизнь жителей и межличностные связи внутри места проживания, она реагирует на вторжение внешних государственных или корпоративных сил и является частной, часто обращенной внутрь к самоопределению своего образа жизни.

Одной из особенностей местных экологических движений можно считать то, что они находятся в сложной ситуации, когда их претензии выдвигаются против «научных» знаний [Rootes 2013]. Интерпретация технологии на ее соответствие местной среде становится важной задачей местного экологического активизма. Преимущество сообщества возникает из местных знаний. Местные знания основаны на повседневной жизни и социальном взаимодействии в регионе [Devine-Wright 2009]. Эти знания из первых рук дают местным жителям полномочия и легитимность оспаривать экспертные знания и могут рассматриваться как дополнение к научным данным и, таким образом, влиять на местные усилия в области охраны окружающей среды. Это сильно отличает их от подхода национальных природоохранных организаций, которые основывают свои претензии на научных и универсальных знаниях, чтобы влиять на разработку политики, и часто избегают взаимодействия с местными защитниками природы, чтобы защитить свой авторитет [Rootes 2007].

Несмотря на принятие новых законов, расширяющих возможности местных сообществ требовать от правительств и корпораций соблюдения их интересов, есть причины, по которым реальная власть остается важной, помимо прав в формальном смысле. Во-первых, государство отдает предпочтение росту и накоплению капитала [Cable, Benson 1993], поэтому регулирование той или иной отрасли бизнеса имеет крен в его пользу. Это часто называется «регулятивным захватом», когда корпорации могут сознательно рисковать, загрязнять среду и платить штрафы, не подвергаясь уголовному преследованию. Часто для использования «грязной» технологии корпорации выбирают такие местные сообщества, ко-

торые не обладают достаточной силой и властью, чтобы им сопротивляться. Таким образом, неформальная власть сообщества становится решающей в процессе принятия решений, связанных с ухудшением состояния окружающей среды.

Еще одним аспектом, повышающим уязвимость местных обществ, является положение, когда они находятся в ситуации компромисса между отсутствием экологических рисков и возможностями для экономического развития. В этой ситуации сообщество может выбрать один «товар» в ущерб другому (занятость против здоровья), по принципу «заработная плата важнее здоровья». Таким образом, бедность как показатель отсутствия активов, контролируемых на местах, приводит к разрушению окружающей среды [Saitta 2012].

Кроме того, вопросы бессилия и уязвимости касаются не только взаимоотношений между общественными активистами и силами, угрожающими окружающей среде. Неравенство власти существует и в рамках экологических движений, в сообществах и среди активистов. Местная низовая группа часто оказывается в маргинальном положении в сети активистских сообществ, и главным определяющим фактором для этого является мобильность, в свою очередь определяемая материальными и культурными ресурсами. Такое маргинальное положение означает отсутствие права голоса в разработке стратегии, управлении и расходовании ресурсов сетевого движения, что может означать нерелевантные или неблагоприятные цели и результаты движения [Nicholls 2009].

При изучении возникновения *экологического дискурса* часто имеют в виду общественные процессы коммуникации и интерпретации фактического положения или неизбежного при нарушении естественного состояния [Castro 2006]. Члены сообщества осознают связь изменений и их агентов с местным сообществом через социальное взаимодействие, общение и отношение к истории и самооценке сообщества. Эти интерпретационные процессы могут способствовать возникновению *дискурса экологической справедливости* или *дискурса местного контроля*, если сообщество устанавливает связь возникающей проблемы с историей дискриминации, осознает свое положение неравенства по отношению к власти

[Gibbs 2002] или невыполнение ожиданий справедливого, то есть демократического, принятия решений о введении изменений [Schlosberg 2004].

В целом можно констатировать, что причины возникновения низового экологического активизма кроются среди таких факторов, как защита идентичности данного места, противодействие вторжению внешних сил, защита своего образа жизни.

Часто низовые экологические движения возникают при столкновении интересов корпораций и местного сообщества, когда государство отдает предпочтение экономическому росту в ущерб окружающей среде местного сообщества.

КОНСОЛИДАЦИЯ СООБЩЕСТВА ВОКРУГ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Для более адекватного описания процессов консолидации сообществ вокруг экологической проблемы была привлечена теория фрейминга [Benford, Snow 2000]. Она позволяла создавать объяснительные конструкции для связи восприятия и эмоций сообщества, связанных с экологической угрозой и поведением в ответ на эту воспринимаемую угрозу. Эти социальные представления (такие как чувство общности и коллективной эффективности) и поведение по устранению угрозы служат смыслообразующими функциями процессам консолидации в сообществе и составляют социальный капитал на индивидуальном поведенческом уровне [Perkins, Hughey, Speer 2002].

Используемый для изучения местных экологических движений *пространственно-фреймовый анализ* представляет собой применение теории фрейминга из социологии социальных движений [Benford, Snow 2000], сфокусированной на материальных и символических измерениях места как основы коллективного, основанного на идентичности активизма. Д. Мартин непосредственно использовал три функции фреймов: мотивационную (характеризующую сообщество как активиста), диагностическую (определяющую проблемы и возлагающую вину) и прогностическую (определяющую решения и действия для их достижения)

[Martin 2003]. Последние две функции наиболее тесно связаны с интерпретацией экологических изменений.

Важнейшим дискурсивным и интерпретирующим процессом в мобилизации местного сообщества в охране окружающей среды является создание общей идентичности, позволяющей преодолеть разнородные экологические ценности и практики. И основным путем к этой общей идентичности является приоритет места над другими социальными идентичностями [Martin 2003].

Исследования, применяющие теорию фрейминга к идентичности с местом, приходят к выводу, что идентичность места в значительной степени вытеснила профессиональную идентичность в результате нелиберальной децентрализации, передачи власти и уменьшения представительства корпоративных групп [Larsen 2008]. Группы с различным социальным и экономическим статусом, проживающие в одном и том же месте, более похожи, чем группы с одинаковым статусом, проживающие в разных местах [Martin 2003]. Еще одним более проработанным источником общей идентичности во фреймовых исследованиях является конфликт с властью и территориальное неравенство по отношению к власти. Согласно этой точке зрения, местное сообщество консолидируется в сопротивлении внешней силе. Местные жители понимают, что они находятся в позиции слабости власти. Это неравенство власти может быть основано на месте проживания. Усиление внешнего давления приводит к усилению общей идентичности [Larsen 2008]. Такой консолидирующий механизм согласуется с точкой зрения В. Гамсона на фрейминг, который имеет элементы несправедливости, свободы воли и идентичности. Для Гамсона идентичность активиста определяется в оппозиции к противнику [Gamson 1992]. Осознание и артикуляция территориального неравенства власти также способствуют формированию чувства несправедливости, которое основано на моральном негодовании: общины хотят жить только так, как им нравится, но подвергаются посягательствам и угрозам со стороны глобализации, государственной бюрократии и жадности корпораций. Результатом является консолидация общины и защита своей среды обитания [Woods 2003].

Таким образом, при использовании для изучения консолидации сообщества теории фрейминга консолидация предстает в виде связей восприятия и эмоций сообщества и поведением его в ответ на воспринимаемую экологическую угрозу. Эти социальные представления (чувство общности и коллективной эффективности) и поведение по устранению угрозы служат смыслообразующими функциями процессов консолидации в сообществе и составляют социальный капитал на индивидуальном поведенческом уровне.

Важнейшим процессом в мобилизации местного сообщества в охране окружающей среды является также создание общей идентичности, основным путем к которой является приоритет места над другими социальными идентичностями. Группы с различным социальным и экономическим статусом, проживающие в одном и том же месте, более похожи, чем группы с одинаковым статусом, проживающие в разных местах.

СВЯЗЬ МЕЖДУ МЕСТНЫМИ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ДВИЖЕНИЯМИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ БОЛЕЕ ВЫСОКОГО УРОВНЯ

При изучении связи между местными экологическими движениями и движениями регионального и национального уровня исследователи снова обратили внимание на движения «Not-In-My-Backyard» — «Не в моем заднем дворе» (NIMBY). С децентрализацией управления и делегирования части властных функций местным сообществам активность NIMBY стала рассматриваться как демократия на низовом уровне и расширение прав и возможностей сообществ [Schively 2007]. Такого рода движения стали со временем объединять местные сообщества в защите от общих угроз («не в чьем-либо заднем дворе»). Освободительный потенциал таких действий заключался в том, что их цели обеспечивали свободу сообществ от экологических угроз и несправедливого давления. Расширение общественной активности могло также обеспечивать свободу контроля окружающей среды и местное развитие, защищать желаемый образ жизни. Такая экспансия выше местного уровня выражалась в повышении осведомленности о причинах

проблем, солидарности и общей идентичности с другими общинами, появлением социальных сетей для увеличения организационных возможностей [Schively 2007].

Исследователи выделяют несколько сценариев перехода от местного экологического активизма к общественному движению.

Первый сценарий — это политическая экспансия. Преодоление локального необходимо, потому что вопрос должен быть политизирован и решен на уровне национальной политики, превращен из рутинного спора планирования (когда местные жители противостоят экспертам и бюрократам) в высокий политический вопрос [Rootes 2013]. Местные активисты пытаются представить угрозу, с которой они сталкиваются, как повсеместную и универсальную, чтобы привлечь внимание общественности и включить ее в политическую повестку дня [Johnson, Frickel 2011]. Проблемы, стоящие на национальной политической повестке дня, могут быть рассмотрены общенациональными организациями экологического движения (ЕМОs). Другим путем оказания давления на уровень национальной политики является создание сетей и коалиций групп с аналогичными требованиями и координация национальных или региональных действий по решению проблем [Rootes 2007, Mix 2011]. В политической экспансии такая работа очень важна для общения с широкой публикой. Не только для того, чтобы обозначить проблему как публичную, но и для того, чтобы представить задачу ее решения как справедливую и законную. Роль региональных и национальных (ЕМОs) также имеет решающее значение как посредников между местным и национальным масштабами и как «экспертов» в пропаганде экологической политики [Saunders 2007]. Работа местных и национальных организаций может быть взаимодополняющей в рамках разделения труда в процессе разработки политики, когда местные активисты выделяют проблему, которую общенациональная организация затем представляет на политическом уровне [Rootes 2007].

Второй сценарий, описанный в литературе по низовым экологическим движениям, — расширение движения на низовом уровне. Возникающие местные сообщества, которые формулируют свои проблемы в терминах неравенства, власти и экологической

справедливости, узнают друг о друге и объединяются в сеть [Schlosberg 1999]. Поскольку справедливость является объединяющей основой, экологические проблемы сообществ могут быть разными. Никакие зонтичные или информационно-пропагандистские организации в этом случае не нужны. Часто используется центр обработки данных как платформа для обмена опытом и подключения местных активистов. Расширение сообщества происходит за счет мобилизации новых групп и их взаимодействия для обучения и консультаций. В то же время каждая группа поддерживает полный локальный контроль над своей стратегией и действиями [Brulle, Pellow 2006]. Такое движение представляет собой сеть мест, в которой местные организации являются филиалами, принимающими аналогичные дискурсы, претензии и тактику, но не следующие общей стратегии или указаниям организаций общественного движения. Связи солидарности и идентификации сильны, но нехватка ресурсов и разрозненность проблем и сроков не позволяют создать прочные связи и структуру между организациями [Nicholls 2009].

Расширение движения в варианте *культурной экспансии* происходит в виде связей между сообществом и внешним миром, основанных на осознании крупных проблем и идентичности. Это расширение лучше всего соответствует взглядам парадигмы новых социальных движений (NSM), когда влияние политики и национальные организации не имеют значения. Вместо этого группы разделяют оппозиционную идентичность и желание создать альтернативные бюрократической рациональности способы жизни [Buechler 1995]. Местный экологический активизм NSM необязательно должен иметь общую цель, план или действия. Такие группы стремятся остаться в одиночестве, определить и построить собственную идентичность и жизнь, альтернативную и противоречащую навязываемым извне нормам [Larsen 2008].

В целом можно сделать вывод, что при достижении определенного уровня развития и увеличения их количества низовые экологические движения стремятся к установлению как горизонтальных связей между собой, так и вертикальных с региональными и национальными экологическими движениями и организациями.

При этом могут использоваться как сценарий «политической экспансии» — установление связей с экологическими организациями более высокого уровня для политизации проблемы и привлечения к ней внимания широкой общественности, так и сценарий расширения на низовом уровне, когда движения объединяются в сети для обмена опытом, объединения ресурсов, а также презентуя свои проблемы перед внешним миром. В тех или иных случаях оба этих сценария могут использоваться одновременно в различном сочетании.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Изучение низовых экологических движений развивалось вместе с этими движениями, изменяя свою теоретическую и методологическую базу как с появлением новых форм движений, так и с развитием теоретического багажа, используемого для изучения этих движений.

2. Основными теоретическими концепциями изучения низовых экологических движений являются концепции, применяемые в социологии общественных движений.

В 1970–1980-х годах наиболее популярным подходом была теория мобилизации ресурсов, при помощи которой изучались стратегия и тактика движений, факторы роста и упадка движений, институциональные и внеинституциональные формы коллективных действий, ресурсы, привлекаемые движением (людские, финансовые, территориальные, информационные). Использовалась также методология «Grounded theory» — это описательные исследования, изучающие состав участников движения, экологические проблемы, представления участников движения о причинах их бедствий и путях выхода из ситуации.

Начиная с 1990-х годов для изучения низовых экологических движений все чаще стала использоваться парадигма новых общественных движений, в рамках которой изучались ценности участников движений, идентичность, структуры повседневной жизни, культура.

С 2000-х годов для изучения низовых экологических движений стала привлекаться теория фрейминга, которая позволяла объяснять представления и эмоции участников движений в связи с экологическими угрозами, поведение участников движений, консолидацию протестов. Кроме того, использовался пространственно-фреймовый анализ, фокусирующийся на материальных и символических измерениях места как базы для коллективного, основанного на идентичности активизма.

3. Экологические движения в целом и низовые экологические инициативы в частности имеют определенные отличия от других общественных движений.

Во-первых, экологические движения имеют широкую социальную базу, так как экологические проблемы могут угрожать всем слоям населения, независимо от их социального статуса.

Во-вторых, экологические движения, по сравнению с другими общественными движениями, показывают высокую устойчивость и способность к расширению вплоть до международного уровня. Этому прежде всего способствует нерешенность проблемы ухудшения окружающей среды в мире в целом.

В-третьих, низовые экологические движения стараются сохранять автономию от «больших» национальных и международных движений.

В-четвертых, низовые экологические движения начали образовываться как локальные, так и более широкие объединения сетевого характера, причем некоторые из них приобрели международный характер. Это связано с тем, что часто локальные экологические проблемы невозможно решить на местном уровне.

4. Существует взаимосвязь между решением экологических проблем и решением проблемы социального неравенства. Низовые экологические движения становятся при этом составной частью движений за социальную справедливость.

5. Низовые экологические движения служат базой для демократии на низовом уровне, являясь «школой» гражданской активности.

6. В 2000-х годах также наметилась тенденция к консолидации низовых общественных движений. С одной стороны, они стали

больше сотрудничать с национальными и международными экологическими организациями, часто являясь низовым уровнем для появления новых национальных и международных движений. С другой стороны, стали создавать низовые сети, которые действуют на региональном уровне и помогают низовым экологическим движениям более эффективно бороться с возникающими экологическими угрозами, а также с давлением государства и корпораций.

7. Можно провести параллели с появлением низовых экологических движений за рубежом и в России. Сегодня большинство низовых экологических инициатив в России можно отнести к категории движений «Не в моём заднем дворе». Это движения против уплотнительной застройки, за сохранение зеленых зон и парков в городах. Примерами таких движений могут служить движения в защиту парков «Дубки» и «Торфяновка» в Москве, «Удельного парка» и «Парка 300-летия» в Санкт-Петербурге, движение в защиту «Химкинского леса». Кроме того, возникают и движения, которые носят характер движений за экологическую справедливость, примерами такого движения является движение в г. Волоколамске за закрытие мусорного полигона и «мусорные бунты» в других городах России. В России появились и сетевые объединения низовых экологических движений, что во многом связано с широким распространением социальных сетей. Одним из примеров такого объединения является «Зеленая коалиция Петербурга» в социальной сети «ВКонтакте», включающая в себя 41 инициативную группу по защите зеленых насаждений в Санкт-Петербурге.

Литература и источники

Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации / Московский центр Карнеги. URL: <https://www.carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437> (дата обращения: 14.12.2016).

Давыдова А., Каминская М. От сложностей — к возможностям. Новые тенденции в российском и международном природоохранном движении. // Экология и право. 2017. №1. С. 8–9.

Дьяконов В. Государство с нуля. Делай Сам/а: практики низовых гражданских инициатив. М.: Перо, 2017.

Казенин К.И., Королева М.Н. Социология общественных движений — основные подходы. М.: РАНХиГС, 2018.

Краснова О.Н. Инициатива гражданская. // Новая философская энциклопедия: в 4 т.: М.: Мысль, 2010. Интернет-версия издания. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH21229a534112eabfb76221> (дата обращения: 20.11.18).

Прокопенко Ю.И. Риски России: экология и здоровье. Екатеринбург: Издательские решения, 2015.

Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М., Казанцева Л.К. Экологическая ситуация и природоохранная политика в регионах России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 78–92.

Тулаева С., Тысячнюк М., Хенри Л.А. Стратегии экологических НПО в контексте принятия Закона об иностранных агентах: игры с формальностью // *Laboratorium*. 2017. № 9. С. 18–43.

Турен А. Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998.

Усов Е.И. Экоактивисты подвели неутешительные итоги Года экологии. URL: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/green-planet/blog/60868/?utm_source=smm&utm_medium=fb&utm_campaign=other&utm_content=news_1212_badbadbad (дата обращения: 11.12.2017).

Халий И.А. Зеленое движение в России в конце XX века // Россия в окружающем мире: 2000: аналитический ежегодник / под ред. Н.Н. Моисеева, С.А. Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. URL: <http://rus-stat.ru/index.php?vid=1&year=2000> (дата обращения 19.11.18).

Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2015. № 4. С. 128–140.

Aldon D. Morris A., McClurg C.M. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Almeida P., Stearns L.B. Political opportunities and local grassroots environmental movements: The case of Minamata // *Social Problems*. 1988. Vol. 45, № 1. P. 37–60.

Andrews K., Edwards B. The Organizational Structure of Local Environmentalism // *Mobilization*. 2005. Vol. 10, № 2. P. 213–234.

Andrews K.T., Caren N. Making the news: Movement organizations, media attention, and the public agenda // *American Sociological Review*. 2010. Vol. 75, № 6. P. 841–866.

Benford R.D., Snow D.A. Framing processes and social movements: An overview and assessment // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 611–639.

Brenner N., Theodore N. Cities and the geographies of actually existing neoliberalism // *Antipode*. 2002. Vol. 34, № 3. P. 349–379.

Brulle R.J., Pellow D.N. Environmental Justice: Human Health and Environmental Inequalities // *Annual Review of Public Health*. 2006. Vol. 27. P. 103–124.

Buechler S.M. New social movement theories // *Sociological Quarterly*. 1995. Vol. 36, № 3. P. 441–464.

Čapek S.M. The “Environmental Justice” frame: A conceptual discussion and an application // *Social Problems*. 1993. Vol. 40, № 1. P. 5–24.

Cable S., Benson M. Acting locally: Environmental injustice and the emergence of grass-roots environmental organizations // *Social Problems*. 1993. Vol. 40, № 4. P. 464–477.

Castells M. *City, Class and Power*. New York: St Martin's Press, 1978.

Castells M. *The City and the Grassroots*. London: Edward Arnold, 1983.

Castro P. Applying Social Psychology to the Study of Environmental Concern and Environmental Worldviews: Contributions from the Social Representations Approach // *Journal of Community Applied Social Psychology*. 2006. Vol. 16, № 4. P. 247–266.

Charmaz K. Loss of self: a fundamental form of suffering in the chronically ill // *Sociology of Health and Illness*. 1983. Vol. 5, № 2. P. 168–95.

Devine-Wright P. Rethinking NIMBYism // *Journal of Community Applied Social Psychology*. 2009. Vol. 19, № 6. P. 426–441.

Dunlap R.E., Mertig A.G. The Evolution of the U.S. Environmental Movement from 1970 to 1990: An Overview, American Environmentalism: The U.S. Environmental Movement, 1970–1990 / Ed. by R.E. Dunlap, A.G. Mertig. Washington D.C.: Taylor and Francis, 1992. P. 209–217.

Dunlap R. E., Gale R. P. Politics and ecology: A political profile of student eco-activists // *Youth and Society*. 1972. Vol. 3, № 4. P. 379–397.

Emerson R.M. *Contemporary field research: a collection of readings*. Boston: Little, Brown, 1983.

Ekins P. *A new world order grassroots movements for global change*. L.; N.Y.: Routledge, 1992.

Freudenberg N., Steinsapir C. Not in our backyards: The grassroots environmental movement // *Society and Natural Resources*. 1991. Vol. 4, № 3. P. 235–245.

Gale R. P. Social movements and the state: The environmental movement, countermovement, and government agencies // *Sociological Perspectives*. 1986. Vol. 29, № 2. P. 202–240.

Gamson W.A. Talking Politics. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

Gibbs L. Citizen activism for environmental health: The growth of a powerful new grassroots health movement // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2002. Vol. 584, № 1. P. 97–109.

Glaser B.G., Strauss A.L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research, Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.

Gove P.B. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. Cambridge, Massachusetts: Riverside Press, 1961.

Hays, S. P. Beauty, health, and permanence: Environmental politics in the United States, 1955–1985. N.Y.: Cambridge University Press, 1987.

Homer-Dixon T.F, Boutwell J.H, Rathjens G. W. Environmental Change and Violent Conflict // *Scientific American*. 1993. № 2. P. 38–45.

Johnson E. W., Frickel S. Ecological Threat and the Founding of U.S. National Environmental Movement Organizations, 1962–1998 // *Social Problems*, 2011. Vol. 58, № 3. P. 305–329.

Kitts J.A. Not in our backyard: Solidarity, social networks, and the ecology of environmental mobilization // *Sociological Inquiry*. 1999. Vol. 69, № 4. 551–574.

Larsen S.C. Place making, grassroots organizing, and rural protest: A case study of Anaheim Lake, British Columbia // *Journal of Rural Studies*. 2008. Vol. 24, № 2. P. 172–181.

Lipschutz R.D., Conca K. The State and Social Power in Global Environmental Politics. N. Y.: Columbia University Press, 1993.

Manes, C. Green rage: Radical environmentalism and the unmaking of civilization. Boston: Little, Brown, 1990.

McAdam D., McCarthy J., Zald M. Social Movements / ed. by in Neil Smelser. Handbook of Sociology, Beverly Hills, CA: Sage, 1988.

Martin D. 'Place-framing' as place-making: Constituting a neighborhood for organizing and activism // *Annals of the Association of American Geographers*. 2003. Vol. 93, № 3. P. 730–750.

Mauss A.L. Social problems as social movements. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1975.

Mauss A. L. Beyond the illusion of social problems theory // *Perspectives on Social Problems*, 1989. Vol. 1. P. 19–39.

Melucci A. The new social movements: a theoretical approach // *Social Science Information*. 1980. Vol. 19, № 2. P. 199–226.

Melucci A. An end to social movements? Introductory paper to the sessions on “new movements and change in organizational forms” // *Social Science Information*. 1984. Vol. 23, № 4–5. P. 819–835.

Melucci A. The symbolic Challenge of Contemporary Movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52, № 4. P. 789–816.

Melucci A. *Nomad of the Present*. Philadelphia: Temple University Press, 1989.

Melucci A. Paradoxes of Post-Industrial Democracy: Everyday Life and Social Movements // *Berkley Journal of Sociology*. 1993–1994. Vol. 38. P. 185–192.

Mitchell R. C. From conservation to environment movement: The development of the modern environmental lobbies. In *Government and Environment Politics* / ed. M. J. Lacey. Washington, DC: Wilson Center Press, 1989. P. 81–113.

Mitchell R. C., Mertig A.G., Dunlap R. E. Twenty Years of Environmental Mobilization: Trends among National Environmental Organizations // *Society and Natural Resources*. 1991. Vol. 4, № 3. P. 219–234.

Mix T.L. Rally the people: Building local-environmental justice grassroots coalitions and enhancing social capital // *Sociological Inquiry*. 2011. Vol. 81, № 2. P. 174–194.

Morris A.D., McClurg Mueller C. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Nicholls W. Place, networks, space: Theorizing the geographies of social movements // *Transaction Institute British Geography*. 2009. Vol. 34, № 1. P. 78–93.

Oates D. *Earth rising: Ecological belief in an age of science*. Corvallis: Oregon State University Press. 1989.

Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // *Social Research: An International Quarterly*. 1985. Vol. 52, № 4. P. 817–868.

Perkins D.D., Hughey J., Speer P.W. Community psychology perspectives on social capital theory and community development practice // *Journal of the Community Development Society*. 2002. Vol. 33, № 1. P. 35–52.

Rootes C. Acting locally: The character, contexts and significance of local environmental mobilizations // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16, № 5. P. 722–741.

Rootes C. From local conflict to national issue: When and how environmental campaigns succeed in transcending the local // *Environmental Politics*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 95–114.

Saitta P. History, space, and power: Theoretical and methodological problems in the research on areas at (industrial) risk // *Journal of Risk Research*. 2012. Vol. 15, № 1. P. 1299–1317.

Saunders C. The local and the national: relationships between national and local environmental movement organisations in London // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16, № 5. P. 742–764.

Schlosberg D. Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement // *Environmental Politics*. 1999. Vol. 8, № 1. P. 122–148.

Schlosberg D. Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories // *Environmental Politics*. 2004. Vol. 13, № 3. P. 517–540.

Schively C. Understanding the NIMBY and LULU Phenomena: Reassessing Our Knowledge Base and Informing Future Research // *Journal of Planning Literature*. 2007. Vol. 21, № 3. P. 255–266.

Sherman D.J. Disruption or convention? A process-based explanation of divergent repertoires of contention among opponents to low-level radioactive waste disposal sites // *Social Movement Studies*. 2008. Vol. 7, № 3. P. 265–280.

Stretesky P.B., Huss S., Lynch M.J., Zahran S., Childs B. The Founding of Environmental Justice Organizations across U.S. Counties during the 1990s and 2000s: Civil Rights and Environmental Cross-Movement Effects // *Social Problems*. 2011. Vol. 58, № 3. P. 330–360.

Taylor B. The global emergence of popular ecological resistance, Ecological Resistance Movement. The Global Emergence of Radical and Popular Environmentalism. Albany: State University of N.Y. Press, 1995.

Taylor D.E. The rise of the Environmental Justice paradigm: Injustice framing and the social construction of environmental discourses // *American Behavior Science*. 2000. Vol. 43, № 4. P. 508–580.

Woods M. Deconstructing rural protest: The emergence of a new social movement // *Journal of Rural Studies*. 2003. Vol. 19, № 3. P. 309–325.

THE STUDY OF GRASSROOTS ENVIRONMENTAL MOVEMENTS: THE HISTORY, THEORETICAL APPROACHES, METHODOLOGY

A. Mishchenko

Abstract. *the Article analyzes the history of the study of grassroots environmental movements abroad. The relevance of the study of the experience of foreign studies of such movements for Russian science is that currently in Russia the environmental situation has worsened due to the fact that the country has formed a group of interests, ready to make a profit at the expense of environmental conservation. Countries in Western Europe, the United States and Japan in the early 60-ies also experienced an acute environmental crisis. The way out of this crisis became possible due to the wide development of the ecological movement, first of all, at the grass-roots level. The article attempts to analyze the history of the study of grassroots environmental movements in developed countries. Various theoretical approaches to the study of such movements are considered. The characteristics and features of movements identified by various foreign researchers in the process of their study are described. Parallels are drawn between the types of grassroots environmental movements formed abroad and the movements emerging in Russia.*

Keywords: *grass-roots community initiatives, social movements, the environmental movement, resource mobilization, political opportunities, theories of social movements, the space-frame analysis, environmental discourse, the social network of the environmental movement.*

References

Aldon D. Morris A., McClurg C.M. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Almeida P., Stearns L.B. Political opportunities and local grassroots environmental movements: The case of Minamata, *Social Problems*, 1988, 45, (1), pp. 37–60.

Andrews K., Edwards B. The Organizational Structure of Local Environmentalism, *Mobilization*, 2005, 10 (2), pp. 213–234.

Andrews K.T., Caren N. Making the news: Movement organizations, media attention, and the public agenda, *American Sociological Review*, 2010, 75 (6), pp. 841–866.

Benford R.D., Snow D.A. Framing processes and social movements: An overview and assessment, *Annual Review of Sociology*, 2000, 26, pp. 611–639.

Brenner N., Theodore N. Cities and the geographies of actually existing neoliberalism, *Antipode*, 2002, 34 (3), pp. 349–379.

Brulle R.J., Pellow D.N. Environmental Justice: Human Health and Environmental Inequalities, *Annual Review of Public Health*, 2006, 27, pp. 103–124.

Buechler S.M. New social movement theories, *Sociological Quarterly*, 1995, 36 (3), pp. 441–464.

Čapek S.M. The “Environmental Justice” frame: A conceptual discussion and an application, *Social Problems*, 1993, 40 (1), pp. 5–24.

Cable S., Benson M. Acting locally: Environmental injustice and the emergence of grass-roots environmental organizations, *Social Problems*, 1993, 40 (4), pp. 464–477.

Castells M. *City, Class and Power*. New York: St Martin's Press, 1978.

Castells M. *The City and the Grassroots*. London: Edward Arnold, 1983.

Castro P. Applying Social Psychology to the Study of Environmental Concern and Environmental Worldviews: Contributions from the Social Representations Approach, *Journal of Community Applied Social Psychology*, 2006, 16 (4), pp. 247–266.

Charmaz K. Loss of self: a fundamental form of suffering in the chronically ill, *Sociology of Health and Illness*, 1983, 5 (2) pp. 168–95.

Davyidova A., Kaminskaya M. Ot slozhnostey — k vozmozhnostyam. Novyye tendentsii v rossiyskom i mezhdunarodnom prirodoohrannom dvizhenii [From difficulties to opportunities. New trends in the Russian and international environmental movement], *Ekologiya i pravo [Ecology and law]*, 2017, 1, pp. 8–9. (In Russian)

Devine-Wright P. Rethinking NIMBYism, *Journal of Community Applied Social Psychology*, 2009, 19 (6), pp. 426–441.

Dunlap R.E., Mertig A.G. The Evolution of the U.S. Environmental Movement from 1970 to 1990: An Overview, *American Environmentalism: The U.S. Environmental Movement, 1970–1990*. Ed. by R.E. Dunlap, A.G. Mertig. Washington D.C.: Taylor and Francis, 1992, pp. 209–217.

Dunlap, R. E., and R. P. Gale. 1972. Politics and ecology: A political profile of student eco-activists, *Youth and Society*, 1972, 3 (4), pp. 379–397.

Dyakonov V. *Gosudarstvo s nulya. Delay Sam/a: praktiki nizovyih grazhdanskih initsiativ* [State from scratch. Do It yourself/a: practices of grassroots civic initiatives]. Moscow: Perot, 2017. (In Russian)

Emerson R.M. *Contemporary field research: a collection of readings*. Boston: Little, Brown, 1983.

Ekins P. *A new world order grassroots movements for global change*. London: New York: Routledge, 1992.

Freudenberg N., Steinsapir C. Not in our backyards: The grassroots environmental movement, *Society and Natural Resources*, 1991, 4 (3), pp. 235–245.

Gale R. P. Social movements and the state: The environmental movement, countermovement, and government agencies, *Sociological Perspectives*, 1986, 29 (2), pp. 202–240.

Gamson W.A. *Talking Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

Gibbs L. Citizen activism for environmental health: The growth of a powerful new grassroots health movement, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2002, 584 (1), pp. 97–109.

Glaser B.G., Strauss A.L. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.

Gove P.B. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. Cambridge, Massachusetts: Riverside Press, 1961.

Haliy I.A. Zelyonoe dvizhenie v Rossii v kontse XX veka [Green movement in Russia at the end of XX century]. In: *Rossiya v okruzhayuschem mire: 2000 (Analiticheskiy ezhegodnik)* [Russia in the world: 2000 (Analytical Yearbook)]. Ed. by: N. N. Moiseeva, S. A. Stepanova]. Moscow: Izd-vo MNEPU [Publishing house MNEPU], 2000. URL: <http://rus-stat.ru/index.php?vid=1&year=2000> (available: 19.11.18). (In Russian)

Hays, S. P. *Beauty, health, and permanence: Environmental politics in the United States, 1955–1985*. New York: Cambridge University Press, 1987.

Homer-Dixon T.F, Boutwell J.H, Rathjens G.W. Environmental Change and Violent Conflict, *Scientific American*, 1993, 2, pp. 38–45.

Johnson E.W., Frickel S. Ecological Threat and the Founding of U.S. National Environmental Movement Organizations, 1962–1998, *Social Problems*, 2011, 58 (3), pp. 305–329.

Kazenin K.I., Koroleva M.N. *Sotsiologiya obschestvennykh dvizheniy — osnovnyie podhodyi* [The sociology of social movements — the main approaches]. Moscow: RANHIGS [Russian Academy of national economy], 2018. (In Russian)

Kitts J.A. Not in our backyard: Solidarity, social networks, and the ecology of environmental mobilization, *Sociological Inquiry*, 1999, 69, pp. 551–574.

Krasnova O.N. Initsiativa grazhdanskaya [Civil Initiative]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia], in 4 vols. Moscow: Myisl, 2010. Internet version of the publication. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH21229a534112eabfb76221> (available: 20.11.18). (In Russian)

Larsen S.C. Place making, grassroots organizing, and rural protest: A case study of Anaheim Lake, British Columbia, *Journal of Rural Studies*, 2008, 24 (2), pp. 172–181.

Lipschutz R.D., Conca K. *The State and Social Power in Global Environmental Politics*. New York: Columbia University Press, 1993.

Manes C. *Green rage: Radical environmentalism and the unmaking of civilization*. Boston: Little, Brown, 1990.

McAdam D., McCarthy J., Zald M. Social Movements. In: *Handbook of Sociology*. Ed. by in N. Smelser. Beverly Hills, CA: Sage, 1988.

Martin D. 'Place-framing' as place-making: Constituting a neighborhood for organizing and activism, *Annals of the Association of American Geographers*, 2003, 93 (3), pp. 730–750.

Mauss A. L. *Social problems as social movements*. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1975.

Mauss A. L. Beyond the illusion of social problems theory, *Perspectives on Social Problems*, 1989, 1, pp. 19–39.

Melucci A. The new social movements: a theoretical approach, *Social Science Information*, 1980, 19 (2), pp. 199–226.

Melucci A. An end to social movements? Introductory paper to the sessions on "new movements and change in organizational forms", *Social Science Information*, 1984, 23 (4–5), pp. 819–835.

Melucci A. The symbolic Challenge of Contemporary Movements, *Social Research*, 1985, 52 (4), pp. 789–816.

Melucci A. *Nomad of the Present*. Philadelphia: Temple University Press, 1989.

Melucci A. Paradoxes of Post-Industrial Democracy: Everyday Life and Social Movements, *Berkley Journal of Sociology*, 1993–1994, 38, pp. 185–192.

Mitchell R. C. From conservation to environment movement: The development of the modern environmental lobbies. In: *Government and Environment Politics*. Ed. M. J. Lacey. Washington, DC: Wilson Center Press, 1989, pp. 81–113.

Mitchell R. C., Mertig A.G., Dunlap R. E. Twenty Years of Environmental Mobilization: Trends among National Environmental Organizations, *Society and Natural Resources*, 1991, 4 (3), pp. 219–234.

Mix T.L. Rally the people: Building local-environmental justice grassroots coalitions and enhancing social capital, *Sociological Inquiry*, 2011, 81 (2), pp. 174–194.

Morris A.D., McClurg Mueller C. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Nicholls W. Place, networks, space: Theorizing the geographies of social movements, *Transaction Institute British Geography*, 2009, 34 (1), pp. 78–93.

Oates D. *Earth rising: Ecological belief in an age of science*. Corvallis: Oregon State University Press, 1989.

Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics, *Social Research: An International Quarterly*, 1985, 52 (4), pp. 817–868.

Perkins D.D., Hughey J., Speer P.W. Community psychology perspectives on social capital theory and community development practice, *Journal of the Community Development Society*, 2002, 33 (1), pp. 35–52.

Prokopenko Yu.I. *Riski Rossii: ekologiya i zdorove* [Risks of Russia: ecology and health]. Ekaterinburg: Izdatelskie resheniya, 2015. (In Russian).

Rootes C. Acting locally: The character, contexts and significance of local environmental mobilizations, *Environmental Politics*, 2007, 16 (5), pp. 722–741.

Rootes C. From local conflict to national issue: When and how environmental campaigns succeed in transcending the local, *Environmental Politics*, 2013, 22 (1), pp. 95–114.

Saitta P. History, space, and power: Theoretical and methodological problems in the research on areas at (industrial) risk, *Journal of Risk Research*, 2012, 15 (1), pp. 1299–1317.

Saunders C. The local and the national: relationships between national and local environmental movement organisations in London, *Environmental Politics*, 2007, 16 (5), pp. 742–764.

Schlosberg D. Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement, *Environmental Politics*, 1999, 8 (1), pp. 122–148.

Schlosberg D. Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories, *Environmental Politics*, 2004, 13 (3), pp. 517–540.

Schively C. Understanding the NIMBY and LULU Phenomena: Reassessing Our Knowledge Base and Informing Future Research, *Journal of Planning Literature*, 2007, 21 (3), pp. 255–266.

Sherman D.J. Disruption or convention? A process-based explanation of divergent repertoires of contention among opponents to low-level radioactive waste disposal sites, *Social Movement Studies*, 2008, 7 (3), pp. 265–280.

Stretesky P.B., Huss S., Lynch M.J., Zahran S., Childs B. The Founding of Environmental Justice Organizations across U.S. Counties during the 1990s and 2000s: Civil Rights and Environmental Cross-Movement Effects, *Social Problems*, 2011, 58 (3), pp. 330–360.

Tagaeva T.O., Gilmundinov V.M., Kazantseva L.K. *Ekologicheskaya situatsiya i prirodohrannaya politika v regionah Rossii* [Environmental situation and environmental policy in the regions of Russia], *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2016, 12 (1), pp. 78–92. (In Russian)

Taylor B. *The global emergence of popular ecological resistance, Ecological Resistance Movement. The Global Emergence of Radical and Popular Environmentalism*. Albany: State University of N.Y. Press, 1995.

Taylor D.E. The rise of the Environmental Justice paradigm: Injustice framing and the social construction of environmental discourses, *American Behavior Science*, 2000, 43 (4), pp. 508–580.

Tulaeva S., Tyisyachnyuk M., Henri L.A. Strategii ekologicheskikh NPO v kontekste prinyatiya Zakona ob inostrannyih agentah: igryi s formalnostyu [Strategies of environmental NGOs in the context of the adoption of the Law on foreign agents: games with formality], *Laboratorium* [Laboratory], 2017, pp. 18–43. (In Russian)

Turen A. *Vozvraschenie cheloveka deystvuyushego* [The return of the current man]. Moscow: Nauchnyy mir, 1998. (In Russian)

Usov E.I. *Ekoaktivistyi podveli neuteshitelnyie itogi Goda ekologii* [Eco-Activists summed up the disappointing results of the year of ecology]. URL: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/green-planet/blog/60868/?utm_source=smm&utm_medium=fb&utm_campaign=other&utm_content=news_1212_badbadbad (available: 11.12.2017). (In Russian)

Volkov D., Kolesnikov A. *Samoorganizatsiya grazhdanskogo obschestva v Moskve. Motivyi, vozmozhnosti i predelyi politizatsii* [Self-organization of civil society in Moscow. Motives, possibilities and limits of politicization] / Moskovskiy tsentr Karnegi. [Moscow Carnegie center]. URL: <https://www.carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437> (available: 14.12.2016). (In Russian)

Woods M. Deconstructing rural protest: The emergence of a new social movement, *Journal of Rural Studies*, 2003, 19 (3), pp. 309–325.

Yagodka N.N. *Grazhdanskie initsiativy, kak instrument dialoga mezhdru vlastyu i grazhdanskim obschestvom v Rossii* [Civil initiatives as a tool of dialogue between the government and civil society in Russia], *Vestnik RUDN, seriya Politologiya* [Bulletin of the RUDN, Series Political Science], 2015, 4, pp. 128–140. (In Russian)

ДОБРОВОЛЬНЫЕ СПАСАТЕЛИ В СИСТЕМЕ ЛИКВИДАЦИИ ЧС В РОССИИ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАЖДАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ГОСУДАРСТВА

А.В. Невский

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.21>

Аннотация. *Рассматривается феномен волонтерства в чрезвычайных ситуациях как особая форма гражданского действия, осуществляемая в сотрудничестве с органами государственной власти и направленная на решение кратковременных задач. На примере добровольного спасательного сообщества, действующего в Северо-Западном регионе России, проанализированы различные виды взаимодействий между добровольцами и профессиональными спасателями, институциональные ограничения для добровольческой работы и тенденции взаимного влияния государственных спасательных служб и сообщества добровольцев.*

Ключевые слова: *волонтерство, гражданское действие, гражданское общество, добровольчество, чрезвычайность.*

ВВЕДЕНИЕ

Волонтерство в чрезвычайных ситуациях (ЧС) распространено во всем мире в различных формах: гуманитарное вмешательство в зонах природных и техногенных катастроф, работа в добровольной пожарной службе, поиск пропавших людей. В России данная сфера начала развиваться с начала 2000-х годов — вместе с инициативой МЧС о формировании студенческих спасательных отрядов, позднее — с появлением автономных общественных организаций. Ключевым для волонтерства в ЧС стал период с 2010 по 2013 г. — время массовой мобилизации граждан для ликвидации

последствий ЧС в разных регионах России¹. В этот период значительно увеличилось количество людей, интересующихся спасательной работой, появились десятки волонтерских спасательных отрядов, возник вопрос о законодательном регулировании волонтерства в ЧС. За последние пять лет волонтерство в ЧС прошло определенный период институционализации: сформировалось профессиональное сообщество добровольных спасателей, включающее несколько основных региональных общественных организаций. Часть этих организаций заключило договоры о сотрудничестве с МЧС и региональными властями. Определились сферы деятельности, в которые волонтеры могут быть допущены.

Исследователи гражданского общества обычно разделяют волонтерские организации на три типа: «вертикальные» НКО, включающие штат наемных работников и использующие волонтерский труд, низовые организации гражданского общества, нацеленные на изменение социальных институтов, организации и досуговые сообщества [Richardson et al. 2013]. Организации волонтеров в сфере ЧС в России представляют интерес, поскольку являются особой формой волонтерства. Они не предполагают использование наемного труда, не ставят своей целью влияние на социальные институты, и при этом, в отличие от досуговых организаций, направлены на благо других людей. Главное же отличие добровольных спасателей от других групп волонтеров определяется самой сферой их деятельности. Добровольцы-спасатели претендуют на доступ к той области, которая долгое время была закрыта для всех, кроме представителей силовых структур. Это накладывает определенные ограничения на организации добровольцев, например необходимость профессиональной подготовки и аттестации по требованиям, принятым для сотрудников МЧС. Вместе с тем участие в спасательной работе совместно с государственными службами открывает множество возможностей: не только доступ в закрытую сферу, но и статус спасателя, а также возможность обучаться, ис-

---

¹ Речь идет о стихийных лесных пожарах в Центральной России в 2010–2011 гг., наводнении в Краснодарском крае в 2012 г. и Хабаровском крае в 2013 г. [Аверкиев, Бендерсон, Першакова 2010, Usacheva 2013].

пользуя инфраструктуру государственных спасательных и пожарных служб.

Возможности участия волонтеров в спасательной работе практически не регулируются законодательно, а органы власти воспринимают волонтеров как вспомогательный ресурс для задач, не связанных с непосредственной работой в чрезвычайной ситуации, например для патрулирования территорий, находящихся под угрозой пожара, или организации информационных кампаний по противопожарной безопасности [Куликовский, Малышева, Малышев, 2017]. Однако на практике организации волонтеров участвуют в гораздо большем спектре работ, и инициатива чаще исходит от добровольцев, чем от государства.

Вопрос в том, что на самом деле представляет собой работа волонтеров в ЧС, в каких ситуациях здесь возникает взаимодействие общественных организаций и государства, и какие типы взаимодействия осуществляются на практике. Ответ на этот вопрос позволит понять, как именно строятся отношения органов власти, профессиональных спасательных служб и волонтеров: в какой степени нормы и правила определяют работу профессиональных спасателей и волонтеров, какие существуют тенденции во взаимодействии профессионалов и волонтеров, существует ли обратное влияние практик волонтеров на институт спасательной работы. Ответы содержатся на разных уровнях исследования: в анализе нормативных документов, выявлении разных типов взаимодействий между участниками в чрезвычайной ситуации, описании рутинных практик спасательной работы. Цель статьи — введение в исследование феномена волонтерства в ЧС в России и описание основных особенностей работы добровольных спасателей.

В первой части статьи представлено краткое описание дизайна исследования и характеристика волонтерской организации, в которой проводилась полевая работа. Вторая часть посвящена теоретическим вопросам исследования волонтерства: определению феномена и его места в других исследованиях гражданского общества. Третий раздел посвящен тому, каким образом существующее законодательство влияет на работу добровольных спасателей. Четвертый раздел представляет собой описание типичных видов работы

добровольных спасателей и ключевых аспектов их взаимодействия с государственными службами.

МЕТОД И ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы для статьи были собраны в ходе исследования Общества добровольных спасателей (далее — ОДС²), действующего в Северо-Западном регионе России. Исследование представляет собой инструментальное исследование случая [Creswell 2007; Yin 2003]: специфика общественных спасательных организаций в России показана с помощью подробного описания работы одной из таких организаций в контексте всей региональной системы спасательной работы. Такой подход не позволяет описать все тенденции взаимодействия между государством и общественными организациями, так как в ряде сфер спасательной работы участие и влияние добровольцев минимальны. Однако исследование с позиций общественной организации является перспективным для понимания тенденций развития государственных спасательных служб, которые сами в свое время вышли из профессионализировавшегося волонтерского сообщества [Elie 2013].

ОДС была выбрана в качестве объекта исследования как организация, которая по ряду направлений тесно взаимодействует с государственными аварийно-спасательными службами³, в том числе с МЧС. Юридический статус ОДС — зарегистрированная региональная общественная организация. Численность организации — 200 постоянных членов, это крупнейшее сообщество волон-

---

² Название отряда изменено.

³ В России помимо МЧС существует ряд других аварийно-спасательных служб, не подчиняющихся МЧС напрямую: муниципальные аварийно-спасательные службы, пожарные части, находящиеся в ведении субъектов федерации, и т.д. В статье используется термин «государственные службы», чтобы подчеркнуть, что в спасательной работе участвуют множество сторон. МЧС в большинстве случаев работает как координационный центр и не принимает непосредственного участия в полевых спасательных работах, описанных ниже.

теров-спасателей в Северо-Западном регионе. Средний возраст добровольцев — 32 года, соотношение женщин и мужчин — 110 и 90 соответственно. Также ОДС привлекает к работе добровольцев, не зарегистрированных в организации и не имеющих государственной аттестации, таких добровольцев около 300. Разница между этими двумя группами не только в юридическом статусе, но и в допуске к определенным видам спасательной работы внутри отряда. Так, члены ОДС имеют право участвовать в руководстве и координации поисково-спасательных работ, тогда как добровольцы юридически — это граждане, которые привлекаются для оказания содействия в проведении поисков и на этом основании также могут участвовать в работе спасателей.

Специфика региона определяет тип наиболее часто выполняемых спасательных работ. На Северо-Западе редко происходят масштабные природные катастрофы, поэтому работа МЧС и других аварийно-спасательных формирований, в том числе общественных, главным образом связана с поисковыми работами, спасением на воде и ликвидацией последствий техногенных ЧС. Основные виды работ, выполняемые добровольными спасателями в этих условиях, — это поиск пропавших людей в городской и природной среде, спасение животных, предоставление первой помощи на массовых мероприятиях и дежурство в добровольном пожарном карауле.

Основная часть полевого этапа исследования, участвующее наблюдение, проводилась с сентября 2017 г. Автор провел в ОДС 15 месяцев, работая в качестве добровольного спасателя и проходя профессиональную подготовку на квалификацию «Спасатель РФ». В исследовании описаны разные стороны повседневной деятельности ОДС:

а) практики обучения спасательной работе: теоретические занятия по подготовке спасателей, поисковые, высотные и кинологические тренировки, учения;

б) спасательная работа: поисковые работы в природной среде, дежурства на массовых мероприятиях, дежурства в добровольном пожарном карауле;

в) организационные и неформальные собрания добровольцев.

В статье описаны практики поисковой спасательной работы — наиболее распространенного вида деятельности добровольцев.

Собранные в ходе исследования данные представлены в виде дневников включенного наблюдения, видео- и аудиозаписей лекций, практических занятий, бесед со спасателями и организационных собраний ОДС. Также в исследовании использованы следующие источники: материалы электронных ресурсов ОДС (веб-сайт, форум), внутриорганизационные методические пособия по спасательной работе, уставные и нормативные документы организации, законодательство в сфере спасательной работы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОЛОНТЕРСТВА

В первую очередь необходимо определить, что такое волонтерство, что выделяет этот тип гражданской деятельности среди других и какие критерии наиболее значимы для исследования.

Основная трудность в определении волонтерства — что и на каких основаниях можно в него включить. Исследователи чаще пользуются набором критериев, чем конкретным определением волонтерства [Brudney 2010]. Однако приведенное далее определение дает возможность понять, какие характеристики рассматриваемого феномена считаются значимыми: «волонтерство — это неоплачиваемая работа на благо тех, с кем волонтер не связан обязательствами контракта, родства или дружбы» [Tilly, Tilly 1994: 291].

Это определение указывает на принципиально важную характеристику волонтерского действия — персонификацию объекта. Волонтерство (даже если оно рассматривается как работа на благо общества) — это в первую очередь работа во благо кого-то конкретного или ради решения краткосрочной проблемы. Безусловно, добровольный труд существует и в политических партиях, и в других организациях, ставящих перед собой задачи изменения социальных институтов и решения широкого спектра проблем. Однако в литературе принято отделять волонтерство от таких форм гражданского участия, как, например, политический активизм [Salamon, Anheier 1998; Wilson 2000]. Исследователь волонтерства Джон Уилсон описывает данное различие как два типа коллективного действия, один из которых направлен на «поддержание» (maintenance),

другой — на «изменения» (change). Другими словами, «волонтерство нацелено на людей, активизм — на структуры» [Musick, Wilson 2008]. Эта особенность волонтерства часто делает его мишенью для политической критики, особенно актуальной по отношению к волонтерству в ЧС. Крейг Калхун говорит о гуманитарном вмешательстве и гуманитаризме вообще как об особом способе мышления, этическом ответе на поражение в политической и экономической борьбе против неравенства, «морально безупречном требовании улучшения человеческой жизни здесь и сейчас» [Calhoun 2010: 29].

Однако подобное разделение не всегда принимается как значимое. Ряд исследователей рассматривают волонтерство в первую очередь как особый тип трудовых отношений и включают в понятие волонтерства любую добровольную работу, в том числе и гражданский активизм. Речь идет прежде всего о теории социальных причин (social origins theory, см.: [Salamon, Anheier 1998]) и смежных исследованиях [Hustinx et al. 2010]. Согласно ранним версиям такого подхода, главным критерием является добровольность, именно этот фактор отделяет волонтерство от других типов работы. Как показали исследования самих авторов, такого определения недостаточно для понимания причин волонтерства. Например, высокий уровень участия добровольцев в странах с социал-демократической моделью государства благосостояния относительно стран с либеральной моделью противоречил гипотезе о востребованности волонтерского труда в либеральной модели⁴. Такой подход не дает преимуществ при сравнении различных типов гражданского действия. Однако, как будет показано далее, критерий добровольности играет определяющую роль при сравнении возможностей добровольцев и работников госорганов.

Перейдем к рассмотрению взаимодействия государства и волонтеров. Принято выделять два подхода к рассмотрению граж-

---

⁴ Позднее Лестер Саламон ввел понятие сервисного и экспрессивного волонтерства (service and expressive volunteering). Это позволило отделить волонтерство как добровольное предоставление услуг от гражданского участия, направленного на решение социальных проблем (см.: [Anheier, Salamon 1999; Salamon, Sokolowski 2001]).

данского общества и государства [Chebankova 2012]. В рамках первого гражданского общество рассматривается как прямая оппозиция государству, а возникновение общественных организаций, аффилированных с государственными институтами, — как угроза авторитаризма. Основная идея второго подхода — включение гражданского общества в процесс принятия решений при сохранении автономности и в условиях либеральной демократии и парламентаризма. Крис Ханн, в свою очередь, показал ограниченность и нормативный характер такого разделения: организации гражданского общества даже в условиях авторитарного государства могут сохранять автономию и обладать определенной властью. При этом внутри самих организаций могут работать демократические механизмы принятия решений [Hann, Dunn 2005].

Различные исследования показывают структурирующую роль государства по отношению к гражданскому обществу — и это также делает указанную оппозицию проблематичной. Так, в теории социальных причин третий сектор ставится в прямую зависимость от государственной политики в социальной сфере. При таком подходе типология режимов общественного сектора (*nonprofit sector regime*) основана на режимах государства благосостояния по классификации Эспинг-Андерсена и на размере общественного сектора. В итоге выделенные четыре режима (либеральный, корпоративистский, социал-демократический и этатистский) определяются в первую очередь размером государственных расходов [Salamon, Anheier 1998]. В более поздних исследованиях авторы уточняют, что размер общественного сектора, особенно в этатистском режиме, также зависит от государственного вмешательства, финансирования или ограничений деятельности [Anheier, Salamon 1999; Hustinx et al 2010].

Изменения в государственной политике зачастую ведут к возникновению новых и изменениям глубоко укорененных форм добровольчества. Историк Н. Рааб, в своем исследовании добровольной пожарной службы в Российской империи, показывает, как реформы армии, местного управления и предоставление полномочий местным властям в царской России повлияли на становление добровольной пожарной охраны [Raab 2013]. Исследование пожар-

ных волонтеров в сельских общинах в Японии демонстрирует изменения, произошедшие здесь за последние 50 лет [Haddad 2010]. Добровольная пожарная работа в течение нескольких веков считалась обязательной формой служения местному сообществу для всех молодых мужчин и была главной опорой господствующего политического режима. Одним из ключевых факторов стало предоставление женщинам возможности принимать участие в пожарной службе. Изменился не только состав добровольческих организаций, но и характер и образ их работы — от борьбы с огнем, которую ведет герой-спасатель, к предупреждению пожаров и обучению граждан, осуществляемому муниципальным служащим.

В России государство в лице силовых органов претендует на полный контроль в сфере чрезвычайности, следовательно, определяет, кто еще может быть допущен к ней и на каких основаниях. В зависимости от этих барьеров добровольцы должны соответствовать тем или иным требованиям — подчиняться госорганам, сотрудничать с ними, проходить профессиональную подготовку и т.д. В этом смысле государство структурирует организации гражданского общества, претендующие на участие в ЧС. Впрочем, дело не столько в монополии и контроле, сколько в несопоставимости возможностей государства и волонтеров. Гражданское общество в этом смысле продолжает оставаться ресурсом, тогда как государство, по выражению Ханна, — «безальтернативным воплощением солидарности и безопасности» [Hann, Dunn 2005: 9].

Итак, волонтерство — это особый добровольный тип работы, направленной на благо кого-то конкретного. Волонтерство в ЧС при этом заставляет организации добровольцев приводить свою деятельность в соответствие с жесткими рамками государства. Эти два аспекта — нацеленность на сиюминутные проблемы и встроенность в институты государства — поднимают ряд проблем. Сталкиваясь со структурными ограничениями или, наоборот, расширяя свои возможности в сфере, контролируемой государством, общественные организации могут поднимать более широкие вопросы, связанные с изменением институтов. Зависимость от государственных структур в некоторых аспектах деятельности, в свою очередь, не означает потери автономии и невозможности влиять на эти структуры.

РИСК, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И «БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ»: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЛОНТЕРСТВА В ЧС

Законодательство в сфере спасательной работы требует отдельного анализа, так как деятельность, связанная с ЧС, является наиболее регламентируемой сферой волонтерства. При этом нормативные акты, регулирующие волонтерство, составляют лишь незначительную часть всех документов, составляющих нормативную базу деятельности добровольных спасателей. В своей работе волонтеры в гораздо большей степени ориентируются на законы, регулирующие деятельность профессиональных пожарных и спасателей.

До 2018 г. единственным в России федеральным законодательным актом, регулирующим взаимодействие добровольцев-спасателей и государственных служб, был 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» [Федеральный закон № 100... 2010], принятый в 2010 г. по следам участия добровольцев в тушении лесных пожаров в центральных регионах России. Законопроект регламентирует создание добровольных пожарных обществ и единого реестра добровольных пожарных, а в остальном повторяет основные положения ранее принятого 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных формированиях» [Федеральный закон № 151... 1995]. Помимо этих документов взаимодействие в некоторых регионах регулируется постановлениями подразделений МЧС (см., например: [Положение о волонтерских отрядах... 2012]).

Общественная дискуссия о необходимости законодательного регулирования добровольчества впервые возникла в 2012 г. после стихийной мобилизации волонтеров в зоны ЧС. В течение полугода Совет Федерации представил законопроект «О волонтерстве». Помимо определения понятий «добровольчество» и «волонтерство», законопроект был направлен на создание поименного реестра всех волонтеров. Фактически речь шла о притязании государства на контроль над всей сферой волонтерской работы. СМИ и волонтеры восприняли законопроект как реакцию государства на неспособность контролировать доступ в зону ЧС и организовывать аварийно-спасательные работы [Береснева 2013; Каримова

2013], представители общественной палаты назвали закон «ненужным» (см.: [«Отдельный закон...» 2013]). В итоге законопроект несколько раз отправлялся на доработку и был принят только в мае 2018 г. В итоговой версии документа поименный обязательный реестр добровольцев был заменен на информационную базу о добровольческих организациях, участие в которой не является обязательным [Федеральный закон № 15... 2018].

Поскольку статус волонтерской работы в системе ЧС остается неопределенным, аттестованные добровольные спасатели в основном ориентируются на те законы и постановления, которые регламентируют работу государственных спасательных служб. Обсуждение этих нормативных документов во время различных курсов подготовки спасателей и в беседах с добровольцами позволило выделить несколько ключевых аспектов, которые определяют полномочия и ответственность добровольцев и непосредственно влияют на их работу.

Первый аспект, на который следует обратить внимание, — это то, что закон воспринимается как ограничение *адекватных способов* спасательной работы. Ограничения касаются как доступа в зону ЧС, так и самих способов спасения. Здесь полномочия спасателя ограничены таким образом, что существенная часть действий, которые считаются необходимыми в чрезвычайной ситуации, становятся недоступными. Так, существует законодательно определенный объем первой помощи [Приказ министерства... 2012], которую спасатель имеет право оказать. Если этого объема недостаточно, например, для спасения жизни, необходимо выбирать: или превышать полномочия, или оказать законодательно определенный объем помощи. Вот как описывает эту проблему один из инструкторов ОДС:

Во-первых, доступ в зону ЧС. Он закрыт врачам, причем нарушение для них — это риск. И получается, что человек, допустим, с сильной кровопотерей, да, там, зажатым бетонной плитой, которому нужно делать инфузию, банально восполнение объема крови, соответственно, сделать ему некому, даже если спасатель умеет это делать, юридически он на это не имеет права. И возникает такая правовая коллизия, когда кто-то должен нарушать. <...> Это зона

вашей юридической ответственности, то есть если вы попадаете где-то на улице в ситуацию, вы должны понимать, где вы переступаете грань закона и можете иметь большие проблемы, а где нет.

Таким образом, каждый эпизод работы спасателя, в том числе добровольного спасателя, приобретает для него самого юридическое измерение — необходимость принимать решение не только по поводу этических вопросов и практических действий, но и юридических последствий этих действий. Проблема принятия риска, поднятая в этой цитате, является одной из основных тем в исследованиях спасательной работы. Если в западных исследованиях риск рассматривается как решение подвергнуть свою жизнь непосредственной опасности, участвуя в борьбе с бедствием (см.: [Desmond 2005]), то в нашем случае риск в большей степени воспринимается не как риск для жизни, а как необходимость в суде столкнуться с последствиями неверного решения или превышения полномочий.

Второй момент, на который необходимо обратить внимание, — *работа добровольным спасателем позволяет притязать на объявление чрезвычайности*. Определение, данное в законодательстве, позволяет достаточно широко трактовать ЧС, включая в него все происходящее во времени ситуации, опасные для жизни, здоровья или имущества людей⁵. Наиболее частый тип происшествия в практике ОДС, попадающий под это определение, — это пропажа человека в природной среде.

Штатные аварийно-спасательные службы не стремятся объявить режим чрезвычайной ситуации во всех подобных случаях. Исключения составляют случаи, когда в лесу теряется ребенок или взрослый с маленьким ребенком. Для большинства добровольных

---

⁵ Определение ЧС в 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»: «ЧС — обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [Федеральный закон № 68 1994].

спасателей поиск взрослого человека также будет проходить в «штатном режиме», однако в разговорах спасатели часто говорят о том, что представляют ситуацию как чрезвычайную:

Ну, примерно понятно, что в данном случае у нас не так много чего происходит. <...> Есть землетрясения, наводнения, техногенные аварии, ДТП, пожары, ну и такой миниатюрный вариант, человек, потерявшийся в лесу, мы тоже трактуем это дело как маленькую чрезвычайную ситуацию.

В свете сказанного выше о риске и ответственности в чрезвычайной ситуации, такие притязания кажутся проблематичными: зачем нужна чрезвычайность, если она чревата «большими проблемами»? Власти могут объявить чрезвычайную ситуацию, что позволяет им вводить ограничение на въезд, выезд, действие гражданского законодательства, в общем упразднить юридический порядок [Агамбен 2011] на территории ЧС. Одновременно с этим любое лицо, которое имеет право находиться в чрезвычайной ситуации и может доказать это (например, добровольный спасатель с удостоверением и в форме спасателя), может претендовать на определенный более высокий статус, недоступный в других обстоятельствах. Таким образом, можно предположить, что определение ситуации как чрезвычайной позволяет отделить аттестованного спасателя из ОДС от прочих участников ситуации. Один из волонтеров другой спасательного отряда описал похожую ситуацию:

...попадаешь на любой фестиваль в первые ряды, то есть не за забором стоишь где-то в километре, а прямо вот перед сценой стоишь. Все огорожено, у тебя и достаточно места, чтобы дышать, видишь, что на сцене происходит, у тебя есть бейджик с аккредитацией, то есть... такой, ну... удовлетворение собственных каких-то амбиций (смеется) происходит в этот момент, когда у тебя есть пропуск, и ты можешь пройти туда, куда не могут остальные пройти.

С доступом в зону ЧС связан еще один аспект в законодательстве: доступ обычных граждан (т.е. не аттестованных спасателей, а добровольцев, желающих принять участие в спасработах в зоне ЧС). Чтобы взаимодействовать с МЧС и другими спасательными службами добровольческой организации, в теории необходима го-

сударственная аттестация. При этом и штатные службы, и аттестованные добровольческие организации могут привлекать «активных граждан для содействия в проведении работ. При этом обязанности этих граждан в ЧС практически не регулируются законодательством, 151-ФЗ регламентирует только ответственность государственных служб за безопасность привлеченных граждан. Вот как рассказывает об этом один из координаторов ОДС:

Речь идет о том, что общественные организации обязаны иметь аттестацию, но добровольные граждане — фактически нет. В ФЗ 151 есть лазейка, согласно которой любой активный гражданин может принять участие в ЧС, этим пользуется, например, «ЛА» (другой добровольческий спасательный отряд, не имеющий государственной аттестации). Вообще, именно так это работает, например, в Карелии, там ситуация выглядит следующим образом: при пропаже человека ЦУКС (Центр управления кризисными ситуациями ГУ МЧС) звонит в районную администрацию, а та начинает обзвон охотничьих, спортивных, туристических и патриотических организаций, оповещение граждан...

Лазейка в законе также используется ОДС для того, чтобы в работе могли принять участие новые добровольцы, не аттестованные на спасателей. Фактически, когда ситуация не является чрезвычайной, поисковые работы могут осуществлять любые граждане, ОДС в данном случае апеллирует к законодательству, чтобы включить в работу «своих» добровольцев.

СИСТЕМА СПАСАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖБАМИ

Анализ законодательства, регулирующего чрезвычайные ситуации, в основном интересен для экстраординарных случаев, например масштабных ЧС, к которым привлекаются добровольцы. На уровне повседневной работы взаимодействие регулируется всеми участвующими сторонами с помощью договоренностей и негласных правил. Цель данного раздела — показать, как устроена систе-

ма спасательной работы в российском регионе, какое место в ней занимают добровольцы и как они завоевывают себе это место.

Система предупреждения чрезвычайных ситуаций в Северо-Западном регионе включает в себя несколько организаций, государственных, общественных и частных. Координацию этих организаций (но не руководство ими) осуществляет Центр управления в кризисных ситуациях (ЦУКС), подразделение Главного управления МЧС. Таким образом, МЧС на уровне региона — это, скорее, координирующая структура, хотя под командованием ведомства здесь есть несколько пожарных частей, дежурная смена спасателей на воде и небольшое областное аварийно-спасательное формирование. Все остальные ресурсы распределены между пятью аварийно-спасательными формированиями, находящимися на балансе муниципалитетов, двумя частными отрядами, работающими по контракту с областью, и добровольными спасательными отрядами. Численность всего состава государственных спасательных служб в регионе составляет около 40 человек, тогда как количество добровольцев только в ОДС — около 450 человек.

Несмотря на то что МЧС является координационным центром, в случае резонансного ЧС на месте может работать сразу несколько государственных ведомств и общественных организаций, никак не координируя свою деятельность. Может быть сформирован формально руководящий штаб, который зачастую не находится в зоне ЧС и не имеет представления о происходящем:

Пример самый простой <...> два с половиной или три года назад <...> упал вертолет. <...> Падение вертолета, в общем-то, достаточно серьезная штука, поэтому там, соответственно, сразу куча ведомств, штаб и так далее, «Росавиация», МЧС областной, городской... И параллельно есть вертолетный поисково-спасательный отряд добровольный. <...> Вот они подлетают со своими коллегами вертолетчиками, из авиационной тусовки, авиация общего назначения, они все друг за друга, соответственно, занимаются в таком волонтерском режиме поиском этого упавшего вертолета. И вот это классическая ситуация, когда есть два штаба, в одном штабе сосредоточены все поисковые ресурсы, вертолеты, фактически происходит работа. А второй штаб формальный, в котором представители всех ведомств, и они не знают, что делать.

Это слова одного из инструкторов ОДС. Здесь и в нескольких других эпизодах спасатели выражают скепсис в отношении способности государственных служб координировать работу. Однако чуть позже этот же спасатель говорит о том, что руководящая роль МЧС не подлежит сомнению, так как они — «самые квалифицированные»:

По идее, кто первый встал — того и тапки. Государство более квалифицированно по умолчанию: руководитель аварийной спасательной службы или какого-то подразделения, первого прибывшего на место, автоматически этим руководителем и становится, пока не приезжает какой-то более квалифицированный... представитель государственных служб всяческих.

Итак, руководство или часть руководства в ЧС может осуществлять структура, для которой спасательная работа не является профильной. Статус определяет возможность инициативы, возможность ведения работы согласно собственным представлениям об адекватности применяемой стратегии и способов спасательной работы. Официальный статус государственной службы является залогом согласия остальных участников на то, чтобы именно эта служба осуществляла руководство в чрезвычайной ситуации, даже в том случае, когда для решения задачи не хватает квалификации или технического оснащения. Что касается волонтеров, для них статус зачастую является вопросом не столько инициативы и автономии в ЧС, сколько вообще доступа.

Формально все организации равноправны: никто не может приказывать добровольцам участвовать или отказаться от участия в спасательных работах. Доступ в данном случае определяется тем, воспринимается ли организация как реально полноправный участник, принимают ли ее всерьез. Наличие прав влияет на то, будут ли, например, остальные участники делиться с организацией информацией о текущих заявках. Волонтеры ОДС, у которых нет возможности апеллировать к статусу госслужбы, чаще всего обеспечивают себе это право за счет инициативы, квалификации и навыков. Однако статус здесь также играет существенную роль, и его можно повысить, например, дистанцируясь от статуса добровольца. Так, во время одного из тренингов инструктор не рекомендует новичкам отряда называть себя «волонтерами»:

Пожалуйста, не употребляйте вы слово «волонтеры», когда идет какая-то операция, штаб развернут. Нас как волонтеров не воспринимают. Волонтеры — это те, кто под ногами у них путается. Полиция, когда на карту смотрят, они смотрят — ага, здесь в городе такие-то ищут, здесь мы, здесь Т. (одна из штатных аварийно-спасательных служб) и ОДС, а там — какие-то волонтеры...»

Что касается квалификации и навыков добровольных спасателей, то они важны в двух аспектах. С одной стороны, добровольцы сами организуют обучение спасательной работе по стандартам, заданным МЧС. Обучение включает в себя первую помощь, основы работы с альпинистским снаряжением, психологическую подготовку и основы пожаротушения. Получая профессию спасателя и проходя аттестацию, добровольцы, таким образом, подтверждают свое право участвовать наравне с представителями госслужб. С другой стороны, добровольцы сосредоточиваются на той области спасательных работ, который наиболее актуален для данного региона и открыт для добровольного участия. В этой области они изобретают новые, более сложные и более эффективные способы работы, фактически создают профессию внутри профессии. Для ОДС такая профессионализация является способом занять и удерживать определенное место в общей системе спасательной работы.

Основной тип работ, который выполняет добровольный спасатель ОДС, так или иначе связан с поисково-спасательными работами в природной среде: это либо координация работ по телефону и через онлайн-базу поиска, либо непосредственная работа в лесу. Пострадавшие — обычно грибники, чаще всего пожилые люди, проживающие в деревнях, не пользующиеся смартфонами и средствами навигации. Работы носят сезонный характер (с начала июня по начало ноября). На пике сезона, в сентябре, координатор отряда может принимать до 40 заявок в сутки, всего в сезон теряется около 1000 человек. Летом считается целесообразным вести поиск потерявшегося человека до 14 дней, зимой — до 7 дней.

У разных волонтерских организаций существуют «конкурирующие» методики поисковой работы, и дискуссия по поводу целесообразности той или иной методики постоянно ведется в среде до-

бровольцев, по большей части без участия штатных спасателей. Методика ОДС выглядит следующим образом: руководитель спасработ принимает заявку и при необходимости направляет на место поисковые группы из двух-трех человек. Группы проходят определенный участок леса, работая «на отклик» через определенные интервалы пути, которые зависят от имеющейся информации о пострадавшем — состоянии здоровья, нарушениях слуха, времени нахождения в лесу. Такая работа имеет множество нюансов, вплоть до телесных практик, которые можно постигнуть, только проведя определенное время в профессии лесного поиска. Вот как описывает это один из инструкторов:

Не стоит стажера сразу посылать в буреломы, куда-нибудь в С. (один из наиболее труднопроходимых районов в данном регионе). Если человек еще неопытный, если у него нет навыка, как, например, правильно ставить ногу, ходя по болоту, понятно, что надолго его не хватит...

Во время работы пройденный путь записывается в «трек» на навигаторе. Карта местности и треки — материал для анализа района поиска. Этот способ работы был изначально разработан добровольцами и позже перенят штатными спасателями — вплоть до обмена треками и включения треков штатных спасателей в анализ ОДС. Другим изобретением ОДС, которое взято на вооружение государственными службами, является система локализации человека по данным GPS, передаваемым со смартфона. И наконец, отдельный тип спасательной работы, изобретенной и применяемой добровольцами, — вывод пострадавшего без участия поисковой группы, по телефону. Такую работу осуществляет руководитель спасработ, ориентируя пострадавшего по солнцу, и другим ориентирам. Это наиболее сложный элемент профессии, требующий, по словам одного из руководителей, «длительной подготовки, огромного опыта и интуиции».

В ситуации формального равенства всех участников часто возникает конкуренция по поводу того, кто должен общаться с пострадавшим и вести спасательные работы. В ОДС существует правило, согласно которому эту работу внутри отряда берет на себя руководитель спасательных работ: он общается с пострадавшим,

МЧС и заявителями, тогда как остальные участники поисков имеют право звонить только руководителю. Смысл этого требования в том, чтобы потерявшийся и заявители не получали взаимоисключающих указаний из разных источников. Такой подход — одно из требований, которые ОДС регулярно предъявляет остальным участникам спасательных работ, и штатным, и добровольцам. На общем собрании организации один из руководителей ОДС объясняет проблему следующим образом:

В следующем году нам будет довольно тяжело, так как в этом случилось знаменательное событие: полностью развалилась система приема заявок из ЦУКС. Теперь любой может позвонить и сказать: «Здрасьте, мы группа волонтеров неопределенной численности», и получить от диспетчера все телефоны потерявшегося. Что, естественно, усложняет работу, потому что раньше мы конкурировали за уши пострадавшего только со штатниками, а теперь будем еще с шестью организациями.

Схема работы, предложенная ОДС, когда с конкретной заявкой работает одна организация, в настоящее время перенимается другими участниками спасательных работ, в том числе МЧС. Можно привести в пример и другие способы спасательной работы, которые переходят от добровольных спасателей. Фактически можно говорить о тенденции обратного влияния добровольцев на систему спасательной работы. Волонтеры принимают правила, предложенные государством, в виде законодательного регулирования, профессиональных стандартов МЧС и т.д. При этом, профессионализируясь и участвуя в спасательной работе, добровольцы привносят в нее свои стандарты: систему коммуникации при поиске и считающиеся эффективными практики спасательной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлено описание волонтерской работы в сфере чрезвычайных ситуаций в России на примере регионального добровольного поисково-спасательного отряда ОДС. Волонтерство в сфере ЧС представлено как особый вид гражданского действия, нацеленного на решение кратковременных задач, добровольного,

осуществляемого в рамках взаимодействия с государственными институтами. Представлены примеры того, каким образом законодательство в области спасательной работы может накладывать ограничения на работу добровольных спасателей и предоставлять возможности для повышения собственного статуса. Также описаны основные этапы спасательной работы в различных ситуациях ЧС.

Основное внимание уделено совместным действиям государственных служб и добровольческих отрядов, а также тем правилам и практикам, которые эти два типа организаций перенимают друг у друга. Можно было предвидеть, что добровольцы берут у штатных спасателей общую методику подготовки спасателей и, возможно, организационную структуру. Однако обратное влияние проявляется в гораздо более разнообразных формах: в попытках приведения поисково-спасательной работы к общей схеме координации и оповещения, дисциплине, передаче технологий спасательной работы.

Исследование таких взаимодействий — это изучение становления и воспроизводства института спасательной работы. Помимо МЧС, частично обязанным своим существованием коалиции добровольных организаций, он включает себя других акторов, производящих одни и те же действия в одном поле и по одним правилам. Однако каждый из них привносит что-то свое: организационную культуру, практики, технологии. Выбранный аспект деятельности добровольного спасательного отряда — схематичный способ исследовать этот институт, поместив в общее поле принципиально разные типы организаций — общественные и государственные.

Литература и источники

Аверкиев И., Бендерсон В., Першакова Е. Люди на пожарах. Общественное участие в борьбе с пожарами и их последствиями летом 2010 года: гражданские смыслы и результаты. Пермь, 2010. URL: <http://old.pgpalata.ru/texts/fire.pdf> (дата обращения: 30.11.2018)

Агамбен Д. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа; 2011.

Берсенева А. Волонтеры теряют свободу // Газета.ру. 08.02.2013. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/02/07/4956921.shtml> (дата обращения: 26.11.2018).

Каримова А. Почему волонтерам не нужен закон // Коммерсантъ. 02.09.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2255299> (дата обращения: 26.11.2018).

Куликовский С.С., Мальшева И.С., Мальшев И.Ю. К вопросу о взаимодействии МЧС России с институтами гражданского общества // Пожарная безопасность. Проблемы и перспективы. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский институт ГПС МЧС России, 2017. С. 14–17.

Министерство добровольчества. Волонтеры не понимают, зачем Совет Федерации разработал для них закон // Lenta.ru, 11.01. 2013. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/01/11/volunteer/> (дата обращения: 26.11.2018).

Об утверждении положения о волонтерских отрядах пожарных и спасателей: распоряжение Главного управления МЧС России по Удмуртской республике от 22 сент. 2011 г. № 37 Министерства по делам молодежи Удмуртской республики от 22 сентября 2011 г. № 191. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428639119> (дата обращения 17.11.2018).

Отдельный закон о добровольцах в России не нужен, считают в ОП РФ. РИА Новости, 11.02.2013. URL: https://ria.ru/disabled_position/20130211/922296276.html (дата обращения 26.11.2018)

Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 477н г. Москва «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» // Российская газета. 23 мая 2012 г. № 5788. URL: <https://rg.ru/2012/05/23/pervaya-pomosh-dok.html> (дата обращения: 27.11.2018).

Федеральный закон от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» // Российская газета. 11 мая 2011 г. № 5474. URL: <https://rg.ru/2011/05/11/ohrana-dok.html> (дата обращения: 18.11.2018).

Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного техногенного характера» // Консультант.ру. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 30.11.2018).

Федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» // МЧС России. URL: http://www.mchs.gov.ru/law/Federalnie_zakoni/item/5378563 (дата обращения: 18.11.2018).

Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» // Российская газета. 7 февраля 2018 г. № 7489. URL: <https://rg.ru/2018/02/07/volonteri-dok.html> (дата обращения: 29.11.2018).

Anheier H. K., Salamon L. Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons // *Law and Contemporary Problems*. 1999. № 62 (4). P. 43–65.

Anheier H. Social Origins of Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-Nationally // *Voluntas*. 1998. № 9 (3). P. 213–248.

Brudney J. Volunteers // *International Encyclopedia on Civil society* / Ed. by H. Anheier, S. Toeper. Luxembourg: Springer, 2010. P. 1566–1663.

Calhoun C. The Idea of Emergency: Humanitarian Action and Global Disorder // *Contemporary States of Emergency: The politics of Military and Humanitarian Intervention*. Didier Fassin and Mariella Pandolfi. N.Y.: Zone Books; 2010. P. 29–59.

Chebankova E. State-sponsored civic associations in Russia: systemic integration or the ‘war of position’? // *East European Politics*. 2012. № 28 (4). P. 390–408.

Creswell J.W. Qualitative Inquiry and Research Design. Choosing Among Five Approaches. N.Y.: Sage Publishers, 2007.

Desmond M. Becoming a firefighter // *Ethnography*. 2006. № 7(4). P. 387–421.

Elie M. Late Soviet Responses to Disasters, 1989–1991: A New Approach to Crisis Management or the Acme of Soviet Technocratic Thinking? // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2013. № 40. P. 214–38.

Haddad M. A. From Undemocratic to Democratic Civil Society: Japan’s Volunteer Fire Departments // *The Journal of Asian Studies*. 2010. № 69(1). P. 33–56.

Hann C., Dunn E. Civil Society: Challenging Western Models. L.: Taylor & Francis e-Library, 2005.

Hustinx L., Handy F., Cnaan R.A., Brudney J.L., Pessi A.B., Yamauchi N. Social and Cultural Origins of Motivations to Volunteer: A Comparison of University Students in Six Countries // *International Sociology*. 2010. №25 (3). P. 349–82.

Musick M., Wilson J. Volunteers: A Social Profile. Bloomington: Indiana University Press, 2008.

Raab N.A. Democracy Burning? Urban Fire Departments and the Limits of Civil Society in Late Imperial Russia, 1850–1914. McGill-Queen’s University Press, 2011.

Richardson C., Paine A., Howlett S. Volunteering and Society in the 21st Century, N.Y.: Palgrave, 2013.

Salamon L, Sokolowski W. Volunteering in Cross-National Perspective: Evidence From 24 Countries. Baltimore: The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2001, Report No. 40.

Tilly C., Tilly C. Capitalist Work and Labor Markets // The Handbook of Economic Sociology, ed. Neil J. Smelser and Richard Swedberg. N.Y.: Russell Sage Foundation; Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 283–312.

Usacheva O. Urban Social Movements under Disaster Conditions (the case of Krymsk) // Russian sociology in the period of crisis, critique, and changes. Torino, 2013.

Yin R.K. Case-Study Research. Design and Method. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

VOLUNTARY RESCUERS IN THE EMERGENCY RESPONSE SYSTEM IN RUSSIA: ON THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN CIVIC ORGANIZATIONS AND THE STATE

A. Nevskii

Abstract. *The article examines the phenomenon of volunteering in emergency situations as a special form of civic action, carried out in collaboration with state authorities and aimed at solving short-term problems. The example of a voluntary rescuers' community operating in the North-West region of Russia shows various types of interactions between volunteers and professional rescuers, institutional constraints for volunteer work, and trends in mutual influence between public rescue services and the volunteer community.*

Keywords: *volunteering, civic action, civil society, emergency.*

References

Agamben D. Homo sacer. Chrezvychajnoe polozhenie [Homo Sacer. The State of Emergency]. Moscow: Evropa, 2011. (In Russian)

Anheier H.K., Salamon L. Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons, *Law and Contemporary Problems*, 1999, 62 (4), pp. 43–65.

Anheier H.K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-Nationally, *Voluntas* 1998, 9, (3), pp. 213–248.

Averkiev I., Benderson V., Pershakova E. Lyudi na pozharah. Obshchestvennoe uchastie v bor'be s pozharami i ih posledstviyami letom 2010 goda: grazhdanskie smysly i rezul'taty. [People on fires. Public participation in the fight against fires and their consequences in the summer of 2010: civic meanings and results]. Perm', 2010. URL: <http://old.pgpalata.ru/texts/fire.pdf> (available: 30.11.2018). (In Russian)

Berseneva A. Volontery teryayut svobodu. [Volunteers lose their freedom]. *Gazeta.ru*, 08.02.2013. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/02/07/4956921.shtml> (available: 26.11.2018). (In Russian)

Brudney J. Volunteers, in *International Encyclopedia on Civil society*. Ed. by Anheier H., Toeper S. Luxembourg: Springer, 2010, pp. 1566–1663.

Calhoun C. The Idea of Emergency: Humanitarian Action and Global Disorder. In: *Contemporary States of Emergency: The politics of Military and Humanitarian Intervention*. Didier Fassin and Mariella Pandolfi. New York: Zone Books, 2010, pp. 29–59.

Chebankova E. State-sponsored civic associations in Russia: systemic integration or the ‘war of position’? *East European Politics*, 2012, 28 (4), pp. 390–408.

Creswell J. W. *Qualitative Inquiry and Research Design. Choosing Among Five Approaches*. New York: Sage Publishers, 2007.

Desmond M. Becoming a firefighter. *Ethnography*. 2006, 7(4), pp. 387–421.

Elie M. Late Soviet Responses to Disasters, 1989–1991: A New Approach to Crisis Management or the Acme of Soviet Technocratic Thinking? *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2013, 40, pp. 214–38.

Federal’nyj zakon ot 6 maya 2011 g. N 100-FZ “O dobrovol’noj pozharnoj ohrane” [Federal Law “On Voluntary Fire Service”]. *Rossijskaya Gazeta*. May 11th 2011 g., no. 5474. URL: <https://rg.ru/2011/05/11/ohrana-dok.html> (available: 18.11.2018). (In Russian)

Federal’nyj zakon ot 21 dekabrya 1994 goda № 68-FZ «O zashchite naseleniya i territorij ot chrezvychajnyh situacij prirodno tekhnogennogo haraktera» [Federal Law “On the protection of the population and territories from natural emergencies”]. *Consultant.ru*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (available: 30.11.2018).

Federal’nyj zakon ot 22 avgusta 1995 g. № 151-FZ «Ob avarijno-spasatel’nyh sluzhbah i statuse spasatelej» [Federal Law “On the emergency services and the status of rescuers”]. *Emercom of Russia*. URL: http://www.mchs.gov.ru/law/Federalnie_zakoni/item/5378563 (available: 18.11.2018). (In Russian)

Federal’nyj zakon ot 5 fevralya 2018 g. N 15-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam dobrovol’chestva (volonterstva)» [Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Volunteering”]. *Rossijskaya Gazeta*, February 11th 2018, no. 7489. URL: <https://rg.ru/2018/02/07/volonteri-dok.html> (available: 29.11.2018). (In Russian)

Haddad M. A. From Undemocratic to Democratic Civil Society: Japan’s Volunteer Fire Departments. *The Journal of Asian Studies*, 2010, 69(1), pp. 33–56.

Hann C., Dunn E. *Civil Society: Challenging Western Models*. London: Taylor & Francis e-Library, 2005.

Hustinx L., Handy F., Cnaan R.A., Brudney J.L., Pessi A.B., Yamauchi N. Social and Cultural Origins of Motivations to Volunteer: A Comparison of

University Students in Six Countries. *International Sociology*. 2010, 25(3), pp. 349–82.

Karimova A. Pochemu volonteram ne nuzhen zakon [Why volunteers don't need a law]. *Kommerant*, 02.09.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2255299> (available: 26.11.2018). (In Russian)

Kulikovskij S.S. Malysheva I.S. Malyshev I.YU. K voprosu o vzaimodejstvii MCHS Rossii s institutami grazhdanskogo obshchestva [On the question of the interaction of the Russian Emergencies Ministry with civil society institutions]. *Pozharnaya bezopasnost'. Problemy i perspektivy*. Voronezh, 2017, P. 14–17. (In Russian)

Ministerstvo dobrovol'chestva. Volontery ne ponimayut, zachem Sovet Federacii razrabotal dlya nih zakon [Ministry of volunteering. Volunteers do not understand why the Federation Council developed a law for them]. *Lenta.ru*, 11.01.2013. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/01/11/volunteer/> (available: 26.11.2018). (In Russian)

Musick M., Wilson J. *Volunteers: A Social Profile*. Bloomington: Indiana University Press, 2008.

Ob utverzhenii polozheniya o volonterskih otryadah pozharnyh i spasatelej: rasporyazhenie Glavnogo upravleniya MCHS Rossii po Udmurtskoj respubliki ot 22 sent. 2011 goda № 37 Ministerstva po delam molodezhi Udmurtskoj respubliki ot 22 sentyabrya 2011 g. № 191 [On the approval of the provision on volunteer detachments of firefighters and rescuers: order of the Main Directorate of the EMERCOM of Russia for the Udmurt Republic]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428639119> (available: 17.11.2018). (In Russian)

Otdel'nyj zakon o dobrovol'cah v Rossii ne nuzhen, schitayut v OP RF [A separate law on volunteers in Russia is not needed, according to the RF CP]. *RIA Novosti*, 11.02.2013. URL: https://ria.ru/disabled_position/20130211/922296276.html (available: 26.11.2018). (In Russian)

Prikaz Ministerstva zdravoohraneniya i social'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii ot 4 maya 2012 g. N 477n g. Moscow "Ob utverzhenii perechnya sostoyanij, pri kotoryh okazivaetsya pervaya pomoshch', i perechnya meropriyatij po okazaniyu pervoj pomoshchi" ["On approval of the list of conditions under which first aid is provided, and the list of first aid measures"]. URL: <https://rg.ru/2012/05/23/pervaya-pomosh-dok.html> (available: 27.11.2018). (In Russian)

Raab N.A. *Democracy Burning? Urban Fire Departments and the Limits of Civil Society in Late Imperial Russia, 1850–1914*. McGill-Queen's University Press, 2011.

Richardson C., Paine A., Howlett S. *Volunteering and Society in the 21st Century*. New York: Palgrave, 2013.

Salamon L, Sokolowski W. *Volunteering in Cross-National Perspective: Evidence From 24 Countries*. Baltimore: The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2001, Report No. 40.

Tilly C., Tilly C. Capitalist Work and Labor Markets, in *The Handbook of Economic Sociology*, ed. Neil J. Smelser and Richard Swedberg. New York: Russell Sage Foundation; Princeton: Princeton University Press. 1994, pp. 283–312.

Usacheva O. *Urban Social Movements under Disaster Conditions (the case of Krymsk)*. In: *Russian sociology in the period of crisis, critique, and changes*. Torino 2013.

Yin R.K. *Case-Study Research. Design and Method*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ XVII ВСЕРОССИЙСКОГО
СЕМИНАРА «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ
РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»)**

А.М. Флягин

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.22>

***Аннотация.** Автор делает попытку анализа современных тенденций функционирования и развития социально-политических институтов в России, опираясь на материалы докладов, изложенные на XVII Всероссийском семинаре «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». Исходя из рассмотренных докладчиками тенденций, которые находят свое выражение как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях, автор приходит к выводу, что исследователями до сих пор прослеживается некоторая дисфункциональность существующих институтов власти, проявляющаяся при решении стоящих перед ней вызовов современности. Отмечается высокая степень взаимосвязи интересов государства и крупного бизнеса. Но на региональном и местном уровнях исследователи фиксируют ряд демократических тенденций, что позволяет сделать осторожный вывод о том, что властная вертикаль в России не до конца поглотила все стороны политической жизни страны.*

***Ключевые слова:** властвующая элита, бизнес и политика, институциональные изменения, воспроизводство элит, институциональные порядки, эффективность институтов.*

Социально-политический порядок в сообществе людей всегда во многом зависит от той его части, в руках которой сосредоточено наибольшее количество политических, экономических и символических ресурсов, которую в обществоведческом дискурсе принято называть элитой. Именно эта значимая роль определяет необходимость исследования элиты. Но так как элита неоднородна по своей сути, то корректно говорить о важности и необходимости исследования элит. Отсюда логично вытекает умозаключение о том, что от консолидации и воспроизводства элиты и разделяемых ею ценностей зависит то, насколько взвешенной, организованной, последовательной и эффективной будет политика государства в самых различных сферах, насколько адекватно и слаженно будут функционировать общественные и политические институты. Но не только изучение самих элит может показать связанные с ними институциональные проблемы, но и исследования отдельных институтов могут вскрыть проблемные места в элитах. Данной проблематике были посвящены доклады участников XVII Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», который проходил с 25 по 27 октября в стенах Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН в Санкт-Петербурге. Это уникальное мероприятие, уже ставшее традиционным, собрало более двух десятков исследователей высочайшего уровня из Санкт-Петербурга, Москвы, Перми и Новосибирска, которые делились результатами своих исследований в атмосфере дружеского, но от этого не теряющего высокого академического уровня общения. За три дня участники успели обсудить не только проблемы всех уровней российской власти, но и опыт зарубежных стран. Автор данной работы поставил перед собой цель попытаться выявить актуальные тенденции функционирования и развития социально-политических институтов в России на основании анализа докладов участников семинара.

Автор предлагает собственную логику порядка докладов участников, объединяя их в обобщенные смысловые блоки: теоре-

тические аспекты изучения элит, проблемы и тенденции национального уровня, региональный аспект актуальных тенденций и локальные измерения политических процессов.

Блок теоретического аспекта изучения элит открывает доклад *Гуторова Владимира Александровича (факультет политологии, СПбГУ, Санкт-Петербург) «Элиты и образование: опыт политико-теоретического анализа»*. Докладчик сделал попытку теоретического анализа взаимосвязи образования и политической элиты. Он отмечает, что на современном этапе у исследователей отсутствует высокий интерес к вопросу социального неравенства, воспроизводимого через систему элитного образования. Обращаясь к опыту исследований второй половины XX в., автор показывает различные подходы к взаимосвязи элитного образования и демократии, которые сводятся к двум позициям: 1) демократия и элитное образование несовместимы и 2) элитное образование является необходимым условием развития демократии. Последняя позиция аргументируется тем, что в условиях свободного демократического выбора часть граждан, имеющих желание и возможность получать более высокий уровень образования, порождает предложение образовательных услуг, которые оказываются недоступными большинству, что автоматически возводит его в ранг элитного. Лица, получившие такое образование, имеют более высокую квалификацию и шанс войти в политико-административную элиту и в силу своей высокой квалификации будут более качественно исполнять свои обязанности. Противники данной позиции обращают внимание на то, что подобная система ведет к самовоспроизводству элиты, а это автоматически ограничивает возможность вхождения в нее извне и закрывает каналы вертикальной мобильности для большей части населения. Анализируя современное европейское образование Владимир Александрович обращает внимание на элитарные корни последнего, с чем согласны многие современные исследователи.

Доклад В.А. Гуторова вызвал живой отклик в аудитории и перерос в дискуссию вокруг различных проявлений реформирования российской системы образования. Участники отмечали негативные последствия новых реформ, склоняясь к пессимистичным

прогнозам дальнейшего их развития. Главной целью всей реформаторской деятельности, вопреки декларируемым государством, участники назвали экономию бюджетных средств.

Завершинский Константин Федорович (факультет политологии, СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «*Политическая повседневность российских правящих элит: символические формы и практики репрезентации*» делает попытку показать важность исследования политической повседневности для лучшего понимания процессов и феноменов, наполняющих российскую политическую действительность. Особенно важно это оказывается для легитимации социополитического порядка и в целях контроля за поведением определенных групп и сообщества в целом. В этой системе заметное место должно занимать исследование политических мифов и ритуалов, которые являются необходимым звеном как традиционных, так и современных политических коммуникаций. Актуальной тенденцией современности стало то, что сами символические формы повседневности все более утрачивают традиционную функцию стабилизации и отбора жизненно необходимых «новаций» и начинают выполнять совершенно иные функции. Подобный процесс еще раз подчеркивает необходимость углубленного внимательного изучения рассмотренного феномена.

Доклад *Римского Владимира Львовича (Фонд «Информатика для демократии» (ИНДЕМ), Москва)* «*Значимость архаики в политике и государственном управлении России*» посвящен проблематике несоответствия государственной политики России тем вызовам современности, с которыми она сталкивается. Это несоответствие докладчик называет архаизацией политического пространства. Под ним он понимает возврат к старым институтам и практикам, которые показали свою эффективность в прошлом, для решения проблем и вызовов современности. Ключевые характеристики российского общества: ожидание стабильности и ценность сильного государства, экстенсивный тип развития за счет ренты с освоения ресурсов, наличие у определенных слоев общества ряда привилегий, позволяющих выделить их как сословие, — все это признаки традиционного общества, архаичного по своей сути. В текущей ситуации становится очевидным, что российскому

государству не удастся поддержать стабильность, государство ввиду сложности и комплексности текущих проблем вынужденно часто вмешиваться в привычный ход некоторых процессов, нарушая ту самую стабильность. Старые советские институты государства и социализации граждан были разрушены, а вновь построенные по архаичным образам неадекватны для обеспечения нормального функционирования в современном мире. Реакцией общества на сложившуюся ситуацию является состояние аномии, которое сопровождается снижением институционального и межличностного доверия.

Доклад вызвал бурное обсуждение и живой отклик у аудитории. В частности, А. Е. Чирикова в рамках обсуждения путей решения сложившейся ситуации обратила внимание на представителей бизнеса, которые склонны к нестандартным решениям и оправданному риску и могут стать рычагом, который сможет переломить ситуацию. Н. Ю. Лапина призвала не идеализировать опыт западных стран, так как и они имеют свои недостатки и нерешенные проблемы.

В теоретико-прикладном докладе *Дуки Александра Владимировича (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)*. «Сообщество элит в пространстве скандала (случай генерала Золотова)» на примере конкретного кейса Золотов vs. Навальный рассмотрены особенности скандала как формы взаимодействия в политике. Сам скандал возникает, когда одна из его сторон нарушает важные с точки зрения общества нормы и/или моральные нормы. Скандал всегда является публичным действием и направлен на публичность. Конкретный скандал, развернувшийся вокруг ситуации с Золотовым и Навальным, вскрыл целый ряд проблем российской власти и политического процесса: проблему институционализации политического порядка, организации социального пространства, (само)идентификации участников политического процесса, политической морали, легитимации социально-политического порядка. Так, генерал Золотов показал нестабильное поведение в системе сложившихся институциональных порядков, его интенции опираются не на сложившиеся практики, а на миф «офицерской чести». В ответе на диффамацию На-

важного он не делает различия между своим приватным Я и профессионально-ролевым Я, пытаясь перенести ответ из правового поля во внеправовое, что недопустимо для чиновника столь высокого ранга и нарушает существующий институциональный порядок. На основании вышеизложенного докладчик приходит к выводу, что российское государство до сих пор находится в процессе институционализации и не полностью автономно от значимого влияния элитных групп. Поэтому оно слабо выполняет свои функции по защите себя, своих прерогатив и своих активов.

При обсуждении доклада наиболее заметной стала тема, что именно превращает скандал в политические события, как, например, отставки или проверки.

Соловьев Александр Иванович (факультет государственного управления, МГУ, Москва) в докладе «*Правящая политическая элита современной России: “великий перелом”?*» анализирует кризис российской правящей элиты, которая на фоне затянувшихся реформ показывает свою некомпетентность и стремится лишь к укреплению собственного положения и уже не выполняет функцию публичного представительства. Индикатором этого процесса служит широкое проникновение неформальных сетей в политические институты и процессы принятия политических решений. Результатом служит вырождение дизайна публичных институтов власти и народного представительства. Последствиями могут стать кристаллизация ключевых неформальных узлов принятия решений как неподконтрольных государству и обществу структур, государственная политика превратится в побочный продукт конкурентной борьбы сетей и институтов, изменится принцип перераспределения общественных благ. В заключение автор отметил тенденции к увеличению роли неформальных сетей и доминированию «второго государства», которое подменяет официальные институты, приводит к преобладанию частного интереса над общественным, ужесточению публичного дискурса и жесткости идеологического сопровождения политических кампаний.

В рамках обсуждения доклада А. В. Дука высказал интересную мысль о том, что подобная ситуация может быть описана как рефодализация публичных отношений. Его поддержала Н.Ю. Лапина,

выразив мнение, что порядок эпохи модерна разрушается во всем мире вместе с растворением среднего класса в Европе и Америке, на который он опирался, и его зарождением в Индии и Китае.

Мохов Виктор Павлович (гуманитарный факультет, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь) в докладе «*А. И. Солженицын как элитист*», основываясь на анализе взглядов А. И. Солженицына, изложенных им в ряде его политических работ, приходит к выводу о том, что его можно охарактеризовать как элитиста. Это проявляется в перекликающихся критических взглядах Солженицына на демократию и ее институты с позицией таких авторов, как Р. Михельс, Г. Моска и Н. Бердяев. Он критикует саму систему демократии, институт партий и выборов, но признает необходимость существования организованного правящего меньшинства. Для него основная проблема — это проблема нравственного авторитета власти, на который она опирается. Советская система дискредитировала себя, так как управляется морально развращенными членами КПСС. В качестве альтернативной модели организации государственной власти он предлагает аналогичную советской систему организации власти, которая бы опиралась на лучших людей общества, олицетворяющих «народную совесть», контролирующую деятельность других органов власти, но неподотчетные ни перед кем. Сам проект переустройства России оказался нежизнеспособен, однако идеи «русского мира» нашли свое отражения в идеологии современного национализма.

При обсуждении доклада А. Е. Чирикова выступила с критической позицией, говоря о том, что схожесть идей Солженицына с идеями элитологов не является достаточным критерием для отнесения его к элитистам. В ответ автор заметил, что опирался на суть изложенных идей и они показались ему достаточными для того, чтобы сделать вывод подобного рода. В. А. Гуторов высказал идею о том, что Солженицын был скорее утопическим, нежели классическим элитистом.

Рассмотрение блока докладов, анализирующих проблематику национального уровня, следует начать с ряда работ, касающихся института выборов. *Куприянов Алексей Валерьевич (НИУ ВШЭ,*

Санкт-Петербурге), раскрывая тему «*Большие данные, архивы видеозаписей и электоральные биографии: три предложения по изучению «загадочного русского избирателя»*», говорит о том, что в последние годы в российском научном сообществе, которое занимается изучением электорального поведения российских граждан, развернулась дискуссия между сторонниками гипотезы массовых фальсификаций, с одной стороны, и сторонниками труднопредсказуемого поведения российского избирателя — с другой. Автор доклада поставил своей целью показать возможность применения нескольких взаимодополняющих методов для изучения «загадочного» российского избирателя. Первый метод заключается в анализе больших данных результатов голосования на избирательных участках из регионов со стабильной репутацией честности проведения выборов, публикуемых Центризбиркомом. Второй метод — это анализ видеозаписей с избирательных участков и сравнение полученных данных с официальными. Третий — анализ «электоральных биографий», который был продемонстрирован на примере выборов в Государственную Думу и Президента. Несмотря на ограниченный объем выборки и предварительный характер полученных результатов, автор высказал уверенность в релевантности основных выводов и выявленных закономерностей.

В рамках дискуссии В. В. Сафронов задал вопрос о том, подтверждаются ли полученные выводы статистическими методами, на что А. В. Куприянов ответил утвердительно. Другим вопросом, прозвучавшим от Н. В. Колесник, была роль наблюдателей в избирательном процессе и их влияние на его честность. Докладчик высказал мнение о том, что главная роль наблюдателей заключается в том, чтобы держать избирательные комиссии «в тонусе», не давая им большого пространства для незаконных действий.

Рассмотрение тематики выборов от лица тех, чья деятельность играет важную роль, но чаще всего остается под завесой тени, продолжила Колесник Наталья Владимировна (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «*Политтехнологи в структуре избирательных кампаний российских регионов*». Опираясь на проведенные интервью с действующими как на региональном, так и на федеральном уровне по-

литтехнологами, она пытается выявить основные закономерности и тренды в работе российских политтехнологов. Анализ полученных данных показал, что рынок политтехнологов в России зародился в 1990-е годы и достиг наибольшего расцвета в этот период. Избирательные реформы 2000-х годов и отмена выборов губернаторов резко «схлопнули» региональный сектор этого рынка, сделав его закрытым, и моментально воздвигли высокий барьер вхождения в него. На современном этапе главным заказчиком услуг политтехнологов является государство, что позволяет ему диктовать свои условия. В текущей ситуации общность политтехнологов стремится к самозакрытию, распределение заказов осуществляется через узкий круг лиц, рынок услуг неконкурентный и теневой. Произошла трансформация облика политтехнолога: из «ремесленника», который обладал специфическими знаниями и навыками и мог провести кампанию «от» и «до», политтехнолог превратился в торговца имиджем, который распределяет финансовые потоки между исполнителями и контролирует общий ход процесса.

Среди присутствующих развернулась оживленная дискуссия, которая, продолжая тему предыдущего докладчика, сводилась, во-первых, к сомнениям в возможности честно отдать свой голос, а во-вторых, к деградации рынка политтехнологов как индикатора деградации российской политической системы в целом. Автор доклада высказала мнение, что деградация если и имеет место, но не всеобъемлюща. На региональном уровне есть фигуры, которые выступают за честные выборы и развитие избирательной системы. С такой позицией согласен и автор данной статьи, так как в последнее время на региональном уровне прошел ряд избирательных кампаний губернаторов, в которых победили кандидаты не от партии власти и исход которых не был выгоден федеральному центру, что является косвенным свидетельством того, что не везде в России возможно проведение выборов с заранее известным результатом.

В продолжение тематики выборов *Корниенко Алла Владимировна (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)* выступила с докладом «Предвыборный партийный дискурс в метафорическом измерении». На основе анализа

предвыборных материалов партий, участвовавших в предвыборной гонке за места в Государственной Думе 2016 г., ею была сделана попытка выявить метафорические составляющие предвыборного дискурса. Фокус внимания был ориентирован на три ментальные сферы-мишени: «выборы», «политика», «современная Россия». На основании анализа 745 единиц печатных изданий: газет, листовок и справочных материалов — были сделаны выводы о том, что существующая реальность описывается партиями, скорее, в негативных тонах. Предвыборное взаимодействие в большинстве случаев носит конфликтный характер, отсюда следует негативный окрас дискурса в целом. В проанализированных материалах чаще прослеживается апелляция к эмоционально-чувственному, нежели логико-рациональному.

К. Ф. Завершинский задал вопрос об уникальности негативизма российского предвыборного дискурса в международной перспективе. В ответе А. В. Корниенко указала на то, что предвыборное взаимодействие включает в себе конфликтный характер, что подразумевает наличие негатива в дискурсе вне зависимости от страны. Вопрос лишь в количественном измерении, но для этого необходимы специальные исследования, которые автором пока не проводились.

Переключая фокус внимания с тематики выборов на уровень исполнительной власти рассмотрим доклад *Тева Дениса Борисовича (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) «Члены правительства РФ: особенности карьеры после отставки»*. Докладчик на основании эмпирического анализа биографий членов правительств России с 1991 по 2017 г., кто хотя бы однажды покидал свою должность, показывает основные траектории посткарьеры. Наиболее распространенным и важным местом постправительственной карьеры стали административные структуры федерального уровня, опыт работы в которых имели 55 % отставников, и 23 % от общего числа работало именно в Администрации Президента. Лишь 10 % уходило на региональный уровень, в основном на посты губернаторов. Вторым по значимости каналом рекрутирования стал бизнес, где предыдущая высокопоставленная должность могла выступать трамплином для занятия

высокого положения в бизнес-структурах, а профессиональные навыки и связи, полученные за годы правительственной работы, помогали в решении задач бизнеса. 69 % когда-либо имели опыт работы в бизнесе, хотя переход в него чаще носил косвенный характер. Менее значимым каналом выступают представительные органы власти, в основном Госдума и Совет Федерации и гораздо реже региональные парламенты. Так, 28 % имели опыт постправительственной карьеры в Федеральном Собрании. В заключение автор делает вывод, что уход с должности в правительстве в подавляющем большинстве случаев не ведет к окончанию элитной карьеры. Если значимость новой должности и снижается, то карьера продолжается или возобновляется как в федеральной администрации, представительных органах, так и в бизнесе.

Участники обсуждения высказали пожелания автору иллюстрировать цифры примерами карьер конкретный персонал. В.А. Ачкасов выразил заинтересованность в том, чтобы узнать, сколько именно министров ушло в научную сферу, так как пять из шести бывших министров по делам национальностей после ухода с должности продолжили свою карьеру именно в ней.

Анализ общероссийских тенденций продолжила Барсукова Светлана Юрьевна (НИУ ВШЭ, Москва). Раскрывая тему своего выступления «Динамика неформальных практик взаимоотношений власти и крупного бизнеса: 1990-е, 2000-е и 2010-е», она приходит к выводу, что неформальная часть взаимодействия между государством и основными игроками на российской экономической арене изменялась не только в период перехода от правления Б.Н. Ельцина к В.В. Путину, но и в период нахождения в должности последнего тоже не была статична. Вместе с укреплением вертикали власти и ростом финансовых возможностей государства изменялся и неформальный уровень взаимодействия государства и общества. Автор сделала попытку показать эволюцию этого взаимодействия через трансформацию коррупционных схем. Так, в 1990-е годы основной коррупционной моделью был захват государственной власти с целью извлечения дополнительных материальных выгод. Экономический рост 2000-х годов и начало укрепления государственной вертикали сделали «распил» и «откаты»

основной формой коррупции. Последующие экономические кризисы 2010-х годов резко ужесточили контроль за расходованием бюджетных средств и конкуренцию за них. Государство показало крупному бизнесу, что несогласие может жестоко караться, а лояльность вознаграждается распределением крупных госконтрактов и льгот. Этот период характеризуется как государственно-частное партнерство.

Следующий доклад посвящен зарубежному опыту. *Лапина Наталья Юрьевна (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва)* сформулировала тему своего доклада как «*Время Макрона: кто пришел к власти во Франции?*». Она считает, что с приходом к власти Эмманюэля Макрона во Франции произошла радикальная смена элит, какую страна не видела с 1958 г. Политики, пришедшие во власть в 1980-х и 1990-х, покинули политическую арену почти в полном составе. Парламент обновился на две трети, и в него вошли люди, которые никогда политикой не занимались. Никто из французских политологов и социологов всерьез не верил в победу Макрона. Он сделал головокружительную карьеру, не связанную с какой-либо политической партией. На его примере произошел возврат к типу политической карьеры времен де Голля: элитное образование — работа в престижных частных компаниях — работа в министерстве. Приход к власти Макрона докладчик объясняет усталостью французского общества от традиционных политических партий, их неспособности договориться по ряду значимых вопросов и тяготеющих к центризму. Макрон — один из примеров общеевропейской тенденции нового политического лидерства как одного из проявлений изменения политического пространства.

Обсуждение доклада выстроилось вокруг наличия закономерностей среди политических карьер в европейских странах и уникальности сложившейся ситуации.

Региональный блок открывает *Быстрова Алла Сергеевна (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург)*, которая в рамках своей темы «*Обновление губернаторского корпуса: отставки и выборы 2018 г. (бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей)*» заключает, что процесс изменения

конфигурации региональных элит 2018 г. стал очень примечательным. Произошли отставки ряда губернаторов, продолжившие цепь отставок, начавшуюся ещё в 2017 г. Только семь губернаторов в данном цикле сменились нормальным путем по окончании срока полномочий. Выборы прошли в 26 субъектах, в том числе в 22 посредством прямых выборов. Только четверо глав регионов сумели сохранить свои посты. В четырех регионах потребовалось проведение второго тура. Среди новых лиц в губернаторском корпусе встречаются «карьерные» управленцы, выходцы из силовых структур и депутатского корпуса. Среди них отмечается более открытая благодарность своим покровителям, часто встречается опыт руководства молодежными партийными организациями и все отчетливее видна тенденция к омоложению губернаторского корпуса.

При обсуждении доклада заметное место занял вопрос о преобладании варягов или местных политиков. А. С. Быстрова ответила, что в Сибири доминируют местные акторы, но в целом по новому набору преобладают варяги. Это вызвало новый виток дискуссии о роли варягов в регионах, в которой наиболее интересным предположением было намеренное включение варягов на ключевые руководящие посты в регионах как инструмент разрыва коррупционных связей.

Ачкасов Валерий Алексеевич (Факультет политологии, СПбГУ, Санкт-Петербург) рассмотрел вопрос изменения политической линии власти со сменой руководителя в отдельно взятом регионе. Раскрывая тему своего доклада «*Этнополитика в Санкт-Петербурге: политические практики и институциональные ресурсы управления*», он исходит из того, что Санкт-Петербург — это город с преимущественно механическим ростом населения, путем привлечения трудовых мигрантов. Мигранты представлены не только жителями России, но и гражданами бывших республик СССР. В сложившейся ситуации перед городскими властями остро стоит вопрос о проведении политики культурной адаптации мигрантов, что подтверждают данные независимых социологических опросов, которые показывают большую межэтническую напряженность, чем официальные. Для решения этой проблемы при предыдущем главе города В. Матвиенко при активном участии экс-

пертного сообщества были разработаны, приняты и реализованы довольно взвешенные программы реализации этнической политики «Толерантность-1» и «Толерантность-2». Но со сменой губернатора и его команды произошло изменение этнополитической линии. Была принята новая программа межэтнического регулирования, в рамках обсуждения которой практически полностью было исключено экспертное сообщество. Акцент этой программы смещен на борьбу с преступностью мигрантов и против мигрантов, а также на борьбу с нелегальной миграцией. Основным органом, отвечающим за это направление, стал Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики, который на две трети состоит из бывших сотрудников силовых структур. Комитет получил полномочия составления протоколов о нарушении миграционного законодательства. Меры по культурной адаптации мигрантов подменены мерами по противодействию преступности и культурно-презентационными мероприятиями. Подводя итог, докладчик делает вывод, что новая этнополитика Санкт-Петербурга рассматривает мигрантов в негативном ключе и направлена не на их культурную адаптацию в городское сообщество, а на еще большее отчуждение и автономизацию этнических сообществ от городской культурно-правовой среды.

А.Б. Даугавет задала вопрос о том, существуют ли какие-либо каналы, через которые мигранты могут заявить о притеснениях, нарушении их прав и интересов? В ответ В.А. Ачкасов отметил, что права и интересы мигрантов защищают общественные организации, чья деятельность не всегда одобряется властями. Часто они действуют на свой страх и риск. Сложившаяся практика показывает, что таким организациям проще взаимодействовать с администрацией Ленинградской области, нежели с правительством Санкт-Петербурга.

Следующий доклад молодого исследователя-магистранта, который стал для него дебютом на мероприятии подобного уровня, носил название *«Влияние профессиональных борцов на политические процессы в Республике Северная Осетия — Алания: к постановке проблемы»*. Белоусов Григорий Федорович (факультет политологии, МГУ, Москва) начал с того, что спорт давно попал в поле

зрения исследователей, особенно в фокусе реализации социального капитала профессиональных спортсменов для достижения политических целей. Однако влияние профессиональных спортсменов на политическую жизнь Северного Кавказа остается малоизученным. Автор определяет наиболее значимой группой спортсменов-борцов (в эту группу он включает всех представителей контактных силовых единоборств) как наиболее соответствующую представлениям жителей этого региона об образе мужчины-воина. В условиях жесткого патриархального общества он играет весомую роль. Автор привел данные анализа количества профессиональных спортсменов-борцов среди депутатов Парламента Республики Северная Осетия — Алания IV, V и VI созывов, а также провел контент-анализ более трехсот публикаций этих депутатов в социальной сети Instagram. Результаты показали незначительное присутствие именно этой категории среди депутатов парламента, равно как и низкое разнообразие партийного спектра, который они представляли. В итоге автор заключил, что поставленные цели исследования были достигнуты не в полном объеме и обозначил дальнейшие направления исследования.

В рамках обсуждения доклада А.Е. Чирикова посоветовала докладчику рассмотреть политическую деятельность депутатов-спортсменов как внутри парламента, так и за его пределами. Отметив специфичность Северо-Кавказского региона и его элит, она также посоветовала попытаться выявить связи с криминалитетом и источники их текущего дохода. В.П. Мохов рекомендовал найти ответ на вопрос, самостоятельные ли фигуры спортсменов в парламенте или представляют чьи-либо интересы.

Продолжая тему региональных парламентах, *Даугавет Александра Борисовна* (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Институционализация регионального парламента и дискурс власти» делает попытку проследить корни сложившейся сегодня вертикальной модели власти на федеральном и региональном уровнях через рассмотрение взаимодействия парламента Санкт-Петербурга с исполнительными органами власти в период трансформации российской политической системы конца 1990-х — начала 2000-х годов. На основании

дискурс-анализа интервью с парламентариями, имевшими мандат в парламенте Санкт-Петербурга I и II созывов, автор прослеживает расцвет и постепенный уход от демократических проявлений в работе этих созывов. Первый созыв характеризуется высокой степенью независимости, наличием как кулуарного торга, так и открытых переговоров, что характеризует его как демократический. Во втором созыве эти тенденции постепенно сходят на нет, парламентарии гораздо реже выступают оппозицией воле мэрии, на основании чего автор делает вывод об уходе от демократических процедур и переходе к модели подчинения общей иерархии.

Замыкает блок региональных процессов доклад *Карбаинова Николая Ивановича (Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) «Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления»*. Он начинается с того, что на территории бывшего СССР наблюдается активное переосмысление исторического прошлого. Эта тенденция не обошла стороной и Татарстан, где с начала 1990-х годов элитами активно конструируется идеологема утраченной в 1552 г. государственности. Этот процесс происходит через поддержку Дня памяти взятия Казани, воссоздание мечети Кул-Шариф, широкое освещение этой идеи в СМИ. Докладчик в рамках поиска ответа на вопрос: «Как создаваемая элитой версия татарской истории влияет на исторические представления жителей Татарстана?» — выделяет два взгляда на проблему. Первый носит название «татаризация» и подразделяется на три составляющие: «татаризация сверху» (когда основным продвигающим эту идеологию актором выступает государство), «татаризация снизу» (когда основная роль принадлежит самому татарскому народу) и «встречная татаризация» (когда идеология продвигается и государством, и народом). Второй взгляд на эту проблему получил название «национальных анклавов». Под ним подразумевается, что татаризация как явление носит ограниченный характер как по степени своего влияния, так и по кругу затронутых ею лиц. Два этих взгляда стали гипотезами для эмпирической проверки, опирающейся на 170 экспертных интервью и анкетный опрос (N=1000). Исследование показало, что лишь незначительная часть населения оценивает события 1552 г. как значи-

мые. Например, на вопрос о событиях, вызывающих наибольшую гордость, оборону Казани в 1552 г. выбрали только 8 % казанцев и 8,4 % казанцев-татар. Наибольшую гордость у 31,2 % казанцев и 28,4 % казанцев-татар вызывает победа в Великой Отечественной войне. В качестве наиболее трагичных событий в истории Татарстана падение Казани в 1552 г. выбрали 8,8 % казанцев и 11,6 % казанцев-татар, тогда как Великую Отечественную войну в качестве такового отметили 34,2 % респондентов и 32 % респондентов-татар. Положительно оценили роль Ивана Грозного 36 % казанцев и 34,2 % казанцев-татар. Исходя из полученных данных докладчиком был сделан вывод о «частичной татаризации» и формировании «национальных анклавов» как о наиболее соответствующем действительности взгляде на данную проблему.

В обсуждение доклада В. П. Мохов поинтересовался механизмами трансляции идеологии в массы, на что докладчик указал на учебники региональной истории для средней и высшей школы как на один из основных каналов. Ю. А. Пустовойта интересовала роль ислама в консолидации татарского народа. Н. И. Карбаинов в своем ответе выразил мнение, что ислам важная, но составная часть, которая проявляется в том, что другой важной датой в рамках названной идеологемы считается принятие Волжской Булгарией ислама.

Заключительным блоком стали доклады, посвященные локальному измерению политических процессов. *Панов Пётр Вячеславович (Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь)* выступил с докладом «*Элитные конфликты в условиях конкурсной модели рекрутирования глав муниципалитетов*». Свое выступление он начал с факта: в 2017 г. большинство муниципальных районов и городских округов в Российской Федерации перешли на конкурсную модель выбора главы. Это имело последствия в виде роста значимости законодательных органов МСУ, возрастания значимости персонального фактора и повлияло на облик и характеристики элитных конфликтов. Докладчик на основании собранного эмпирического материала по проведению конкурсов на должности глав муниципалитетов в Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях выделяет два измерения элитных

конфликтов: с точки зрения 1) конфигурации сторон конфликта и 2) стратегий, применяемых сторонами конфликта. По конфигурации сторон конфликты подразделились на конфликты между «правящей» и «оппозиционной» элитными группами (конфликты внутри законодательных органов муниципалитетов); между губернатором и влиятельной локальной элитной группой; между группировками в окружении губернатора с вовлечением локальных элит. По применяемым стратегиям — на компромиссные, силовые, многоходовые комбинации, срыв конкурса. Все типы конфликтов докладчик проиллюстрировал конкретными кейсами. Одним из основных стал вывод о том, что около 10–15 % выборов глав МСУ в Челябинской области проходит по конфликтному пути и попытки региональных властей продвинуть своего кандидата по силовой модели далеко не всегда оказываются успешными, что иллюстрирует необходимость региональной власти договариваться с сильными локальными элитами.

В рамках обсуждения А. В. Дука поднял вопрос о почве для возникновения конфликта, при условии, что в докладе экономическое благосостояние муниципалитетов обозначалось как малозначимое. В ответ П. В. Панов указал на то, что муниципальные образования получают значительный объем средств из регионального бюджета и для маленьких муниципальных образований даже небольшой объем средств может оказаться существенным — это и есть почва для возникновения конфликта.

Предыдущего докладчика дополнила *Чирикова Алла Евгеньевна* (ФНИСЦ РАН, Москва). Раскрывая тему своего доклада «Муниципальная власть: мотивация акторов и паттерны взаимодействия с регионалами», А.Е. Чирикова презентовала результаты исследования методом глубинного интервью с муниципальной элитой, представителями бизнеса и экспертами в пяти малых городах России. Основным, пусть и осторожным, выводом исследования стало то, что кризис 2014 г. привел к увеличению нагрузки на муниципальную власть. Системный характер этого кризиса и ряд нерешенных проблем, которые находятся в сфере ведения федеральной и региональной власти, приводят к эмоциональному выгоранию муниципалов и нерешенности ряда вопросов на муници-

пальном уровне, которые вполне могли бы быть решены. На этой почве возникает ряд паттернов взаимодействия между представителями регионального и муниципального уровня власти: эпизодическое вмешательство, тотальный контроль, взаимное неприятие и ресурсное доминирование. В глазах представителей регионального уровня представители муниципалитетов часто предстают как лица, не выражающие пиетета перед вышестоящим уровнем власти и мало понимающие в том, чем они занимаются. В качестве рекомендаций по преодолению сложившейся ситуации А.Е. Чирикова призывает сменить курс с назначения варягов на назначение местных, укорененных и владеющих обстановкой специалистов и общее омоложение кадров.

«Городские режимы в российских малых городах» рассмотрел Ледяев Валерий Георгиевич (НИУ ВШЭ, Москва). Он представил результаты исследования городских режимов в пяти малых городах России. Режимы были обнаружены только в двух городах. Первый из них — это город Чусовой, в котором сложился симбиотический режим взаимодействия администрации города и руководства градообразующего предприятия Чусовской металлургической завод. Две этих группы нацелены на консолидацию путем заключения и соблюдения взаимовыгодных договоренностей. Другой город, Кунгур, автор характеризует, скорее, как квазирежим, так как в нем к власти пришла довольно консолидированная группа силовиков и прослеживаются признаки режима, но у членов этого режима нет нацеленности на консолидацию с оппонентами и обязанности соблюдать договоренности. Другой важный фактор — после прихода к власти данной группы повестка дня не изменилась. В оставшихся трех городах были те или иные признаки городских режимов, но серьезные факторы, вроде чрезмерной концентрации власти в руках узкого круга лиц, слабость власти и зависимость от внешнего управления или связь с криминалом, не позволили говорить о наличии в них городских режимов. Своим исследованием автор хотел показать возможность изучения городских режимов в России на основе американского опыта исследований подобного рода.

В рамках дискуссии прозвучал ряд вопросов, которые сводились к уместности применения американской теории к исследова-

ниям российской действительности. В.Г. Ледяев отметил, что в рамках анализа вполне можно заимствовать логику проведения исследования и основные выводы в качестве отправных гипотез.

Анализ городских режимов с иного ракурса продолжил *Пустовойт Юрий Александрович (Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск)*. В докладе «*Земля и воля: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах*» автор рассмотрел крупные сибирские города через призму концепции городских политических режимов. На основании количества политических акторов и их отношения к безличным нормам эти города были разделены на города с режимом «контроля» и города с режимом «координации». Режим «контроля» характеризуется персонализацией власти и наличием монополии на власть, а режим «координации» отличается политической конкуренцией и существованием ряда безличных правил политической борьбы. При рассмотрении протестных движений в этих городах докладчик выделил два типа событий, послуживших источником протеста: «земля» — локальные проблемы и «воля» — федеральные проблемы. Результат сравнения активности протестного движения в зависимости от типа городского режима показал, что в более авторитарных режимах протесты носят маргинальный и малочисленный характер, тогда как в более демократических протестные движения сравнительно многочисленнее и лучше организованы, что подкрепляется победами оппозиционных депутатов на различных уровнях. Также большинство протестных акций имели федеральную повестку.

Подводя итог обзору докладов можно сказать, что несмотря на то что авторы занимаются исследованиями в довольно различных областях, на основании их докладов возможно выделить общие тенденции, характерные для различных уровней власти. У автора настоящей статьи сложилось ощущение некоторой пессимистичности, которое улавливалось в оценках действительности и перспектив развития политических процессов и институтов. Но если говорить об актуальных общих закономерностях, то на уровне общетеоретического осмысления прослеживается поиск новых и углубление уже известных знаний о функционировании обще-

ственных институтов, а также поиск новых и переосмысление уже известных методологических подходов к исследованию последних.

На федеральном уровне заметна тенденция к сохранению высшим эшелонам политической элиты своих членов. Доклад Д.Б. Тева наглядно демонстрирует высокую степень замкнутости высшего эшелона политической элиты, что проявляется в сохранении ее членами после ухода с основной должности возможности продолжать свою элитную карьеру за счет перехода на высокопоставленные должности в исполнительной и законодательной ветвях власти. Еще одним трендом выступает тесная связь федеральной элиты с крупным бизнесом (Барсукова, Тев), представители которых получают взаимную выгоду, а сами структуры крупного бизнеса являются значимым каналом постправительственной карьеры для бывших министров, что еще раз подчеркивает их тесную связь.

На уровне регионов и муниципалитетов чаще заметны тренды, тяготеющие к демократии. Несмотря на то что региональный уровень власти в условиях жесткой властной вертикали является проводником идей и трендов, бытующих на федеральном уровне (Даугавет, Ачкасов), последние события, связанные со сменой корпуса губернаторов, показывают то, что центральная администрация не всегда может контролировать ход выборов и результаты голосования могут оказаться непредсказуемыми (Быстрова, Колесник).

Местный уровень власти тоже, пусть и нечасто, показывает, что в отдельно взятых городах могут существовать не авторитарные, а вполне демократические режимы, основанные на необходимости различных игроков договариваться и идти на уступки для обеспечения нормального функционирования институтов местной власти и выработки повестки дня, удовлетворяющей все стороны (Ледяев, Пустовойт). Хотя локальный уровень де-факто оказывается встроенным во властную вертикаль и испытывает все недостатки данной системы (Панов, Чирикова).

В заключение хочется заметить, что, несмотря на общую несогласованность внутри элит (Дука, Чирикова) и частую неэффективность функционирования институтов (Римский, Соловьев) в России, на региональном и местном уровнях прослеживаются

демократические тенденции, пусть и в небольшом количестве. Это дает осторожную надежду на то, что не все формы и проявления демократии в России нивелированы авторитарной вертикалью власти. В перспективе, в случае усиления влияния этих тенденций, это дает возможность либерализации политической системы и возвращения к диалогу власти с обществом для учета интересов и нужд широких масс населения, а не только интересов влиятельных экономических групп.

**ACTUAL PROBLEMS OF FUNCTIONING OF POWER
(BASED ON MATERIALS OF THE XVII ALL-RUSSIAN
SCIENTIFIC SEMINAR “SOCIAL PROBLEMS
OF INSTITUTES OF POWER IN THE CONDITIONS
OF THE RUSSIAN TRANSFORMATION”)**

A. Flyagin

Abstract. *In this article, the author attempt to analyze current trends of functioning and development of Russian social and political institutions relying on the materials of the reports, presented at the XVII All-Russian scientific seminar “Social problems of institutes of power in the conditions of Russian transformation”. Based on the trends, which are described by speakers and which appear at the federal, regional, and the local levels, the author come to the conclusion that there is some dysfunction of Russian power institutions on the challenges faced in modern world. Researchers are marked merging interests of economical and political elites. But some democratic trends on regional and local levels lead to the conclusion that vertically organized system of Russian power didn’t control all democratic freedoms and procedures.*

Keywords: *power elite, business and politics, institutional changes, reproduction of elites, institutional orders, effectiveness of institutions.*

ОЛЕГ БОРИСОВИЧ ПОДВИНЦЕВ

(29 декабря 1962 — 22 апреля 2018)

Олег Борисович Подвинцев — профессор, первый доктор политических наук в Пермском крае, человек, который вел многогранную научную жизнь, занимаясь многими научными темами. Но каждый его исследовательский интерес опирался на добротный теоретический анализ, кропотливое изучение фактов. В нем удачно сочетались разные ипостаси политолога: теоретик, практик-исследователь, политтехнолог, организатор науки. И все они взаимодополняли друг друга, обогащая теоретические выводы, делая более четкими и достоверными результаты конкретных исследований.

О.Б. Подвинцев работал профессором Пермского государственного национального исследовательского университета, с 2003 г. был директором Пермского филиала Института философии и права УрО РАН по исследованию политических институтов и процессов (с 2013 г. — отдел по исследованию политических ин-

ститутов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН).

Сфера научных интересов профессора Подвинцева была очень широкой. Тему, которой О.Б. Подвинцев посвятил докторскую диссертацию — британский консерватизм — он не оставлял никогда. Но исследовательская любознательность и профессиональные амбиции Олега Борисовича мотивировали его отдавать много времени и энергии изучению других тем. В их числе всегда была и современная российская политика.

Особое внимание Олег Борисович уделил изучению электоральных процессов и их влиянию на политические тенденции в России. В рамках теоретических обобщений он сформулировал важный вывод о необходимости выделения в рамках политологии такой субдисциплины, как псефология, в предметное поле которой входят теория выборов, изучение влияния выборов на функционирование политических институтов, исследование электорального поведения и способов воздействия на него, анализ связанных с выборами политических ситуаций и т.д. О.Б. Подвинцев опубликовал большое количество работ, в которых на обширном эмпирическом материале показал влияние электоральных процессов на политическую ситуацию в стране, на формирование и поведение региональных элит.

Российские политические элиты далеко не случайно были одним из направлений его исследований, при этом особое внимание он уделял изучению региональных элит. Решив много лет назад обратиться к изучению именно региональных элит, Олег Борисович выбрал невероятно сложный аспект широкой темы — тот, по которому было проведено не так много исследований, по крайней мере на монографическом уровне и с достаточным уровнем теоретических обобщений. Изучение российских региональных элит на тот период — два десятилетия назад — оставались относительно новым направлением научных изысканий, и для научного сообщества они были актуальны. Происходило накопление нового фактического материала, а сделанные с опорой на него базовые обобщения и выводы приобретали прогностический потенциал, влияя на появление новых идей в методологии, очерчивая границы такого рода исследований.

Работа Олега Борисовича стала значимым вкладом в это направление научного поиска: он проводил прикладное изучение, на базе которого формировал представления о практиках бытования, уровне профессионализма, мотивационном профиле и других аспектах деятельности региональных элит, предлагал непредвзятую картину взаимодействий региональной элиты с элитами в Москве и на местах, активно исследовал российский губернаторский корпус. Как и многие его коллеги, он рефлексировал невозможность наложения теории элит в ее классическом варианте на анализ современных политических процессов в регионах России и размышлял о других теоретических решениях и методологических возможностях.

В последнее десятилетие Олег Борисович, не оставляя исследования региональных элит, дополнил свои научные поиски изучением элит локальных. Тем самым он поставил перед собой еще более сложную и амбициозную задачу: начал работу в рамках нового для отечественной науки направления, которое не имело прочной методологической базы и набора проверенных исследовательских инструментов. Личная заинтересованность и энтузиазм Олега Борисовича сделали очень много для продвижения этого исследовательского направления, привлечения его коллег и экспертов к этим и смежным работам в области изучения локальных элит и локальной политики.

Олег Борисович успешно развивал исследовательскую сферу, которая стала точкой приложения и объединения его усилий по анализу локальных элит, местных выборов и других локальных политических практик и которую в научных дискуссиях он иногда определял как локалистику, таким образом отграничивая ее от регионалистики, подчеркивая ее научную состоятельность и самостоятельность. По инициативе и под руководством Олега Борисовича в рамках пермской политологической школы было организовано изучение локальных политических институтов и процессов, к этой работе присоединились многие его коллеги и благодаря его всесторонней поддержке ученики.

Его подход к изучению региональной и локальной элиты (как, впрочем, и любых других интересных ему тем) никогда не был фор-

мальным или поверхностным: он полагал, что для изучения элит важны и нужны погружение, встроенность, вживание. Олег Борисович с успехом использовал сложные для исследователя методы изучения элит — глубинные интервью и включенное наблюдение. Профессионализм и эмпатия позволяли ему выстраивать общение с главными участниками изучаемых процессов — теми, кто претендовал на власть и получал ее. Профессиональные навыки и большой опыт помогали ему хорошо понимать мотивы и логику действий своих собеседников, реконструировать внутреннюю логику событий.

Олег Борисович был разносторонним человеком, что проявлялось не только в разнообразии его научных интересов, но и в том, какие сферы деятельности он для себя выбирал — и достигал в них профессиональных успехов. Он не только занимался исследовательской, преподавательской и общественной деятельностью, но и работал как политический технолог и практик. Работа «на местах», участие в региональных и местных выборах и других политических кампаниях в качестве менеджера и консультанта открывали ему широкие возможности непосредственного общения с региональными и локальными элитами, включенного наблюдения за их работой и ротацией, что дополнило и разнообразило его профессиональный опыт. Олег Борисович не допускал определения своих исследовательских целей доступностью эмпирического знания, но новые возможности мотивировали его ставить новые исследовательские задачи и помогали решать их. Накопленный опыт, знания и навыки он всегда стремился использовать в научной работе, сохраняя непредвзятость оценок, потому что именно наука была для профессора Подвинцева не только профессией, но и призванием.

*Т.Б. Витковская,
В.П. Мохов*

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ О.Б. ПОДВИНЦЕВА**Монографии**

Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России / Пермский научный центр УрО РАН; Фонд поддержки культурный проектов «Новая коллекция». Под ред. К.В. Киселева, О.Б. Подвинцева, О.А. Рябовой. Пермь, 2016. 200 с.

Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации / под ред. Я.Г. Ашихминой, П.В. Панова, О.Б. Подвинцева. Пермь, 2014. 306 с.

Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О. Б. Подвинцева и Я.Ю. Шашковой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. (Библиотека РАПН). С. 217–258.

Подвинцев О.Б. Псефология: наука о выборах. Пермь, 2008.

Такая разная Россия. Политические процессы и местные сообщества в малых городах / под ред. О.Б. Подвинцева. Пермь, 2007.

Статьи

Ковин В.С., Подвинцев О.Б. Формальные и неформальные партии в Пермском крае // Политическая наука. 2015. № 1. С. 218–239.

Подвинцев О.Б. Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.) // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 171–189.

Витковская Т.Б., Подвинцев О.Б. Институциональный дизайн и модели власти как факторы успеха инкубентов на выборах глав МСУ (по материалам Пермского края, Кировской и Свердловской областей) // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2014. № 1. С. 22–39.

Подвинцев О.Б., Витковская Т.Б., Рябова О.А. Политические проблемы городского развития // Современный город: власть, управление, экономика. Пермь, 2013. С. 20–31.

Подвинцев О.Б. «Партии-курьезы» как индикатор современной политической ситуации в России // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. М., 2012. С. 158–161.

Панов П.В., Подвицнев О.Б. Преемничество как модель воспроизводства власти на постсоветском пространстве // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 263–285.

Боярова А.Б., Кирьянов И.К., Подвицнев О.Б. Институт фактического назначения глав субъектов РФ: обоснование историей и испытание практикой // Власть. 2012. № 7. С. 40–44.

Бердникова Н.С., Подвицнев О.Б. Трансформация моделей управления в крупных российских городах на рубеже 2000–2010-х гг.: Пермь, Екатеринбург, Омск // Социум и власть. 2012. № 2 (34). С. 43–50; № 3. С. 20–24.

Подвицнев О.Б. Разделение должностей по национальному принципу в системах управления российских регионов: о значении современного этапа // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 375–378.

Подвицнев О.Б. «Глиняные ноги» партии власти // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 3. С. 97–105.

Подвицнев О.Б. Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия // Политическая экспертиза. 2009. Т. 5. № 2. С. 56–71.

Подвицнев О.Б. Российское сообщество политтехнологов: состояние профессии, внутреннее самоощущение и внешний имидж // Сообщества как политический феномен / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 78–93.

Ашихмина Я.Г., Панов П.В., Подвицнев О.Б. О критериях оценки выборов // Политические исследования. 2004. № 4. С. 139–146.

Ашихмина Я.Г., Панов П.В., Подвицнев О.Б. Губернаторские выборы как индикатор политических тенденций в регионах-донорах // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 52–76.

Подвицнев О.Б. Псефология как наука о выборах // Полис. Политические исследования. 2005. № 5. С. 142–146.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (val-achkasov@yandex.ru).

Бахтин Георгий Олегович, магистрант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (gebagot79@gmail.com).

Белоусов Григорий Федорович, магистрант факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (gregory_belousov@mail.ru).

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (abc_46@mail.ru).

Витковская Татьяна Борисовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра Уральского отделения РАН (vit.tatiana@gmail.com).

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (gut-50@mail.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (alexander-duka@yandex.ru).

Завершинский Константин Федорович, доктор политических наук, профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (zavershinskiy200@mail.ru).

Карбаинов Николай Иванович, научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (nkarbainov@gmail.com).

Колесник Наталия Владимировна, кандидат социологических наук, ученый секретарь Социологического института РАН, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (n.kolesnik@socinst.ru).

Лапина Наталия Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН (lapina_n@mail.ru).

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов Государственного университета — Высшей школы экономики (valeri_ledyaev@mail.ru).

Мищенко Александр Сергеевич, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (a_mis@rambler.ru).

Мохов Виктор Павлович, доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (mvpperm@gmail.com).

Невский Андрей Владимирович, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (anevskij@yandex.ru).

Пустовойт Юрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com)

Римский Владимир Львович, заведующий отделом социологии Фонда «Информатика для демократии» (ИНДЕМ) (vlrim@yandex.ru).

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории факультета Политологии МГИМО (У) МИД России; заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (alesol@mail.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (denis_tev@mail.ru).

Флягин Артем Михайлович, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (artemflyag@gmail.com).

Фомичев Иван Алексеевич, магистрант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (cool.v-f@yandex.ru).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Сектора исследований личности Института социологии РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (chirikova_a@mail.ru).

CONTRIBUTORS

ACHKASOV, Valeriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Ethno political studies department, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science (val-achkasov@yandex.ru).

BAKHTIN, Georgy, master student of the faculty of Political science, St. Petersburg State University (gebagot79@gmail.com).

BELOUSOV, Grigoriy, master student of the faculty of Political science, Moscow State University (gregory_belousov@mail.ru).

BYSTROVA, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

CHIRIKOVA, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher, Federal State Institution of Science, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (chirikova_a@mail.ru).

DUKA, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg State University, Faculty of Political science (alexander-duka@yandex.ru).

FLYAGIN, Artyom, junior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (artemflyag@gmail.com).

FOMICHEV, Ivan, master student of the faculty of Political science, St. Petersburg State University (cool.v-f@yandex.ru).

GUTOROV, Vladimir, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Russia (gut-50@mail.ru).

KARBAINOV, Nikolay, researcher of the Department of the History of the Russian Sociology, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (nkarbainov@gmail.com).

KOLESNIK, Natalya, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (n.kolesnik@socinst.ru).

LAPINA, Natalia, Dr. of Sc. (Political Sc.), main researcher of the Global Problems department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (lapina_n@mail.ru).

LEDYAEV, Valeriy, PhD, Dr. of Sc. (Political Sc.), Professor of the Department of the Analysis of Social Institutions (Moscow) (valeri_ledyaev@mail.ru).

MISHCHENKO, Aleksandr, senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (a_mis@rambler.ru).

MOHOV, Viktor, Dr. of Sc. (History), Prof., Dean of the Faculty for Humanity, Perm' National Research Polytechnic University (mvpperm@gmail.com).

NEVSKIY, Andrey, junior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (anevskij@yandex.ru).

PUSTOVOIT, Yury, Candidate of Sc. (Political Sc.), Assoc. Prof., Department of Political Science and technology, Siberian Institute of Management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk) (pustovoit1963@gmail.com).

RIMSKIY, Vladimir, Head of the Sociological department of the INDEM (“Information Science for Democracy”) Foundation (vlrim@yandex.ru).

SOLOVYEV, Aleksandr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Political Analysis department, Moscow State University, Faculty of Public administration (Email: alesol@mail.ru).

TEV, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

VITKOVSKAYA, Tatyana, Candidate of Sc. (Political Sc.), research fellow of the Department for the study of political institutions and processes, Perm' Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (vit.tatiana@gmail.com).

ZAVERSHINSKIY, Konstantin, Dr. of Sc. (Political Sc.), Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Russia (zavershinskiy200@mail.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 5

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор Д.В. Ткачук
Компьютерный макет М.В. Банкович

Подписано в печать 18.12.2018.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 36. Уч.-изд. л. 33.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40